

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://bulgakovmikhail.ru/> Приятного чтения!

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков

Виктор Петелин. Кабала святош.
Справедливый сапожник. Великий монарх, видно, королевство-то без доносов существовать не может?
Людвик. Помалкивай, шут, чини башмак. А ты не любишь доносчиков?
Справедливый сапожник. Ну чего же в них любить? Такая сволочь, ваше величество!

М. Булгаков. Кабала святош

1

Наступили трудные времена, которые сразу же «окрестили» годом великого перелома. Ломалось все, ожесточение классовый борьбы было столь же обостренным, как и в годы «военного коммунизма», лишь слова были другими. Ломали и крушили все подряд во имя светлого будущего, которое вот уже рядом, во всяком случае не за горами. Еще в 1978 году мне удалось напечатать письмо Алексея Толстого А. М. Горькому: «Ленинградская цензура зарезала книгу Зощенки (прошедшей в „Звезде“). Впечатление здесь от этого очень тяжелое. Прилагаю при сем письмо Слонимского. Не могли бы вы помочь?» («Алексей Толстой», ЖЗЛ, 1978).

Удары по Михаилу Булгакову нанесли прежде всего...

24 августа 1929 года он пишет Николаю Афанасьевичу Булгакову в Париж: «Теперь сообщаю тебе, мой брат: положение мое неблагоприятно.

Все мои пьесы запрещены к представлению в СССР и беллетристической ни одной строки моей не напечатают. В 1929 году совершилось мое писательское уничтожение. Я сделал последнее усилие и подал Правительству СССР заявление, в котором прошу меня с женой... выпустить за границу на любой срок.

В сердце у меня нет надежды. Был один зловещий признак. Любовь Евгеньевну не выпустили одну, несмотря на то, что я оставался (это было несколько месяцев тому назад).

Вокруг меня уже ползет змейкой темный слух о том, что я обречен во всех смыслах.

В случае, если мое заявление будет отклонено, игру можно считать оконченной, колоду складывать, свечи тушить.

Мне придется сидеть в Москве и не писать, потому что не только писаний моих, но даже фамилии моей равнодушно видеть не могут.

Без всякого малодушия сообщаю тебе, мой брат, что вопрос моей гибели это лишь вопрос срока, если, конечно, не произойдет чуда. Но чудеса случаются редко...»

6 сентября 1929 года Булгаков с горечью писал Н. А. Булгакову: «От тебя нет ответа на то письмо мое, в котором я сообщал тебе о моем положении. Начинаю думать, что ты его не получил. После него мною тебе отправлено письмо, где я просил проверить слух о том, что на французском языке появилась якобы моя запрещенная повесть „Собачье сердце“. Жду известий от тебя».

Как раз в это время в Париже вышла «Белая гвардия», и Михаил Булгаков просит брата получить гонорар у Владимира Львовича Бинштока, четыреста франков нужно передать Ване, а остальные семьсот оставить у себя впредь до его особого распоряжения.

Михаил Булгаков и раньше помогал братьям, конечно, не так много, но столько, сколько разрешали посылать за границу.

28 декабря Булгаков посылает брату письмо, полное тревоги и беспокойства, просит его телеграфировать, здоров ли, просит перевести ему гонорар, который брат получил у Бинштока. Положение Булгакова в России по-прежнему тягостно.

6 января 1930 года Михаил Булгаков снова просит брата не молчать, не ждать

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
ответа от него: «Мое последнее молчание вызвано ухудшением моего положения и связанной с этим невозможностью сообразить, что и как писать.

Сообщаю о себе: все мои литературные произведения погибли, а также и замыслы. Я обречен на молчание и, очень возможно, на полную голодовку. В невероятно трудных условиях во второй половине 1929 я написал пьесу о Мольере. Лучшими специалистами в Москве она была признана самой сильной из моих пяти пьес. Но все данные за то, что ее не пустят на сцену. Мучения с ней продолжаются уже полтора месяца, несмотря на то, что это – Мольер, 17-й век, несмотря на то, что современность в ней я никак не затронул.

Если погибнет эта пьеса, средства спасения у меня нет – я сейчас уже терплю бедствие. Защиты и помощи у меня нет. Совершенно трезво сообщаю: корабль мой тонет, вода идет ко мне на мостик. Нужно мужественно тонуть. Прошу отнестись к моему сообщению внимательно.

Если есть какая-нибудь возможность прислать мой гонорар (банк? чек? я не знаю как?), прошу прислать: у меня нет ни одной копейки. Я надеюсь, конечно, что присылка будет официальной, чтобы не вызвать каких-нибудь неприятностей для нас».

Булгаков просит Николая Афанасьевича тщательно изучить этот вопрос, он вовсе не хочет получить вместо тысячи франков восемьдесят целковых по записке издателя Бинштока.

Пусть Николай сам получит у него и перешлет в Москву. «Стилю моих писем, небрежности их прошу не удивляться – замучился, неработоспособен. Очень трудно», – заканчивает письмо Булгаков.

Письмо отправлено, как свидетельствует пометка на нем, 18 января 1930 года.

Переписка между братьями вроде бы налаживалась. 4 февраля 1930 года М. Булгаков просит брата прислать ему экземпляры романа «Дни Турбиных», под таким названием вышла в Париже «Белая гвардия». Пусть берет деньги из его гонорара на покупку книг, пересылку их и на переписку с ним. Просит также подписаться в бюро вырезок («все, что попадется обо мне») и присылать ему. Сообщает также, что положение его по-прежнему «трудно и страшно».

Вскоре М. А. Булгаков получил от брата сорок долларов, получил, конечно, в рублях, всего семьдесят семь рублей шестьдесят шесть копеек, строго по курсу доллара.

Николай Афанасьевич Булгаков в это время, окончив медицинский факультет университета, начал свою научную карьеру. И Михаил Булгаков заинтересовался публикациями молодого ученого: «Никто из твоих знакомых или родных не отнесется более внимательно, чем я, к каждой строке, сочиненной тобой». Михаил Булгаков гордится братом. И каждый раз, отвечая на вопросы о семье, он говорит о больших способностях Николая Афанасьевича Булгакова. «Одна мысль тяготит меня, – пишет М. А. Булгаков брату 21 февраля 1930 года, – по-видимому, нам никогда не придется в жизни увидеться. Судьба моя была запутана и страшна. Теперь она приводит меня к молчанию, а для писателя это равносильно смерти».

Снова и снова Михаил Булгаков, опасаясь, видимо, что его письма не доходят до брата, рассказывает о своем невыносимом положении, признается, что он «свою писательскую задачу в условиях невероятной трудности старался выполнить, как должно», но теперь его работа «остановлена»: «Я представляю собою сложную (я так полагаю) машину, продукция которой в СССР не нужна Мне это слишком ясно доказывали и доказывают еще и сейчас по поводу моей пьесы о Мольере.

По ночам я мучительно напрягаю голову, выдумывая средства к спасению.

Но ничего не видно. Кому бы, думаю, еще написать заявление».

Если остались у Николая его деньги от гонорара, то пусть от них вышлет посылкой чай, кофе, носки и чулки жене, «ни в коем случае ничего шелкового». М. Булгаков, оказавшись в тяжелом материальном положении, вспоминает о бедствующем брате Иване, просит Николая послать «ему некоторую сумму из моих». И Михаил Булгаков думает о бедствующем брате в то время, когда подходит первый платеж

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
фининспекции, подоходный налог за прошлый год. «Полагаю, что, если какого-нибудь чуда не случится, в квартирке моей маленькой и сырой вдребезги (кстати: я несколько лет болею ревматизмом) не останется ни одного предмета. Барахло меня трогает мало. Ну, стулья, чашки, черт с ними. Боюсь за книги! Библиотека у меня плохая, но все же без книг мне гроб. Когда я работаю, я работаю очень серьезно – надо много читать...» Нет, он вовсе не жалуется или взывает о помощи, об этом он пишет так просто, «для собственного развлечения». Да и вообще он не мастер писать письма: «...бьешься, бьешься, слова не лезут с пера, мысли своей как следует выразить не могу...»

А через несколько дней Булгаков просит не высылать ему посылку, нужно срочно купить и послать в Ленинград медицинские препараты, перечисленные в прилагаемом списке, там человек тяжело болен, ему нужно помочь. В том же письме и Любовь Евгеньевна просит Николая Афанасьевича помочь с препаратами, «случай экстренный и, видимо, тяжкий».

И лишь через долгих пять месяцев Булгаковы получили письмо от Николая Афанасьевича. Конечно, лекарство уже не понадобилось. Но Булгаков в ответном письме от 7 августа 1930 года сообщает Николаю о больших переменах в своей судьбе, о назначении режиссером во МХТ, предупреждает, что в комментариях по этому поводу в зарубежной прессе скорее всего много путаницы, много вымышленного, черпать сведения о нем можно только из его писем, «скудных хотя бы», потому что вокруг его имени бытует много сплетен. «Даже в Москве какие-то сукины сыны распространили слух, что будто бы я получаю по 500 рублей в месяц в каждом театре. Вот уж несколько лет, как в Москве и за границей вокруг моей фамилии сплетают вымыслы. Большею частью злостные».

На самом деле во МХТе он получает 150 рублей в месяц, но их приходится отдавать в счет погашения последней четверти подоходного налога за истекший год. 300 рублей он получает в ТРАМе, Театре рабочей молодежи, куда он поступил приблизительно в то же время, когда и во МХТ. «Но денежные раны, нанесенные мне за прошлый год, так тяжки, так непоправимы, что и 300 трамвских рублей как в пасть валяются на затыкание долгов».

Так что деньги нужны остро, и Михаил Афанасьевич просит Николая перевести ему деньги «ни минуты не медля».

Но что же произошло за эти пять месяцев, что не было переписки между братьями Булгаковыми?

И снова вернемся к началу 1930 года, когда положение М. А. Булгакова казалось невыносимым и безысходным.

2

Правильно говорилось, что историю нельзя ни улучшать, ни ухудшать, нужно трезво оценивать и положительные, и отрицательные ее стороны. И судьба М. Булгакова напоминает нам об этой диалектике.

Приведу еще одно свидетельство Л. Е. Белозерской: «Когда гражданская смерть, т. е. полное изничтожение писателя Булгакова стало невыносимым, он решил обратиться к правительству, вернее к Сталину... По Москве сейчас ходит якобы копия письма М. А. к правительству (впервые опубликовано в «Октябре», № 6, 1987. – В. П.). Спешу оговориться, что это «эссе» на шести страницах не имеет ничего общего с подлинником. Я никак не могу сообразить, кому выгодно пустить в обращение этот опус? Начать с того, что подлинное письмо, во-первых, было коротким. Во-вторых, за границу он не просился. В-третьих, в письме не было никаких выпреженных выражений, никаких философских обобщений. Оно было обращено не к Санта-Клаусу, раздающему рождественские подарки детям... Основная мысль булгаковского письма была очень проста. «Дайте писателю возможность писать. Объявив ему гражданскую смерть, вы толкаете его на самую крайнюю меру»».

Вспомним хронику событий. В 1925 году кончил самоубийством поэт Сергей Есенин. В 1926 году – писатель Андрей Соболев. В апреле 1930 года, когда обращение Булгакова, посланное в конце марта, было уже в руках Сталина, застрелился Владимир Маяковский. Ведь нехорошо получилось бы, если б в том же году наложил

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru на себя руки Михаил Булгаков? Вообще восстановлению истины и прекращению появления подобных «эссе» очень помог бы архив Сталина, который – я уверена – сохранился в полном порядке.

«Письмо», ныне ходящее по рукам (об этом Л. Е. рассказывала мне в 1971 году. – В. П.), это довольно развязная компиляция истины и вымысла, наглядный пример недопустимого смещения исторической правды. Можно ли представить себе, что умный человек, долго обдумывающий свой шаг, обращаясь к «грозному духу», говорит следующее: «Обо мне писали как о „литературном уборщике“, подбирающем объедки после того, как „наблевала дюжина гостей“».

Нужно быть совершенно ненормальным, чтобы процитировать такое в обращении к правительству, а М. А. был вполне нормален, умен и хорошо воспитан...

Однажды, совершенно неожиданно, раздался телефонный звонок. Звонил из Центрального Комитета партии секретарь Сталина Товстуха. К телефону подошла я и позвала М. А., а сама занялась домашними делами. М. А. взял трубку и вскоре так громко и нервно крикнул „Любаша!“, что я бросилась опрометью к телефону (у нас были отводные от аппарата наушники). На проводе был Сталин. Он говорил глуховатым голосом, с явным грузинским акцентом и себя называл в третьем лице: „Сталин получил. Сталин прочел...“ Он предложил Булгакову: „Может быть, вы хотите уехать за границу?..“ Но М. А. предпочел остаться в Союзе. Прямым результатом беседы со Сталиным было назначение М. А. Булгакова на работу в Театр рабочей молодежи, сокращенно ТРАМ. Вскоре после этого у нас на Пироговской появились двое молодых людей: один высокомерный – Федор Кнорре, другой держался лучше – Николай Крючков. ТРАМ не Художественный театр, куда жаждал попасть М. А., но капризничать не приходилось. Трамвайцы уезжали в Крым и пригласили Булгакова с собой. Он поехал».

А теперь предоставим слово второй свидетельнице того времени, Е. С. Булгаковой, в дневнике которой сохранилась запись разговора Булгакова со Сталиным.

Положение М. А. Булгакова к марту 1930 года стало просто-напросто трагическим: литературные выпады против него превратились в политические обвинения. И писатель вынужден был обратиться с письмом в правительство.

Известно (Вопросы литературы 1966. № 9. С. 139), что Сталин, прочитав письмо М. А. Булгакова от 28 марта 1930 года, позвонил ему:

«– Мы ваше письмо получили. Читали с товарищами. Вы будете по нему благоприятный ответ иметь. А может быть, правда, пустить вас за границу? Что, мы вам очень надоели?»

– Я очень много думал в последнее время, может ли русский писатель жить вне Родины, и мне кажется, что не может.

– Вы правы. Я тоже так думаю. Вы где хотите работать? В Художественном театре?

– Да я хотел бы. Но я говорил об этом – мне отказали.

– А вы подайте заявление туда. Мне кажется, что они согласятся».

Этот телефонный звонок вернул Булгакова к творческой жизни. Эта запись телефонного разговора взята из дневника Елены Сергеевны Булгаковой, она записала этот разговор со слов М. А. Булгакова. Она в то время была лишь на правах «тайного друга», но и она утверждала, отвечая на мои расспросы об этом разговоре, что этот телефонный звонок вернул Булгакову надежды на лучшее будущее, а главное, он вновь ощутил в себе силы работать и жить.

Вот несколько его писем из Крыма, куда он поехал вместе с трамваями:

«15 июля 1930 г. Утро. Под Курском.

Ну, Любаня, можешь радоваться. Я уехал! Ты скучаешь без меня, конечно? Кстати из Ленинграда должна быть телеграмма из театра. Телеграфируй мне коротко, что предлагает мне театр. Адрес свой я буду знать, по-видимому, в Севастополе. Душка, зайди к портному. Вскрывавай всю корреспонденцию. Твой. Бурная энергия трамвайцев гоняла их по поезду, и они принесли известие, что в мягком вагоне есть

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru место. В Серпухове я доплатил и перешел. В Серпухове в буфете не было ни одной капли никакой жидкости. Представляете себе трамвцев с гитарой, без подушек, без чайников, без воды, на деревянных лавках? К утру трупики, надо полагать. Я устроил свое хозяйство на верхней полке. С отвращением люблю пейзажем. Солнце. Гуси».

«16 июля 1930 г. Под Симферополем. Утро.

Дорогая Любаня! Здесь яркое солнце. Крым такой же противенький, как и был. Трамвцы бодры как огурчики. На станциях в буфете кой-что попадает, но большую часть пустовато. Бабы к поездам на юге выносят огурцы, вишни, яйца, булки, лук, молоко. Поезд опаздывает. В Харькове видел Оленьку (очень мила, принесла мне папирос), Федю, Комиссарова и Лесли. Вышли к поезду. Целую! Как Бутон?

Пожалуйста, ангел, сходи к Бычкову-портному, чтобы поберег костюм мой. Буду мерить по приезде. Если будет телеграмма из театра в Ленинграде – телеграфируй. М».

«17 июля 1930 г. Крым. Мисхор. Пансионат „Магнолия“.

Дорогая Любинька, устроился хорошо. Погода неописуемо хороша. Я очень жалею, что нет никого из приятелей, все чужие личики (но трамвцы – симпатичны). Питание: частным образом, по-видимому, ни черта нет. По путевкам в пансионате – сносно вполне. Жаль, что не было возможности мне взять тебя (совесть грызет, что я один под солнцем). Сейчас я еду в Ялту на катере, хочу посмотреть, что там. Привет всем. Целую. Мак».

«В скором времени после приезда из Крыма М. А. получил вызов в ЦК партии, – вспоминала Л. Е. Белозерская, – но бумага показалась Булгакову подозрительной. Это оказалось „милой шуткой“ Юрия Олеши. Вообще Москва широко комментировала звонок Сталина. Каждый вносил свою лепту выдумки, что продолжается и по сей день.

Роман с Театром рабочей молодежи так и не состоялся: М. А. направили на работу в Художественный театр, чего он в то время пламенно добивался».

6 августа 1930 года М. Булгаков писал К. С. Станиславскому: «После тяжелой грусти о погибших моих пьесах мне стало легче, когда я – после долгой паузы – и уже в новом качестве переступил порог театра, созданного Вами для славы страны.

Примите, Константин Сергеевич, с ясной душой нового режиссера. Поверьте, он любит Ваш Художественный театр.

Возвращайтесь в Москву и вновь пройдите по сукну, окаймляющему зал».

«Вы не представляете себе, до какой степени я рад Вашему вступлению в наш театр! – писал Станиславский 4 сентября 1930 года М. А. Булгакову. – Мне пришлось поработать с Вами лишь на нескольких репетициях „Турбинных“, и я тогда почувствовал в Вас режиссера (а может быть, и артиста?!).

Мольер и многие другие совмещали эти профессии с литературой!

От всей души приветствую Вас, искренне верю в успех и очень бы хотел поскорее поработать вместе с Вами».

Скорее всего Станиславский уже знал, вспоминая Мольера, что М. Булгаков шел в театр не с «пустыми» руками, к тому времени уже широко было известно, что автор «Дней Турбинных», «Зойкиной квартиры», «Багрового острова» и «Бега» недавно закончил пятую свою пьесу – драму «Кабала святош» («Мольер»), читал ее не только в кругу друзей, но и в Драмсоюзе. И первые же отзывы показали Булгакову, что поставить ее на сцене или опубликовать будет весьма трудно: мало кто не догадывался, что в судьбе Мольера, боровшегося за постановку на сцене «Тартюфа», Булгаков рассказывает и о себе, своих пьесах, только что запрещенных в трех театрах Москвы. Так оно и получилось – в официальных кругах к пьесе отнеслись сдержанно.

Столько вложил Булгаков в нее сил, столько работал над источниками, читал, делал выписки, в неимоверно трудных условиях травли и гонений он с поразительной

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru стойкостью и страстью создавал драму о художнике, которого всячески третировали власть имущие, и прежде всего Король-Солнце, ее читали лучшие специалисты в Москве и признали самой сильной из его пяти пьес, он старался изо всех сил выполнить свою работу «как должно», признавался он брату Николаю, по ночам он мучительно напрягал голову, «выдумывая средства к спасению», но ничего не было видно. Знали о его безвыходном положении все, но никто не был в силах ему помочь. Вот тогда-то Булгаков и обратился с письмом к Советскому правительству, в котором, в частности, говорилось: «Мой литературный портрет закончен, и он же есть политический портрет. Я не могу сказать, какой глубины криминал можно отыскать в нем, но я прошу об одном – за пределами его не искать ничего, он исполнен совершенно добросовестно.. Я прошу о назначении меня лаборантом-режиссером в 1-й Художественный театр – в лучшую школу, возглавляемую мастерами К. С. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко. Если меня не назначат режиссером, я прошу на должность статиста. Если и статистом нельзя – я прошу на должность рабочего сцены. Если же и это невозможно, я прошу Советское правительство поступить со мной, как оно найдет нужным, но как-нибудь поступить...» В этом же письме М. Булгаков признавался, что доведен до крайности последней акцией официальных властей. «Скажу коротко: под двумя строчками казенной бумаги погребены работа в книгохранилище, моя фантазия, пьеса, получившая от квалифицированных специалистов бесчисленные отзывы – блестящая пьеса...» (Октябрь. 1987. № 6).

И вот через несколько месяцев Булгаков переступил порог любимого театра в качестве режиссера с законченной пьесой о Мольере.

В этой драме в центре стоит художник, и мы видим, как он сражается за своего «Тартюфа», видим его черты, его характер, принимаем участие во всех его волнениях, переживаниях, разделяем или не разделяем его мысли и чувства, осуждаем или одобряем его действие и поступки.

Булгаков, работая над пьесой о столь отдаленной эпохе, и не предполагал, что так драматически сложится ее судьба.

3

Михаил Булгаков много раз возвращался в своем творчестве к одной и той же проблеме – проблеме традиционной для русской и мировой литературы – человек и общество, человек и время. Чаще всего в центре своих драм и комедий он ставил крупную человеческую личность, входившую в конфликт со своей средой, с обществом. Герои его драм – Пушкин, Мольер, Дон Кихот, изобретатель Тимофеев – очень разные по своему характеру, по своим привычкам, обычаям, наклонностям, способностям, но их объединяет одно общее человеческое качество – им тесно и неуютно в том обществе, в котором они живут, будь то 17 и 19, будь то вчерашний день России. Все они – революционеры, свергатели старого.. Общество, как обычно, представляет собой нечто застывшее, законсервированное, и большинство людей удовлетворяется такой жизнью: сложились определенные традиции, нормы, правила, законы. И тем, кто хорошо усвоил все эти нормы, кто прекрасно себя чувствует в этом обществе, и в голову не приходит, что может быть другая жизнь, другие мысли и чувства, другая философия жизни. Как на чудаков, сумасшедших смотрят они на тех, кто недоволен таким складом жизни, кто ищет чего-то иного, нового, кто борется, сражается, мечтает о другой жизни...

Булгакова не случайно привлекает фигура Мольера, которому он посвятил драму «Кабала святош» и биографический роман несколько лет спустя. Изучая эпоху Мольера, Булгаков обратил внимание на то, в каком трудном положении оказался художник, человек с резко выраженным индивидуальным и творческим характером.

Чтобы написать хорошие романы или пьесы, достаточно быть на уровне своей эпохи. Только тот, кто опережает свое время, в своем нравственном, социальном развитии возвышается над окружающими, становится бессмертным.

Вся жизнь Мольера – это борьба за свою индивидуальность, за возможность быть самим собой, не подчиняться капризам времени, капризам коронованных особ. Те, кто правил Францией, быстро поняли, какую огромную власть над душами людей может приобрести и действительно со временем приобрел Мольер. Задаривая его чинами, милостью, деньгами, Людовик XIV всеми средствами пытался направить его в

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru определенное русло – на прославление своего царствования. Людовик стремился внушить художнику собственные мысли, лишить самостоятельности, подчинить его себе и своим желанием и прихотям, сделать послушным винтиком в государственной машине. Время и власть порой подчиняют художника, делая его рупором своих идей и деяний, иллюстратором своей эпохи. И эта роль не позволяет ему стать глашатаем нового, неповторимого. Только художник, отстаивающий свое неповторимое «я» в борьбе против банального, шаблонного, трафаретного, останется в сердцах грядущих поколений.

Мольер Булгакова всегда в борьбе, всегда в конфликтах со временем, с людьми, с властями. Но и он как человек своего времени вскоре понял одну простую истину: как нельзя победить землетрясение – его можно только переждать, – так нельзя прямой атакой победить свое время, время абсолютистской власти короля Людовика-Солнце. Во имя «Тартюфа» он угождал Людовику, вводил в свои серьезные пьесы водевильные и балетные эпизоды, в которых принимал участие сам король. Страдания от власти неизбежны, надобно их уменьшить, смягчить... Все средства для этого хороши, лишь бы достигнуть королевского разрешения на постановку пьесы. Так делал не только Мольер. Это удел многих художников прошлого и настоящего.

Булгаков вместе с Мольером остро чувствовал эту несправедливость времени и страдал вместе со своим героем. Ему, как и Мольеру, не раз приходилось переживать временные землетрясения.

Булгаков прямо ставил вопрос о зависимости художника от времени, от монарха, который бесконтрольно правил страной, от его вкусов, пристрастий, просвещенности.

Мольер – далеко не идеальный герой. Тщеславие, горячность, раздражительность, слабоволие, сладострастие – все это черты булгаковского Мольера. И главное – он быстро почувствовал, как «непостоянны сильные мира сего». Отсюда и его совет всем собратьям-комедиантам: «Если ты попал в милость, сразу хватай все, что тебе полагается. Не теряй времени, куй железо, пока горячо, и уходи, не дожидаясь, пока тебя выгонят в шею», – то есть приспособляйся, угодничай, пробивай себе дорогу, где лестью, где посулами. Мольер – сын своего времени. Он прекрасно понял, что без лестных рекомендаций не проникнешь в придворные круги, а без этой поддержки в то время рассчитывать на успех не приходилось. Так что же? Отказаться от самого себя, от игры в театре, от собственных пьес и застыть в своей горделивости и независимости... Нет! Нужно изловчиться и добиться лестных рекомендаций, нужно быть представленным ко двору, а уж потом проявить себя. Значит...

Нет, Булгаков очень далек от мысли представить Мольера победителем в битве с придворными и королем. Победа придет много лет спустя после его смерти. А сейчас Мольер рабски зависим от всего, даже от сплетни, пущенной завистниками. Какие мучения довелось испытать Мольеру, когда разъяренный герцог, узнавший, что он осмеян в одной из комедий сатирика, лицемерно его обнимая, в кровь изодрал ему лицо о драгоценные пуговицы своего кафтана. Но ничего не мог поделать Мольер в ответ на это хамство, ни ударить обидчика, ни вызвать его на дуэль.

Мольер, по Булгакову, полон противоречий. Всю жизнь он пытался «умненько держать себя» с сильными мира сего. В разговоре с Филиппом он вежлив и угодлив. В глазах его – внимательность и настороженность, а все лицо – «в наигранных медовых складках», и «лисья улыбка» не сходит с лица. Мольеру много приходилось кланяться и оболбстительно улыбаться.

Тщеславие не раз подводило Мольера, приводило его к ошибкам, к переоценке собственного таланта. Он был гениальный комический актер и драматург, а почти всю жизнь он пытался доказать, что может многие проблемы «разработать по-серьезному», может создать «героическую комедию». Его «несчастливая страсть играть трагедию» едва не привела его к крушению всех его честолюбивых замыслов – завоевать Париж. Но Мольер Булгакова борется не только с самим собой, преодолевая собственные страсти и противоречия. Главным образом Мольер ведет борьбу с цензурой, запрещавшей его пьесы. Мольер хлопочет, ищет заступников, посылает верноподданническое письмо королю, полное лести и угодливых улыбок.

Но самый верный способ вернуть пьесу на сцену – это внести исправления: «Потому что всякой ящерице понятно, что лучше жить без хвоста, чем вовсе лишиться жизни». И вот «автор под давлением силы прибегает к умышленному искалению

Через всю книгу проходит острая ненависть к монарху и глубокое сочувствие к Мольеру, которому приходится выкручиваться, угождать, подавлять в себе человеческую индивидуальность. Но все это внешнее. А внутренняя суть художника постоянно прорывалась в его неукротимом творческом темпераменте, сказывалась в его гениальных творениях. Он понимал, что власть монарха – зло, но это зло неотвратимо и неизбежно. От монарха все зависят, а что уж говорить о комедианте. И если не приспособишься ко вкусам монарха, то можно потерять и самое главное в жизни – возможность творить: писать и играть на сцене. И в этом была бы настоящая трагедия художника.

Так возникала трагическая судьба Мольера в раздумьях Булгакова. На чем остановиться? Какие эпизоды жизни гениального драматурга выбрать для пьесы? Во всяком случае, жизнь его полна драматизма и противоречий, таких скандалов и гениальных озарений, что в одну пьесу вряд ли уместится... Так возник замысел не только пьесы, но и романа...

Трагическая судьба Мольера особенно остро была обнажена Булгаковым в пьесе «Кабала святош».

О драме «Кабала святош» (Мольер) Станиславский писал: «Пьеса Булгакова – это очень интересно», беспокоясь, не отдаст ли он ее кому-нибудь другому (Станиславский К. Соч., т.8, 1961, с.224). Мольер предстает перед нами в зените своей славы. Позади период творческих исканий, ошибок, житейских неудач. Занавес драмы поднимается в тот момент, когда аплодирует сам король. Зрители устраивают Мольеру неслыханные здесь аплодисменты. Более того, король присутствует на свадьбе Мольера, становится крестным его сына. Мольер пользуется доверием короля, славой, почетом, получает из королевской казны вознаграждение. Но в первой же сцене выясняется, какой ценой достигает Мольер королевского доверия. Он прославляет короля Людовика, утверждает его величие в глазах окружающей толпы придворных, всего французского народа. Мольер за кулисами буйствует, он недоволен тем, что на таком ответственном спектакле упала свеча, он готов растерзать виновных, и тут же появляется на сцене, «идет кошачьей походкой к рампе, как будто подкрадывается, сгибает шею, перьями шляпы метет пол». В этой авторской ремарке – много смысла. Здесь весь характер Мольера, которому приходится ломать себя, дабы защитить свои произведения от нападков придворной толпы. И во всей его игре перед королем раскрывается богатая актерская натура – даже свое природное заикание он использует для того, чтобы передать душевный трепет перед светлейшим государем. Богатство его интонаций, гримас и движений неисчерпаемо, улыбка его легко заражает.

Мольер знает, чем купить короля: верноподданнейшей лестью, самоуничижением. Мольер знает себе цену, а тем не менее признается королю, что он всего лишь комедиант, играет ничтожную роль: «для забавы Парижа околесину часто несущий».

Но, я славен уж тем, что
играл в твоё время,
Людовик! Великий!..
(повышает голос) французский!!
(кричит) король!!!

Мольер талантлив, Мольер гениален. Бутон восхищается им, называет «великим артистом». И вместе с тем Мольер груб, необуздан, но быстро отходчив, справедлив, готов тут же извиниться, увидев, что он действительно не прав. Стыдливо старается загладить свою вину, предлагает свой кафтан за разорванный Бутонов. Он же добродушен, хотя и пытается оставаться строгим, злоба сменяется ворчливостью... Не оставлять же поле брани побежденным, пытается таким способом оставить за собой верх. И весь он в этих эпизодах предстает очень земным, человеческим, многогранным, со многими достоинствами и недостатками. Булгаков взял его в такие моменты жизни, когда он словно бы в халате, когда ему не нужно скрывать себя, свой характер, привычки, страсти, необузданный нрав.

Перед нами словно бы два человека – с личиной униженного раболепием он выпрашивает у короля благосклонности, разрешения играть свои комедии, и совсем другой Мольер появляется у себя в театре, в семье, дома. Здесь он то груб, то нежен, то строг, то добродушен. Его нетрудно обвести вокруг пальца какому-нибудь шарлатану, продемонстрировавшему «самоиграющий» клавесин, но добродушие его

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru сменяется жестокостью, когда нужно устранить преграду на пути к удовлетворению его сердечных увлечений. Таким жестоким он предстает в разговоре с Мадленой, его верной спутницей в течение двадцати лет. Он откровенно груб, циничен, спокойно говорит своей любовнице, что хочет жениться на ее сестре, Арманде. Перед охватившей его страстью все доброе, что сделала для него Мадлена, меркнет, отходит на десятый план. Он хорошо помнит, что именно Мадлена была с ним рядом и много раз выручала его из беды, когда он был безвестным провинциальным актером. Когда он сидел в тюрьме, она приносила ему пищу; ухаживала за ним в течение двадцати лет; была неизменной советчицей во всех его творческих затруднениях. Она на все готова, готова прощать ему любовные увлечения, сама подсказывает, за кем можно приволокнуться, заискивает перед ним, просит, умоляет, обещает ему спокойствие, мир, тишину: «Пойдем домой, ты зажжешь свечи, я приду к тебе... Ты прочитаешь мне третий акт „Тартюфа“. А? (заискивающе). По-моему, это вещь гениальная... А если тебе понадобится посоветоваться, с кем посоветуешься, Мольер? Ведь она девчонка... Ты, знаешь ли, постарел, Жан-Батист, вон у тебя висок седой... Ты любишь грелку. Я тебе все устрою... Вообрази, свеча горит... Камин зажжен, и все будет славно».

И здесь Мольер – сложная и противоречивая натура: видя унижение Мадлены, он досаждает на нее, тоскливо вытирает пот. Ее слова уже не имеют для него значения, он ждет ребенка от Арманды. Ему надоел этот затянувшийся разговор, он томится в ожидании свидания с Армандой, беспокоится, что Мадлена сорвет его, засидевшись в театре. Холодно прощается с ней, чтобы через некоторое время, крадучись, привести сюда Арманду. Мольер грозен, увидев Муаррона, мальчишку, вылезшего из клавирина, и доволен, хохочет, разгадав причину таинственных звуков. Таким он предстает в первом действии этой невеселой пьесы. Мольер через всю драму проходит сложным, противоречивым. Только в королевском дворце он укрощает свой необузданный характер. Недолго был он счастлив с Армандой. Дети его умерли, в том числе и крестник короля. Арманда стала ему изменять. Даже усыновленный им Муаррон, ставший благодаря учителю блестящим актером, и тот пользуется распущенностью Арманды и добивается ее, забыв о чести и совести.

Булгаков дает самые откровенные сцены, и Мольеру, неожиданно пришедшему домой, все становится ясно. В порыве необузданности он избивает Муаррона и выгоняет его из дома. И тут же поддается на уговоры Бутона и Арманды, соглашаясь с ними, что это всего лишь репетиция. Он слышал, как поворачивался ключ, и в то же время готов поверить, что ничего между ними не было, лишь бы восстановить спокойствие в своем доме.

Булгаков взял самый драматический период в жизни Мольера. Он и не догадывается еще, что Арманда не сестра Мадлены, бывшей его любовницы, а ее дочь. Но об этом знает Муаррон, он владеет тайной Мольера и его женитьбы. Он грозит донести на Мольера королю. Но Мольер только рассмеялся, не подозревая, что этот «презренный желторотый лгун», «бесчестный бродяга», «гадина», как он его обзывает в безумном гневе, расскажет архиепископу о подслушанном разговоре Мадлены и Лагранжа, и что эта раскрытая тайна станет началом крушения всей его жизни. Совсем недавно он с холодной жестокостью признавался Мадлене, что разлюбил ее. А сейчас сам оказался в таком же, в сущности, положении: он умоляет Арманду выйти к нему, упрашивает не расстраивать его, ссылаясь на свое больное сердце. Жалкий, больной, несчастный садится у двери на скамеечку: «Потерпи еще немного, я скоро освобожу тебя. Я не хочу умирать в одиночестве». Он цепляется за соломинку, просит ее поклясться, что между ней и Муарроном ничего не было, и когда Арманда выполняет его просьбу, он прощает и Арманду, и Муаррона, уже жалеет его, раскаивается, что ударил его, опасается, что он «от отчаяния начнет шляться по Парижу».

И все это случилось как раз в тот момент, когда над Мольером нависла еще более грозная опасность – немилость короля. Безжалостное перо Мольера задевало не только придворных, разоблачало пороки дворян, мещан, но коснулось своим острием и духовенства, породив злобу и ненависть архиепископа, всего духовенства французского. Он оскорбил религию. А значит, он виновен, он опасен, он сатана, антихрист, безбожник, ядовитый червь, грызущий подножие королевского трона. Против Мольера и его «Тартюфа» поднялся «весь мир верных сынов церкви». С этим Людовик не мог не считаться. Именно Шаррон обещает королю, что «безоблачное и победоносное царствование ваше не омрачено ничем и ничем не будет омрачено, пока вы будете любить Бога»: «Он – там, вы – на земле, и больше нет никого». Людовик не хочет лишаться такой поддержки, он любит религию, Бога, но вместе с тем он понимает, как талантлив «дерзкий актер». Он готов заступиться за религию, но и терять Мольера не хочет: «я попробую исправить его, он может служить к славе

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru царствованию. Но если он совершит еще одну дерзость, я накажу». А Мольеру король отечески внушает, поучает, каким должен быть писатель: «Остро пишете. Но следует знать, что есть темы, которых надо касаться с осторожностью. А в вашем „Тартюфе“ вы были, согласитесь, неосторожны. Духовных лиц надлежит уважать. Я надеюсь, что мой писатель не может быть безбожником... Твердо веря в то, что в дальнейшем ваше творчество пойдет по правильному пути, я вам разрешаю играть в Пале-Рояле вашу пьесу „Тартюф“».

Вся эта сцена свидания с королем полна неожиданных контрастов в душевном состоянии Мольера. Он угодлив, еще издали начинает кланяться королю, застенчиво отказывается от предложенной ему чести сесть при короле и вместе с ним поужинать, в ужасе бледнеет от одной мысли, что такого приглашения во Франции еще никто не удостоивался. Все это порождает в нем беспокойство, смятение, испуг. А когда король разрешает «Тартюфа», Мольер «приходит в странное состояние», самозабвенно кричит «люблю тебя, король», лихорадочно, в волнении оглядывается, ищет архиепископа, чтобы досадить ему своей радостью, победой, торжеством. «Мольер схватывает со стола два канделябра и идет впереди», – он удостоился еще одной великой чести – сегодня он будет стелить постель королю.

Но вскоре королю донесли на Мольера, и Людовик жестоко расправляется с преданным ему драматургом и актером, лишает его своего покровительства, запрещает ему появляться при дворе и играть «Тартюфа», а чтобы труппа не умерла с города, милостиво позволяет играть «смешные комедии, но ничего более». «Вы не только грязный хулиган религии в ваших произведениях, но вы и преступник, вы – безбожник» – этот приговор для Мольера – «хуже плахи». Он обречен на творческую, духовную смерть. Вся жизнь его разбита, Арманда ушла. Мадлена умерла. И у короля он появляется после сердечного припадка, одет неряшливо: «воротник надет криво, парик в беспорядке, лицо свинцовое, руки трясутся, шпага висит криво». Он жалок перед королем, то испуганно, то заискивающе улыбается, несет какой-то безумный бред насчет записки Арманды, оставленных ею колец и платьев, как будто все это может представлять интерес для короля. Мольер здесь предстает бессильным, дряхлым стариком, казалось бы, совсем лишенным сил, собственного достоинства, чести, нравственно и физически разбитым. Но при виде торжествующего Шаррона Мольер «начинает оживать – до этого он лежал грудью на столе. Приподнимается, глаза заблестели: „А, святой отец! Довольны? Это за „Тартюфа“? Понятно мне, почему вы так ополчились за религию. Догадливы вы, мой преподобный. Нет спору. Говорят мне как-то приятели: „Описали бы вы как-нибудь стерву монаха“. Я вас и изобразил. Потому что где же взять лучшую стерву, чем вы?»

Наконец-то Мольер сбрасывает маску раболепствующего комедианта перед сильными мира сего, предстает в своем истинном облике, как грозный и бесстрашный обличитель пороков своего времени. И этот образ сильного человека уже не может снизить комическая сцена с Одноглазым. Гордый, независимый, мужественный Мольер вызывает своего оскорбителя на дуэль. И тут же сникает, беспомощно отмахивается шпагой, прячется за стол, а потом и совсем бросает шпагу, опускается на пол. Во всей этой сцене только малая доля комизма, комическое здесь – только вышняя оболочка действия, вся сцена просто насыщена трагическими переживаниями Мольера, он вроде бы снова несет вздор, что его бросила жена, что бриллиантовые кольца валяются на полу... И вся сцена, с одной стороны, пронизана трагизмом, а с другой, внешней, – комическим непониманием того, что в данный момент происходит, в какую авантюру вовлек его этот «чертов поп», направивший лучшего фехтовальщика Франции на беспомощного и дряхлого старика, никогда не державшего шпагу в руках как оружие. «Прямого убийства» не произошло: в капитане мушкетеров сохранилась мужская честь, представление о рыцарском поединке, когда с безоружным не сражаются.

Булгаков верен самому себе – его Мольер сбрасывает маску только перед финалом. Беспомощный, одинокий, больной, он становится самим собой – добрым, всепрощающим. Злая судьба вошла в его дом и все похитила у него. Остались только два верных друга. Горько и тяжело на душе. Но все та же судьба посылает ему еще одно тяжелое испытание – приходит Муаррон, становится перед ним на колени и просит прощения. Мольер откровенно и мучительно страдает. Ему и так больно, а тут еще схватились Лагранж с Муарроном, дерутся, стреляют, «стрельбой и шумом» могут окончательно добить его. Мольер ласково обращается к Муаррону – виновнику всех его злоключений, горько переживает все случившееся: «У меня необузданный характер, потому я и могу сперва совершить что-нибудь, а потом уже думать об этом. И вот, подумав и умудрившись после того, что случилось, я тебя прощаю и возвращаю в мой дом». Мольер то добр, то грозно пресекает дерзости Лагранжа, то

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru заботлив по отношению к Муаррону, осознавшему вину перед ним, упрекает своего «куманька» – короля за то, что тот хотел направить Муаррона в сыщики. Мучительно вспоминая свою жизнь, Мольер, скинув окончателную маску, которую он всегда носил на своем лице, общаясь с сильными мира сего, бросает обвинительные слова королю, которого всегда прославлял. Тираном называет он Людовика Великого: «Ох, Бутон, я сегодня чуть не умер от страха. Золотой идол, а глаза, веришь ли, изумрудные. Руки у меня покрылись холодным потом. Поплыло все косяком, все боком, и соображаю только одно – что он меня давит! Идол!.. всю жизнь я ему лизал шпоры и думал только одно: не раздави. И вот все-таки раздавил. Тиран!»

И выявляется основной конфликт драмы – между королем и Мольером, между властью и художником. Мольер прекрасно понимает, что дело не в скандальной свадьбе, на которой присутствовал король. Дело – в остром пере, которое беспощадно бичевало придворный мир, лицемерие и ханжество лиц, глупость и непомерные претензии мещанства. Король пытался наставить Мольера на путь истинный, направить его перо на прославление царствования, но из этого мало что получилось. Мольер глубоко страдает, протестует, объясняет причины своего лакейского поведения во дворе. В воображаемом разговоре он упрекает короля: «Извольте... я, быть может, вам мало льстил? Я, быть может, мало ползал?.. Ваше величество, где же вы найдете такого другого блюдолиза, как Мольер?.. Но ведь из-за чего, Бутон? Из-за „Тартюфа“. Из-за этого унижался. Думал найти союзника. Нашел! Не унижайся, Бутон! Ненавижу королевскую тиранию!.. Что же я должен сделать, чтобы доказать, что я червь? Но, ваше величество, я писатель, я мыслю, знаете ли, я протестую»...

Сильным мира сего всегда казалось, что они лучше знают, каким должен быть писатель, какие ему избрать темы, какие ставить вопросы в своих произведениях. Особенно в этом отношении был строг Людовик Великий. Но Мольер – художник, он мыслит, а значит, протестует. Только тот, кто не мыслит, безропотно принимает все в этом обществе, традиции, обычаи, привычки и впитывает их в себя, – не протестует, а принимает жизнь такой, какая она есть. Он всем доволен, все кажется ему нормальным. Но не таков Мольер. И Булгаков великолепно передал трагедию великого художника и мыслителя, столкнувшегося в непреодолимом противоречии с золотым идиолом с изумрудными глазами.

Простым, человеческим предстает перед нами Мольер в заключительных актах. Он хочет посоветоваться с Мадленой, горько упрекает ее за то, что она скрыла от него правду о рождении дочери, вспоминает ее слова, сулившие ему покой, добрый совет, зажженные свечи, тихие беседы у камина... А последняя встреча с трупной пронизана мрачными предчувствиями близкого конца. Он собирается бежать в Англию после последнего спектакля, но на сцене умирает.

Власть имущие раздавили гениального художника.

Булгаков, работая над пьесой о столь отдаленной эпохе, и не предполагал, что так драматически сложится ее судьба.

4

М. Булгаков передал «Кабалу святош» в Художественный театр. И потянулись дни за днем, полные неизвестности относительно ее сценической судьбы. Одни хвалили пьесу, другие осторожно намекали на ее остроту и злободневность, третьи встретили ее в «штыки». Положительный отзыв А. М. Горького снова оказал добрую услугу писателю и литературному движению вообще: «О пьесе М. Булгакова „Мольер“ я могу сказать, что – на мой взгляд – это очень хорошая, искусно сделанная вещь, в которой каждая роль дает исполнителю солидный материал. Автору удалось многое, что еще раз утверждает общее мнение о его талантливости и способности драматурга. Он отлично написал портрет Мольера на склоне его дней, Мольера, уставшего и от неурядиц его личной жизни, и от тяжести славы. Так же хорошо, смело и – я бы сказал – красиво дан Король-Солнце, да и вообще все роли хороши... Отличная пьеса» (Булгаков М. Пьесы. М., 1962. С. 474). Но только осенью 1932 года пьеса была принята к постановке, и, как сообщалось в «Советском искусстве», роль Мольера будут готовить И. Москвин и М. Тарханов.

А пока Булгаков, приступивший к работе в Художественном театре, получил срочную плановую работу: инсценировать и принять участие в постановке «Мертвых душ».

Сначала Булгаков был поражен легкомыслием постановщиков, которые надеялись сразу же по роману «Слепить» какие-то сцены и показать спектакль по «Мертвым душам». Булгаков тут же высказал, что «Мертвые души» инсценировать нельзя, что нужно писать новую пьесу. А раз так, сказали ему, то и напишите то, что нужно для театра. И Булгаков за несколько месяцев написал блистательную комедию. Когда все уже было закончено и театр приступил к репетициям, Булгаков в письме к П. С. Попову 7 мая 1932 года вспоминал: «А как же я-то взялся за это? Я не брался, Павел Сергеевич. Я ни за что не берусь уже давно, так как не распоряжаюсь ни одним моим шагом, а Судьба берет меня за горло. Как только меня назначили в МХТ, я был введен в качестве режиссера-ассистента в „М. Д.“ (старший режиссер Сахновский, Телешова и я). Однако взгляда моего в тетрадку с инсценировкой, написанной приглашенным инсценировщиком, достаточно было, чтобы у меня позеленело в глазах. Я понял, что на пороге еще Театра попал в беду – назначили в несуществующую пьесу. Хорош дебют? Долго тут рассказывать нечего. После долгих мучений выяснилось то, что мне давно известно, а многим, к сожалению неизвестно: для того, чтобы что-то играть, надо это что-то написать. Кратко говоря, писать пришлось мне».

И конечно, фантазия Булгакова заработала. Он изучает творческую историю «Мертвых душ», собирает биографические данные о Гоголе и о времени создания поэмы, читает воспоминания знавших его. Гоголь создает «Мертвые души» в Италии, значит, надо показать Рим, солнце, гитары... Сделаны наброски роли Великого чтеца и Поклонника, созданы сцены Ноздрева с Чичиковым, сцены у Манилова, у Плюшкина... Но стоило Булгакову изложить режиссерский план спектакля, как тут же на худсовете были внесены предложения, которые меняли творческий замысел создателя пьесы, и главное: «Рим мой был уничтожен, – писал он в том же письме П. С. Попову 7 мая 1932 года. – И Рима моего мне безумно жаль!» Потом сократили роль Великого чтеца, потом возникли более серьезные осложнения с постановщиком Сахновским. А главное – заедает безденежье. Л. Е. Белозерская вспоминает, как она попыталась поступить на работу в техническую энциклопедию, но, проработав испытательный месяц, она была уволена: кадры не пропустили ее. Пришлось М. А. Булгакову в конце декабря 1930 года обратиться в дирекцию МХТа с просьбой выдать ему аванс в тысячу рублей: репетиции «Мертвых душ» и вечерняя работа в ТРАМе отнимают у него почти все время и ему приходится выкраивать время для доработки «Мертвых душ»; а чтобы спокойно работать, нужны деньги, в поисках которых ему приходится отрываться от пьесы и каждый день ходить по городу. Из этого же письма узнаем, что Булгаков «выбил из сил». Видимо, М. Булгаков не скрывал своего переутомления и какой-то тяжелой душевной неустойчивости. Он начинает вновь «роман о дьяволе», который был уничтожен в порыве отчаяния, но после первых же набросков понимает, что эту, может, главную вещь его жизни ему сейчас не осилить. Из письма В. В. Вересаева, написанного 12 августа 1931 года, становится ясно, что Булгаков тяжело болен, что у него «все смято в душе».

К этому времени, август 1931 года, Булгаков завершает работу над пьесой «Адам и Ева». И к счастью, находятся люди, которые идут навстречу творческим замыслам Булгакова: почти одновременно Красный театр в Ленинграде и Театр Вахтангова в Москве заключают с ним договор на пьесу о будущей войне.

Серьезный и глубокий замысел этой фантастической пьесы раскрывается в двух эпиграфах, взятых из разных произведений: «Участь смельчаков, считавших, что газа бояться нечего, всегда была одинакова – смерть!» («Боевые газы»); «...и не буду больше поражать всего живущего, как я сделал. Впредь во все дни Земли сеяние и жатва не прекратятся...».

Из неизвестной книги, найденной Маркизовым.

Начало действия не предвещает ничего мрачного. Инженер Адам Красовский и Ева Войкевич полны радостных ожиданий от жизни, они только что поженились, собираются на Зеленый мыс, а из репродуктора несется прекрасная музыка Бизе: из Мариинского передавали «Фауста». Адам любит Еву, а Ева любит Адама. Что может быть прекраснее? Разбил стакан – ничего страшного! Стакан он купит! Ах, сейчас нет стаканов? Будут в конце пятилетки! Не нужно паники, все образуется. Адам – из тех оптимистов, которые готовы горы свернуть для блага своего отечества, готовы к любым жертвам во имя утверждения идей коммунизма.

События разворачиваются неожиданно и ярко, появляются новые действующие лица: академик Ефросимов, летчик Дараган, литератор Пончик-Непобеда, Захар Маркизов, человек неопределенных занятий.

Ева настолько обаятельна и красива, что все жильцы квартиры влюблены в нее. «Всю квартиру завлекли!» – бросает Аня упрек Еве.

Но все это мелкое, бытовое отходит на второй план, как только при странных обстоятельствах появляется сначала академик Ефросимов, а вслед за ним на подоконнике оказывается и Маркизов.

Входит и Пончик. Так все будущие персонажи оказываются в одной комнате в тот момент, когда Ефросимов «фотографирует» молодоженов из своего аппарата, с которым не расстанется.

«Из аппарата бьет ослепительный луч» – так снова, как и в «Роковых яйцах», возникает луч – луч, способный приостановить разрушительное действие на все живое газов. Если облучить живую клетку этим лучом, она будет жить. Этот аппарат изобрел академик Ефросимов, но свое изобретение он держит в тайне.

Творческий замысел пьесы раскрывается в диалоге между Ефросимовым и Адамом. Ефросимов два месяца просидел в своей лаборатории, работая над своим изобретением, потому-то он несколько странен, путает элементарные вещи, с трудом вспоминает свою фамилию, адрес, где живет... Но мысль его приобретает трезвость и глубину, как только речь заходит о будущей войне. Адам тоже считает, что война неизбежна, потому что «капиталистический мир напоен ненавистью к социализму». Да, соглашается с этим Ефросимов, но ведь и социалистический мир напоен ненавистью к капиталистическому. Война будет потому, что изо дня в день все газеты призывают к ненависти; убийство человека, по тем или иным соображениям, становится заурядным, обычным явлением и никого не возмущает и никого не устрашает. И у нас, в Союзе, девушки ходят с ружьем и поют: «Винтовочка, бей, бей, бей... буржуев не жалеи!» И это всякий день. Накопилось столько идеологической нетерпимости, что война может вспыхнуть каждый день, война страшная, разрушительная, беспощадная ко всему живому – война химическая. Адам несколько озадачен рассуждениями академика, который с одинаковым чувством неприятия относится к любым идеям, ведущим к войне. Адам пытается внушить ему, что не всякая война – плохо: «Будет страшный взрыв, но это последний очищающий взрыв, потому что на стороне СССР – великая идея». Ефросимов возражает: «Очень возможно, что это великая идея, но дело в том, что в мире есть люди с другой идеей, и идея их заключается в том, чтобы вас с вашей идеей уничтожить».

Мир избыточно переполнен ненавистью, идеологической нетерпимостью: «Под котлом пламя, по воде ходят пузырьки, какой же, какой слепец будет думать, что она не закипит?»

Вот и он думал, что вода под котлом закипит и разразится война, он даже заранее знал, что может разразиться химическая война, самая разрушительная и убийственная. И два месяца просидел в лаборатории, чтобы найти средство против такой войны, и он нашел его. Но кому вручить это средство? Владелец этого открытия сразу становится сильнее, будет диктовать свою волю, навязывать свои идеи. Дараган и Адам легко решают этот вопрос – изобретение должно принадлежать Реввоенсовету Республики. А для Ефросимова – «это мучительнейший вопрос»: «Я полагаю, чтобы спасти человечество от беды, нужно сдать изобретение всем странам сразу». Конечно, Дарагану, смотрящему на мировые события с точки зрения командира истребительной эскадрильи, кажется, что академик заблуждается, ему непонятно, как можно отдать капиталистическим странам изобретение исключительной военной важности. Адам же просто показывает Дарагану, что Ефросимов не в своем уме, что, дескать, с него спрашивать... Но если посмотреть на ситуацию с сегодняшней точки зрения или с точки зрения художника, способного на десятилетия смотреть вперед, как Булгаков, то получится, что не такой уж вздор несет академик, предлагая оружие исключительной силы сразу всем странам мира – это даст возможность всем странам мира сдерживать агрессию неприятеля.

Ефросимов предвидит, что и социалистическое общество, которое строят в СССР, не может служить идеалом для всего человечества; ему страшно при мысли, что он живет в обществе, где дети идут спокойно вешать собаку. Он часто вспоминает свою собаку, которую он выкупил у этих ребят за 12 рублей. Собака погибла в войне, и он одинок. Враги изобрели «солнечный газ», а он, академик Ефросимов, изобрел аппарат, который спасает от газа. Облученным его лучом уже не страшен этот солнечный газ. Вот почему остаются в живых лишь те, кто испытал благотворное действие луча Ефросимова – сам Ефросимов, Ева, Адам, Пончик-Непобеда, Маркизов и

Гибнет во всемирной войне Ленинград, два миллиона человек. Ефросимов не успел предотвратить эту катастрофу. За эту катастрофу нужно отомстить. И Дараган отдает приказ – развинчивать бонбоньерки и кидать смертельный груз на врагов, развязавших войну. Дараган мечтает победить, а Ефросимов против всякой победы, он уничтожил бомбы с газом – «черные крестики из лаборатории». Дараган мечтает показать силу Республики, он надеется на изобретение Ефросимова, а оказывается, это изобретение бессильно в наступательных целях. Значит, Ефросимов – пацифист, «чужой человек», значит, его нужно расстрелять. И Дараган вытаскивает пистолет. Но вся колония протестует: «Маркизов бьет костылем по револьверу и вцепляется в Дарагана. Адам и Дараган хотят судить изменника, их чувства оскорблены поступками академика. „При столкновении в безумии люди задушили друг друга, а этот человек, – Ефросимов указывает на Дарагана, – пылающий мстостью, хочет еще на одну единицу уменьшить население земли. Может быть, кто-нибудь объяснит ему, что это нелепо?..“»

Дараган и Адам – фанатики, они свято верят в то, что в СССР построено светлое здание нового общества трудящихся, что «страна трудящихся несет освобождение всему человечеству», нужно разбить всех супротивников этого общества и силой навязать всему миру замечательный, прекрасный строй. «И вот когда Дараган, человек, отдавший все, что у него есть, на служение единственной правде, которая существует на свете, – нашей правде! – летит, чтобы биться с опасной гадиной, изменник, анархист, неграмотный политический мечтатель предательски уничтожает оружие защиты, которому нет цены! Да этому нет меры! Нет меры! Нет! Это высшая мера!» А Дараган называет Ефросимова просто: «враг-фашист». Нет, говорит Ефросимов, «гнев темнит вам зрение. Я в равной мере равнодушен и к коммунизму и к фашизму».

Катастрофа, которая разразилась в Ленинграде, поставила оставшихся в живых в исключительное положение. И люди поняли, что не нужно лгать, нужно быть самим собой. И с них постепенно сползла та мишура, которой они прикрывали свою истинную суть. Пончик ругает себя за то, что написал «подхалимский роман», что писал в «Безбожнике»; Ева поняла, что она любит Ефросимова, Маркизов обещает исправиться и не хулиганить...

Но первые же чтения пьесы показали Булгакову, что постановка ее в театре вряд ли осуществима. Л. Е. Белозерская рассказывает, что вахтанговцы на читку пьесы пригласили начальника Военно-Воздушных Сил Алксниса, который в пьесе усмотрел пораженческие настроения: по ходу действия погибает Ленинград. А значит, пьесу ставить нельзя. Снова – в какой уж раз! – такое огрубленное и примитивное прочтение драматического произведения помешало осуществить его постановку.

«Адам и Ева» опубликована в 1987 году в «Дружбе народов». Эта пьеса сейчас актуальна и злободневна. Обладание ядерным оружием ведущими странами мира не является ли сдерживающей силой в попытках развязывания ядерных войн? Ведь профессор Ефросимов мечтал всем странам подарить свой аппарат, который бы обеспечивал безопасность человечества от всеобщей химической войны, которая и привела к мировой катастрофе. А если б этот аппарат был у всех стран?

Не поняли Булгакова и в Ленинграде: читка пьесы в Красном театре тоже показала, что поставить ее невозможно в существующих условиях. И всякая борьба за нее с инстанциями тоже показалась бесперспективной. Единственной надеждой по-прежнему оставалась «Кабала святош», за разрешение которой начал борьбу А. М. Горький.

А пока Булгакову пришлось принять предложение Ленинградского Драматического театра инсценировать роман Льва Толстого «Война и мир», и уже в сентябре 1931 года Булгаков делает первые наброски сцен, тем более что МХТ тоже склонялся поставить «инсценированный роман Л. Н. Толстого в четырех действиях». «Если только у Вас есть желание включить „Войну и мир“ в план работ Художественного театра, – писал Булгаков Станиславскому 30 августа 1931 года, – я был бы бесконечно рад предоставить ее Вам».

Наконец-то борьба за «Кабалу святош» завершилась вроде бы успешно. Главрепертком разрешил пьесу к постановке, конечно, нужно было кое-что поправить, но без особых потерь пьеса была принята к постановке МХТом. Конечно, об этом сразу стало известно широким кругам литературной и театральной общественности.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
26 октября 1931 года М. Булгаков сообщает П. С. Попову, что «Мольер» мой получил литеру «Б» (разрешение на повсеместное исполнение). По всему чувствуется, что настроение его значительно улучшилось, появился вновь юмор, хотя жизнь по-прежнему не балует его: «На днях вплотную придется приниматься за гениального деда Анны Ильиничны (внучка Л. Н. Толстого – жена П. С. Попова, см. об этом „О, мед воспоминаний“ Л. Е. Белозерской, которые цитировались здесь. – В. П.). Вообще дел сверх головы, а ничего не успеваешь, и по пустякам разбиваешься, и переписка запущена позорно. Переутомление, проклятые житейские заботы!

Собираюсь вчера уехать в Ленинград, пользуясь паузой во МХТ, но получил открытку, в коей мне предлагается явиться в Военный Комиссариат. Полагаю, что это переосвидетельствование. Надо полагать, что придется сидеть, как я уже сидел весной, в одном белье и отвечать комиссии на вопросы, не имеющие никакого отношения ни к Мольеру, ни к парикам, ни к шпагам, испытывать чувство тяжелой тоски. О, Праведный Боже, до чего же я не нужен ни в каких комиссариатах. Надеюсь, впрочем, что станет ясно, что я мыслим только на сцене, и дадут мне чистую и отпустят вместе с моим больным телом и душой на покаяние!» (Театр. 1981. № 5. С. 90).

Денежные дела, кажется, у Булгаковых поправились, потому что в этом же письме П. С. Попову Михаил Афанасьевич пишет: «Если у Вас худо с финансами, я прошу Вас телеграфировать мне».

В начале 1932 года произошло событие, которое сыграло свою роль в судьбе Булгакова. «Было время, – вспоминал Л. М. Леонидов, один из старейших актеров МХТ, репетировавший в „Мертвых душах“ роль Плюшкина, – когда перестраховщики запретили спектакль „Дни Турбиных“. На одном из спектаклей, на котором присутствовал товарищ Сталин, руководители театра спросили его – действительно ли нельзя играть сейчас „Турбиных“?

– А почему же нельзя играть? – сказал товарищ Сталин. – Я не вижу ничего плохого в том, что у вас идут „Дни Турбиных“» (Советское искусство. 1939. 21 дек.).

В это время ЦК партии работал над постановлением, которое было опубликовано 23 апреля 1932 года и называлось – «О перестройке литературно-художественных организаций», и естественно предположить, что в свете этого постановления изменилось и отношение к «Дням Турбиных», во всяком случае в постановлении говорилось, что «за последние годы на основе значительных успехов социалистического строительства достигнут большой как количественный, так и качественный рост литературы и искусства». В ЦК партии заметили, что рапповские организации могут превратиться «из средства наибольшей мобилизации советских писателей и художников вокруг задач социалистического строительства в средство культивирования кружковой замкнутости, отрыва от политических задач современности и от значительных групп писателей и художников, сочувствующих социалистическому строительству». Этим постановлением были ликвидированы ассоциации пролетарских писателей и созданы условия для объединения всех писателей в единый союз «с коммунистической фракцией в нем».

Дальнейшие события после слов Сталина о «Днях Турбиных» изложены в письмах М. А. Булгакова все тому же П. С. Попову. Здесь рассказано и об обстоятельствах возобновления спектакля, и о настроении самого автора, и об осторожности руководителей театра, которые все еще не верили в прочность «Дней Турбиных» в своем репертуаре.

5

Сложные чувства испытывает в это время Булгаков. Вроде бы радость посетила его душу – «возвращена часть его жизни», но разве у него только эта пьеса? В конце февраля 1932 года Булгаков «свалил с плеч инсценировку „Войны и мира“, отослал в Ленинград, но в середине марта из Большого Драматического театра он получил письмо, в котором дирекция извещала об отказе ставить „Кабалу святош“ и о расторжении с ним договора. И сразу же тревога возникла за постановку этой пьесы во МХТе – вдруг и здесь запретят? Неустойчивость положения, тяжелая душевная угнетенность все время не дают ему покоя... Снова мучает его бессонница, часами лежит он в постели, беседует сам с собой, признается в письме Павлу Сергеевичу, что совсем недавно один близкий человек предсказал ему, что когда он будет

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru умирать, то никто не придет к нему, кроме Черного Монаха: „Представьте, какое совпадение. Еще до этого предсказания засел у меня в голове этот рассказ. И страшновато как-то все-таки, если уж никто не придет. Но что же поделаешь, сложилась жизнь моя так“.

Эти строки он написал 14 апреля, а на следующий день Булгаков снова берется за перо, чувствуя, что в Ленинграде писем ждет его настоящий друг, который давно поверил в его литературный дар, просит со всей откровенностью писать о своем самочувствии, обо всех обстоятельствах его драматической жизни, переполненной скупыми радостями и обильными невзгодами. И дело не только в литературных невзгодах, возобновлениях и запретах его пьес. Личная жизнь Булгакова давно уже дала трещину, которая с каждым днем становилась все шире и шире, а найти в себе мужества и расстаться с прелестной и очаровательной Любовью Евгеньевной у него не хватало сил. Да и он не знал, как отнестись к его зреющему предложению Елена Сергеевна Шиловская: ведь у нее – муж и двое сыновей, младший совсем крохотный. И от этого он устал, чувствует, что надо подводить итоги, пора, признается он Павлу Сергеевичу, нужно принять все окончательные решения, но не решается, а пока проверяет свою прошедшую жизнь и вспоминает, кто же был его настоящим другом. Булгаков признается, что одним из таких друзей стал в последние годы тот, кому он пишет столь подробные и откровенные письма, – П. С. Попов. Видимо, что-то помешало Булгакову признаться в том, что у него есть еще один настоящий друг – Елена Сергеевна Шиловская, три года тому назад вошедшая в его жизнь.

„В 29–30 гг. с М. А. поехали как-то в гости к его старым знакомым, мужу и жене Моисеенко (жили они в доме Нирензее в Гнездиновском переулке), – вспоминала Л. Е. Белозерская. – За столом сидела хорошо причесанная интересная дама – Елена Сергеевна Нюрнберг, по мужу Шиловская.

Она вскоре стала моей приятельницей и начала запросто и часто бывать у нас в доме.

Так на нашей семейной орбите появилась эта женщина, ставшая впоследствии третьей женой М. А. Булгакова...“

Порой Булгакову казалось, что судьба не будет благосклонна к нему и не соединит его с Еленой Сергеевной. Правда, они встречались, она кое-что ему перепечатывала, кое-что он диктовал ей, и есть рукописи, в которых четко обозначены три руки: его самого, Любови Евгеньевны и Елены Сергеевны. Но он все еще надеялся, что судьба хотя бы в этом отношении смилостивится к нему.

И 21 апреля, вновь сядя за письмо П. С. Попову, он сетует на жизнь: „Что за наказание! Шесть дней пишется письмо! Дьявол какой-то меня заколдовал“.

Начались репетиции „Мольера“, так стала называться „Кабала святош“, начал работать над биографией знаменитого комедиографа для серии „Жизнь замечательных людей“, основанной Горьким. И 4 августа 1932 года сообщает П. С. Попову, что как только Жан-Батист Поклен де Мольер несколько отпустит его душу и он получит возможность соображать, так с „жадностью“ он станет писать ему письма, а сейчас – „Биография – 10 листов – да еще в жару – да еще в Москве!“

Но не только биография Мольера отвлекала его от писем Попову. Личные отношения с двумя замечательными женщинами настолько запутались, что необходимо было что-то делать, необходимы были решительные меры. И действительно, в конце августа М. А. Булгаков извещает Евгения Александровича Шиловского о том, что он и Елена Сергеевна давно любят друг друга и решили соединить свои судьбы. В сентябре они написали о своем решении родителям Елены Сергеевны в Ригу. А 4 октября 1932 года Булгаков и Е. С. Шиловская зарегистрировали свой брак. В конце октября Елена Сергеевна вместе с младшим сыном Сергеем переехала к М. А. Булгакову на Б. Пироговскую.

И вот я часто думаю – почему это произошло: ведь с Любовью Евгеньевной Белозерской-Булгаковой у него были все время прекрасные отношения, ей он посвятил любимое произведение – „Белую гвардию“, был так нежен в письмах, так много взял из ее рассказов для „Бега“, она переводила с французского книги для „Мольера“...

Почему же это произошло? Со временем, когда выяснятся многие обстоятельства личной жизни всех трех участников этого события, в биографии знаменитого

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
писателя высветятся причины семейной драмы Булгаковых и Шиловских.

Елена Сергеевна после переезда на Большую Пироговскую целиком живет жизнью Михаила Афанасьевича, разделяя с ним скупые радости и большие неудачи житейского и творческого характера.

С этого времени Булгаков полностью окупился в события трехсотлетней давности, факт за фактом воссоздавая обстоятельства жизни и творчества Мольера. Он уже многое из источников прочитал, сделаны были выписки из книг; несколько лет тому назад, когда он работал над пьесой „Кабала святош“, Любовь Евгеньевна перевела с французского биографию Мольера, как оказались кстати те яркие детали, которыми были насыщены французские биографии; истые французы, они так внимательны к описаниям туалетов, обычаев, нравов. Как нужны ему сейчас эти детали при описании туалетов Арманды и других действующих лиц, без которых невозможно представить себе самого Мольера. Работа шла успешно, материал изучен, а некоторые события из жизни Мольера чем-то существенным совпадали с некоторыми обстоятельствами собственной жизни.

В марте 1933 года рукопись была сдана в издательство, а 7 апреля Булгаков получил отрицательный отзыв Александра Николаевича Тихонова (Сереброва), в котором, как писал Булгаков все тому же Попову, „содержится множество приятных вещей“; „Рассказчик мой, который ведет биографию, назван развязным молодым человеком, который верит в колдовство и чертовщину, обладает оккультными способностями, любит альковные истории, пользуется сомнительными источниками, а что хуже всего, склонен к ролязму!“

Л. Е. Белозерская вспоминает, что рукопись прочитал основатель серии „ЖЗЛ“ А. М. Горький и сказал Тихонову (Сереброву): „Что и говорить, конечно, талантливо. Но если мы будем печатать такие книги, нам, пожалуй, попадет...“. Я тогда как раз работала в „ЖЗЛ“, и А. Н. Тихонов, неизменно дружески относившийся ко мне, тут же, по горячим следам, передал мне отзыв Горького...»

М. Булгакову было предложено переработать книгу о Мольере, но он решительно отказался: «Вы сами понимаете, что, написав свою книгу налицо, я уж никак не могу переписать ее наизнанку. Помилуйте!»

Булгаков «похоронил» своего Жана-Батиста Мольера. «Всем спокойнее, всем лучше. Я в полной мере равнодушен к тому, чтобы украсить своей обложкой витрину магазина. По сути дела, я – актер, а не писатель. Кроме того, люблю покой и тишину» – вот отчет П. С. Попову о биографии, которой он «заинтересовался» – письмо от 13 апреля 1933 года. И тут же, через два месяца после этих «похорон», перед ним забрезжила надежда поставить «Бег», во всяком случае И. Я. Судаков во время гастролей в Ленинграде, где «Дни Турбиных» шли с полным успехом, сообщил о своем намерении поставить «Бег», но с определенными купюрами. Булгаков в то же время внес «окончательные исправления» в пьесу «Бег», согласен и еще внести поправки, но лишь бы увидеть свое детище на сцене. Кто бы мог подумать, что четыреста представлений «Дней Турбиных» показали мхатовцы, пьеса имела шумный успех, потом ее запретили и сняли из репертуара театра, но вот снова время повернулось, снова пьеса идет в театре, вот уже и «Бег» театр собирается репетировать.

Увы! Увы! И. Я. Судакову, собиравшемуся поставить «Бег», так и не удалось осуществить свое благое намерение.

Что делать? Опять впасть в отчаяние, которое ничего хорошего не обещает... Лишь совсем утрачивается работоспособность, а так это сейчас необходимо Михаилу Афанасьевичу: ведь он снова и снова, в минуты просветления и забвения всех забот, работает над «романом о дьяволе», успел не только восстановить то, что сжег три года тому назад, но и значительно продвинуться в разработке этого увлекшего его фантастического романа. «В меня же вселился бес, – писал М. Булгаков В. Вересаеву 2 августа 1933 года. – Уже в Ленинграде и теперь здесь, задыхаясь в моих комнатах, я стал мазать страницу за страницей наново тот свой уничтоженный три года назад роман. Зачем? Не знаю. Я тешу сам себя! Пусть упадет в Лету! Впрочем, я, наверно, скоро брошу это».

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Но до конца дней своих Булгаков не бросил этот роман, получивший впоследствии название – «Мастер и Маргарита».

Бывало так, что он в отчаянии бросал все и отлеживался на диване, ссылаясь на головную боль, переутомление, неврастению, но потом душа крепла, душевное здоровье восстанавливалось, и он вновь садился к письменному столу, доставал чистый лист бумаги или, как в этом случае, в гостиничном номере в Ленинграде, доставал клеенчатую общую тетрадь и начинал писать то, что давно сложилось в голове, оставалось только записать. Казалось бы, все рухнуло, все дороги заказаны, но вдруг что-то просветлеет, как в конце туннеля, допустим, придет телеграмма из Ашхабада – «Дайте „Турбиных“». Только спяну может прийти такая мысль, не поверил в такую возможность, потребовал две тысячи за право постановки, надеялся отпугнуть их такой требовательностью, но вскоре две тысячи прислали, а через какое-то время, когда пришел срок, пригласили на премьеру. «Ну, ясно, заметут их. Эх, втянула ты меня в историю», – упрекал он тогда Елену Сергеевну, уговорившую его послать экземпляр и право на постановку Ашхабаду. Пусть спектакль прошел только тринадцать раз, но и в Ашхабаде оказались люди, способные пойти на риск. Может, не все еще пропало...

Вот в таком состоянии надежды и начал «мазать страницу за страницей наново тот свой уничтоженный три года назад роман». Остались от него какие-то страницы, но в них даже и не заглядывал. Наново так наново... Так споро шла работа, словно переписывал набело... Лишь в самом начале споткнулся, написал название главы первой – «Первые жертвы», зачеркнул, пришло название получше – «Никогда не разговаривайте с неизвестными» – и полились строчки за строчками, страница за страницей. Как живые стояли перед ним давно выношенные образы, давно сложившиеся характеры главных действующих лиц, фантазию не нужно было понукать...

Вот если бы всегда так, но стоило вернуться в Москву, как охватили его заботы, порой никчемные, но повседневные, да охватили так, что чувствовал себя скованным тысячью нитей: их не разорвать. Пришлось роман отложить... Да к тому же и настроение изменилось...

Лишь первые «нэповские» годы Булгаков чувствовал себя свободным, когда писал первые сатирические повести, «Белую гвардию», рассказы, писал откровенно в дневнике все, что думал, в надежде, что все это останется лишь для него самого. В то время он чувствовал себя свободным, независимым, а потом словно железным обручем начали стискивать его личность, его характер, его свободу. Нет, никто не мешал ему бывать там, где он хотел бывать, в театрах, на лыжных прогулках, в кругу друзей читать свои произведения, но постепенно он почувствовал, что творческую волю его ограничили до предела.

Он кричал, протестовал в письмах Правительству, брату Николаю, на некоторых дискуссиях ему удавалось высказывать то, что думал и чувствовал, но все это оказалось бурей в стакане воды: творчество его взяли под строгий контроль. И в душе его поселился страх: а вдруг ничего из того, что предназначено ему судьбой написать, не будет написано и опубликовано. Вот это будет настоящей трагедией. И как раз тут открылась возможность опубликовать «Белую гвардию» в Париже, начали переводить «Зойкину квартиру», ставить «Дни Турбиных» за рубежом. Пришлось, конечно, закругляться с романом, вместо задуманной трилогии он написал две новые главы, которые давали право считать роман законченным, пришлось отказаться от многих сюжетных коллизий, от Мышлаевского и Анюты... То, что он хотел сказать, немислимо было в России, только в эмиграции он мог бы сказать то, что задумал. Ну что ж... Не суждено... Ушел в блистательный век семнадцатый, в эпоху Мольера, но тоже оказалось не ко времени. А стоило написать несколько глав романа о дьяволе, как начались аресты и судебные процессы. В состоянии страха за жизнь своих близких Булгаков сжег часть романа, самую, пожалуй, криминальную с точки зрения нынешнего режима. А когда чуточку улеглось, снова продолжил мазать страницу за страницей...

Только улеглось ненадолго: чуть ли не каждый месяц росли слухи об арестах. Да и круг друзей стремительно стал сужаться: в кругу друзей и коллег он читал свои произведения, читал главы романа о дьяволе, о них говорили, спорили, поддерживали замысел и осуждали как несвоевременный, но хоть таким образом его произведения начинали свою жизнь, но вскоре, по-видимому, и этой возможности у него не будет.

Исчезали представители старой культуры, образованные, знающие языки, их убирали

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru за малейшие провинности, а чаще всего за разговоры, в которых высказывалось несогласие с бравурными оценками текущих событий.

Булгаков вспомнил «шахтинское дело», судебный процесс по делу Промпартии, арест Александра Васильевича Чаянова и многих его коллег и единомышленников по так называемой «Трудовой крестьянской партии», которая не была организационно оформлена. То и дело в газетах мелькали имена крупнейших ученых в различных областях науки как вредителей, способствовавших якобы развалу советской экономики и сельского хозяйства. Арестованы были и осуждены такие известные экономисты, как В. Г. Громан, В. А. Базаров, Н. Д. Кондратьев, такие известные историки, как Н. Л. Лихачев, М. К. Любавский, С. Ф. Платонов, Е. В. Тарле. Знаменитый химик В. Н. Ипатьев отказался вернуться из заграничной командировки, за границей также оставались крупнейшие физики, биологи, химики.

В Москве и Ленинграде были арестованы известные славинисты, такие, как Н. Н. Дурново, Г. А. Ильинский, А. М. Селищев, В. Н. Сидоров, В. В. Виноградов, Н. Л. Туницкий, В. Н. Кораблева, К. А. Копержинский, С. А. Щеглов, А. Б. Никольская... Аресту и допросам подвергли этнографов, искусствоведов, художников. Все они были «виновны» как организаторы и активные участники «Российской национальной партии», многие из них были осуждены на длительные сроки заключения и ссылки. Некоторым из них повезло, и они вернулись к своей работе, но многим пришлось пройти все круги лагерного ада.

За что же обвиняли русских славинистов, этнографов, художников, искусствоведов?

В интересной книжке Ф. Д. Ашнина и В. М. Алпатова «„Дело славистов“: 30-е годы». Ответственный редактор Н. И. Толстой. М., Наследие, 1994, приводится множество фактов о том, как было сфабриковано судебное дело о причастности к несуществующей «Российской национальной партии».

Достаточно было Г. А. Ильинскому покритиковать «учение» Марра, как он тут же был объявлен антимарксистом, а его представление о родстве славянских языков – «буржуазной идеей». «Мы не имеем возможности рассказать о всех эпизодах травли Селищева, – пишут авторы книги. – Приведем лишь выдержки из выступления М. Н. Бочачера на методологическом секторе НИЯЗа 12.03.32: „Профессор Селищев в этой борьбе за Македонию стал... сторонником болгарского империализма... Нужно уметь разглядеть за „учеными“ выкрутасами политическое лицо царско-буржуазного разведчика... Перейду к книге „Язык революционной эпохи“. Эта книга очень талантлива. В этой книге очень тонко и умело скрыта клевета на нашу революцию“. Вывод, „Работы Селищева – это работы идеологического интервента. Не только великодержавного шовиниста, но и капиталистического реставратора... Наше слово будет словом разоблачения идеологического интервента (Аплудисменты)“.

„Главным конкретным пунктом обвинений“ против директора Русского музея, известного художника, искусствоведа и музейного работника П. И. Нерадовского было создание в 1922 году и сохранение вплоть до дня ареста экспозиции залов, посвященных русскому искусству дореволюционного периода, которая, как сказано в деле, „тенденциозно подчеркивала мощь и красоту старого дореволюционного строя и величайшие достижения искусства этого строя“ (с. 27–28, 37).

В обращении к председателю Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилову Петр Иванович Нерадовский вспоминал эти „обвинения“ в мае 1956 года: „Это осуждение было совершенно необосновано. Меня допрашивали 19 раз, и на каждом допросе разные следователи предъявляли мне разные обвинения. Меня заставляли письменно изложить мою вину. Все, что я писал, или рвалось, или признавалось не тем, что от меня хотели получить. Меня спрашивали, вел ли я занятия с сотрудниками Музея, читал ли им лекции. Я отвечал, что проводил занятия с сотрудниками, читал им лекции по русскому искусству, потому что считал необходимым вести такие занятия для повышения квалификации сотрудников музея. Тогда мне говорили: „Ну, вот, значит, вы вели контрреволюционную пропаганду“ и т. д. В другой раз меня обвинили в том, что я хранил оружие для фашистов.

Я ответил, что действительно принял в Музей, вместе с художественными коллекциями, коллекции ценного старинного оружия, кремневые пистолеты, сабли и др., но сдал ее без остатка по акту в арсенал Государственного Эрмитажа.

Обвиняли меня также в том, что я входил в контрреволюционную организацию, возглавляемую академиком Вернадским, но я с чистой совестью отвечал на это

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru обвинение, что такой организации не знал, так же как не знал никакой другой контрреволюционной организации.

После многих месяцев одиночного заключения ночными допросами, угрозами арестовать жену и сестру, „если я не признаю себя виновным“, мое настроение в процессе следствия было доведено до крайней подавленности...”

Не менее драматически сложилась судьба Петра Дмитриевича Барановского, всю жизнь боровшегося за сохранение памятников отечественной старины и культуры. Много лет спустя после ареста в те же, 30-е годы, он писал в Комитет Госбезопасности: „Тридцать лет, прошедших с тех дней, – писал Барановский в 1964 году, – прожитые в напряженном труде, постепенно сгладили остроту боли и горечь воспоминаний об этих событиях в моей жизни. Но все же они остались как нечто кошмарное, болезненное... 1933 год, роковой для меня, был очень тяжелым годом для охраны памятников истории культуры нашей родины. Провозглашенные В. И. Лениным и запечатленные в законодательных распоряжениях установки о бережном отношении к памятникам прошлой культуры, стали приходить в забвение и серьезно нарушаться. В Москве деятельно работал трест по разборке зданий – памятников старины. Такое отношение к памятникам культуры в центре давало не меньшее отражение и на периферии страны, и древние города быстро утрачивали свой характерный исторический облик. Небольшая группа специалистов, преданных делу охраны и реставрации памятников старины, истощали свои усилия в попытках доказать их ценность для народа и что такое отношение является результатом непонимания или же забвения и неуважительного отношения к заветам и установкам В. И. Ленина. Но эти усилия большею частью были бесплодны.

Для характеристики напряженной борьбы на этом поприще я приведу только один факт, случившийся за несколько дней до нашего ареста, имеющий весьма показательный характер. В сентябре 1933 я и архитектор Б. Н. Засыпкин были направлены от Комитета по охране памятников при ВЦИК для переговоров о памятниках в Москве, по вызову, к Заместителю председателя Московского совета т. Усову. В длительной беседе с ним выявились две противоположных и непримиримых позиции. Наши аргументы в защиту памятников, на основе установок, данных В. И. Лениным, полностью отвергались Усовым, и нам с полной категоричностью было объявлено, что Московским Советом принята общая установка очистить город от старого хлама, который мы именуем памятниками и тем тормозим социалистическое строительство...”

Усов предложил записаться всем необходимым для „фиксации храма Василия Блаженного на Красной площади, так как в ближайшие дни „он будет сломан“. Вскоре Барановский был арестован, и следователь Альтман, добиваясь немислимых признаний в связях с контрреволюционными организациями, злорадно ехидничал: „А мы вашего Василия Блаженного уже ломаем“.

И действительно, в то время ходили упорные слухи о том, что Каганович принял постановление о сносе великого Храма, но слухи оставались слухами, а потом Сталин отменил это решение Кагановича. Но еще долго москвичи ходили проверять, стоит ли храм Василия Блаженного на своем месте. Вместе с этими москвичами на Красной площади не раз бывал и Михаил Булгаков, которого близко задевали все эти аресты, решения об уничтожении памятников русской культуры, судебные процессы над несуществовавшими партиями, которые якобы готовили заговор против Советского государства, против вождя партии большевиков и лично против товарища Сталина.

Был арестован сотрудник Эрмитажа Ричард Фасмер за переписку с братом Максом Фасмером, жившим в Германии, создателем знаменитого „Этимологического словаря русского языка“. Макс Фасмер передавал деньги для брата через академика В. И. Вернадского, побывавшего в Германии в командировке. Три сотрудника Эрмитажа были арестованы только за то, что организовали в Харькове выставку старинного оружия с использованием экспонатов из эрмитажных фондов. Следователи объяснили арестованным, что они таким образом переправляли оружие „в целях вооружения повстанческих групп“ на Украине. А коллекционеры старинного оружия были арестованы как хранители оружия, которое может быть использовано организацией „в момент вооруженного восстания“.

В ходе следствия было выявлено, что члены „Российской национальной партии“ поставили перед собой такие цели и задачи:

«Сущность их сводилась к следующему:

- 1) Примат нации над классом. Свержение диктатуры пролетариата и установление национального правительства.
- 2) Истинный национализм, а отсюда борьба за сохранение самобытной культуры, нравов, быта и исторических традиций русского народа.
- 3) Сохранение религии как силы, способствующей подъему русского национального духа.
- 4) Превосходство „славянской расы“, а отсюда – пропаганда исключительного исторического будущего славян как единого народа...» (См.: «Дело о славистах», с.71.)

Опасались арестов все слои образованного общества: книжники и библиофилы, экономисты и этнографы, историки и слависты, химики и физики, писатели и художники, артисты и агрономы, работники народных комиссариатов и сельскохозяйственной кооперации. Различные сроки заключения получали крестьяне за отказ вступать в колхозы или за выход из колхоза.

Опасался ареста и Михаил Афанасьевич Булгаков, остававшийся на своих прежних позициях, довольно близких к тем, за которые были арестованы так называемые члены «Российской национальной партии».

Друзья, родственники, писатели, театральные деятели были обеспокоены такой демонстративной позицией неприятия большевизма, как формы государственного правления, не раз призывали Булгакова одуматься и смириться с существующим положением вещей. Некоторые уже «одумались» и говорят совсем противоположное тому, что говорили несколько лет тому назад. Так, в Комакадемии режиссер Художественного театра Судаков в споре с Ермиловым сказал, что он согласен с рапповцами и действительно пьеса Булгакова «Дни Турбиных» – «пьеса реакционная», а ведь постановка этой пьесы сделала его имя известным. И таких «перевертышей» оказалось множество, особенно среди писателей, которые быстро перестраивались под нажимом времени, под натиском диктатуры большевизма, сметавшей со своего пути всяческое инакомыслие.

В этом отношении интересны некоторые записи в «Дневнике Елены Булгаковой»: «11 декабря 1933 года. Приходила сестра М. А. – Надежда. Оказывается, она в приятельских отношениях с тем критиком самим Нусиновым, который в свое время усердно травил „Турбиных“, вообще занимался разбором произведений М. А. и, в частности, написал статью (очень враждебную) о Булгакове для Литературной энциклопедии. Так вот, теперь энциклопедия переиздается, Нусинов хочет пересмотреть свою статью и просит для ознакомления „Мольера“ и „Бег“».

В это же время – как Надежда сообщает это – звонок Оли и рассказ из Театра:

– Кажется, шестого был звонок в Театр – из Литературной энциклопедии. Женский голос: – Мы пишем статью о Булгакове, конечно, неблагоприятную. Но нам интересно знать, перестроился ли он после „Дней Турбиных“?

Миша:

– Жаль, что не подошел к телефону курьер, он бы ответил: так точно, перестроился в 11 часов. (Надежде): – А пьес Нусинову я не дам.

Еще рассказ Надежды Афанасьевны: какой-то дальний родственник по мужу, коммунист, сказал про М. А. – Послать бы его на три месяца на Днепрострой, да не кормить, тогда бы он переродился.

Миша:

– Есть еще способ – кормить селедками и не давать пить» (с. 48).

Булгаков прекрасно понимал, что советуют ему перестроиться из самых лучших побуждений. Да и он видел, с какой легкостью перестраиваются его коллеги по Театру и Союзу писателей, станowiąтся «услугающими», готовыми на все, лишь бы их не трогали, давали ставить пьесы, печатали и платили. Даже Немирович-Данченко, казалось бы, имеет право быть независимым, из кожи лезет вон, как выразилась

Елена Сергеевна, чтобы составить себе хорошую политическую репутацию. Ни с чем сомнительным не будет связываться, а если что-то и совершит, то туг же постарается извиниться за содеянное. Ведь вот недавно, как неприятно было Булгакову на одном из спектаклей «Дней Турбиных». На спектакле присутствовали Эррио, Литвинов, Альфан, все мхатовцы в первом ряду, Владимир Иванович. Спектакль шел изумительно, актерам передалась торжественная обстановка праздника в Театре. После «Гимназии» Эррио стал спрашивать про автора, просил познакомиться. Владимир Иванович просил разыскать Михаила Афанасьевича, сам увидел его в ложе и стал манить его рукой. Булгаков подошел, познакомился с Эррио, с его окружением, поговорили о пьесе. Публика внимательно наблюдала за происходящим. Почувствовав это, Немирович-Данченко под влиянием нахлынувших чувств представил публике: «А вот и автор спектакля». Публика, естественно, зааплодировала, аплодисменты перешли в овацию, а в следующем антракте Немирович-Данченко неожиданно сказал Булгакову:

«Может быть, я сделал политическую ошибку, что вас представил публике». «Нет», как помнится, сказал Булгаков. Но разве этим можно успокоить? Ясно, что об этой овации доложили, куда положено, и это хорошо понимал обеспокоенный знаменитый режиссер, отлично усвоивший политику лавирования между Сциллой и Харибдой своего времени.

Одни коллеги и друзья советуют ему «как-то о себе напомнить»; другие более категоричны в своих советах: «Не то вы делаете, Михаил Афанасьевич, не то! Вам бы надо с бригадой на какой-нибудь завод или на Беломорский канал. Взяли бы с собой таких молодцов, которые все равно писать не могут, зато они ваши чемоданы бы носили...»

Слушая все эти советы, Булгаков нервничал, был тоже более категоричен: «Я не то что на Беломорский канал – в Малаховку не поеду, так я устал». Устал, конечно, от постоянных опасений, что написанное не пойдет и не будет напечатано, а сам автор может оказаться в застенках ГПУ или в лучшем случае в ссылке, как многие его друзья и знакомые.

Булгаков мог бы поехать за границу, повидать мир, посмотреть на родных братьев в Париже, написать книгу об этих своих встречах и переживаниях. И многие знали об этом и постоянно травили его сердце разговорами о заграничной поездке: «Вот поедете за границу... Но только без Елены Сергеевны!..», понимая, что этим можно уязвить Михаила Афанасьевича. «Нет, без Елены Сергеевны не поеду! Даже если мне в руки паспорт вложат. Вот крест!» – и Булгаков перекрестился.

«– Но почему?!»

– Потому, что привык по заграницам с Еленой Сергеевной ездить. А кроме того, принципиально не хочу быть в положении человека, которому нужно оставлять заложников за себя.

– Вы – несовременный человек, Михаил Афанасьевич». (Дневник, с.51.)

Даже Станиславский, вернувшийся после длительного лечения за границей, на первой встрече с актерами говорил то, что от него хотели услышать власть имущие: оказывается, за границей все плохо, а у нас хорошо; там все мертвы и угнетены, а у нас чувствуется живая жизнь. «Встретишь француженку, и неизвестно, где ее шик?» – говорил Станиславский.

«Когда кончил, пошел к выходу, увидел М. А. – поцеловались. К. С. обнял М. А. за плечо, и так пошли.

– Что вы пишете сейчас?

М.А. говорит, что он явственнее стал шепелявить.

– Ничего, Константин Сергеевич, устал.

– Вам нужно писать... Вот тема, например: некогда все исполнить... и быть порядочным человеком.

Потом вдруг испугался и говорит;

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
– Впрочем, вы не туда это повернете!

– Вот... все боятся меня...

– Нет, я не боюсь. Я бы сам тоже не туда повернул.» («Дневник», 65.)

Не признался Михаил Афанасьевич, скрыл от Станиславского, что работает над фантастическим романом без названия, так пишет для себя, пишет потому, что ото всей этой повседневности устал. Устал от того, что люди от него требуют того, что он не способен сделать по своей натуре, по своему характеру – ловчить, приспособливаться, говорить не то, что думаешь. Устал ото всего, что становилось нормой человеческого существования. Да и роман, над которым он работал от случая к случаю, не удовлетворял его. Возникали новые фигуры, новые образы, стучались к нему в душу с требованием пустить их на страницы романа не бледными копиями, а полнокровными образами, со своими характерами, своей сюжетной линией, со своей жизнью, радостной и горькой, как и полагается жизни быть.

Так роман и бросил незаконченным. Но уже понял, что роман этот не отпустит его до конца дней его, во всяком случае он будет писать его не торопясь.

Это издание стало возможным благодаря СВЕТЛАНЕ ВИКТОРОВНЕ КУЗЬМИНОЙ и ВАДИМУ ПАВЛИНОВИЧУ НИЗОВУ, молодым и талантливым руководителям АКБ «ОБЩИЙ», благодаря директору производственно-коммерческого предприятия «РЕГИТОН» ВЯЧЕСЛАВУ ЕВГРАФОВИЧУ ГРУЗИНОВУ, благодаря председателю Совета ПРОМСТРОЙБАНКА, президенту корпорации «РАДИОКОМПЛЕКС» ВЛАДИМИРУ ИВАНОВИЧУ ШИМКО и председателю правления ПРОМСТРОЙБАНКА ЯКОВУ НИКОЛАЕВИЧУ ДУБЕНЕЦКОМУ, благодаря генеральному директору фирмы «ИММ» МИХАИЛУ ВЛАДИМИРОВИЧУ БАРИНОВУ, оказавшим материальную помощь издательству «ГОЛОС», отважно взявшемуся за это уникальное издание

Виктор ПЕТЕЛИН

Кабала святош (Мольер) [1 – Рукопись не обнаружена. Впервые опубликована с ведома и согласия Е. С. Булгаковой в книге: Булгаков М. Пьесы. М., 1962; перепечатывалась в книгах. Булгаков М. Драмы и комедии. М., 1965; Булгаков М. Пьесы. М., 1986 (одним из составителей этого сборника была Л. Е. Белозерская); Булгаков М. Кабала святош. М., 1991 (Составители В. И. Лосев, В. В. Петелин) и др. Публикуется по расклейке последнего издания. Отвечая на вопрос, почему он написал пьесу о Мольере, Булгаков сказал; «Трудно ответить на этот вопрос. Я читаю, перечитываю и люблю Мольера с детских лет. Он имел большое влияние на мое формирование как писателя. Меня привлекала личность учителя многих поколений драматургов – комедианта на сцене, неудачника, меланхолика и трагического человека в личной жизни». (См.: Булгаков М. Он был велик и неудачлив. Интервью с Булгаковым опубликовано 15 февраля 1936 года, накануне премьеры в Художественном театре, в газете «Горьковец», газете театра). Современники в своих воспоминаниях и исследователи в своих статьях и примечаниях к публикациям драмы утверждают, что М. Булгаков пользовался обширной литературой для того, чтобы исторический фон, на котором сталкиваются Людовик XIV и Мольер, был правдив и достоверен «1929 год – вспоминает Л. Е. Белозерская. – Пишется пьеса „Мольер“. Действует все тот же убитый или еще не добытый творческий инстинкт. Перевожу с французского биографии Мольера. Помню длинное торжественное стихотворение, где творчество его отождествляется с силами и красотой природы...М. А. ходит по кабинету, диктует текст, играя попутно то или иное действующее лицо. Это очень увлекательное действо. Мне нравится, как французы пишут биографии: у них много ярких деталей, дающих драматургу сценическую краску. Вспоминаю, с каким вкусом и знанием дела автор, истый француз, описывал туалет Арманды: желтое шелковое платье, отделанное белыми кружевами...Как сейчас вижу некрасивое талантливое лицо Михаила Афанасьевича, когда он немного в нос декламирует: Муза, муза моя, о, лукавая Талия...» (См.: Л. Е. Белозерская Воспоминания. М., 1990, с. 177). Осенью 1929 года Булгаков начал писать, в декабре закончил. Первые отзывы о пьесе вселили надежды на ее постановку: к этому времени пьесы «Дни Турбиных», «Зойкина квартира», «Багровый остров» и «Бег» были запрещены к публичному

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru исполнению «Первое чтение состоялось у Ляминых. На втором, у нас на Пироговской, присутствовали О. Л. Книппер-Чехова, И. М. Москвин, В. Я. Станицын, М. М. Яншин, П. А. Марков и Ляminy. На столе М. А. в канделябрах горели свечи. Читал он, как всегда, блистательно», – вспоминала Л. Е. Белозерская (там же, с. 177–178). 19 января 1930 года драма была прочитана во МХАТе, одобрена и принята к постановке коллективом Театра, но Главрепертком постановку запретил 18 марта этого же года. Лишь в марте 1932 года, после вмешательства А. М. Горького и других видных деятелей, приступили к репетициям, длившимся до февраля 1936 года и погубившим спектакль. После премьеры, состоявшейся 16 февраля 1936 года, спектакль был сыгран всего лишь семь раз и снят после разгромной статьи в «Правде» «Внешний блеск и фальшивое содержание», опубликованной 9 марта 1936 года. А все дело в том, что в драме разглядели сатирическое изображение современности, усмотрели стремление автора «бить нашу цензуру, наши порядки», так что пропустить такую пьесу Главрепертком никак не мог. Отсюда и столь затяжная борьба, а в итоге – снятие из репертуара спектакля, в котором были заняты лучшие силы Театра. Исследователи и мемуаристы не раз подчеркивали, что М. Булгаков очень внимательно отнесся к историческим реалиям, почерпнутым из биографических и исторических книг о Мольере. Так и в борьбе за постановку своей пьесы «Тартюф», так и в изображении сложностей и противоречий личной судьбы Мольер показан в соответствии с исторической правдой. Мольер, Людовик XIV, Лагранж, Мадлена и Арманда полностью соответствуют своим историческим прототипам. Прототип Муаррона, будущий известный актер труппы Мольера Мишель Барон, действительно был извлечен из клавирина органиста Резена и впоследствии стал любовником Арманды. Были прототипы и у образа Шаррона, и у других образов драмы. Но, естественно, используя документальные данные в качестве строительного материала, Булгаков не сдерживал своей писательской фантазии. И он не скрывал своих отступлений от исторической правды: «Я допустил целый ряд сдвигов, служащих к драматургическому усилению и художественному украшению пьесы. Например, Мольер фактически умер не на сцене, а, почувствовав себя на сцене дурно, успел добраться домой; охлаждение короля к Мольеру, имевшее место в истории, доведено мною в драме до острого конфликта» (См.: Смелянский А. Михаил Булгаков в Художественном театре М., 1986, с. 258). Но не Мольер был главным в творческом замысле пьесы, а Кабала Святош, давившая всякое свободомыслие и действительно существовавшая во Франции с 1627 по 1666 год, когда умерла королева Анна Австрийская, тайная вдохновительница этого «Общества»; Кабала святош увидела в Тартюфе собирательный образ члена своего общества, отрицание своих устоев и принципов и попыталась раздавить опасного разоблачителя, за свой талант пользующегося поддержкой Людовика XIV. В статье А. Грубина «О некоторых источниках пьесы М. Булгакова „Кабала святош“» («Мольер») говорится, что в 80-х гг. XIX века в Национальной библиотеке Парижа были найдены многочисленные материалы о деятельности «Общества Святых Даров», получившей название «Кабала Святош». В начале XX века этой тайной организации были посвящены две книги французских ученых: это «„Анналы“ Общества Святых Даров» Густава Аржансона и «Кабала святош» Рауля Аллье. «Раскинувшееся по всей Франции, объединявшее мирян и священнослужителей, „Общество“, несмотря на периодические угрозы со стороны официальной церкви и правительства, осуществляло в течение многих лет свою деятельность по „порабощению умов“, – писал А. Грубин. – Под прикрытием призыва: „Пресекать всякое зло, содействовать всему добру“, – оно вело борьбу с „безнравственностью“, ересью и просто с недостатком религиозного рвения. „Обществу“ мерещилось существование растлевающей умы коалиции вольнодумцев, и насилие, как духовное, так и физическое, широко использовалось этим движением – от доносов и клевет до сожжения людей на костре (так поэт Клод Ле Пти был сожжен в 1662 году). Отношение „Общества“ к театру было особенно нетерпимым, ибо в глазах его членов комедианты служили дьяволу. История запрещения мольеровского „Тартюфа“, как показывает Аллье, тесно связана с деятельностью „Общества“. Аллье приводит ряд свидетельств (например, историю развратного епископа Рокетта) в пользу того, что Мольер в образе Тартюфа воплотил многие черты, характерные для членов „Общества Святых Даров“, что и вызвало бешенство этой партии. Наиболее полно перипетии борьбы, разгоревшейся вокруг „Тартюфа“, были описаны в труде Э. Ригалья „Мольер“ (1908), в которой глава о „Тартюфе“ занимает центральное место. Опираясь на данные, приведенные в книге Аллье, Ригаль рисует картину неустанных преследований, которым подвергался Мольер со стороны „Общества Святых Даров“. Знакомясь с материалами по истории „Тартюфа“, Булгаков, думается, физически ощутил атмосферу страха, в которой находился Мольер в этот период жизни. Мысль о костре, которым ему угрожал в своем „сочинении“ Пьер Рулле, поддержанный затем в своих „претензиях“ к комедианту-дьяволу другими иезуитами, надо думать, Мольера совсем не радовала. Со всей полнотой отразилась в булгаковской пьесе репрессивная сущность „Кабалы“. На репетициях пьесы во МХАТе

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru в 1935 году Булгаков настаивал на том, что спектакль о Мольере должен держать зрителя в напряжении – „а вдруг его зарежут“, что зритель на спектакле должна охватить „боязнь за его жизнь“». (См.: М. А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени. М., 1988, с. 144–146) и снова предоставляем слово Л. Е. Белозерской, стоявшей у истоков этого гениального сочинения: «Не повезло этому произведению М. А.! После нескольких представлений пьеса была снята. Я не видела этого спектакля, но совершенно уверена, что того глумления, которое претерпела уже в наши дни пьеса в Театре Ленинского комсомола, во МХАТе быть не могло. Я долго крепилась, не шла смотреть „Мольера“, в постановке А. В. Эфроса: с меня было вполне достаточно одной „Чайки“ в его „обработке“. Но вот мне подарили билет ко дню именин, и мне уж никак нельзя было отказаться и не пойти. Пьеса в свое время была посвящена мне. Но я не представляла себе, что меня ожидает. Начать с того, что не каждый драматургический текст поддается чисто условной трактовке, когда сам зритель неустанно ломать себе голову, стараясь угадать, кто – кто, кто – где и почему именно так... Почему зритель, например, должен понять, что среди бестолково набросанного театрального реквизита пробирается „Солнце Франции“, Людовик XIV? Вряд ли сам актер верил, что изображает это „Солнце“. Не верили и мы, зрители. Почему ведущая актриса Парижского (Парижского!) театра Мадлена Бежар похожа в последнем акте на подмосковную огородницу в кофте навывпуск? Почему другая актриса, Арманда Бежар, впоследствии жена Мольера, вела себя так вульгарно? Условная трактовка – прием тонкий и, если зритель воспринимает веками установившуюся условность японского театра „Кабуки“, то „шиворот-навыворот“ А. В. Эфроса – явление не очень хорошего вкуса. Признаюсь откровенно: я прострадала весь спектакль и ушла с горьким чувством обиды за Михаила Афанасьевича Булгакова, талант которого нет-нет, да и прорывался сквозь режиссерскую шелуху. Тогда сразу становилось интересно и легко на душе. Композитор Андрей Волконский, вообще – то человек со вкусом, к тому же всю юность проведший во Франции, в данном случае внес свою лепту в общую неразбериху. И вот какая мысль принципиального порядка пришла мне в голову. Представим себе, что широкую улицу переходит там, где положено и когда положено, писатель Булгаков, а на мотоцикле мчится Эфрос, не обращая внимания на световые сигналы, сшибает Булгакова и наносит ему телесные увечья. Он ответит со всей строгостью советского закона – так мне сказали юристы и подсказала логика. Так почему же при нанесении моральных увечий произведению писателя никто не несет никакой ответственности? Почему?» (Л. Е. Белозерская. Воспоминания, с. 178–179.) Я процитировал эти воспоминания не случайно, а просто потому, что по ее совету я тоже пошел посмотреть этот спектакль 70-х, а потом при встрече мы долго обсуждали эту постановку, вспоминая многочисленные курьезы ее. Лишь о некоторых вспомнила Л. Е. Белозерская. Так что постановка этой пьесы – еще впереди! Какую редакцию предпочтет Театр – это вопрос Театра. Считаю, что и эта редакция имеет право на существование, потому что ее рекомендовали к публикации Е. С. Булгакова в 1962 году и Л. Е. Белозерская–Булгакова в 1986 году.]

Драма в четырех действиях

Rien ne manque a sa gloire,

Il manquait a la nøtre. [2 - Для его славы уже ничего не нужно. Но он нужен для нашей славы (фр.)]

Действующие:

Жан-Батист Поклен де Мольер – знаменитый драматург и актер.

Мадлена Бежар, Арманда Бежар де Мольер, Мариэтта Риваль – актрисы.

Шарль-Варле де Лагранж – актер, по прозвищу «Регистр»

Захария Муаррон – знаменитый актер-любовник.

Филибер дю Круази – актер.

Жан-Жак Бутон – тушильщик свечей и слуга Мольера.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Людовик Великий – король Франции.

Маркиз д'Орсиньи – дуэлянт, по кличке «Одноглазый, помолись!».

Маркиз де Шаррон – архиепископ города Парижа.

Маркиз де Лессак – игрок.

Справедливый сапожник – королевский шут.

Шарлатан с клавесином.

Незнакомка в маске.

Отец Варфоломей – бродячий проповедник.

Брат Сила, Брат Верность – члены Кабалы Священного писания.

Ренэ – дряхлая нянька Мольера.

Суфлер.

Монашка.

Члены Кабалы Священного писания в масках и черных плащах. Придворные Мушкетеры и другие.

Действие в Париже в век Людовика XIV.

Действие первое

За занавесом слышен очень глухой раскат смеха тысячи людей. Занавес раскрывается – сцена представляет театр Пале-Рояль. Тяжелые занавесы. Зеленая афиша с гербами и орнаментом. На ней крупно: «КОМЕДИАНТЫ ГОСПОДИНА...» и мелкие слова. Зеркало. Кресла. Костюмы. На стыке двух уборных, у занавеса, которым они разделены, громадных размеров клавесин. Во второй уборной – довольно больших размеров распятие, перед которым горит лампада. В первой уборной налево дверь, множество сальных свечей (свету, по-видимому, не пожалели). А во второй уборной на столе только фонарь с цветными стеклами. На всем решительно – и на вещах и на людях (кроме Лагранжа) – печать необыкновенного события, тревоги и волнения. Лагранж, не занятый в спектакле, сидит в уборной, погруженный в думу. Он в темном плаще. Он молод, красив и важен. Фонарь на его лицо бросает таинственный свет. В первой уборной Бутон, спиной к нам, припал к щели в занавесе. И даже по спине его видно, что зрелище вызывает в нем чувство жадного любопытства. Рожа Шарлатана торчит в дверях. Шарлатан приложил руку к уху – слушает. Слышны взрывы смеха, затем финальный раскат хохота. Бутон схватывается за какие-то веревки, и звуки исчезают. Через мгновение из разреза занавеса показывается Мольер и по ступенькам сбегает вниз в уборную. Шарлатан скромно исчезает. На Мольере преувеличенный парик и карикатурный шлем. В руках палаш. Мольер загримирован Сганарелем – нос лиловый с бородавкой. Смешон.левой рукой Мольер держится за грудь, как человек, у которого неладно с сердцем. Грим плывет с его лица.

Мольер(сбрасывая шлем, переводя дух). Воды!

Бутон. Сейчас. (Подает стакан.)

Мольер. Фу! (Пьет, прислушивается с испуганными глазами.)

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Дверь распахивается, вбегает загримированный Полишинелем дю Круази, глаза опрокинуты.

Дю Круази. Король аплодирует! (исчезает.)

Суфлер(в разрезе занавеса). Король аплодирует!

Мольер(Бутону). Полотенце мне! (Вытирает лоб, волнуется.)

Мадлена(в гриме появляется в разрезе занавеса). Скорее! Король аплодирует!

Мольер(волнуясь). Да, да, слышу. Сейчас. (У занавеса крестится.) Пречистая Дева, Пречистая Дева! (Бутону.) Раскрывай всю сцену!

Бутон опускает сначала занавес, отделяющий от нас сцену, а затем громадный главный, отделяющий сцену от зрительного зала. И вот она одна видна нам в профиль. Она приподнята над уборными, пуста. Ярко сияют восковые свечи в люстрах. Зала не видна, видна лишь крайняя золоченая ложа, но она пуста. Чувствуется только таинственная, насторожившаяся синь чуть затемненного зала. Шарлатанское лицо моментально появляется в дверях. Мольер поднимается на сцену так, что мы видим его в профиль. Он идет кошачьей походкой к рампе, как будто подкрадывается, сгибает шею, перьями шляпы метет пол. При его появлении один невидимый человек в зрительном зале начинает аплодировать, а за этим из зала громовые рукоплескания. Потом тишина.

Мольер. Ваше... величество... ваше величество... Светлейший государь... (Первые слова он произносит чуть-чуть заикаясь – в жизни он немного заикается, – но потом его речь выравнивается, и с первых же слов становится понятно, что он на сцене первоклассен. Богатство его интонаций, гримас и движений неисчерпаемо. Улыбка его легко заражает.) Актеры труппы Господина, всевернейшие и всеподданнейшие слуги ваши, поручили мне благодарить вас за ту неслыханную честь, которую вы оказали нам, посетив наш театр... И вот, сир... я вам ничего не могу сказать.

В зале порхнул легкий смешок и пропал.

Муза, муза моя, о лукавая Талия!
Всякий вечер, услышав твой крик,
При свечах в Пале-Рояле я...
Надеваю Сганареля парик.
Поклонившись по чину, пониже, –
Надо! Платит партнер тридцать су! –
Я, о сир, для забавы Парижа (пауза)
Околесину часто несусь.

В зале прошел смех.

Но сегодня, о муза комедии,
Ты на помощь ко мне спешу.
Ах, легко ли, легко ль в интермедии.
Солнце Франции мне смешить?..

В зале грянул аплодисмент.

Бутон. Ах, голова! Солнце придумал.

Шарлатан(с завистью). Когда он это сочинил?

Бутон(высокомерно). Никогда. Экспромт.

Шарлатан. Мыслимо ли это?

Бутон. Ты не сделаешь.

Мольер(резко меняет интонацию).

Вы несете для нас королевское бремя.
Я, комедиант, ничтожная роль.
Но я славен уж тем, что играл в твое время,
Людовик!.. Великий!!
(Повышает голос.) Французский!!!
(Кричит.) Король!!!

(Бросает шляпу в воздух.)

В зале начинается что-то невообразимое. Рев: «Да здравствует король!» Пламя свечей ложится. Бутон и Шарлатан машут шляпами, кричат, но слов их не слышно. В реве прорываются ломаные сигналы гвардейских труб. Лагранж стоит неподвижно у своего огня, сняв шляпу. Овация кончается, и настает тишина.

Голос Людовика(из сини). Благодарю вас, господин де Мольер!

Мольер. Всепослушнейшие слуги ваши просят вас посмотреть еще одну смешную интермедию, если только мы вам не надоели.

Голос Людовика. О, с удовольствием, господин де Мольер!

Мольер(кричит). Занавес!

Главный занавес закрывает зрительный зал, и за занавесом тотчас начинается музыка. Бутон закрывает и тот занавес, который отделяет сцену от нас, и она исчезает. Шарлатанское лицо скрывается.

Мольер(появившись в уборной, бормочет). Купил!.. убью его и зарежу!

Бутон. Кого бы он хотел зарезать в час триумфа?

Мольер(схватывает Бутона за глотку). Тебя!

Бутон(кричит). Меня душат на королевском спектакле!

Лагранж шевельнулся у огня, но опять застыл. На крик вбегают Мадлена и Риваль, почти совершенно голая, – она переодевалась. Обе актрисы схватывают Мольера за штаны, оттаскивая от Бутона, причем Мольер лягает их ногами. Наконец Мольера отрывают с куском Бутонова кафтана. Мольера удаётся повалить в кресло.

Мадлена. Вы с ума сошли! В зале слышно.

Мольер. Пустите!

Риваль. Господин Мольер! (Зажимает рот Мольеру.)

Потрясенный Шарлатан заглядывает в дверь.

Бутон(глядя в зеркало, ощупывает разорванный кафтан). Превосходно сделано и проворно. (Мольеру.) В чем дело?

Мольер. Этот негодяй... Я не понимаю, зачем я держу при себе мучителя? Сорок раз играли, все было в порядке, а при короле свеча повалилась в люстре, воском каплет на паркет.

Бутон. Мэтр, вы сами выделявали смешные коленца и палашом повалили свечку.

Мольер. Врешь, бездельник!

Лагранж кладет голову на руки и тихо плачет.

Риваль. Он прав. Вы задели свечку шпагой.

Мольер. В зале смеются. Король удивлен...

Бутон. Король – самый воспитанный человек во Франции и не заметил никакой свечки.

Мольер. Так я повалил? Я? Гм... Почему же в таком случае я на тебя кричал?

Бутон. Затрудняюсь ответить, государь.

Мольер. Я, кажется, разорвал твой кафтан.

Бутон судорожно смеется.

Риваль. Боже, в каком я виде! (Схватывает кафтан и, закрывшись им, улетает.)

Дю Круази(появился в разрезе занавеса с фонарем). Госпожа Бежар, выход, выход, выход... (Исчез.)

Мадлен. Бегу! (Убегает.)

Мольер(Бутону). Возьми этот кафтан.

Бутон. Благодарю вас. (Снимает кафтан и штаны, проворно надевает одни из штанов Мольера, с кружевными канонами.)

Мольер. Э... э... э... А штаны почему?

Бутон. Мэтр, согласитесь сами, что верхом безвкусицы было бы соединить такой чудный кафтан с этими гнусными штанами. Извольте глянуть: ведь это срам – штаны.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
(Надевает и кафтан) Мэтр, в кармане обнаружены мною две серебряные монеты
незначительного достоинства. Как прикажете с ними поступить?

Мольер. В самом деле. Я полагаю, мошенник, что лучше всего их сдать в музей.
(Поправляет грим.)

Бутон. Я – тоже. Я сдам. (Прячет деньги.) Ну, я пошел снимать нагар.
(Вооружается свечными щипцами.)

Мольер. Попрошу со сцены не пялить глаз на короля.

Бутон. Кому вы это говорите, мэтр? Я тоже воспитан, потому что француз по
происхождению.

Мольер. Ты француз по происхождению и болван по профессии.

Бутон. Вы по профессии – великий артист и грубиян по характеру. (Скрывается.)

Мольер. Совершил я какой-то грех, и послал мне его Господь в Лиможе.

Шарлатан. Господин директор! Господин директор!

Мольер. Ах да, с вами еще. Вот что, сударь. Это... вы простите меня за
откровенность – фокус второго разряда. Но партерной публике он понравится. Я
выпущу вас в антракте в течение недели. Но все-таки как вы это делаете?

Шарлатан. Секрет, господин директор.

Мольер. Ну, я узнаю. Возьмите несколько аккордов, только тихонько.

Шарлатан, загадочно улыбаясь, подходит к клавесину, садится на табуретку в
некотором расстоянии от клавесина, делает такие движения в воздухе, как будто
играет, и клавиши в клавесине вжимаются, клавесин играет нежно.

Черт! (Бросается к клавесину, стараясь поймать невидимые нити.)

Шарлатан загадочно улыбается.

Ну хорошо! Получайте задаток. Где-то пружина, не правда ли?

Шарлатан. Клавесин останется на ночь в театре?

Мольер. Ну конечно. Не тащить же его вам домой.

Шарлатан кланяется и уходит.

Дю Круази(выглянул с фонарем и книгой). Господин де Мольер! (Скрывается.)

Мольер. Да. (Скрывается, и немедленно за его исчезновением доносится гул смеха.)

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Портьера, ведущая в уборную с зеленым фонарем, отодвигается, и возникает
Арманда. Черты лица ее прелестны и напоминают Мадлену. Ей лет семнадцать. Хочет
проскользнуть мимо Лагранжа.

Лагранж. Стоп!

Арманда. Ах, это вы, милый Регистр! Почему вы притаились здесь, как мышь? А я
глядела на короля. Но я спешу.

Лагранж. Успеете. Он на сцене. Почему вы называете меня Регистр? Быть может,
прозвище мне неприятно.

Арманда. Милый господин Лагранж! Вся труппа очень уважает вас и вашу летопись.
Но, если угодно, я перестану вас так называть.

Лагранж. Я жду вас.

Арманда. А зачем?

Лагранж. Сегодня семнадцатое, и вот, – я поставил черный крестик в регистре.

Арманда. Разве случилось что-нибудь или кто-нибудь в труппе умер?

Лагранж. Нехороший, черный вечер отмечен мною. Откажитесь от него.

Арманда. Господин де Лагранж, у кого вы получили право вмешиваться в мои дела?

Лагранж. Злые языки. Я умоляю вас, не выходите за него!

Арманда. Ах, вы влюблены в меня?

За занавесами глухо слышна музыка.

Лагранж. Нет. Вы мне не нравитесь.

Арманда. Пропустите, сударь.

Лагранж. Нет. Вы не имеете права выйти за него. Вы так молоды! Взываю к лучшим
вашим чувствам!

Арманда. У всех в труппе помутился ум, честное слово. Какое вам дело до этого?

Лагранж. Сказать вам не могу, но большой грех.

Арманда. А, сплетня о сестре? Слышала. Вздор! Да если бы у них и был роман, что
мне до этого! (Делает попытку отстранить Лагранжа и пройти.)

Лагранж. Стоп! Откажитесь от него. Нет? Ну так я вас заколю! (Вынимает шпагу.)

Арманда. Вы сумасшедший убийца! Я...

Лагранж. Что гонит вас к несчастью? Вы ведь не любите его. Вы – девочка, а он...

Арманда. Нет, я люблю.

Лагранж. Откажитесь.

Арманда. Регистр, я не могу. Я с ним в связи и... (Шепчет Лагранжу на ухо.)

Лагранж(вкладывает шпагу). Идите, больше не держу вас.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Арманда(пройдя). Вы – насильник. За то, что вы угрожали мне, вы будете противны мне.

Лагранж(волнуясь). Простите меня, я хотел вас спасти. Простите. (Закутывается в плащ и уходит, взяв свой фонарь.)

Арманда(в уборной Мольера). Чудовищно, чудовищно...

Мольер(появляется). А!..

Арманда. Мэтр, весь мир ополчился на меня!

Мольер(обнимает ее, и в то же мгновение появляется Бутон). А, черт возьми! (Бутону.) Вот что: походи осмотри свечи в партере.

Бутон. Я только что оттуда.

Мольер. Тогда вот что: походи к буфетнице и принеси мне графин вина.

Бутон. Я принес уже. Вот оно.

Мольер(тихо). Тогда вот что: походи отсюда просто ко всем чертям, куда-нибудь.

Бутон. С этого прямо и нужно было начинать. (Идет.) Э-хе-хе... (От двери.) Мэтр, скажите, пожалуйста, сколько вам лет?

Мольер. Что это значит?

Бутон. Конные гвардейцы меня спрашивали.

Мольер. Пошел вон!

Бутон уходит.

(Закрыв за ним двери на ключ.) Целуй меня.

Арманда(повисает у него на шее). Вот нос, так уж нос. Под него не подлезешь.

Мольер снимает нос и парик, целует Арманду.

(Шепчет ему.) Ты знаешь, я... (Шепчет ему что-то на ухо.)

Мольер. Моя девочка... (Думает.) Теперь это не страшно. Я решил. (Подводит ее к распятию.) Поклянись, что любишь меня.

Арманда. Люблю, люблю, люблю..

Мольер. Ты не обманываешь меня? Видишь ли, у меня уже появились морщины, я начинаю седеть. Я окружен врагами, и позор убьет меня...

Арманда. Нет, нет! Как можно это сделать!..

Мольер. Я хочу жить еще один век! С тобой! Но не беспокойся, я за это заплачу, заплачу. Я тебя создам! Ты станешь первой, будешь великой актрисой! Это мое мечтанье, и, стало быть, это так и будет. Но помни: если ты не сдержишь клятву, ты отнимешь у меня все.

Арманда. Я не вижу морщин на твоём лице. Ты так смел и так велик, что у тебя не

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
может быть морщин. Ты – Жан...

Мольер. Я – Батист...

Арманда. Ты – Мольер! (Целует его.)

Мольер(смеется, потом говорит торжественно). Завтра мы с тобой обвенчаемся.
Правда, мне много придется перенести из-за этого...

Послышался далекий гул рукоплесканий. В двери стучат.

Ах, что за жизнь!

Стук повторяется.

Дома, у Мадлены, нам сегодня нельзя будет встретиться. Поэтому сделаем вот как:
когда театр погаснет, приходи к боковой двери, в саду, и жди меня, я проведу
тебя сюда. Луны нет.

Стук превращается в грохот.

Бутон(вопит за дверью). Мэтр... Мэтр...

Мольер открывает, и входят Бутон, Лагранж и Одноглазый, в костюме Компании
Черных Мушкетеров и с косою черной повязкой на лице.

Одноглазый. Господин де Мольер?

Мольер. Ваш покорнейший слуга.

Одноглазый. Король приказал мне вручить вам его плату за место в театре –
тридцать су. (Подает монеты на подушке.)

Мольер целует монеты.

Но ввиду того, что вы трудились для короля сверх программы, он приказал мне
передать вам и доплату к билету за то стихотворение, которое вы сочинили и
прочитали королю, – здесь пять тысяч ливров. (Подает мешок.)

Мольер. О король! (Лагранжу.) Мне пятьсот ливров, а остальное раздели поровну
между актерами театра и раздай на руки.

Лагранж. Благодарю вас от имени актеров. (Берет мешок и уходит.)

Вдали полетел победоносный гвардейский марш.

Мольер. Простите, сударь, король уезжает. (Убегает.)

Одноглазый(Арманде). Сударыня, я очень счастлив, что случай... кх... кх... дал мне возможность... Капитан Компании Черных Мушкетеров, д'Орсиньи.

Арманда(приседая). Арманда Бежар. Вы – знаменитый фехтовальщик, который может каждого заколоть?

Одноглазый. Кх... кх... Вы, сударыня, без сомнения, играете в этой труппе?

Бутон. Началось. О мой легкомысленный мэтр.

Одноглазый(с удивлением глядя на кружева на штанах Бутона). Вы мне что-то сказали, почтеннейший?

Бутон. Нет, сударь.

Одноглазый. Стало быть, у вас привычка разговаривать с самим собой?

Бутон. Именно так, сударь. Вы знаете, одно время я разговаривал во сне.

Одноглазый. Что вы говорите?

Бутон. Ей-богу. И – какой курьез, вообразите...

Одноглазый. Что за черт такой! Помолись... (Арманде.) Ваше лицо, сударыня...

Бутон(втираясь)...дико кричал во сне. Восемь лучших врачей в Лиможе лечили меня...

Одноглазый. И они помогли вам, надеюсь?

Бутон. Нет, сударь. В три дня они сделали мне восемь кровопусканий, после чего я лег и остался неподвижен, ежеминутно приобщаясь святых тайн.

Одноглазый(тоскливо). Вы оригинал, любезнейший. Помолись. (Арманде.) Я льщу себя, сударыня... Кто это такой?

Арманда. Ах, сударь, это тушильщик свечей – Жан-Жак Бутон.

Одноглазый(с укором). Милейший, в другой раз как-нибудь я с наслаждением послушаю о том, как вы орали во сне.

Мольер входит.

Честь имею кланяться. Бегу догонять короля.

Мольер. Всего лучшего.

Одноглазый уходит.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Арманда. До свидания, мэтр.

Мольер(проводя ее). Луны нет, я буду ждать. (Бутому.) Попроси ко мне госпожу
Мадлену Бежар. Гаси огни. Ступай домой.

Бутом уходит. Мольер переодевается. Мадлена, разгримированная, входит.

Мадлена, есть очень важное дело.

Мадлена берет за сердце, садится.

Я хочу жениться.

Мадлена(мертвым голосом). На ком?

Мольер. На твоей сестре.

Мадлена. Умоляю, скажи, что ты шутишь.

Мольер. Бог с тобой.

Огни в театре начинают гаснуть.

Мадлена. А я?

Мольер. Что же, Мадлена, мы связаны прочнейшей дружбой, ты верный товарищ, но
ведь любви между нами давно нет.

Мадлена. Ты помнишь, как двадцать лет назад ты сидел в тюрьме. Кто приносил тебе
пищу?

Мольер. Ты.

Мадлена. А кто ухаживал за тобой в течение двадцати лет?

Мольер. Ты, ты.

Мадлена. Собаку, которая всю жизнь стерегла дом, никто не выгонит. Ну, а ты,
Мольер, можешь выгнать. Страшный ты человек, Мольер, я тебя боюсь.

Мольер. Не терзай меня. Страсть охватила меня.

Мадлена(вдруг становится на колени, подползает к Мольеру). А? А все же... измени
свое решение, Мольер. Сделаем так, как будто этого разговора не было. А? Пойдем
домой, ты зажжешь свечи, я приду к тебе... Ты считаешь мне третий акт «Тартюфа».
А? (Заискивающе.) По-моему, это вещь гениальная. А если тебе понадобится
посоветоваться, с кем посоветуешься, Мольер? Ведь она девчонка... Ты, знаешь ли,
постарел, Жан-Батист, вон у тебя висок седой... Ты любишь грелку. Я тебе все
устрою... Вообрази, свеча горит... Камин зажжем, и все будет славно. А если... если уж
ты не можешь... о я знаю тебя... Посмотри на Риваль... Разве она плоха? Какое тело!..
А? Я ни слова не скажу...

Мольер. Одумайся. Что ты говоришь? Какую роль на себя берешь? (Вытирает тоскливо
Страница 35

Мадлена(поднимаясь, в исступлении). На ком угодно, только не на Арманде! О проклятый день, когда я привезла ее в Париж!

Мольер. Тише, Мадлена, тише, прошу тебя. (Шепотом.) Я должен жениться на ней... Поздно. Обязан. Поняла?

Мадлена. Ах вот что. Мой Бог, Бог! (Пауза.) Больше не борюсь, сил нет. Я отпускаю тебя. (Пауза.) Мольер, мне тебя жаль.

Мольер. Ты не лишишь меня дружбы?

Мадлена. Не подходи ко мне, умоляю! (Пауза.) Ну, так – из труппы я уйду.

Мольер. Ты мстишь?

Мадлена. Бог видит, нет. Сегодня был мой последний спектакль. Я устала... (Улыбается.) Я буду ходить в церковь.

Мольер. Ты непреклонна. Театр даст тебе пенсию. Ты заслужила.

Мадлена. Да...

Мольер. Когда твое горе уляжется, я верю, что ты вернешь мне расположение и будешь видеться со мной.

Мадлена. Нет.

Мольер. Ты и Арманду не хочешь видеть?

Мадлена. Арманду буду видеть. Арманда ничего не должна знать. Понял? ничего.

Мольер. Да...

Огни всюду погасли.

(Зажигает фонарь.) Поздно, пойдем, я доведу тебя до твоего дома.

Мадлена. Нет, благодарю, не надо. Позволь мне несколько минут посидеть у тебя...

Мольер. Но ты...

Мадлена. Скоро уйду, не беспокойся. Уйди.

Мольер(закутывается в плащ). Прощай. (Уходит.)

Мадлена сидит у лампы, думает, бормочет. Сквозь занавес показывается свет фонаря, идет Лагранж.

Лагранж(важным голосом). Кто остался в театре после спектакля? Кто здесь? Это вы, госпожа Бежар? Случилось, да? Я знаю.

Мадлена. Я думаю, Регистр.

Лагранж. А у вас не хватило сил сознаться ему?

Мадлена. Поздно. Теперь уже нельзя сказать. Пусть буду несчастна одна я, а не трое. (Пауза.) Вы – рыцарь, Варле, и вам одному я сказала тайну.

Лагранж. Госпожа Бежар, я горжусь вашим доверием. Я пытался остановить ее, но мне это не удалось. Никто никогда не узнает. Пойдемте, я провожу вас.

Мадлена. Нет, благодарю, я хочу думать одна. (Поднимается.) Варле (улыбается), я покинула сегодня сцену. Прощайте. (Идет.)

Лагранж. А все же я провожу?

Мадлена. Нет. Продолжайте ваш обход. (Скрывается.)

Лагранж(приходит к тому месту, где сидел вначале, ставит на стол фонарь, освещается зеленым светом, раскрывает книги, говорит и пишет). «Семнадцатое февраля. Был королевский спектакль. В знак чести рисую лилию. После спектакля во тьме я застал госпожу Мадлену Бежар в мучениях. Она сцену покинула...» (Кладет перо.) Причина? В театре ужасное событие: Жан-Батист Поклен де Мольер, не зная, что Арманда не сестра, а дочь госпожи Мадлены Бежар, женился на ней... Этого писать нельзя, но в знак ужаса ставлю черный крест. И никто из потомков никогда не догадается. Семнадцатому – конец. (Берет фонарь и уходит, как темный рыцарь.)

Некоторое время мрак и тишина, затем в щелях клавиатура появляется свет, слышен музыкальный звон в замках. Крышка приподымается, и из клавиатура выходит, воровски оглядываясь, Муаррон. Это мальчишка лет пятнадцати, с необыкновенно красивым, порочным и измученным лицом. Оборван, грязен.

Муаррон. Ушли. Ушли. Чтоб вас черти унесли, дьяволы, черти... (Хнычет.) Я несчастный мальчик, грязный... не спал два дня... Я никогда не сплю... (Всхлипывает, ставит фонарь, падает, засыпает.)

Пауза. Потом плывет свет фонарика, и, крадучись, Мольер ведет Арманду. Она в темном плаще. Арманда взвизгивает. Муаррон мгновенно просыпается, на лице у него ужас, трясется.

Мольер(грозно). Сознавайся, кто ты такой?

Муаррон. Господин директор, не колите меня, я не вор, я Захария, несчастный Муаррон...

Мольер(расхохотавшись). Понял! Ах, шарлатан окаянный!..

Занавес

Действие второе

Приемная короля. Множество огней повсюду. Белая лестница, уходящая неизвестно куда. За карточным столом маркиз де Лессак играет карты с Людовиком. Толпа придворных, одетых с необыкновенной пышностью, следит за де Лессаком. Перед тем груды золота, золотые монеты валяются и на ковре. Пот течет с лица у де Лессака. Сидит один Людовик, все остальные стоят. Все без шляп. На Людовике костюм белого мушкетера, лихо заломленная шляпа с пером, на груди орденский крест, золотые шпоры, меч. За креслом стоит Одноглазый, ведет игру короля. Тут же неподвижно стоит Мушкетер с мушкетом, не спуская с Людовика глаз.

Де Лессак. Три валета, три короля.

Людовик. Скажите пожалуйста.

Одноглазый (внезапно). Виноват, сир. Крапленые карты, помолись!

Придворные оцепенели. Пауза.

Людовик. Вы пришли ко мне играть краплеными картами?

Де Лессак. Так точно, ваше величество. Обнищание моего имени...

Людовик(Одноглазому). Скажите, маркиз, как я должен поступить по карточным правилам в таком странном случае?

Одноглазый. Сир, вам надлежит ударить его по физиономии подсвечником. Это во-первых...

Людовик. Какое неприятное правило! (Берясь за канделябр.) В этом подсвечнике фунтов пятнадцать... Я полагаю, легкие бы надо ставить.

Одноглазый. Разрешите мне.

Людовик. Нет, не затрудняйтесь. А во-вторых, вы говорите...

Придворные(хором, их взорвало). Обругать его, как собаку.

Людовик. А, отлично. Будьте любезны, пошлите за ним, где он?

Придворные бросаются в разные стороны. Голоса: «Сапожника! Справедливого сапожника требует король!»

(Де Лессаку.) А скажите, как это делается?

Де Лессак. Ногтем, ваше величество. На дамах, например, я нулики поставил.

Людовик(с любопытством). А на валетах?

Де Лессак. Косые крестики, сир.

Людовик. Чрезвычайно любопытно. А как закон смотрит на эти действия?

Де Лессак(подумав). Отрицательно, ваше величество.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Людовик(участливо). И что же вам могут сделать за это?

Де Лессак(подумав). В тюрьму могут посадить.

Справедливый сапожник(входит с шумом). Иду, бегу, лечу, вошел. Вот я. Ваше величество, здравствуйте. Великий монарх, что произошло? Кого надо обругать?

Людовик. Справедливый сапожник, вот маркиз сел играть со мной краплеными картами.

Справедливый сапожник(подавлен, де Лессаку). Да ты... Да ты что?.. Да ты... спятил, что ли?.. Да за это, при игре в три листика, на рынке морду бьют. Хорошо я его отделал, государь?

Людовик. Спасибо.

Справедливый сапожник. Я яблочко возьму?

Людовик. Пожалуйста, возьми. Маркиз де Лессак, берите ваш выигрыш.

Де Лессак набивает золотом карманы.

Справедливый сапожник(расстроен). Ваше величество, да что же это... Да вы смеетесь?!

Людовик(в пространство). Герцог, если вам не трудно, посадите маркиза де Лессака на один месяц в тюрьму. Дать ему туда свечку и колоду карт – пусть рисует на ней крестики и нулики. Затем отправить его в имение – вместе с деньгами. (Де Лессаку.) Приведите его в порядок. И еще в карты больше не садитесь играть, у меня предчувствие, что вам не повезет в следующий раз.

Де Лессак. О сир...

Голос: «Стража!». Де Лессака уводят.

Справедливый сапожник. Вылетай из дворца.

Одноглазый. К-каналья!

Камердинеры засуетились, и перед Людовиком, словно из-под земли, появился стол с одним прибором.

Шаррон(возник у камина). Ваше величество, разрешите мне представить вам бродячего проповедника, отца Варфоломея.

Людовик(начиная есть). Люблю всех моих подданных, в том числе и бродячих. Представьте мне его, архиепископ.

Еще за дверью слышится странное пение. Дверь открывается, и появляется отец Варфоломей. Во-первых, он босой, во-вторых, лохмат, подпоясан веревкой, глаза

Варфоломей(приплясывая, поет). Мы полоумны во Христе.

Удивлены все, кроме Людовика. Брат Верность – постная физиономия с длинным носом, в темном кафтане – выделяется из толпы придворных и прокрадывается к Шаррону.

Одноглазый(глядя на Варфоломея, тихо). Жуткий мальчик, помолись.

Варфоломей. Славнейший царь мира. Я пришел к тебе, чтобы сообщить, что у тебя в государстве появился антихрист.

У придворных на лицах оупение.

Безбожник, ядовитый червь, грызущий подножие твоего трона, носит имя Жан-Батист Мольер. Сожги его вместе с его богомерзким творением «Тартюф» на площади. Весь мир верных сынов церкви требует этого.

Брат Верность при слове «требует» схватился за голову. Шаррон изменился в лице.

Людовик. Требует? У кого же он требует?

Варфоломей. У тебя, государь.

Людовик. У меня? Архиепископ, у меня тут что-то требуют.

Шаррон. Простите, государь. Он, очевидно, помешался сегодня. А я не знал. Это моя вина.

Людовик(в пространство). Герцог, если не трудно, посадите отца Варфоломея на три месяца в тюрьму.

Варфоломей(кричит). Из-за антихриста страдаю!

Движение – и отец Варфоломей исчезает так, что его как будто и не было. Людовик ест.

Людовик. Архиепископ, подойдите ко мне. Я хочу с вами говорить интимно.

Придворные всей толпой отступают на лестницу. Отступает мушкетер, и Людовик – наедине с Шарроном.

Он – полоумный?

Шаррон(твердо). Да, государь, он – полоумный, но у него сердце истинного служителя Бога.

Людовик. Архиепископ, вы находите этого Мольера опасным?

Шаррон(твердо). Государь, это сатана.

Людовик. Гм. Вы, значит, разделяете мнение Варфоломея?

Шаррон. Да, государь, разделяю. Сир, послушайте меня. Безоблачное и победоносное царствование ваше не омрачено и ничем не будет омрачено, пока вы будете любить...

Людовик. Кого?

Шаррон. Бога.

Людовик(сняв шляпу). Я люблю его.

Шаррон(подняв руку). Он – там, вы – на земле, и больше нет никого.

Людовик. Да.

Шаррон. Государь, нет пределов твоей мощи и никогда не будет, пока свет религии почиет над твоим государством.

Людовик. Люблю религию.

Шаррон. Так, государь, я вместе с блаженным Варфоломеем прошу тебя – заступись за нее.

Людовик. Вы находите, что он оскорбил религию?

Шаррон. Так, государь.

Людовик. Дерзкий актер талантлив. Хорошо, архиепископ, я заступлюсь... Но... (понижив голос) я попробую исправить его, он может служить к славе царствования. Но если он совершит еще одну дерзость, я накажу. (Пауза.) Этот – блаженный ваш, – он любит короля?

Шаррон. Да, государь.

Людовик. Архиепископ, выпустите монаха через три дня, но внушите ему, что, разговаривая с королем Франции, нельзя произносить слово «требует».

Шаррон. Да благословит тебя Бог, государь, и да опустит он свою карающую руку на безбожника.

Голос: «Слуга вашего величества господин де Мольер».

Людовик. Пригласить.

Мольер(входит, издали кланяется Людовику, проходит при величайшем внимании придворных. Он очень постарел, лицо больное, серое). Сир!

Людовик. Господин де Мольер, я ужинаю, вы не в претензии?

Мольер. О сир!

Людовик. А вы со мной? (в пространство.) Стул, прибор.

Мольер(бледнея). Ваше величество, этой чести я принять не могу. Увольте.

Стул появляется, и Мольер садится на краешек его.

Людовик. Как относитесь к цыпленку?

Мольер. Любимое мое блюдо, государь. (Умоляюще.) Разрешите встать.

Людовик. Кушайте. Как поживает мой крестник?

Мольер. К великому горю моему, государь, ребенок умер.

Людовик. Как, и второй?

Мольер. Не живут мои дети, государь.

Людовик. Не следует унывать.

Мольер. Ваше величество, во Франции не было случая, чтобы кто-нибудь ужинал с вами. Я беспокоюсь.

Людовик. Франция, господин де Мольер, перед вами в кресле. Она ест цыпленка и не беспокоится.

Мольер. О сир, только вы один в мире можете сказать так.

Людовик. Скажите, чем подарит короля в ближайшее время ваше талантливое перо?

Мольер. Государь... то, что может... послужить... (Волнуется.)

Людовик. Остро пишете. Но следует знать, что есть темы, которых надо касаться с осторожностью. А в вашем «Тартюфе» вы были, согласитесь, неосторожны. Духовных лиц надлежит уважать. Я надеюсь, что мой писатель не может быть безбожником?

Мольер(испуганно). Помилуйте... ваше величество...

Людовик. Твердо веря в то, что в дальнейшем ваше творчество пойдет по правильному пути, я вам разрешаю играть в Пале-Рояле вашу пьесу «Тартюф».

Мольер(приходит в странное состояние). Люблю тебя, король! (В волнении.) Где архиепископ де Шаррон? Вы слышите? Вы слышите?

Людовик встает. Голос: «Королевский ужин окончен!»

Людовик(Мольеру). Сегодня вы будете стелить мне постель.

Мольер схватывает со стола два канделябра и идет впереди. За ним пошел Людовик, и – как будто ветер подул – все перед ними расступаются.

Мольер(кричит монотонно). Дорогу королю! Дорогу королю! (Поднявшись на лестницу, кричит в пустоту.) Смотрите, архиепископ, вы меня не тронете! Дорогу королю!

Наверху загремели трубы.

Разрешен «Тартюф»! (Скрывается с Людовиком.)

Исчезают все придворные, и на сцене остаются только Шаррон и Брат Верность, оба черны.

Шаррон(у лестницы). Нет. Не исправит тебя король. Всемогущий Бог, вооружи меня и поведи по стопам безбожника, чтобы я его настиг! (Пауза.) И упадет с этой лестницы! (Пауза.) Подойдите ко мне, Брат Верность.

Брат Верность подходит к Шаррону.

Брат Верность, вы что же это? Полоумного прислали? Я вам поверил, что он произведет впечатление на государя.

Брат Верность. Кто же знал, что он произнесет слово «требуется»?

Шаррон. Требуется!

Брат Верность. Требуется!!

Пауза.

Шаррон. Вы нашли женщину?

Брат Верность. Да, архиепископ, все готово. Она послала записку и привезет его.

Шаррон. Поедет ли он?

Брат Верность. За женщиной? О, будьте уверены!

Наверху лестницы показывается Одноглазый. Шаррон и Брат Верность исчезают.

Одноглазый(веселится в одиночестве). Ловил поп антихриста, поймал... три месяца тюрьмы! Истинный БОГ, помоо...

Справедливый сапожник(появившись из-под лестницы). Ты, Помолись?

Одноглазый. Ну, скажем, я. Ты можешь называть меня просто маркиз д'Орсиньи. Что тебе надо?

Справедливый сапожник. Тебе записка.

Одноглазый. От кого?

Справедливый сапожник. Кто ж ее знает, я ее в парке встретил, а сама она в маске.

Одноглазый(читая записку). Гм... какая же это женщина?

Справедливый сапожник(изучая записку). Я думаю, легкого поведения.

Одноглазый. Почему?

Справедливый сапожник. Потому, что записки пишет.

Одноглазый. Дурак.

Справедливый сапожник. Чего ж ты лаешься?

Одноглазый. Сложена хорошо?

Справедливый сапожник. Ну, это ты сам узнаешь.

Одноглазый. Ты прав. (Уходит задумчиво.)

Огни начинают гаснуть, и у дверей, как видения, появляются темные мушкетеры. Голос вверху лестницы, протяжно: «Король спит!» Другой голос, в отдалении: «Король спит!» Третий голос в подzemелье, таинственно: «Король спит!»

Справедливый сапожник. Усну и я. (Ложится на карточный стол, закутывается в портьеру с гербами так, что торчат только его чудовищные башмаки.)

Дворец расплывается в темноте и исчезает... и возникает квартира Мольера. День. Клавесин открыт. Муаррон, пышно разодетый, очень красивый человек лет двадцати двух, играет нежно. Арманда в кресле слушает, не спуская с него глаз. Муаррон кончил играть.

Муаррон. Что вы, маменька, скажете по поводу моей игры?

Арманда. Господин Муаррон, я просила уже вас не называть меня маменькой.

Муаррон. Во-первых, сударыня, я не Муаррон, а господин де Муаррон. Вон как! Хе-хе. Хо-хо.

Арманда. Уж не в клавесине ли сидя, вы получили титул?

Муаррон. Забудем клавесин. Он покрылся пылью забвения. Это было давно. Ныне же я знаменитый актер, коему рукоплещет Париж. Хе-хе. Хо-хо.

Арманда. И я вам советую не забывать, что этим вы обязаны моему мужу. Он вытащил вас за грязное ухо из клавесина.

Муаррон. Не за ухо, а за не менее грязные ноги. Отец – пристойная личность, нет слов, но ревнив, как сатана, и характера ужасного.

Арманда. Могу поздравить моего мужа. Изумительного наглеца он усыновил.

Муаррон. Нагловат я, верно, это правильно... Такой характер у меня... Но актер! Нет равного актера в Париже. (Излишне веселится, как человек, накликающий на себя

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
беду.)

Арманда. Ах нахал! А Мольер?

Муаррон. Ну чего же говорить... Трое и есть: мэтр да я.

Арманда. А третий кто?

Муаррон. Вы, мама. Вы, моя знаменитая актриса. Вы. Психея. (Тихо аккомпанирует себе, декламирует.) Весной в лесах... летает Бог...

Арманда(глухо). Отодвинься от меня.

Муаррон(левой рукой обнимает Арманду, правой аккомпанирует). Так строен стан... Амур-герой...

Арманда. Несет колчан... Грозит стрелой... (Тревожно.) Где Бутон?

Муаррон. Не бойся, верный слуга на рынке.

Арманда(декламирует). Богиня Венера послала любовь. Прильни, мой любовник, вспени мою кровь.

Муаррон поднимает край ее платья, целует ногу.

(Вздрагивает, закрывает глаза.) негодяй! (Тревожно.) Где Ренэ?

Муаррон. Старуха в кухне. (Целует другое колено.) Мама, пойдем ко мне в комнату.

Арманда. Ни за что, девой Пречистой клянусь!

Муаррон. Пройдем ко мне.

Арманда. Ты самый опасный человек в Париже. Будь неладен час, когда тебя откопали в клавесине.

Муаррон. Мама, идем...

Арманда. Девой клянусь, нет... (Встает.) Не пойду. (Идет, скрывается с Муарроном за дверь.)

Муаррон закрывает дверь на ключ.

Зачем, зачем ты закрываешь дверь? (Глухо.) Ты меня погубишь!..

Пауза. Входит Бутон с корзиной овощей, торчат хвосты моркови.

Бутон(прислушивается, ставит корзину на пол). Странно. (Снимает башмаки, крадется к двери, слушает.) Ах, разбойник!.. Но, господи, я здесь ни при чем... ничего не видел, не слышал и не знаю... Царь небесный, он идет! (Скрывается, оставив на полу корзину и башмаки.)

Входит Мольер, кладет трость и шляпу, недоуменно смотрит на башмаки.

Мольер. Арманда!

Ключ в замке мгновенно поворачивается. Мольер устремляется в дверь. Арманда вскрикивает за дверью, шум за дверью, затем выбегает Муаррон, держит свой парик в руке.

Муаррон. Да как вы смеете?!

Мольер(выбегает за ним). Мерзавец! (Задыхаясь.) Не верю, не верю глазам!.. (Опускается в кресло. Ключ в замке поворачивается.)

Арманда(за дверью). Жан-Батист, опомнись!

Бутон заглянул в дверь и пропал.

Мольер(погрозил кулаком двери). Так ты, значит, ел мой хлеб и за это меня обесчестил?

Муаррон. Вы смели меня ударить! Берегитесь! (Берется за рукоятку шпаги.)

Мольер. Брось сейчас же рукоятку, гадина!

Муаррон. Вызываю вас!

Мольер. Меня? (Пауза.) Вон из моего дома!

Муаррон. Вы безумный, вот что, отец. Прямо Сганарель.

Мольер. Бесчестный бродяга! Я тебя отогрел, но я же тебя и ввергну в пучину. Будешь ты играть на ярмарках. Захария Муаррон, с сегодняшнего числа ты в труппе Пале-Рояля не служишь. Иди.

Муаррон. Как, вы гоните меня из труппы?

Мольер. Уходи, усыновленный вор.

Арманда(за дверью отчаянно). Мольер!

Муаррон(теряясь). Отец, вам померещилось, мы репетировали Психею... своего текста не знаете... Что же это вы разбиваете мою жизнь?

Мольер. Уходи, или я действительно ткну тебя шпагой.

Муаррон. Так. (Пауза.) В высокой мере интересно знать, кто же это будет играть Дон Жуана? Уж не Лагранж ли? Хо-хо. (Пауза.) Но смотрите, господин де Мольер, не раскайтесь в вашей безумии. (Пауза.) Я, господин Мольер, владею вашей тайной.

Мольер рассмеялся.

Госпожу Мадлену Бежар вы забыли? Да? Она при смерти... все молится... А между тем, сударь, во Франции есть король.

Мольер. Презренный желторотый лгун, что ты несешь?

Муаррон. Несешь? Прямо отсюда отправляюсь я к архиепископу.

Мольер(рассмеялся). Ну, спасибо измене. Узнал я тебя. Но имей в виду, что если до этих твоих слов мое сердце еще могло смягчиться, после них – никогда. Ступай, жалкий дурак!

Муаррон(из двери). Сганарель проклятый!

Мольер хватает со стены пистолет, и Муаррон исчезает.

Мольер(трясет дверь, потом говорит в замочную скважину). Уличная женщина.

Арманда громко зарыдала за дверью.

Бутон!

Входит Бутон в чулках.

Бутон. Я, сударь.

Мольер. Сводник.

Бутон. Сударь.

Мольер. Почему здесь башмаки?!

Бутон. Это, сударь...

Мольер. Лжешь, по глазам вижу, что лжешь!

Бутон. Сударь, чтобы налгать, нужно хоть что-нибудь сказать. А я еще ничего не произнес. Башмаки я снял, ибо... Гвозди, изволите видеть? Подкованные башмаки, будь они прокляты... так я, изволите ли видеть, громыхал ногами, а они репетировали и от меня двери на ключ заперли.

Арманда(за дверью). Да!

Мольер. Овощи при чем?

Бутон. А овощи вообще не участвуют. Ни при чем. Я их с базара принес. (Надевает башмаки.)

Мольер. Арманда!

Молчание.

(Говорит в скважину.) Ты что же, хочешь, чтобы я умер? У меня больное сердце.

Бутон(в скважину). Вы что, хотите, чтобы он умер? У него больное сердце...

Мольер. Пошел вон. (Ударяет ногой по корзине.)

Бутон исчезает.

Арманда... (Садится у двери на скамеечку.) Потерпи еще немного, я скоро освобожу тебя. Я не хочу умирать в одиночестве...

Арманда выходит заплаканная.

А ты можешь поклясться?

Арманда. Клянусь.

Мольер. Скажи мне что-нибудь.

Арманда(шмыгая носом). Такой драматург, а дома... дома... Я не понимаю, как в тебе это может уживаться. Как? Что ты наделал? Скандал на весь Париж. Зачем ты выгнал Муаррона?

Мольер. Да, верно. Ужасный срам. Но ведь он, ты знаешь, негодяй, змееныш... ох, порочный, порочный мальчик, и я боюсь за него. Действительно, от отчаяния он начнет шляться по Парижу, а я его ударил... Ох, как неприятно!..

Арманда. Верни Муаррона, верни.

Мольер. Пусть один день походит, а потом я его верну.

Занавес

Действие третье

Каменный подвал, освещенный трехсвечной люстрой. Стол, покрытый красным сукном, на нем книга и какие-то рукописи. За столом сидят члены Кабалы Священного писания в масках; в кресле отдельно, без маски, сидит Шаррон. Дверь открывается, и двое в черном – люди жуткого вида – вводят Муаррона со связанными руками и с повязкой на глазах. Руки ему развязывают, повязку снимают.

Муаррон. Куда меня привели?

Шаррон. Это все равно, сын мой. Ну, повторйй при собрании этих честных братьев свой донос.

Муаррон молчит.

Брат Сила. Ты – немой?

Муаррон. Кх... я... святой архиепископ... неясно тогда расслышал и... Я, пожалуй, лучше ничего не буду говорить.

Шаррон. Похоже, сын мой, что ты мне сегодня утром наклеветал на господина Мольера.

Муаррон молчит.

Брат Сила. Отвечай, грациозная дрянь, архиепископу.

Молчание.

Шаррон. С прискорбием вижу я, сын мой, что ты наклеветал.

Брат Сила. Врать вредно, дорогой актер. Придется тебе сесть в тюрьму, красавчик, где ты долго будешь кормить клопов. А делу мы все равно ход дадим.

Муаррон(хрипло). Я не клеветал.

Брат Сила. Не тьяни из меня жилы, рассказывай.

Муаррон молчит.

Эй!

Из двери выходят двое еще более неприятного вида, чем те, которые Муаррона привели.

(Глядя на башмаки Муаррона.) А у тебя красивые башмаки, но бывают и еще красивее. (Заплечным мастерам.) Принесите сюда испанский сапожок.

Муаррон. Не надо. Несколько лет тому назад я, мальчишкой, сидел в клавесине у шарлатана.

Брат Сила. Зачем же тебя туда занесло?

Муаррон. Я играл на внутренней клавиатуре. Это такой фокус, будто бы самоиграющий клавесин.

Брат Сила. Ну-с?

Муаррон. В клавесине... Нет, не могу, святой отец! Я был пьян сегодня утром, я забыл, что я сказал вам...

Брат Сила. В последний раз прошу тебя не останавливаться!

Муаррон. И... ночью слышал, как голос сказал, что господин де Мольер... женился не на сестре... Мадлены Бежар... а на ее дочери...

Брат Сила. Так чей же это был голос?

Муаррон. Я полагаю, что он мне пригрезился.

Брат Сила. Ну вот, чей пригрезился тебе?

Муаррон. Актера Лагранжа.

Шаррон. Ну, довольно, спасибо тебе, друг. Ты честно исполнил свой долг. Не терзайся. Всякий верный подданный короля и сын церкви за честь должен считать донести о преступлении, которое ему известно.

Брат Сила. Он ничего себе малый. Первоначально он мне не понравился, но теперь я вижу, что он добрый католик.

Шаррон(Муаррону). Ты, друг, проведешь день или два в помещении, где к тебе будут хорошо относиться и кормить, а потом ты поедешь со мной к королю.

Муаррону завязывают глаза, связывают руки и уводят его.

Так вот, братья, сейчас здесь будет посторонний, и разговаривать с ним я попрошу Брата Верность, потому что мой голос он знает.

В дверь стучат. Шаррон надвигает капюшон на лицо и скрывается в полутьме. Брат Верность идет открывать дверь. Появляется Незнакомка в маске и ведет за руку Одноглазого. Глаза у того завязаны платком.

Одноглазый. Очаровательница, когда же вы наконец разрешите снять повязку? Вы могли бы положиться и на мое слово. Помолись, в вашей квартире пахнет сыростью.

Незнакомка в маске. Еще одна ступенька, маркиз. Так... Снимайте. (Прячется.)

Одноглазый(снимает повязку, оглядывается). А! Помолись! (Мгновенно правой рукой выхватывает шпагу, а левой пистолет и становится спиной к стене, обнаруживает большой жизненный опыт. Пауза.) У некоторых под плащами торчат кончики шпаг. В большой компании меня можно убить, но предупреждаю, что трех из вас вынесут из этой ямы ногами вперед. Я – «Помолись». Ни с места! Где дрянь, заманившая меня в ловушку?

Незнакомка в маске(из тьмы). Я здесь, маркиз, но я вовсе не дрянь.

Брат Сила. Фи, маркиз, даме...

Брат Верность. Мы просим вас успокоиться, никто не хочет нападать на вас.

Брат Сила. Маркиз, спрячьте ваш пистолет, он смотрит, как дырявый глаз, и портит беседу.

Одноглазый. Где я нахожусь?

Брат Верность. В подвале церкви.

Одноглазый. Требую выпустить меня отсюда!

Брат Верность. Дверь в любую минуту откроют для вас.

Одноглазый. В таком случае зачем же заманивать меня сюда, помолись! Прежде всего это не заговор на жизнь короля?

Брат Верность. Бог вас простит, маркиз. Здесь пламенные обожатели короля. Вы находитесь на тайном заседании Кабалы Священного писания.

Одноглазый. Ба! Кабала! Я не верил в то, что она существует. Зачем же я понадобился ей? (Прячет пистолет.)

Брат Верность. Присаживайтесь, маркиз, прошу вас.

Одноглазый. Спасибо. (Садится.)

Брат Верность. Мы скорбим о вас, маркиз.

Члены Кабалы(хором). Мы скорбим.

Одноглазый. А я не люблю, когда скорбят. Изложите дело.

Брат Верность. Маркиз, мы хотели вас предупредить о том, что-над вами смеются при дворе.

Одноглазый. Это ошибка. Меня зовут «Помолись».

Брат Верность. Кому же во Франции неизвестно ваше несравненное искусство? Поэтому и шепчутся за вашей спиной.

Одноглазый(хлопнув шпагой по столу). Фамилию!

Члены Кабалы перекрестились.

Брат Сила. К чему этот шум, маркиз?

Брат Верность. Шепчет весь двор.

Одноглазый. Говорите, а не то я потеряю терпение!

Брат Верность. Вы изволите знать гнуснейшую пьесу некоего Жана-Батиста Мольера под названием «Тартюф»?

Одноглазый. Я в театр Пале-Рояль не хожу, но слышал о ней.

Брат Верность. В этой пьесе комедиант-безбожник насмеялся над религией и над ее служителями.

Одноглазый. Какой негодник!

Брат Верность. Но не одну религию оскорбил Мольер. Ненавидя высшее общество, он и над ним надругался. Пьесу «Дон Жуан», может быть, изволите знать?

Одноглазый. Тоже слышал. Но какое отношение к д'Орсиньи имеет балаган в

Брат Верность. У нас совершенно точные сведения о том, что борзописец вас, маркиз, вывел в качестве своего героя Дон Жуана.

Одноглазый(спрятав шпагу). Что же это за Дон Жуан?

Брат Сила. Безбожник, негодяй, убийца и, простите, маркиз, растлитель женщин.

Одноглазый(изменившись в лице). Так. Благодарю вас.

Брат Верность(взяв со стола рукопись). Может быть, вам угодно ознакомиться с материалом?

Одноглазый. Нет, благодарю, неинтересно. Скажите, среди присутствующих, может быть, есть кто-нибудь, кто считает, что были основания вывести д'Орсиньи в пакостном виде?

Брат Верность. Братья, нет ли такого?

Среди членов Кабалы полное отрицание.

Такого не имеется. Итак, вы изволите видеть, какими побуждениями мы руководствовались, пригласив вас столь странным способом на тайное заседание. Здесь, маркиз, лица вашего круга, и вы сами понимаете, как нам неприятно...

Одноглазый. Вполне. Благодарю вас.

Брат Верность. Многоуважаемый маркиз, мы полагаемся на то, что сказанное сегодня останется между нами, равно как и никому не будет известно, что мы тревожили вас.

Одноглазый. Не беспокойтесь, сударь. Где дама, которая привезла меня?

Незнакомка в маске(входит). Я здесь.

Одноглазый(хмуро). Приношу вам свои извинения, сударыня.

Незнакомка в маске. Бог вас простит, маркиз, прощаю и я. Пожалуйста со мной, я отвезу вас к тому месту, где мы встретились. Вы позволите вам опять завязать глаза, потому что почтенное общество не хочет, чтобы кто-нибудь видел дорогу к месту их заседаний.

Одноглазый. Если уж это так необходимо...

Одноглазому завязывают глаза, и Незнакомка уводит его. Дверь закрывается.

Шаррон(снимая капюшон и выходя из тьмы). Заседание Кабалы Священного писания объявляю закрытым. Помолимся, братья.

Члены Кабалы встают и тихо поют: *Laudamus, tibi, Domine, rex aeternae gloriae...*[3 - Начало молитвы: «Хвалим, Господи, тебе, царю вечной славы» (лат.)]...Необъятный собор полон ладаном, туманом и тьмой. Бродят огоньки. Маленькая исповедальня архиепископа, в ней свечи. Проходят две темные фигуры, послышался хриплый шепот: «Вы видели „Тартюфа“?... Вы видели „Тартюфа“?...» – и пропал. Появляются Арманда и Лагранж, ведут под руки Мадлену. Та – седая, больная.

Мадлена. Спасибо, Арманда. Спасибо и вам, Варле, мой преданный друг.

Орган зазвучал в высоте.

Лагранж. Мы подождем вас здесь. Вот дверь архиепископа.

Мадлена крестится и, тихо постучав, входит в исповедальню. Арманда и Лагранж закутываются в черные плащи, садятся на скамью, и тьма их поглощает.

Шаррон(возникает в исповедальне). Подойдите, дочь моя. Вы – Мадлена Бежар?

Орган умолк.

Узнал я, что вы одна из самых набожных дочерей собора, и сердцу моему вы милы. Я сам решил исповедовать вас.

Мадлена. Какая честь мне, грешнице. (Целует руки Шаррону.)

Шаррон(благословляя Мадлену, накрывает ее голову покрывалом). Вы больны, бедная?

Мадлена. Больна, мой архиепископ.

Шаррон(страдальчески). Что же, хочешь оставить мир?

Мадлена. Хочу оставить мир.

Орган в высоте.

Шаррон. Чем больна?

Мадлена. Врачи сказали, что сгнила моя кровь, и вижу дьявола, и боюсь его.

Шаррон. Бедная женщина! Чем спасаешься от дьявола?

Мадлена. Молюсь.

Орган умолкает.

Шаррон. Господь за это вознесет тебя и полюбит.

Мадлена. А он не забудет меня?

Шаррон. Нет. Чем грешна, говори.

Мадлена. Всю жизнь грешила, мой отец. Была великой блудницей, лгала, много лет была актрисой и всех прельщала.

Шаррон. Какой-нибудь особенно тяжкий грех за собой помнишь?

Мадлена. Не помню, архиепископ.

Шаррон(печально). Безумны люди. И придешь ты с раскаленным гвоздем в сердце, и там уже никто не вынет. Никогда! Значение слова «никогда» понимаешь ли?

Мадлена(подумала). Поняла. (Испугалась.) Ах, боюсь!

Шаррон(превращаясь в дьявола). И увидишь костры, а между ними...

Мадлена...ходит, ходит часовой...

Шаррон...и шепчет... зачем же ты не оставила свой грех, а принесла его с собой?

Мадлена. А я заломлю руки, Богу закричу.

Орган зазвучал.

Шаррон. И тогда уже не услышит Господь. И обвиснешь ты на цепях, и ноги погрузишь в костер... И так всегда. Слово «всегда» понимаешь?

Мадлена. Боюсь понять. Если я пойму, я сейчас же умру. (Вскрикивает слабо.) Поняла. А если оставить здесь?

Шаррон. Будешь слушать вечную службу.

В высоте со свечами прошла процессия и спели детские голоса. Потом это все исчезло.

Мадлена(шарит руками, как во тьме). Где вы, святой отец?

Шаррон(глухо). Я здесь... Я здесь... Я здесь...

Мадлена. Хочу слушать вечную службу. (Шепчет страстно.) Давно, давно я жила с двумя и прижила дочь Арманду и всю жизнь терзалась, не зная, чья она...

Шаррон. Ах, бедная...

Мадлена. Я родила ее в провинции. Когда же она выросла, я привезла ее в Париж и выдала ее за свою сестру. Он же, обуреваемый страстью, сошелся с ней, и я уже ничего не сказала ему, чтобы не сделать несчастным и его. Из-за меня, быть может, он совершил смертный грех, а меня поверг в ад. Хочу лететь в вечную службу.

Шаррон. И я, архиепископ, властью мне данною, тебя развязываю и отпускаю.

Мадлена(плача от восторга). Теперь могу лететь!

Шаррон(плача счастливыми слезами). Лети, лети.

Орган замолк.

Ваша дочь здесь? Позовите ее сюда, я прощу и ей невольный грех.

Мадлена(выходя из исповедальни). Арманда, Арманда, сестра моя, пойдй, архиепископ и тебя благословит. Я счастлива!.. Я счастлива!..

Лагранж. Я посажу вас в карету.

Мадлена. А Арманда?

Лагранж. Вернись за ней. (Уводит Мадлену во мрак.)

Арманда входит в исповедальню. Шаррон возникает страшен, в рогатой митре, крестит обратным дьявольским крестом Арманду несколько раз быстро. Орган загудел мощно.

Шаррон. Скажи, ты знаешь, кто был сейчас у меня?

Арманда(ужасается, вдруг все понимает). Нет, нет... Она сестра моя, сестра...

Шаррон. Она твоя мать. Тебе я прощаю. Но сегодня же беги от него, беги.

Арманда, слабо вскрикнув, падает навзничь и остается неподвижной на пороге исповедальни. Шаррон исчезает. Орган гудит успокоительно.

Лагранж(возвращается в полумраке, как темный рыцарь). Арманда, вам дурно?

Тьма.

..День. Приемная короля. Людовик, в темном кафтане с золотом, – у стола. Перед ним – темный и измученный Шаррон. На полу сидит Справедливый сапожник – чинит башмак.

Шаррон. На предсмертной исповеди она мне это подтвердила, и тогда я не считал даже нужным, ваше величество, допрашивать актера Лагранжа, чтобы не раздувать это гнусное дело. И следствие я прекратил. Ваше величество, Мольер запятнал себя преступлением. Впрочем, как будет угодно судить вашему величеству.

Людовик. Благодарю вас, мой архиепископ. Вы поступили правильно. Я считаю дело выясненным. (Звонит, говорит в пространство.) Вызовите сейчас же директора Пале-Рояль господина де Мольера. Снимите караулы из этих комнат, я буду говорить

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
наедине. (Шаррону.) Архиепископ, пришлите ко мне этого Муаррона.

Шаррон. Сейчас, сир. (Уходит.)

Справедливый сапожник. Великий монарх, видимо, королевство без доносов
существовать не может?

Людовик. Помалкивай, шут, чини башмак. А ты не любишь доносчиков?

Справедливый сапожник. Ну чего же в них любить? Такая сволочь, ваше величество!

Входит Муаррон. Глаза у него затравленные, запуган и имеет такой вид, точно он
слал не раздеваясь. Людовик, которого он видит так близко – впервые, очевидно, –
производит на него большое впечатление.

Людовик(вежливо). Захария Муаррон?

Муаррон. Так, ваше величество.

Людовик. Вы в клавесине сидели?

Муаррон. Я, сир.

Людовик. Господин де Мольер вас усыновил?

Муаррон молчит.

Я вам задал вопрос.

Муаррон. Да.

Людовик. Актерскому искусству он вас учил?

Муаррон заплакал.

Я вам задал вопрос.

Муаррон. Он.

Людовик. Каким побуждением руководствовались, когда писали донос на имя короля?
Здесь написано: «желая помочь правосудию».

Муаррон(механически). Так, желая...

Людовик. Верно ли, что он вас ударил по лицу?

Муаррон. Верно.

Людовик. За что?

Муаррон. Его жена изменяла ему со мной.

Людовик. Так. Это не обязательно сообщать на допросе. Можно сказать так: по

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
интимным причинам. Сколько вам лет?

Муаррон. Двадцать три года.

Людовик. Объявляю вам благоприятное известие. Донос ваш подтвержден следствием. Какое вознаграждение хотите получить от короля? Денег хотите?

Муаррон(вздрогнул. Пауза). Ваше величество, позвольте мне поступить в королевский бургонский театр.

Людовик. Нет. О вас сведения, что вы слабый актер. Нельзя.

Муаррон. Я – слабый?.. (Наивно.) А в Театр дю Марэ?

Людовик. Тоже нет.

Муаррон. А что же делать мне?..

Людовик. Зачем вам эта сомнительная профессия актера? Вы – ничем не запятанный человек. Если желаете, вас примут на королевскую службу, в сыскную полицию. Подайте на имя короля заявление. Оно будет удовлетворено. Можете идти.

Муаррон пошел.

Справедливый сапожник. На осину, на осину...

Людовик. Шут. (Звонит.) Господина де Мольера!

Лишь только Муаррон скрылся за дверью, в других дверях появляется Лагранж, вводит Мольера и тотчас же скрывается. Мольер в странном виде: воротник надет криво, парик в беспорядке, лицо свинцовое, руки трясутся, шпага висит криво.

Мольер. Сир...

Людовик. Почему и с каким спутником вы явились, в то время как пригласили вас одного?

Мольер(испуганно улыбаясь). Верный ученик мой, актер де Лагранж... проводил. У меня, извольте ли видеть, случился сердечный припадок, и я один дойти не мог... Надеюсь, я ничем не прогневил ваше величество? (Пауза.) У меня, извольте ли... несчастье случилось... извините за беспорядок в туалете. Мадлена Бежар скончалась вчера, а жена моя, Арманда, в тот же час бежала из дому... Все бросила... Платья, вообразите... комод... кольца... и безумную записку оставила... (Вынимает из кармана какой-то лоскут, заискивающе улыбается.)

Людовик. Святой архиепископ оказался прав. Вы не только грязный хулиган религии в ваших произведениях, но вы и преступник, вы – безбожник.

Мольер замер.

Объявляю вам решение по делу о вашей женитьбе: запрещаю вам появляться при дворе, запрещаю играть «Тартюфа». Только с тем, чтобы ваша труппа не умерла с голоду, разрешаю играть в Пале-Рояле ваши смешные комедии, но ничего более... И с

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
этого дня бойтесь напомнить мне о себе! Лишаю вас покровительства короля.

Мольер. Ваше величество, ведь это же бедствие... хуже плахи... (Пауза.) За что?

Людовик. За тень скандальной свадьбы, брошенную на королевское имя.

Мольер(опускаясь в кресло). Извините... я не могу подняться...

Людовик. Уезжайте. Прием окончен. (Уходит)

Лагранж(заглянув в дверь). Что?

Мольер. Карету... Отвези... Позови...

Лагранж скрывается.

Мадлену бы, посоветоваться, но она умерла. Что же это такое?

Справедливый сапожник(сочувственно). Ты что же это? В Бога не веришь, да? Э... как тебя скрутило... На яблоко.

Мольер(машинально берет яблоко). Благодарю.

Шаррон входит и останавливается, долго смотрит на Мольера. У Шаррона удовлетворенно мерцают глаза.

(При виде Шаррона начинает оживать – до этого он лежал грудью на столе. Приподнимается, глаза заблестели.) А, святой отец! Довольны? Это за «Тартюфа»? Понятно мне, почему вы так ополчились за религию. Догадливы вы, мой преподобный. Нет спору. Говорят мне как-то приятели: «Описали бы вы какую-нибудь стерву – монаха». Я вас и изобразил. Потому что где же взять лучшую стерву, чем вы?

Шаррон. Я скорблю о вас, потому что кто по этому пути пошел, тот уж наверное будет на виселице, сын мой.

Мольер. Да вы меня не называйте вашим сыном, потому что я не чертов сын. (Вынимает шпагу.)

Справедливый сапожник. Что ж ты лаешься?

Шаррон(мерцая). Впрочем, вы до виселицы не дойдете. (Зловеще оглядывается.)

Из-за двери выходит Одноглазый с тростью.

Одноглазый(молча подходит к Мольеру, наступает ему на ногу). Господин, вы толкнули меня и не извинились. Вы – невежа!

Мольер(машинально). Извините... (напряженно.) Вы толкнули меня.

Одноглазый. Вы – лгун!

Мольер. Как смеете вы! Что вам угодно от меня?!

Лагранж вошел в это мгновение.

Лагранж(изменился в лице). Мэтр, сию минуту уходите, уходите! (Волнуясь.)
Маркиз, господин де Мольер нездоров.

Одноглазый. Я застал его со шпагой в руке. Он здоров. (Мольеру.) Моя фамилия – д'Орсиньи. Вы, милостивый государь, прохвост!

Мольер. Я вызываю вас!

Лагранж(в ужасе). Уходите. Это – «Помолись»!

Шаррон. Господа, что вы делаете, в королевской приемной, ах...

Мольер. Я вызываю!

Одноглазый. Готово дело. Больше я вас не оскорбляю. (Зловеще-весело.) Суди меня БОГ, великий король! Принимай, сырая Бастилия! (Лагранжу.) Вы, сударь, будете свидетелем. (Мольеру.) Отдайте ему распоряжение насчет имущества. (Вынимает шпагу, пробует конец.) Нет распоряжений? (Кричит негромко и протяжно.) Помолись! (Крестит воздух шпагой.)

Шаррон. Господа, опомнитесь!.. Господа!.. (Легко взлетает на лестницу и оттуда смотрит на поединок.)

Лагранж. Прямое убийство!..

Справедливый сапожник. В королевской приемной режутся!

Одноглазый схватывает Справедливого сапожника за шиворот, и тот умолкает.
Одноглазый бросается на Мольера. Мольер, отмахиваясь шпагой, прячется за стол.
Одноглазый вскакивает на стол.

Лагранж. Бросайте шпагу, учитель!

Мольер бросает шпагу, опускается на пол.

Одноглазый. Берите шпагу!

Лагранж(Одноглазому). Вы не можете колоть человека, у которого нет шпаги в руке!

Одноглазый. Я и не колю. (Мольеру.) Берите шпагу, подлый трус!

Мольер. Не оскорбляйте меня и не бейте. Я как-то чего-то не понимаю. У меня, извольте ли видеть, большое сердце... и моя жена бросила меня... Бриллиантовые кольца на полу валяются... даже белья не взяла... беда...

Одноглазый. Ничего не понимаю!

Мольер. Я не постигаю, за что вы бросились на меня? Я вас и видел-то только два раза в жизни. Вы деньги приносили?.. Но ведь это было давно. Я болен... уж вы, пожалуйста, меня не трогайте...

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Одноглазый. Я вас убью после первого вашего спектакля! (Вкладывает шпагу в
ножны.)

Мольер. Хорошо... хорошо... все равно...

Справедливый сапожник вдруг срывается с места и исчезает. Лагранж поднимает
Мольера с полу, схватывает шпагу и увлекает Мольера вон. Одноглазый смотрит им
вслед.

Шаррон(сходит с лестницы с горящими глазами. Пауза.). Почему вы его не кололи?

Одноглазый. Какое вам дело? Он бросил шпагу, помолись.

Шаррон. Болван!

Одноглазый. Что?! Чертов поп!

Шаррон(вдруг плюнул в Одноглазого). Тьфу!

Одноглазый до того оторопел, что в ответ плюнул в Шаррона. Дверь открылась, и
влетел взволнованный Справедливый сапожник, за ним вошел Людовик. Ссорящиеся до
того увлеклись, что не сразу перестали плевать. Четверо долго и тупо смотрели
друг на друга.

Людовик. Извините, что помешал. (Скрывается, закрыв за собой дверь.)

Занавес

Действие четвертое

Квартира Мольера. Вечер. Свечи в канделябрах, таинственные тени на стенах.
Беспорядок. Разбросаны рукописи. Мольер, в колпаке, в белье, в халате, сидит в
громадном кресле. Бутон – в другом. На столе две шпаги и пистолет. На другом
столе ужин и вино, к которому Бутон время от времени прикладывает. Лагранж в
темном плаще ходит взад и вперед и не то ноет, не то что-то напевает, за ним по
стене ходит темная рыцарская тень.

Лагранж. У... клавесин... клавесин...

Мольер. Перестань, Лагранж. Ты тут ни при чем. Это судьба пришла в мой дом и
похитила у меня все.

Бутон. Истинная правда. У меня у самого трагическая судьба. Торговал я,
например, в Лиможе пирожками... Никто этих пирожков не покупает, конечно... Хотел
стать актером, к вам попал...

Мольер. Помолчи, Бутон.

Бутон. Молчу.

Горькая пауза. Затем слышен скрип лестницы. Дверь открывается, и входит Муаррон. Он не в кафтане, а в какой-то грязной куртке. Потерт, небрит и полупьян, в руке фонарь. Сидящие прикладывают руки козырьком к глазам. Когда Муаррона узнали, Лагранж схватывает со стола пистолет, Мольер бьет Лагранжа по руке, Лагранж стреляет и попадает в потолок. Муаррон, ничуть не удивившись, вяло посмотрел в то место, куда попала пуля. Лагранж, хватаясь за что попало, разбивает кувшин, бросается на Муаррона, валит его на землю и начинает душить.

Лагранж. Казни меня, король, казни... (Рыча.) Иуда!

Мольер(страдальчески). Бутон... Бутон... (Вдвоем с Бутонотом оттааскивают Лагранжа от Муаррона. Лагранжу.) А ведь уморишь меня ты, ты... стрельбой и шумом... Ты что ж еще? Убийство у меня в квартире учинить хочешь?

Пауза.

Лагранж. Тварь Захария Муаррон, ты меня знаешь?

Муаррон утвердительно кивает.

Куда бы ты ночью ни пошел – жди смерти. Утра ты уже не увидишь. (Закутывается в плащ и умолкает.)

Муаррон утвердительно кивает головой Лагранжу, становится перед Мольером на колени и кланяется в землю.

Мольер. С чем пожаловал, сынок? Преступление раскрыто, стало быть, что можешь ты еще выудить в моем доме? О чем напишешь королю? Или ты подозреваешь, что я еще и фальшивомонетчик? Осмотри шкафы и комоды, я тебе разрешаю.

Муаррон вторично кланяется.

Без поклонов говори, что тебе требуется.

Муаррон. Уважаемый и предрагоценный мой учитель, вы думаете, что я пришел просить прощения. Нет. Я явился, чтобы успокоить вас: не позже полуночи я повешусь у вас под окнами вследствие того, что жизнь моя продолжаться не может. Вот веревка. (Вынимает из кармана веревку.) И вот записка: «Я уйду в ад».

Мольер(горько). Вот успокоил.

Бутон(глотнув вина). Да, это труднейший случай. Один философ сказал...

Мольер. Молчи, Бутон.

Бутон. Молчу.

Муаррон. Я пришел побыть возле вас. А на госпожу Мольер, если бы я остался жить, я не взгляну ни одного раза.

Мольер. Тебе и не придется взглянуть на нее, мой сын, потому что она ушла, и навеки я один. У меня необузданный характер, потому я и могу сперва совершить что-нибудь, а потом уже думать об этом. И вот, подумав и умудрившись после того, что случилось, я тебя прощаю и возвращаю в мой дом. Входи.

Муаррон заплакал.

Лагранж(раскрыв свой плащ). Вы, учитель, не человек, не человек. Вы – тряпка, которой моют полы!

Мольер(ему). Дерзкий щенок! Не рассуждай о том, чего не понимаешь. (Пауза. Муаррону.) Вставай, не протирай штаны.

Пауза. Муаррон поднялся. Пауза.

Где кафтан?

Муаррон. В кабаке заложил.

Мольер. За сколько?

Муаррон махнул рукой.

(Ворчит.) Это свинство – атласные кафтаны в кабаках оставлять. (Бутону.) Выкупить кафтан... (Муаррону.) Ты, говорят, бродил, бродил и к королю даже забрел?

Муаррон(бия себя в грудь). И сказал мне король: в сыщики, в сыщики... Вы, говорит, плохой актер...

Мольер. Ах, сердце человеческое! Ах, куманек мой, ах, король! Король ошибся: ты актер первого ранга, а в сыщики ты не годишься – у тебя сердце неподходящее. Об одном я сожалею – что играть мне с тобой не придется долго. Спустили на меня, мой друг, одноглазую собаку – мушкетера. Лишил меня король покровительства, и, стало быть, зарежут меня. Бежать придется.

Муаррон. Учитель, пока я жив, не удастся ему вас зарезать, верьте мне! Вы знаете, как я владею шпагой.

Лагранж(высунув ухо из плаща). Ты поразительно владеешь шпагой, это верно. Но, гнусная гадина, прежде чем ты подойдешь к «Помолись», купи себе панихиду в соборе.

Муаррон. Сзади заколю.

Лагранж. Это по тебе.

Муаррон(Мольеру). Буду неотлучно ходить рядом с вами, дома и на улице, ночью и днем, с чем и явился.

Лагранж. Как сыщик.

Мольер(Лагранжу). Заткни себе рот кружевом.

Муаррон. Милый Регистр, не оскорбляй меня, зачем же оскорблять того, кто не может тебе ответить. Меня не следует трогать – я человек с пятном. И не бросайся на меня этой ночью. Ты убьешь меня, тебя повесят, а Кабала беззащитного мэтра заколет.

Мольер. Ты значительно поумнел с тех пор, как исчез из дому.

Муаррон(Лагранжу). Имей в виду, что мэтра признали безбожником за «Тартюфа». Я был в подвале у Кабалы... Закона для него нету – значит, жди всего.

Мольер. Знаю. (Вздрагивает.) Постучали?

Муаррон. Нет. (Лагранжу.) Бери пистолет и фонарь, идем караулить.

Лагранж и Муаррон берут оружие и фонарь и уходят. Пауза.

Мольер. Тиран, тиран...

Бутон. Про кого вы это говорите, мэтр?

Мольер. Про короля Франции...

Бутон. Молчите!

Мольер. Про Людовика Великого! Тиран!

Бутон. Все кончено. Повешены оба.

Мольер. Ох, Бутон, я сегодня чуть не умер от страху. Золотой идол, а глаза, веришь ли, изумрудные. Руки у меня покрылись холодным потом. Поплыло все косяком, все боком, и соображаю только одно – что он меня давит! Идол!

Бутон. Повешены оба, и я в том числе. Рядышком на площади. Так вот вы висите, а наискосок – я. Безвинно погибший Жан-Жак Бутон. Где я? В царстве небесном. Не узнаю местности.

Мольер. Всю жизнь я ему лизал шпоры и думал только одно: не раздави. И вот все-таки – раздавил. Тиран!

Бутон. И бьет барабан на площади. Кто высунул не вовремя язык? Будет он висеть до самого пояса.

Мольер. За что? Понимаешь, я сегодня утром спрашиваю его – за что? Не понимаю... Я ему говорю: я, ваше величество, ненавижу такие поступки, я протестую, я оскорблен, ваше величество, извольте объяснить... Извольте... я, быть может, вам мало льстил? Я, быть может, мало ползал?... Ваше величество, где же вы найдете такого другого блюдолиза, как Мольер?... Но ведь из-за чего, Бутон? Из-за «Тартюфа». Из-за этого унижался. Думал найти союзника. Нашел! Не унижайся, Бутон! Ненавижу королевскую тиранию!

Бутон. Мэтр, вам памятник поставят. Девушка у фонтана, а изо рта у нее бьет струя. Вы выдающаяся личность, но только замолчите... Чтобы у вас язык отсох... За что меня вы губите?..

Мольер. Что еще я должен сделать, чтобы доказать, что я червь? Но, ваше величество, я писатель, я мыслю, знаете ли, я протестую... она не дочь моя! (Бутону.) Попросите ко мне Мадлену Бежар, я хочу посоветоваться.

Бутон. Что вы, мэтр?!

Мольер. А... умерла... Зачем, моя старуха, ты не сказала мне всей правды? Или нет, зачем, зачем ты не учила меня, зачем не била ты меня?... Понимаешь ли, свечи, говорит, зажжем... я приду к тебе... (Тоскует.) Свечи-то горят, а ее нет... Я еще кафтан на тебе разорвал... На тебе луидор за кафтан.

Бутон(плаксиво). Я кликну кого-нибудь... Это было десять лет назад, что вы...

Мольер. Укладывай все. Сыграю завтра в последний раз, и побежим в Англию. Как глупо! На море дует ветер, язык чужой, и вообще дело не в Англии, а в том, что...

Дверь открывается, и в ней появляется голова старухи Ренэ.

Ренэ. Там за вами монашка пришла.

Мольер (испуганно). Что такое?!. Какая монашка?

Ренэ. Вы же сами хотели ей дать стирать театральные костюмы.

Мольер. Фу, старая дура Ренэ, как напугала! Э! Костюмы! Скажи ей, чтобы завтра пришла к концу спектакля в Пале-Рояль. Дура!

Ренэ. Мне что. Вы сами велели.

Мольер. Ничего я не велел.

Ренэ скрывается. Пауза.

Да, какие еще дела? Ах да, кафтан... Покажи-ка, где я разорвал?

Бутон. Мэтр, ложитесь, ради Бога! Какой кафтан?

Мольер вдруг забирается под одеяло и скрывается под ним с головой.

Всемогущий Господи, сделай так, чтобы никто не слышал того, что он говорил. Применим хитрость. (Неестественно громко и фальшиво, как бы продолжая беседу.) Так вы что говорите, милостивый государь? Что наш король есть самый лучший, самый блестящий король во всем мире? С моей стороны возражений нет. Присоединяюсь к вашему мнению.

Мольер(под одеялом). Бездарность.

Бутон. Молчите! (Фальшивым голосом.) Да, я кричал, кричу и буду кричать: да здравствует король!

В окно стучат. Мольер тревожно высовывает голову из-под одеяла. Бутон осторожно открывает окно, и в окне появляется встревоженный Муаррон с фонарем.

Муаррон. Кто крикнул? Что случилось?

Бутон. Ничего не случилось. Почему непременно что-нибудь должно случиться? Я беседовал с господином де Мольером и крикнул: да здравствует король! Имеет Бутон право хоть что-нибудь кричать? Он и кричит. Да здравствует король!

Мольер. Боже, какой бездарный дурак!

...Уборная актеров в Пале-Рояле. И так же по-прежнему висит старая зеленая афиша, и так же у распятия горит лампадка и зеленый фонарь у Лагранжа. Но за занавесами слышны гул и свистки. В кресле сидит Мольер, в халате и колпаке, в гриме с карикатурным носом. Мольер возбужден, в странном состоянии, как будто пьян. Возле него – в черных костюмах врачей, но без грима Лагранж и дю Круази. Валяются карикатурные маски врачей. Дверь открывается, и вбегает Бутон; Муаррон в начале сцены стоит неподвижно в отдалении, в черном плаще.

Мольер. Ну! Умер?

Бутон(Лагранжу). Шпагой...

Мольер. Попрошу обращаться к директору Пале-Рояля, а не к актерам. Я еще хозяин на последнем спектакле!

Бутон(ему). Ну, умер. Шпагой ударили в сердце.

Мольер. Царство небесное. Ну что же сделаешь...

Суфлер(заглянув в дверь). Что происходит?

Лагранж(подчеркнуто громко). Что происходит? Мушкетеры ворвались в театр и убили привратника.

Суфлер. Э!.. (Скрывается.)

Лагранж. Я, секретарь театра, заявляю. Театр полон безбилетными мушкетерами и неизвестными мне личностями. Я бессилен сдерживать их и запрещаю продолжать спектакль.

Мольер. Но... но... но!.. Он запрещает! Не забывай, кто ты такой! Ты в сравнении со мной мальчуган, а я седой, вот что.

Лагранж(шепотом Бутону). Он пил?

Бутон. Ни капли.

Мольер. Что я еще хотел сказать?..

Бутон. Золотой господин де Мольер...

Мольер. Бутон!..

Бутон...пошел вон!.. Я знаю, двадцать лет я с вами и слышу только эту фразу или – молчи, Бутон! И я привык. Вы меня любите, мэтр, и во имя этой любви умоляю коленопреклоненно – не доигрывайте спектакль, а бегите – карета готова.

Мольер. С чего ты взял, что я тебя люблю? Ты болтун. Меня никто не любит. Меня раздражают, за мной гоняются! И вышло распоряжение архиепископа не хоронить меня

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru на кладбище. Стало быть, все будут в ограде, а я околею за оградой. Так знайте, что я не нуждаюсь в их кладбище, плюю на это! Всю жизнь вы меня травите, вы все враги мне.

Дю Круази. Побойтесь Бога, мэтр, мы...

Лагранж(Бутону). Как играть в таком состоянии, как играть?

Свист и грохот за занавесами.

Вот!

Мольер. Масленица! В Пале-Рояле били люстры не раз. Партер веселится.

Бутон (зловеще). В театре Одноглазый.

Пауза.

Мольер(утихнув). А... (Испуганно.) Где Муаррон? (Бросается к Муаррону и прячется у него в плаще.)

Муаррон, оскалив зубы, молчит, обняв Мольера.

Дю Круази(шепотом). Врача звать надо.

Мольер(выглянув из плаща, робко). На сцене он меня не может тронуть, а?..

Молчание. Дверь открывается, и вбегает Риваль. Она в оригинальном костюме, по обыкновению полуобнажена, на голове шляпа врача, очки колесами.

Риваль. Больше нельзя затягивать антракт. Или играть...

Лагранж. Хочет играть, что делать?

Риваль(долго смотрит на Мольера). Играть.

Мольер(вылезая из плаща). Молодец! Храбрая моя старуха, иди, я тебя поцелую. Разве можно начать последний спектакль и не доиграть. Она понимает. Двенадцать лет ты со мной играешь, и, веришь ли, ни одного раза я тебя не видел одетой, всегда ты голая.

Риваль(целует его). Э, Жан-Батист, король вас простит.

Мольер(мутно). Он... да...

Риваль. Вы меня будете слушать?

Мольер(подумав). Буду. А их не буду. (Как-то нелепо двинул ногой.) Они дураки.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
(Вдруг вздрогнул и резко изменился.) Простите меня, господа, я позволил себе грубость. Я и сам не понимаю, как у меня это вырвалось. Я взволнован. Войдите в мое положение. Господин дю Круази...

Дю Круази, Лагранж, Бутон(хором). Мы не сердимся!

Риваль. Сейчас же после вашей последней фразы мы спустим вас в люк, спрячем у меня в уборной до утра, а на рассвете вы покинете Париж. Согласны? Тогда начинаем.

Мольер. Согласен. Давайте последнюю картину.

Дю Круази, Лагранж и Муаррон схватывают маски и скрываются. Мольер обнимает Риваль, и та исчезает. Мольер снимает халат. Бутон открывает занавес, отделяющий нас от сцены. На сцене громадная кровать, белая статуя, темный портрет на стене, столик с колокольчиком. Люстры загорожены зелеными экранами, и от этого на сцене ночной уютный свет. В будке загораются свечи, в ней появляется Суфлер. За главным занавесом шумит зрительный зал, изредка взывают зловещие свистки. Мольер, резко изменившись, с необыкновенной легкостью взлетает на кровать, укладывается, накрывается одеялом.

Мольер(Суфлеру, шепотом). Давай!

Раздается удар гонга, за занавесом стихает зал. Начинается веселая таинственная музыка. Мольер под нее захрапел. С шорохом упал громадный занавес. Чувствуется, что театр переполнен. В крайней золоченой ложе громоздятся какие-то смутные лица. В музыке громовой удар литавр, и из полу вырастает Лагранж с невероятным носом, в черном колпаке, заглядывает Мольеру в лицо.

Мольер(в ужасе).

Что за дьявол?.. Ночью в спальне?
Потрудитесь выйти вон!

Музыка.

Лагранж.

Не кричите так нахально.
Терапевт я, ваш Пургон!

Мольер(садится в ужасе на кровати).

Виноват. Кто там за пологом?!

Портрет на стене разрывается, и из него высовывается дю Круази пьяная харя с красным носом, в докторских очках и колпаке.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Вот еще один. (Портрету.) Я рад..

Дю Круази(пьяным басом).

От коллегии венерологов
К вам явился депутат.

Мольер.

Не мерещится ль мне это?

Статуя разваливается, и из нее вылетает Риваль.

Что за дикий инцидент?

Риваль.

Медицинских факультетов
Я бессменный президент.

В зале «Га-га-га!» Из полу вырастает чудовище – врач невероятного роста.

Мольер.

Врач длиной под самый ярус.
Слуги! (Звонит.) Я сошел с ума!

Подушки на кровати взрываются, и в изголовье вырастает Муаррон.

Муаррон.

Вот и я – Диафуарус,
Незабвенный врач Фома!

Падает третий, дальний занавес, и за ним вырастает хор врачей и аптекарей в смешных и странных масках.

Мольер.

Но чему обязан честью?..
Ведь столь поздняя пора...

Риваль.

Мы приехали с известьем!

Хор врачей(грянул).

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Вас возводят в доктора!!

Риваль.

Кто спасает свой желудок?

Мольер.

Кто ремень пригоршней ест!

Риваль.

Бене, бене, бене, бене!

Хор врачей.

Новус доктор дигнус эст!

Дю Круази.

Например, вот скажем, – луэс?..

Мольер.

Схватишь – лечишь восемь лет!

В зале: «Га-га-га!..»

Лагранж.

Браво, браво, браво, браво,
Замечательный ответ!

Риваль.

У него большие знания...

Дю Круази.

Так и рубит он плеча!

Из ложи внезапно показывается Одноглазый, садится на борт ее и застывает в позе ожидания.

Муаррон.

И в раю получит званье...

Хор врачей(грянул).

Бакалавра и врача!

Мольер(внезапно падает смешно). Мадлену мне! Посоветоваться... Помогите!..

В зале: «Га-га-га...»

Партер, не смейся, сейчас, сейчас... (Затихает.)

Музыка играет еще несколько моментов, потом разваливается. В ответ на удар литавр в уборной Мольера вырастает страшная Монашка.

Монашка(гнусаво). Где его костюмы? (Быстро собирает все костюмы Мольера и исчезает с ними.)

На сцене смятение.

Лагранж(сняв маску, у рамп). Господа, господин де Мольер, исполняющий роль Аргана, упал... (Волнуется.) Спектакль не может быть окончен.

Тишина. Потом крик из ложи: «Деньги обратно!» Свист и гул.

Муаррон(сняв маску). Кто крикнул про деньги? (Вынимает шпагу, пробует ее конец.)

Бутон(на сцене, задуманно). Кто мог крикнуть это?

Муаррон(указывая на ложу). Вы или вы?

Тишина.

(Одноглазому.) Грязный зверь!

Одноглазый, вынув шпагу, поднимается на сцену.

(Идет, как кошка, ему навстречу.) Иди, иди. Подойди сюда! (Поравнявшись с Мольером, глядит на него, втыкает шпагу в пол, поворачивается и уходит со сцены.)

Суфлер внезапно в будке заплакал. Одноглазый глядит на Мольера, вкладывает шпагу в ножны и уходит со сцены.

Лагранж(Бутону). Да дайте же занавес!

Хор вышел из оцепенения, врачи и аптекари бросаются к Мольеру, окружают его страшной толпой, и он исчезает. Бутон закрыл наконец занавес, и за ним заревел зал. Бутон выбежал вслед за группой, унесшей Мольера.

Господа, помогите мне! (Говорит в разрез занавеса.) Господа, прошу... разъезд... У нас несчастье.

Риваль(в другом разрезе). Господа, прошу вас... Господа... Господа...

Занавес вздувается, любопытные пытаются лезть на сцену.

Дю Круази(в третьем разрезе). Господа... Господа...

Лагранж. Гасите огни!

Дю Круази тушит люстры, шпагой сбивая свечи. Гул в зале несколько стихает.

Риваль(в разрезе). Войдите в положение, господа!.. Разъезд, господа... Спектакль окончен...

Последняя свеча гаснет, и сцена погружается во тьму. Все исчезает. Выступает свет у распятия. Сцена открыта, темна и пуста. Невдалеке от зеркала Мольера сидит скорчившись темная фигура. На сцене выплывает фонарь, идет темный Лагранж.

Лагранж(важным и суровым голосом). Кто остался здесь? Кто здесь?

Бутон. Это я. Бутон.

Лагранж. Почему вы не идете к нему?

Бутон. Не хочу.

Лагранж(проходит к себе, садится, освещается зеленым светом, разворачивает книгу, говорит и пишет). «Семнадцатое февраля. Было четвертое представление пьесы „Мнимый больной“, сочиненной господином де Мольером. В десять часов вечера господин де Мольер, исполняя роль Аргана, упал на сцене и тут же был похищен без покаяния неумолимой смертью». (Пауза.) В знак этого рисую самый большой черный крест. (Думает.) Что же явилось причиной этого? Что? Как записать?... Причиной этого явилась немилость короля и черная Кабала!.. Так я и запишу! (Пишет и угасает во тьме.)

Конец

Мертвые души [4 – Основной источник текста: Мертвые души. М., 1930. Авторский экземпляр (Музей МХАТ БРЧ № 834. Авторизованная машинопись). Опубликован впервые в книге: Булгаков М. Пьесы. М., Советский писатель, 1986. Составители: Л. Е. Белозерская, И. Ю. Ковалева. Публикуется по ксерокопии книги: Булгаков М. Кабала святош. М., Современник, 1991. Составители В. И. Лосев, В. В. Петелин. Булгаков приступил к инсценировке, как только его приняли во МХАТ в качестве режиссера. Театр давно собирался поставить спектакль по «Мертвым душам», но инсценировки романа были неудачными. Уже в мае 1930 года Булгаков делает первые наброски инсценировки по «Мертвым душам». Намерен показать и самого Гоголя, диктующего свое сочинение в Риме, а значит – и Рим, с его солнцем, гитарами и макаронами. Летом он работает с «трамбовцами» на юге, а вернувшись, вместе с режиссером-постановщиком В. Сахновским и завлитом П. Марковым обсуждают общий замысел комедии по Гоголю: «Рим мой, был уничтожен, лишь только я доложил экспозитив; . И Рима моего мне безумно жаль!» – писал Булгаков 7 мая 1932 года, вспоминая начало работы над «Мертвыми душами». 31 октября 1930 года состоялось первое чтение инсценировки в присутствии В. И. Немировича-Данченко, в целом одобрявшего комедию. Наметились и противоречия с Театром: Булгакову хотелось ввести в комедию образ Первого в спектакле как равноправное действующее лицо, в чем-то напоминающего самого Гоголя, но Театр усмотрел в этом образе резонера, комментатора событий, мешающего развитию действия. 18 ноября 1930 года Булгаков, направляя Немировичу-Данченко текст комедии, попытался защитить свой замысел: «Повторный анализ текста моей инсценировки, и в особенности плюшкинской сцены, что можно сделать попытку расширить роль Первого в спектакле с целью органически вплести ее во все сцены спектакля, сделав Первого в полном смысле слова ведущим спектакль... по-видимому, пьеса станет значительнее при введении роли Чтеца, или Первого, но при обязательном условии, если Чтец, открыв спектакль, поведет его в непосредственном и живом движении вместе с остальными персонажами, то есть примет участие не только в „чтении“, но и в действии». (См.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год, с. 65) Вначале это намерение Булгакова было поддержано, но в ходе репетиций в этой роли В. И. Качалов показался слабым связующим звеном всего спектакля. Отказались от этой роли, потом снова приступили к репетициям с Качаловым. Но эта роль была в целом снята из спектакля. Булгаков очень жалел, что роль Первого не получилась в спектакле. Да и сам спектакль претерпевал большие изменения в ходе его постановки. Сахновскому и художнику В. В. Дмитриеву не удалось осуществить свой замысел Е. Кухта, исследовавшая творческую историю постановки «Мертвых душ», писала в комментариях к публикации комедии: «Режиссер ориентировал спектакль на гротескного трагического Гоголя, открытого сценой 20-х годов, а значит, в первую очередь В. Э. Мейерхольдом, фантазировал спектакль скорее на мейерхольдовские, чем булгаковские темы. Оставленные им описание сцен камерального заседания чиновников и поисков пропавшего с губернаторского бала Чичикова выдают сильное влияние мейерхольдовского „Ревизора“. Символистский мотив страха как субстанции иррационального мира, столь явный у Сахновского, Булгакову мало близок, в его тексте такого мотива нет». (См.: Булгаков М. Собрание сочинений. М., Художественная литература, 1990, т. 4, с. 601) С февраля 1931 года в постановку спектакля включился К. С. Станиславский, и спектакль стал приобретать реалистические черты, в духе системы Станиславского. У Булгакова возникли надежды вернуться к первоначальному замыслу инсценировки, когда сам автор был как равный среди действующих лиц и высказывал свои суждения по ходу развития событий. В воображении Булгакова формировался образ самого Николая Васильевича Гоголя, он разговаривал с ним, переживал вместе с ним во время его работы над «Мертвыми душами». Чтобы быть точным и достоверным, Булгаков тщательно выписывает из переписки Гоголя нужные ему фразы. И он вновь с надеждой возвращается к первым наброскам текста: «Картина 1. Комната в доме на Виа Феличе в Риме. В прорезях ставень раскаленный Рим. Мозаичный пол. Книжный шкаф. Древняя римская лампа. Громаднейший графин с холодной водой. Великий чтец без фрака. Поклонник за бюро пишет под его диктовку. Слышно бряцание трех гитар, и нежный тенор поет по-итальянски. Слышен женский голос: Чтец – худой человек с неопрятными длинными волосами, острым длинным носом, неприятными глазами, со странными ухватками, очень нервный человек. Пьет воду. Поклонник (робко). Что это вы, Николай Васильевич, все воду пьете? Чтец (таинственно). Геморроид мне бросился на грудь и нервическое раздражение... Поклонник смотрит, открыв рот. Чтец. Облегчение приписываю я холодной воде, которую стал я лить...» (См: ОР РГБ, ф. 562, к. 17, ед. хр. 4.) Видимо, этот текст не понравился и Станиславскому, постепенно роль Первого, который возник вместо Чтеца, сходила на нет, в конце концов и Станиславский от него отказался. Репетиции шли долго, измотали Булгакова до

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
изнеможения, потому что в ходе репетиций менялся замысел инсценировки: Станиславский как художник увидел «Мертвые души» по-своему и поставил их, основываясь на своем видении. Ход работы над «Мертвыми душами», переживания Булгакова в эти месяцы работы в Театре переданы в письме П. С. Попову 7 мая 1932 г.: «Итак, мертвые души... Через девять дней мне исполнится 41 год. Это – чудовищно! Но тем не менее это так. И, вот, к концу моей писательской работы я был вынужден сочинять инсценировки. Какой блистательный финал, не правда ли? Я смотрю на полки и ужасаюсь: кого, кого еще мне придется инсценировать завтра? Тургенева, Лескова, Брокгауза-Ефрона? Островского? Но последний, по счастью, сам себя инсценировал, очевидно предвидя то, что случится со мною в 1929–1931 гг. Словом...1) „Мертвые души“ инсценировать нельзя. Примите это за аксиому от человека, который хорошо знает произведение. Мне сообщили, что существуют 160 инсценировок. Быть может, это и неточно, но во всяком случае играть „Мертвые души“ нельзя.2) А как же я-то взялся за это? Я не брался, Павел Сергеевич. Я ни за что не берусь уже давно, так как не распоряжаюсь ни одним моим шагом, а Судьба берет меня за горло. Как только меня назначили в МХТ, я был введен в качестве режиссера-ассистента в „М. Д.“ (старший режиссер Сахновский, Телешева и я). Одного взгляда моего в тетрадку с инсценировкой, написанной приглашенным инсценировщиком, достаточно было, чтобы у меня позеленело в глазах. Я понял, что на пороге еще Театра попал в беду – назначили в несуществующую пьесу. Хорош дебют? Долго тут рассказывать нечего. После долгих мучений выяснилось то, что мне давно известно, а многим, к сожалению, неизвестно: для того, чтобы что-то играть, надо это что-то написать. Коротко говоря, писать пришлось мне. Первый мой план: действие происходит в Риме (не делайте больших глаз!). Раз он видит ее из „прекрасного далека“ – и мы так увидим! Рим мой был уничтожен, лишь только я доложил экспозитив. И Рима моего мне безумно жаль!3) Без Рима, так без Рима. Именно, Павел Сергеевич, резать! И только резать! И я разнес всю поэму по камням. Буквально в ключья. Картина 1 (или пролог) происходит в трактире в Петербурге или в Москве, где секретарь Опекунского совета дал случайно Чичикову уголовную мысль покойников купить и заложить (загляните в т. I гл. XI). Поехал Чичиков покупать. И совсем не в том порядке, как в поэме. В картине X-й, называемой в репетиционных листках „Камеральной“, происходит допрос Селифана, Петрушки, Коробочки и Ноздрева, рассказ про капитана Копейкина и приезжает живой капитан Копейкин, отчего прокурор умирает. Чичикова арестовывают, сажают в тюрьму и выпускают (полицмейстер и жандармский полковник), ограбив дочиста. Он уезжает. „Покатим, Павел Иванович!“ Вот-с, какие дела. Что было с Немировичем, когда он прочитал! Как видите, это не 161-я инсценировка и вообще не инсценировка, а совсем другое. (Всего, конечно, не упишешь в письме, но, например, Ноздрев всюду появляется в сопровождении Мижужева, который ходит за ним как тень. Текст сплошь и рядом передан в другие уста, совсем не в те, что в поэме, и так далее.) Владимир Иванович был в ужасе и ярости. Был великий бой, но все-таки пьеса в этом виде пошла в работу. И работа продолжается около 2-х лет.4) Ну и что же, этот план сумели выполнить? Не беспокойтесь, Павел Сергеевич, не сумели. Почему же? Потому что, к ужасу моему, Станиславский всю зиму прохворал, в Театре работать не мог (Немирович же за границей). На сцене сейчас черт знает что. Одна надежда, что Ка-Эс поднимется в мае, глянет на сцену. Когда выйдут „Мертвые души“. По-моему – никогда. Если же они выйдут в том виде, в каком они сейчас, будет большой провал на Большой сцене. В чем дело? Дело в том, что для того, чтобы гоголевские пленительные фантазмагии ставить, нужно режиссерские таланты в Театре иметь...» (См.: Письма, М., 1989, с. 239–241.) Но Станиславский выздоровел, активно взялся за работу, репетиции пошли полным ходом. Возникли несколько другие «Мертвые души», Булгаков сопротивлялся, как мог, происходящей ломке его замысла, но и не мог не восхищаться талантливой работой великого художника. Во всяком случае после одной из репетиций Булгаков написал письмо Станиславскому. «Дорогой Константин Сергеевич! Я на другой же день после репетиции вечеринки в „Мертвых душах“ хотел написать это письмо, – писал Булгаков 31 декабря 1931 года, – но, во-первых, стеснялся, а во-вторых, не был связан с Театром (простужен). Цель этого неделового письма выразить Вам то восхищение, под влиянием которого я нахожусь все эти дни. В течение трех часов Вы на моих глазах ту узловую сцену, которая замерла и не шла, превратили в живую. Существует театральное волшебство! Во мне оно возбуждает лучшие надежды и поднимает меня, когда падает мой дух. Я затрудняюсь сказать, что более всего восхитило меня. Не знаю по чистой совести. Пожалуй Ваша фраза по образу Манилова. „Ему ничего нельзя сказать, ни о чем нельзя спросить – сейчас же прилипнет“ – есть высшая точка. Потрясающее именно в театральном смысле определение, а показ – как это сделать – глубочайшее мастерство! Я не беспокоюсь относительно Гоголя, когда Вы на репетиции. Он придет через Вас. Он придет в первых картинах представления в смехе, а в последней

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru уйдет, подернувшись пеплом больших раздумий. Он придет. Ваш М. Булгаков». Эти письма – Попову и Станиславскому – вроде бы написаны разными людьми, настолько суждения об одном и том же «предмете» разноречивы, но я их привел специально, чтобы показать живого Булгакова, острого, думающего, противоречивого, склонного поддаваться сиюминутным настроениям. В ходе работы со Станиславским от многого пришлось отказаться, заботясь прежде всего о «нарастании сценического действия». Выпала роль Первого, сокращены одни, переработаны другие сцены. Возникла другая редакция комедии, театральная ее вариант. 28 ноября 1932 года состоялась премьера «Мертвых душ». В спектакле принимали участие Топорков, Москвин, Тарханов, Леонидов, Кедров и другие блистательные актеры и актрисы МХАТ. Спектакль начал успешное шествие. Выдержал сотни представлений с различным составом, стал классикой русского театрального искусства. Об игре актеров написаны сотни статей, а в книгах о МХАТе и Станиславском непременно подробно рассказывается и анализируется. При этом обращаем внимание на следующее: Булгаков создал самостоятельное произведение, яркое, сценическое, многие актеры с упоением отдавались игре, потому что, как говорилось, роли были «играбельными», были индивидуальные сцены, были массовые, где были заняты десятки актеров и актрис... Так что Театр торжествовал свой успех. И вместе с тем в пьесе «все из Гоголя, ни одного слова чужого», не раз утверждал сам Булгаков, а англйский литературовед и прекрасный знаток творчества, – писала Л. Яновская, – проделала интереснейшую работу: „разнесла по источникам“ монолог Первого, установила источник каждой фразы и почти каждого слова. Булгаков последовательно использовал здесь повесть Гоголя „Рим“, причем строки и слова из разных мест совместил, свободно перекомпоновал; „Мертвые души“, письмо Гоголя, воспоминания Анненкова. А далее включается „Невский проспект“ – строки из разных мест „Невского проспекта“ – и снова „Мертвые души“... И весь этот из гоголевских слов состоящий текст звучит необыкновенно и ново и свежо в завораживающем ритме Михаила Булгакова, с гоголевской необычайностью выражений, с лаконизмом XX века». (См. Яновская Л. Творческий путь Михаила Булгакова. М., Советский писатель, 1983, с. 209.) Сохранились стенограммы обсуждений спектакля: в декабре 1932 года состоялось обсуждение во МХАТе в присутствии нового председателя Главреперткома Осафа Литовского под председательством Вс. Вишневского (см.: РГАЛИ, ф. 1038, оп. 1, ед. хр. 672) и обсуждение во Всеросском драме 15 января 1933 г. На последнем заседании присутствовал Юрий Слезкин, оставивший любопытные записи в дневнике: «Вечером доклад Андрея Белого о „Мертвых душах“ Гоголя и постановке их в МХАТе. Битком набито. Мейерхольд, Эйзенштейн, Попова (от Корша), Топорков, (играющий Чичикова в МХАТе)... – Возмущение, презрение, печаль вызвала во мне постановка „Мертвых душ“ в МХАТе, – резюмировал Белый, – так не понять Гоголя! Так заковать его в золотые, академические ризы, так не суметь взглянуть на Россию его глазами! И это в столетний юбилей непревзойденного классика. Давать натуралистические усадьбы николаевской эпохи, одну гостиную, другую, третью и не увидеть гоголевских просторов... гоголевской тройки, мчащей Чичикова-Наполеона к новым завоеваниям. Позор! Ушел с печалью. Все меньше таких лиц, как у Белого, встречаешь на своем пути. Вокруг свиные рыла – хрюкающие, жующие, торжествующие.» – гневно заканчивал Ю. Слезкин запись этого дня. (См.: Письма, с. 241–242.) Ушел с печалью, я уверен в этом, и М. А. Булгаков... Сколько бился он за то, чтобы дать роль Первому, то есть самому Николаю Васильевичу Гоголю, работающему в Риме над «Мертвыми душами», дать его в римской обстановке и из этого «прекрасного далека» с болью и смехом описывающего события в России. Сколько бился он за свой творческий замысел, но победить в этой битве ему не удалось: Станиславский увидел «Мертвые души» по-своему, он тоже художник, он имеет право на свое видение.]

Комедия по поэме И. В. Гоголя в четырех актах (двенадцать картин с прологом)

Действуют:

Первый в спектакле.

Чичиков Павел Иванович.

Секретарь опекунского совета.

Половой в трактире в столице.

Губернатор.

Губернаторша.

Дочка губернатора.

Председатель Иван Григорьевич.

Почтмейстер Иван Андреевич.

Полицеймейстер Алексей Иванович.

Прокурор Антипатор Захарьевич.

Жандармский полковник Илья Ильич.

Анна Григорьевна.

Софья Ивановна.

Макдональд Карлович.

Сысой Пафнутьевич.

Петрушка.

Селифан.

Плюшкин, помещик.

Собакевич Михаил Семенович, помещик.

Манилов, помещик.

Ноздрев, помещик.

Коробочка Настасья Петровна, помещица.

Манилова Лизанька.

Мавра.

Параша.

Фетинья.

Квартальный.

Губернаторский слуга.

Капитан-исправник.

Капитан Копейкин.

Мижухев, зять.

Действие происходит в 30-х годах прошлого века.

Пролог

Первый...и увернулся из-под уголовного суда! Но уже ни капитала, ни разных

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
заграничных вещей, ничего не осталось ему. Удержалось у него тысячонок десяток,
да дюжины две голландских рубашек, да небольшая бричка, да два крепостных
человека: кучер Селифан и лакей Петрушка. Вот в каком положении очутился герой
наш!.. и съезжился он, и опустился в грязь и низменную жизнь. (Пауза.) Но надобно
отдать справедливость непреодолимой силе его характера... В нем не потухла
непостижимая страсть к приобретению!

...В ожидании лучшего, принужден он был заняться званием поверенного, плохо
уважаемым мелкою приказною тварью и даже самими доверителями. Из поручений
досталось ему, между прочим, одно: похлопотать о заложении в опекунский совет
нескольких сот крестьян...

Занавес открывается, слышен звон гитар. Отдельная комната в трактире в столице.
Ужин. Свечи. Шампанское. Из соседней комнаты доносятся звуки кутежа. Поют:
«Гляжу как безумный на черную шаль, и хладную душу терзает печаль...»

Чичиков. Бесчисленны, как морские пески, человеческие страсти, почтеннейший.
(Наливает Секретарю шампанское.)

Секретарь. То-то бесчисленны. Попроигрывались в карты, закутили и промотались
как следует. Имение-то ведь расстроено в последней степени. Кто же возьмет его в
заклад?

Чичиков. Зачем же быть так строго, почтеннейший? Расстроено скотскими падежами,
неурожаями, плутом приказчиком.

Секретарь. Гм...

Доносится хохот. Стальной бас поет. «С главы ее мертвой сняв черную шаль! Отер я
безмолвно кровавую сталь!!» Дверь в отдельную комнату приоткрылась. Видно, как
прошел пьяный конногвардеец, пробежал половой, прошла цыганка. Затем дверь
закрывают. Чичиков вынимает взятку и вручает ее Секретарю.

Секретарь. Да ведь я не один в совете, есть и другие.

Чичиков. Другие тоже не будут в обиде. Я сам служил, дело знаю.

Секретарь. Хорошо! Дайте бумаги.

Чичиков. Но только вот какое, между прочим, обстоятельство: половина крестьян в
этом имении вымерла, так чтобы не было потом каких-нибудь привязок.

Секретарь(хохочет). Вот так имение! Мало того, что запущено, и люди вымерли!..

Чичиков. Уж, почтеннейший...

Секретарь. Ну, вот что: по ревизской-то сказке... они числятся?

Чичиков. Числятся.

Секретарь. Ну, так чего ж вы оробели? Один умер, другой родится, а все в дело
годится... (Берет у Чичикова бумаги.)

Чичиков(вдруг изменившись в лице). А-а!..

Секретарь. Чего?

Чичиков. Ничего.

Донеслись голоса: «Саша! Александр Сергеевич! Еще шампанских жажда просит...»
Хохот. Опять голоса: «А уж брегета звон доносит!..» Секретарь вынимает брегет, встает, жмет руку Чичикову, выходит.

(По уходе его стоит молча, лицо его вдохновенно.) Ах я, Аким-простота!.. Ах, я!.. ах, я!.. Ищу рукавиц, а они, вон они, за поясом!.. Да купи я всех этих, которые вымерли... (пугливо плотнее закрывает дверь отдельной комнаты) пока еще не подавали новых ревизорских сказок... Прибери их, положим, тысячу, да, положим, опекунский совет даст по двести рублей на душу: вот уже двести тысяч капиталу. Ах, без земли нельзя ни купить, ни заложить. (Вдохновенно.) А я куплю на вывод, на вывод. Земли в Херсонской губернии отдаются даром, только заселяй. Туда я их всех и переселю, мертвых. В Херсонскую! В губернию! (Крестится.) Пусть их там живут, покойники. Ах, ведь захотят освидетельствовать купленных крестьян... (Смеется.) Я представлю свидетельство. Время удобное, недавно была эпидемия, имения брошены, управляются как ни попало. Под видом избрания места для жительства загляну в те углы, где можно удобнее и дешевле купить...

Первый...Страшно, чтоб как-нибудь не досталось...

Чичиков. Дан же человеку на что-нибудь ум! Да никто не поверит. Никто! Предмет покажется ему невероятным. Никто не поверит. Еду. (Потрясает колокольчиком.)

Половой вбегает. Донесся шум кутежа. Хор: «Мой раб, как настала вечерняя мгла, в дунайские волны их бросил тела!»

Сколько тебе следует?

Половой подает счет. Чичиков бросает ему деньги.

Еду!!..

Занавес

Акт первый

Картина первая

Кабинет Губернатора. Губернатор в халате, с «Анной» на шее, сидит за пальцами, мурлычет.

Слуга. К вашему превосходительству коллежский советник Павел Иванович Чичиков.
Губернатор. Дай фрак.

Слуга подает фрак.

Проси.

Слуге выходит.

Чичиков(входя). Прибывши в город, почел за неременный долг засвидетельствовать свое почтение первым сановникам.. Счел долгом лично представиться вашему превосходительству.

Губернатор. Весьма рад познакомиться. Милости прошу садиться.

Чичиков садится.

Вы где служили?

Чичиков. Поприще службы моей началось в казенной палате. Дальнейшее же течение оной продолжал в разных местах. Был в комиссии построения...

Губернатор. Построения чего?

Чичиков. Храма Спасителя в Москве, ваше превосходительство.

Губернатор. Ага!

Первый(выходя) «...Благонамеренный человек», – подумал Губернатор. «Экая оказия, храм как кстати пришелся», – подумал Чичиков.

Чичиков. Служил и в надворном суде, и в таможне, ваше превосходительство. Вообще я незначущий червь мира сего. Терпением повит, спеленат и сам олицетворенное терпение. А что было от врагов по службе, покушавшихся на самую жизнь, так это ни слова, ни краски, ни самая кисть не сумеют передать. Жизнь мою можно уподобить как бы судну среди волн, ваше превосходительство.

Губернатор. Судну?

Чичиков. Судну, ваше превосходительство.

Первый «...Ученый человек», – подумал Губернатор. «Дурак этот губернатор», – подумал Чичиков.

Губернатор. В какие же места едете?

Чичиков. Еду я потому, что на склоне жизни своей ишу уголка, где бы провесь остаток дней. Но остаток остатком, но видеть свет и коловращение людей есть уж само по себе, так сказать, живая книга и вторая наука.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Губернатор. Правда, правда.

Чичиков. В губернии вашего превосходительства въезжать, как в рай.

Губернатор. Почему же?

Чичиков. Дороги везде бархатные.

Губернатор смущенно ухмыляется.

Правительства, которые назначают мудрых сановников, достойны большой похвалы.

Губернатор. Любезнейший... Павел Иванович?

Чичиков. Павел Иванович, ваше превосходительство.

Губернатор. Прошу вас пожаловать ко мне сегодня на домашнюю вечеринку.

Чичиков. Почту за особую честь, ваше превосходительство. Честь имею кланяться.
Ах... Кто же это так искусно сделал каемку?

Губернатор(стыдливо). Это я вышиваю по тюлю.

Чичиков. Скажите (любуется). Честь имею.. (Отступает, выходит.)

Губернатор. Обходительнейший человек!..

Занавес

Картина вторая

Гостиная в доме Губернатора. За портьерой карточная комната. Издалека доносятся
клавикорды. Выплывает Губернаторша, Губернатор и Дочка. Председатель,
Почтмейстер и Чичиков кланяются.

Губернаторша. Вы...

Губернатор(подсказывает). Павел Иванович!

Губернаторша...Павел Иванович, не знаете еще моей дочери? Институтка, только что
выпущена.

Чичиков. Ваше превосходительство, почту за счастье.

Дочка приседает, Губернаторша, Губернатор и Дочка уплывают. Из карточной
доносится смех.

Почтмейстер. Лакомый кусочек, судырь ты мой!

Председатель. Греческий нос.

Чичиков. Совершенно греческий! А скажите, Иван Григорьевич, кто этот господин, вон?..

Председатель. Помещик Манилов.

Почтмейстер. Манилов, помещик. Деликатнейший, судырь мой, человек.

Чичиков. Приятно познакомиться.

Полицеймейстер(в портъере). Иван Андреевич, тебе!

Председатель. Да вот, Павел Иванович, позвольте вам представить помещика Манилова.

Полицеймейстер. Иван Григорьевич, Иван Григорьевич!

Председатель. Прошу прощения. (Уходит в карточную.)

Чичиков и Манилов раскланиваются, усаживаются.

Манилов. Как вам показался наш город?

Чичиков. Очень хороший город, общество самое обходительное.

Манилов. Удостоили нас посещением. Уж такое, право, доставили наслаждение. Майский день, именины сердца.

Чичиков. Помилуйте, ни громкого имени не имею, ни ранга заметного!

Манилов. О, Павел Иванович!.. Как вы нашли нашего губернатора? Не правда ли, предпочтеннейший человек!

Чичиков. Совершенная правда, предпочтеннейший человек.

Манилов. Как он может этак, знаете, принять всякого. Наблюсти деликатность в своих поступках.

Чичиков. Очень обходительный человек, и какой искусник – он мне показывал своей работы кошелек. Редкая дама может так искусно вышить.

Манилов. Но, позвольте, как вам показался полицеймейстер? Не правда ли, что очень приятный человек?

Чичиков. Чрезвычайно приятный человек, и какой умный. Очень достойный человек.

Манилов. А какого мнения вы о жене полицеймейстера?

Чичиков. О, это одна из достойнейших женщин, каких только я знаю.

Манилов. А председатель палаты, не правда ли?..

Чичиков(в сторону). О, скука смертельная! (Громко.) Да, да, да...

Манилов. А почтмейстер?

Чичиков. Вы всегда в деревне проводите время?

Манилов. Больше в деревне. Иногда, впрочем, приезжаем в город для того, чтобы увидаться с образованными людьми. Одичаешь, знаете ли, взаперти. Павел Иванович, убедительно прошу сделать мне честь своим приездом в деревню.

Чичиков. Не только с большой охотой, но почту за священный долг.

Манилов. Только пятнадцать верст от городской заставы. Деревня Маниловка.

Чичиков(вынимает книжечку, записывает). Деревня Маниловка.

Первый...хозяйством он не занимается, он даже никогда не ездит на поля.

Собакевич(внезапно, из портьера). И ко мне прошу.

Чичиков вздрагивает, оборачивается.

Собакевич.

Чичиков. Чичиков. Вас только что вспоминал председатель палаты Иван Григорьевич.

Садятся.

А прекрасный человек...

Собакевич. Кто такой!

Чичиков. Председатель.

Собакевич. Это вам показалось. Он только что масон, а дурак, какого свет не производил.

Чичиков(озадачен). Конечно, всякий человек не без слабостей. Но зато губернатор – какой превосходный человек.

Собакевич. Первый разбойник в мире.

Чичиков. Как, губернатор – разбойник? Признаюсь, я бы этого никогда не подумал. Скорее даже мягкости в нем много. Кошельки вышивает собственными руками, ласковое выражение лица...

Собакевич. Лицо ласковое, разбойничье. Дайте ему только нож да выпустите на большую дорогу – он вышьет вам кошелек, он вас за копейку зарежет. Он да еще вице-губернатор – это Гога и Магога.

Первый. Нет, он с ними не в ладах! А вот заговорить с ним о полицеймейстере, он, кажется, друг его...

Чичиков. Впрочем, что до меня, мне, признаюсь, более всех нравится полицеймейстер. Какой-то этакий характер прямой.

Собакевич. Мошенник. Я их всех знаю. Весь город такой. Мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет. Все христопродавцы. Один только...

Прокурор показывается за спиной Собакевича.

и есть порядочный человек – прокурор...

Прокурор улыбается.

да и тот, если сказать правду, свинья!

Прокурор скрывается.

Прошу ко мне! (Откланивается.)

В карточной взрыв хохота. Оттуда выходят Губернатор, Полицеймейстер, Председатель, Прокурор и Почтмейстер.

Председатель. А я ее по усам, по усам!..

Почтмейстер. Подвел под обух ее короля!..

Слуга. Ваше превосходительство, господин Ноздрев.

Губернатор(тяжко). Ох...

Прокурор. Батюшки, с одной только бакенбардой!

Ноздрев(является, и следом за ним плетется Мижув, оба явно выпивши). Ваше превосходительство!.. Ба... ба... ба... И прокурор здесь? Здравствуй, полицеймейстер. (Губернатору.) Зять мой, Мижув. А я, ваше превосходительство, с ярмарки к вам.

Губернатор. Оно и видно. Долго изволили погулять.

Ноздрев. Ваше превосходительство, зять мой, Мижув.

Губернатор. Весьма, весьма рад. (Откланивается, уходит.)

Ноздрев. Ну, господа, поздравьте, продулся в пух. Верите, что никогда в жизни так не продувался!.. Не только убухал четырех рысаков, но, верите ли, все спустил! Ведь на мне нет ни цепочки, ни часов. Зять мой, Мижув.

Полицеймейстер. Что цепочка! А вот у тебя один бакенбард меньше другого.

Ноздрев(у зеркала). Вздор!

Председатель. Познакомься с Павлом Ивановичем Чичиковым.

Ноздрев. Ба-ба-ба... Какими судьбами в наши края? Дай я тебя расцелую за это! Вот это хорошо! (Целует Чичикова.) Зять мой, Мижув. Мы с ним все утро говорили о тебе.

Чичиков. Обо мне?

Ноздрев. Ну, смотри, говорю, если мы не встретим Чичикова.

Председатель захохотал, махнул рукой и ушел.

Но ведь как продулся! А ведь будь только двадцать рублей в кармане, именно, не больше, как двадцать, я отыграл бы все. То есть, кроме того, что отыграл бы, вот как честный человек, тридцать тысяч сейчас бы положил в бумажник.

Мижув. Ты, однако ж, и тогда так говорил. А когда я тебе дал пятьдесят рублей, тут же и просадил их.

Ноздрев. И не просадил бы! Не сделай я сам глупость, не загни я после пароле на проклятой семерке утку, я бы мог сорвать банк!

Полицеймейстер. Однако ж не сорвал?

Ноздрев. Ну, уж как покутили, ваше превосходительство! Ах, нет его... (Почтмейстеру.) Верить ли, я один в продолжение обеда выпил семнадцать бутылок шампанского.

Почтмейстер. Ну, семнадцать бутылок ты не выпьешь.

Ноздрев. Как честный человек говорю, что выпил.

Почтмейстер. Ты можешь говорить, что хочешь...

Мижув. Только ты и десять не выпьешь!

Ноздрев(Прокурору). Ну, хочешь биться об заклад, что выпью?

Прокурор. Ну, к чему ж об заклад!..

Ноздрев(Мижуву). Ну, поставь свое ружье, которое ты купил!

Мижув. Не хочу.

Ноздрев. Да был бы ты без ружья, как без шапки. Брат Чичиков, то есть как я жалел, что тебя не было!..

Чичиков. Меня?!

Ноздрев. Тебя. Я знаю, что ты не расстался бы с поручиком Кувшинниковым.

Чичиков. Кто это Кувшинников?

Ноздрев. А штабс-ротмистр Поцелуев!.. Такой славный. Вот такие усы. Уж как бы вы с ним хорошо сошлись! Это не то что прокурор и все губернские скряги...

Полицеймейстер, Почтмейстер и Прокурор уходят.

Эх, Чичиков, ну что тебе стоило приехать? Право, свинтус ты за это, скотовод этакий! Поцелуй меня, душа!

Мижув уходит.

Мижуев, смотри, вот судьба свела. Ну, что он мне или я ему? Он приехал Бог знает откуда, я тоже здесь живу. Ты куда завтра едешь?

Чичиков. К Манилову, а потом к одному человечку тоже в деревню.

Ноздрев. Ну, что за человечек, брось его, поедем ко мне.

Чичиков. Нельзя, есть дело.

Ноздрев. Пари держу, врешь. Ну, скажи только, к кому едешь?

Чичиков. Ну, к Собакевичу.

Ноздрев захохотал.

Что ж тут смешного?

Ноздрев(хохочет). Ой, пощади, право, тресну со смеху.

Чичиков. Ничего нет смешного. Я дал ему слово.

Ноздрев. Да ведь ты жизни не будешь рад, когда приедешь к нему. Ты жестоко опешишься, если думаешь найти там банчишку или добрую бутылку какого-нибудь бонбона. К черту Собакевича! Поедем ко мне, пять верст всего.

Первый...а что ж, заехать, в самом деле, к Ноздреву, чем же он хуже других? Такой же человек, да еще и проигрался!

Чичиков. Изволь, я к тебе приеду послезавтра. Ну, чур, не задерживать, мне время дорого.

Ноздрев. Ну, душа моя, вот это хорошо! Я тебя поцелую за это. И славно. (Целует Чичикова.) Ура, ура, ура!

Заиграли клавикорды.

Занавес

Картина третья

У Манилова. В дверях. На Маниловой капот шелковый, по оригинальному определению Гоголя, «бледного» цвета.

Манилов. Вы ничего не кушали.

Чичиков. Покорнейше, покорнейше благодарю, я совершенно сыт.

Манилов. Позвольте вас препроводить в гостиную.

Чичиков. Почтеннейший друг, мне необходимо с вами поболтать об одном очень нужном деле.

Манилов. В таком случае позвольте мне вас попросить в мой кабинет.

Манилова уходит.

Чичиков. Сделайте милость, не беспокойтесь так для меня, я пройду после.

Манилов. Нет, Павел Иванович, нет, вы гость.

Чичиков. Не затрудняйтесь, пожалуйста, проходите.

Манилов. Нет, уж извините, не допущу пройти позади такому образованному гостю.

Чичиков. Почему же образованному? Пожалуйста, проходите.

Манилов. Ну, да уж извольте проходить вы.

Чичиков. Да отчего ж?

Манилов. Ну, да уж оттого!

Входят в кабинет.

Вот мой уголок.

Чичиков. Приятная комнатка.

Манилов. Позвольте вас попросить расположиться в этих креслах.

Чичиков. Позвольте я сяду на стуле.

Манилов. Позвольте вам этого не позволить. (Усаживает.) Позвольте мне вас попотчевать трубочкою.

Чичиков. Нет, не курю. Говорят, трубка сушит.

Манилов. Позвольте мне вам заметить.

Чичиков. Позвольте прежде одну просьбу. (Оглядывается.)

Манилов оглядывается.

Я хотел бы купить крестьян.

Манилов. Но позвольте спросить вас, как желаете вы купить крестьян – с землей или просто на вывод, то есть без земли?

Чичиков. Нет, я не то чтобы совершенно крестьян... Я желаю иметь мертвых...

Первый появляется.

Манилов. Как-с? Извините, я несколько туг на ухо, мне послышалось престранное слово?

Чичиков. Я полагаю приобрести мертвых, которые, впрочем, значились бы по ревизии как живые.

Манилов уронил трубку. Пауза.

Итак, я желал бы знать, можете ли вы мне таковых, не живых в действительности, но живых относительно законной формы, передать, уступить... (Пауза.) Мне кажется, вы затрудняетесь?

Манилов. Я? Нет. Я не то... Но не могу постичь. Извините... Я, конечно, не мог получить такого блестящего образования, какое, так сказать, видно во всяком вашем движении... Может быть, здесь скрыто другое? Может быть, вы изволили выразиться так для красоты слога?

Чичиков. Нет, я разумею предмет таков, как есть, то есть те души, которые точно уже умерли. Итак, если нет препятствий, то с Богом можно бы приступить к совершению купчей крепости.

Манилов. Как, на мертвые души купчую?!

Чичиков. А, нет! Мы напишем, что они живы, так, как стоит в ревизской сказке. Я привык ни в чем не отступать от гражданских законов. Я немею перед законом. (Пауза.) Может быть, вы имеете какие-нибудь сомнения?

Манилов. О, помилуйте, ничуть. Я не насчет того говорю, чтобы иметь какое-нибудь, то есть критическое предосуждение о вас! Но позвольте доложить, не будет ли это предприятие, или, чтобы еще более, так сказать, выразиться – негоция, – так не будет ли эта негоция несоответствующею гражданским постановлениям и дальнейшим видам России?

Чичиков. О, никак. Казна получит даже выгоду, ибо получит законные пошлины.

Манилов. Так вы полагаете?..

Чичиков. Я полагаю, что это будет хорошо.

Манилов. А если хорошо, это другое дело. Я против этого ничего.

Чичиков. Теперь остается условиться в цене.

Манилов. Как в цене? Неужели вы полагаете, что я стану брать деньги за души, которые, в некотором роде, окончили свое существование! Если уж вам пришло этакое, так сказать, фантастическое желание, я предаю их вам безынтересно и купчую беру на себя.

Чичиков. Почтеннейший друг, о! (Жмет руку Манилову.)

Манилов(потрясен). Помилуйте, это сущее ничего, а умершие души, в некотором роде – совершенная дрянь.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Чичиков. Очень не дрянь. Если бы вы знали, какую услугу оказали сей, по-видимому, дрянью человеку без племени и без роду! Да и действительно, чего не потерпел я! Как барка какая-нибудь среди свирепых волн... (Внезапно.) Не худо бы купчую совершить поскорее. Вы уж, пожалуйста, сделайте подробный реестрик всех поименно. И не худо было бы, если бы вы сами понавелись в город.

Манилов. О, будьте уверены. Я с вами расстанусь не далее, как на два дни.

Чичиков берет шляпу.

Как, вы уже хотите ехать? Лизанька, Павел Иванович оставляет нас.

Манилова(входя). Потому что мы надоели Павлу Ивановичу.

Чичиков. Здесь, здесь, вот где, да, здесь, в сердце, пребудет приятность времени, проведенного с вами! Прощайте, сударыня. Прощайте, почтеннейший друг. Не позабудьте просьбы.

Манилов. Право, останьтесь, Павел Иванович. Посмотрите, какие тучи.

Чичиков. Это маленькие тучки.

Манилов. Да знаете ли вы дорогу к Собакевичу?

Чичиков. Об этом хочу спросить вас.

Манилов. Позвольте, я сейчас расскажу вашему кучеру.

Чичиков. Селифан!

Селифан(с кнутом, входя). Чего изволите?

Манилов. Дело, любезнейший, вот какое... Нужно пропустить два поворота и поворотить на третий...

Селифан. Потрафим, ваше благородие. (Выходит.)

Чичиков и Манилов обнимаются. Чичиков исчезает. Пауза.

Манилов(один). Не пошутил ли он?! Не спятил ли с ума невзначай! А?... Нет, глаза были совершенно ясны!..

Первый...не было в них дикого беспокойного огня, какой бегают в глазах сумасшедшего человека; все было прилично и в порядке. (Смеется.) Как ни придумывал Манилов, как ему быть, но ничего не мог придумать!..

Манилов. Мерт-вые?!.

Занавес

[У Собакевича]

Первый..Мертвые? Чичиков, садясь, взглянул на стены и на висевшие на них картины. На картинах все были молодцы, все греческие полководцы. Маврокордато в красных панталонах, Миаули, Канари. Все эти герои были с такими толстыми ляжками и неслыханными усами, что дрожь проходила по телу! Между крепкими греками, неизвестно каким образом, поместился Багратион, тощий, худенький...

Чичиков. Древняя римская монархия, многоуважаемый Михаил Семенович, не была столь велика, как Русское государство, и иностранцы справедливо ему удивляются. По существующим положениям этого государства, ревизские души, окончивши жизненное поприще, числятся до подачи новой ревизской сказки наравне с живыми. При всей справедливости этой меры, она бывает отчасти тягостна для многих владельцев, обязывая их вносить подати так, как бы за живой предмет. (Пауза.) Чувствуя уважение к вам, готов бы я даже принять на себя эту тяжелую обязанность в смысле... этих... несуществующих душ...

Собакевич. Вам нужно мертвых душ?

Чичиков. Да, несуществующих.

Собакевич. Извольте, я готов продать.

Чичиков. А, например, как же цена? Хотя, впрочем, это такой предмет... что о цене даже странно...

Собакевич. Да чтобы не запрашивать с вас лишнего – по сту рублей за штуку.

Чичиков. По сту?!

Собакевич. Что ж, разве это для вас дорого? А какая бы, однако ж, ваша цена?

Чичиков. Моя цена? Мы, верно, не понимаем друг друга. По восьми гривен за душу – это самая красная цена.

Собакевич. Эк, куда хватили! По восьми гривенок. Ведь я продаю не лапти.

Чичиков. Однако ж согласитесь сами, ведь это тоже и не люди.

Собакевич. Так вы думаете, сыщете такого дурака, который бы вам продал по двугривенному ревизскую душу?

Чичиков. Но позвольте. Ведь души-то самые давно уж умерли... Остался один не осязаемый чувствами звук. Впрочем, чтобы не входить в дальнейшие разговоры по этой части, по полтора рубли, извольте, дам, а больше не могу.

Собакевич. Стыдно вам и говорить такую сумму. Вы торгуйтесь. Говорите настоящую цену.

Чичиков. По полтинке прибавлю.

Собакевич. Да чего вы скупитесь? Другой мошенник обманет вас, продаст вам дрянь, а не души; а у меня, что ядреный орех, все на отбор: не мастеровой, так иной какой-нибудь здоровый мужик. Вы рассмотрите: вот, например, каретник Михеев... Сам и обобьет и лаком покроет. Дело смылит и хмельного не берет.

Чичиков. Позвольте!..

Собакевич. А Пробка Степан – плотник! Я голову прозакладаю, если вы где сыщете такого мужика. Служи он в гвардии, ему бы Бог знает что дали. Трех аршин с

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
вершком росту! Трезвости примерной.

Чичиков. Позвольте!!

Собакевич. Милушкин, кирпичник! Мог поставить печь в каком угодно доме. Максим Телятников, сапожник! Что шилом кольнет – то и сапоги, что сапоги – то и спасибо! И хоть бы в рот хмельного! А Еремей Сорокоплексин! В Москве торговал! Одного оброку приносил по пятисот рублей!

Чичиков. Но позвольте! Зачем же вы перечисляете все их качества?! Ведь это все народ мертвый!

Собакевич(одумавшись). Да, конечно, мертвые... (Пауза.) Впрочем, и то сказать, что из этих людей, которые числятся теперь живущими...

Чичиков. Да все же они существуют, а это ведь мечта.

Собакевич. Ну, нет, не мечта. Я вам доложу, каков был Михеев, так вы таких людей не сыщете. Нашли мечту!

Чичиков. Нет. Больше двух рублей не могу дать.

Собакевич. Извольте, чтобы не претендовали на меня, что дорого запрашиваю, – семьдесят пять рублей, – право, только для знакомства.

Чичиков. Два рублика.

Собакевич. Эко, право, затвердила сорока Якова. Вы давайте настоящую цену.

Первый...Ну, уж черт его побери. По полтине ему прибавь – собаке на орехи.

Чичиков. По полтине прибавлю.

Собакевич. И я вам скажу тоже мое последнее слово: пятьдесят рублей.

Чичиков. Да что, в самом деле! Как будто точно серьезное дело. Да я их в другом месте нипочем возьму...

Собакевич. Ну, знаете ли, что такого рода покупки... и расскажи я кому-нибудь...

Первый. Эк, куда метит, подлец!

Чичиков. Я покупаю не для какой-нибудь надобности... а так, по склонности собственных мыслей... Два с полтиной не хотите, прощайте.

Первый «...его не собьешь, не податлив», – подумал Собакевич.

Собакевич. Ну, Бог с вами, давайте по тридцати и берите их себе.

Чичиков. Нет, я вижу – вы не хотите продать. Прощайте, Михаил Семенович.

Собакевич. Позвольте... позвольте... Хотите угол?

Чичиков. То есть двадцать пять рублей? Даже четверти угла не дам, копейки не прибавлю.

Собакевич. Право, у вас душа человеческая все равно что пареная репа. Уж хоть по три рубля дайте.

Чичиков. Не могу.

Собакевич. Ну, нечего с вами делать, – извольте. Убыток, да уж нрав такой собачий: не могу не доставить удовольствия ближнему. Ведь, я чай, нужно и купчую совершить, чтоб все было в порядке?

Чичиков. Разумеется.

Собакевич. Ну, вот то-то же. Нужно будет ехать в город. Пожалуйте задаточек.

Чичиков. К чему же вам задаточек? Вы получите в городе за одним разом все деньги.

Собакевич. Все, знаете, так уж водится.

Чичиков. Не знаю, как вам дать... Да вот десять рублей есть.

Собакевич. Дайте, по крайней мере, хоть пятьдесят.

Чичиков. Нету.

Собакевич. Есть.

Чичиков. Пожалуй, вот вам еще пятнадцать. Итого двадцать пять. Пожалуйста только расписку.

Собакевич. Да на что ж вам расписка?

Чичиков. Не ровен час... Все может случиться...

Собакевич. Дайте же сюда деньги.

Чичиков. У меня вот они, в руке. Как только напишете расписку, в ту же минуту их возьмете.

Собакевич. Да позвольте, как же мне писать расписку? Прежде нужно видеть деньги... (Написал расписку.) Бумажка-то старенькая. А женского пола не хотите?

Чичиков. Нет, благодарю.

Собакевич. Я бы недорого и взял. Для знакомства по рублику за штуку.

Чичиков. Нет, в женском поле не нуждаюсь.

Собакевич. Ну, когда не нуждаетесь, так нечего и говорить. На вкусы нет закона.

Чичиков. Я хотел вас попросить, чтобы эта сделка осталась между нами.

Собакевич. Да уж само собой разумеется... Прощайте, благодарю, что посетили.

Чичиков. Позвольте спросить: если выехать из ваших ворот к Плюшкину – это будет направо или налево?

Собакевич. Я вам даже не советую дороги знать к этой собаке. Скряга! Всех людей переморил голодом!

Чичиков. Нет, я спросил не для каких-либо... Интересуюсь познанием всякого рода мест. Прощайте. (Уходит)

Собакевич, подобрavшись к окну, смотрит.

Первый...Кулак, кулак, да еще и бестия в придачу!..

Занавес

Акт второй

Картина пятая

[У Плюшкина]

Запущенный сад. Гнилые колонны. Терраса, набитая хламом. Закат.

Первый...Прежде, давно, в лета моей юности, мне было весело подъезжать в первый раз к незнакомому месту. Все останавливало меня и поражало.

Теперь равнодушно подъезжаю ко всякой незнакомой деревне и равнодушно гляжу на ее пошлую наружность, моему охлажденному взору неприятно, мне не смешно, и то, что пробудило бы в прежние годы живое движение в лице, смех и немолчные речи, то скользит теперь мимо, и безучастное молчание хранят мои недвижные уста. О, моя юность! О, моя свежесть!

Слышен стук в оконное стекло. Плюшкин показывается на террасе, смотрит подозрительно.

Чичиков(идет к террасе). Послушайте, матушка, что барин?

Плюшкин. Нет дома. А что вам нужно?

Чичиков. Есть дело.

Плюшкин. Идите в комнаты. (Открывает дверь на террасу.)

Молчание.

Чичиков. Что ж барин? У себя, что ли?

Плюшкин. Здесь хозяин.

Чичиков(оглядываясь). Где же?

Плюшкин. Что, батюшка, слепы-то, что ли? Эхва! А вить хозяин-то я.

Молчат.

Первый...если бы Чичиков встретил его у церковных дверей, то, вероятно, дал бы ему

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
медный грош. Но перед ним стоял не нищий, перед ним стоял помещик.

Чичиков. Наслышав об экономии и редком управлении имениями, почел за долг познакомиться и принести личное свое почтение...

Плюшкин. А побрал черт бы тебя с твоим почтением. Прошу покорнейше садиться. (Пауза.) Я давненько не вижу гостей, да признаться сказать, в них мало вижу проку. Завели пренеприличный обычай ездить друг к другу, а в хозяйстве-то упущения, да и лошадей их корми сеном. Я давно уже отобедал, а кухня у меня низкая, прескверная, и труба-то совсем развалилась, начнешь топить – пожару еще наделаешь.

Первый...Вон оно как!

Чичиков. Вон оно как.

Плюшкин. И такой скверный анекдот: сена хоть бы клочок в целом хозяйстве. Да и как прибережешь его? Землишка маленькая, мужик ленив... того и гляди, пойдешь на старости лет по миру...

Чичиков. Мне, однако ж, сказывали, что у вас более тысячи душ.

Плюшкин. А кто это сказывал? А вы бы, батюшка, наплевали в глаза тому, который это сказывал! Он пересмешник, видно, хотел пошутить над вами. Последние три года проклятая горячка выморила у меня здоровый куш мужиков.

Чичиков. Скажите! И много выморила?

Плюшкин. До ста двадцати наберется.

Чичиков. Вправду, целых сто двадцать?

Плюшкин. Стар я, батюшка, чтобы лгать. Седьмой десяток живу.

Чичиков. Соболезную я, почтеннейший, соболезнаю.

Плюшкин. Да ведь соболезнавание в карман не положишь. Вот возле меня живет капитан, черт знает откуда взялся, говорит – родственник. «Дядюшка, дядюшка» – и в руку целует. А я ему такой же дядюшка, как он мне дедушка. И как начнет соболезнавать, вой такой подымет, что уши береги. Верно, спустил денежки, служа в офицерах, так вот он теперь и соболезнает.

Чичиков. Мое соболезнавание совсем не такого рода, как капитанское. Я готов принять на себя обязанность платить подати за всех умерших крестьян.

Плюшкин(отшатываясь). Да ведь как же? Ведь это вам самим-то в убыток?!

Чичиков. Для удовольствия вашего готов и на убыток.

Плюшкин. Ах, батюшка! Ах, благодетель мой! Вот утешили старика... Ах, Господи ты мой! Ах, святители вы мои... (Пауза.) Как же, с позволения вашего, вы за всякий год беретесь платить за них подать и деньги будете выдавать мне или в казну?

Чичиков. Да мы вот как сделаем: мы совершим на них купчую крепость, как бы они были живые и как бы вы их мне продали.

Плюшкин. Да, купчую крепость. Ведь вот, купчую крепость – все издержки...

Чичиков. Из уважения к вам, готов принять даже издержки по купчей на свой счет.

Плюшкин. Батюшка! Батюшка! Желаю всяких утешений вам и деткам вашим. И деткам. (Подозрительно.) А недурно бы совершить купчую поскорее, потому что человек сегодня жив, а завтра и Бог весть.

Чичиков. Хоть сию же минуту... Вам нужно будет для совершения крепости приехать в город.

Плюшкин. В город? Да как же? А дом-то как оставить? Ведь у меня народ – или вор,
Страница 92

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
или мошенник: в день так обернут, что и кафтана не на чем будет повесить.

Чичиков. Так не имеете ли какого-нибудь знакомого?

Плюшкин. Да кого же знакомого? Все мои знакомые перемерли или раззнакомились. Ах, батюшка! Как не иметь. Имею. Ведь знаком сам председатель, ездил даже в старые годы ко мне. Как не знать! Однокорытники были. Вместе по заборам лазили. Уж не к нему ли написать?

Чичиков. И конечно, к нему.

Плюшкин. К нему! К нему!

Разливается вечерняя заря, и луч ложится на лицо Плюшкина.

В школе были приятели... (Вспоминает.) А потом я был женат?.. Соседи заезжали... Сад, мой сад... (Тоскливо оглядывается.)

Первый...всю ночь сиял убранный огнями и громом музыки оглашенный сад...

Плюшкин. Приветливая и говорливая хозяйка... Все окна в доме были открыты... Но добрая хозяйка умерла, и стало пустее.

Чичиков. Стало пустее.

Первый...одинокая жизнь дала сытную пищу скупости, которая, как известно, имеет волчий голод и, чем более пожирает, тем становится ненасытнее.

Плюшкин. На дочь я не мог положиться... Да разве я не прав? Убежала со штабс-ротмистром Бог весть какого полка...

Первый...Скряга, что же послал ей на дорогу?..

Плюшкин. Проклятие... И очутился я, старик, один и сторожем и хранителем...

Первый...О, озаренная светом вечерним ветвь, лишенная зелени!

Чичиков(хмуро). А дочь?

Плюшкин. Приехала. С двумя малютками и привезла мне кулич к чаю и новый халат. (Щеголяет в своих лохмотьях.) Я ее простил, я простил, но ничего не дал дочери. С тем и уехала Александра Степановна...

Первый...О, бледное отражение чувства. Но лицо скряги вслед за мгновенно скользнувшим на нем чувством стало еще бесчувственнее и пошлее...

Плюшкин. Лежала на столе четверка чистой бумаги, да не знаю, куда запропастилась, люди у меня такие негодные. Мавра, Мавра!

Мавра появляется оборвана, грязна.

Куда ты дела, разбойница, бумагу?

Мавра. Ей-богу, барин, не видывала, oprичь небольшого лоскутка, которым изволили прикрыть рюмку.

Плюшкин. А я вот по глазам вижу, что подтибрила.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Мавра. Да на что ж бы я подтибрила? Ведь мне проку в ней никакого: я грамоте не знаю.

Плюшкин. Врешь, ты снесла пономаренку; он маракует, так ты ему и снесла.

Мавра. Пономаренок... Не видал он вашего лоскутка.

Плюшкин. Вот погоди-ко: на Страшном суде черти припекут тебя за это железными рогатками.

Мавра. Да за что же припекут, коли я не брала и в руки четвертки. Уж скорей другой какой бабьей слабостью, а воровством меня еще никто не попрекал.

Плюшкин. А вот черти-то тебя и припекут. Скажут: «А вот тебя, мошенница, за то, что барина-то обманывала». Да горячими-то тебя и припекут.

Мавра. А я скажу: «Не за что. Ей-богу, не за что. Не брала я». Да вот она лежит. Всегда понапраслиной попрекаете. (Уходит.)

Плюшкин. Экая занозистая. Ей скажи только слово, а она уж в ответ десяток... (Пишет.)

Первый...И до какой ничтожности, мелочности, гадости мог снизить человек. Все может стать с человеком!

Чичиков хмуро молчит.

Плюшкин. А не знаете ли какого-нибудь вашего приятеля, которому понадобились беглые души?

Чичиков(очнувшись). А у вас есть и беглые?

Плюшкин. В том-то и дело, что есть.

Чичиков. А сколько их будет числом?

Плюшкин. Да десятков до семи наберется... (Подает список.) Ведь у меня что год, то бегают. Народ-то больно прожорлив, от праздности завел привычку трескать, а у меня есть и самому нечего.

Чичиков. Будучи подвигнут участием, я готов дать по двадцати пяти копеек за беглую душу.

Плюшкин. Батюшка, ради нищеты-то моей уж дали бы по сорока копеек!

Чичиков. Почтеннейший, не только по сорока копеек, по пятисот рублей заплатил бы... Но состояния нет... По пяти копеек, извольте, готов прибавить.

Плюшкин. Ну, батюшка, воля ваша, хоть по две копейки пристегните.

Чичиков. По две копейки пристегну, извольте... Семьдесят восемь по тридцати... двадцать четыре рубля. Пишите расписку.

Плюшкин написал расписку, принял деньги, спрятал. Пауза.

Плюшкин. Ведь вот не същешь, а у меня был славный ликерчик, если только не выпили. Народ такие воры. А вот разве не это ли он? Еще покойница делала. Мошенница-ключница совсем было его забросила и даже не закупила, каналья.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Козьявки и всякая дрянь было понапичкалась туда, но я весь сор-то повынул, и теперь вот чистенькая, я вам налью рюмочку.

Чичиков. Нет, покорнейше благодарю.. нет, пил и ел. Мне пора.

Плюшкин. Пили уже и ели? Да, конечно, хорошего общества человека хоть где узнаешь: он не ест, а сыт. Прощайте, батюшка, да благословит вас Бог. (Провожает Чичикова.)

Заря угасает. Тени.

Плюшкин(возвращается). Мавра! Мавра!

Никто ему не отвечает, слышно, как удаляются колокольчики Чичикова.

Занавес

Картина шестая

В доме Ноздрева. На стене сабли и два ружья и портрет Суворова. Яркий день. Кончается обед.

Ноздрев. Нет, ты попробуй. Это бургоньон и шампаньон вместе. Совершенный вкус сливок... (Наливает.)

Мижув(вдребезги пьян). Ну, я поеду...

Ноздрев. И ни-ни. Не пуцу.

Мижув. Нет, не обижай меня, друг мой, право, поеду я.

Ноздрев. «Поеду я»! Пустяки, пустяки. Мы соорудим сию минуту банчишку.

Мижув. Нет, сооружай, брат, сам, а я не могу. Жена будет в большой претензии, право: я должен ей рассказать о ярмарке...

Ноздрев. Ну ее, жену к... важное, в самом деле, дело станете делать вместе.

Мижув. Нет, брат, она такая добрая жена... Уж точно почтенная и верная. Услуги оказывает такие... поверишь, у меня слезы на глазах.

Чичиков(тихо.) Пусть едет, что в нем проку.

Ноздрев. А и вправду. Смерть не люблю таких ростепелей. Ну, черт с тобой, поезжай бабиться с женой, фетюк.

Мижув. Нет, брат, ты не ругай меня фетюком. Я ей жизнью обязан. Такая, право, добрая, такие ласки оказывает. Спросит, что видел на ярмарке...

Ноздрев. Ну, поезжай, ври ей чепуху. Вот картуз твой.

Мижув. Нет, брат, тебе совсем не следует о ней так отзываться.

Ноздрев. Ну, так и убирайся к ней скорее!

Мижув. Да, брат, поеду. Извини, что не могу остаться.

Ноздрев. Поезжай, поезжай...

Мижув. Душой бы рад был, но не могу...

Ноздрев. Да поезжай к чертям!

Мижув удаляется.

Такая дрянь. Вон как потащился. Много от него жена услышит подробностей о ярмарке. Конек пристяжной недурен, я давно хотел подцепить его. (Вооружаясь колодой.) Ну, для препровождения времени, держу триста рублей банку.

Чичиков. А, чтоб не позабыть: у меня к тебе просьба.

Ноздрев. Какая?

Чичиков. Дай прежде слово, что исполнишь.

Ноздрев. Изволь.

Чичиков. Честное слово?

Ноздрев. Честное слово.

Чичиков. Вот какая просьба: у тебя есть, чай, много умерших крестьян, которые еще не вычеркнуты из ревизии?

Ноздрев. Ну, есть. А что?

Чичиков. Переведи их на меня, на мое имя.

Ноздрев. А на что тебе?

Чичиков. Ну, да мне нужно.

Ноздрев. Ну, уж, верно, что-нибудь затеял. Признайся, что?

Чичиков. Да что ж – затеял. Из такого пустяка и затеять ничего нельзя.

Ноздрев. Да зачем они тебе?

Чичиков. Ох, какой любопытный. Ну, просто так, пришла фантазия.

Ноздрев. Так вот же: до тех пор, пока не скажешь, не сделаю.

Чичиков. Ну, вот видишь, душа, вот уж и нечестно с твоей стороны. Слово дал, да и на попятный двор.

Ноздрев. Ну, как ты себе хочешь, а не сделаю, пока не скажешь, на что.

Чичиков(тихо). Что бы такое сказать ему... Гм... (Громко.) Мертвые души мне нужны

Ноздрев. Врешь, врешь...

Чичиков. Ну, так я ж тебе скажу прямее... Я задумал жениться; но нужно тебе сказать, что отец и мать невесты – преамбициозные люди...

Ноздрев. Врешь, врешь...

Чичиков. Однако ж, это обидно... Почему я непременно лгу?

Надвигается туча. Видимо, будет гроза.

Ноздрев. Ну да ведь я знаю тебя: ведь ты большой мошенник, позволь мне это тебе сказать по дружбе. Ежели бы я был твоим начальником, я бы тебя повесил на первом дереве. Я говорю тебе это откровенно, не с тем чтобы обидеть тебя, а просто по-дружески говорю.

Чичиков. Всему есть границы... Если хочешь пощеголять подобными речами, так ступай в казармы. (Пауза.) Не хочешь подарить, так продай.

Ноздрев. Продать? Да ведь я знаю тебя, ведь ты подлец, ведь ты дорого не дашь за них.

Чичиков. Эх, да ты ведь тоже хорош! Что они у тебя, бриллиантовые, что ли?

Ноздрев. Ну, послушай: чтобы доказать тебе, что я вовсе не какой-нибудь скалдырник, я не возьму за них ничего. Купи у меня жеребца розовой шерсти, я тебе дам их в придачу.

Чичиков. Помилуй, на что ж мне жеребец?

Ноздрев. Как на что? Да ведь я за него заплатил десять тысяч, а тебе отдаю за четыре.

Чичиков. Да на что мне жеребец?

Ноздрев. Ты не понимаешь, ведь я с тебя возьму теперь только три тысячи, а остальную тысячу ты можешь уплатить мне после.

Чичиков. Да не нужен мне жеребец, Бог с ним!

Ноздрев. Ну, купи каурую кобылу.

Чичиков. И кобылы не нужно.

Ноздрев. За кобылу и за серого коня возьму я с тебя только две тысячи.

Чичиков. Да не нужно мне лошади.

Ноздрев. Ты их продашь; тебе на первой ярмарке дадут за них втрое больше.

Чичиков. Так лучше ж ты их сам продай, когда уверен, что выиграешь втрое.

Ноздрев. Мне хочется, чтобы ты получил выгоду.

Чичиков. Благодарю за расположение. Не нужно мне каурой кобылы.

Ноздрев. Ну, так купи собак. Я тебе продам такую пару, просто мороз по коже подирает. Брудастая с усами собака...

Чичиков. Да зачем мне собака с усами? Я не охотник.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Ноздрев. Если не хочешь собаки, купи у меня шарманку.

Чичиков. Да зачем мне шарманка?! Ведь я не немец, чтобы, тащась по дорогам, выпрашивать деньги.

Ноздрев. Да ведь это не такая шарманка, как носят немцы. Это орган... Вся из красного дерева. (Тащит Чичикова к шарманке.)

Та играет «Мальбруг в поход...». Вдали начинает погромыхивать.

Я тебе дам шарманку и мертвые души, а ты мне дай свою бричку и триста рублей придачи.

Чичиков. А я в чем поеду?

Ноздрев. Я тебе дам другую бричку. Ты ее только перекрасишь – будет чудо-бричка.

Чичиков. Эк, тебя неугомонный бес как обуял!

Ноздрев. Бричка, шарманка, мертвые души...

Чичиков. Не хочу...

Ноздрев. Ну, послушай, хочешь, метнем банчик? Я поставлю всех умерших на карту... шарманку тоже... Будь только на твоей стороне счастье, ты можешь выиграть чертову пропасть. (Мечет.) Экое счастье. Так и колотит. Вон она...

Чичиков. Кто?

Ноздрев. Проклятая девятка, на которой я все просадил. Чувствовал, что продаст, да уж зажмурил глаза... Думаю себе, черт тебя подери, продавай, проклятая. Не хочешь играть?

Чичиков. Нет.

Ноздрев. Ну, дрянь же ты.

Чичиков(обидевшись). Селифан. Подавай... (Берет картуз.)

Ноздрев. Я думал было прежде, что ты хоть сколько-нибудь порядочный человек, а ты никакого не понимаешь обращения...

Чичиков. За что ты бранишь меня? Виноват разве я, что не играю?! Продай мне души!..

Ноздрев. Черта лысого получишь! Хотел было даром отдать, но теперь вот не получишь же!

Чичиков. Селифан!

Ноздрев. Постой. Ну, послушай... сыграем в шашки, выиграешь – все твои. Ведь это не банк; тут никакого не может быть счастья или фальши. Я даже тебя предваряю, что совсем не умею играть...

Первый(тихо) «...Сем-ка, я... – подумал Чичиков. – В шашки игрывал я недурно, а на штуки ему здесь трудно подняться».

Чичиков. Изволь, так и быть, в шашки сыграю.

Ноздрев. Души идут в ста рублях.

Чичиков. Довольно, если пойдут в пятидесяти.

Ноздрев. Нет, что ж за куш – пятьдесят... Лучше ж в эту сумму я включу тебе какого-нибудь щенка средней руки или золотую печатку к часам.

Чичиков. Ну, изволь...

Ноздрев. Сколько же ты мне дашь вперед?

Чичиков. Это с какой стати? Я сам плохо играю.

Играют.

Ноздрев. Знаем мы вас, как вы плохо играете.

Чичиков. Давненько не брал я в руки шашек.

Ноздрев. Знаем мы вас, как вы плохо играете.

Чичиков. Давненько не брал я в руки шашек.

Ноздрев. Знаем мы вас, как вы плохо играете.

Чичиков. Давненько не брал я в руки... Э... э... Это что? Отсади-ка ее назад.

Ноздрев. Кого?

Чичиков. Да шашку-то... А другая!.. Нет, с тобой нет никакой возможности играть! Этак не ходят, по три шашки вдруг...

Ноздрев. За кого же ты меня считаешь? Стану я разве плутовать?..

Чичиков. Я тебя ни за кого не почитаю, но только играть с этих пор никогда не буду. (Смешал шашки.)

Ноздрев. Я тебя заставлю играть. Это ничего, что ты смешал шашки, я помню все ходы.

Чичиков. Нет, с тобой не стану играть.

Ноздрев. Так ты не хочешь играть? Отвечай мне напрямик.

Чичиков(оглянувшись). Селиф... Если б ты играл, как прилично честному человеку, но теперь не могу.

Ноздрев. А, так ты не можешь? А, так ты не можешь? Подлец! Когда увидел, что не твоя берет, так ты не можешь? Сукина дочь! Бейте его!! (Бросается на Чичикова, тот взлетает на буфет.)

Первый «...Бейте его!» – закричал он таким же голосом, как во время великого приступа кричит своему взводу: «Ребята, вперед!» – какой-нибудь отчаянный поручик, когда все пошло кругом в голове его!..

Раздается удар грома.

Ноздрев. Пожар! Скосырь! Черкан! Северга! (Свистит, слышен собачий лай.) Бейте его!.. Порфирий! Павлушка!

Искаженное лицо Селифана появляется в окне. Ноздрев хватается шарманку, швыряет ее в Чичикова, та разбивается, играет «Мальбруга»... Послышались вдруг колокольчики, с храпом стала тройка.

Капитан-исправник(появившись). Позвольте узнать, кто здесь господин Ноздрев?

Ноздрев. Позвольте прежде узнать, с кем имею честь говорить?

Капитан-исправник. Капитан-исправник.

Чичиков осторожно слезает с буфета.

Я приехал объявить вам, что вы находитесь под судом до времени окончания решения по вашему делу.

Ноздрев. Что за вздор? По какому делу?

Чичиков исчезает, и исчезает и лицо Селифана в окне.

Капитан-исправник. Вы замешаны в историю по случаю нанесения помещику Максиму личной обиды розгами в пьяном виде.

Ноздрев. Вы врите! Я и в глаза не видел помещика Максимова!

Капитан-исправник. Милостивый государь!! Позвольте вам...

Ноздрев(обернувшись, увидев, что Чичикова нет, бросается к окну). Держи его!.. (Свистит.)

Грянули колокольчки, послышался такой звук, как будто кто-то кому-то за сценой дал плюху, послышался вопль Селифана: «Выноси, любезные, грабят...», потом все это унеслось и остался лишь звук «Мальбруга» и пораженный Капитан-исправник. Затем все потемнело и хлынул ливень, гроза!

Картина седьмая

[У коробочки]

Грозовые сумерки. Свеча. Лампадка. Самовар. Сквозь грохот грозы смутно послышался «Мальбруг»... Затем грохот в сенях.

Фетинья. Кто стучит?

Чичиков(за дверями). Пустите, матушка, с дороги сбились.

Коробочка. Да кто вы такой?

Чичиков(за дверью). Дворянин, матушка.

Фетинья открывает дверь. Входят Чичиков, у него на шинели оборван ворот, и Селифан – мокрые и грязные, вносят шкатулку.

Чичиков. Извините, матушка, что побеспокоил неожиданным приездом...

Коробочка. Ничего, ничего... Гром такой... Вишь, сумятица какая... Эх, отец мой, где так изволили засалиться?!

Чичиков. Еще, слава Богу, что только засалился; нужно благодарить, что не отломали совсем боков.

Коробочка. Святители, какие страсти!

Селифан. Вишь ты, опрокинулись.

Чичиков. Опрокинулись... Ступай, да что б сейчас все было сделано в город ехать...

Селифан. Время темное, нехорошее время...

Чичиков. Молчи, дурак!

Селифан уходит с шинелью Чичикова.

Коробочка. Фетинья, возьми-ка их платье да просуши.

Фетинья. Сейчас, матушка.

Чичиков. Уж извините, матушка! (Начинает снимать фрак.)

Коробочка. Ничего, ничего. (Скрывается.)

Чичиков в волнении и злобе сбрасывает фрак и надевает какую-то куртку.

Первый...зачем же заехал к нему? зачем же заговорил с ним о деле?! Поступил неосторожно, как ребенок, как дурак! Разве дело такого рода, чтобы быть вверену Ноздреву? Ноздрев человек дрянь, Ноздрев может прибавить, наврать, распустить черт знает что!..

Чичиков. Просто дурак я! Дурак!

Коробочка(входя). Чайку, батюшка.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Чичиков. Недурно, матушка. А позвольте узнать фамилию вашу... Я так рассеялся...

Коробочка. Коробочка, коллежская секретарша.

Чичиков. Покорнейше благодарю... Фу... Сукин сын.

Коробочка. Кто, батюшка?

Чичиков. Ноздрев, матушка... Знаете?

Коробочка. Нет, не слыхивала.

Чичиков. Ваше счастье. А имя, отчество?

Коробочка. Настасья Петровна.

Чичиков. Хорошее имя. У меня тетка, родная сестра моей матери, Настасья Петровна.

Коробочка. А ваше имя как? Ведь вы, я чай, заседатель?

Чичиков. Нет, матушка, чай, не заседатель, а так – ездим по своим делишкам.

Коробочка. А, так вы покупатель? Как же жаль, право, что я продала мед купцам так дешево... Ты бы, отец мой, у меня, верно, его купил.

Чичиков. А вот меду и не купил бы.

Коробочка. Что ж другое? Разве пеньку?

Чичиков. Нет, матушка, другого рода товарец: скажите, у вас умирали крестьяне?

Коробочка. Ох, батюшка, осьмнадцать человек. И умер такой все славный народ. Кузнец у меня сгорел...

Чичиков. Разве у вас был пожар, матушка?

Коробочка. Бог поберег. Сам сгорел, отец мой. Внутри у него как-то загорелось, чересчур выпил. Синий огонек пошел от него, истлел, истлел и почернел, как уголь. И теперь мне выехать не на чем. Некому лошадей подковать.

Чичиков. На все воля Божья, матушка. Против мудрости Божией ничего нельзя сказать. Продайте-ка их мне, Настасья Петровна.

Коробочка. Кого, батюшка?

Чичиков. Да вот этих-то всех, что умерли.

Коробочка. Да как же? Я, право, в толк не возьму. Нешто хочешь ты их откапывать из земли?

Чичиков. Э-э, матушка!.. Покупка будет значиться только на бумаге, а души будут прописаны как бы живые.

Коробочка(перекрестясь). Да на что ж они тебе?!

Чичиков. Это уж мое дело.

Коробочка. Да ведь они же мертвые.

Гроза за сценой.

Чичиков. Да кто ж говорит, что они живые! Я дам вам пятнадцать рублей

Коробочка. Право, не знаю, ведь я мертвых никогда еще не продавала.

Чичиков. Еще бы! (Пауза.) Так что ж, матушка, по рукам, что ли?

Коробочка. Право, отец мой, никогда еще не случалось продавать мне покойников. Боюсь на первых порах, чтобы как-нибудь не понести убытку. Может быть, ты, отец мой, меня обманываешь, а они того.. они больше как-нибудь стоят?

Чичиков. Послушайте, матушка. Эк, какие вы. Что ж они могут стоять? На что они нужны?

Коробочка. Уж это точно, правда. Уж совсем ни на что не нужно. Да ведь меня только и останавливает, что они мертвые. Лучше уж я маленько повременю, авось понаедут купцы, да применюсь к ценам.

Чичиков. Страм, страм, матушка! Просто страм. Кто ж станет покупать их? Ну, какое употребление он может из них сделать?

Коробочка. А может, в хозяйстве-то как-нибудь под случай понадобятся?

Чичиков. Воробьев пугать по ночам?

Коробочка. С нами крестная сила!

Пауза.

Чичиков. Ну так что же? Отвечайте, по крайней мере.

Пауза.

Первый..Старуха задумалась, она видела, что дело, точно, как будто выгодно. Да только уж слишком новое и небывалое, а потому начала сильно побаиваться, как бы не надул ее покупатель!

Чичиков. О чем вы думаете, Настасья Петровна?

Коробочка. Право, я все не приберу, как мне быть. Лучше я вам пеньку продам.

Чичиков. Да что ж пенька? Помилуйте, я вас прошу совсем о другом, а вы мне пеньку суете! (Пауза.) Так как же, Настасья Петровна?

Коробочка. Ей-богу, товар такой странный, совсем небывалый.

Чичиков(трахнув стулом). Чтоб тебе! Черт, черт!

Часы пробили с шипением.

Коробочка. Ох, не припоминай его, Бог с ним! Ох, еще третьего дня всю ночь мне снился, окаянный. Такой гадкий привиделся, а рога-то длиннее бычачьих.

Чичиков. Я дивлюсь, как они вам десятками не снятся. Из одного христианского

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
человеколюбия хотел: вижу, бедная вдова убивается, терпит нужду. Да пропади она
и околеет со всей вашей деревней!

Коробочка. Ах, какие ты забранки пригинаешь!

Чичиков. Да не найдешь слов с вами. Право, словно какая-нибудь, не говоря
дурного слова, дворняжка, что лежит на сене. И сама не ест, и другим не дает.

Коробочка. Да чего ж ты рассердился так горячо? Знай я прежде, что ты такой
сердитый, я бы не прекословила. Изволь, я готова отдать за пятнадцать
ассигнацией.

Гроза утихает.

Первый...Уморила, проклятая старуха!

Чичиков. Фу, черт! (Оттирает пот.) В городе какого-нибудь поверенного или
знакомого имеете, которого могли бы уполномочить на совершение крепости?

Коробочка. Как же. Протопопа отца Кирилла сын служит в палате.

Чичиков. Ну, вот и отлично. (Пишет.) Подпишите. (Вручает деньги.) Ну, прощайте,
матушка.

Коробочка. Да ведь бричка твоя еще не готова.

Чичиков. Будет готова, будет.

Селифан(в дверях). Готова бричка.

Чичиков. Что ты, болван, так долго копался? Прощайте, прощайте, матушка.
(Выходит.)

Коробочка(долго крестится). Батюшки... Пятнадцать ассигнацией... В город надо ехать...
Промахнулась, ох, промахнулась я, продала втридешева. В город надо ехать...
Узнать, почем ходят мертвые души. Фетинья! Фетинья!

Фетинья появилась.

Фетинья, вели закладывать... в город ехать... стали покупать... Цену узнать нужно!..

Занавес

Акт третий

Картина восьмая

За занавесом слышен взрыв медной музыки. Занавес открывается. Ночь. Губернаторская столовая. Громадный стол. Ужин. Огни. Слуги.

Губернаторша. Так вот вы как, Павел Иванович, приобрели!

Чичиков. Приобрел, приобрел, ваше превосходительство.

Губернатор. Благое дело, право, благое дело.

Чичиков. Да, я вижу сам, ваше превосходительство, что более благого дела не мог бы предпринять.

Полицеймейстер. Виват, ура, Павел Иванович!

Председатель, Почтмейстер, Прокурор. Ура!

Собакевич. Да что ж вы не скажете Ивану Григорьевичу, что такое именно вы приобрели? Ведь какой народ! Просто золото. Ведь я им продал каретника Михеева.

Председатель. Нет, будто и Михеева продали? Славный мастер. Он мне дрожки передельывал. Только позвольте, как же, ведь вы мне сказывали, что он умер?

Собакевич. Кто, Михеев умер? Это его брат умер. А он преживехонький и стал здоровее прежнего.

Губернатор. Славный мастер Михеев.

Собакевич. Да будто один Михеев? А Пробка Степан – плотник? Милушкин – кирпичник? Телятников Максим – сапожник?

Софья Ивановна. Зачем же вы их продали, Михаил Семенович, если они люди мастеровые и нужные для дома?

Собакевич. А так, просто нашла дурь. Дай, говорю, продам, да и продал сдуру.

Анна Григорьевна, Софья Ивановна, Почтмейстер, Манилова хохочут.

Прокурор. Но, позвольте, Павел Иванович, узнать, как же вы покупаете крестьян без земли? Разве на вывод?

Чичиков. На вывод.

Прокурор. Ну, на вывод – другое дело. А в какие места?

Чичиков. В места? В Херсонскую губернию.

Губернатор. О, там отличные земли.

Председатель. Рослые травы.

Почтмейстер. А земли в достаточном количестве?

Чичиков. В достаточном. Столько, сколько нужно для купленных крестьян.

Полицеймейстер. Река?

Почтмейстер. Или пруд?

Чичиков. Река, впрочем, и пруд есть.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Губернатор. За здоровье нового херсонского помещика.

Все. Ура!

Председатель. Нет, позвольте...

Анна Григорьевна. Чш... Чш...

Председатель. За здоровье будущей жены херсонского помещика!

Рукоплесканья.

Манилов. Любезный Павел Иванович!

Председатель. Нет, Павел Иванович, как вы себе хотите...

Почтмейстер. Это выходит, только избу выхолаживать: на порог, да и назад.

Прокурор. Нет, вы проведите время с нами.

Анна Григорьевна. Мы вас женим. Иван Григорьевич, женим его?

Председатель. Женим, женим...

Почтмейстер. Уж как вы ни упирайтесь, а мы вас женим, женим, женим...

Полицеймейстер. Нет, батюшка, попали сюда, так не жалуйтесь.

Софья Ивановна. Мы шутить не любим!

Чичиков. Что ж, зачем упираться руками и ногами... Женильба еще не такая вещь. Была б невеста...

Полицеймейстер. Будет невеста, как не быть.

Софья Ивановна, Анна Григорьевна. Будет, будет, как не быть.

Чичиков. А коли будет...

Полицеймейстер. Bravo, остается.

Почтмейстер. Виват, ура, Павел Иванович!

Музыка на хорах. Портьера распахивается, и появляется Ноздрев в сопровождении Мижужева.

Ноздрев. Ваше превосходительство... Извините, что опоздал... Зять мой, Мижуев... (Пауза.) А, херсонский помещик! Херсонский помещик! Что, много наторговал мертвых?

Общее молчание.

Ведь вы не знаете, ваше превосходительство, он торгует мертвыми душами!

Гробовое молчание, и в лице меняются двое: Чичиков и Собакевич.

Ей-богу. Послушай, Чичиков, вот мы все здесь твои друзья. Вот его превосходительство здесь... Я б тебя повесил, ей-богу, повесил... Поверите, ваше превосходительство, как он мне сказал: продай мертвых душ, – я так и лопнул со смеху!

Жандармский полковник приподнимается несколько и напряженно слушает.

Приезжаю сюда, мне говорят, что накупил на три миллиона крестьян на вывод. Каких на вывод! Да он торговал у меня мертвых. Послушай, Чичиков, ты скотина, ей-богу. Вот и его превосходительство здесь... Не правда ли, прокурор? Уж ты, брат, ты, ты... Я не отойду от тебя, пока не узнаю, зачем ты покупал мертвые души. Послушай, Чичиков, ведь тебе, право, стыдно. У тебя, ты сам знаешь, нет лучшего друга, как я. Вот и его превосходительство здесь... Не правда ли, прокурор?.. Вы не поверите, ваше превосходительство, как мы друг к другу привязаны... То есть просто, если бы вы сказали, вот я здесь стою, а вы бы сказали: «Ноздрев, скажи по совести, кто тебе дороже – отец родной или Чичиков?» Скажу – Чичиков, ей-богу! Позволь, душа, я влеплю тебе один безе... Уж вы позвольте, ваше превосходительство, поцеловать мне его... Да, Чичиков, уж ты не противься, одну безешку позволь напечатлеть тебе в белоснежную щеку твою...

Чичиков приподнимается с искаженным лицом, ударяет Ноздрева в грудь. Тот отлетает.

Один безе. (Обнимает губернаторскую дочку и целует ее.)

Дочка пронзительно вскрикивает. Гул. Все встают.

Губернатор. Это уже ни на что не похоже. Вывести его!

Слуги начинают выводить Ноздрева и Мижучева. Гул.

Ноздрев(за сценой). Зять мой! Мижучев!

Губернатор дает знак музыке. Та начинает туш, но останавливается. Чичиков начинает пробираться к выходу. Дверь открывается, и в ней появляется булава швейцара, а затем Коробочка. Гробовое молчание.

Коробочка. Почем ходят мертвые души?

Молчание. Место Чичикова пусто.

Занавес

Картина девятая

Первый(перед занавесом)...Весь город заговорил про мертвые души и губернаторскую дочку. Про Чичикова и мертвые души. Про губернаторскую дочку и Чичикова. И все, что ни есть, поднялось. Как вихорь, взметнулся дотоле, казалось, дремавший город. Показался какой-то Сысой Пафнутьевич и Макдональд Карлович, о которых и не слышно было никогда. В гостиных заторчал какой-то длинный с простреленной рукой. На улицах показались крытые дрожки, неведомые линейки, дребезжалки, колесосвистки. Всякий, как баран, остановился, выпучив глаза...

За занавесом слышен звон дверного колокольчика.

И заварилась каша. (Скрывается.)

Занавес открывается. Комната голубого цвета. Попугай качается в кольце.

Софья Ивановна(влетая). Вы знаете, Анна Григорьевна, с чем я приехала к вам?

Анна Григорьевна. Ну, ну!

Софья Ивановна. Вы послушайте только, что я вам открою. Ведь это история... Сконапель истоар!.. [5 – Так называемая история (фр.)]

Анна Григорьевна. Ну, ну!..

Софья Ивановна. Вообразите, приходит сегодня ко мне протопопша, отца Кирилла жена, и что б вы думали, наш-то приезжий, Чичиков, каков? А?

Анна Григорьевна. Как, неужели он протопопше строил куры?!

Софья Ивановна. Ах, Анна Григорьевна, пусть бы еще куры. Вы послушайте, что рассказала протопопша. Коробочка, оказывается, остановилась у нее. Приезжает бледная как смерть и рассказывает. В глухую полночь раздается у Коробочки в воротах стук ужаснейший... и кричат: «Отворите, отворите, не то будут выломаны ворота!..»

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Анна Григорьевна. Ах, прелесть, так он за старуху принялся?.. Ах, ах, ах...

Софья Ивановна. Да ведь нет, Анна Григорьевна, совсем не то, что вы полагаете.

Резкий колокольчик.

Анна Григорьевна. Неужели вице-губернаторша приехала? Параша, кто там?..

Макдональд Карлович(входя). Анна Григорьевна. Софья Ивановна. (Целует ручки.)

Анна Григорьевна. Ах, Макдональд Карлович!

Макдональд Карлович. Вы слышали?!

Анна Григорьевна. Да, как же. Вот Софья Ивановна рассказывает.

Софья Ивановна. Вообразите себе только, является вооруженный с ног до головы, вроде Ринальдо Ринальдини.

Макдональд Карлович. Чичиков?!

Софья Ивановна. Чичиков. И требует: продайте, говорит Коробочке, все души, которые умерли...

Макдональд Карлович. Ай, яй, яй...

Софья Ивановна. Коробочка отвечает очень резонно. Говорит: я не могу продать, потому что они мертвые... Нет, говорит, не мертвые... Кричит, не мертвые... Это мое дело знать!.. Если б вы знали, как я перетревожилась, когда услышала все это...

Макдональд Карлович. Ай, яй, яй, яй...

Анна Григорьевна. Что бы такое могли значить мертвые души? Муж мой говорит, что Ноздрев врет!

Софья Ивановна. Да как же врет?.. Коробочка говорит: я не знаю, что мне делать! Заставил меня подписать какую-то фальшивую бумагу и бросил на стол ассигнациями пятнадцать рублей...

Макдональд Карлович. Ай, яй, яй, яй... (Неожиданно целует руки Анне Григорьевне и Софье Ивановне.) До свидания, Анна Григорьевна. До свидания, Софья Ивановна.

Анна Григорьевна. Куда же вы, Макдональд Карлович?

Макдональд Карлович. К Прасковье Федоровне. (От двери.) Здесь скрывается что-то другое – под мертвыми душами. (Убегает.)

Софья Ивановна. Я, признаюсь, тоже думаю... А что ж, вы полагаете, здесь скрывается?

Анна Григорьевна. Мертвые души...

Софья Ивановна. Что, что?..

Анна Григорьевна. Мертвые души...

Софья Ивановна. Ах, говорите, ради Бога!

Анна Григорьевна. Это просто выдуманно для прикрытия. А дело вот в чем: он хочет увезти губернаторскую дочку!

Софья Ивановна. Ах, Боже мой. Уж этого я бы никак не могла предполагать.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Анна Григорьевна. А я, как только вы открыли рот, сейчас же смекнула, в чем дело.

Колокольчик.

Софья Ивановна. Каково же, после этого, институтское воспитание. Уж вот невинность!

Анна Григорьевна. Жизнь моя, какая невинность! Она за ужином говорила такие речи, что, признаюсь, у меня не хватит духу произнести их.

Сысой Пафнутьевич(входит). Здравствуйте, Анна Григорьевна! Здравствуйте, Софья Ивановна.

Анна Григорьевна. Сысой Пафнутьевич, здравствуйте.

Сысой Пафнутьевич. Слышали про мертвые души? Что за вздор, в самом деле, разнесли по городу?

Софья Ивановна. Какой же вздор, Сысой Пафнутьевич, он хотел увезти губернаторскую дочку.

Сысой Пафнутьевич. Ай, яй, яй, яй. Но как же Чичиков, будучи человеком заезжим, мог решиться на такой пассаж? Кто мог помогать ему?

Софья Ивановна. А Ноздрев?

Сысой Пафнутьевич(хлопнув себя по лбу). Ноздрев... Ну, да...

Анна Григорьевна. Ноздрев! Ноздрев! Он родного отца хотел продать или лучше – проиграть в карты.

Резкий колокольчик.

Сысой Пафнутьевич. До свидания, Анна Григорьевна. До свидания, Софья Ивановна. (В дверях сталкивается с входящим Прокурором.)

Прокурор. Куда ж вы, Сысой Пафнутьевич?

Сысой Пафнутьевич. Некогда, некогда, Антипатор Захарьевич. (Выбегает.)

Прокурор. Софья Ивановна. (Целует ручку.)

Анна Григорьевна. Ты слышал?

Прокурор(больным голосом). Что еще, матушка?.. Мертвые души – выдумка, употреблены только для прикрытия.

Софья Ивановна. Он думал увезти губернаторскую дочку.

Прокурор. Господи!..

Софья Ивановна. Ну, душечка, Анна Григорьевна, я еду, я еду...

Анна Григорьевна. Куда?

Софья Ивановна. К вице-губернаторше.

Обе дамы исчезают. Слышно, как прогрохотали дрожки.

Прокурор. Параша!

Параша. Чего изволите?

Прокурор. Вели Андрюшке никого не принимать... Кроме чиновников... А буде Чичиков приедет, не принимать. Не приказано, мол. И это, закуску...

Параша. Слушаю, Антипатор Захарьевич. (Уходит.)

Прокурор(один). Что ж такое в городе делается? (Крестится.)

Слышно, как пролетели дрожки с грохотом, затем загремел опять колокольчик в дверях. Послышались смутные голоса Параша и Андрюши. Потом стихло. Попугай внезапно: «Ноздрев! Ноздрев!»

Господи. И птица уже! Нечистая сила! (Крестится.)

Опять колокольчик.

Ну пошла писать губерния! Заварилась каша.

Послышались голоса. Входят Почтмейстер, Председатель, Полицеймейстер.

Полицеймейстер. Здравствуйте, Антипатор Захарьевич. Вот черт принес этого Чичикова. (Выпивает рюмку.)

Председатель. У меня голова идет кругом. Я, хоть убей, не знаю, кто таков этот Чичиков. И что это такое – мертвые души.

Почтмейстер. Как человек, судырь ты мой, он светского лоску...

Полицеймейстер. Воля ваша, господа, это дело надо как-нибудь кончить. Ведь это что же в городе... Одни говорят, что он фальшивые бумажки делает. Наконец – странно даже сказать – говорят, что Чичиков – переодетый Наполеон.

Прокурор. Господи, Господи...

Полицеймейстер. Я думаю, что надо поступить решительно.

Председатель. Как же решительно?

Полицеймейстер. Задержать его, как подозрительного человека.

Председатель. А если он нас задержит, как подозрительных людей?

Полицеймейстер. Как так?

Председатель. Ну, а если он с тайными поручениями. Мертвые души... Гм... Будто купить... А может быть, это разыскание обо всех тех умерших, о которых было подано: «от неизвестных случаев»?

Почтмейстер. Господа, я того мнения, что это дело надо хорошенько разобрать, и разобрать камерально – сообща. Как в английском парламенте. Чтобы досконально раскрыть, до всех изгибов, понимаете.

Полицеймейстер. Что ж, соберемся.

Председатель. Да! Собраться и решить вкупе, что такое Чичиков.

Колокольчик. Голос Андрюшки за сценой «Не приказано принимать». Голос Чичикова. «Как, что ты? Видно, не узнал меня? Ты всмотрись хорошенько в лицо». Чиновники затихают. Попугай неожиданно: «Ноздрев».

Полицеймейстер. Чш... (Бросается к попугаю, накрывает его платком.)

Голос Андрюшки: «Как не узнать. Ведь я вас не впервой вижу. Да вас-то и не велено пускать». Голос Чичикова: «Вот тебе на. Отчего? Почему?» Голос Андрюшки: «Такой приказ». Голос Чичикова: «Непонятно». Слышно, как грохнула дверь. Пауза.

Полицеймейстер(шепотом). Ушел!

Занавес

Акт четвертый

Картина десятая

Вечер. Кабинет Полицеймейстера. В стороне приготовлена закуска. На стене портрет шефа особого корпуса жандармов графа А[лександра] Христ[офоровича] Бенкендорфа.

Полицеймейстер(квартальному). Придет?

Квартальный. Был очень рассержен, отправил меня к черту. Но, когда прочитал в записке, что будут карты, смягчился. Придет.

Стук. Входят Председатель, Прокурор и Почтмейстер. Жандармский полковник сидит в отдалении.

Полицеймейстер. Ну, господа, в собственных бумагах его порыться не мог. Из комнаты не выходит, чем-то заболел. Полощет горло молоком с фигой. Придется расспросить людей. (В дверь.) Эй!

Входит Селифан, с кнутом, снимает шапку.

Ну, любезный, рассказывай про барина.

Селифан. Барин как барин.

Полицеймейстер. С кем водился?

Селифан. Водился с людьми хорошими, с господином Перекроевым...

Полицеймейстер. Где служил?

Селифан. Он сполняет службу государскую, сколесский советник. Был в таможе, при казенных постройках...

Полицеймейстер. Каких именно?

Пауза.

Ну, ладно.

Селифан. Лошади три. Одна куплена три года назад тому. Серая выменена на серую. Третья – Чубарый – тоже куплена.

Полицеймейстер. Сам-то Чичиков, действительно, называется Павел Иванович?

Селифан. Павел Иванович. Гнедой – почтенный конь, он сполняет свой долг. Я ему с охотой дам лишнюю меру, потому что он почтенный конь. И Заседатель – тож хороший конь. Тпрр!.. Эй, вы, други почтенные!..

Полицеймейстер. Ты пьян как сапожник.

Селифан. С приятелем поговорил, потому что с хорошим человеком можно поговорить, в том нет худого... и закусили вместе...

Полицеймейстер. Вот я тебя как высеку, так ты у меня будешь знать, как говорить с хорошим человеком.

Селифан(расстегивая армяк). Как милости вашей будет завгодно, коли высечь – то и высечь. Я ничуть не прочь от того. Оно и нужно посечь, потому что мужик балуется. (Взмахивает кнутом.)

Полицеймейстер(хмуро). Пошел вон.

Селифан(уходя). Тпрр... Балуй...

Полицеймейстер(выглянувшему в дверь Квартальному). Петрушку.

Петрушка входит мертво пьяный.

Прокурор. В нетрезвом состоянии.

Полицеймейстер(с досадой). А, всегда таков. (Петрушке.) Кроме сивухи, ничего в рот не брал? Хорош, очень хорош. Уж вот, можно сказать, удивил красотой Европу. Рассказывай про барина.

Молчание.

Председатель(Петрушке). С Перекроевым водился?

Молчание.

Почтмейстер. Лошадей три?

Молчание.

Полицеймейстер. Пошел вон, сукин сын.

Петрушку уводят.

Жандармский полковник(из угла). Нужно сделать несколько расспросов тем, у которых были куплены души.

Полицеймейстер(Квартальному). Коробочку привезли? Попроси ее сюда.

Коробочка входит.

Председатель. Скажите, пожалуйста, точно ли к вам в ночное время приезжал один человек, покушавшийся вас убить, если вы не отдадите каких-то душ?

Коробочка. Возьмите мое положение... Пятнадцать рублей ассигнациями!.. Я вдова, я человек неопытный... Меня не трудно обмануть в деле, в котором я, признаться, батюшка, ничего не знаю.

Председатель. Да расскажите прежде пообстоятельнее, как это... Пистолеты при нем были?

Коробочка. Нет, батюшка, pistolетов я, оборони Бог, не видала. Уж, батюшка, не оставьте. Поясните, по крайней мере, чтобы я знала цену-то настоящую.

Председатель. Какую цену, что за цена, матушка, какая цена?

Коробочка. Да мертвая-то душа почем теперь ходит?

Прокурор. О, Господи!..

Полицеймейстер. Да она дура от роду или рехнулась.

Коробочка. Что же пятнадцать рублей. Ведь я не знаю, может, они пятьдесят или больше...

Жандармский полковник. А покажите бумажку. (Грозно.) По-ка-жи-те бумажку! (Осматривает бумажку.) Бумажка как бумажка.

Коробочка. Да вы-то, батюшка, что ж вы-то не хотите мне сказать, почем ходит мертвая душа?

Председатель. Да помилуйте, что вы говорите! Где же видано, чтобы мертвых продавали?!

Коробочка. Нет, батюшка, да вы, право... Теперь я вижу, что вы сами покупатель.

Председатель. Я председатель, матушка, здешней палаты.

Коробочка. Нет, батюшка, вы это, уж того... Сами хотите меня обмануть... Да ведь вам же хуже, я б вам продала и птичьих перьев.

Председатель. Матушка, говорю вам, что я председатель. Что ваши птичьи перья, не покупаю ничего!

Коробочка. Да Бог знает, может, вы и председатель, я не знаю... Нет, батюшка, я вижу, что вы и сами хотите купить.

Председатель. Матушка, я вам советую полечиться. У вас тут недостает.

Коробочку удаляют.

Полицеймейстер. Фу, дубиноголовая старуха!

Ноздрев(входит). Ба... ба... ба... прокурор. Ну а где губернские власти, там и закуска. (Выпивает.) А где же карты?

Полицеймейстер. Скажи, пожалуйста, что за притча в самом деле, эти мертвые души? Верно ли, что Чичиков скупал мертвых?

Ноздрев(выпив). Верно.

Прокурор. Логика нет никакой.

Председатель. К какому делу можно приткнуть мертвых?

Ноздрев. Накупил на несколько тысяч. Да я и сам ему продал, потому что не вижу причины, почему бы не продать. Ну вас, ей-богу. Где карты?

Полицеймейстер. Позволь, потом. А зачем сюда вмешалась губернаторская дочка?

Ноздрев. А он подарить ей хотел их. (Выпивает.)

Прокурор. Мертвых?!

Полицеймейстер. Андроны едут, сапоги всмятку...

Прокурор. Не шпион ли Чичиков? Не старается ли он что-нибудь разведать?

Ноздрев. Старается. Шпион.

Прокурор. Шпион?

Ноздрев. Еще в школе – ведь я с ним вместе учился – его называли фискалом. Мы его за это поизмяли так, что нужно было потом приставить к одним вискам двести сорок пиваков.

Прокурор. Двести сорок?

Ноздрев. Сорок.

Полицеймейстер. А не делатель ли он фальшивых бумажек?

Ноздрев. Делатель. (Выпивает.) Да, с этими бумажками вот уж где смех был! Узнали однажды, что в его доме на два миллиона фальшивых ассигнаций. Ну, натурально, опечатали дом его. Приставили караул. На каждую дверь по два солдата. И Чичиков переменял их в одну ночь. На другой день снимают печати... все ассигнации настоящие.

Полицеймейстер. Вот что, ты лучше скажи, точно ли Чичиков имел намерение увезти губернаторскую дочку?

Ноздрев(выпив). Да я сам помогал в этом деле. Да если бы не я, так и не вышло бы ничего.

Жандармский полковник. Где было положено венчаться?

Ноздрев. В деревне Трухмачевке... поп отец Сидор... за венчанье семьдесят пять рублей.

Почтмейстер. Дорого.

Ноздрев. И то бы не согласился! Да я его припугнул. Перевенчал лабазника Михайлу на куме... я ему и коляску свою даже уступил... И переменные лошади мои...

Полицеймейстер. Кому? Лабазнику? Попу?

Ноздрев. Да ну тебя! Ей-богу... Где карты? Зачем потревожили мое уединение? Чичикову.

Прокурор. Страшно даже сказать... Но по городу распространился слух, что будто Чичиков... Наполеон.

Ноздрев. Без сомнения.

Чиновники застывают.

Прокурор. Но как же?

Ноздрев. Переодетый... (Выпивает.)

Председатель. Но ты уж, кажется, пули начал лить...

Ноздрев. Пули?... (Таинственно.) Стоит, а на веревке собаку держит.

Прокурор. Кто?!

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Ноздрев. Англичанин. Выпустили его англичане с острова Елены. Вот он и
пробирается в Россию, будто бы Чичиков. Не-ет. А в самом деле он вовсе не
Чичиков. (Пьянеет. Надевает треугольную шляпу Полицеймейстера.)

Полицеймейстер. Черт знает что такое. Да ну, ей-богу. А ведь сдает на портрет
Наполеона!

Ноздрев ложится.

Пьян!

Пауза.

Почтмейстер. А знаете ли, господа, кто это Чичиков?

Все. А кто?!..

Почтмейстер. Это, господа, судьрь мой, не кто другой, как капитан Копейкин..

Председатель. Кто таков этот капитан Копейкин?

Почтмейстер(зловеще). Так вы не знаете, кто таков капитан Копейкин?..

Полицеймейстер. Не знаем!

Почтмейстер. После кампании двенадцатого года, судьрь мой, – вместе с ранеными
прислан был и капитан Копейкин. Пролетная голова, привередлив, как черт, забубеж
какой-то... Под Красным ли или под Лейпцигом, только, можете себе вообразить, ему
оторвало руку и ногу. Безногий черт, на воротнике жар-птица!..

Послышался стук деревянной ноги. Чиновники притихли.

...Куда делся капитан Копейкин, неизвестно, но появилась в рязанских лесах шайка
разбойников, и атаман-то этой шайки был, судьрь ты мой, не кто иной, как...

Стук в дверь.

Копейкин. Капитан Копейкин.

Прокурор. А-а! (Падает и умирает.)

Председатель и Почтмейстер выбегают.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Полицеймейстер(испуганно). Что вам угодно?

Копейкин. Фельдъегерского корпуса капитан Копейкин. Примите пакет. Из Санкт-Петербурга. (Кашляет и исчезает.)

Полицеймейстер. Фельдъегерь! (Вскрывает и читает.) Поздравляю вас, Илья Ильич, в губернию нашу назначен генерал-губернатор. Вот приедет на расхлебку!

Жандармский полковник. Алексей Иванович, Чичикова арестовать как подозрительного человека.

Полицеймейстер. Батюшки, что с прокурором-то! Батюшки... Воды, кровь пустить!.. да он никак умер!..

Ноздрев(проснувшись). Я вам говорил!..

Занавес

Картина одиннадцатая

Первый...А он попробовал было еще зайти кой к кому, чтобы узнать, по крайней мере, причину, и не добрался никакой причины!

..Как полусонный, бродил он по городу, не будучи в состоянии решить, он ли сошел с ума, чиновники ли потеряли голову, во сне ли все это делается или наяву заварилась дурь почище сна... Ну, уж коли пошло на то, так мешкать более нечего, нужно отсюда убираться поскорее!..

Номер в гостинице. Вечер. Свеча.

Чичиков. Петрушка! Селифан!

Селифан. Чего изволите?

Чичиков. Будь готов! На заре едем отсюда.

Селифан. Да ведь, Павел Иванович, нужно бы лошадей ковать.

Чичиков. Подлец ты! Убить ты меня собрался? А? Зарезать? А? Разбойник! Страшилище морское! Три недели сидели на месте, и хоть бы заикнулся, беспутный, а теперь к последнему часу пригнал. Ведь ты знал это прежде, знал? А? Отвечай!

Селифан. Знал.

Петрушка. Вишь ты, как оно мудрено получилось. И знал ведь, да не сказал.

Чичиков. Ступай, приведи кузнеца, чтоб в два часа все было сделано. Слышишь? А если не будет, я тебя в рог согну и узлом завяжу.

Селифан и Петрушка выходят. Чичиков садится и задумывается.

Первый...В продолжение этого времени он испытал минуты, когда человек не принадлежит ни к дороге, ни к сидению на месте, видит из окна плетущихся в сумерки людей, стоит, то позабываясь, то обращая вновь какое-то притупленное внимание на все, что перед ним движется и не движется, и душит с досады какую-нибудь муху, которая жужжит и бьется под его пальцем. Бедный, неедущий путешественник!..

Стук в дверь. Появляется Ноздрев.

Ноздрев. Вот говорит пословица: для друга семь верст не околица... Прохожу мимо, вижу свет в окне, дай, думаю, зайду... Прикажи-ка набить мне трубку. Где твоя трубка?

Чичиков. Да ведь я не курю трубки.

Ноздрев. Пустое, будто я не знаю, что ты куряка. Эй, Вахрамей!

Чичиков. Не Вахрамей, а Петрушка.

Ноздрев. Как же, да ведь у тебя прежде был Вахрамей.

Чичиков. Никакого не было у меня Вахрамея.

Ноздрев. Да, точно, это у Дерябина Вахрамей. Вообрази, Дерябину какое счастье... Тетка его поссорилась с сыном... А ведь признайся, брат, ведь ты, право, преподло поступил тогда со мною, помнишь, как играли в шашки? Ведь я выиграл... Да, брат, ты просто поддеюлил меня. Но ведь я, черт меня знает, никак не могу сердиться! Ах, да я ведь тебе должен сказать, что в городе все против тебя, они думают, что ты делаешь фальшивые бумажки... Пристали ко мне, да я за тебя горой... Наговорил, что я с тобой учился... и отца знал...

Чичиков. Я делаю фальшивые бумажки?!

Ноздрев. Зачем ты, однако ж, так напугал их! Они, черт знает, с ума сошли со страху... Нарядили тебя в разбойники и в шпионы, а прокурор со страху умер, завтра будет погребение. Они боятся нового генерал-губернатора. А ведь ты ж, однако ж, Чичиков, рискованное дело затеял!

Чичиков. Какое рискованное дело?

Ноздрев. Да увезти губернаторскую дочку.

Чичиков. Что? Что ты путаешь? Как увезти губернаторскую дочку? Я – причина смерти прокурора.

Входят Селифан и Петрушка с испуганными физиономиями. Послышалось за сценой бряканье шпор.

Петрушка. Павел Иванович, там за вами полицеймейстер с квартальными.

Чичиков. Как, что это?..

Ноздрев(свистит). Фью. (внезапно и быстро скрывается через окно.)

Входят Полицеймейстер, Жандармский полковник и Квартальный.

Полицеймейстер. Павел Иванович, приказано вас сейчас же в острог.

Чичиков. Алексей Иванович, за что?.. Как это?.. Без суда?.. Безо всего!.. В острог... Дворянина?..

Жандармский полковник. Не беспокойтесь, есть приказ губернатора.

Полицеймейстер. Вас ждут.

Чичиков. Алексей Иванович, что вы?.. Выслушайте... Меня обнесли враги... Я... Бог свидетель, что здесь просто бедственное стечение обстоятельств...

Полицеймейстер. Взять вещи.

Квартальный завязывает шкатулку, берет чемодан.

Чичиков. Позвольте. Вещи... Шкатулка... Там все имущество, которое кровным потом приобрел... Там крепости...

Жандармский полковник. Крепости-то и нужны.

Чичиков(отчаянно). Ноздрев! (Оборачивается.) Ах, нету... Мерзавец! Последний негодяй. За что же он зарезал меня?!

Квартальный берет его под руку.

Спасите! Ведут в острог! На смерть!

Его уводят, Селифан и Петрушка стоят безмолвны, смотрят друг на друга.

Занавес

Картина двенадцатая

Арестное помещение.

Первый...С железной решеткой окно. Дряхлая печь. Вот обиталище. И вся природа его потряслась и размягчилась. Расплавляется и платина – твердейший из металлов, когда усилят в горниле огонь, дуют меха и восходит нестерпимый жар огня, белеет, упорный, и превращается в жидкость, поддается и крепчайший муж в горниле несчастий, когда они нестерпимым огнем жгут отверделую природу...

...И плотоядный червь грусти страшной и безнадежной обвился около сердца! И точит она это сердце, ничем не защищенное...

Чичиков. Покривил!.. Покривил, не спорю, но ведь покривил, увидя, что прямой дорогой не возьмешь и что косою больше напрямик. Но ведь я изощрялся... Для чего? Чтобы в довольстве прожить остаток дней. Я хотел иметь жену и детей, исполнить долг человека и гражданина, чтоб действительно потом заслужить уважение граждан и начальства! Кровью нужно было добыть насущное существование! Кровью! За что же такие удары? Где справедливость небес? Что за несчастье такое, что как только начнешь достигать плодов и уж касаться рукой, вдруг буря и сокрушение в щепки всего корабля? Я разве разбойник? От меня пострадал кто-нибудь? Разве я сделал несчастным человека? А эти мерзавцы, которые по судам берут тысячи, и не то чтобы из казны, не богатых грабят, последнюю копейку сдирают с того, у кого нет ничего. Сколько трудов, железного терпения, и такой удар... За что? За что такая судьба? (Разрывает на себе фрак.)

Первый...Тсс! Тсс!

За сценой послышалась печальная музыка и пение.

(Чичиков утихает и смотрит в окно.) А, прокурора хоронят. (Грозит кулаком окну.) Весь город мошенники. Я их всех знаю! Мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет. А вот напечатают, что скончался, к прискорбию подчиненных и всего человечества, редкий отец, примерный гражданин, а на поверку выходит – свинья!

Первый... Несчастный ожесточенный человек, еще недавно порхавший вокруг с резвостью, ловкостью светского человека, метался теперь в непристойном виде, в разорванном фраке, с окровавленным кулаком, изливая хулу на вражеские силы.

Стук. Входят Полицеймейстер и Жандармский полковник.

Чичиков(прикрывая разорванный ворот фрака). Благодетели...

Жандармский полковник. Что ж, благодетели. Вы запятнали себя бесчестнейшим мошенничеством, каким когда-либо пятнал себя человек. (Вынимает бумаги.) Мертвые? Каретник Михеев!

Чичиков. Я скажу... я скажу всю истину дела. Я виноват, точно, виноват... Но не так виноват... Меня обнесли враги... Ноздрев.

Жандармский полковник. Врешь! Врешь. (Распахивает дверь. В соседнем помещении видно зеркало и громадный портрет николая I.) Воровство, бесчестнейшее дело, за которое кнут и Сибирь!

Чичиков(глядя на портрет). Губитель!.. Губитель... Зарежет меня как волк агнца... Я последний негодяй! Но я человек, ваше величество! Благодетели, спасите, спасите... Искусил, шельма, сатана, изверг человеческого рода, секретарь опекунского совета...

Жандармский полковник(тихо). Заложить хотели?

Чичиков(тихо). Заложить. Благодетели, спасите... Пропаду, как собака...

Жандармский полковник. Что ж мы можем сделать? Воевать с законом?

Чичиков. Вы все можете сделать! Не закон меня страшит. Я перед законом найду средства... Только бы средство освободиться... Демон-искуситель сбил, совлек с пути, сатана... черт... исчадие... Клянусь вам, поведу отныне совсем другую жизнь. (Пауза.)

Полицеймейстер(тихо, Чичикову). Тридцать тысяч. Тут уж всем вместе – и нашим, и полковнику, и генерал-губернаторским.

Чичиков(шепотом). И я буду оправдан?

Полицеймейстер(тихо). Кругом.

Чичиков(тихо). Но позвольте, как же я могу? Мои вещи, шкатулка... Все запечатано.

Полицеймейстер(тихо). Сейчас все получите.

Чичиков. Да... Да...

Полицеймейстер вынимает из соседней комнаты шкатулку, вскрывает ее. Чичиков вынимает деньги, подает Полицеймейстеру.

Жандармский полковник(тихо, Чичикову). Убирайтесь отсюда как можно поскорее, и чем дальше – тем лучше. (Рвет крепости.)

Послышались колокольчики тройки, подъехала бричка. Чичиков оживает.

Эй!..

Чичиков вздрагивает.

Полицеймейстер. До свидания, Павел Иванович! (Уходит вместе с Жандармским полковником.)

Раскрывается дверь, входят Селифан и Петрушка – взволнованы.

Чичиков. Ну, любезные... (Указывая на шкатулку.) Нужно укладываться да ехать...

Селифан(страстно). Покатим, Павел Иванович! Покатим!.. Дорога установилась. Пора уж, право, выбраться из города, надоел он так, что и глядеть на него не хотел бы! Тпру... Балуй...

Петрушка. Покатим, Павел Иванович! (Накидывает на Чичикова шинель.)

Все трое выходят. Послышались колокольчики.

Первый...В дорогу! В дорогу! Сначала он не чувствовал ничего и поглядывал только назад, желая увериться, точно ли выехал из города. И увидел, что город уже давно скрылся. Ни кузниц, ни мельниц, ни всего того, что находится вокруг городов, не было видно. И даже белые верхушки каменных церквей давно ушли в землю. И город как будто и не бывал в памяти, как будто проезжал его давно, в детстве!..

О, дорога, дорога! Сколько раз, как погибающий и тонущий, я хватался за тебя, и ты всякий раз меня великодушно выносила и спасала. И сколько родилось в тебе замыслов и поэтических грез...

Конец

Москва, 1930

Адам и Ева[6 – 5 июня 1931 года Булгаков заключил договор с Ленинградским Красным театром Госнардома им. К. Либкнехта и Р. Люксембург. Черновая рукопись закончена 22 августа 1931 года. В те же дни пьеса была перепечатана. Эта авторизованная машинопись впервые опубликована в журнале «Октябрь» (№ 6 за 1987 г.) публикаторы В. Лосев, Б. Мягков, Б. Соколов. В последующих публикациях (Собрание сочинений в пяти томах, т. 3; Пьесы 30-х годов, подготовка текста и примечания – И. Е. Ерыкалова) указаны ошибки и неточности первой публикации, выявленные при сверке с черновыми рукописями. Публикуется авторизованная машинопись по ксерокопии книги: Булгаков М. Кабала святош, М., Современник, 1991. Составители В. И. Лосев, В. В. Петелин. Внесены необходимые исправления по черновой рукописи, хранящейся в ОР РГБ, ф. 562, к. 12, ед. хр. 8. Но разночтения остались. Например, в нашей публикации в 4-м акте осталось: «В лесу светлеет»; в т. 3 и в питерской публикации И. Е. Ерыкалова дает: «В лесу светает». Есть и другие мелкие разночтения. Все это лишь подтверждает неоднократно высказанную мысль о необходимости подготовки академического собрания сочинений. Знакомство М. А. Булгакова с директором Красного театра В. Е. Вольфом относят к лету 1930 года. Творческие планы в то время не были осуществлены, но желание привлечь Булгакова к работе Красного театра осталось. Т. Д. Исмагулова в статье «К истории отношений М. А. Булгакова и Ленинградского Красного театра» подробно анализирует факты, документы, воспоминания, бросающие свет на эти отношения (См.: Проблемы театрального наследия М. А. Булгакова. Л., 1987). Е. Шереметьева, завлит Красного театра тех лет, рассказывает о том, как руководство театра отправило ее в командировку в Москву для переговоров о новой пьесе к М. А. Булгакову. Много интересного можно извлечь из этих воспоминаний. «Нужна была смелость и настоящее понимание, вера в значительность и своеобразие огромного таланта Булгакова, взять на себя за обращение к нему, заказ пьесы и выплату максимального аванса. Надо сказать, что ответственные за все это художественный руководитель и директор театра искренно радовались возможности хоть немного поддержать в трудное для него время и, конечно, надеялись получить талантливую интересную пьесу», – вспоминала Е. Шереметьева. Булгаков согласился написать пьесу при условии, что театр не ограничивает его сроком и не определяет темы: «Пьеса должна быть о времени настоящем или будущем. При заключении договора театр выплачивает автору определенный лаж... Выплаченная сумма не подлежит возврату даже в том случае, если представленная автором пьеса по тем или иным причинам театром принята не будет». «После каждой фразы он останавливался, – вспоминает В. Шереметьева, – вопросительно глядя на меня, и я подтверждала ее, а последнюю фразу он произнес с некоторым нажимом, усмехнулся и объяснил: Ведь автору неоткуда будет взять эти деньги, он их уже истратит!» Вспомнила Е. Шереметьева и квартиру, в которой обедала вместе с М. А. Булгаковым: «Булгаков привез меня на Большую Пироговскую. Напротив сквера, в маленьком дворе стоял невысокий дом. В

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

низком первом этаже этого дома расположилась необычная квартира. Открывая дверь из передней в комнату, Михаил Афанасьевич предупредил: „Осторожно, ступеньки“. Пол в столовой был выше, чем в передней, и у самой двери в углу две или три ступеньки вверх. Столовая очень маленькая, потолок низкий, окна невысоко от пола. Кроме двери в переднюю, в другой стене была еще дверь (кажется, в кабинет Михаила Афанасьевича) и еще третья – в противоположной стенке». Договорились также и о том, что Булгаков приедет в Ленинград за счет театра: «Недели через две Михаил Афанасьевич приехал в Ленинград. Его устроили в „Европейской“, тогда лучшей гостиницы нашего города, старались, чтобы он чувствовал себя хорошо, были внимательны к нему, заботливы. Между деловыми, очень дружескими встречами с руководителями театра и спектаклями „угостили“ его катаньем на американских горках (тогда единственных в Советском Союзе), попросили у директора Госнардома, в систему которого входил Красный театр, машину – открытый „Остин“ – и часа три возили Булгакова, показывали город и его достопримечательности, которые хотел видеть Михаил Афанасьевич. Не раз он обедал с нами в маленькой, по-домашнему хорошей столовой Госнардома. Пригласили его на нашу вечеринку в квартиру актрисы Пасынковой. Помню, что большую комнату оформили под захудалое кабаре. На печку приклеили намалеванную на картоне высокую под потолок чахлую пальму в кадке, разнокалиберные столики покрыли газетами и афишами, на стенах развесили плакатики: „Спиртные (зачеркнуто) напитки продаются в неограниченном количестве“, „Бить посуду и ломать мебель разрешается“ и т. д. Все актрисы работали официантками, а в концертном отделении превращались в матрешек и пели частушки на злобу дня, а затем цыганский хор под аккомпанемент двух гитар (актеры Волосов и Селянин) спели величальную: „К нам приехал наш Любимый, Михаил Афанасьевич дорогой“. Булгаков тоже выступил в нашем концертном отделении, талантливо, как все, что он делал, рассказывал о МХАТе и о Станиславском, не копируя его, но какими-то штрихами отчетливо рисуя характер и манеру говорить и стариковский испуг, когда Константин Сергеевич в телефонном разговоре со Сталиным вдруг забыл его имя и отчество. Рассказал о разговоре Станиславского с истопником, которому он советовал растапливать печи так, как это делали в его детские годы в доме Алексеевых... Руководство театра и актеры понравились Михаилу Афанасьевичу, он подписал договор на пьесу, ему выплатили максимальный из возможных аванс, и он уехал». Через три месяца Булгаков приехал в Ленинград читать пьесу. Слушали ее четыре человека: художественный руководитель Красного театра Вольф В. Е., режиссер театра Гаккель Е. Г., директор театра Тихантовский Г. Д. и завлит Е. М. Шереметьева. «К великому общему огорчению, – вспоминала Е. Шереметьева, – ставить ее театр не мог. Кажется, меньше всех был расстроен автор. Он объяснил это тем, что когда кончил писать, то ему самому показалось, что, пожалуй, его „Адам и Ева“ не выйдут на сцену» (См.: М. А. Булгаков–драматург и художественная культура его времени. М., 1988, с. 271–280). 18 сентября 1931 года газета «Советское искусство» объявила: «Драматург М. А. Булгаков написал новую пьесу о будущей войне. В Москве пьеса передана для постановки Театру им. Евг. Вахтангова, в Ленинграде – Красному театру». Л. Е. Белозерская принимала активное участие в переписке этой пьесы, часть рукописного текста, по-видимому, принадлежит ей. И вот ее мнение много лет спустя об этой пьесе: «На том же широком писательском дыхании, что и „Бег“, была написана фантастическая пьеса „Адам и Ева“... Профессор химии академик Ефросимов сконструировал аппарат, нейтрализующий действие самых страшных, самых разрушительных газов. Его изобретение должно спасти человечество от гибели. Глубокий пацифизм характеризует академика Ефросимова... Но пацифизм академика не только не встречает сочувствия среди окружающих, наоборот, вызывает подозрительность и рождает мысль о его предательстве. Катастрофа все же неизбежна... На фоне мировой катастрофы сталкиваются различные судьбы и характеры». (См... Воспоминания, с. 180–181.) Вахтанговцы тоже отказались от постановки: погибает Ленинград. Конечно, при желании пьесу можно было доработать, но Булгаков не любил эту пьесу, он писал ее на заказ, а потому и не стал ее дорабатывать.]

Пьеса в четырех актах

Участь смельчаков, считавших, что газа бояться нечего, всегда была одинакова – смерть!

«Боевые газы»

...и не буду больше поражать всего живущего, как сделал. Впредь во все дни Земли сеяние и жатва не прекратятся...

Действующие:

Ева Войкевич, 23-х лет.

Адам Красовский, инженер, 28 лет.

Ефросимов Александр Ипполитович, академик, 41 года.

Дараган, авиатор, 37 лет.

Пончик-Непобеда, литератор, 35 лет.

Захар Севастьянович Маркизов, изгнанный из профсоюза, 32-х лет.

Аня, домработница, лет 23-х.

Туллер 1-й, Туллер 2-й – двоюродные братья.

Клавдия Петровна, врач-психиатр, лет 35.

Мария Вирус, женщина-авиатор, лет 28.

Де-Тимонеда, авиатор.

Зевальд, авиатор.

Павлов, авиатор.

Акт I

Май в Ленинграде. Комната в первом этаже, и окно открыто во двор. Наиболее примечательной частью обстановки является висящая над столом лампа под густым абажуром. Под нею хорошо пасьянс раскладывать, но всякая мысль о пасьянсах исключается, лишь только у лампы появляется лицо Ефросимова. Также заметен громкоговоритель, из которого течет звучно и мягко «Фауст» из Мариинского театра. Во дворе изредка слышна гармоника. Рядом с комнатой передняя с телефоном.

Адам(целует Еву). А чудная опера этот «Фауст». А ты меня любишь?

Ева. Люблю.

Адам. Сегодня «Фауст», а завтра вечером мы едем на Зеленый Мыс! Я счастлив! Когда стоял в очереди за билетами, весь покрылся горячим потом и понял, что жизнь прекрасна!..

Аня(входит внезапно). Ах...

Адам. Аня! Вы хоть бы это... как это... постучались!

Аня. Адам Николаевич! Я думала, что вы в кухне!

Адам. В кухне? В кухне? Зачем же я буду в кухне сидеть, когда «Фауст» идет?

Аня расставляет на столе посуду.

Адам. На полтора месяца на Зеленый Мыс! (Жонглирует и разбивает стакан.)

Ева. Так!..

Аня. Так. Стакан чужой! Дараганов стакан.

Адам. Куплю стакан. Куплю Дарагану пять стаканов.

Аня. Где вы купите? Нету стаканов.

Адам. Без паники! Будут стаканы к концу пятилетки! Да... вы правы, Анна Тимофеевна. Именно в кухне я должен быть сейчас, ибо я хотел вычистить желтые туфли. (Скрывается.)

Аня. Ах, завидно на вас смотреть, Ева Артемьевна[7 – В первоначальном рукописном варианте – Ева Маврикиевна.]. И красивый, и инженер, и коммунист.

Ева. Знаете, Анюточка, я, пожалуй, действительно счастлива. Хотя... впрочем... черт его знает!.. Да, почему вы не выходите замуж, если вам уж так хочется?

Аня. Все мерзавцы попадают, Ева Артемьевна. Всем хорошие достались, а мне попадет какая-нибудь игрушечка, ну как в лотерее! И пьет сукин сын!

Ева. Пьет?

Аня. Сидит в подштанниках, в синем пенсне, читает графа Монте-Кристо и пьет с Кубиком.

Ева. Он несколько хулиганистый парень, но очень оригинальный.

Аня. Уж на что оригинальный! Бандит с гармоникой. Нет, не распишусь. Он на прошлой неделе побил бюрократа из 10-го номера, а его из профсоюза выкинули. И Баранову обманул, алименты ей заставили платить. Это же не жизнь!

Ева. Нет, я проверяю себя, и действительно я, кажется, счастлива.

Аня. Зато Дараган несчастлив.

Ева. Уже знаете?

Аня. Я сказала.

Ева. Ну, это свинство, Аня!

Аня. Да что вы! Не узнает он, что ли? Он сегодня спрашивает: «А что, Ева придет вечером к Адаму?» А я говорю: «Придет и останется». – «Как?» – «А так, – говорю, – что они сегодня расписались!» – «Как!» Ага, ага, покраснели!.. Всю квартиру завлекли!

Ева. Что вы выдумываете! Кого я завлекала?

Аня. Да уж будет вам сегодня! Вот и Пончик явится. Тоже влюблен.

Ева. На Зеленый Мыс! Не медля ни секунды, завтра вечером, в мягком вагоне, и никаких Пончиков!

Аня выметает осколки и выходит.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Адам (влетает). А комната тебе нравится моя?

Ева. Скорее нравится. Да, нравится...

Адам целует ее.

Ева. Сейчас Аня опять вкатится... погоди!

Адам. Никто, никто не придет. (целует.)

Внезапно за окном голоса. Голос Маркизова: «Буржуй», голос Ефросимова: «Это хулиганство!» Голос Маркизова: «Что? Кто это такой – хулиган? А?» – и на подоконник со двора вскакивает Ефросимов. Возбужден. Дергается. Ефросимов худ брит, в глазах туман, а в тумане свечки. Одет в великолепнейший костюм, так что сразу видно, что он недавно был в заграничной командировке, а безукоризненное белье Ефросимова показывает, что он холост и сам никогда не одевается, а какая-то старуха, уверенная, что Ефросимов полубог, а не человек, утюжит, гладит, напоминает, утром подает... Через плечо на ремне у Ефросимова маленький аппарат, не очень похожий на фотографический. Окружающих Ефросимов удивляет странными интонациями и жестиком.

Ефросимов. Простите, пожалуйста!

Адам. Что такое?!

Ефросимов. За мной гонятся пьяные хулиганы! (Соскакивает в комнату.)

На подоконнике появляется Маркизов. Он, как описала Аня, в кальсонах, и в синем пенсне, и, несмотря на душный вечер, в пальто с меховым воротником.

Маркизов. Кто это хулиган? (в окно.) Граждане! Вы слышали, что я хулиган? (Ефросимову.) Вот я тебя сейчас стукну по уху, ты увидишь тогда, кто здесь хулиган!

Адам. Маркизов! Сюю минуту убирайтесь из моей комнаты!

Маркизов. Он шляпу надел? А!

Ефросимов. Ради Бога! Он разобьет аппарат!

Ева. Вон из комнаты! (Адаму.) Позвони сейчас же в милицию.

Аня(вбежав). Опять, Захар?!

Маркизов. Я извиняюсь, Анна Тимофеевна! Меня оскорбили, а не Захар! (Еве.) Милицию собираетесь по вечерам беспокоить? Члены профсоюза?

Аня. Уйди, Захар!

Маркизов. Уйду-с. (в окно.) Васенька, дружок! И ты, Кубик! Верные секунданты мои! Станьте, друзья, у парадного хода. Тут выйдет из квартиры паразит в сиреневом пиджаке. Алкоголик-фотограф. Я с ним буду иметь дуэль. (Ефросимову.) Но я вам, заграничный граф, не советую выходить! Ставь себе койку в этой

Аня выбегает.

Ефросимов. Я об одном сожалею, что при этой сцене не присутствовало советское правительство. Чтобы я показал ему, с каким материалом оно собирается построить бесклассовое общество!..

В окно влетает кирпич.

Адам. Маркизов! Ты сядешь за хулиганство!

Ева. Ах, какая дрянь!

Ефросимов. Я – алкоголик? Я – алкоголик? Я в рот не беру ничего спиртного, уверяю вас! Правда, я курю, я очень много курю!..

Ева. Успокойтесь, успокойтесь... Просто он безобразник.

Ефросимов(дергаясь). Нет, я спокоен! Меня смущает только одно, что я потревожил вас. Сколько же это времени мне в самом деле сидеть в осаде?

Адам. Ничего, ничего. Эти секунданты скоро рассосутся. В крайнем случае я приму меры.

Ефросимов. Нет ли у вас... это... как называется... воды?

Ева. Пожалуйста, пожалуйста.

Ефросимов(напившись). Позвольте мне представиться. Моя фамилия... гм... Александр Ипполитович... А фамилию я забыл!..

Адам. Забыли свою фамилию?

Ефросимов. Ах, Господи! Это ужасно!.. Как же, черт, фамилия? Известная фамилия. На эр... на эр... Позвольте: цианбром... фенил-ди-хлор-арсин... Ефросимов! Да. Вот какая фамилия. Ефросимов.

Адам. Так, так, так... Позвольте. Вы!..

Ефросимов. Да, да, именно. (Пьет воду.) Я, коротко говоря, профессор химии и академик Ефросимов. Вы ничего не имеете против?

Ева. Мы очень рады.

Ефросимов. А вы? К кому я попал через окно?

Адам. Адам Красовский.

Ефросимов. Вы – коммунист?

Адам. Да.

Ефросимов. Очень хорошо. (Еве.) А вы?

Ева. Я – Ева Войкевич.

Ефросимов. Коммунистка?

Ева. Нет. Я – беспартийная.

Ефросимов. Очень, очень хорошо. Позвольте! Как вы назвали себя?

Ева. Ева Войкевич.

Ефросимов. Не может быть!

Ева. Почему?

Ефросимов. А вы?.. Э..

Ева. Это мой муж. Мы сегодня поженились. Ну, да, да, да, Адам и Ева!..

Ефросимов. Ага! Я сразу подметил. А вы говорите, что я сумасшедший!

Ева. Этого никто не говорил!

Ефросимов. Я вижу, что вы это думаете. Но нет, нет! Не беспокойтесь: я нормален. Вид у меня действительно, я сознаю... когда я шел по городу, эти... ну, вот опять забыл... ну, маленькие... ходят в школу?..

Ева. Дети?

Ефросимов. Мальчики! Именно они. Свистели, а эти... ну, кусают. Рыжие.

Адам. Собаки?

Ефросимов. Да. Бросались на меня, а на углах эти...

Адам, Ева. Милиционеры!

Ефросимов. Косились на меня. Возможно, что я шел зигзагами. В ваш же дом я попал потому, что хотел видеть профессора Буслова, но его нет дома. Он ушел на «Фауста». Разрешите мне только немножко отдохнуть. Я измучился.

Ева. Пожалуйста, пожалуйста. Ждите у нас Буслова.

Адам. Вот мы сейчас закусим...

Ефросимов. Благодарю вас! Вы меня просто очаровали!

Адам. Это фотографический аппарат у вас?

Ефросимов. Нет. Ах! Ну, да. Конечно, фотографический. И знаете, раз уж судьба привела меня к вам, позвольте мне вас снять!

Ева. Я, право..

Адам. Я не знаю...

Ефросимов. Садитесь, садитесь... Да, но, виноват... (Адаму.) У вашей жены хороший характер?

Адам. По-моему, чудный.

Ефросимов. Прекрасно! Снять, снять! Пусть живет.

Адам(тихо). Ну его в болото. Я не желаю сниматься...

Ефросимов. Скажите, Ева, вы любите?

Ева...Жизнь? Я люблю жизнь. Очень.

Ефросимов. Молодец! Молодец! Великолепно. Садитесь.

Адам(тихо). К черту, к черту, не хочу я сниматься, он сумасшедший!

Ева(тихо). Он просто оригинал, как всякий химик. Брось! (Громко.) Ну, Адам! Я, наконец, прошу тебя!

Адам хмуро усаживается рядом с Евой. В дверь стучат, но Ефросимов занят аппаратом, а Адам и Ева своими позами. В дверях появляется Пончик-Непобеда, а на окно осторожно взбирается Маркизов.

Ефросимов. Внимание! (Из аппарата бьет ослепительный луч.)

Пончик. Ах! (Ослепленный, скрывается.)

Маркизов. Ах, чтоб тебе! (Скрывается за окном. Луч гаснет.)

Ева. Вот так магний!

Пончик(постучав вторично). Адам, можно?

Адам. Можно, можно. Входи, Павел!

Пончик входит. Это малый с блестящими глазками, в роговых очках, штанах до колен и клетчатых чулках.

Пончик. Здорово, старик! Ах, и Ева здесь? Снимались? Вдвоем? Хе-хе-хе. Вот как-с! Я сейчас. Только приведу себя в порядок. (Скрывается.)

Ева. Вы дадите нам карточку?

Ефросимов. О, натурально, натурально. Только не теперь, а немножко погодя.

Адам. Какой странный аппарат. Это заграничный? В первый раз вижу такой...

Послышался дальний тоскливый вой собаки.

Ефросимов(тревожно). Чего это собака воет? Гм... Вы чем занимаетесь, Ева...

Ева. Артемьевна. Я учусь на курсах иностранных языков.

Ефросимов. А вы, Адам?

Адам. Николаевич! Я – инженер.

Ефросимов. Скажите мне какую-нибудь простенькую формулу, ну, к примеру, формулу хлороформа.

Адам. Хлороформа? Хлороформа. Ева, ты не помнишь формулу хлороформа?

Ева. Я никогда и не знала ее!

Адам. Видите ли, я специалист по мостам.

Ефросимов. А, тогда это вздор... Вздор эти мосты сейчас. Бросьте их! Ну, кому в голову придет сейчас думать о каких-то мостах! Право, смешно... Ну, вы затратите

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
два года на постройку моста, а я берусь взорвать вам его в три минуты. Ну, какой смысл тратить материал и время. Фу, как душно! И почему-то воют псы! Вы знаете, я два месяца просидел в лаборатории и сегодня в первый раз вышел на воздух. Вот почему я так странен и стал забывать простые слова! (Смеется.) Но представляю себе лицо в Европе. Адам Николаевич, вы думаете о том, что будет война?

Адам. Конечно, думаю. Она очень возможна, потому что капиталистический мир напоен ненавистью к социализму.

Ефросимов. Капиталистический мир напоен ненавистью к социалистическому миру, а социалистический напоен ненавистью к капиталистическому, дорогой строитель мостов, а формула хлороформа $CHCl_3$! Война будет потому, что сегодня душно! Она будет потому, что в трамвае мне каждый день говорят: «Ишь, шляпу надел!» Она будет потому, что при прочтении газет – (вынимает из кармана две газеты) – волосы шевелятся на голове и кажется, что видишь кошмар. (Указывает в газету.) Что напечатано? «Капитализм необходимо уничтожить». Да? А там – (указывает куда-то вдаль) – а там что? А там напечатано – «Коммунизм надо уничтожить». Кошмар! Негра убили на электрическом стуле. Совсем в другом месте, черт знает где, в Бомбейской провинции кто-то перерезал телеграфную проволоку, в Югославии казнили, стреляли в Испании, стреляли в Берлине. Завтра будут стрелять в Пенсильвании. Это сон! И девушки с ружьями, девушки! – ходят у меня на улице под окнами и поют: «Винтовочка, бей, бей, бей... буржуев не жале!» Всякий день! Под котлом пламя, по воде ходят пузырьки, какой же, какой слепец будет думать, что она не закипит?

Адам. Винават, профессор, я извиняюсь! Негр – это одно, а винтовочка, бей – это правильно. Вы, профессор Ефросимов, не можете быть против этой песни!

Ефросимов. Нет, я вообще против пения на улицах.

Адам. Ге... ге... ге. Однако! Будет страшный взрыв, но это последний очищающий взрыв, потому что на стороне СССР – великая идея.

Ефросимов. Очень возможно, что это великая идея, но дело в том, что в мире есть люди с другой идеей, и идея их заключается в том, чтобы вас с вашей идеей уничтожить.

Адам. Ну, это мы посмотрим!

Ефросимов. Очень боюсь, что многим как раз посмотреть ничего не удастся! Все дело в старичках!..

Ева. Каких старичках?..

Ефросимов(таинственно). Чистенькие старички, в цилиндрах ходят... По сути дела, старичкам безразлична какая бы то ни было идея, за исключением одной – чтобы экономка вовремя подавала кофе[8 – В рукописи далее зачеркнуто: «...и чтобы текущий их счет был в солидном, а не сомнительном банке».]. Они не привередливы!.. Один из них сидел, знает ли, в лаборатории и занимался, не толкаемый ничем, кроме мальчишеской любознательности, чепухой: намешал в колбе разной дряни – вот вроде этого хлороформа, Адам Николаевич, серной кислоты и прочего, – и стал подогревать, чтобы посмотреть – что из этого выйдет. Вышло из этого то, что не успел он допить свой кофе, как тысячи людей легли рядышком на полях, затем посинели, как сливы, и затем их всех на грузовиках свезли в яму. А интереснее всего то, что они были молодые люди, Адам, и решительно не повинные ни в каких идеях. Я боюсь идей! Всякая из них хороша сама по себе, но лишь до того момента, пока старичок профессор не вооружит ее технически. Вы – идею, а ученый в дополнение к ней – мышьяк!..

Ева(печально под лампой). Мне страшно. Тебя отравят, мой Адам!

Адам. Не бойся, Ева, не бойся! Я надену противогаз, и мы встретим их!

Ефросимов. С таким же успехом вы можете надвинуть шляпу на лицо! О, милый инженер! Есть только одно ужасное слово, и это слово «сверх». Могу себе представить идиота в комнате, человека, героя даже! Но сверхидиот? Как он выглядит? Как пьет чай? Какие поступки совершает? Сверхгерой? Не понимаю! Бледнеет фантазия! Весь вопрос в том, чем будет пахнуть. Как ни бился старичок,

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
всегда чем-нибудь пахло, то горчицей, то миндалем, то гнилой капустой и, наконец, запахло нежной геранью. Это был зловещий запах, друзья, но это не «сверх»! «Сверх» же будет, когда в лаборатории ничем не запахнет, не загремит и быстро подействует. Тогда старик поставит на пробирке черный крестик, чтобы не спутать, и скажет: «Я сделал, что умел. Остальное – ваше дело. Идеи, столкнитесь!» (Шепотом.) Так вот, Адам Николаевич, уже не пахнет ничем, не взрывается и быстро действует.

Ева. Я не желаю умирать! Что же делать?

Ефросимов. В землю! Вниз! В преисподнюю, о прародительница Ева! Вместо того, чтобы строить мост, ройте подземный город и бегите вниз!

Ева. Я не желаю ничего этого! Адам, едем скорее на Зеленый Мыс!

Ефросимов. О дитя мое! Я расстроил вас? Ну, успокойтесь, успокойтесь. Забудьте обо всем, что я сказал: войны не будет. Вот почему: найдется, наконец, тот, кто скажет: если уж нельзя прекратить поток идей, обуревающих, между прочим, и Адама Николаевича, то нужно обуздать старичков. Но за ними с противогазом не угонишься! Требуется что-то радикальное. Смотрите – (накладывает одну кисть руки на другую) – это клетка человеческого тела... Теперь – (сдвигает пальцы) – что произошло? Та же прежняя клетка, но щели между частицами ее исчезли, а через эти щели, Адам Николаевич, и проникал старичок! Непонятно? Все спокойно! Поезжайте в Зеленый Мыс! Благословляю вас, Адам и Ева!

В дверях бесшумно появляется Дараган. Он в черном, во всю грудь у него вышита серебряная летная птица.

Если кто-нибудь найдет этот способ сдвинуть пальцы, то, Адам Николаевич, химическая война не состоится, а следовательно, не состоится и никакая война. Но только весь вопрос в том, кому отдать такое изобретение...

Дараган(внезапно). Это самый легкий вопрос, профессор. Такое изобретение нужно немедленно сдать Реввоенсовету Республики...

Адам. А, Дараган! Вот познакомьтесь: Андрей Дараган.

Дараган. Я знаю профессора. Очень приятно.

Адам. Ну, Дараган. Сознаюсь – мы расписались сегодня с Евой.

Дараган. И это уже знаю. Ну, что ж, поздравляю, Ева. Переехали к нам? Соседи будем. Я слушал вас, профессор. Вы прочли нашим командирам лекцию «Улавливание боевых мышьяков». Какой блеск!

Ефросимов. Ах, да, да!.. Как же... Да что «улавливание» – разве их уловишь?

Дараган. Приятно, что в республике трудящихся имеются такие громадные научные силы, как вы.

Ефросимов. Благодарю вас. А вы чем изволите заниматься?

Дараган. Ну, я что ж? Я служу республике в должности командира истребительной эскадрильи.

Ефросимов. Ах, так, так...

Дараган. Профессор, вот вы говорили, что возможно такое изобретение, которое исключит химическую войну?

Ефросимов. Да.

Дараган. Поразительно! Вы даже спрашивали, куда его сдать?

Ефросимов(морщась). Ах, да. Это мучительнейший вопрос. Я полагаю, что, чтобы спасти человечество от беды, нужно сдать такое изобретение всем странам сразу.

Дараган(темнея). Как? (Пауза.) Всем странам? Профессор, что вы говорите? Отдать капиталистическим странам изобретение исключительной военной важности?

Ефросимов. Ну, а как же быть, по-вашему?

Дараган. Я поражен. По-моему... Извините, профессор, но я бы не советовал вам нигде даже произносить это... Право...

Адам за спиной Ефросимова делает знак Дарагану, обозначающий: «Ефросимов не в своем уме».

Дараган(покосившись на аппарат Ефросимова). Впрочем, конечно, это вопрос очень сложный... А это простое изобретение?

Ефросимов. Я полагаю, что оно будет просто... сравнительно...

Пончик(входя с шумом). Привет, товарищи, привет! Вот и я! Ева! (Целует руку.)

Ева. Знакомьтесь...

Пончик. Литератор – Павел Пончик-Непобеда.

Ефросимов. Ефросимов.

Все садятся за стол.

Пончик. Поздравьте, друзья! В Ленинграде большая литературная новость...

Ева. Какая?

Пончик. Мой роман принят к печатанью... Двадцать два печатных листика. Так-то-с...

Адам. Читай!

Ева. Вот сейчас закусим...

Пончик. Можно читать и во время еды.

Адам. У нас тоже литературная новость: мы, брат, сегодня расписались...

Пончик. Где?

Адам. Ну, где... В ЗАГСе...

Пончик. Так... (Пауза.) Поздравляю!

Дараган. А вы где, профессор, живете?

Ефросимов. Я живу... Ну, словом, номер 16-й... Коричневый дом... Виноват... (Вынимает записную книжку.) Ага. Вот. Улица Жуковского... Нет... С этим надо бороться.

Дараган. Только что переехали?

Ефросимов. Да нет, третий год живу. Забыл, понимаете ли, название улицы.

Ева. Со всяким может случиться!

Дараган. Угу...

Пончик дико смотрит на Ефросимова.

Адам. Ну, роман! Роман!

Пончик(вынимая рукопись). Впрочем, вам, может быть, скучно слушать?

Ева. Нет, нет! Хотим!

Дараган. Дуйте, дуйте!

Пончик(вооружается рукописью, и под лампой сразу становится уютно. Читает). «...Красные Зеленыя... Роман. Глава первая...Там, где некогда тощую землю бороздили землистые лица крестьян князя Барятинского, ныне показались свежие щечки колхозниц. „Эх, Ваня! Ваня!..“ – зазвенело на меже...»

Ефросимов. Тисячу извинений... Я только один вопрос: ведь это было напечатано во вчерашней «Вечерке»?

Пончик. Я извиняюсь, в какой «Вечерке»? Я читаю рукопись!

Ефросимов. Простите. (Вынимает газету, показывает Пончику.)

Пончик(поглядев в газету). Какая сволочь! А!

Адам. Кто?

Пончик. Марьин-Рощин! Вот кто! Нет, вы послушайте! (Читает в газете.) «...Там, где когда-то хилые поля обрабатывали голодные мужики графа Шереметьева...» Ах, мерзавец! (Читает.) «...теперь работают колхозницы в красных повязках. „Егорка“, – закричали на полосе...» Сукин сын!

Ева. Списал?

Пончик. Как он мог списать? Нет! Мы в одной бригаде ездили в колхоз, и он таскался за мной по колхозу, как тень, и мы видели одни и те же картины.

Дараган. А имение-то чье? Шереметьева или Барятинского?

Пончик. Дондукова-Корсакова имение.

Ефросимов. Что ж! Теперь публике останется решить одно: у кого из двух эти картины вышли лучше...

Пончик. Так... Так... У кого лучше вышли картины... У лакировщика и примазавшегося графомана или же у Павла Пончика-Непобеды?

Ефросимов(простоудушно). У графомана вышло лучше.

Пончик. Мерси. Адам, мерси. (Ефросимову.) Аполлон Акимович лично мне в Москве сказал: «Молодец! Крепкий роман!»

Ефросимов. А кто это – Аполлон Акимович?

Пончик. Здравствуйте! Спасибо, Адам... Может быть, гражданин не знает, кто такой Савелий Савельевич? Может быть, он «Войны и мира» не читал? В Главлите никогда не был, но критикует!

Ева. Павел Апостолович!

Дараган. Товарищи! По рюмке водки!

В передней звонок телефона. Дараган выбегает в переднюю и задергивает комнату занавесом.

Дараган. Да... Я у телефона. (Пауза. Бледнеет.) Вышла уже машина? (Пауза.) Сейчас! (Вешает трубку, зовет тихонько.) Пончик-Непобеда! Пончик!

Пончик(выходит в переднюю). Что это за гусь такой?

Дараган. Это знаменитый химик Ефросимов.

Пончик. Так черт его возьми! Может, он в химии и смыслит...

Дараган. Погодите, Пончик-Непобеда, слушайте: я сейчас уеду срочно на аэродром. Вы же сделайте следующее: никуда не звоня по телефону и сказав Адаму, чтобы профессор ни в коем случае не вышел отсюда, отправитесь и сообщите – первое, что профессор Ефросимов, по моему подозрению, сделал военной величайшей важности открытие. Что это изобретение в виде аппарата надето на нем. Что он здесь. Это раз. Второе – по моему подозрению, он психически расстроен и может натворить величайшей ерунды в смысле заграницы... Третье – пусть сейчас же явятся и проверят все это. Все. Но, Пончик-Непобеда, если профессор с аппаратом уйдет отсюда, отвечать будете вы по делу о государственной измене.

Пончик. Товарищ Дараган, помилуйте... (Резкий стук в дверь квартиры.)

Дараган(открыв дверь, говорит). Не помилую. Еду. (И исчезает без фуражки.)

Пончик. Товарищ Дараган, вы фуражку забыли.

Дараган(за дверью). Черт с ней!

Пончик. Вот навязалась история на мою голову. (Тихонько.) Адам! Адам!

Адам(выходя в переднюю). Что такое?

Пончик. Слушай, Адам. Прими меры, чтобы этот чертов химик никуда от тебя со своим аппаратом не ушел, пока я не вернусь.

Адам. Это что обозначает?

Пончик. Мы сейчас с Дараганом догадались, что на нем государственное военное изобретение. Аппарат!

Адам. Это фотографический аппарат!

Пончик. Какой там фотографический!

Адам. А-а!

Пончик. Я вернусь не один. И помни: отвечать будешь ты! (Бросается в дверь.)

Адам(в дверь). Где Дараган?

Пончик (за дверью). Не знаю.

Адам. Что за собачий вечер! (Потрясенный, возвращается в комнату.)

Ева. А где Пончик и Дараган?

Адам. Они пошли в магазин.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Ева. Вот чудачки! Ведь все же есть...

Адам. Они сейчас придут. (Пауза.)

Ефросимов(неожиданно). Боже мой! Жак! Жак! Ах, я дурак! Ведь я же забыл снять Жака... В первую очередь. Господи! Ведь это прямо помрачение ума. Но не может же быть, чтобы все свалилось так внезапно и сию минуту. Успокойте меня, Ева! Что, «Фауст» идет еще? Ах, ах... ах... (Подходит к окну и начинает смотреть в него.)

Адам(тихо Еве). Ты считаешь его нормальным?

Ева. Я считаю его совершенно нормальным.

Ефросимов. «Фауст» идет еще?

Ева. Сейчас. (Открывает громкоговоритель, и оттуда слышны последние такты сцены в храме, а затем начинается марш.) Идет.

Ефросимов. И зачем физиологу Буслову Фауст?

Ева. Голубчик Александр Ипполитович, что случилось? Перестаньте так волноваться, выпейте вина!

Ефросимов. Пойдите, пойдите! Слышите, опять...

Адам(тревожно). Что? Ну, собака завывала. Ее дразнит гармоника...

Ефросимов. Ах, нет, нет... Они целый день воют сегодня. И если б вы знали, как это меня тревожит! И я уже раздираю между двумя желаниями: ждать Буслова или бросить его и бежать к Жаку...

Адам. Кто такой Жак?

Ефросимов. Ах, если бы не Жак, я был бы совершенно одинок на этом свете, потому что нельзя же считать мою тетку, которая гладит сорочки... Жак освещает мою жизнь... (Пауза.) Жак – это моя собака. Вижу, идут четверо, несут щенка и смеются. Оказывается – вешать! И я им заплатил 12 рублей, чтобы они не вешали его. Теперь он взрослый и я никогда не расстаюсь с ним. В неадовитые дни он сидит у меня в лаборатории, и он смотрит, как я работаю. За что вешать собаку?..

Ева. Александр Ипполитович, вам непременно нужно жениться!

Ефросимов. Ах, я ни за что не женюсь, пока не узнаю, почему развылись собаки!.. Так что же, наконец, научите! Ждать ли Буслова или бежать к Жаку? А?

Ева. Миленький Александр Ипполитович! Нельзя же так! Ну, что случится с вашим Жаком? Ведь это же просто – неврастения! Ну, конечно, дождаться Буслова, поговорить с ним и спокойно отправиться домой и лечь спать!

Звонок. Адам идет открывать, и входят Туллер 1-й, Туллер 2-й и Клавдия Петровна. Последним входит озабоченный Пончик.

Туллер 1-й. Привет, Адам! Узнали о твоём бракосочетании и решили нагрять к тебе – поздравить! Здорово...

Адам(растерян, он видит Туллера впервые в жизни). Здорово... Входите!.. (Входят в комнату.)

Туллер 1-й. Знакомь же с женой!

Адам. Вот это Ева... Э...

Туллер 1-й. Туллер, Адамов друг. Наверное, он не раз рассказывал обо мне?

Ева. Нет, ничего не говорил!..

Туллер 1-й. Разбойник! Прошу, знакомьтесь: это мой двоюродный брат – тоже Туллер.

Туллер 2-й. Туллер!

Туллер 1-й. Мы, Ева Артемьевна, вот и Клавдию прихватили с собой. Знакомьтесь! Ну, это просто ученая женщина. Врач. Психиатр. Вот как. Тоже ничего не говорил? Хорош друг! Ах, Адам! (Еве.) Вы не сердитесь на незваных гостей?

Ева. Нет, нет, зачем же! У Адама всегда очень симпатичные приятели. Аня! Аня!

Туллер 1-й. Нет, нет, никаких хлопот! Мой двоюродный брат Туллер – хозяйственник...

Туллер 2-й. Туллер прав... (Разворачивает сверток.)

Ева. Это совершенно напрасно. У нас все есть!

Входит Аня, ей передают коробки, она уходит.

Пончик, садитесь! А где же дараган? Садитесь, товарищи!

Клавдия. Боже, какая жара!

Ева. Адам! Познакомь же...

Туллер 1-й. С кем? С Александром Ипполитовичем? Что вы! Мы прекрасно знакомы!

Туллер 2-й. Туллер, Александр Ипполитович тебя явно не узнает!

Туллер 1-й. Быть этого не может!

Ефросимов. Простите... Я, право, так рассеян... Я, действительно, не узнаю...

Туллер 1-й. Но как же...

Клавдия. Оставьте, Туллер, в такую жару родного брата не узнаешь! У меня в августе положительно плавятся мозги. Ах, этот август!

Ефросимов. Простите, но сейчас же ведь не август?

Клавдия. Как не август? А какой же у нас месяц по-вашему?

Туллер 1-й. Вот тебе раз! Клавдия от духоты помешалась! Александр Ипполитович, скажите ей, Бога ради, какой теперь месяц?

Ефросимов. Во всяком случае, не август, а этот... как его... как его... (Пауза.)

Туллер 1-й(тихо и значительно). Май у нас, в СССР, Александр Ипполитович, май!.. (Весело.) Итак, в прошлом году, в этом же мае... Сестрорецк... Вы жили на даче у вдовы Марьи Павловны Офицерской, а я рядом у Козловых. Вы с Жаком ходили купаться, и я вашего Жака даже снял один раз!

Ефросимов. Вот оказия... Совершенно верно: Марья Павловна... у меня, по-видимому, отшибло память!

Туллер 2-й. Эх, ты, фотограф! Видно, ты не очень примечательная личность. Ты лучше обрати внимание, какой у профессора замечательный аппарат!

Туллер 1-й. Туллер! Это не фотографический аппарат.

Туллер 2-й. Ну, что ты мне рассказываешь!.. Это заграничный фотографический аппарат!

Туллер 1-й. Туллер!..

Туллер 2-й. Фотографический!

Туллер 1-й. А я говорю – не фотографический!

Туллер 2-й. Фо-то-графический!

Ефросимов. Видите ли, гражданин Туллер, это...

Туллер 1-й. Нет, нет, профессор, его надо проучить. Пари на 15 рублей желаешь?

Туллер 2-й. Идет!

Туллер 1-й. Ну-с, профессор, какой это аппарат? Фотографический?

Ефросимов. Видите ли... это не фотографический аппарат...

Ева. Как?!

Входит Аня и начинает вынимать из буфета посуду. В громкоговорителе мощные хоры с оркестрами поют: «Родины славу не посрамим!..»

Туллер 1-й. Гоп! Вынимай 15 рублей! Это – урок!

Туллер 2-й. Но, позвольте, как же, ведь это же «Гном»?

Туллер 1-й. Сам ты гном!

Вдруг послышался визг собаки, затем короткий вопль женщины.

Аня(роняет посуду). Ох! Тошно... (Падает и умирает.)

За окнами послышались короткие, быстро гаснущие крики. Гармоника умолкла.

Туллер 1-й. Ах! (Падает и умирает.)

Туллер 2-й. Богданов! Бери аппарат!.. (Падает и умирает.)

Клавдия. Я погибла! (Падает, умирает.)

Пончик. Что это такое?! Что это такое?! (Пятится, бросается бежать и исчезает из квартиры, хлопнув дверью.)

Музыка в громкоговорителе разливается. Слышен тяжкий гул голосов, но он сейчас же прекращается. Настает полное молчание всюду.

Ефросимов. О предчувствие мое! Жак!.. (Отчаянно.) Жак!

Адам(бросается к Клавдии, вглядывается в лицо, потом медленно идет к Ефросимову. Становится страшен). Так вот что за аппарат? Вы убили их? (Исступленно.) На помощь! Хватайте человека с аппаратом!

Ева. Адам! Что это?!

Ефросимов. Безумный! Что вы! Поймите, наконец! Ева, оторвите от меня дикую кошку!

Ева(глянув в окно). Ой, что же это?! Адам, глянь в окно! Дети лежат!..

Адам(оставив Ефросимова, подбегает к окну). Объясните, что это?..

Ефросимов. Это? (В глазах у Ефросимова полные туманы.) Это? Идея!! Негр на электрическом стуле! Это – моя беда! Это – винтовочка, бей! Это – такая война! Это солнечный газ!..

Адам. Что? Не слышу? Что? Газ?! (Схватывает Еву за руку.) За мною! Скорее, в подвал! За мной! (Тащит Еву к выходу.)

Ева. Адам, спаси меня!

Ефросимов. Остановитесь!. Не бегите! Вам ничто уже не угрожает. Да поймите же, наконец, что этот аппарат спасает от газа! Я сделал открытие! Я! Я! Ефросимов! Вы спасены! Сдержите вашу жену, а то она сойдет с ума!

Адам. А они умерли?

Ефросимов. Они умерли!

Ева. Адам! Адам! (Указывает на Ефросимова.) Он гений! Он пророк!

Ефросимов. Повтори! Гений? Гений? Кто-нибудь, кто видел живых среди мертвых, повторите ее слова!

Ева(в припадке страха). Боюсь мертвых! Спасите! В подвал! (Убегает.)

Адам. Куда ты?! Остановись! Остановись! (Убегает за ней.)

Ефросимов(один). Умерли... И дети? Дети? Они выросли бы, и у них появились бы идеи... Какие? Повесить щенка?.. А ты, мой друг? Какая у тебя была идея, кроме одной – никому не сделать зла, лежать у ног, смотреть в глаза и сытно есть!.. За что же вешать собаку?

Свет начинает убывать медленно, и в Ленинграде настает тьма.

Занавес

Акт II

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Большой универсальный магазин в Ленинграде. Внутренняя лестница. Гигантские стекла внизу выбиты, и в магазине стоит трамвай, вошедший в магазин. Мертвая вагоновожатая. На лестнице у полки мертвый продавец с сорочкой в руках. Мертвая женщина, склонившаяся на прилавок, мертвый у входа (умер стоя). Но более мертвых нет. Вероятно, публика из магазина бросилась бежать и люди умирали на улице. Весь пол усеян раздавленными покупками. В гигантских окнах универмага ад и рай. Рай освещен ранним солнцем сверху, а внизу ад – большим густым заревом. Между ними висит дым, и в нем призрачная квадрига над развалинами и пожарами. Стоит настоящая мертвая тишина.

Ева(входит с улицы, пройдя через разбитое окно. Платье на Еве разорвано. Ева явно психически ущерблена. Говорит, обернувшись к улице). Но предупреждаю, я не останусь одна более четверти часа! Слышите! Я не меньше жака могу рассчитывать на сожаление и внимание! Я – молодая женщина, и, наконец, я трусливая, я слабая женщина! Миленькие, голубчики, ну, хорошо, я все сделаю, но только не уходите далеко, так, чтобы я ощущала ваше присутствие! Хорошо? А? Ушли!.. (Садится на лестнице.) Прежде всего закурить... Спички... (Обращается к мертвому продавцу.) Спички! (Шарит у него в кармане, вынимает спички, закуривает.) Наверно, ссорился с покупательницей? Дети, возможно, есть у тебя? Ну, ладно. (Поднимается по лесенке вверх и начинает выбирать на полке рубашки.)

Вверху слышен звук падения, посыпались по лестнице стекла, затем сверху по лестнице сбегает Дараган. Он до шеи запакован в промасленный костюм. Костюм этот разорван и окровавлен. На груди светит лампа. Лицо Дарагана покрыто язвами, волосы седые. Дараган бежит вниз, шаря в воздухе руками и неверно. Он – слеп.

Дараган. Ко мне! Ко мне! Эй, товарищи! Кто здесь есть? Ко мне! (Сбегает, падает у подножия лестницы.)

Ева(опомнившись, кричит пронзительно). Живой! (Закрывает лицо руками.) Живой! (Кричит в улицу.) Мужчины! Вернитесь! Адам! Появился первый живой! Летчик! (Дарагану.) Вам помогут сейчас! Вы ранены?

Дараган. Женщина? А? Женщина? Говорите громче, я оглох.

Ева. Я – женщина, да, женщина!

Дараган. Нет, нет, не прикасайтесь ко мне! Во мне смерть!

Ева. Мне не опасен газ!

Дараган. Назад, а то застрелю! Где нахожусь?

Ева. Вы в универмаге!

Дараган. Ленинград? Да?

Ева. Да, да, да!

Дараган. Какого-нибудь военного ко мне! Скорее! Эй, женщина, военного!

Ева. Здесь никого нет!

Дараган. Берите бумагу и карандаш!

Ева. Нет у меня, нет...

Дараган. А, черт! Неужели нет никого, кроме неграмотной уборщицы?..

Ева. Вы не видите? Не видите?

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Дараган. О, глупая женщина! Я слеп. Я падал слепой. Не вижу мира...

Ева(узнав). Дараган! Дараган!

Дараган. О, как я страдаю!.. (Ложится.) У меня язвы внутри...

Ева. Вы – Дараган! Дараган!

Дараган. А? Быть может... Сказано – не подходить ко мне!.. Слушайте, женщина: я отравлен, безумен и умираю. Ах... (Стонет.) Берите бумагу и карандаш!.. Грамотна?

Ева. Дайте же мне снять костюм с вас! Вы окровавлены!

Дараган(яростно). Русский язык понятен? Назад! Я опасен!

Ева. Что же это такое?.. Адам... Адам!.. Вы не узнаете меня по голосу?

Дараган. А? Громче, громче, гложу... Пишите: доношу. Мы сорвали воздушные фартуки, и наши бомбовозы прошли. Но в эскадрилье погибли все, кроме меня, вместе с аппаратами. Кроме того: город зажжен и фашистское осиное гнездо объято пламенем. Пламенем! Кроме того: не существует более трефовый опасный туз! Его сбил Дараган! Но сам Дараган, будучи отравлен смесью, стал слеп и упал в Ленинграде. Упав, службу Советов нести более не может. Он – холост. Я – холост. Пенсию отдает государству, ибо он, Дараган, одинок. А орден просит положить ему в гроб. Кроме того: просит... просит... дать знать... разыскать... ах, забыл... Еве дать знать, что Дараган – чемпион мира! Число, час, и в штаб. (Кричит.) Эй, эй, товарищи! (Вскакивает, заламывает руки, идет.) Кто-нибудь! Во имя милосердия! Застрелите меня! Во имя милосердия! Не могу переносить мучений! Дай мне револьвер! Пить! Пить!

Ева. Не дам револьвер! Пейте!

Дараган(пробует пить из фляги и не может глотать). Револьвер! (Шарит.) В гондоле!

Ева. Не дам! Не дам! Терпите! Сейчас придут мужчины!

Дараган. Внутри горю! Пылаю!

В громкоговорителе вдруг взрыв труб.

Ева. Опять, опять сигнал! (Кричит.) Откуда? Откуда?

Громкоговоритель стихает.

Дараган. Не подпускать ко мне докторов! Перестреляю гадов! Почему никто не сжалится над слепым? Зовите кого-нибудь! Или я, быть может, в плену?

Ева. Опомнитесь! Опомнитесь! Я – Ева! Ева! Вы знаете меня! О, Дараган, я не могу видеть твоих страданий! Я – Ева!

Дараган. Не помню ничего! Не знаю никого! На помощь!

Послышался шум автомобиля.

Ева. Они! Они! Счастье! Адам! Адам! Сюда! Сюда! Здесь живой человек!

Вбегают Адам и Ефросимов.

Ефросимов. Боже праведный!

Адам. Александр Ипполитович! Это – Дараган! Откуда он? Откуда?!

Ева. Он упал здесь с аппаратом с неба!

Дараган. Назад все! Назад! Смерть! На мне роса!

Ефросимов. Каким газом вы отравлены? Каким газом?

Ева. Громче, громче! Он оглох...

Ефросимов. Оглох? (Передвигает кнопку в аппарате.)

Дараган. Товарищ! Доношу: я видел дымные столбы, их было без числа!

Ева. Он обезумел, милый Адам! Он не узнает никого! Милый Адам! Скорей, а то он умрет!

Ефросимов направляет луч из аппарата на Дарагана. Тот некоторое время лежит неподвижно и стонет, потом оживает, и язвы на его лице затягиваются. Потом садится.

Ева(плачет, хватая Ефросимова за руки). Милый, любимый, великий, чудный человек, сиреневый, глазки расцеловать, глазки расцеловать! (Гладит голову Ефросимова, целует.) Какой умный!..

Ефросимов. Ага! Ага! Дайте мне еще отравленного! Еще! (Шарит лучом, наводит его на мертвого продавца.) Нет! Этот погиб! Нет! Не будет Жака!

Адам. Профессор! Профессор! Что же это вы? А? Спокойно!

Ефросимов. Да, да, спасибо. Вы правы... (Садится.)

Дараган. Я прозрел. Не понимаю, как это сделано... Кто вы такие? (Пауза.) Ева?!

Ева. Да, это я! Я!

Дараган. Не становитесь близко, я сам сниму костюм. (Снимает.) Адам?

Адам. Да, я.

Дараган. Да не стойте же возле меня! Отравитесь! Как вы сюда попали? Ах, да, позвольте... Понимаю: я упал сюда, а вы случайно были в магазине... Как звенит у меня в голове! Так вы сюда пришли... и...

Адам. Нет, Дараган, это не так.

Ефросимов. Не говорите ему сразу правды, а то вы не справитесь с ним потом.

Адам. Да, это верно.

Адам. Откуда ты?

Дараган. Когда я возвращался из... ну, словом, когда я закончил марш-маневр, я встретил истребителя-фашиста, чемпиона мира, Аса-Герра: он вышел из облака, и я увидел в кругах его знак – трефовый туз!

В громкоговорителе начинается военный марш.

Почему музыка?

Ева(заплакав). Опять! Опять! Это – смерть ключьями летает в мире и то кричит на неизвестных языках, то звучит, как музыка!

Адам. Ева, замолчи сейчас же! (Трясет ее за плечи.) Молчать! Малодушная Ева! Если ты сойдешь с ума, кто вылечит тебя?

Ева. Да, да! (Утихает.)

Дараган. Он дымом вычертил мне слово «коммун», затем выстучал мне «Спускайся», а кончил тем, что начертил дымный трефовый туз. Я понял сигнал – коммунист, падай, я – Ас-Герр, – и в груди я почувствовал холодный ветер. Одному из нас не летать! Я знаю его мотор, а пулемет его выпускает 40 пуль в секунду. Он сделал перекрещенные штопора, и поворот Иммельмана, и бочку, все, от чего у каждого летчика при встрече с Асом-Герром сердце сжимается в комок. У меня не сжалось, а, наоборот, как будто распухло и отяжелело! Он прошел у меня раз в мертвом пространстве, и в голове у меня вдруг все вскипело, и я понял, что он обстрелял меня и отравил. Я не помню, как я вывернулся, и мы разошлись. Тут уже, смеясь и зная, что мне уже не летать более, я с дальней дистанции обстрелял его и вдруг увидел, как сверкнул и задымил Герр, скользнул и пошел вниз. Потом он летел, как пук горящей соломы, и сейчас лежит на дне Невы или в финском заливе. У меня же загорелось все внутри, и – слепой – я упал сюда... Он – Ефросимов?

Музыка в радио прекращается.

Адам. Да.

Дараган. Позвольте, позвольте... Он изобрел, да, он изобрел аппарат... Идет война, вы, вероятно, знаете уже, впрочем? (Оглядывается, видит трамвай.) Что это значит?... (Встает, подходит к вагоновозагой, смотрит.) Что? Мертва? Сошел с рельс? Бомба? Да? Ведите меня в штаб.

Адам. Вот что, Дараган, в Ленинграде нет ни одного человека.

Дараган. Какого ни одного человека, ах, голова еще неясна... Я в курсе дел... Когда я вылетел? А? Да, вчера вечером, когда тот читал про мужиков какого-то князя... Слушайте, воюет весь мир!..

Ева. Дараган, в Ленинграде нет никого, кроме нас! Только слушайте спокойно, чтобы не сойти с ума.

Дараган(вяло). Куда же все девались?

Ева. Вчера вечером, лишь только вы исчезли, пришел газ и задушил всех.

Ефросимов. Остались Ева, и ее Адам, и я!..

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Дараган. Ева, Адам!.. Между прочим, вы и вчера уже показались мне странным!
Душевнобольным!

Ефросимов. Нет, нет, я нервно расстроен, но уже не боюсь сойти с ума, я
присмотрелся, а вы бойтесь! Не думайте лучше ни о чем. Ложитесь, закутайтесь!

Дараган(криво усмехнувшись). В Ленинграде два миллиона жителей... Куда к черту!
Я-то больше вашего знаю о налете... Его спросите! Он вам объяснит... какой газ нужен
для того, чтобы задавить Ленинград.

Ева. Знаем, знаем. (Показывает крест из пальцев.) Черный... (Плачет.)

Дараган оглядывается беспокойно, что-то обдумывает, идет к окнам. Походка его
больная. Долго смотрит, потом схватывается за голову.

Адам(беспокойно). Дараган, Дараган, перестань...

Дараган(кричит негромко). Самолет мне! Эй, товарищи! Эй, самолет командиру!
(Шарит в карманах, вынимает маленькую бонбоньерку, показывает Ефросимову.)
Видал? Видал? Ах, они полагали, что советские как в поле суслики! Ах, мол, в
лаптях мы? Лыком шиты? Два миллиона? Заводы? Дети? Видал? Видал крестик? Сказано
– без приказа Реввоенсовета не бросать! Я отдаю приказ – развинчивай, кидай!

Адам. Куда? Куда? Куда?

Дараган. Я прямо, прямо, раз в два счета, куда нужно. Я адрес знаю – куда
посылку отвезти!

Ева. Адам, Адам, держи его!..

Дараган(прячет бонбоньерку, слабеет, садится. Говорит строго). Почему город
горит?

Адам. Трамваи еще час ходили, давили друг друга и автомобили с мертвыми
шоферами. Бензин горел!

Дараган. Как вы уцелели?

Адам. Профессор просветил нас лучом, после которого организм не всасывает
никакого газа.

Дараган(приподнимаясь). Государственный изменник!

Ева. Что вы, что вы, Дараган!

Дараган. Дай-ка револьвер!

Адам. Не дам!

Дараган. Что? (Пошарив, снимает с внешнего костюма бомбу с рукоятью.) К ответу!
К ответу профессора Ефросимова! Я в тот вечер догадался, что он изобрел! И вот:
сколько бы людей ни осталось в Ленинграде, вы – трое будете свидетелями того,
как профессор Ефросимов отвечал Дарагану. Кажись, он злодей!

Ефросимов(шевельнувшись). Что такое?

Дараган. Не обижайтесь! Сейчас узнаем. Но если что неладное узнаю, вы выходите
из магазина! Почему ваш аппарат не был сдан вовремя государству?

Ефросимов(вяло). Не понимаю вопроса. Что значит – вовремя?

Дараган. Отвечать!

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Ева. Адам! Адам! Да что ж ты смотришь? Профессор, что же вы молчите?

Адам. Я запрещаю! Приказываю положить бомбу.

Дараган. Кто вы таков, чтоб запрещать мне?

Адам. Я – первый человек, уцелевший в Ленинграде, партиец Адам Красовский, принял на себя власть в Ленинграде, и дело это я уже разобрал. Запрещаю нападать на Ефросимова! А вы, профессор, скажите ему, чтобы его успокоить.

Ефросимов. Он меня... как это... испугал...

Ева. Вы испугали его.

Ефросимов. Открытие я сделал 1 мая и узнал, что я вывел из строя все отравляющие вещества; их можно было сдавать в сарай. Животная клетка не только не поглощала после просвечивания никакого отравляющего вещества, но более того – если даже организм был отравлен, живое существо еще можно было спасти, если только оно не умерло. Тогда я понял, что не будет газовой войны. Я просветил себя. Но только 15-го утром мастер принес мне коробку, куда я вмонтировал раствор перманганата в стеклах и поляризованный луч. Я вышел на улицу и к вечеру был у Адама. А через час после моего прихода был отравлен Ленинград.

Дараган. Но вы хотели этот луч отдать за границу?

Ефросимов. Я могу хотеть все, что я хочу.

Дараган(ложась). Послушай, Адам, что говорит специалист. Я ослабел. Меня пронизывает дрожь... А между тем я должен встать и лететь... Но оперение мое! Оперение мое! Цело ли оно? Кости мои разломаны! Но внутри я уже больше не горю. Но как же, как же так? Мы же встретили их эскадрилью под Кронштадтом и разнесли ее...

Адам(наклонясь к Дарагану). Дараган, это были не те. Те прошли в стратосфере выше.

Дараган. Ну, ладно... Я полечу... я полечу.

Ефросимов. Вы никуда не полетите, истребитель! Да и незачем вам лететь!.. Все кончено.

Дараган. Чем кончено?! Я хочу знать, чем это кончено! И знаю, чем это кончится. Молчите!

Ефросимов. Не только лететь, но вам нельзя даже сидеть. Вы будете лежать, истребитель, долго, если не хотите погибнуть.

Дараган. Возле меня никогда не было женщины, а я хотел бы лежать в чистой постели и чтобы чай с лимоном стоял на стуле. Я болен! А отлежавшись, я поднимусь на шесть тысяч, под самый потолок, и на закате... (Адаму.) Москва?

Адам. Москва молчит!

Ева. И мы слышим только обрывки музыки и несвязные слова на разных языках! Воют во всех странах. Между собой.

Адам. На рассвете мы сделали 50 километров на машине и видели только трупы и осколки стеклянной бомбы, а Ефросимов говорит, что в ней бациллы чумы...

Дараган. Здорово! Но больше слушать не хочу. Ничего не говорите мне больше. (Пауза. Указывая на Адама.) Пусть он распоряжается, и я подчиняюсь ему.

Адам. Ева, помоги мне поднять его. (Поднимают Дарагана.)

Ева подхватывает узел.

Дараган. Куда?

Адам. В леса. За бензином.

Дараган. И за самолетом!

Адам. Ну, ладно, едем. Может быть, проберемся на аэродром. Потом вернемся сюда, чтобы взять мелочь. И вон! А то мы вовсе не вывернемся!.. (Уходят.)

Долгая пауза. Слышно, как застучала машина и ушла. Через некоторое время в магазин вбегает Пончик-Непобеда. Пиджак на нем разорван. Он в грязи.

Пончик(в безумии). Самое главное – сохранить ум, и не думать, и не ломать голову над тем, почему я остался жив один. Господи! Господи! (Крестится.) Прости меня за то, что я сотрудничал в «Безбожнике». Прости, дорогой Господи! Перед людьми я мог бы отпереться, так как подписывался псевдонимом, но тебе не совру – это был именно я! Я сотрудничал в «Безбожнике» по легкомыслию. Скажу тебе одному, Господи, что я верующий человек до мозга костей и ненавижу коммунизм. И даю тебе обещание перед лицом мертвых, если ты научишь меня, как уйти из города и сохранить жизнь, – я... (Вынимает рукопись.) Мать Божия, но на колхозы ты не в претензии?.. Ну, что особенного? Ну, мужики были порознь, ну, а теперь будут вместе. Какая разница, Господи? Не пропадут они, окаянные! Воззри, о Господи, на погибающего раба твоего Пончика-непобеду, спаси его! Я православный, Господи, и дед мой служил в консистории. (Поднимается с колен.) Что ж это со мной? Я, кажется, свихнулся со страху, признаюсь в этом. (Вскрикивает.) Не сводите меня с ума! Чего я ищу? Хоть бы один человек, который научил бы...

Слышен слабый дальний крик Маркизова: «Помогите!»

Не может быть! Это мерещится мне! Нет живых в Ленинграде!

Маркизов(вползает в магазин. За спиной у него котомка, одна нога обнажена, и видно, что ступня покрыта язвами). Вот дотащился. Здесь и помру. Мне больно! Я обливаюсь слезами, а помочь мне некому, гниет нога! Всех убили сразу, а меня с мучением. А за что? Ну, и буду кричать, как несчастный узник, пока не изойду криком. (Кричит слабо.) Помогите!

Пончик. Человек! Живой! Дошла моя молитва! (Бросается к Маркизову, обнимает его.) Да вы Маркизов?!

Маркизов. Я, я – Маркизов. Вот видите, гражданин, погибаю. (Обнимает Пончика и плачет.)

Пончик. Нет, стало быть, я не сумасшедший. Я узнал вас! А вы меня?

Маркизов. Вы кто же будете?

Пончик. Да как же вы не узнаете меня, Боже ты мой! Узнайте, умоляю! Мне станет легче...

Маркизов. Я почему-то вижу плохо, гражданин.

Пончик. Я – Пончик-Непобеда – известнейший литератор. Припомните, о Боже, ведь я же с вами жил в одном доме! Я вас хорошо помню, вас из профсоюза выкинули за хулиган... Ну, словом, вы – Маркизов!

Маркизов. За что меня выгнали из профсоюза? За что? За то, что я побил бюрократа? Но а как же гадину не бить? Кто его накажет, кроме меня? За то, что пью? Но как же пекарю не пить? Все пили: и дед, и прадед. За то, что книжки читал, может быть? А кто пекаря научит, если он сам не будет читать? Ну, ничего. Потерпите. Сам изгонюсь. Вот уж застигает вас, гражданин, туманом, и скоро я отойду...

Пончик. Теперь уж о другом прошу: сохранить жизнь гражданину Маркизову. Не за себя молюсь, за другого.

Маркизов. Гляньте в окно, гражданин, и вы увидите, что ни малейшего Бога нет. Тут дело верное.

Пончик. Ну, кто же, как не грозный Бог, покарал грешную землю!

Маркизов(слабо). Нет, это газ пустили и задавили СССР за коммунизм... Не вижу больше ничего... О, как это жестоко – появиться и исчезнуть опять!

Пончик. Встаньте, встаньте, дорогой!

Ефросимов появляется с узлом и сумкой. При виде Пончика и Маркизова остолбеневаает. Пончик, увидя Ефросимова, от радости плачет.

Ефросимов. Откуда вы, люди? Как вы оказались в Ленинграде?

Пончик. Профессор... Ефросимов?..

Ефросимов(Пончику). Позвольте, вы были вечером у Адама... Это вы писали про колхозников?

Пончик. Ну да. Я! Я! Я – Пончик-непобеда.

Ефросимов(наклонясь к Маркизову). А этот? Что с ним? Это он, напавший на меня!.. Значит, вы были в момент катастрофы в Ленинграде, как же вы уцелели?!

Маркизов(глухо). Я побежал по улице, а потом в подвале сидел, питался судаком, а теперь помираю.

Ефросимов. А... стукнула дверь! Вспоминаю... (Пончику.) Отвечайте – когда я снимал Еву и Адама, вы показались в комнате?

Пончик. Да, вы меня ослепили!

Ефросимов. Так, ясно. (Маркизову.) Но вы, вы – непонятно... Как на вас мог упасть луч? Вас же не было в комнате?

Маркизов(слабо). Луч? Я на окно влез.

Ефросимов. А-а-а... Вот, вот, какая судьба... (Зажигает луч в аппарате, освещает Маркизова. Тот шевелится, открывает глаза, садится.) Вы видите меня?

Маркизов. Теперь вижу.

Ефросимов. А нога?

Маркизов. Легче. О, дышать могу.

Ефросимов. Ага. Вы видите теперь... Вы назвали меня буржуем. Но я отнюдь не буржуа, о нет! И это не фотографический аппарат. Я не фотограф, и я не алкоголик!!

В громкоговорителе слышна музыка...

Маркизов. Вы, гражданин, ученый. Какой же вы алкоголик! Позвольте, я вам руку поцелую... И вам скажу стихи... Как будто градом ударил газ... Над Ленинградом, но ученый меня спас... Руку давайте!

Ефросимов. Подите вы к черту!! Я ничего не пью. Я только курю.

Маркизов. Ай, злой вы какой... Папиросу? Курите на здоровье, пожалуйста...

Ефросимов(истерически). Какое право вы имеете называть меня алкоголиком? Как вы осмелились тыкать мне кулаками в лицо?! Я всю жизнь просидел в лаборатории и даже не был женат, а вы, наверное, уже три раза... Вы сами алкоголик! Утверждаю это при всех и вызываю вас на суд. Я на вас в суд подам!!.

Пончик. Профессор, что вы?!

Маркизов. Гражданин, милейший человек, успокойся! Какое там три раза! Меня по судам затаскали, ну, заездили буквально. Ах, великий человек! Дышу я... Хлебните.

Ефросимов. Я не пью.

Маркизов. Как можно не пить. Вы помрете от нервов.

Музыка в громкоговорителе прекращается.

Я ж понимаю... Я сам в трамвай вскочил. А кондукторша мертва. А я ей гривенник сую... (Вливает в рот Ефросимову водку.)

Ефросимов. Вы дышите свободно?

Маркизов. Свободно. (Дышит.) Совсем свободно. А верите ли, я хотел зарезаться...

Ефросимов. У вас гангрена.

Маркизов. Как ей не быть! Еще бы! Вижу – гангрена. Ну, до свадьбы заживет.

Ефросимов. Гангрена – поймите! Кто отрежет вам ногу теперь? Ведь это мне придется делать? Но я же не врач.

Маркизов. Вам доверяю... Режьте!

Ефросимов. Глупец! Нужно было обеими ногами на подоконник становиться! Луч не попал на ступню...

Маркизов. Именно то же самое я говорю... Но серость! Серость! Я одной ногой... Ну, пес с ней, с ногой! (Декламирует.) Великий человек, тебя прославит век!

Ефросимов. Попрошу без выкриков... Держите себя в руках, а то вы свихнетесь. Берите пример с меня...

Пончик(внезапно в исступлении). Я требую, чтобы вы светили на меня! Почему же меня забыли?

Ефросимов. Да вы с ума сошли! Вы просвечены уже, бесноватый! Владейте собой... да не хватайте аппарат!

Маркизов. Да не хватай аппарат, черт! Сломаешь!

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Пончик. Да объясните мне хоть, что это за чудо?!

Ефросимов. Ах, никакого чуда нет. Перманганат и луч поляризованный...

Маркизов. Понятно, перманганат... А ты не хватай за аппарат! Не трогай, чего не понимаешь. Ах, дышу, дышу...

Ефросимов. Да не смотрите так на меня! У вас обоих истеричные глаза. И тошно, и страшно! Бумаги и карандаш, а то я забуду, что нужно взять еще здесь в магазине. Что это у вас в кармане?

Пончик. Рукопись моего романа.

Ефросимов. Ах, не надо... К чертям вашего Аполлона Акимовича.

Маркизов. Нет бумаги. Давай! (Берет у Пончика рукопись.)

Ефросимов. Пишите... Эти... ах, Господи... ими рубят лес!

Пончик. Топоры?

Маркизов. Топоры!..

Ефросимов. Топоры... Лекарства... Берите все, все, что попадет под руку, все, что нужно для жизни!..

Послышался шум грузовика.

Вот они! Подъехали! (Выбегает в окно. Кричит.) Ева! Адам! Я нашел еще двух живых!

В ответ слышен глухой крик Адама.

Да, живых! Вот они! (Выбегает.)

Пончик(цепляясь за него). Мы – вот они! (Выбегает за Ефросимовым.)

Маркизов. Мы – вот они! (Хочет бежать, но не может.) И на меня, и на меня посмотрите, я тоже живой. Я – живой!.. Ах, нет, отбегал ты свое, Маркизов, и более не побежишь... (Кричит.) Меня ж не бросьте, не бросьте меня. Ну, подожду!..

Бесшумно обрушивается целый квартал в окне, и показывается вторая колонна да еще какие-то кони в странном освещении.

Граждане, поглядите в окно!!

Занавес

Акт III

Внутренность большого шатра на опушке векового леса. Шатер наполнен разнообразными предметами: тут и обрубки дерева, на которых сидят, стол, радиоприемник, посуда, гармоника, пулемет и почему-то дворцовое богатое кресло. Шатер сделан из чего попало: брезент, парча, шелковые ткани, клеенка. Бок шатра откинут, и видна падающая за лесом радуга. Полдень. Маркизов, с костылем в синем пенсне, сидит в дворцовом кресле с обожженной и разорванной книгой в руках.

Маркизов(читает). «...Не хорошо быть человеку одному. Сотворим ему помощника, соответственного ему...» Теория верная, да где ж его взять? Дальше дырка. (Читает.) «...И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились...» Прожгли книгу на самом интересном месте... (Читает.) «...Змей был хитрее всех зверей полевых...» И точка. А дальше страницы выдраны.

Входит Пончик-Непобеда. Он, как и Маркизов, оброс бородой, оборван, мокрый после дождя. Сбрасывает с плеча охотничье ружье, швыряет в угол убитую птицу.

Про тебя сказано: «Змей был хитрее всех зверей полевых...»

Пончик. Какой змей? Ну тебя к черту! Обед готов?

Маркизов. Через полчаса, ваше сиятельство.

Пончик. Ну-ка, давай по одной рюмочке и закусим...

Маркизов. Да Адам, понимаешь ли, все запасы спирта проверяет...

Пончик. Эге-ге-ге. Это уж он зря нос сует не в свое дело! Тут каждый сам себе Адам по своему отделу. А тебе удивляюсь – не давай садиться себе на шею. Ты заведующий продовольствием? Ты! Стало быть, можешь полновластно распоряжаться. Я привык выпивать перед обедом по рюмке и работаю не меньше, если не больше других... Адамов!

Маркизов. Верно, правильно, гражданин Змей! (Снимает пенсне. Выпивают, закусывают.)

Пончик(неожиданно). Постой... (Подбегает к радиоприемнику, зажигает лампы, крутит кнопки.)

Маркизов. Да нету, нету – я целое утро слушал. Пусто, брат Змей!

Пончик. Ты брось эту моду – меня змеем называть. (Выпивают.)

Маркизов. Я без чтения – должен заметить – скучаю... И как же это я «Графа Монте-Кристо» посеял, ах, ты, Господи! Вот подобрал в подвале... Только всего и осталось от книжки. Да... При этом про наших пишут: про Адама и Еву.

Пончик(заглянув). Чушь какая-нибудь мистическая!

Маркизов. Скучно в пустом мире!

Пончик. Я с радостью замечаю, что ты резко изменился после гибели. И все-таки, что бы ни говорили, я приписываю это своему влиянию. Литература – это великое дело!

Маркизов. Я из-за ноги изменился. Стал хромой, драться не могу и из-за этого

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
много читаю, что попадает под руку. Но вот, кроме этой разорванной книги, ничего
не попало...

Пончик. Так давай еще раз прочитаем мой роман!

Маркизов. Читали уже два раза...

Пончик. И еще раз послушай. Уши у тебя не отвалятся! (Достает рукопись, читает.)
«...Глава первая. Там, где некогда тощую землю бороздили землистые, истощенные...»
Я, видишь ли, поправляю постепенно. Вставил слово «истощенные». Звучит?

Маркизов. Почему же не звучит?.. Звучит!

Пончик. Да-с... «Истощенные лица крестьян князя Волконского». После долгого
размышления я заменил князя Барятинского князем Волконским... Замечай!

Маркизов. Я заметил.

Пончик. Учись!.. «Волконского, ныне показались свежие щечки колхозниц... „Эх,
Ваня! Ваня!..“ – зазвенело на меже...»

Маркизов. Стоп! Станция! Вот ты, я понимаю, человек большой. Пишешь ты здорово,
у тебя гений. Объясни ты мне, отчего литература всегда такая скучная?

Пончик. Дурак ты, вот что я тебе скажу!

Маркизов. За печатное я не скажу. Печатное всегда тянет почитать, а когда
литература... Эх, Ваня, Ваня, – и более ничего. Межа да колхоз!

Пончик. Господи! Какая чушь в голове у этого человека, сколько его ни учи!
Значит, по-твоему, литература только писанная – да? И почему всегда «межа да
колхоз»? Много ты читал?

Маркизов. Я массу читал.

Пончик. Когда хулиганил в Ленинграде? То-то тебя из союза выперли за чрезмерное
чтение...

Маркизов. Что ты меня все время стараешься ткнуть? Правильно про тебя сказано в
книге: «полевой змей»! А про меня было так напечатано: (Вспоминает.) «Умерло,
граф, мое прошлое».

Пончик. Ох, до чего верно сказал покойный Аполлон Акимович на диспуте: не мечите
вы, товарищи, бисера перед свиньями! Историческая фраза! (Швыряет рукопись.
Выпивает. Пауза.)

Маркизов. Она не любит его.

Пончик. Кто кого?

Маркизов(таинственно). Ева Адама не любит.

Пончик. А тебе какое дело?

Маркизов. И я предвижу, что она полюбит меня.

Пончик. Что такое?

Маркизов(шепчет). Она не любит Адама. Я проходил ночью мимо их шатра и слышал,
как она плакала.

Пончик(шепотом). Шатаешься по ночам?

Маркизов. И Дарагана не любит, и тебя не любит, а великий Ефросимов... Ну, так он
великий, при чем он тут? Стало быть, мое счастье придет...

Пончик. Однако... Вот что... Слушай: я тогда на пожаре в банк завернул в Ленинграде
– там у меня был текущий счет – и вынул из своего сейфа. (Вынимает пачку.) Это –

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
доллары. Тысячу долларов тебе даю, чтобы ты отвалился от этого дела.

Маркизов. На кой шут мне доллары?

Пончик. Не верь ни Адаму, ни Дарагану, когда они станут говорить, что валюта теперь ничего не будет стоить на земном шаре. Советский рубль – я тебе скажу по секрету – ни черта не будет стоить... Не беспокойся, там – (указывает вдаль) – народ остался. А если хоть два человека останутся, то доллары будут стоить до скончания живота. Видишь, какой старец напечатан на бумажке? Это вечный старец! С долларами, когда Дараган установит сообщение с остальным миром, ты на такой женщине женишься, что все рты расстегнут... Это тебе не Аня-покойница... А возле Евы тебе нет места, хромой черт! На свете существуют только две силы: доллары и литература!

Маркизов. Оттесняют меня отовсюду, калеку! Гением меня забиваешь! (Прячет доллары, играет на гармонике вальс. Потом бросает гармонику.) Читай дальше роман!

Пончик. То-то (читает.) «...свежие щечки колхозниц. „Эх! Ваня! Ваня!..“»

Ева(внезапно появившись) ...зазвенело на меже! Заколдованное место! Но неужели, друзья, вы можете читать в такой час? Как же у вас не замирает сердце?

Слышно, как взревел аэропланый мотор вдали на поляне.

Слышите?

Мотор умолкает. Ева подходит к радио, зажигает лампы, вертит кнопки, слушает.

Ничего! Ничего!

Маркизов. Ничего нет, я с утра дежурю! (Достает букет.) Вот я тебе цветов набрал, Ева.

Ева. Довольно, Маркизыч, у меня весь шатер полон букетами. Я не успеваю их ни поливать, ни выбрасывать.

Пончик. Сушая правда! И этот букет, во-первых, на конский хвост похож, а во-вторых, нечего травой загромождать шатер... (Берет букет из рук Маркизова и выбрасывает. Говорит тихо.) Это жульничество... Деньги взял? Аморальный субъект...

Ева. Что там такое?

Маркизов. Ничего, ничего, я молчу. Я человек купленный.

Ева. Ну вас к черту, ей-богу, обоих. Вы с вашими фокусами в последнее время мне так наскучили! Обед готов?

Маркизов. Сейчас суп посмотрю.

Пончик. Кок! Посмотри суп, все голодны!..

Ева. Если ты хочешь помочь человеку, который желает учиться, то не сбивай его. Повар – не кок, а кук.

Пончик. Разные бывают произношения.

Ева. Не ври.

Маркизов. Повар – кук? Запишу. (Записывает.) На каком языке?

Ева. По-английски.

Маркизов. Так. Сейчас. (Уходит.)

Пончик. Ева, мне нужно с тобой поговорить.

Ева. Мне не хотелось бы...

Пончик. Нет, ты выслушай!

Ева. Ну.

Пончик. Кто говорит с тобой в глуши лесов? Кто? До катастрофы я был не последним человеком в советской литературе. А теперь, если Москва погибла так же, как и северная столица, я единственный! Кто знает, может быть, судьба меня избрала для того, чтобы сохранить в памяти и записать для грядущих поколений историю гибели! Ты слушаешь?

Ева. Я слушаю с интересом. Я думала, что ты будешь объясняться в любви, а это – с интересом!

Пончик(тихо). Я знаю твою тайну.

Ева. Какую такую тайну?..

Пончик. Ты несчастлива с Адамом.

Ева. С какой стороны это тебя касается? А кроме того, откуда ты это знаешь?

Пончик. Я очень часто не сплю. И знаешь – почему? Я думаю. О ком – догадайся сама. Ну вот. Я слышал однажды ночью тихий женский плач. Кто может плакать здесь в проклятом лесу? Здесь нет никакой женщины, кроме тебя!..

Ева. К сожалению, к сожалению!

Пончик. О чем может плакать эта единственная, нежная женщина, о, моя Ева?!

Ева. Хочу видеть живой город! Где люди?

Пончик. Она страдает. Она не любит Адама! (Делает попытку обнять Еву.)

Ева(вяло). Пошел вон.

Пончик. Не понимаю тебя!..

Ева. Пошел вон.

Пончик. И что они там с этим аэропланом застряли? (Выходит.)

Ева(берет наушники, слушает). Нет, нет!..

Маркизов(входя). Сейчас будет готов. А где Пончик?

Ева. Я его выгнала.

Маркизов. Скажи, пожалуйста... У меня дельце есть. Серьезнейшая новость.

Ева. Я знаю все здешние новости.

Маркизов. Нет, не знаешь. Секрет. (Тихо.) Я тебе скажу, что я человек богатый.

Ева. Я понимаю, если б от жары вы с ума сошли, но ведь дождь был. А! От тебя водкой пахнет!

Маркизов. Какой там водкой? Валерианку я пил, потому что у меня боли

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru возобновились. Слушай. Деньги будут стоять. Ты не верь ни Адаму, ни Дарагану. Пока два человека останутся на земле. И то торговать будут. Тут уж не поспоришь... Теория! Между тем я вычитал в одном произведении, неизвестном совершенно, что только два человека были на земле – Адам и Ева. И очень любили друг друга. Дальше что было – неясно, потому что книжка разодрана. Понимаешь?

Ева. Ничего не понимаю.

Маркизов. Погоди. Но эта теория не подходит. Потому что Адама своего ты не любишь. И тебе нужен другой Адам. Посторонний. Не ори на меня. Ты думаешь, я с гадостью? Нет. Я человек таинственный и крайне богатый. К ногам твоим кладу тысячу долларов. Спрячь.

Ева. Захар, где ты взял доллары?

Маркизов. Накопил за прежнюю мою жизнь.

Ева. Захар, где ты взял долдары? Ты спер доллары в Ленинграде. Берегись, чтобы Адам не узнал! Имей в виду, что ты мародер! Захар, ах, Захар!

Маркизов. Вот убейте, я не пер их.

Ева. А-а! Ну, тогда Пончик дал. Пончик?

Маркизов. Пончик-Непобеда.

Ева. За что? (Пауза.) Ну!..

Маркизов. Чтобы я от тебя отвалился.

Ева. А ты мне их принес. Трогательные комбинаторы. Ну, послушай же: ты понимаешь, что вы женщину замучили? Я сплю, и каждую ночь я вижу один любимый сон: черный конь и непременно с черной гривой уносит меня из этих лесов! О, несчастная судьба! Почему спаслась только одна женщина? Почему бедная Аня не подвернулась под луч? А? Ты бы женился на ней и был счастлив!..

Маркизов всхлипывает неожиданно.

Ева. Чего ты? Чего? Маркизыч, перестань!

Маркизов. Аньку задушили!

Ева. Ну, забудь, забудь, Захар! Не смей напоминать мне, а то я тоже расплачусь, ну, что же это будет? Довольно! (Пауза.) Конь уносит меня, и я не одна...

Маркизов. А с кем же?

Ева. Нет, нет, я пошутила.. Забудь. Во всяком случае, Маркизов, ты неплохой человек, и давай заключим договор – ты не будешь более меня преследовать? Неужели ты хочешь, чтобы я умерла в лесах?

Маркизов. О, нет, Ева, что ты, что ты!..

Ева. Да, кстати: Захар, зачем ты надеваешь ужаснейшее синее пенсне?

Маркизов. У меня зрение слабое, и я, кроме того, не хуже других ученых.

Ева. Все вранье насчет зрения. Пойми, что ты делаешься похож не на ученого, а на какого-то жулика. Даю добрый совет – выброси его.

Маркизов. Добрый?

Ева. Добрый.

Маркизов. На. (Подает пенсне.)

Ева(выбрасывает пенсне. Опять послышался мотор). Руки даже холодеют... Захар! На тебе цветок в память великого дня! Хочу людей! Итак, будем дружить?

Маркизов. Дружи! Дружи!

Ева. Труби, труби, Захар. Пора!

Маркизов(берет трубу). Идут! Идут!

Входят Дараган и Адам. Адам отпустил бороду, резко изменился, кажется старше всех. Закопчен, сосредоточен. А Дараган выбрит, сед, лицо навеки обезображено. За ними входит Пончик и вносит миску с супом.

Ева. Ну, не томи! Говори! Готово?

Дараган. Да.

Ева(обняв его). Ох, страшно, Дараган! Александр Ипполитович! Где ты? Иди обедать!

Адам. Я полагаю, что по случаю высокого события реем можно выпить по рюмке водки, кроме Дарагана. Захар, как у нас запас спиртного?

Маркизов. Куда ж ему деваться? Минимум.

Ефросимов(за шатром). Захар Севастьянович! Что ты хочешь сказать – мало или много?

Маркизов. Это... много!

Ефросимов. Так тогда – максимум! (Выходит, вытирая руки полотенцем. Ефросимов в белой грязной рубашке. Брюки разорваны. Выбрит.)

Ева. Садитесь (Все садятся, пьют, едят.)

Пончик. Право, недурен суп. На второе что?

Маркизов. Птица.

Ефросимов. Что меня терзает? Позвольте... Да. Водка? Да: минимум и максимум! Вообще тут лучше, проще – много водки или мало водки. Проще надо. Но, во всяком случае, условимся навсегда: минимум малая величина, а максимум – самая большая величина!

Маркизов. Путаю я их, чертей! Учи меня, дружок, профессор. дай я тебе еще супу налью! (Пауза.) Два брата: минимум – маленький, худенький, беспартийный, под судом находится, а максимум – толстяк с рыжей бородой – дивизией командует!

Адам. Поздравляю, товарищи: с Захаром неладно!

Ефросимов. Нет, нет! Это хороший способ запомнить что-нибудь.

Адам. Внимание! Полдень, полдень. Объявляю заседание колонии открытым. Пончик-Непобеда, записывай... Вопрос об отлете Дарагана для того, чтобы узнать, что происходит в мире. Какие еще вопросы?

Ева. Руки, руки!

Дараган. Товарищи, честное мое слово, я совершенно здоров.

Дараган. Товарищи! Вы же не врачи в конце концов! Ну, хорошо. (Протягивает руки, все смотрят.)

Ева. Нет, не дрожат... Александр, посмотри внимательно – не дрожат?

Ефросимов. Они не дрожат... Он может лететь!

Пончик. Ура! Ура!

Ева. Дараган летит! Дараган летит!

Адам. Итак, он летит. Как поступишь ты, Дараган, в случае если война продолжается?..

Дараган. Если война еще продолжается, то я вступлю в бой с неприятельскими силами в первой же точке, где я их встречу.

Адам. Резонно! И возражений быть не может!

Дараган. А ты что ж, профессор, молчишь? А? Тебе не ясно, что СССР не может не победить? Ты знаешь по обрывкам радио, что война стала гражданской во всем мире, и все же тебе не ясно, на чьей стороне правда? Эх, профессор, ты вот молчишь, и на лице у тебя ничего не дрогнет, а я вот на расстоянии чувствую, что сидит чужой человек! Это как по-ученому – инстинкт? Ну, ладно... (Преображается. Надевает промасленный костюм, бинокль, маузер, пробует лампу на груди, тушит ее.) Профессор, ты пацифист! Эх, кабы я был образован так, как ты, чтобы понять, как с твоим острым умом, при огромном таланте, не чувствовать, где тебе надо быть... Впрочем, это лишнее сейчас. Вот и хочу в честь пацифизма сделать мирную демонстрацию. Покажу же тихо и скромно, что республика вооружена достаточно, столько, сколько требуется... Города же советские, между прочим, тоже трогать нельзя. Ну давай, профессор, аппарат.

Ефросимов. Пожалуйста. (Снимает, подает Дарагану изобретение.)

Дараган. И черные крестики из лаборатории.

Ефросимов. Ты не возьмешь бомб с газом, истребитель!

Дараган. Как же так – не возьму?

Ефросимов. Я уничтожил их. (Пауза.)

Адам. Этого не может быть!..

Дараган. Странно шутишь, профессор!

Ефросимов. Да нет, нет... Я разложил газ... Смотрите: пустые бонбоньерки... Я не шучу. (Бросает на стол блестящие шарики.)

Дараган. Что-о?! (Вынимает маузер.)

Пончик. Эй! Эй! что? что?..

Ева. Не смей!! Адам!

Дараган поднимает револьвер. Маркизов бьет костылем по револьверу и вцепляется в Дарагана.

Дараган(стреляет, и лампы в приемнике гаснут). Адам, ударь костылем хромого беса по голове! Захар! убью!

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Маркизов(пыхтя). Долго ли меня убить!

Пончик. Дараган! Ты в меня попадешь!

Ева(заслоняя Ефросимова). Убивай сразу двух! (Вынимает браунинг, кричит.)
Поберегись, стрелять буду! (Пауза.)

Дараган. Что, что, что?

Адам. Тебе дали револьвер, чтобы защищаться в случае, если ты встретишь опасного зверя, а ты становишься на сторону преступника!..

Ева. Убийство в колонии! На помощь! На помощь!

Дараган(Маркизову). Пусти, черт! Пусти! (Вырвавшись из объятий Маркизова.) Нет, нет, это не убийство! Адам, пиши ему приговор к расстрелу. Между нами враг!

Ефросимов. При столкновении в безумии люди задушили друг друга, а этот человек, пылающий мстостью, хочет еще на одну единицу уменьшить население земли. Может быть, кто-нибудь объяснит ему, что это нелепо?

Дараган. Не прячь его, Ева! Он все равно не уйдет от наказания – минутой позже или раньше!

Ефросимов. Я не прячусь, но я хочу, чтобы меня судили прежде, чем убьют!

Дараган. Адам! Ты первый человек. Организуй суд над ним!

Адам. Да, да, я сейчас только осмыслил то, что он сделал... Он... Непобеда, Захар, за стол – судить изменника!

Пончик. Товарищи, погодите, мне что-то нехорошо!..

Маркизов в волнении выпивает рюмку водки.

Адам. Товарищи! Слушайте все! Гниющий мир, мир отвратительного угнетения напал на страну рабочих... Почему это случилось? Почему, ответьте мне! Ева, отойди от него, моя жена... Ах, жена, жена!

Ева. Я не отойду от Ефросимова, пока Дараган не спрячет револьвер.

Адам. Спрячь, Дараган, маузер пока, спрячь, друг мой!

Дараган прячет маузер.

Адам. Почему? Потому, что они знали, что страна трудящихся несет освобождение всему человечеству. Мы же начали воздвигать светлые здания, мы шли вверх! Вот... вот близко... вершина... И они увидели, что из этих зданий глянула их смерть. Тогда в один миг буквально был стерт с лица земли Ленинград! Да и, быть может, не он один!.. Два миллиона гниющих тел! И вот, когда Дараган, человек, отдавший все, что у него есть, на служение единственной правде, которая существует на свете, – нашей правде! – летит, чтобы биться с опасной гадиной, изменник, анархист, неграмотный политический мечтатель предательски уничтожает оружие защиты, которому нет цены! Да этому нет меры! Нет меры! Нет! Это высшая мера!

Дараган. Нет, нет, Адам! Он не анархист и не мечтатель! Он – враг-фашист. Ты думаешь, это лицо? Нет, посмотри внимательно: это картон. Я вижу отчетливо под маской фашистские знаки!

Ефросимов. Гнев темнит вам зрение. Я в равной мере равнодушен и к коммунизму и к фашизму. Кроме того, я спас вам жизнь при помощи того самого аппарата, который надет на вас.

Дараган. Ваш аппарат принадлежит СССР! И безразлично, кто спас меня! Я живой – и, стало быть, защищаю Союз!

Адам. Я – Адам, начинаю голосование. Кто за высшую меру наказания вредителю? (Поднимает руку.) Пончик, Маркизов, поднимайте руки!

Пончик. Товарищи! У меня сердечный припадок!

Ева. Адам! Прошу слова!

Адам. Лучше бы ты ничего не говорила! Ах, Ева! Я буду учить тебя!

Ева. Ты фантом.

Адам. Что такое? Что ты говоришь?

Ева. Привидение. Да и вы все также. Я вот сижу и вдруг начинаю понимать, что лес, и пение птиц, и радуга – это реально, а вы с вашими исступленными криками – нереально.

Адам. Что это за бред? Что несешь?

Ева. Нет, не бред. Это вы мне все снится! Чудеса какие-то и мистика. Ведь вы же никто, ни один человек, не должны были быть в живых. Но вот явился великий колдун, вызвал вас с того света, и вот теперь вы с воем бросаетесь его убить... (Пауза.)

Пончик. Это ужасно, товарищи! (Ефросимову.) Зачем вы уничтожили бонбоньерки?

Ева. Во всяком случае, я заявляю тебе, мой муж – первый человек Адам, и собранию, что Дараган – истребитель, решил под предлогом этих бомб убить Ефросимова с целью уничтожить соперника. Да. (Молчание.)

Адам. Да ты сошла с ума.

Ева. Нет, нет. Скажи-ка, истребитель, при всех, объяснялся ли ты мне в любви третьего дня?

Пончик встает потрясенный, а Маркизов выпивает рюмку водки.

Дараган. Я протестую! Это не имеет отношения к ефросимовскому делу!

Ева. Нет. Имеет. Ты что ж, боишься повторить при всех то, что говорил мне? Значит, говорил что-то нехорошее?

Дараган. Я ничего не боюсь!

Ева. Итак: не говорил ли ты мне у реки так: любишь ли ты Адама, Ева?

Молчание.

Адам(глухо). Что ты ему ответила?

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Ева. Я ответила ему, что это мое дело. А далее кто шептал мне, что предлагает мне свое сердце на веки?

Адам. Что ты ему ответила?

Ева. Я не люблю тебя. А кто, хватая меня за кисть руки и выворачивая ее, спрашивал меня, не люблю ли я Ефросимова? Кто прошептал: «Ох, этот Ефросимов!» Вот почему он стрелял в него! Искренно, искренно говорю при всех вас – (указывая на Ефросимова) – прелестный он. Он – тихий. Всем я почему-то пришиваю пуговицы, а у него сваливаются штаны! И вообще меня замучили! Перестреляйте все друг друга. Самое лучшее, – а вечером сегодня застрелюсь я. Ты, Адам, утром вчера спрашивал, не нравится ли мне Дараган, а ночью я хотела спать, а ты истязал меня вопросами, что я чувствую к Ефросимову... Сегодня ж днем этот черт Пончик-Непобеда...

Адам. Что сделал Пончик-Непобеда сегодня?

Ева. Он читал мне свой трижды проклятый роман, это – «зазвенело на меже». Я не понимаю: «Землистые лица бороздили землю». Мордой они, что ли, пахали? Я страдаю от этого романа! Замучили в лесу!

Пауза большая.

Ефросимов. Сейчас на океанах солнце, и возможно, что кое-где брюхом кверху плавают дредноуты. Но нигде не идет война. Это чувствуется по пению птиц. И более отравлять никого не нужно.

Маркизов. Петух со сломанной ногой – петух необыкновенного ума – не проявлял беспокойства и не смотрел в небо. Теория в том, что война кончилась.

Дараган. Кто поверил этой женщине, что я по личному поводу хотел убить Ефросимова?

Пауза.

Ефросимов. Никто.

Пауза.

Дараган. Аппарат, спасающий от газа, пять зажигательных бомб, пулемет – ну, и на том спасибо. Профессор! Когда восстановится жизнь в Союзе, ты получишь награду за это изобретение. (Указывает на аппарат.) О, какая голова! После этого ты пойдешь под суд за уничтожение бомб, и суд тебя расстреляет. Мы свидимся с тобой. Нас рассудят. (Смотрит на часы.) Час.

Адам. У кого есть текущие дела? Скорее. Коротко. Ему пора.

Маркизов. У меня есть заявление. (Вынимает бумагу, читает.) Прошу о переименовании моего имени Захар в Генрих.

Адам. Основание?

Маркизов. Не желаю жить в новом мире с неприличным названием – Захар.

Адам(в недоумении). Нет возражений? Переименовать.

Маркизов. Напиши здесь резолюцию.

Адам пишет. Маркизов прячет бумагу.

Дараган. Товарищи, до свидания. Через три часа я буду в Москве.

Ева. Мне страшно!

Дараган. Адам! (Пауза.) Если я буду жив, я ее более преследовать не стану. Я ее любил, она сказала правду. Но более не буду. А раз я обещал, я сделаю. Забудешь?

Адам. Ты обещал – ты сделаешь. Забуду. (Обнимает Дарагана.)

Дараган(смотрит на приемник). По радио, стало быть, известий не получите.

Пончик. Вот она стрельба!..

Дараган. Ждите меня или известий от меня каждые сутки, самое позднее через 20 дней, первого августа. Но все дни на аэродроме зажигайте костер с высоким дымом, а 1-го ну, скажем, еще 2, 3 августа ночью громадные костры. Но если 3 августа меня не будет, никто пусть более ни меня, ни известий от меня не ждет! Слушай пулеметную очередь, слушай трубу, смотри поворот Иммельмана!

Выбегает. За ним Адам и Пончик-непобеда.

Ефросимов. Ева! Ева!

Ева. Саша!

Ефросимов. Уйду от них сегодня же!..

Ева. Повтори. Ты уйдешь? Ничего не боишься здесь забыть? Нет, ты не уйдешь. Или уходи к черту! (Выходит. Выходит и Ефросимов.)

Маркизов(один). Вот оно что. (Пауза.) Снабдил черт валютой. (Пауза.) Генрих Маркизов. Звучит.

Загудел мотор на земле. Послышался трубный сигнал.

Полетел! Полетел! (Смотрит.) А, пошел! (Застучал пулемет вверх.) Так его, давай Москву, давай... (Схватывает гармонику.) Что делаешь? На хвосте танцует, на хвост не вались, ссыпешься, чемпион! Поворот Иммельмана! Нет, ровно пошел! (Зашипела и ударила одна ракета с аэродрома, потом другая.) Пошел, пошел, пошел. (Играет на

Занавес

Акт IV

Ночь на 10 августа перед рассветом. Вековые дубы. Бок шатра. Костер у шатра. Костры вдали на поляне. По веревочной лестнице с дуба спускается, ковыляя, Маркизов. В руке у него фонарь.

Маркизов. Охо-хо... (Берет тетрабочку и пишет у костра.) Тщетно дозорный Генрих вперял свои очи в тьму небес! Там ничего, кроме тьмы, он и не видел, да еще сычей на деревьях. Таким образом, надлежит признать, что храбрец погиб в мировых пространствах, а они были навеки заброшены в лесу! (Складывает тетрадь.) Не могу более переносить лесной скуки и тоски. Всем надлежит уйти отсюда на простор погубленного мира. (Заглядывает в шатер.) Эй, друг! Вставай, вставай!

Пончик(из шатра). Кто там? Что еще?

Маркизов. Это я. Генрих. Проснись!

Пончик(из шатра). Какой там, к бесу, Генрих? Я только что забылся, а тут эти Генрихи! (Выходит из шатра в одеяле, в котором проверчены дыры для рук.) Рано еще. Зачем нарушил мой покой?

Маркизов. Твоя очередь идти поддерживать огни.

Пончик. Я не хочу. (Пауза.) Да! Не хочу. Десятую ночь колония не спит, страдает, жжет смолистые ветви. Искры фонтанами с четырех углов!..

Маркизов. Верно! А днем жирный дым...

Пончик. Все это – демагогия и диктатура. Какое сегодня число? Какое?

Маркизов. Собственно говоря – воскресенье 9 августа.

Пончик. Врешь, врешь, сознательно врешь! Посмотри в небо!

Маркизов. Ну, что ж. Белеет небо.

Пончик. Уж час, как идет десятое число. Довольно! Дараган сказал четко – если я не вернусь через три недели, значит, 3 августа, стало быть, я вовсе не вернусь. Сегодня же десятое августа! Уж целую лишнюю неделю мы по вине Адама терпим мучения! Одна рубка чего стоит. Я больше не желаю!

Маркизов. Он заставит тебя. Он – главный человек.

Пончик. Нет! Хватит! Дудки! Не заставит. Утром, сегодня же потребую собрания и добьюсь решения о выходе колонии на простор. Посмотри, это что?

Маркизов. Ну что? Ну, паутина...

Пончик. Лес зарастает паутиной. Осень! Еще три недели, и начнет сеять дождь, потянет туманом, наступит холод. Как будем выбираться из чащи? А дальше? Куда? Нечего сказать, забрались в зеленый город на дачу! Адамкин бор! Чертова глушь!

Маркизов. Что ты говоришь, Павел! Ведь чума гналась за нами по пятам.

Пончик. Нужно было бежать на Запад, в Европу! Туда, где города и цивилизация, туда, где огни!

Маркизов. Какие ж тут огни! Все говорят, что там тоже горы трупов, морова язва и бедствия...

Пончик(оглянувшись). Ничего, решительно ничего неизвестно! (Пауза.) Это коммунистическое упрямство... Тупейшая уверенность в том, что СССР победит. Для меня нет никаких сомнений в том, что Дараган и погиб-то из-за того, что в одиночку встретил неприятельские силы – европейские силы! – и, конечно, ввязался в бой! Фанатик! Вообще они – фанатики!

Маркизов. Это что – фанатики? Объясни, запишу.

Пончик. Отстань ты! Хе! Коммунизм коммунизмом, а честолюбие! Охо-хо! Он Аса-Герра ссадил! Так теперь он чемпион мира. Где-то валяется наш чемпион... (Пауза.) Ах, как у меня болят нервы!

Маркизов. Выпьем коньячку!

Пончик. Ладно! Брр... Прохладно... Утро... утро. Безрадостный, суровый рассвет... (Плюет у костра в коньяк.)

Маркизов. Ну, как нервы?

Пончик. Нервы мои вот как. Все начисто ясно. Вот к чему привел коммунизм. Мы раздражили весь мир, то есть не мы, конечно, – интеллигенция, а они. Вот она, наша пропаганда, вот оно, уничтожение всех ценностей, которыми держалась цивилизация... Терпела Европа... Терпела-терпела да потом вдруг как ахнула!.. Погибайте, скифы! И был Дараган – и нет Дарагана! И не предвидится... И Захар Маркизов, бывший член союза, сидит теперь в лесу на суку, как дикая птица, как сыч, и смотрит в небеса.

Маркизов. Я Генрих, а не Захар! Это постановлено с печатью, и я просил не называть меня Захаром.

Пончик. Чего ты бесишься? А, все равно... Ну, да ладно. Глупая фантазия: Генрих, Генрих... Ну, ладно. Дошли до того, что при первом слове вгрызаются друг другу прямо в глотку!

Маркизов. Я равный всем человек, такой же, как и все! Нет теперь буржуев...

Пончик. Перестань сатанеть! Пей коньяк, Генрих IV! Слушай: был СССР и перестал быть. Мертвое пространство загорожено и написано: «Чума. Вход воспрещается». Вот к чему привело столкновение с культурой. Ты думаешь, я хоть на одну минуту верю тому, что что-нибудь случилось с Европой? Там, брат Генрих, электричество горит и по асфальту летают автомобили. А мы здесь, как собаки, у костра грызем кости и выйти боимся, потому что за реченькой – чума... Будь он проклят, коммунизм!

Маркизов. А кто это написал: «Ваня! Ваня! – зазвенело на меже»?.. Я думал, ты за коммунизм.

Пончик. Молчи, ты не разберешься в этих вопросах.

Маркизов. Верно, верно... Полевой змей! И, как змей, приютился ты у Адама за пазухой.

Пончик. Змей! Ты, серый дурак, не касайся изнасилованной души поэта!

Маркизов. Теперь все у меня в голове спуталось! Так за кого ж теперь – за коммунизм или против?

Пончик. Погиб он, слава тебе, Господи, твой коммунизм! И, даже погибнув, оставил нам фантазера в жандармском мундире...

Маркизов. Про кого? Ты хоть объясняй... Кто это?

Пауза. Издали послышались револьверные выстрелы. Пончик и Маркизов вскакивают.

Маркизов. Во! Ага! (Прислушиваются.)

Пончик. Ат... Не волнуйся, это упражнение в стрельбе. Спиритический сеанс: прародитель в пустое небо стреляет, покойников сзывает. (Кричит.) Зови! Зови! Нет Дарагана! Это рассвет десятого! Довольно! (Молчание.)

Маркизов. Змей, а змей? Я от тоски роман написал.

Пончик. Читай.

Маркизов(достает тетрадку, читает). «Глава первая. Когда народ на земле погиб и остались только Адам и Ева, и Генрих остался и полюбил Еву. Очень крепко. И вот каждый день он ходил к петуху со сломанной ногой разговаривать о Еве, потому что не с кем было разговаривать...»

Пончик. Дальше.

Маркизов. Все. Первая глава вся вышла.

Пончик. Ну, а дальше что?

Маркизов. А дальше идет вторая глава.

Пончик. Читай!

Маркизов(читает). «Глава вторая. „Ева! Ева!“ – зазвенело на меже...»

Пончик. Что такое? Вычеркни это сейчас же!

Маркизов. Ты говоришь – учись!

Пончик. Учись, но не воруй! И при этом какой это такой Генрих полюбил Еву? А тысяча долларов? (Прислушиваясь.) Стой, стой!

Маркизов(вскакивая). Гудит, ей-богу, гудит в небе...

Пончик. Ничего не гудит! В голове у тебя гудит...

Маркизов. Кто идет?

Пончик. Кто идет?

В лесу светлеет. Адам издали: «Кто у костра?»

Маркизов. Это мы.

Адам(выходя). Что ж, товарищ Непобеда, ты не идешь сменить профессора? Пора.

Пончик. Я не пойду.

Адам. Скверный пример ты подаешь, Непобеда!

Пончик. Я не крепостной твой, первый человек Адам!

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Адам. Я главный человек в колонии и потребую повиновения.

Пончик. Генрих! Ты здесь? Прислушайся. Когда главный человек начинает безумствовать, я имею право поднять вопрос о том, чтобы его не слушать! Ты утомляешь колонию зря!

Адам. В моем лице партия требует...

Пончик. Я не знаю, где ваша партия! Может, ее и на свете уже нет!

Адам(берется за револьвер). А-а! Если ты еще раз осмелишься повторить это...

Пончик(спрятавшись за дерево). Генрих! Ты слышишь, как мне угрожают? У самого револьвер найдется! Не желаю больше терпеть насилие!

Адам. Пончик! Ты сознательный человек, советский литератор! Не искушай меня, я устал! Иди поддерживать огонь!

Пончик(выходя из-за дерева). Я – советский литератор? Смотри! (Берет рукопись, рвет ее.) Вот вам землистые лица, вот пухлые щечки, вот князь Волконский-Барятинский! Смотрите все на Пончика-Непобеду, который был талантом, а написал подхалимский роман! (Маркизову.) Дарю тебе «зазвенело»! Пиши! Подчиняюсь грубой силе! (Уходит.)

Адам. Генрих, Генрих...

Маркизов. Ты б пошел заснул, а то ты вторую ночь ходишь!

Адам. Ты, может быть, поднимешься еще раз на дерево? А?

Маркизов. Я поднимусь. Я пойду на гору.

Адам. Как ты думаешь, Генрих, он прилетит?

Маркизов. Теоретически... может прилететь. (Уходит. Уходит и Адам.)

В лесу светлеет. Через некоторое время показывается Ефросимов. Совершенно оборван и в копоты. Проходит в шатер. Сквозь полосатый бок просвечивает лампа, которую он зажег. Пауза. Крадучись, выходит Ева. Она закутана в платок. В руках у нее котомка и плетенка.

Ева. Саша...

Отстегивается окно шатра, и в нем Ефросимов.

Ефросимов(протягивая руки). Ева! Не спишь?

Ева. Саша! потуши огонь. Совсем светло.

Ефросимов(потушив лампу). А ты не боишься, что Адам рассердится на тебя за то, что мы так часто бываем вдвоем?

Ева. Нет, я не боюсь, что Адам рассердится на меня за то, что мы часто бываем вдвоем. Ты умывался сейчас или нет?

Ефросимов. Нет. В шатре нет воды.

Ева. Ну, дай же я хоть вытру тебе лицо... (Нежно вытирает его лицо.) Сашенька,
Страница 164

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Сашенька! До чего же ты обносился и почернел в лесах!.. (Пауза.) О чем думал ночью? Говори!

Ефросимов. Смотрел на искры и отчетливо видел Жака. Думал же я о том, что я самый несчастливый из всех уцелевших. Никто ничего не потерял, разве что Маркизов ногу, а я нищий. Душа моя, Ева, смята, потому что я видел все это. Но хуже всего – это потеря Жака.

Ева. Милый Саша! Возможно ли это, естественно ли – так привязаться к собаке? Ведь это же обидно!

Тихо появляется Адам. Увидев разговаривающих, вздрагивает, затем садится на пеню и слушает их. Разговаривающим он не виден.

Ну, издохла собака, ну, что ж поделаешь! А тут в сумрачном проклятом лесу женщина, и какая женщина, – возможно, что и единственная – то во всем мире, вместо того, чтобы спать, приходит к его окну и смотрит в глаза, а он не находит ничего лучше, как вспоминать дохлого пса! О, горе мне, горе с этим человеком!

Ефросимов(внезапно обнимает Еву). Ева! Ева!

Ева. О, наконец-то, наконец-то он что-то сообразил!

Адам прикрывает глаза щитком ладони и покачивает головой.

Ева. Разве я хуже Жака? Человек влезает в окно и сразу ослепляет меня свечками, которые у него в глазах! И вот я уже знаю и обожаю формулу хлороформа, я, наконец, хочу стирать ему белье. Я ненавижу войну... Оказывается, мы совершенно одинаковы, у нас одна душа, разделенная пополам, и я, подумайте, с оружием отстаивала его жизнь! О, нет, это величайшая несправедливость предпочесть мне бессловесного Жака!

Ефросимов. О, Ева, я давно уже люблю тебя!

Ева. Так зачем же ты молчал? Зачем?

Ефросимов. Я сам ничего не понимал! Или, быть может, я не умею жить, Адам?.. Да, Адам!.. Он тяготит меня?.. Иль мне жаль его?..

Ева. Ты гений, но тупой гений! Я не люблю Адама. Зачем я вышла за него замуж? Зарежьте, я не понимаю. Впрочем, тогда он мне нравился... И вдруг катастрофа, и я вижу, что мой муж с каменными челюстями, воинственный и организующий. Я слышу – война, газ, чума, человечество, построим здесь города... Мы найдем человеческий материал! А я не хочу никакого человеческого материала, я хочу просто людей, а больше всего одного человека. А затем домик в Швейцарии и – будь прокляты идеи, войны, классы, стачки... Я люблю тебя и обожаю химию...

Ефросимов. Ты моя жена! Сейчас я все скажу Адаму... А потом что?

Ева. Провизия в котомке, а в плетенке раненый петух. Я позаботилась, чтобы тебе было с кем нянчиться, чтоб ты не мучил меня своим Жаком!.. Через час мы будем у машин, и ты увезешь меня...

Ефросимов. Теперь свет пролился на мою довольно глупую голову, и я понимаю, что мне без тебя жить нельзя. Я обожаю тебя.

Ева. Я женщина Ева, но он не Адам мой. Адам будешь ты! Мы будем жить в горах. (Целует его.)

Ефросимов. Иду искать Адама!..

Адам(входя). Меня не надо искать, я здесь.

Ева. Подслушивать нельзя, Адам! Это мое твердое убеждение. У нас нет государственных тайн. Здесь происходит объяснение между мужчиной и женщиной. И никто не смеет слушать! Притом у тебя в руке револьвер и ты пугаешь. Уходи!

Ефросимов. Нет, нет, Ева... У нас то и дело вынимают револьверы и даже раз в меня стреляли. Так что это уже перестало действовать.

Ева. Уходи!

Адам. Я не подслушивал, а слушал, и как раз то, что вы мне сами хотели сообщить. Револьвер всегда со мной, а сейчас я стрелял в память погибшего летчика, который никогда больше не прилетит. Он не прилетит, и ваши мученья закончены. Ты говоришь, что у меня каменные челюсти? Э, какая чепуха. У всех людей одинаковые челюсти, но вы полагаете, что люди только вы, потому что он возится с петухом. Но, видите ли, у нас мысли несколько пошире, чем о петухе! Впрочем, это не важно для вас. Это важно для убитого Дарагана. И он, знайте, герой! Ева, ты помнишь тот вечер; когда погибла и Аня, и Туллер, и другие? Вот до сих пор я носил в кармане билеты в Зеленый Мыс, вагон седьмой... Тут важен не петух, а то, что, какие бы у меня ни были челюсти, меня бросает одинокого в мире жена... Что с этим можно поделаться? Ничего. Получай билеты в Зеленый Мыс и уходи! Ты свободна.

Ева(всхлипнув). Адам, мне очень жаль тебя, но я не люблю тебя. Прощай!..

Адам. Профессор! Ты взял мою жену, а имя я тебе свое дарю. Ты – Адам. Одна только просьба: уходите сейчас же, мне неприятно будет, если сейчас придут Пончик и Маркизов. Но у машин подождите час. Я думаю, что они вас догонят. Уходите!

Ефросимов. Прощай!.. (Уходит с Евой.)

Адам берет трубу, трубит. Входят Маркизов и Пончик.

Товарищи! Объявляю вам, что по всем данным любимой мною горячо командир Дараган погиб. Но республика память о нем сохранит! Во всяком случае, вы свободны. Кто хочет, может уйти из лесу, если не боится чумы там. Кто хочет, может остаться со мною еще на некоторое время в этом городе... (Указывает на шатры.)

Пончик. А почему ты не объявляешь об этом и Ефросимову?

Адам. Ефросимов со своей женой Евой – мы разошлись с ней – уже ушли. Они на волчьей тропе...

Пончик делает тревожное движение.

...Нет, нет, не беспокойся. У машин они подождут вас.

Пончик. Я иду за ними!.. (Берет котомку, ружье, спешит.)

Адам. А ты, Генрих?

Маркизов. Я?..

Пончик. Генрих Хромой! Не давай ты себя обольщать глупостями! Ты что же это, в

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
лесного зверя хочешь превратиться?

Маркизов. Идем с нами, Адам. Тебе нельзя оставаться одному в лесу.

Адам. Почему?

Маркизов. Сопьешься. А!.. Ты не хочешь с Евой идти?

Пончик. Нет, он не хочет в сатанинской гордости признать себя побежденным! Он верит, что Дараган все-таки спустится к нему с неба. Ну, продолжай городить социалистические шалаши в лесах, пока не пойдет снег! Прощай! Генрих, идем!

Маркизов. Идем с нами!

Адам. Прощайте! Уходите!

Маркизов и Пончик уходят. Пауза.

Солнце. Обманывать себя совершенно не к чему. Ни огни, ни дым поддерживать больше не для кого. Но сейчас я не хочу ни о чем думать. Я ведь тоже человек и желаю спать, я желаю спать. (Скрывается в шатре.)

Пауза. Потом слышится, как гудит, подлетая, аэроплан, затем он стихает. Послышался грохот пулемета. Тогда из шатра выбегает Адам, он спотыкается, берется за сердце, не может бежать, садится... Послышался трубный сигнал и дальние голоса. Затем выбегает вируэс. Она в летном костюме. Сбрасывает шлем. Лицо ее обезображено одним шрамом.

Вируэс. Adam! Efrossimoff! (Увидев Адама.) Buenos días! O!e! O!e![9 - Адам! Ефросимов! Добрый день! Привет! Привет!]

Адам(хрипло). Не понимаю.. Кто вы такая?..

Вируэс. Escolta! (Указывает в небо.) Gobierna mundial. Soy aviador espanol!.. Oui est-ce que trouve Adam?[10 - Всемирное правительство. Испанский летчик!.. Где находится Адам?]

Слышен второй прилет. Адам берется за револьвер, отступает.

Вируэс. Non, non! Le ne suis pas ennemie fasciste! Etes-vous Adam?[11 - Нет, нет! Я не враг, не фашист! Вы Адам?]

Трубный сигнал.

Адам. Я - Адам. Я. Где Дараган? Ou est Daragane?[12 - Где Дараган?]

Вируэс. Daragane, viendra, viendra![13 - дараган придет, придет!]

В лесу Солнце. Выбегает Тимонеда. Жмет руку Адаму, сбрасывает шлем, жадно пьет воду, и тогда появляется Дараган.

Адам(кричит). Дараган! (Берется за сердце.)

Еще прилет, еще трубный сигнал.

Дараган. Жив первый человек?

Адам(припадает головой к Дарагану). Дараган! Дараган!

Дараган. Я опоздал, потому что был в бою на финистерре.

Зевальд(вбегая, кричит). Russen? noch![14 - Русские? ура!](Спрашивает у Дарагана.) Ist das Professor Efrossimoff?[15 - Это профессор Ефросимов?]

Дараган. Nein, nein.[16 - Нет, нет!] Это - Адам!

Зевальд. Adam! Adam![17 - Адам! Адам!](Жмет руку Адаму.)

Дараган. Где Ева? Где хромой?

Адам. Ты опоздал, и все не выдержали и ушли, а я остался один.

Дараган. И Ефросимов?

Адам. Ефросимов ушел с Евой. Она мне не жена. Я - один.

Дараган. По какой дороге?

Адам. По волчьей тропе, к машинам.

Дараган. Товарищ Павлов!..

Павлов. Я!

Дараган. Четыре путника на этой тропе! Вернуть их. Среди них Ефросимов!

Павлов убегает.

Дараган(внезапно, обняв Адама). Не горюй. Смотри, моя жена. Лежала и умирала, отравленная старуха, моя испанка, вся в язвах, далеко отсюда. (Вируэс.) Мария! Обнимитесь. Это Адам!

Вируэс. Abrazar![18 - Обнять!](Обнимает Адама.)

Адам вдруг плачет, уткнувшись в плечо Вируэс.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Дараган. Э... Э... Э...

Зевальд(подает Адаму воду). Э... э...

Адам(опускается на пень). Люди, люди... Подойди ко мне, Дараган... Москва, Дараган?

Дараган. Возвращаются. Идут с Урала таборами.

Адам. Сгорела?

Дараган. Выгорели только некоторые районы... от термитных бомб.

Адам. А задушили всех?

Зевальд. Nein, nein![19 – Нет, нет!]

Дараган. Нет, там травили не солнечным газом, а обыкновенной смесью. Тысяч триста погибло.

Адам(покачивает головой). Так...

Тут вбегают Маркизов и Пончик.

Маркизов(возбужденно). Люди! Иностранцы! (Декламирует.) Настал великий час!..

Дараган. Здорово, Генрих!..

Пончик. Победа! Победа! Мы победили, Дараган!

Послышалось тяжелое гудение вдали.

Дараган. Ну, вот и он летит. (Кричит.) К аппаратам!

Зевальд. Zu den Apparaten![20 – к аппаратам!](Убегает, убегает и Тимонеда.)

Адам. О, Пончик-непобеда! Пончик-непобеда!

Пончик. Товарищ Адам! У меня был минутный приступ слабости! Малодушия! Я опьянен, я окрылен свиданием с людьми! Ах, зачем, зачем я уничтожил рукопись! Меня опять зовет Аполлон!..

Маркизов. Акимович?!.

Пончик. Молчи, хромой!

Выходят Ева и Ефросимов. Ева ведет Ефросимова под руку. У Ефросимова в руке плетенка с петухом. Останавливаются в тени.

Адам. Мне тяжело их видеть.

Дараган. Иди на аэродром...

Адам уходит. Наступает молчание. Дараган стоите солнце. На нем поблескивает снаряжение. Ефросимов стоит в тени.

Дараган. Здравствуй, профессор.

Ефросимов. Здравствуй, истребитель. (Морщится, дергается.)

Дараган. Я не истребитель. Я – командир эскорта правительства всего мира и сопровождаю его в Ленинград. Истреблять же более некого. У нас нет врагов. Обрадую тебя, профессор: я расстрелял того, кто выдумал солнечный газ.

Ефросимов(поежившись). Меня не радует, что ты кого-то расстрелял!

Вирус(внезапно). Efrossimoff?[21 – Ефросимов?]

Дараган. Да, да, да – Ефросимов. Смотри на него. Он спас твою жизнь. (Указывает на аппарат.)

Вирус. Nombre genia!![22 – Гениальный человек!](Указывает на свой шрам.)

Ева. Саша! Умоляю, не спорь с ним, не раздражай его! Зачем? Не спорь с победителем! (Дарагану.) Какой ты счет с ним сводишь? Зачем нам преградили путь? Мы – мирные люди, не причиняем никому зла. Отпустите нас на волю!.. (Внезапно к Вирусу.) Женщина! Женщина! Наконец-то вижу женщину! (Плачет.)

Дараган. Успокойте ее, дайте ей воды. Я не свожу никаких счетов. (Ефросимову.) Профессор, тебе придется лететь с нами. Да, забыл сказать... ты сбил меня... я жалею, что стрелял в тебя, и, конечно, счастлив, что не убил. (Маркизову.) Спасибо тебе, Генрих!

Маркизов. Я понимаю, Господи! Я – человек ловкий! Скажи, пожалуйста, Дараган, как теперь с долларами будет?..

Пончик. Кретин! (Скрывается.)

Дараган. Какими долларами? Что ты, хромой?

Маркизов. Это я так... из любознательности. Змей! (Скрывается.)

Дараган(Ефросимову). Ты жаждешь покоя? Ну что же, ты его получишь! Но потрудись в последний раз. На Неве уже стоят гидропланы. Мы завтра будем выжигать по твоему способу кислородом пораженный город, а потом... живи где хочешь. Весь земной шар открыт, и визы тебе не надо.

Ефросимов. Мне надо одно – чтобы ты перестал бросать бомбы, – и я уеду в Швейцарию.

Слышен трубный сигнал, и в Лесу ложится густая тень от громадного воздушного корабля.

Дараган. Иди туда, профессор!

Ефросимов. Меня ведут судить за уничтожение бомб?

Дараган. Эх, профессор, профессор!.. Ты никогда не поймешь тех, кто организует человечество. Ну, что ж... Пусть по крайней мере твой гений послужит нам! Иди, тебя хочет видеть генеральный секретарь!

Занавес

Конец

Москва

22. VIII.31 г.

Война и мир[23 – Публикуется автограф пьесы, хранящийся в РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) ф. 369, ед. хр. 207, с учетом машинописного экземпляра, в котором есть полный список действующих лиц и деление на действия, отсутствующие в автографе (ф. 369, ед. хр. 208), по ксерокопии книги: Булгаков М. Кабала святош. М., 1991. Составители В. Лосев, В. Петелин. В публикуемый текст внесены исправления: вместо Адраскин – Апраксин, вместо Ростопчин – РаSTOPчин, как в «Войне и мире» Л. Н. Толстого. Над инсценировкой «Войны и мира» Булгаков начал работать сразу после окончания фантастической пьесы «Адам и Ева», заключив договор с Большим драматическим театром в Ленинграде. 30 августа 1931 года он писал Станиславскому: «Если только у Вас есть желание включить „Войну и мир“ в план работ Художественного театра, я был бы бесконечно рад предоставить ее Вам». Но в Театре все еще надеялись поставить «Бег» и «Кабалу святош», так что не торопились заключать договор. На одном из автографов инсценировки Булгаков оставил запись: «работу над инсценировкой Войны и Мира я начал 24-го сентября 1921 года... Но потом, увы, я бросил эту работу и возобновил ее только сегодня, 22 декабря 1931 г.» (Цитирую по Собранию сочинений в пяти томах, М., 1990, т. 3, с. 606, автор комментариев – Я. Лурье.) 27 февраля 1932 года Булгаков отправил пьесу в Ленинград. Но ответ был отрицательный: пьесу не приняли к постановке. Договор на инсценировку «Войны и мира» заключил и МХАТ 20 мая 1932 года. Немирович-Данченко писал О. Бокшанской: «Из старой литературы мне приятней всего думать о „Войне и мире“. Булгаков обещал, кажется, дать синопсис». Но МХАТ инсценировку не поставил, занятый постановкой инсценировки «Мертвых душ».]

Инсценированный роман Л. Н. Толстого в четырех действиях (тридцать сцен)

Действуют:

1. Чтец.
2. Графиня Елена Васильевна Безухова (Элен).
3. Граф Петр Кириллович Безухов (Пьер).
4. Князь Анатолий Васильевич Курагин (Анатолий).
5. Княжна Марья Николаевна Болконская (Марья).
6. Князь Андрей Николаевич Болконский (Андрей).
7. Князь Николай Андреевич Болконский (Болконский).
8. Графиня Наталья Ильинична Ростова (Наташа).
9. Графиня Ростова – мать (Графиня)
10. Граф Ростов – отец (Граф).

11. Граф Петр Ильич Ростов (Петя).
12. Граф Николай Ильич Ростов (Ростов).
13. Соня, племянница графа Ростова (Соня).
14. Император Александр I (Александр).
13. Растопчин.
16. Кутузов, светлейший князь.
17. Моряк-либерал.
18. Сенатор.
19. Апраксин, Степан Степанович.
20. Нехороший игрок.
21. Глинка, писатель.
22. Шиншин, московский остряк.
23. Ильин, гусарский офицер.
24. Принц Виртембергский.
23. Щербинин.
26. Ермолов.
27. Вольцоген, флигель-адъютант.
28. Раевский.
29. Кайсаров.
30. Адъютант Кутузова.
31. Другой адъютант.
32. Еще адъютант.
33. Незвестный адъютант.
34. Доктор.
35. Бледный офицер.
36. Майор.
37. Макар Алексеевич.
38. Человечек в вицмундире.
39. Марья Николаевна, потерявшая ребенка.
40. Красавица-армянка.
41. Старик.
42. Толь.
43. Болховитинов.
44. Генерал.

45. Денисов.
46. Долохов.
47. Эсаул.
48. Ливрейный лакей Ростовых.
49. Лаврушка, денщик Николая Ростова.
50. Тихон, камердинер Болконского.
51. Алпатыч.
52. Дуняша, горничная Болконской.
53. Дрон, староста.
54. Длинный мужик.
55. Один мужик.
56. Небольшой мужик.
57. Карп.
58. Круглолицый мужик.
59. Повар Кутузова.
60. Денщик Кутузова.
61. Черноволосый унтер-офицер.
62. Раненый солдат.
63. Фельдшер 1-й.
64. Фельдшер 2-й.
65. Солдат с котелком.
66. Берейтор.
67. Мавра Кузьминишна, ключница Ростовых.
68. Васильич, дворецкий Ростовых.
69. Буфетчик Ростовых.
70. Слуга Ростовых.
71. Почтенный камердинер Андрея.
72. Денщик бледного офицера.
73. Матрена Тимофеевна, шеф жандармов у Ростовых.
74. Горничная Ростовых.
75. Герасим, камердинер Баздеева.
76. Кухарка Баздеева.
77. Рябая баба.
78. Первый острожный.

79. Второй острожный.
80. Дворовый, лет 45.
81. Очень красивый мужик.
82. желтый фабричный.
83. Тихон, партизан.
84. Пленный русский солдат.
85. Каратаев.
86. Краснорожий мушкетер.
87. Востроносенький мушкетер.
88. Молодой мушкетер.
89. Плясун-мушкетер.
90. Старый мушкетер.
91. Фельдфебель I.
92. Фельдфебель II.
93. Песельник-мушкетер.
94. Вышедший мушкетер.
95. Откупщик.
96. Голова.
97. Наполеон.
98. Паж Наполеона.
99. Маршал Бертье.
100. Лелорм-Дидевиль, переводчик.
101. Адъютант Наполеона.
102. Граф Рамбаль.
103. Морель, денщик Рамбаля.
104. Маленький мародер, француз.
105. Мародер в капоте, француз.
106. Французский улан.
107. Французский улан-офицер.
108. Маленький человечек, француз.
109. Маршал Даву.
110. Адъютант Даву.
111. Первый французский синий солдат.
112. Второй французский синий солдат.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
113. Босс, барабанщик, француз.

114. Француз-конвоир.

115. Официант у Болконских.

Голос I.

Голос II.

Голос III.

Голос IV.

Голос V.

Действие происходит в 1812 году в России.

Действие I

Сцена I

Кабинет Пьера. Зимний вечер. Пьер входит. Тотчас открывается дверь, из салона выходит Элен. Слышатся глухо клавикорды.

Элен. Ah, Pierre! Ты не знаешь, в каком положении наш Анатоль!..

Пауза.

Пьер. Где вы – там разврат, зло! (В дверь.) Анатоль! Анатоль! Пойдемте, мне нужно поговорить с вами.

Элен. Si vous vous permettez dans mon salon...[24 – Ежели вы позволите себе в моей гостиной... (фр.) В дальнейшем перевод с французского языка не оговаривается. Перевод иностранного текста взят из романа Л.Н. Толстого «Война и мир». (Собр. соч.: в 22 т. М., 1980–1981. Т. 4–7.)]

Пьер. У... Вы больше чем когда-либо ненавистны мне!

Элен быстро выходит. Анатоль входит, в адъютантском мундире, с одной эполетой.
Пауза.

Вы, будучи женаты, обещали графине Ростовой жениться на ней и хотели увезти ее?

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Анатоль. Мой милый, я не считаю себя обязанным отвечать на допросы, делаемые в таком тоне.

Пьер схватывает Анатоля за глотку, душит его и рвет на нем воротник мундира.

Элен(появившись в дверях). Si vous vous...

Пьер(ей, бешено). У...

Элен скрывается и слушает.

(Вновь ухватив Анатоля.) Когда я говорю, что мне надо говорить с вами... Когда я говорю!.. (Выпускает Анатоля.)

Анатоль(с разорванным воротом). Ну, что, это глупо... А?

Пьер. Вы – негодяй и мерзавец, и я не знаю, что меня воздерживает от удовольствия разmozжить вам голову вот этим... (Схватывает со стола пресс-папье.) Обещали вы ей жениться?

Анатоль. Я, я не думал; впрочем, я никогда не обещался, потому что...

Пьер. Есть у вас письма ее? Есть у вас письма?

Анатоль достает письмо из бумажника. Пьер берет письмо, отталкивает стол, валится на диван. Анатоль испуган.

Je ne serai pas violent, ne craignez rien![25 – я ничего не сделаю, не бойтесь.]
Письма – раз. Второе – вы завтра должны уехать из Москвы.

Анатоль. Но как же я могу?..

Пьер. Третье – вы никогда ни слова не должны говорить о том, что было между вами и графиней. Этого, я знаю, я не могу запретить вам, но ежели в вас есть искра совести... Вы не можете не понять наконец, что кроме вашего удовольствия есть счастье, спокойствие других людей, что вы губите целую жизнь из-за того, что вам хочется веселиться. Забавляйтесь с женщинами, подобными моей супруге и вашей сестре. Они вооружены против вас тем же опытом разврата. Но обещать девушке жениться, обмануть, украсть! Как вы не понимаете, что это так же подло, как прибить старика или ребенка?

Анатоль. Этого я не знаю. А? Этого я не знаю и знать не хочу. Но вы сказали мне такие слова; подло и тому подобное, которые я, comme un homme d'honneur[26 – как честный человек.], никому не позволю... Хотя это и было с глазу на глаз, но я не могу...

Пьер. Что же, вам нужно удовлетворение?

Анатоль. По крайней мере вы можете взять назад свои слова. А? Ежели вы хотите, чтобы я исполнил ваши желания? А?

Пьер. Беру, беру назад. И прошу вас извинить меня. И денег, ежели вам нужно на дорогу.

Анатоль робко улыбается. Элен, успокоенная, выходит на сцену.

О, подлая, бессердечная порода!

Темно

Сцена II

Комната в доме князей Болконских в Москве. Входит Пьер, а навстречу ему княжна Марья. Пьер целует ей руку. За дверями слышится голос князя Андрея: «Судить человека в немилости очень легко и взваливать на него ошибки других; а я скажу, что ежели что-нибудь сделано хорошего в нынешнее царствование, то все хорошее сделано им, им одним... Сперанским!»

Марья(шепотом). Он сказал, что ожидал этого. Я знаю, что гордость его не позволит ему выразить своего чувства, но все-таки лучше, гораздо лучше он перенес это, чем я ожидала. Видно, так должно было быть...

Пьер. Но неужели все кончено?

Марья с удивлением смотрит на него, уходит.

Андрей(выходит, доказывая кому-то). И потомство отдаст ему справедливость... (Пьеру.) А! Ну ты как? Все толстеешь?

Пьер. А вы?..

Андрей. Да я здоров. (Пауза.) Прости меня, ежели я тебя утруждаю. (Достает письма из шкатулки.) Я получил отказ от графини Ростовой, и до меня дошли слухи об искании ее руки твоим шурином или тому подобное. Правда ли это?

Пьер. И правда и неправда.

Андрей. Вот ее письма и портрет. Отдай это графине, ежели ты увидишь ее.

Пьер. Она очень больна.

Пауза.

Пьер. Он давно уехал. (Пауза.) Она была при смерти.

Андрей. Очень сожалею об ее болезни. Но господин Курагин, стало быть, не удостоил своей руки графиню Ростову?

Пьер. Он не мог жениться, потому что он был женат.

Андрей(засмеялся). А где же он теперь находится, ваш шуринок, могу ли я узнать?

Пьер. Он уехал в Петер... Впрочем, я не знаю.

Андрей. Ну, да это все равно. Передай графине Ростовой, что она была и есть совершенно свободна и что я желаю ей всего лучшего.

Пауза.

Пьер. Послушайте, помните вы наш спор в Петербурге? Помните о...

Андрей. Помню. Я говорил, что падшую женщину надо простить, но я не говорю, что я могу простить. Я не могу.

Пьер. Разве можно это сравнивать?

Андрей. Да, опять просить ее руки, быть великодушным и тому подобное? Да, это очень благородно, но я не способен идти sur les brisees de monsieur...[27 - По следам этого господина...] Ежели ты хочешь быть моим другом, не говори со мной никогда про эту... про все это. Ну, прощай. Так ты передашь?

Пьер уходит.

(Один.) Мне не стоит, не стоит унижаться до столкновения с ним. Не стоит. Но я не могу не вызвать его, не могу, как не может голодный человек не броситься на пищу! Ах, Боже мой, Боже мой. И как подумаешь, что и кто – какое ничтожество может быть причиной несчастья людей!..

Дверь тихо открывается. Входит княжна Марья.

Марья. Andre, я понимаю, что ты разумеешь того человека, который погубил твое счастье. Andre, об одном я прошу, я умоляю тебя. Не думай, что горе сделали люди. Люди – орудие его (указывает вверх). Ежели тебе кажется, что кто-нибудь виноват перед тобой, забудь это и прости. Мы не имеем права наказывать. И ты поймешь счастье прощать!

Андрей(рассмеявшись). Ежели ты уговариваешь меня простить, значит, надо наказать. Наказать!

Темно

Сцена III

Зал в доме графов Ростовых. Вечер. В окне стоит комета. Наташа выходит к Пьеру.

Наташа. Петр Кириллыч, князь Болконский был вам друг. Он и есть вам друг. Он говорил мне тогда, чтобы обратиться к вам. Он теперь здесь; скажите ему, чтобы он... прост... простил меня.

Пьер. Да, я скажу ему, но...

Наташа. Нет, я знаю, что все кончено. Меня мучает только зло, которое я ему сделала. Скажите только ему, что я прошу его простить, простить меня за все.

Пьер. Я все скажу ему, но об одном я прошу вас – считайте меня своим другом и, ежели вам нужна помощь, совет, просто нужно будет излить свою душу кому-нибудь – не теперь, а когда у вас будет ясно в душе, – вспомните обо мне. (Целует ее руку.) Я счастлив буду, ежели в состоянии буду...

Наташа. Не говорите со мной так: я не стою этого! (Хочет уйти.)

Пьер(удержав ее за руку). Перестаньте, перестаньте, вся жизнь впереди для вас.

Наташа. Для меня? Нет! Для меня все пропало!

Пьер. Ежели бы я был не я, а красивейший, умнейший и лучший человек в мире и был бы свободен, я бы сию минуту на коленях просил руки и любви вашей.

Наташа плачет и уходит из комнаты.

Куда? Куда же можно ехать теперь? Неужели в клуб или в гости? Все люди так жалки и бедны в сравнении с тем благодарным взглядом, которым она взглянула на меня. (Подходит к окну.) Комета! комета! Да, комета... (Уходит.)

Чтец(выходя в дом Ростовых). Огромное пространство звездного темного неба открылось глазам Пьера. Почти в середине этого неба над Пречистенским бульваром, окруженная, обсыпанная со всех сторон звездами, но отличаясь от всех близостью к земле, белым светом и длинным, поднятым кверху хвостом, стояла огромная яркая комета 1812 года: та самая комета, которая предвещала, как говорили, всякие ужасы и конец света. Но в Пьере светлая звезда эта с длинным лучистым хвостом не возбуждала никакого страшного чувства. Напротив, Пьер радостно, мокрыми от слез глазами, смотрел на эту светлую звезду, которая как будто, с невыразимой быстротой пролетев неизмеримые пространства по параболической линии, вдруг, как вонзившаяся стрела в землю, вцепилась тут в одно избранное ею место на черном небе и остановилась, энергично подняв кверху хвост...

Пьеру казалось, что эта звезда вполне отвечала тому, что было в его расцветшей к новой жизни, размягченной и ободренной душе.

Темно

Сцена IV

В темноте слышен церковный хор.

Чтец. В 1812 году силы Западной Европы перешли границы России, и началась война, то есть совершилось противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие. Миллионы людей совершали друг против друга такое бесчисленное количество злодеяний, обманов, измен, воровства, подделок и выпуска фальшивых ассигнаций, грабежей, поджогов и убийств, которого в целые века не соберет летопись всех судов мира и на которые, в этот период времени, люди, совершавшие их, не смотрели как на преступления.

Домовая церковь Разумовских. Толпа молящейся знати.

Голос I. Сам государь приезжает из армии в Москву.

Голос II. Смоленск-то, говорят, сдан.

Голос III. Только чудо, о Господи, может спасти Россию!

Входят Наташа, Графиня-мать, Ливрейный лакей.

Голос I. Это Ростова, та самая... Курагин-то...

Голос II. Как похудела, а все-таки хороша.

Голос IV за сценой: «Миром Господу помолимся!»

Наташа. Миром все вместе, без различия сословий, без вражды, а соединенные братской любовью будем молиться!..

Хор. Голос IV: «О ненавидящих нас и врагах наших Господу помолимся!»

Это о князе Андрее. Молюсь за то, чтобы Бог простил то зло, которое я ему сделала.

Хор. Голос IV: «О ненавидящих нас и врагах наших Господу помолимся».

Кто враг? Это Анатолий, сделавший мне зло. Молюсь за него радостно как за врага.

Хор. Голос IV: «Сами себя и живот наш Христу-Богу предадим!»

Боже мой! Предаю себя твоей воле. Ничего не хочу, не желаю: научи меня, что мне делать! Возьми меня, возьми меня!

Хор.

Графиня. Боже мой, Боже мой! Помоги моей дочери!

Неожиданно наступает тишина. Все становятся на колени.

Голос V за сценой: «Господи Боже сил, Боже спасения нашего! Пощади и помилуй нас! Се враг, смущая землю твою и хотяя положить вселенную пусту, восста на ны; еже погубити достояние твое, возлюбленную твою Россию! Владыко Господи! Укрепи силою твоею благочестивейшего самодержавнейшего государя нашего Александра Павловича! Порази враги наши и сокруши их под ноги верных твоих вскоре! Ты бо еси помощь и победа уповающих на тя, и тебе славу воссылаем, отцу и сыну и святому духу и ныне и присно и во веки веков».

Хор. Аминь!

Толпа двинулась в глубь церкви.

Наташа(одна). Но я не могу молиться о попрании под ноги врагов своих, когда я за несколько минут перед этим молилась за них! О, ужас перед наказанием людей за их грехи! Это за мои грехи! Боже, прости их всех и меня и дай спокойствие и счастье в жизни! Бог слышит мою молитву!

Хор поет громогласно концерт: «Владыко Господи, услыши нас, молящихся тебе!»

Темно

Сцена V

В темноте затихает хор.

Чтец(выходя). С того дня, как Пьер, уезжая от Ростовых и вспоминая благодарный взгляд Наташи, смотрел на комету, стоящую на небе, и почувствовал, что для него открылось что-то новое, – вечно мучивший его вопрос о тщете и безумности всего земного перестал представляться ему. Этот страшный вопрос: зачем? к чему? – теперь заменился для него не другим вопросом и не ответом на прежний вопрос, а представлением ее. Ну, и пускай такой-то обокрал государство и царя, а государство и царь воздают ему почести; а она вчера улыбнулась мне и просила приехать, и я люблю ее, и никто никогда не узнает этого!..

Хор постепенно сменяется голосом Наташи, которая поет:

...Что и она, рукой прекрасной
По арфе золотой бродя,
Своей гармониею страстной
Зовет к себе, зовет тебя!..

Сцена представляет зал в доме Ростовых. Наташа поет. Пьер открывает дверь, входит.

Наташа. Я хочу попробовать опять петь. Все-таки это занятие.

Пьер. И прекрасно.

Наташа. Как я рада, что вы приехали. Я нынче так счастлива. Вы знаете, Nicolas получил Георгиевский крест. Я так горда за него. (Пауза.) Граф! Что это, дурно, что я пою?

Пьер. Нет... Отчего же... напротив. Но отчего вы меня спрашиваете?

Наташа. Я сама не знаю. Но я ничего бы не хотела сделать, что бы вам не нравилось. Я вам верю во всем. Вы не знаете, как вы для меня важны и как много вы для меня сделали. (Пауза. Шепотом.) Он, Болконский... он в России и опять служит командиром егерского полка. (Пауза.) Как вы думаете, простит он меня когда-нибудь? Не будет он иметь против меня злого чувства? Как вы думаете?

Пьер. Я думаю... Ему нечего прощать... Ежели бы я был на его месте...

Наташа. Да вы – вы, вы – другое дело. Добрее, великодушнее, лучше вас я не знаю человека, и не может быть. Ежели бы вас не было тогда, да и теперь, я не знаю, что бы было со мною, потому что... (Заплакала, потом запела и ушла.)

Пьер остался один, задумавшись. Дверь тихонько открывается, входит Петя.

Петя. Петр Кириллыч, а Петр Кириллыч?..

Пьер молчит.

Петр Кириллыч!..

Пьер. А, ну?..

Петя. Ну что мое дело, Петр Кириллыч, ради Бога. Узнали – примут меня в гусары? Одна надежда на вас.

Пьер. Ах, да, твое дело. В гусары-то? Скажу, скажу. Нынче скажу все.

Петя убегает.

Граф(входя). Ну что, mon cher[28 – милый.], ну что, достали манифест?

Пьер. Достал. Завтра государь будет... Необычайное дворянское собрание, и, говорят, по десяти с тысячи набор. Да, поздравляю вас.

Граф. Да, да, слава Богу. Ну, а из армии что?

Пьер. Наши опять отступили. Под Смоленском уже, говорят.

Граф. Боже мой, Боже мой! Где же манифест?

Пьер. Воззвание? Ах, да... (Хлопает по карманам.)

Графиня входит.

(Целует ей руку.) Ma parole, je ne sais plus ou je l'ai fourre[29 – Ей-богу, не знаю, куда я его дел.].

Графиня. Ну, уж вечно растеряет все!

Наташа входит.

Пьер. Ей-богу, я съезжу, я дома забыл. Непременно. Ах, и кучер уехал!..

Соня за сценой: «Бумага здесь! За подкладкой шляпы». Входит.

Граф. Ну, Соня, ты мастерица...

Соня разворачивает манифест. Входит Шиншин, здоровается.

Ну, mon cher, какие новости?..

Шиншин. К графу Растопчину привели какого-то немца и объявили, что это шампиньон! Но граф велел его отпустить, сказав народу, что это не шампиньон, а просто старый гриб-немец!

Граф. Хватают, хватают. Я графине и то говорю, чтобы поменьше говорила по-французски. Теперь не время.

Шиншин. А слышали? Князь Голицын русского учителя взял. По-русски учится. II commence a devenir dangereux de parler français dans les rues![30 - Становится опасным говорить по-французски на улицах.]

Граф. Ну, что ж, граф Петр Кириллыч, как ополчение-то собирать будут, и вам придется на коня?

Пьер(задумчиво). Да, да, на войну. Нет! Какой я воин! А впрочем, все так странно, так странно! Да я и сам не понимаю. Я не знаю, я так далек от военных вкусов, но в теперешние времена никто за себя отвечать не может.

Граф. Ну, Соня, ну...

Соня(читает). «Первопрестольной столице нашей Москве. Неприятель вошел с великими силами в пределы России. Он идет разорять любимое наше отечество. Мы не умедлим сами стать посреди народа своего в сей столице и в других государства нашего местях для совещания и руководства всеми нашими ополчениями, как ныне преграждающими пути врагу, так и вновь устроенными на поражение оного везде, где только появится. Да обратится погибель, в которую он мнит низринуть нас, на главу его, и освобожденная от рабства Европа да возвеличит имя России!..»

Граф. Вот это так? Только скажи государь, мы всем пожертвуем и ничего не пожалеем!

Наташа. Что за прелесть этот папа! (целует отца.)

Шиншин. Вот так патриотка!

Наташа. Совсем не патриотка, а просто... вам все смешно, а это совсем не шутка!..

Граф. Какие шутки! Только скажи он слово, мы все пойдем... Мы не немцы какие-нибудь.

Пьер. А заметили вы, что сказано «для совещания»?

Граф. Ну уж там для чего бы ни было.

Дверь открывается, и торжественно появляется Петя.

Петя. Ну, теперь, папенька, я решительно скажу, и маменька тоже, как хотите. Я решительно скажу, что вы пустите меня в военную службу, потому что я не могу... вот и все...

Графиня(всплеснув руками). Вот и договорился.

Граф. Ну, ну. Вот воин еще! Глупости ты оставь: учиться надо!

Петя. Это не глупости, папенька. Оболенский Федя моложе меня и тоже идет, а главное, все равно я ничему не могу учиться теперь, когда... когда отечество в опасности!

Граф. Полно, полно, глупости...

Петя. Да ведь вы сами сказали, что всем пожертвуем.

Граф. Петя! я тебе говорю, замолчи!..

Графиня выходит взволнованная, за ней Соня.

Петя. А я вам говорю... Вот и Петр Кириллович скажет.

Граф. Я тебе говорю – вздор, еще молоко не обсохло, а в военную службу хочет! Ну, ну, я тебе говорю. (Пьеру и Шиншину.) Пойдемте покурить...

Пьер. Нет, я, кажется, домой пойду... Дела...

Граф. Ну так до свидания... (Уходит, спасаясь от Пети, в сопровождении Шиншина.)

Петя. Федя Оболенский... отечество в опасности. Оболенский Федя... (Уходит и начинает плакать.)

Наташа. Отчего вы уезжаете? Отчего вы расстроены? Отчего?

Чтец. «Оттого, что я тебя люблю!» – хотел он сказать, но он не сказал этого, до слез покраснел и опустил глаза.

Пьер. Оттого, что мне лучше реже бывать у вас... Оттого... нет, просто у меня дела...

Наташа. Отчего? Нет, скажите.

Пьер молча целует руку и уходит.

Сцена VI

Слободской дворец. Толпа дворян в мундирах.

Моряк-либерал. Что ж, смоляне предложили ополченцев госуаю. Разве нам смоляне указ. Ежели буародное дворянство Московской губернии найдет нужным, оно может выказать свою преданность государю императору другими средствами. Разве мы забыли ополчение в седьмом году! Только что нажились кутейники да воры-грабители. И что же, разве наши ополченцы. составили пользу для государства? Никакой! Только раззорили наши хозяйства! Лучше еще набор, а то вернется к вам ни солдат, ни мужик, и только один разврат. Дворяне не жалеют своего живота, мы сами поголовно пойдем, возьмем еще рекрут, и всем нам только клич кликни госуай – мы все умрем за него!

Сенатор(шамкая). Я полагаю, милостивый государь, что мы призваны сюда не для того, чтобы обсуждать, что удобнее для государства в настоящую минуту – набор или ополчение. Мы призваны для того, чтобы отвечать на то воззвание, которым нас

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
удостоил государь император. А судить о том, что удобнее – набор или ополчение,
мы представим судить высшей власти!

Пьер. Извините меня, ваше превосходительство, хотя я не согласен с господином...
que je n'ai pas l'honneur de connaître[31 – которого я не имею чести знать.], но
я полагаю, что, прежде чем обсуждать эти вопросы, мы должны спросить у государя,
почтительнейше просить его величество коммуницировать нам, сколько у нас войска,
в каком положении находятся наши войска и армии, и тогда...

Степан Степанович Апраксин(в мундире). Во-первых, доложу вам, что мы не имеем
права спрашивать об этом государя, а во-вторых, ежели бы было такое право у
российского дворянства, то государь не может нам ответить! Войска движутся
сообразно с движениями неприятеля...

Нехороший игрок. Да и не время рассуждать, а нужно действовать: война в России!
Враг наш идет, чтобы погубить Россию, чтобы поругать могилы наших отцов, чтобы
увести жен, детей! Мы – русские и не пожалеем своей крови для защиты веры,
престола и отечества. А бредни надо оставить. Мы покажем, как Россия восстает за
Россию!

Крики: «Вот это так! Это так!»

Пьер. Mon tres honorable preopinant...[32 – мой много уважаемый оппонент.]

Глинка. Ад должно отражать адом. Я видел ребенка, улыбающегося при блеске молнии
и при раскатах грома, но мы не будем этим ребенком.

Апраксин. Да, да, при раскатах грома.

Граф. Вот это так!

Игрок. При раскатах грома!

Пьер. Я сказал только, что нам удобнее было бы...

Апраксин. Москва будет искупительницей!..

Глинка. Он враг человечества.

Пьер. Позвольте мне говорить!..

Апраксин. Враг человечества!

Пьер. Господа! Вы меня давите!!

Вдруг тишина.

Растопчин. Государь император будет сейчас. Я полагаю, что в том положении, в
котором мы находимся, судить много нечего. Государь удостоил собрать нас и
купечество. Оттуда польются миллионы, а наше дело выставить ополченцев и не
щадить себя. Это меньшее, что мы можем сделать... (Проходит.)

Сенатор. Подобно смолянам по десять человек с тысячи и полное обмундирование...

Апраксин. И я того же мнения.

Игрок. Согласен!

Голос. Государь, государь!

Тишина.

Александр(войдя). Господа... Государство в опасности, и надежды я возлагаю на московское дворянство...

Апраксин. Государь! Государь! Только что состоялось постановление дворянства. Жертвуем по десять человек с тысячи и обмундирование!..

Александр. Господа, никогда я не сомневался в усердии русского дворянства. Но в этот день оно превзошло мои ожидания. Благодарю вас от лица отечества! Господа – будем действовать, время всего дороже!..

Крики: «Государь! Государь!» Александр проходит в соседний зал.

Граф. Да всего дороже... царское слово!..

Гул.

Апраксин. Граф Мамонов жертвует полк!

Крики из зала купечества. Выходит Александр, плача, а с ним рядом идут Растопчин, Откупщик и Голова.

Откупщик(плача). И жизнь и имущество возьми, ваше величество!

Все устремляются вслед за уходящим Александром.

Пьер(Ростопчину). Я отдаю тысячу человек, и их содержание!

Граф(один, плачет). Всего дороже... Всего дороже.

Дверь открывается, появляется Петя. Воротнички на нем размокли, платье разорвано, бледен, в руках бисквит.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
(Глянув на Петю, всплескивает руками.) Господи! Откуда ты?

Петя. Я был в Кремле... хотел сказать государю, что молодость не может быть препятствием для преданности... но толпа, папенька... неожиданно получил такой удар по ребрам, что в глазах все помутилось...

Граф. Да ведь эдак до смерти раздавить можно!.. Как скатерть белый стал!..
(Вопросительно смотрит на бисквит.)

Петя. Государь стал кидать бисквиты с балкона.

Молчание.

Решительно и твердо объявляю, что ежели меня не пустят – убегу. (Крестится.)
Убегу!

Граф. Сам... сам поеду... сам тебя запишу!..

Темно

Конец первого действия

Действие II

Сцена VII

Курган. Будет гроза. На кургане на складном стуле сидит Наполеон. Одна нога его на барабане. Перед Наполеоном неподвижно Паж на коленях. Наполеон, положив на его плечо подзорную трубу, смотрит вдаль. Слышна очень далекая музыка (под курганом идут несметные полки) и время от времени далекий вой тысяч людей: «Vive l'Empereur!..»[33 – Да здравствует император!] На холме более нет никого. На курган поднимается маршал Бертье.

Наполеон(опустив трубу). Eh bien?[34 – ну?]

Бертье. Un cosaque de Pлатow...[35 – Платовский казак.]

Чтец ...говорит, что корпус Платова соединяется с большой армией, что Кутузов назначен главнокомандующим.

Бертье. Tres intelligent et bavard.[36 – Очень умный и болтун.]

Чтец. Наполеон велел привести казака к себе.

Бертые уходит.

Лаврушка, денщик Николая Ростова, напившись пьян и оставивший барина без обеда, был высечен накануне и отправлен в деревню за курами, где он увлекся мародерством и был взят в плен французами. Лаврушка был один из тех грубых, наглых лакеев, выдавших всякие виды, которые считают долгом все делать с подлостью и хитростью, которые готовы служить всякую службу своему барину и которые хитро угадывают барские дурные мысли, в особенности тщеславие и мелочность.

Попав в общество Наполеона, которого личность он очень хорошо и легко признал, Лаврушка нисколько не смутился и только старался от всей души заслужить новым господам.

На курган поднимаются Бертые, Лелорм-Дидевиль и Лаврушка.

Наполеон(с акцентом). Вы казак?

Лаврушка. Казак-с, ваше благородие.

Чтец. Наполеон спросил его, как же думают русские, победят они Бонапарта или нет?

Наполеон делает жест.

Лелорм-Дидевиль(с акцентом). Вы... как думает... вы... молодой казак... Победят русски Бонапарт... Нет?

Лаврушка(помолчав). Оно значит: коль быть сраженью, и вскорости, то ваша возьмет. Это так точно. Ну, а коли пройдет три дня, а после того самого числа, тогда, значит, это самое сраженье в оттяжку пойдет.

Лелорм-Дидевиль. Si la bataille est donnee avant trois jours, les Français la gagneraient, mais que si elle serait donnee plus tard, Dieu sait ce qui en arriverait.[37 - Ежели сражение произойдет прежде трех дней, то французы выиграют его, но ежели после трех дней, то Бог знает, что случится.]

Чтец. Наполеон велел повторить себе эти слова.

Лелорм-Дидевиль(Лаврушке). Повторит.

Чтец. Лаврушка, чтобы развеселить Наполеона, сказал, притворяясь, что не знает, кто он...

Лаврушка. В оттяжку, говорю, сраженье пойдет, ваше благородие... Знаем, у вас есть Бонапарт, он всех в мире побил, ну да об нас другая статья...

Чтец. Переводчик передал эти слова Наполеону без окончания, и Бонапарт улыбнулся.

Бертые(Дидевилю). Le jeune cosaque fit sourire son puissant interlocuteur.[38 - Молодой казак заставил улыбнуться своего могущественного собеседника.]

Лелорм-Дидевиль. Oui.[39 - да.]

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Чтец. Наполеон сказал, что он хочет испытать действие, которое произведет sur
cet enfant du Don, известие о том, что тот человек, с которым говорит этот
enfant du Don (то есть дитя Дона), и есть тот самый император, который написал
на пирамидах бессмертно-победоносное имя.

Лелорм-Дидевиль (Лаврушке). Казак! Этот человек самый император, который писал
пирамидах бессмертно.

Чтец. Лаврушка, чтобы угодить новым господам, тотчас же притворился изумленным,
ошеломленным и сделал такое же лицо, которое ему привычно было, когда его водили
сечь. Наполеон, наградив казака, приказал дать ему свободу, как птице, которую
возвращают ее родным полям.

Наполеон ...donner la liberte, comme a oiseau qu'on rend aux champs, qui l'ont vu
naître! [40 - ...дать ему свободу, как птице, которую возвращают ее родным полям!]

Бертье дает Лаврушке деньги.

Лаврушка. Покорнейше благодарю, ваше сиятельство!

Лелорм-Дидевиль. Император дает свободу вам, казак! Вы как птица родные поля!

Грозное потемнение. Гремит. Наполеон, Бертье, Лелорм-Дидевиль и Паж
закутываются в плащи и покидают холм.

Лаврушка(один). Анфан дю Дон!

Темно.

Сцена VIII

Лето. Терраса с колоннами в имении князя Болконского. На террасе в кресле
полураздетый князь Николай Андреевич.

Болконский(страдальчески). Ну, наконец все переделал, теперь отдохну. Ох, как
тяжело! Ох, хоть бы поскорее кончились эти труды, и вы бы отпустили меня!
(Пауза.) Нет! Нет покоя, проклятые! Да, да, еще что-то важное было, очень
что-то важное я приберег себе. Задвижки? Нет, про это сказал. Нет, что-то такое,
что в гостиной было. Княжна Марья что-то врала. Десаль – этот дурак – говорил. О
кармане что-то, не вспомню. Тишка! О чем за обедом говорили?

Тихон(появляясь). О князе Михайле!

Болконский. Молчи! Молчи! (Пауза.) Да, знаю. Княжна Марья читала... Десаль что-то

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru про Витебск говорил... Французы разбиты, при какой это реке?... Дальше Немана никогда не проникнет неприятель. При ростепели снегов потонут в болотах Польши... (Становится беспокоен, ищет на столике, находит письмо, читает, меняется в лице, начинает понимать.) Что?.. Французы в Витебске, через четыре перехода они могут быть в Смоленске?.. Может быть, они уже там? Тишка! Тишка!..

Тихон подходит. Послышался стук кибиточки, перед террасой появляется Алпатыч в пыли. Дверь на террасу открывается, из дому беспокойно выходит княжна Марья.

Что?

Алпатыч. Ваше... ваше сиятельство! Смоленск... Или уже пропали мы? (Подает Марье письмо.) От князя Андрея...

Болконский. Читай!..

Марья(читает). Смоленск сдают. Уезжайте сейчас же в Москву...

Молчание.

Алпатыч. Или уж пропали мы?

Болконский(подымаясь). Собрать из деревень ополчение, вооружить их! Главнокомандующему напишу, что остаюсь в Лысых Горах до последней крайности и защищаюсь! Княжну Марью с маленьким князем и Десалем отправить в Москву!

Марья. Я не поеду, топ pere[41 - Батюшка.]

Болконский. Что?!. Измучила меня! Поссорила с сыном! Отравила жизнь! Вон! Не хочу знать о существовании, не смей попадаться мне на глаза!

Марья. Не поеду, батюшка, не оставлю вас одного.

Болконский. Тишка! Мундир мне с орденами, я еду к главнокомандующему!

Тихон убегает в дом.

Его рассмотрение – принять или не принять меры для защиты Лысых Гор, в которых будет взят в плен один из старейших русских генералов!..

Марья плачет. Тихон вносит мундир, надевает на Болконского. Болконский делает несколько шагов, но вдруг падает на руки Тихону и Алпатычу.

Марья. О, Боже! Дуняша! Дуняша! Доктора!

Болконский(в кресле). Гаг... бо...

Марья. Душа болит? Душа?

Болконский. Душенька!.. Спасибо тебе, дочь... Дружок... За все, за все... Прости...
Позовите Андрюшу! Где же он?..

Марья. Он в армии, топ реге, в Смоленске.

Болконский. Да. Погибла Россия. Погубили!.. (Умолкает.)

Марья зарыдала.

Дуняша. Княжна! Княжна!

Алпатыч. Воля Божья совершается...

Марья. Оставьте меня! Это неправда! Неправда!

Темно

Сцена IX

Та же терраса.

Алпатыч. Ты, Дронушка, слушай! Ты мне пустого не говори. Его сиятельство князь Андрей Николаевич сами мне приказали, чтобы весь народ отправить и с неприятелем не оставаться, и царский на то приказ есть. А кто остается, тот царю изменник. Слышишь?

Дрон. Слушаю.

Алпатыч. Эй, Дрон, худо будет.

Дрон. Власть ваша. (Пауза.)

Послышался дальний гул орудий, а затем пьяные песни мужиков.

Яков Алпатыч! Уволь! Возьми от меня ключи, уволь, Христа ради!

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Алпатыч. Оставь! Под тобой насквозь на три аршина вижу! Что вы это вздумали? А?

Дрон. Что мне с народом делать? Взбуровило совсем.

Алпатыч. Пьют?

Дрон. Весь взбуровился, Яков Алпатыч. Другую бочку привезли.

Алпатыч. Чтобы подводы были! (Уходит в дом.)

Дрон уходит. Пауза. Затем выходят к террасе двое длинных мужиков. Пьяны. Послышался топот лошадей. Слышно, как за сценой слезают. Входят Николай Ростов, Ильин и Лаврушка.

Ильин. Ты вперед взял!

Ростов. Да, все вперед, и на лугу вперед, и тут. Лаврушка. А я на французской, ваше сиятельство. Перегнал бы, да только срамить не хотелось.

Входят мужики.

Ростов (глядя на пьяных). Молодцы! Что, сено есть?

Ильин. И одинакие какие!

Длинный мужик. Развесе...о...оо...олая бе... се... бе... е...се...

Один мужик. Вы из каких будете?

Ильин. французы. (Указывая на Лаврушку.) Вот и Наполеон сам.

Один мужик. Стало быть, русские будете?

Небольшой мужик. А много вашей силы тут?

Ростов. Много, много. Да вы что ж собрались тут? Праздник, что ли?

Небольшой мужик. Старички собрались по мирскому делу.

Дуняша выходит из дома на террасу.

Ильин. В розовом. Моя. Чур, не отбивать!

Лаврушка. Наша будет.

Дуняша. Княжна приказала спросить, какого вы полка и как ваша фамилия?

Ильин. Это – граф Ростов, эскадронный командир, а я ваш покорный слуга.

Длинный мужик. Бе...се...душ...ка...

Дуняша скрывается в доме. Там послышались голоса. Выходит Алпатыч.

Алпатыч. Осмелюсь беспокоить, ваше благородие. Моя госпожа, дочь скончавшегося генерал-аншефа князя Николая Андреевича Болконского, находясь в затруднении по случаю невежества этих лиц... просит вас пожаловать...

Длинный мужик. А! Алпатыч... А, Яков Алпатыч... Важно... Прости, ради Христа... Важно... А?

Ростов улыбается.

Алпатыч. Или, может, это утешает ваше сиятельство?

Ростов(на террасе). Нет, тут утешенья мало. В чем дело?

Алпатыч(шепотом). Осмелюсь доложить вашему сиятельству, что грубый народ здешний не желает выпустить госпожу из имения и угрожает отпрячь лошадей, так что с утра все уложено, и ее сиятельство не может выехать.

Ростов. Не может быть!

Алпатыч. Имею честь докладывать вам сущую правду.

Дверь на террасу отворяется, и Дуняша выпускает княжну Марью. Та в трауре.

Дуняша. Батюшка. Бог тебя послал!

Ростов. Княжна...

Марья. Это случилось на другой день после похорон отца... Но не примите мои слова за желание разжалобить вас...

Ростов. Не могу выразить, княжна, как я счастлив тем, что я случайно заехал сюда и буду в состоянии показать вам свою готовность. Извольте ехать, и я отвечаю вам своей честью, что ни один человек не посмеет сделать вам неприятность...

Марья. Я очень благодарна вам, но надеюсь, что все это было только недоразумением и что никто не виноват в этом. (Заплакала.) Извините меня. (Уходит в сопровождении Дуняши в дом.)

Ростов(на террасе, один). Беззащитная, убитая горем девушка... И какая странная судьба натолкнула меня сюда... И какая кротость, благородство в ее чертах...

Ильин. Ну что, мила? Нет, брат, в розовом моя прелесть...

Ростов. Я им покажу, я им задам, разбойникам!..

Алпатыч. Какое решение изволили принять?

Ростов. Решенье? Какое решенье? Старый хрыч! Ты чего смотрел? А? Мужики бунтуют, а ты не умеешь справиться? Ты сам изменник! Знаю я вас, шкуру спущу со всех!

Алпатыч. Мужики в закослелости, неблагоприятно противоборствовать им, не имея военной команды...

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Ростов. Я им дам воинскую команду... Я их попротивоборствую!.. Эй! Кто у вас староста тут?

Карп. Староста-то? На что вам?

Ростов(дав в ухо Карпу). Шапки допой, изменники! Где староста?

Один мужик. Старосту, старосту кличет. Дрон Захарыч, вас...

Карп. Нам бунтовать нельзя... Мы порядки блюдем...

Небольшой мужик. Как старички порешили, много вас, начальства!

Ростов. Разговаривать? Бунт! Изменники! Вяжи его!

Ильин. Вяжи его!

Лаврушка(схватив Карпа). Прикажете наших из-под горы кликнуть?

Ростов. Староста где?

Дрон выходит из толпы. Послышались пушечные удары поближе.

Ты староста? Вязать, Лаврушка!

Алпатыч. Эй, ребята!

Один мужик и Небольшой мужик распоясываются и начинают вязать Дрона.

Ростов. Слушайте меня! Чтобы голоса вашего я не слышал!

Толпа мужиков отступает.

Один мужик. Что ж, мы никакой обиды не сделали...

Небольшой мужик. Мы только, значит, по глупости...

Алпатыч. Вот я же вам говорил. Нехорошо, ребята!

Связанного Дрона и Карпа уводят.

Длинный мужик(Карпу). Эх, посмотрю я на тебя! Разве можно так с господами говорить? Дурак, право, дурак!..

Ростов идет на террасу. Княжна Марья выходит.

Марья. Благодарю вас за спасенье, граф.

Ростов. Как вам не совестно, княжна. Каждый становой сделал бы то же. Я счастлив только, что имел случай познакомиться с вами. Прощайте, княжна, желаю вам счастья. Ежели вы не хотите заставить краснеть меня, пожалуйста, не благодарите. (Целует руку.)

Ильин поднимается на террасу, целует княжне Марье руку. Ростов, Ильин и Лаврушка удаляются. Послышался топот.

Марья(одна на террасе). И надо было ему приехать в Богучарово и в эту самую минуту. И надо было его сестре отказать князю Андрею.. (Уходит в дом.)

Алпатыч. Эй, ребята! (Указывает на дом.)

Толпа мужиков поднимается на террасу. Двери раскрываются, и мужики начинают выносить библиотечные шкафы и другие вещи.

Один мужик. Ты не цепляй! Не цепляй!

Небольшой мужик. А грузно, ребята, книги здоровые!

Круглолицый мужик. Да писали – не гуляли!

Пушечный гул.

Темно

Сцена X

Ночь перед Бородинским боем. Сарай, фонарь. Князь Андрей лежит.

Чтец. Приказания на завтрашнее сражение были отданы и получены им. Делать ему было больше нечего. Но мысли, самые простые, ясные и потому страшные мысли не оставляли его в покое. Он знал, что завтрашнее сражение должно было быть самое страшное изо всех тех, в которых он участвовал, и возможность смерти в первый раз в его жизни с живостью, почти с достоверностью, просто и ужасно

Андрей. Да, да, вот они, те волновавшие и восхищавшие и мучившие меня ложные образы. Слава, общественное благо, любовь к женщине, самое отечество, – как велики казались мне эти картины, какого глубокого смысла казались они исполненными. И все это так просто, бледно и грубо при свете того утра, которое, я чувствую, поднимается для меня! Любовь! Эта девочка, мне казавшаяся преисполненною таинственных сил. Как же? Я любил ее, я делал поэтические планы о счастье с нею. О, милый мальчик! Как же я верил в какую-то идеальную любовь, которая должна была мне сохранить ее верность за целый год моего отсутствия. А все это гораздо проще. Все это ужасно просто, гадко!

Отечество? Погибель Москвы? А завтра меня убьют – и не француз даже, а свой, как вчера разрядил солдат ружье около моего уха, и возьмут меня за ноги и за голову и швырнут в яму, и сложатся новые условия жизни, которые будут также привычны для других, и я не буду знать про них, и меня не будет!

Чтец. Он живо представил себе отсутствие себя в этой жизни. И эти березы с их светом и тенью, и дым костров – все это вокруг преобразилось для него и показалось чем-то страшным и угрожающим. Мороз пробежал по его спине.

Пьер за сценой: «Que diable!»[42 – черт возьми!](ударился).

Андрей. Кто там?

Пьер входит с фонарем.

А, вот как! Какими судьбами? Вот не ждал.

Пьер. Я приехал... так... знаете... мне интересно... я хотел видеть сражение...

Андрей. Да, да, а братья-масоны что говорят о войне? Как предотвратить ее? Ну, что Москва? Что мои? Приехали ли наконец в Москву?

Пьер. Приехали.

Пауза.

Так вы думаете, что завтрашнее сражение будет выиграно?

Андрей. Да, да... Одно, что бы я сделал, ежели бы имел власть, я не брал бы пленных! Это рыцарство. Французы разорили мой дом и идут разорить Москву. Они враги мои. Они преступники все по моим понятиям. Надо их казнить!

Пьер. Да, да, я совершенно согласен с вами.

Андрей. Сойдутся завтра, перебьют десятки тысяч людей, а потом будут служить благодарственные молебны. Как Бог оттуда смотрит и слушает их! Ах, душа моя, последнее время мне стало тяжело жить. Я вижу, что стал понимать слишком много. А не годится человеку вкушать от древа познания добра и зла. Ну, да ненадолго. Однако поезжай в Горки, перед сражением нужно выспаться, и мне пора. Прощай, ступай. Увидимся ли, нет... (Целует Пьера, и тот выходит.)

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Чтец. Он закрыл глаза. Наташа с оживленным взволнованным лицом рассказывала ему, как она в прошлое лето, ходя за грибами, заблудилась в большом лесу. Она несвязно описывала ему и глушь леса, и свои чувства, и разговоры с пчельником..

Андрей. Я понимал ее. Эту искренность, эту открытость душевную и любил в ней... А ему – Курагину – ничего этого не нужно было! Он ничего этого не видел! Он видел свеженькую девочку. И до сих пор он жив и весел?! (Вскакивает.)

Темно

Сцена XI

Непрерывный пушечный грохот. Тянет дымом. Курган. Большая икона Смоленской Божьей Матери, перед ней огни. Лавка, накрытая ковром, на лавке Кутузов, дремлет от усталости и старческой слабости. Возле Кутузова свита.

Адъютант(входя и выпячиваясь перед Кутузовым). Заняты французами флеша опять отбиты. Князь Багратион ранен.

Кутузов. Ах, ах... (Адъютанту.) Поезжай к князю Петру Петровичу и подробно узнай, что и как...

Адъютант выходит.

(Принцу Виртембергскому.) Не угодно ли вашему высочеству принять командование 1-й армией?

Принц Виртембергский выходит.

Другой адъютант. Принц Виртембергский просит войск.

Кутузов(поморщившись). Дохтурову приказание принять командование 1-й армией, а принца, не могу без него обойтись в эти важные минуты, проси вернуться ко мне.

Другой адъютант выходит.

Еще адъютант(вбегает). Мюрат взят в плен!

Свита. Поздравляем, ваша светлость!

Кутузов. Подождите, господа. Сраженье выиграно, и в пленении Мюрата нет ничего необыкновенного. Но лучше подождать радоваться. Поезжай по войскам с этим известием.

Щербинин вбегает. Лицо расстроено. Кутузов делает жест.

Щербинин(тихо). Французы Семеновское взяли.

Кутузов(кряхтя встает. Отводит Ермолова в сторону). Съезди, голубчик, посмотри, нельзя ли что сделать. (Садится, дремлет.)

Ермолов выходит. Повар и Денщик подают Кутузову обедать. Он жует курицу.

Вольцоген(входит, говорит с акцентом). Все пункты нашей позиции в руках неприятеля, и отбить нечем, потому что войск нет; они бегут, и нет возможности остановить их. (Пауза.) Я не считал себя вправе скрыть от вашей светлости того, что я видел... Войска в полном расстройстве...

Кутузов(встав). Вы видели? Вы видели? Как вы... Как вы смеете! Как смеете вы, милостивый государь, говорить это мне? Вы ничего не знаете. Передайте от меня генералу Барклаю, что его сведения несправедливы, а что настоящий ход сражения известен мне, главнокомандующему, лучше, чем ему!

Вольцоген хочет возразить.

Неприятель отбит на левом и поражен на правом фланге. Ежели вы плохо видели, милостивый государь, то не позволяйте себе говорить того, чего вы не знаете. Извольте ехать к генералу Барклаю и передать ему на завтра мое неперемное намерение атаковать неприятеля. (Пауза.) Отбиты везде, за что я благодарю Бога и наше храброе войско. Неприятель побежден, и завтра погоним его из священной земли русской! (Крестится, всхлипывает.)

Все молчат.

Вольцоген(отходит, ворча)...uber diese Eingenommenheit des alien Herrn.[43 - На это самодурство старого господина... (нем.)]

Раевский входит.

Кутузов. Да, вот он, мой герой! ну?..

Раевский. Войска твердо стоят на своих местах, французы не смеют атаковать

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
более.

Кутузов. Vous ne pensez donc pas comme les autres, que nous sommes obligés de nous retirer?[44 - Вы, стало быть, не думаете, как другие, что мы должны отступить?]

Раевский. Au contraire, vorte a l'etesse![45 - Напротив, ваша светлость!]

Кутузов. Кайсаров! Садись, пиши приказ на завтрашний день. (Неизвестному адъютанту.) А ты поезжай по линии и объяви, что завтра мы атакуем!

Темно

Чтец. И по непреодолимой таинственной связи, поддерживающей во всей армии одно и то же настроение, называемое духом армии и составляющее главный нерв войны, слова Кутузова, его приказ к сражению на завтрашний день передались одновременно во все концы войска.

Сцена XII

Чтец. В этот день ужасный вид поля сражения победил ту душевную силу, в которой он полагал свою заслугу и величие. Желтый, опухлый, тяжелый, с мутными глазами, красным носом и охриплым голосом, он сидел, не поднимая глаз.

Курган. Пушечный грохот. Наполеон один. Большой портрет мальчика – короля Рима.

В медленно расходившемся пороховом дыму в лужах крови лежали лошади и люди. Такого количества убитых на таком малом пространстве никогда не видал еще Наполеон! Он с болезненной тоской ожидал конца того дня, которому он считал себя причастным, но которого он не мог остановить. Личное человеческое чувство на короткое мгновение взяло верх над тем искусственным призраком жизни, которому он служил так долго. Он на себя переносил те страдания и ту смерть, которые он видел на поле сражения. Тяжесть головы и груди напоминала ему о возможности и для себя страданий и смерти. Он в эту минуту не хотел для себя ни Москвы, ни победы, ни славы (какой нужно было ему еще славы!). Одно, чего он желал теперь, – отдыха, спокойствия и свободы.

Адъютант, истомленный, входит на курган.

– Наш огонь рядами вырывает их, а они стоят, – сказал адъютант.

Наполеон. Ils en veulent encore?[46 - им еще хочется?]

Адъютант. Sire?[47 - Государь?]

Наполеон. Ils en veulent encore, donnez leur-en![48 - Еще хочется, ну и задайте им!]

Адъютант уходит.

Чтец. – Им еще хочется, – сказал Наполеон, – ну, дайте им еще! И без его приказаний делалось то, чего он хотел, и он распорядился только потому, что думал, что от него ждали приказаний. И он опять покорно стал исполнять ту печальную нечеловеческую роль, которая ему была предназначена.

Темно

Сцена XIII

Перевязочная палатка. Гул орудий несколько слабее. Но кроме него слышен непрерывный жалобный стон, и крики людей, и карканье воронья. Раненый солдат лежит, ждет очереди. Черноволосый унтер-офицер с завязанной головой и рукой стоит подле него и возбужденно рассказывает.

Черноволосый унтер-офицер. Мы его отседа как долбанули, так все побросал, самого короля забрали. Подойди только в тот самый раз лезервы, его б, братец ты мой, звания не осталось, потому верно тебе говорю.

Из внутреннего отделения палатки фельдшера выносят перевязанного князя Андрея и кладут его на скамейку.

Раненый солдат. Видно, и на том свете господам одним жить!

Доктор(фельдшерам). Взять, раздеть!

фельдшера уносят раненого солдата. Доктор брызжет в лицо Андрею водой. Тот приходит в себя. Тогда доктор молча целует его в губы и выходит туда, куда унесли раненого солдата.

Черноволосый унтер-офицер(возбужденно). Подойди только лезервы. Подойди только лезервы! (Уходит.)

фельдшера выносят смертельно раненного Анатоля Курагина, кладут. Тот без

Андрей(смотрит на Анатоля, говорит слабо). Вьющиеся волосы, их цвет мне странно знакомы. Кто этот человек? Кто этот человек? Он – Курагин! А, вот чем он так близко и тяжело связан со мною? В чем связь этого человека с моею женою? Наташа! С тонкой шеей, руками, с готовым на восторг испуганным, счастливым лицом. Наташа! Я вспомнил все. Я желал встретить этого человека, которого презирал, для того чтобы убить его или дать ему случай убить меня! (Плачет.) Люди, люди, и их и мои заблуждения!..

Доктор(быстро выходит с фельдшерами, подходит к Анатолю, всматривается, целует его в губы). Что стоите? Выносите мертвого.

Темно

Сцена XIV

Чтец. Несколько десятков тысяч человек лежало мертвыми в разных положениях и мундирах на полях и лугах, на которых сотни лет собирали урожаи и пасли скот крестьяне деревни Бородина.

Ночь. Курган и поле, покрытое телами. На курган выходит Пьер с фонарем.

Пьер. Одно, чего я желаю всеми силами своей души, это чтобы вернуться к обычным условиям жизни и заснуть спокойно в комнате на своей постели. Только в обычных условиях я буду в состоянии понять самого себя и все то, что я видел и испытал. Но этих обычных условий нигде нет! Но они ужаснутся, ужаснутся того, что они сделали! (Возбужденно.) L' Russe Besuhof! Я убью Наполеона! (Садится на землю и затихает у фонаря.)

Появляется Солдат с котелком. Пауза.

Солдат с котелком. Эй! Ты из каких будешь?

Пьер. Я? Я? (Пауза.) Я по-настоящему ополченный офицер, только моей дружины тут нет; я приезжал на сражение и потерял своих.

Солдат с котелком. Вишь ты! Что ж, поешь, коли хочешь кавардачку. (Садится, подает котелок.)

Пьер жадно ест.

Тебе куды надо-то? Ты скажи.

Пьер. Мне в Можайск.

Солдат с котелком. Ты, стало, барин?

Пьер. Да.

Солдат с котелком. А как звать?

Пьер. Петр Кириллович.

Пауза. Послышался топот, потом шаги. Выходит Берейтор.

Берейтор. Ваше сиятельство, а уж мы отчаились.

Пьер. Ах, да...

Солдат с котелком. Ну что, нашел своих? Ну, прощай! Петр Кириллович, кажись?

Пьер. Прощай. (Взявшись за карман.) Надо дать ему?..

Чтец. Нет, не надо.

Темно

Конец второго действия

Действие III

Сцена XV

Последний августовский день. В доме Ростовых. Все двери растворены, вся мебель переставлена, зеркала, картины сняты. Сундуки, сено, бумага, веревки. Слышны голоса во дворе – люди укладывают вещи на подводы. В передней робко показывается бледный раненый офицер.

Мавра Кузьминишна. Что ж, у вас, значит, никого нет в Москве? Вам бы покойнее где на квартире.

Наташа появляется в зале, слышит эту фразу.

Вот хоть бы к нам. Господа уезжают.

Бледный офицер. Не знаю, позволят ли. Вон начальник. Спросите.

Наташа(выходит в переднюю, говорит в открытое окно). Можно раненым у нас остановиться?

Майор(входит в переднюю). Кого вам угодно, мамзель? (Подумав.) О да, отчего ж, можно. (Выходит.)

Бледный офицер также.

Наташа(Мавре Кузьминишне). Можно, он сказал, можно.

Мавра Кузьминишна. Надо все-таки папаше доложить.

Наташа. Ничего, ничего, разве не все равно! На один день в гостиную перейдем. Можно всю нашу половину им отдать.

Мавра Кузьминишна. Ну, уж вы, барышня, придумаете. Да хоть и во флигеля, и то спросить надо. (Идет.)

Наташа. Ну, я спрошу. (В диванную.) Вы спите, мама?

Графиня. Ах, какой сон!..

Наташа. Мама, голубчик! Виновата, простите. Никогда не буду; я вас разбудила. Меня Мавра Кузьминишна послала, тут раненых привезли, офицеров. Позволите? А им некуда деваться; я знаю, что вы позволите.

Графиня. Какие офицеры? Кого привезли? Ничего не понимаю.

Наташа. Я знала, что вы позволите... Так я и скажу. (Убегает из диванной, говорит Мавре Кузьминишне.) Можно!

Мавра Кузьминишна(в окно, в передней). В холостую, к нянюшке! Пожалуйте! (Уходит.)

Граф(выходит из передней). Досиделись мы. И клуб закрыт, и полиция выходит.

Наташа. Папа, ничего, что я раненых пригласила в дом?

Граф. Разумеется, ничего. Не в том дело, а теперь прошу, чтоб пустяками не заниматься, а укладывать и ехать, ехать. Васильич! Васильич! (Уходит.)

Появляются Соня, Васильич, Буфетчик, начинается суета.

Васильич. Надо бы третий ящик...

Наташа. Соня, постой, да мы все так уложим.

Васильич. Нельзя, барышня, уж пробовали.

Наташа. Нет, постой, пожалуйста!

Васильич. Да еще и ковры-то, дай Бог...

Наташа. Да постой ты, пожалуйста!.. (Вынимает из ящика тарелки.) Это не надо!..

Соня. Да оставь, Наташа! Ну, полно, мы уложим.

Васильич. Эх, барышня!..

Входит Слуга, начинает помогать.

Соня. Да полно, Наташа! Я вижу, ты права, да вынь один верхний!

Наташа. Не хочу! Петька! Петька!

Вбегает Петя в военной форме.

Да жми же, Петька!

Петя(сядась на крышку ящика). Жму!.. Ну!.. Жму!..

Наташа. Васильич! Нажимай!

Крышка ящика закрывается. У Наташи брызнули слезы из глаз. Буфетчик, Слуга, Петя и Наташа уходят с вещами, Васильич также. Дверь из передней открывается и входит Почтенный камердинер с Маврой Кузьминишной.

Мавра Кузьминишна. К нам пожалуйста, к нам. Господа уезжают, весь дом пустой.

Почтенный камердинер. Да что, и довести не чаем. У нас и свой дом в Москве, да далеко...

Мавра Кузьминишна. К нам милости просим... А что, очень нездоровы?

Почтенный камердинер. Не чаем довести. (В окно.) Заворачивай во двор... Во двор!

Выходит, за ним Мавра Кузьминишна. Соня смотрит в окно, потом убегает.

Граф(входит). Васильич!

Входит Васильич.

Ну что, все готово?

Васильич. Хоть сейчас ехать, ваше сиятельство.

Граф. Ну и славно, и с Богом!

Васильич выходит. Бледный офицер появляется в сопровождении Денщика.

Бледный офицер. Граф, сделайте одолжение... позвольте мне... Ради Бога... где-нибудь приютиться на ваших подводах. Здесь у меня ничего с собой нет... Мне на возу, все равно...

Денщик. Ваше сиятельство!..

Граф. Ах, да, да... Я очень рад... Васильич! Васильич!

Входит Васильич.

Ты распорядись. Ну там очистить одну или две телеги... Ну там... что же, что нужно...

Майор(входит). Граф!

Граф. Ах, да... Вы, господа... Я очень рад... Да... Да... Васильич!

Васильич. Пожалуйста уж, ваше сиятельство, сами. Как же прикажете насчет картин?

Граф. Ну что же, можно сложить что-нибудь... (Уходит с Васильичем, Бледным офицером, Майором и Денщиком.)

Через некоторое время вбегает Матрена Тимофеевна и бросается в диванную.

Матрена Тимофеевна(Графине). Ваше сиятельство!

Графиня. А? Что? А?..

Матрена Тимофеевна. Марья Карловна очень обижены...

Графиня. Почему m-me Schoss обижена?

Матрена Тимофеевна. А ее сундук сняли с подводы!

Графиня. Что?..

Матрена Тимофеевна. А то, ваше сиятельство, что подводы развязывают! Добро снимают... Набирают с собой раненых... Граф, по простоте, приказали забрать. А барышнинным летним платьям нельзя здесь оставаться...

Графиня. Граф, граф...

Матрена Тимофеевна. Одною минуточку... (Убегает.)

Через некоторое время входит в диванную Граф, а Наташа, шмыгнув за ним, подслушивает, что происходит в диванной.

Графиня. Что это, мой друг, вещи снимают?

Граф. Знаешь, ma chere, я вот что хотел тебе сказать... ma chere, графинюшка... Ко мне приходил офицер... Просят, чтоб дать несколько подвод под раненых. Ведь это все дело наживное; а каково им остаться, подумай? Знаешь, думаю, право, ma chere, вот, ma chere... пускай их свезут...

Графиня. Послушай, граф, ты довел до того, что за дом ничего не дают, а теперь и все детское состояние погубить хочешь. Я, мой друг, не согласна! Воля твоя. На раненых есть правительство! Посмотри, вон напротив у Лопухиных еще третьего дня все дочиста вывезли. Вот как люди делают! Одни мы дураки. Пожалей хоть не меня, так детей.

Наташа(как буря). Это гадость! Это мерзость! Это не может быть, чтобы вы приказали так! Маменька, это нельзя! Посмотрите, что на дворе. Они остаются!

Графиня. Что с тобой? кто они? что тебе надо?

Наташа. Раненые, вот кто! Это нельзя, маменька! Это ни на что не похоже! Маменька, это не может быть!

Графиня. Ах, делайте, как хотите! Разве я мешаю кому-нибудь?

Наташа. Маменька, голубушка, простите меня!

Графиня. Mon chere, ты распорядись, как надо... Я ведь не знаю этого...

Граф(плача). яйца, яйца курицу учат.

Наташа. Папенька, маменька, можно распорядиться? Можно? (Убегая.) Отдавать все подводы под раненых, а сундуки сносить в кладовые.

Граф уходит. Выходят Соня, одетая в дорогу, и Горничная.

Соня. Это чья же коляска-то?

Горничная. А вы разве не знали, барышня? князь раненый. Тоже с нами едут.

Соня. Да кто это? Как фамилия?

Горничная. Самый наш жених бывший. князь Болконский. Говорят, при смерти.

Соня(убегая в диванную). Мaman, князь Андрей здесь, раненый, при смерти. Он едет, с нами.

Графиня(в ужасе). Наташа?..

Соня. Наташа не знает еще, но он едет с нами.

Графиня. Ты говоришь, при смерти? (Плачет.) Пути Господни неисповедимы.

Наташа(появляется, одетая в дорогу). Ну, мама, все готово. О чем вы?

Графиня. Ни о чем. Готово, так поедем.

Наташа(Соне). Что ты? что такое случилось?

Соня. Ничего нет.

Наташа. Очень дурное для меня? что такое?

Входят Граф, Петя, Мавра Кузьминишна, Васильич. Садятся, потом крестятся. Обнимают Васильича и Мавру Кузьминишну и выходят. Дом Ростовых опустел.

Темно

Сцена XVI

Чтец...Дорогой Пьер узнал про смерть своего шурина и про смерть князя Андрея. Когда он приехал с Бородинского поля в Москву домой, уже смеркалось. Человек восемь разных людей побывало у него в этот вечер. У всех были дела до Пьера, которые он должен был разрешить. Пьер ничего не понимал, не интересовался этими делами и давал на все вопросы только такие ответы, которые бы освободили его от этих людей. Наконец, оставшись один, он распечатал и прочел письмо жены, в котором она извещала его о своем намерении выйти замуж за п.п. и что она просит его исполнить все необходимые для развода формальности. «Они – солдаты на батарее, князь Андрей убит... Страдать надо... жена идет замуж... Забыть и понять надо...» И он, подойдя к постели, не раздеваясь, повалился на нее и тотчас же уснул. На другой день утром Пьер поспешно оделся и, вместо того чтобы идти к тем, которые ожидали его, пошел на заднее крыльцо и оттуда вышел в ворота.

С тех пор и до конца московского разорения никто из домашних Безуховых, несмотря на все поиски, не видал больше Пьера и не знал, где он находился...

В квартире покойного Иосифа Алексеевича Баздеева.

Пьер(в дверях). Дома?

Герасим. По обстоятельствам нынешним, Софья Даниловна с детьми уехали в Торжковскую деревню, ваше сиятельство.

Пьер. Я все-таки войду, мне надо книги разобрать.

Герасим. Пожалуйста, милости просим. Братец покойника – царство небесное – Макар Алексеевич остались, да как изволите знать, они в слабости...

Пьер. Да, да, знаю, знаю..

Макар Алексеевич заглядывает в дверь, бормочет и уходит.

Герасим. Большого ума были, а теперь, как изволите видеть, ослабли. (Открывает ставень.) Софья Даниловна приказывали, ежели от вас придут, то отпустить книги. (Выходит.)

Пьер(вынимает рукописи, задумывается). Я должен встретить Наполеона и убить его с тем, чтобы или погибнуть или прекратить несчастье всей Европы, происходящее от

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
одного Наполеона. Да, один за всех, я должен совершить или погибнуть. Да, я
подойду... и потом вдруг... Пистолетом или кинжалом? Впрочем, все равно. Не я, а
рука провидения казнит тебя, скажу я. Ну что ж, берите, казните меня.
(Задумывается.)

Герасим в дверях кашлянул.

(Очнувшись.) Ах да... Послушай. Я прошу тебя никому не говорить, кто я. И сделай,
что я скажу.

Герасим. Слушаю-с. Кушать прикажете?

Пьер. Нет, но мне другое нужно. Мне нужно крестьянское платье и пистолет.

Герасим(подумав). Слушаю-с. (Выходит и через некоторое время возвращается с
кафтаном, шапкой, пистолетом и кинжалом, помогает Пьеру переодеться, выходит.)

Макар Алексеевич(войдя). Они оробели. Я говорю: не сдамся, я говорю... так ли,
господин? (Внезапно схватывает со стола пистолет.)

Пьер. А!

Герасим вбегает, начинает отнимать пистолет.

Макар Алексеевич. К оружию! На бордаж! Врешь, не отнимешь!

Герасим. Будет, пожалуйста, будет!..

Макар Алексеевич. Ты кто? Бонапарт?

Герасим. Это нехорошо, сударь. Пожалуйте пистолетик!

Макар Алексеевич. Прочь, раб презренный! На бордаж!

Внезапно послышались крики и стук в двери.

Кухарка(вбегая). Они! Батюшки родимые! Ей-богу, они!.. (Скрывается.)

Герасим и Пьер выпускают Макара Алексеевича, и тот скрывается с пистолетом.
Входят Рамбаль и Морель.

Рамбаль. Bonjour, la compagnie! (Герасиму.) Vous etes le bourgeois? Quartire,
quartire logement. Les Français sont de bons enfants. Ne nous fachons pas,
mon vieux. [49 – Почтение всей компании! Вы хозяин? Квартир, квартир. Не будем
ссориться, дедушка.]

Герасим. Барин нету – не понимай... моя, ваш...

Пьер бросается на него. Макар Алексеевич стреляет. Герасим выскакивает вон. Слышно, как заголосила кухарка.

Пьер. Vous n'etes pas blesse?[50 - Вы не ранены?]

Рамбаль(ощупывая себя). Je crois que non, mais je l'ai manque belle cette fois-ci. Que] est cet homme?[51 - Кажется, нет, но на этот раз близко было. Кто этот человек?]

Морель схватывает Макара Алексеевича.

Пьер. Ah, je suis vraiment au desesper de ce qui vient d'arriver. C'est un fou, un malheureux, qui ne savait pas ce qu'il faisait.[52 - Ах, я, право, в отчаянии от того, что случилось. Это несчастный сумасшедший, который не знал, что делал.]

Рамбаль(схватив за ворот Макара Алексеевича). Brigand, tu me la payeras (Пьеру.) Vous m'avez sauve la vie! Vous etes Fran#231;ais?[53 - Разбойник, ты мне заплатишься за это. Вы спасли мне жизнь! Вы француз?]

Пьер. Je suis Russe.[54 - Русский.]

Рамбаль. Tu-tu-tu, a d'autres! Vous etes Fran#231;ais. Vous me demandez sa grace. Je vous l'accorde. Qu'on emmene cet homme.[55 - Рассказывайте это другим! Вы француз. Вы хотите, чтоб я простил его. Я прощаю его. Увести этого человека.]

Морель(выталкивает Макара Алексеевича и возвращается). Capitaine, ils ont de la soupe et du gigot de mouton dans la cuisine. Faut-il vous l'apporter?[56 - Капитан, у них в кухне есть суп и жареная баранина. Прикажете принести?]

Рамбаль. Oui et le vin! (Пьеру.) Vous etes Fran#231;ais. Charme de rencontrer un compatriote. Ramball, capitaine.[57 - Да, и вино. Вы француз. Приятно встретить соотечественника. Рамбаль, капитан.](жмет Пьеру руку.)

Темно

Сцена XVII

Ночь. В том же кабинете Баздеева. В окне комета и зарево. На столе вино. Рамбаль, раздетый, под одеялом, дремлет. Пьер сидит возле него.

Рамбаль. Oh! Les femmes, les femmes!..[58 - О! женщины, женщины!]

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Чтец. Пьер почувствовал необходимость высказать занимавшие его мысли; он стал объяснять, как он несколько иначе понимает любовь к женщине. Он сказал, что он во всю жизнь любил и любит только одну женщину и что эта женщина никогда не может принадлежать ему.

Рамбаль(дремля). Tiens...[59 - Вишь ты...]

Чтец. Потом Пьер объяснил, что он любил эту женщину с самых юных лет; но не смел думать о ней, потому что она была слишком молода, а он был незаконный сын без имени. Потом же, когда он получил имя и богатство, он не смел думать о ней, потому что слишком любил ее, слишком высоко ставил ее над всем миром и потому тем более над самим собою.

Дойдя до этого места своего рассказа, Пьер обратился к капитану с вопросом: понимает ли он это?

Капитан сделал жест, выражающий то, что ежели бы он не понимал, то он все-таки просит продолжать.

Рамбаль(засыпая). L'amour platonique, les nuages...[60 - Платоническая любовь, облака...]

Чтец. Выпитое ли вино, или потребность откровенности, или мысль, что этот человек не знает и не узнает никого из действующих лиц его истории, или все вместе развязало язык Пьеру. И он шамкающим ртом, и масляными глазами глядя куда-то вдаль, рассказал всю свою историю: и свою женитьбу, и историю любви Наташи к его лучшему другу, и ее измену, и все свои несложные отношения к ней. Он рассказал и то, что скрывал сначала, – свое положение в свете, и уже открыл ему свое имя.

Рамбаль спит.

Пьер встал, протер глаза и увидел пистолет с вырезным ложем.

Пьер. Уж не опоздал ли я! Нет, вероятно, он сделает свой въезд в Москву не ранее двенадцати. (Берет пистолет.) Каким образом? Не в руке же по улице нести это оружие. Даже под широким кафтаном трудно спрятать большой пистолет. Ни за поясом, ни под мышкой нельзя поместить его незаметным. Кроме того, пистолет разряжен... Все равно, кинжал! (Берет кинжал, задувает свечу и крадучись выходит.)

Рамбаль(во сне). L'Empereur, l'Empereur...[61 - Император, император...]

Темно

Сцена XVIII

Ночь, изба, разделенная на две половины. В первой половине избы видны три женские фигуры в белом. Это Графиня, Наташа и Соня раздеваются и ложатся спать. В окне зарево.

Чтец...Соня, к удивлению и досаде Графини, непонятно для чего, нашла нужным объявить Наташе о ране князя Андрея и о его присутствии с ними в поезде.

Соня. Посмотри, Наташа, как ужасно горит.

Наташа. Что горит?.. Ах да, Москва.

Соня. Да ты не видела?

Наташа. Нет, право, я видела.

Графиня. Ты озябла. Ты вся дрожишь. Ты бы ложилась.

Наташа. Ложиться? Да, хорошо, я лягу. Я сейчас лягу.

Графиня. Наташа, разденься, голубушка, ложись на мою постель.

Наташа. Нет, мама, я лягу тут на полу. (С досадой.) Да ложитесь же!

Все ложатся. Тишина. Потом слышен протяжный стон.

(Встает.) Соня, ты спишь?.. Мама?.. (Осторожно пробирается к дверям.)

Темно

Сцена XIX

Вторая половина той же избы. Ночь. Свеча. На лавке спит Почтенный камердинер. На постели лежит в бреду князь Андрей. Над ним в полутьме склонился Чтец.

Андрей. Да, мне открылось новое счастье, неотъемлемое от человека... Пить!..

Чтец. И пити, пити, пити. И ти-ти. И пити, пити, пити... Над лицом его, над самой серединой, воздвигалось какое-то странное воздушное здание из тонких иглол или лучинок...

Андрей. Мне надо старательно держать равновесие...

Чтец...чтобы надвигающееся это здание не завалилось!

Андрей. Тянется, тянется, растягивается и все тянется!

Чтец. А красный окруженный свет свечки, шуршание тараканов и шуршание мухи, бьющейся на подушке?.. А кроме этого, белое у двери, это статуя сфинкса...

Андрей. Но, может быть, это моя рубашка на столе. А это мои ноги, а это дверь, но отчего же все тянется и выдвигается... Пить!..

Андрей. Довольно, перестань, пожалуйста, оставь!.. Да, любовь, но не та любовь, которая любит за что-нибудь, но та любовь, которую я испытал в первый раз, когда, умирая, я увидел своего врага и все-таки полюбил его. А сколь многих людей я ненавидел в своей жизни. А из всех людей никого больше не любил и ненавидел, как ее!..

Чтец...понял всю жестокость своего отказа, видел жестокость своего разрыва с нею.

Андрей. Ежели бы мне было возможно только еще один раз увидеть ее. Один раз, глядя в эти глаза, сказать... Пити!..

Дверь открывается, появляется Наташа и становится перед Андреем на колени.

Вы? Как счастливо!

Наташа. Простите! Простите меня!

Андрей. Я вас люблю.

Наташа. Простите...

Андрей. Что простить?

Наташа. Простите меня за то, что я сде... лала. Андрей. Я люблю тебя больше, лучше, чем прежде!

Почтенный камердинер просыпается, в ужасе смотрит. Дверь открывается, и появляется Доктор.

Доктор. Это что такое? Извольте идти, сударыня!

Темно

Сцена XX

Та же половина избы, что в XVIII сцене. На сцене Графиня, Граф, Соня. Волнение, шепот. Доктор быстро проходит во вторую половину избы. Почтенный камердинер из второй половины пробегает через первую, потом обратно с водой. Затем послышались голоса.

Соня(бежит к дверям). Сюда, сюда!..

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Марья(в дорожном платье, входит). Жив? Жив? Графиня (шепотом Марье). Mon enfant, je vous aime et vous connais depuis longtemps.[62 – дитя мое, я вас люблю и знаю давно.]

Граф(Марье). Это моя племянница, вы не знаете ее, княжна...

Марья. Жив? Жив?

Наташа появляется из второй половины. Заплакав, обнимает Марью.

В каком он положении?..

Наташа. Ах, Мари, он слишком хорош. Он не может, не может жить!

Почтенный камердинер внезапно появляется на пороге, крестится, плачет.

Граф. Что?

Марья. Что?

Почтенный камердинер. Кончился!..

Марья, Граф, Графиня, Соня устремляются во вторую половину.

Наташа. Куда он ушел? Где он теперь?

Темно

Сцена XXI

Москва горит. Поварская улица. Перины, самовар, образа и сундуки.

Марья Николаевна. Батюшки родимые, христиане православные, спасите, помогите, голубчик! Кто-нибудь помогите! Девочку! Дочь! Дочь мою меньшую оставили. Сгорела.

Человек в вицмундире. Полно, Марья Николаевна. Должно, сестрица унесла, а то больше где же быть!

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Марья Николаевна. Истукан, злодей! Сердца в тебе нет! Свое дитище не жалеешь!
Другой бы из огня достал! А это истукан, а не человек, не отец!

Человек в вицмундире убегает. Выбегает Пьер.

Вы – благородный человек! Загорелось рядом, к нам бросило. В чем было, в том и
выскочили! Вот захватили Божье благословение да приданую постель. Хвать детей,
Катечки нет!

Пьер. Да где же она, где же она осталась?

Марья Николаевна. Батюшка, отец! Благодетель, хоть сердце мое успокой!

Пьер. Я... я сделаю! (Бросается в ворота горящего дома.)

Марья Николаевна убегает. Пьер за сценой: «Un enfant dans cette maison.
N'avez-vous pas vu un enfant?» [63 – Ребенка в этом доме. Не видали ли вы
ребенка?] За сценой французский голос: «Un enfant? Je'ai entendu... Par ici... par
ici...» [64 – Ребенка? Я слышал... Сюда... сюда...] Выходят Красавица-армянка и Старик с
восточным типом лица. Садятся на вещи. Затем выбегает Пьер с ребенком на руках.
Выходят двое французов – Маленький мародер и Мародер в капоте. Затем выбегает
Рябая баба. Маленький мародер указывает на ноги старика. Старик начинает снимать
сапоги.

Рябая баба(Пьеру). Или потерял кого, милый человек? Чей ребенок-то?

Пьер. Возьми, возьми ребенка... Ты отдай им, отдай!..

Мародер в капоте начинает рвать ожерелье с шеи Красавицы-армянки.
Красавица-армянка кричит пронзительно.

(Отдав ребенка Рябой бабе.) Laissez cette femme! [65 – Оставьте эту
женщину!] (Схватывает Мародера в капоте, бросает на землю.)

Маленький мародер(вынув тесак). Voyons, pas de betises! [66 – Ну, ну! Не дури!]

Пьер бросается на Маленького мародера, сбивает его с ног и начинает бить. Рябая
баба голосит. Разъезд французских улан спешивается за сценой и выбегает на
сцену. Уланы начинают бить Пьера, потом обыскивают его.

Улан(вытаскивая из кармана Пьера кинжал). Il a un poignard, lieutenant. [67 –
Поручик, у него кинжал.]

Офицер-улан. Ah... une arme! C'est bon, vous direz tout cela au conseil de guerre.
Parlez-vous français, vous? Faites venir l'interprete! [68 – А... оружие!
Хорошо, на суде все расскажешь. Говоришь ли по-французски? Позовите
переводчика!]

Уланы выводят Маленького человечка.

Маленький человечек(оглядев Пьера). Il n'a pas l'air d'un homme du peuple.[69 - Он не похож на простолюдина.]

Офицер-улан. Oh, oh, ça m'a bien l'air d'un des incendiaires. Demandez-lui ce qu'il est.[70 - О, о, он очень похож на поджигателя. Спросите его, кто он.]

Маленький человечек. Ты кто? Ты должно отвечать начальство.

Пьер. Je ne vous dirai pas qui je suis. Je suis votre prisonnier. Emmenez-moi.[71 - Я не скажу вам, кто я. Я ваш пленный. Уведите меня.]

Офицер-улан(нахмурившись). Ah, ah, marchons![72 - А, а, марш!]

Разъезд уводит Пьера.

Рябая баба. Куда ж это ведут тебя, голубчик мой? Девочку, девочку-то куда я дену?

Офицер-улан. Qu'est ce qu'elle veut, cette femme?[73 - чего ей нужно?]

Пьер. Ce qu'elle dit? Elle m'apporte ma fille, que je viens de sauver des flammes! Adieu!..[74 - Она несет мою дочь, которую я спас из огня. Прощай!..]

Темно

Чтец...и он, сам не зная, как вырвалась у него эта бесцельная ложь, решительным, торжественным шагом пошел между французами.

Разъезд французов был один из тех, которые были посланы по распоряжению Дюронеля по разным улицам Москвы для пресечения мародерства и в особенности для поимки поджигателей, которые, по общему мнению французов, были причиной пожаров.

Сцена XXII

Чтец. На другой день Пьер узнал, что все взятые подозрительные русские, и он в том числе, должны были быть судимы за поджигательство.

Это был дом, в котором Пьер прежде часто бывал. Пьера ввели через стеклянную галерею, сени, переднюю...

Открывается зал Ростовых, разрушенный и ободранный. За столом сидит Даву. Пьер стоит перед ним. В окнах дым. Слышна полковая музыка.

Даву. Qui etes-vous?[75 – кто вы такой?]

Чтец. Пьер молчал, оттого что не в силах был выговорить слова. Даву для Пьера не был просто французский генерал, для Пьера Даву был известный своей жестокостью человек. Пьер чувствовал, что всякая секунда промедления могла стоить ему жизни; но он не знал, что сказать. Открыть свое звание и положение было и опасно и стыдно. Даву приподнял голову, приподнял очки на лоб, прищурил глаза. «Я знаю этого человека», – мерным, холодным голосом, очевидно рассчитанным на то, чтобы испугать Пьера, сказал он.

Холод, пробежавший прежде по спине Пьера, охватил его голову как тисками.

Пьер. Mon general, vous ne pouvez pas me connaitre, je ne vous ai jamais vu...[76 – Вы не могли меня знать, генерал, я никогда не видал вас.]

Даву. C'est un espion russe. Русский шпион.

Пьер. Non, Monseigneur! Non, Monseigneur, vous n'avez pas pu me connaitre. Je suis un officier militionnaire et je n'ai pas quitte Moscou.[77 – Нет, ваше высочество, вы не могли меня знать. Я офицер милиции, и я не выезжал из Москвы.]

Даву. Votre nom.[78 – Ваше имя?]

Пьер. Besouhof.

Даву. Qu'est ce qui me prouvera que vous ne mentez pas?[79 – Кто мне докажет, что вы не лжете?]

Пьер(умоляюще). Monseigneur!

Чтец. Даву поднял глаза и пристально посмотрел на Пьера. Несколько секунд они смотрели друг на друга, и этот взгляд спас Пьера. В этом взгляде, помимо всех условий войны и суда, между этими двумя людьми установились человеческие отношения. Теперь Даву видел в нем человека. Он задумался на мгновение.

Даву. Comment me prouverez-vous la verite de ce que vous me dites?[80 – Чем вы докажете справедливость ваших слов?]

Пьер. Вспомнил! Вспомнил!

Чтец. Пьер вспомнил фамилию Рамбаля и назвал его полк и улицу.

Даву(с сомнением). Vous n'etes pas ce que vous dites.[81 – Вы не то, что вы говорите.]

Пьер. Monseigneur!

Адъютант выходит и что-то шепчет Даву.

Чтец. Даву стал застегиваться. Он, видимо, совсем забыл Пьера. Когда адъютант напомнил ему о пленном, он, нахмурившись, кивнул в сторону Пьера и сказал, чтобы его вели. Но куда его должны были вести – назад или на приготовленное место казни, – Пьер не знал.

Темно

Сцена XXIII

Двор. Французские солдаты в синих мундирах и в киверах выводят двух бритых Острожных. Дворового лет 45. Очень красивого мужика. Желтого фабричного, ставят их в ряд. Последним в этом ряду ставят Пьера. Послышался грохот барабанов.

Чтец. Одна мысль за все это время была в голове Пьера: кто, кто же наконец приговорил его к казни? Это был не Даву, который так человечески посмотрел на него. Еще бы одна минута, и Даву понял бы, что они делают дурно, но этой минуте помешал адъютант, который вошел. И адъютант этот, очевидно, не хотел ничего худого, но он мог бы не войти.

Кто же это, наконец, убивал его, Пьера, со всеми его воспоминаниями, стремлениями, надеждами, мыслями? И Пьер чувствовал, что это был никто.

Порядок какой-то убивал его, Пьера, уничтожал его.

Двум Острожным завязывают глаза, уводят. Барабаны. Залп. Мужика и фабричному завязывают глаза, уводят. Барабаны. Залп. Голос за сценой: «Tirailleurs du 86-me, en avant!»[82 - Стрелки 86-го, вперед!] Берут пятого фабричного в халате. Тот отпрыгивает и схватывается за Пьера. Пьер отрывается от него. Фабричному завязывают глаза, тот поправляет узел на затылке. Его уводят.

Чтец. Пьер, тяжело дыша, оглядывался вокруг себя, как будто спрашивая, что это такое. Тот же вопрос был и во всех взглядах. На лицах французских солдат, офицеров он читал такой же испуг, ужас и борьбу, какие были в его сердце.

Пьер. Да кто же это делает, наконец? Кто же?

Барабаны. Залп. Пауза.

Адъютант Даву(Пьеру). «a leur apprendra a incendier!»[83 - Это их научит поджигать!]

Чтец. Пьер не понял того, что он спасен, что он был приведен сюда только для присутствия при казни.

Солдаты берут Пьера и уводят в другую сторону.

Темно

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Чтец. После казни Пьера отделили от других подсудимых. Перед вечером караульный
унтер-офицер объявил Пьеру, что он прощен и поступает теперь в бараки
военнопленных.

Сцена XXIV

Ночь. Изба. Лампада у образов. Кутузов раздет, в постели.

Чтец. Он, как опытный охотник, знал, что зверь ранен, ранен так, как только
могла ранить вся русская сила, но смертельно или нет, это был еще не
разъясненный вопрос.

Кутузов (бормочет в полусне). Он ранен смертельно... Им хочется бежать посмотреть,
как они его убили. К чему? К чему? Точно что-то веселое есть в том, чтобы
драться. Они точно дети!..

Стук.

Эй, кто там? Войдите, войди!

Толь со свечой входит.

Что новенького?

Толь взволнован, подает пакет.

(Прочитав.) Кто привез?

Толь. Не может быть сомнения, ваша светлость.

Кутузов. Позови, позови его сюда!

Толь вводит Болховитинова.

Подойди, подойди поближе. Какие ты привез мне весточки? А? Наполеон из Москвы
ушел? Воистину так? А? Говори, не томи душу!..

Болховитинов. И пленные, и казаки, и лазутчики единогласно показывают одно и то

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
же.

Кутузов(у образов). Господи, создатель мой! Внял ты молитве нашей... Спасена
Россия. Благодарю тебя, Господи!

Темно

Чтец. Со времени этого известия вся деятельность Кутузова заключается только в том, чтобы властью, хитростью, просьбами удерживать свои войска от бесполезных столкновений с гибнущим врагом.

Конец третьего действия

Действие IV

Сцена XXV

День. Дождь. Шалаш. Денисов, Эсаул и скорчившийся от страха пленный барабанщик-мальчик Венсон Босс.

Эсаул. Едет кто-то... Офицер...

Петя(выходит). От генерала. Извините, что не совсем сухо... (Подает пакет.)

Денисов читает.

Вот говорили все, что опасно, опасно... Впрочем, у меня два пистолета...

Денисов. Ростов! Петя! Да как же ты не сказал, кто ты? (Эсаулу.) Михаил Феоклитыч! Ведь это опять от немца, он при нем состоит. (Озабоченно.) Ежели мы его сейчас не возьмем, он у нас из-под носа выг'вет!..

Эсаул. Гм...

Петя. Будет какое приказание от вашего высокоблагородия?

Денисов. Пг'иказания?.. Да ты можешь ли остаться до завтрашнего дня?

Петя. Ах, пожалуйста... Можно мне при вас остаться?

Денисов. Да как тебе велено от генерала?

Петя. Да он ничего не велел, я думаю, можно?

Денисов. Ну, ладно.

Петя. Только вы пустите меня в самую главную!.. Василий Федорович! Пожалуйста!

Денисов. В самую главную?.. Пг'ошу слушаться и никуда не соваться...

Петя(Эсаулу). Ах, вам ножик? Возьмите, пожалуйста, себе. У меня много таких. Я у нашего маркитанта купил. Очень честный. Это главное... Это кто?

Эсаул. Пленный барабанщик. Венсон Босс зовут.

Петя. А можно дать ему чего-нибудь поесть?

Денисов(рассеянно). Можно.

Петя(с чувством). Позвольте вас поцеловать, голубчик. (Целует Денисова.) Bosse! Vincent!

Босс подходит.

Voulez-vous manger? N'ayez pas peur, on ne vous fera pas de mal.[84 - Хотите есть? Не бойтесь, вам ничего не сделают.](Вынимает из сумки еду, подает.)

Босс. Merci, monsieur![85 - Благодарю.](Отойдя, жадно ест.)

Долохов(выходит). Давно у тебя молодчик этот?

Денисов. Нынче взяли, да ничего не знает.

Долохов. Ну, а остальных ты куда деваешь?

Денисов. Как куда? Отсылаю под г'асписки! И смело скажу, что на моей совести нет ни одного человека!

Долохов. Вот молоденькому графчику в шестнадцать лет говорить эти любезности прилично, а тебе-то уж это оставить пора!

Петя. Что ж, я ничего не говорю..

Долохов. Ну этого ты зачем взял к себе? Затем что тебе его жалко? Ведь мы знаем эти твои расписки. Ты пошлешь их, а они помрут с голоду или их побьют. Так не все ли равно их не брать?

Денисов. Помг'ут? Только бы не от меня...

Внезапно послышался шум движения обозов. Все стихли.

Тихон(появляется внезапно). Французы! В гору выдираются. Вот они!

Денисов. Бг'ать?

Петя. Брать, брать!..

Эсаул. Место удобное.

Денисов. Бг'ать! Пехоту низом болотами... Вы заедете с казаками оттуда...

Долохов бросается вон.

Эсаул. Ложиной нельзя будет, тряси́на. Коней увязишь, надо объезжать полее...
(Бросается вон.)

Денисов(Тихону). Беги, давай сигнал!

Тихон убегает.

Петя. Василий Федорович, вы мне поручите что-нибудь? Ради Бога!..

Денисов. Слушаться меня и никуда не соваться. Лежать в шалаше.

За сценой выстрел.

Сигнал! (Бросается вон.)

За сценой свист казачий. Захлопали выстрелы. Ближе гул. Босс бросается ничком.
Крик за сценой: «В объезд! Пехоту обождать!»

Петя(выбегая из шалаша). Пехоту обождать... Ура-а-а!.. (Устремляется куда-то, но тотчас же падает.)

Долохов(появляется). Готов.

Денисов. Убит?

Долохов. Готов.

Темно

Сцена XXVI

В провинции.

Графиня. Соня... Соня... Последние несчастные обстоятельства... Ведь мы потеряли все

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
имущество в Москве... Одно спасение, чтобы Николай женился на Болконской... Разорви
свои связи с Николаем, напиши ему!

Соня начинает плакать.

Соня, ты напишешь Николеньке!

Соня. Мне слишком тяжело думать, что я могу быть причиной горя или раздора в
семействе, которое меня облагодетельствовало. Я сделаю все, я на все готова, я
напишу Nicolas, чтобы он считал себя свободным!

Графиня. Соня, Сонечка! (Обнимает ее.)

Голоса, плач.

Дуняша(всхлипнув). Несчастье, о Петре Ильиче письмо.

Граф(плача, входит). Петя... Пе... Петя...

Марья вбегает, обнимает Графиню.

Графиня. Наташу, Наташу! Неправда! Он лжет! Наташу! Подите все прочь, неправда!
Убили! Неправда!

Граф. Графинюшка!

Наташа(появилась). Друг мой! Маменька!

Графиня. Как я рада, что ты приехал. Ты похорошел и возмужал!

Наташа. Маменька, что вы говорите!

Графиня. Наташа! Его нет больше! (Идет.)

Все устремляются за ней.

Соня(одна). Я жертвую, жертвую. Я привыкла жертвовать собой! Но прежде, жертвуя
собой, я становилась более достойна Nicolas! А теперь, теперь жертва в том,
чтобы отказаться от того, что составляло всю награду жертвы, весь смысл жизни! Я
горечь чувствую к вам! Горечь! Вы меня облагодетельствовали, чтобы больше
замучить. Ну что же, я жертвую!

Темно

Сцена XXVII

Чтец. О той партии пленных, в которой был Пьер, во время всего движения от Москвы, не было от французского начальства никакого распоряжения. Партия эта 22 октября находилась уже не с теми войсками и обозами, с которыми она вышла из Москвы. Из 330 человек, вышедших из Москвы, теперь оставалось меньше ста.

Пленные еще больше, чем седла кавалерийского депо и чем обоз Жюно, тяготили конвоирующих солдат. Седла и ложки Жюно, они понимали, что могли на что-нибудь пригодиться, но для чего было голодным и холодным солдатам стоять на карауле и стеречь таких же холодных и голодных русских, которые мерзли и отставали дорогой, которых велено было пристреливать, это было не только непонятно, но и противно. И конвойные, как бы боясь в том горестном положении, в котором они сами находились, не отдаться бывшему в них чувству жалости к пленным и тем ухудшить свое положение, особенно мрачно и строго обращались с ними.

Ночь. Привал. Костер. У костра лежит Пьер, босой и оборванный, и Платон Каратаев, укрывшись шинелью.

Каратаев(бредит). И вот, братец ты мой... И вот, братец ты мой...

Пьер. Каратаев! А, Каратаев!.. Что? Как твое здоровье?

Каратаев. Что здоровье? На болезнь плакаться, Бог смерти не даст. (Бредит.) И вот, братец ты мой, проходит тому делу годов десять или больше того. Живет старичок на каторге.

Пьер, махнув рукой, отворачивается от Каратаева.

Как следовало покоряется, худого не делает. Только у Бога смерти просит. Хорошо!.. И вот, братец ты мой, стали старика разыскивать. Где такой старичок безвиннонапрасно страдал? От царя бумага вышла! А его уже Бог простил – помер! Так-то соколик! (Тихо стонет.)

Француз-конвоир подходит, смотрит на Каратаева, потом подталкивает Каратаева прикладом. Тот поднимается, шатаясь, берет за поводок свою собаку. Конвоир уводит Каратаева. Потом вдаль выстрел. Затем завывающая собака.

Пьер. Экая дура! О чем она воеет? (Ложится, дремлет.) В середине Бог, и каждая капля стремится расширяться, чтобы в наибольших размерах отражать его. И растет, и сливается, и сжимается, и уничтожается на поверхности, уходит в глубину и опять всплывает. Вон он, Каратаев, вот разлился и исчез. Vous avez compris, mon enfant?[86 – Понимаешь ты?] Каратаев убит. (Бредит.) Красавица полька на балконе моего киевского дома, куполы и жидкий колеблющийся шар, и опускаюсь куда-то в воду, и вода сошла над головой. (Засыпает.)

Пленный русский солдат подкрадывается к костру и, воровски оглядываясь, начинает жарить кусок лошадиного мяса.

Французский конвоир(отнимает у него мясо). Vous avez compris, sacre nom! Ça lui est bien egal! Brigand! Va![87 - Понимаешь ты, черт тебя дери! Ему все равно! Разбойник, право!]

Дальний топот конницы, свист, выстрелы. Крики: «Les cosaques!»[88 - казаки!]

(Бросая шомпол с мясом.) Les cosaques!

Пленный русский солдат. Казаки, казаки. Петр Кириллыч! Казаки. (Протирая руки.) Братцы родимые мои, голубчики.

Пьер, протирая руки, плачет.

Темно

Сцена XXVIII

Дом Болконских в Москве. Та же комната, что во второй сцене. Следы разгрома. Вечер. Свеча. Наташа в трауре сидит в темном углу. Марья идет в трауре навстречу входящему Пьеру.

Марья. Да. Вот как мы с вами встречаемся. Я так была рада, узнав о вашем спасении. Это было единственное радостное известие, которое мы получили с давнего времени.

Пьер. Да, какая судьба!

Марья. Вы не узнаете разве? Наташа.

Пьер. Не может...

Марья. Она приехала гостить ко мне. Ей нужно видеть доктора. Ее насильно отослали со мной.

Пьер. Да, так, так... Да. Так он смягчился, успокоился. Он так всеми силами души всегда искал: быть вполне хорошим, что он не мог бояться смерти. Так он смягчился? Какое счастье, что он свиделся с вами.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Наташа. Да, это было счастье. (Встает, говорит взволнованно.) Мы ничего не знали, когда ехали из Москвы. И вдруг Соня сказала мне, что он с нами. Мне только надо было видеть его, говорить с ним. (Умолкает.)

Марья. Скажите, вы не знали еще о кончине графини, вашей жены, когда остались в Москве?

Пьер. Нет. Мы не были примерные супруги. Но смерть эта меня страшно поразила. Когда два человека ссорятся, всегда оба виноваты. Мне очень жаль ее...

Марья. Да, вот вы опять холостяк и жених. (Пауза.) Но вы точно видели и говорили с Наполеоном, как нам рассказывали?

Пьер. Ни разу. Никогда. Всегда всем кажется, что быть в плену – значит быть в гостях у Наполеона. Я не только не видал его, но и не слышал о нем. Я был в гораздо худшем обществе.

Наташа. Но ведь правда, что вы остались, чтобы убить Наполеона?'

Пьер. Правда. (Пауза.) А ужасное зрелище. Дети брошены, некоторые в огне... Вырвали серьги...

Марья. Ну...

Пьер. Ну, тут приехал разъезд и всех тех, которые не грабили, всех мужчин забрали. И меня.

Наташа. Вы, верно, не все рассказываете, вы, верно, сделали что-нибудь... (Пауза.) Хорошее.

Пьер(засмеялся). Говорят, несчастья, страдания. Да ежели бы сейчас, сию минуту мне сказали: хочешь оставаться чем ты был до плена или с начала пережить все это? Ради Бога, еще раз плен и лошадиное мясо. Впереди много! (Наташе.) Это я вам говорю. Ну, прощайте, вам пора спать. (Встает.)

Наташа. Знаешь, Мари. Он сделался какой-то чистый, гладкий, свежий; точно из бани папа, бывало.

Марья. Он чудесный. Я понимаю, он – князь Андрей – никого так не любил, как его.

Наташа(вдруг гладит волосы Пьера). Стриженные волосы... (Плачет, выходит.)

Пьер. Я не знаю, с каких пор я люблю ее. Но я одну только ее, одну любил во всю мою жизнь и люблю так, что без нее не могу себе представить жизни. Просить руки ее теперь я не решаюсь, но мысль о том, что, может быть, она могла бы быть моею и что я упущу эту возможность, ужасна! Княжна, помогите мне! Что мне делать? Вы думаете, что я могу надеяться? Думаете?

Марья. Думаю. Уезжайте в Петербург. А я напишу вам.

Пьер. Княжна!!

Марья. Наташа! Он уезжает в Петербург!

Наташа(выйдя). Прощайте, граф. Я очень буду ждать вас. (Внезапно обнимает Пьера и целует.)

Пьер(задохнувшийся от радости). Нет, это невозможно! Невозможно!

Темно

Сцена XXIX

Та же комната в доме Болконских. День.

Марья(одна). После такого холодного приема! Я была права, не желая ехать первая к Ростовым! Я ничего и не ожидала другого. Мне нет никакого дела до него, и я только хотела видеть старушку, которая была всегда добра ко мне и которой я многим обязана. (Плачет.)

Официант. Граф Николай Ильич Ростов.

Марья(вытерев слезы). Ска... нет. Проси сюда.

Официант выходит.

Приехал только для того, чтобы исполнить долг учтивости.

Ростов, в штатском платье, входит.

Садитесь, граф. (Пауза.) Здоровье Графини?

Ростов. Благодарствуйте.

Марья. Вы в статском, граф!

Ростов. У меня отвращение к статской службе. Но ехать в армию больше нельзя, после смерти отца мать держится за меня как за последнюю приманку жизни. Придется снять любимый мундир и взять в Москве место по статской части. (Пауза.) Прощайте, княжна.

Марья. Ах, виновата. Вы уже едете, граф? Ну, прощайте.

Ростов. Да, княжна, недавно, кажется, а сколько воды утекло с тех пор, как мы с вами в первый раз виделись. Как мы все казались в несчастье, а я бы дорого дал, чтобы воротить это время... да не воротить!

Марья. Да, да. Но вам нечего жалеть прошедшего, граф. Как я понимаю вашу жизнь теперь, вы всегда с наслаждением будете вспоминать ее, потому что самоотвержение, которым вы живете теперь...

Ростов. Я не принимаю ваших похвал. Напротив, я беспрестанно себя упрекаю, но это совсем неинтересный и невеселый разговор. Прощайте, княжна. (Идет к дверям. Потом резко останавливается, поворачивается.)

Пауза.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Марья. Я думала, что вы позволите мне сказать вам это. Мы так сблизились с вами... и с вашим семейством, и я думала, что вы не почтете неуместным мое участие; но я ошиблась. Я не знаю почему, вы прежде были другой и...

Ростов. Есть тысячи причин – почему! Благодарю вас, княжна. Иногда тяжело.

Марья. Так вот отчего! Вот отчего! (Шепотом.) Нет, я не один этот веселый, добрый и открытый взгляд, не одну красивую внешность полюбила в вас. Я угадала твердую самоотверженную душу. Да, вы теперь бедны, а я богата... Да, только от этого! Но мне тяжело мое... Я признаюсь вам в этом. Вы из-за этого хотите лишиться меня прежней дружбы. И мне это больно! У меня так мало было счастья в жизни, что мне тяжела всякая потеря. Извините меня, прощайте! (Заплакав, ушла.)

Ростов(отчаянно). Княжна! Пойдите, ради Бога! Княжна!

Марья возвращается.

(Некоторое время молчит, потом с размаху бьет своей шляпой об пол.) Простите, простите, у меня гусарская привычка давать волю рукам. (Отчаянно.) Я... Я люблю вас!

Темно

Сцена XXX. Финал

Ноябрьский вечер. Мороз. Курган. Костры мушкетерского полка. Лес французских знамен.

Кутузов(выходит со свитой). Что ты говоришь?

Генерал. Французские знамена, ваша светлость!

Кутузов. А, знамена!.. (Обращается вдаль.) Благодарю всех. Благодарю всех за трудную и верную службу. Победа совершенная, и Россия не забудет вас. Вам слава вовеки! (Пауза.) Нагни, нагни ему голову-то!

Опускают французского орла.

Пониже, пониже, так-то вот! Ура, ребята.

За сценой тысячи голосов «Ура-ра-ра!!»

Вот что, братцы! Я знаю, трудно вам, да что же делать. Потерпите, недолго осталось. Выпроводим гостей, отдохнем тогда. За службу вашу вас царь не забудет. Вам трудно, да все же вы дома; а они, видите, до чего они дошли. Хуже нищих последних! Пока они были сильны, мы себя не жалели, а теперь их и пожалеть можно. Тоже и они люди. Так, ребята? (Пауза.) А и то сказать, кто же их к нам звал? Поделом им, мать их!..

Рев тысячи голосов, хохот. Кутузов со свитой и знаменами уходит. К костру возвращаются мушкетеры.

Краснорожий. Эй, Макеев, что ж ты запропал? Или тебя волки съели? Неси дров!

Востроносый приподымается, но опять валится. Молодой вносит дрова, раздувает костер. За сценой хоровая песня: «Ах, маменька, холодная роса, да хороша, да в мушкетера!..»

Плясун(выходя). Ах, маменька, холодная роса!..

Краснорожий. Эй, подметки отлетят! Экой яд плясать!

Плясун. И то, брат! (Отвертывает ногу.) А ничего не знают по-нашему. Я ему говорю: «Чьей короны?», а он свое лепечет. Чудесный народ.

Молодой. Сказывал мужик-то этот под Можайском, где страженья-то была, их с десяти деревень согнали, двадцать ден возили, не свозили всех мертвых-то. Волков этих что, говорят!

Старый. То страженья была настоящая, только и было чем помянуть, а то все после того... Так, только народу мученье.

Молодой. И то, дядюшка, позавчера набежали мы... Так куда те, до себя не допускают. Живо ружья покидали. На коленки. Пардон, говорит. Так только пример один. Сказывали, самого Полиона-то Платов два раза брал. Слова не знает. Возьмет, возьмет: вот на те, в руках, перекинется птицей, улетит, да и улетит. И убить тоже нет положенья.

Фельдфебель I. Эка врать ты здоров, Киселев, посмотрю на тебя.

Молодой. Какое врать, правда истинная.

Краснорожий. А кабы на мой обычай, я бы его, изловимши, да в землю бы закопал. А осиновым колом. А то что народу загубил.

Старый. Все одно конец сделаем, не будет ходить...

Шаги по снегу.

Плясун. Ребята, ведмедь...

Входят Рамбаль и Морель. Рамбаль в офицерской шляпе. Морель в женской шубенке и обвязан по-бабьи. Рамбаль падает у костра. Морель указывает на свой рот. Мушкетеры расстилают Рамбалью шинель и дают каши и водки. Рамбаль стонет, отказывается есть. Морель, жадно поев каши и выпив водки, указывает на свои плечи, хочет объяснить, что Рамбаль офицер и что его надо отогреть.

Фельдфебель I. Офицер...

Фельдфебель II. Спросить у полковника, не возьмет ли отогреть.

Фельдфебель I показывает Рамбалью, чтобы он встал. Рамбаль поднимается, шатается.

Краснорожий. Что? Не будешь?

Плясун. Э, дурак! Что врешь нескладно. То-то, мужик, право, мужик!

Молодой солдат и Вышедший солдат поднимают Рамбаля, несут.

Рамбаль(обнимая их шеи). Oh mes braves, oh mes bons amis. voilà des hommes! Oh mes braves, mes bons amis![89 - О молодцы! О мои добрые, добрые друзья! Вот люди! О мои добрые друзья!]

Морель(жадно ест, пьет. Захмелев, поет). Vive Henri quatre! Vive ce roi vaillant!

Песельник. Ну-ка, ну-ка, научи, как? Я живо перейму. Как?

Морель(обнимая Песельника). Vive Henri quatre! Vive ce roi vaillant! Ce diable a quatre...[90 - Да здравствует Генрих четвертый! Да здравствует сей храбрый король!]

Песельник. Виварика! Ви ф серуверу! Сидибляка!

Хохот.

Краснорожий. Вишь ловко! Го-го-го!

Плясун. Ну, валяй еще, еще!

Морель.

Qui eut le triple talent

De boire, de battre

Et d'être un vert geïant.[91 - имевший тройной талант пить, драться и быть любезником.]

Плясун. А ведь тоже складно. Ну, ну, Залетаев!

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Песельник. Кю... Кю-ю-ю... летрипала де бу де ба и детравогала.

Краснорожий. А важно! Вот так хранцуз! Ой-го-го!

Фельдфебель I. Дай ему каши-то; ведь не скоро наестся с голоду-то.

Дают Морелю каши, он жадно ест.

Старый. Тоже люди. И полынь на своем кореню растет.

Фельдфебель II. О-о! Господи, Господи! Как звездно, страсть. К морозу...

Слышна песня: «...Ах, маменька, холодная роса, да хороша, да в мушкетера...»

Темно

Чтец. И все затихло. Звезды, как будто зная, что теперь никто не увидит их, разыгрались в черном небе. То вспыхивая, то потухая, то вздрагивая, они хлопотливо о чем-то радостном, но таинственном перешептывались между собой.

Конец

Полоумный Журден[92 – Пьеса «Полоумный Журден» впервые опубликована в книге: Булгаков М. Драмы и комедии. М., 1965, Затем в книге. Булгаков М. Пьесы. М, Советский писатель, 1986. Составители Л. Е. Белозерская, И. Ю. Ковалева. Публикуется по расклейке этого издания. В Собрании сочинений в пяти томах, М., 1990, т. 4, публикуется с исправлениями по второй машинописной редакции, с правкой автора и Е. С. Булгаковой (ОР РГБ, ф. 562, к. 12, ед хр. II). Исследователям предстоит определить оптимальный вариант пьесы, соответствующий последней авторской воле. Пьеса написана по заказу Государственного театра под руководством Ю. А. Завадского в сентябре – ноябре 1932 года. Как и в «Багровом острове», Булгаков строит свою пьесу как репетицию будущего театрального действия. Выходят актеры под своими собственными именами, живут своей жизнью, пытаются быть самостоятельными и независимыми от театра, но вихри обязанностей вновь и вновь уносят их на сцену и заставляют жить жизнью своих героев. Булгаков создает самостоятельную пьесу, используя комедии Мольера «Дон Жуан», «Брак поневоле», «Скупой», а репетируют актеры пьесу «Мещанин во дворянстве». Луи Бежар (1630–1678), Андре юбер (1624–1700), Арманда Бежар (1642–1700), Шарль Лагранж (1635–1692), Катрин Дебри (1620–1706), Франсуа Латорильер (1626–1680), Жанна Боваль (1645–1720), Эдм Дебри (1607–1676), Филипп Дюкруази (1630–1695) – актеры труппы Мольера. Шамбор – охотничий замок короля Людовика XIV. Здесь 14 октября 1670 года – премьера комедии Мольера «Мещанин во дворянстве».]

Мольериана в трех действиях

Действующие.

Луи Бежар – актер (по пьесе – Журден).
Юбер – актер (по пьесе – госпожа Журден).
Госпожа Мольер – актриса (по пьесе – Люсиль).
Лагранж – актер (по пьесе – Клеонт)
Госпожа Дебри – актриса (по пьесе – Доримена).
Латорильер – актер (по пьесе – маркиз Дорант).
Госпожа Боваль – актриса (по пьесе – Николь).
Ковьель – актер (по пьесе – слуга Клеонта Ковьель).
Господин Дебри – актер (по пьесе – учитель фехтования).
Дю Круази – актер (по пьесе – философ Панкрасс).
Учитель театра и музыки.
Учитель танцев.
Брэндавуан – слуга Мольера (по пьесе – слуга Журдена).
Портной.
Нотариус.
Дон Жуан.
Статуя Командора.
Танцовщики, танцовщицы, музыканты, повара.

Действие происходит в Париже в 1670 году.

Действие первое

Бежар(выходит из разреза занавеса в плаще и шляпе, с фонарем, прихрамывает).
Благодарение небесам! Закончен день, и, признаюсь вам, господа, я устал. И что-то ноет моя хромая нога. А что помогает моей ноге? Мускатное винцо. Где же взять это винцо? Оно имеется в кабачке на улице Старой Голубятни. Идемте же в Старую Голубятню. (Начинает уходить под тихую музыку.)

Брэндавуан(в разрезе занавеса, с фонарем). Господин Бежар, не торопитесь так, вам есть письмоцо.

Бежар(делает вид, что не слышит, и идет, напевая). Ла-ла-ла-ла...

Брэндавуан. Нет, нет, сударь, остановитесь, вам письмо.

Бежар. А? Что? Кто-то зовет меня? Нет, мне послышалось. (Идет.) Ла-ла-ла-ла...

Брэндавуан. Нет, нет, сударь, бросьте, вам не послышалось, это я.

Бежар. Ах, это вы, Брэндавуан? Ах, я совершенно вас не заметил. Как ваше

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
здоровье? Хорошо, вы говорите? Ну, очень рад. Так до свидания, Брэндавуан, я
очень тороплюсь.

Брэндавуан. Нет, сударь, вам письмо.

Бежар. Ах, дорогой Брэндавуан, мне его и вскрывать не хочется, ибо я и так знаю,
что в нем заключается.

Брэндавуан. И, кроме того, пакет.

Бежар. Ах, тем более. В пакете – роли, я вижу это ясно, ибо не однажды уже видел
роли в пакетах. Только их так небрежно перевязывают веревкой. И право, я с
удовольствием бы удавился на этой веревке. Итак, отложим это до утра, ибо утро
вечера мудренее, как говорит философия, и семь раз примерь и один раз отрежь и...

Брэндавуан...и, сударь, это все очень хорошо, и я сам люблю заниматься философией,
но сейчас, к сожалению, для нее нет времени, так как господин директор просил
вас немедленно взяться за это дело.

Бежар. Так. Немедленно. (Открывает письмо.) Да, я это предчувствовал. О,
Брэндавуан! Прощай, Старая Голубятня, на сегодняшний вечер! Ну, дорогой
Брэндавуан, в благодарность за это письмо получайте роль Брэндавуана.

Брэндавуан. Помилуйте, сударь, я никогда в жизни не играл на сцене.

Бежар. Тем интереснее вам будет.

Брэндавуан. Сударь, помилуйте, я ведь не актер, а слуга господина директора.

Бежар. Слугу и будете играть, тем более что господин Мольер явно вас и описал.
Не утомляйте меня, Брэндавуан, сзывайте труппу.

Брэндавуан исчезает в разрезе занавеса. Музыка стихает.

Шамбор... о, бедная моя фантазия, до чего же не хватает тебе мускатного вина. С
каким наслаждением я побеседовал бы с приятелями в Старой Голубятне, сыграл бы в
кости. Я не чувствую ни малейшего желания попасть сейчас в объятия музы. Ах, вот
и занавес.

Занавес раскрывается. Сцена темна.

Огня, Брэндавуан, огня! О, темная пасть, проглатывающая меня ежевечерне в
течение двадцати лет, и сегодня мне не избежать тебя. Гм... я не в голосе сегодня...
О ты, источник и отчаяния и вдохновения... А, черт возьми, я долго буду
дожидаться?

Открываются люки, и из них поднимаются действующие лица с фонарями.

Юбер. В чем дело, хромой?

Бежар. Новая пьеса. Завтра спектакль у короля в Шамборе. Итак, Мольер болен. Я
поведу репетицию. Попрошу вас, не кричите все в одно время, я ничего не слышу.
Брэндавуан, суфлера!

Брэндавуан. Сударь, он здесь.

Бежар. Итак, я буду краток. Господин Мольер заболел, и я буду играть главную роль Журдена. Соль в том, что я сошел с ума.

Юбер. Я давно это стал замечать.

Бежар. Юбер!.. Я хочу сказать, я, то есть Журден, парижский мещанин, богатый человек, помешался на том, что он – знатный дворянин, вот и все. (Госпоже Мольер.) Люсиль – его дочь. Очаровательна, впрочем, как и вы в жизни.

Госпожа Мольер исчезает.

(Лагранжу.) Клеонт – возлюбленный.

Лагранж исчезает.

Госпожа Дебри – Доримена, маркиза хитрая, лживая женщина. Отнюдь не такая, как вы в жизни.

Госпожа Дебри исчезает.

Господин Латорильер – маркиз Дорант, мошенник. Извините.

Господин Латорильер исчезает.

Госпожа Боваль! Николь, служанка Люсиль, словом, все понятно.

Госпожа Боваль исчезает.

Дю Круази – педант, философ Панкрасс.

Дю Круази. Позволь, ты слишком краток. Хотя бы я знал, в чем дело?

Бежар. Филибер, мне ли тебя учить? В чем сущность педанта? Парик, смешная шляпа, плащ. Провались, Дю Круази.

Дю Круази исчезает в люке, затем выскакивает в виде Педанта.

Вот, ты всегда славился быстротой своей работы.

Дю Круази исчезает.

(Одному из актеров.) Ковьель – хитрый, умный слуга Клеонта.

Ковьель исчезает.

(Трем актерам.) И, наконец, господин Дебри и вы двое – учитель фехтования, учитель музыки и театра и учитель танцев, присосались к бедному Журдену и тянут из него деньги, развлекая его всякими представлениями.

Дебри и Учитель танцев исчезают.

Гм... Портной, нотариус, танцовщики... ага, это все на месте... Брэндавуан! Освети мне волшебную приемную господина Журдена!

Сцена волшебно изменяется.

Юбер. Я, стало быть, свободен?

Бежар. О нет, дорогой Юбер. Ты – моя старая и верная жена. (Обнимает и целует Юбера трижды)

Юбер. О, как мне надоели женские роли! (Проваливается.)

Бежар. Брэндавуан,ними с меня штаны.

Брэндавуан начинает снимать с Бежара штаны.

Ах, я забыл, что здесь публика. Ко мне в спальню, Брэндавуан. А вы, господа, дело вот в чем... Утро. Начинается день господина Журдена. Учитель музыки подсматривает в щелку, как одевает Журдена Брэндавуан... Начали.

Бежар скрывается за дверь с Брэндавуаном. Учитель музыки, спиной к публике, смотрит в щелку. Другая дверь открывается, входит Учитель танцев.

Учитель танцев(про себя). Этот уже на месте. Проворен. (Громко.) Здравствуйте.

Учитель музыки(не отрываясь от щелки). Здравствуйте.

Учитель танцев(становясь на стул, подглядывает.) Вы что-нибудь видите?

Учитель музыки. Да. Брэндавуан надевает на него штаны. Малиновые.

Учитель танцев. Да... Дела... (Пауза.) А вы, сударь, как я вижу, ежедневно навещаете господина Журдена?

Учитель музыки. Да. И вы тоже.

Учитель танцев. Но вы здесь с самого раннего утра. Мне никогда не приходилось слышать, чтобы серенады распевались с самого утра.

Учитель музыки. Ну да, вы, конечно, предпочитаете, чтобы ваш клиент плясал с утра.

Учитель танцев. Это полезнее, чем горло драть.

Учитель музыки. Конечно, конечно, с утра полезнее дрыгать ногами.

Пауза.

Учитель танцев(шепотом). Знаете, было бы гораздо лучше, если бы мы с вами не ссорились.

Учитель музыки. Вы находите?

Учитель танцев. Да-с... Я объясню вам свою мысль. С тех пор как почтенный хозяин спянул, слишком много народу увивается вокруг него. Согласитесь, что, ссорясь, мы только повредим друг другу и что кто-нибудь другой займет наше место.

Учитель музыки. Вы умный человек, милостивый государь.

Учитель танцев. Благодарю вас, сударь. Итак, союз?

Учитель музыки. Союз.

Учитель танцев. Мне, например, не нравится этот длинный подлиза со шпагой.

Учитель музыки. Учитель фехтования?

Учитель танцев. Да. Его необходимо выжить из дому. Тссс... идет Журден.

Торжественно появляется Журден, а за ним Брэндавуан.

Журден. Здравствуйте, господа преподаватели.

Учителя. Как чувствуете вы себя, господин Журден?

Журден. Я заставил вас ждать, господа? Но виноват мой портной. Это дрянь, а не портной. Он сделал такие узкие штаны, что я еле поворачиваюсь в них. Как вы находите их?

Учитель музыки. Исключительные штаны.

Журден. Занятные люди по утрам носят такие штаны. Это мои утренние штаны.

Учитель танцев. Они вам удивительно к лицу.

Журден. Благодарю вас. Итак, с чего мы начнем сегодняшний урок театра?

Учитель музыки. Благоволите прослушать, господин Журден, серенаду, сочиненную одним из моих учеников.

Журден. Очень хорошо. Брэндавуан!

Брэндавуан. Что угодно, сударь?

Журден. Мне ничего не угодно. Я просто проверял, тут ли ты. Впрочем, нет, надень на меня халат.

Брэндавуан надевает на Журдена халат.

Брэндавуан! Сними с меня халат. Я раздумал. Ну итак, я слушаю серенаду.

Открывается второй занавес, и на эстраде выступают Певец и Певица – поют под аккомпанемент струнных:

Я изнываю день и ночь,
Никто не в силах мне помочь.
Прекрасная Ирис...

Нет, не могу больше! Ах черт!..

Пение прекращается.

Учитель музыки. Виноват, господин Журден...

Журден. Это не сапожник, это каналья! Не могу больше, до того жмут, Брэндавуан! Сними с меня башмаки. Продолжайте господа.

Пение:

Прекрасная Ирис,
Сердце мое в крови,
Я погибаю от любви...

Учитель музыки. Как вы находите?

Журден. Да, песня мрачновата. На кладбище тянет. Признаюсь вам, мне не хочется ее учить. А вот на днях я слышал песенку. Превосходная песенка! (Поет.)

Ах, милей Жаннеты нету,
Полюбил и я Жаннету.
Меня Жаннета заманила,
А потом и изменила.

Хорошая песня?

Учитель танцев. Превосходно. И мило и просто!

Журден. А я хорошо пою?

Учитель музыки. Превосходно. Просто хорошо. Вот ее и будем учить.

Журден. Ну-с, теперь танцы.

Учитель танцев. Внимание. Менуэт.

Журден. Я люблю менуэт.

Играет менуэт. Танцовщик и Танцовщица танцуют.

Учитель танцев. Ну-с, пожалуйста, сударь, на сцену. Благоволите повторять.

Все поют: ла-ла-ла-ла...

Журден. Меня немножко смущает, видите ли, что я хромаю.

Учитель танцев. Кто хромает? Вы? С чего вы это взяли, господин Журден?

Журден. Неужели это незаметно?

Учитель музыки. Совершенно незаметно.

Учитель танцев. Ну-с, итак, а-ла-ла-лала-ла... Не шевелите плечами! Выворачивайте носки! А-ла-лала-ла...

Учитель музыки. Браво, браво!

Появляется Учитель фехтования.

Учитель фехтования. Доброе утро, сударь.

Журден. Аа!

Учитель танцев(Учителю музыки). Явился, негодяй!

Журден. Ну-с, господа, теперь урок фехтования.

Учитель фехтования. А вот напрасно, сударь, вы танцевали до урока фехтования. Это зря, утомляет.

Учитель танцев. Простите, сударь, танцы никого не утомляют. Утомляет фехтование.

Учитель фехтования. Сударь, не слушайте господина танцмейстера.

Учитель танцев. Сударь, я не советовал бы вам прислушиваться к тому, что говорит господин фехтовальщик.

Журден. Господа, господа, не будем ссориться. Знатные люди совмещают и танцы и фехтование.

Учитель фехтования. Итак, сударь, берите шпагу. Поклон. Корпус прямо. Голову тоже прямо. Так. Раз, два. Начинайте, сударь. Выпадайте. Плохо выпали. (Колет Журдена.)

Журден. Ох... Господи...

Учитель фехтования. Еще удар. Раз, два. Выпадайте. Плохо выпали. (Колет Журдена.)

Журден. Мать, Пресвятая Богородица...

Учитель фехтования. Прыжок назад. Еще раз выпадайте. Плохо выпали. (Колет Журдена.)

Журден. Святая Дева...

Учитель фехтования. Она вам не поможет. Прыжок вперед. Выпадайте. Плохо выпали. Опять плохо выпали. (Колет Журдена.)

Журден(выпадает, разбивает вазу). Ох...

Учитель фехтования. Хорошо выпали. (Колет Журдена, разрывает на нем камзол.)

Журден(садясь на пол). Сдаюсь.

Учитель фехтования. Ну, достаточно на сей раз. Хватит. Видите, сударь, какое это искусство.

Журден. Вижу.

Учитель фехтования. Искусство фехтования значительно выше этих всяких танцев и тому подобной музыки.

Журден. Извините, господа, я пойду переменить камзол. Брэндавуан! (Уходит с Брэндавуаном.)

Пауза.

Учитель танцев. Вы, сударь, сказали, что искусство фехтования выше, чем танцы?

Учитель фехтования. Сказал.

Учитель музыки. И выше, чем музыка и театр?

Учитель фехтования. Выше.

Учитель танцев. Это хамство, сударь.

Учитель фехтования. Напротив, это вы – дурак.

Учитель танцев. Я вам дам по уху.

Учитель музыки. И я тоже.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Учитель фехтования. Попробуйте.

Учитель танцев. И попробую.

Учитель фехтования. Попробуйте!

Учитель танцев. И попробую!

Учитель фехтования. Попробуйте!

Учитель танцев. Уговорили вы меня. (Бьет Учителя фехтования.)

Учитель музыки. Правильно!

Учитель фехтования. Так! Поклон. Корпус прямо. Раз, два. Выпадаю.

Учитель музыки(сзади). Плохо выпали! (Бьет Учителя фехтования.)

Учитель танцев, вырвав шпагу у Учителя фехтования, бьет его.

Учитель фехтования(кричит). Караул!

Николь(вбегая). Батюшки, этого не хватало! (Скрывается с криком.) Господин Журден! Господин Журден! Ваши учителя подрались!

Журден(вбежав в другом камзоле). Господа! Господа! Что вы делаете? Господа! Господа!

Меняется свет, и из люка появляется философ Панкрасс.

Панкрасс. Что за гам? Что за содом? Мне кажется, что здесь избивают человека?

Журден. Чистейшая правда, господин философ. Они чуть не ухлопали его совсем. Господа! Господин философ, умоляю, успокойте их. Господа, учитель философии, господин Панкрасс.

Панкрасс. Я успокою. В чем дело, сударь?

Учитель фехтования(плача). Они меня поколотили.

Журден. Почему же вы не закололи их?

Учитель фехтования. Вот я на них в суд подам, будут они знать.

Панкрасс. Спокойствие. Прежде всего, сударь, измените вашу манеру выражаться. Вы должны были сказать: мне кажется, что меня поколотили.

Учитель фехтования. Как – кажется?!

Журден. Господа, берите стулья. Это замечательный человек, он моментально вам все объяснит.

Учитель фехтования. Как – кажется?!

Панкрасс. Сударь, философия учит нас, что не должно быть вполне решительных суждений. Вам может казаться, а факт на самом деле может и не существовать.

Журден. Ну, вот видите.

Учитель фехтования. Чего видите? Это глупости какие-то!

Панкрасс. И опять-таки вам кажется, что это глупости.

Журден. Ну вот, я вам говорил.

Учитель фехтования. Но позвольте, у меня на физиономии синяк!

Панкрасс. Вам кажется, что он на физиономии.

Учитель фехтования. Ничего не понимаю!

Панкрасс. Вам кажется, что вы ничего не понимаете! Вы сейчас все поймете. Изложите мне ваше дело.

Учитель фехтования. Дело в том, что эти два негодяя...

Учитель музыки, Учитель танцев. Мы тебе покажем негодяев!

Журден. Господа, господа...

Панкрасс. Прежде всего, на каком языке вы хотите со мной говорить?

Учитель фехтования. На том, который у меня во рту.

Панкрасс. Вы не поняли.

Журден. Вы не поняли.

Панкрасс. На каком наречии? Хотите, по-гречески?

Журден. Ах, черт...

Учитель фехтования. Нет.

Панкрасс. По-латыни?

Учитель фехтования. Нет.

Панкрасс. По-сирийски?

Учитель фехтования. Нет.

Панкрасс. По-еврейски?

Учитель фехтования. Нет.

Панкрасс. По-арабски? Давайте, давайте.

Учитель фехтования. Да нет же.

Панкрасс. По-итальянски, по-испански, по-английски, по-немецки?

Учитель фехтования. Нет. На родном языке.

Панкрасс. А-а! На родном. В таком случае, прошу вас, перейдите к этому уху. Это ухо предназначено у меня для иностранных языков, а это отдельно, – для родного.

Учитель фехтования. Это болван, а не философ.

Панкрасс. Вам кажется, что я болван.

Журден. Вам кажется.

Учитель фехтования. Тьфу! (Плюет в Панкрасса.)

Журден. Что вы делаете? Господин философ, простите!

Панкрасс. Пожалуйста, пожалуйста, он не попал.

Учитель фехтования. Ты черт или человек?! (Бросается на Панкрасса.)

Журден подворачивается и получает по физиономии.

Журден. Спасибо! Что же это такое?

Панкрасс. Ничего, ничего, он даже и не коснулся меня.

Журден. Но позвольте...

Панкрасс. Только одно – не гневайтесь.

Журден. Я не буду гневаться. Гоните его вон, подлеца! И навсегда из дому!

Учитель музыки, Учитель танцев. Давно пора! С удовольствием!

Учителя музыки и танцев схватывают Учителя фехтования и волокут его вон.

Панкрасс. Без гнева, без гнева, господин Журден.

Журден. Я без гнева. Негодяй!

Панкрасс. Ну-с, чем же мы сегодня займемся, господин Журден?

Журден. Видите ли... я влюблен... Что вы по этому поводу скажете?

Панкрасс. Скажу, что это возможно.

Журден. Очаровательная женщина!

Панкрасс. И это возможно.

Журден. Мне хотелось бы ей послать любовную записку.

Панкрасс. И это возможно. Стихами или прозой?

Журден. Не стихами и не прозой.

Панкрасс. А вот это невозможно.

Журден. Почему?

Панкрасс. Существуют только или стихи, или проза. Никак иначе ни писать, ни говорить нельзя.

Журден. Я потрясен. Спасибо вам за это открытие. Но позвольте, а в театре? Я бы хотел, чтобы было как в театре, так же красиво.

Панкрасс. Все равно – или проза или стихи.

Журден. Господин учитель театра и музыки!

Учитель музыки(появляется). Да, да, я здесь, господин Журден.

Журден. Вы не могли бы сейчас представить нам что-нибудь театральное, только прозой?

Учитель музыки. Ничего нет легче, сударь. Разрешите, я вам покажу заключительную сцену из «Дон Жуана», сочинение господина Мольера?

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Журден. Господин философ, берите стул.

Учитель музыки. Эй, финал «Дон Жуана» для господина Журдена.

Свет меняется, раскрывается занавес. На сцене Дон Жуан. Возникает Статуя Командора.

Статуя. Остановитесь, Дон Жуан. Вчера вы дали мне слово откусать со мной.

Дон Жуан. Да. Куда идти?

Статуя. Дайте мне руку.

Дон Жуан. Вот она.

Статуя. Дон Жуан, закоренелость в грехе ведет к ужасной смерти!

Дон Жуан. Что я чувствую! Невидимый огонь жжет меня!

Журден. Проза?

Панкрасс. Она.

Госпожа Журден(возникнув внезапно, обращается к Статуе). Пошел вон!

Статуя. Виноват, кто?

Госпожа Журден(Дон Жуану и Статуе). Оба пошли вон из моего дома сию секунду! Провалитесь!

Дон Жуан и Статуя проваливаются.

Панкрасс. Мне кажется, что это ваша супруга?

Журден. Увы. На сей раз это вам не кажется. Это она на самом деле. О Боже мой. Прозой умоляю тебя, не устраивай скандала при учителе!

Госпожа Журден. Что же такое творится в доме?

Журден. Ничего не делается. Просто мы смотрели «Дон Жуана».

Госпожа Журден. Это Дон Жуан разбил лучшую вазу? Это Дон Жуан топал здесь, как лошадь? Что делается в нашем доме?

Журден. Крошка моя, успокойся.

Госпожа Журден. Какая я тебе крошка! Что это за крошка! Ты смеешься надо мной, старый безобразник!

Журден. Вот какая пошла проза, господин философ. Перейди к этому уху... то есть, нет, не переходи...

Панкрасс. Без гнева, сударыня.

Госпожа Журден. Этот шут еще вмешивается!

Журден. Что ты говоришь! Это философ Панкрасс. (Панкрассу.) Сударь, мы окончим урок в другое время... Видите...

Панкрасс. Да, мне кажется, что я вижу... До свиданья, сударь. (Уходит.)

Госпожа Журден. Что это такое? Ведь это же срам! Ты окончательно спятил, с тех пор как вообразил, что ты знатный дворянин, – с утра в доме безобразие, какие-то шуты гороховые, музыка, соседей стыдно! Почтенный человек! Совершенно ополоумел! Вместо того чтобы заниматься своей лавкой, куролесит!

Журден. Замолчи, невежественная женщина!

Госпожа Журден. Кто такая невежественная женщина? Нагнал полный дом всякого сброда! Чего стоит один этот знатный проходимец с кружевами на штанах, который сосет из тебя деньги! Этот мошенник!

Журден. Кто такой этот мошенник?

Брэндавуан(появляясь). Маркиз Дорант.

Журден. Тссс!.. Замолчи сию минуту!

Дорант(появляется). Милейший Журден! Как ваше здоровье?

Журден. О маркиз! Какая честь! Мое здоровье превосходно!

Дорант. Прежде всего прошу вас, господин Журден, немедленно накройте шляпой, вы простудитесь.

Журден. Ни за что, маркиз. (Остается с непокрытой головой.)

Дорант. Господин Журден, вы вынудите меня удалиться.

Журден. Вы? Удалиться? Я надеваю шляпу.

Дорант. Ба! Как вы прекрасно одеты! По утрам так одеваются только придворные кавалеры.

Журден. Я похож на придворного кавалера?

Дорант. Если вы не похожи на него, пусть отсохнет мой язык.

Журден. Маркиз, если бы у вас отсох язык, я умер бы с горя.

Дорант. А если бы вы умерли, то в свою очередь немедленно умер бы я. Тоже с горя. Позвольте мне вас поцеловать, господин Журден.

Журден. Ни за что! Я не могу допустить этой чести!

Дорант. Нет, нет. Я проснулся сегодня с мыслью, что мне предстоит что-то очень приятное. Я подумал: я поцелую сегодня господина Журдена. (Целует.) Одна щека готова. Позвольте другую.

Госпожа Журден. Вот мерзкий подлиза!

Дорант. Виноват! А! Госпожа Журден! Простите, я вас не заметил.

Госпожа Журден. Пожалуйста, пожалуйста...

Дорант. Вашу ручку, госпожа Журден.

Госпожа Журден. Не беспокойтесь, не беспокойтесь...

Дорант. Госпожа Журден не в духе.

Госпожа Журден ворчит.

Ну-с, милейший Журден, я приехал к вам, чтобы свести с вами счет.

Журден(тихо, госпоже Журден). Видала? Какая ты свинья. (Доранту.) Сударь, в этом нет никакой надобности.

Дорант. Ни слова, Журден. Я привык быть аккуратным в своих делах. Итак, сколько же я вам должен?

Журден. Я составил маленький мемуарчик. Вот он. Вначале вам было дано двести ливров.

Дорант. Совершенно верно.

Журден. Далее по трем счетам вашим я уплатил... портным пять тысяч ливров... в магазины... седельному мастеру... всего пятнадцать тысяч восемьсот ливров.

Дорант. Идеально верно. Прибавьте к этому те двести ливров, которые я возьму у вас сейчас, и будет ровно шестнадцать тысяч ливров.

Госпожа Журден. Боже, какой мерзавец!

Дорант. Виноват, сударыня...

Госпожа Журден. Нет, ничего. Это я просто сказала, что господин Журден дурак.

Дорант. Помилуйте, сударыня, он очень умный человек.

Госпожа Журден. Тьфу! (Плует и уходит.)

Журден. Слушаю, маркиз, я сейчас их вам принесу. (Уходит.)

Дорант(один). Дела мои дрянь, господа. Хуже всего то, что он влюблен в Доримену, не зная того, что я сделал ей предложение. А между тем не жениться мне на Доримене нельзя. Если я не овладею ее состоянием, я пропаду в лапах у кредиторов. Да, роль моя не особенно красива, но что же поделаешь. (Входящему Журдену.) Может быть, вас это затрудняет, милый Журден?

Журден. Ничуть, маркиз! Для вас я готов на все. (Вручает деньги.)

Дорант. Может быть, я вам в свою очередь могу быть чем-нибудь полезен?

Журден(шепотом). Я хотел бы узнать маркиз, относительно...

Дорант. Я понимаю вас с полуслова. Маркиза Доримена, в которую вы влюблены, чувствует себя превосходно. (Про себя.) Ох, сейчас спросит про кольцо, чувствую...

Журден. А это кольцо...

Дорант. Я понял вас с полуслова. Вы хотите спросить, понравилось ли ей то бриллиантовое кольцо, которое вы ей подарили и передали через меня?

Журден. Вы угадали.

Дорант. Она была в восторге.

Журден. А, скажите, когда...

Дорант. Я понял вас с полуслова...

Госпожа Журден(тихо появившись). Не нравится мне этот разговор. (Шепотом.) Николь!

Николь тихо появляется.

(Тихо.) Подслушай, о чем они говорят.

Дорант(тихо). Я намерен завтра позвать к вам обедать... маркизу Доримену...

Журден. Неужели меня ждет такое счастье?

Дорант. Ждет.

Журден. Я думаю сплавить мою драгоценную супругу... (Замечает Николь, дает ей пощечину.) Ах, дрянь! (Доранту.) Уйдемте отсюда. (Уходит с Дорантом.)

Николь(держась за щеку, госпоже Журден). Вот, сударыня... видите...

Госпожа Журден. Ничего, моя бедная Николь, я награжу тебя. О чем говорили эти подлецы?

Николь. Ох, сударыня, ваш драгоценный затевает шашни с некоей маркизой Дорименой.

Госпожа Журден. Мерзавец! Не прошло и двадцати четырех лет с тех пор, как мы женаты, а он уже разлюбил меня!

Николь. Не расстраивайтесь, сударыня.

Госпожа Журден. Я и не думаю расстраиваться. Просто я беспокоюсь, что он спустит все состояние, и бедная моя дочурка останется без приданого. Ну, вот что, дальше так продолжаться не может. Немедленно посылай Брэндавуана к Клеонту, чтобы он спешил и сделал Люсиль предложение. Иначе все погибнет.

Николь. Сударыня, спешу, лечу.

Госпожа Журден уходит.

Брэндавуан! Брэндавуан!

Брэндавуан(входя). Чего тебе?

Начинает идти занавес.

Николь. Беги сейчас же к Клеонту, барыня велела, и зови его сюда.

Брэндавуан. Чего б там барыня ни велела, я не могу позвать его сюда, потому что конец действия.

Николь(публике). Антракт.

Занавес

Действие второе

Николь(Брэндавуту). Ну, иди же за Клеонтом скорее. Брэндавуан. Не за чем идти, вот они сами идут сюда.

Брэндавуан уходит. Входят Клеонт и Ковьель.

Николь. Ах, до чего вы кстати, господин Клеонт! А мы только что хотели за вами послать. Здравствуй, Ковьель.

Клеонт. Пошла ты к черту!

Николь. Что это значит?!

Клеонт. Отправляйся к своей вероломной барышне и сообщи ей, что Клеонт не позволит смеяться над собою.

Николь. Что такое? Ничего не понимаю. Ковьель, в чем дело?

Ковьель. Сгинь.

Николь. Ну, поздравляю. Наш хозяин спятил, и эти двое тоже. Пойду расскажу барышне. (Убегает.)

Клеонт. Так поступить с верным и преданным возлюбленным?

Ковьель. Да, сударь, уж и отмочили наши возлюбленные штучку!

Клеонт. Укажи мне, Ковьель, хоть кого-нибудь на свете, кто любил бы ее так нежно и пылко.

Ковьель. Никого, сударь, указать не могу.

Клеонт. Я не видел ее два дня, и эти два дня показались мне ужасными столетиями. Наконец счастливый случай сталкивает меня с нею на улице, я бросаюсь к ней, на моем лице было написано... Что было написано на моем лице, Ковьель?

Ковьель. Радость и страсть были написаны на вашем лице, сударь, будь я проклят.

Клеонт. И что ж? Изменница отвращает от меня взор и проходит мимо меня так, как будто видит меня впервые в жизни. Что, Ковьель?

Ковьель. Ничего, сударь, то же самое проделала со мной и Николь.

Клеонт. И это после тех слез, которые я столько раз проливал у ее коленей.

Ковьель. Что, сударь, слезы? Сколько ведер воды я ей перетаскал из колодца!

Клеонт. Какие ведра? Что ты?

Ковьель. Я говорю про Николь, сударь.

Клеонт. Сколько раз я горел в огне моей страсти!

Ковьель. Сколько раз я жарился на кухне, поворачивая за нее вертел.

Клеонт. Какая кухня? Ах, да, ты про Николь говоришь.

Ковьель. Точно так, сударь.

Клеонт. Нет меры моему негодованию!

Ковьель. Какая уж тут мера.

Клеонт. Брани ее, Ковьель! Рисуй мне ее в дурном виде, чтобы я скорее забыл ее.

Ковьель. С удовольствием, сударь. Глазки у нее маленькие, сударь.

Клеонт. Что ты врешь? Ну, да, небольшие глазки, но зато сколько в них огня!

Ковьель. А рот велик.

Клеонт. Это правда, но он обворожителен.

Ковьель. Ростом не вышла.

Клеонт. Но зато как сложена!

Ковьель. Она глупа, сударь!

Клеонт. Как ты смеешь! У нее тончайший ум!

Ковьель. Позвольте, сударь, вы же не даете мне ее ругать.

Клеонт. Нет, нет, ругай.

Ковьель. Она капризна, сударь.

Клеонт. Ей идут эти капризы, пойми!

Ковьель. Ну, достаточно, сударь, я устал. Пусть вам ее ругает кто-нибудь другой.

Входят Люсиль и Николь.

Клеонт. Я не хочу с ней говорить. Помни, Ковьель, ни одного слова.

Ковьель. Будьте покойны, сударь.

Люсиль. Что означает ваше поведение, Клеонт?

Николь. Что с тобою, Ковьель?

Люсиль. Вы онемели, Клеонт?

Николь. Ты что, лишился дара слова?

Пауза.

Клеонт. Вот настоящая злодейка!

Ковьель. Иуда!

Люсиль. Ты права, Николь, они оба сошли с ума. Если вас расстроила вчерашняя встреча, то позвольте, я объясню, в чем делр.

Клеонт. Нет, я не хочу слушать.

Николь. Дай я тебе объясню.

Ковьель. Нет.

Люсиль. Вчера утром...

Клеонт. Нет.

Николь. Утром вчера...

Ковьель. Отпрыгни.

Люсиль. Клеонт, остановитесь!

Клеонт. Довольно лживых песен!

Николь. Послушай, Ковьель!..

Ковьель. Заранее говорю, вранье.

Люсиль. Ну, хорошо, раз вы не желаете слушать, – идем, Николь.

Николь. Идемте, барышня.

Клеонт. Ну, извольте объяснить ваш поступок.

Люсиль. Нет, мне не хочется говорить.

Ковьель. Выкладывай.

Николь. Нет.

Клеонт. Я прошу вас.

Люсиль. Оставьте меня.

Ковьель. Ну, ну!

Николь. Ни-ни.

Клеонт. Так вы уходите? Хорошо! Но знайте, жестокая, что я уйду от вас, чтобы умереть! Ковьель!

Ковьель. Сударь, я ныряю вслед за вами.

Люсиль. Остановитесь, Клеонт!

Николь. Постой, Ковьель!

Ковьель. Стою.

Люсиль. Слушайте же. Я шла вчера утром с отцом, а он мне запретил кланяться кому бы то ни было на улице, кроме маркизов. Я боялась даже кивнуть вам.

Ковьель. Вот так штука!

Клеонт. Вы не обманываете меня, Люсиль?

Люсиль. Клянусь, нет!

Клеонт. Но вы-то любите меня?

Люсиль. О Клеонт!

Николь. Ковьель!

Целуются. Слышны шага. Люсиль и Николь убегают. Из другой двери входит госпожа Журден.

Госпожа Журден. А, Клеонт! Я рада вас видеть.

Клеонт. Милая госпожа Журден.

Госпожа Журден. Ах, Клеонт, я расстроена.

Клеонт. Что вас огорчает, сударыня?

Госпожа Журден. Огорчает меня один идиот, Клеонт.

Клеонт. За что такие слова, сударыня, помилуйте!

Госпожа Журден. Ах, дружок, я не о вас говорю.

Ковьель. Стало быть, обо мне.

Госпожа Журден. Идиот этот – мой муж, Клеонт. Да, да. Спятил он, как ни горько мне признаться. Помешался на том, что он знатный дворянин. Одним словом, Клеонт, сделайте скорее предложение, пока он не размотал все наше состояние. Дочка любит вас, а мне вы также очень нравитесь.

Клеонт. О, сударыня, если бы вы знали, как мне сладки ваши слова!

Госпожа Журден. Расцелуйте меня, Клеонт.

Ковьель целует госпожу Журден.

А ты при чем здесь?

Ковьель. Ах, сударыня, признаюсь вам, что и у меня есть свой план. Я люблю вашу служанку Николь. Надеюсь, что вы не учините никаких препятствий к моему браку.

Госпожа Журден. Не учиню.

Ковьель целует госпожу Журден.

Отстань! Ну, я сейчас его позову. (Уходит.)

Журден(войдя). А, сударь!

Клеонт. Сударь, я прибыл к вам, чтобы сообщить, что честь быть вашим зятем так велика, что я не мог удержаться от того, чтобы не попросить у вас руки вашей дочери.

Журден. Очень приятно. Но прежде всего, сударь, скажите мне, на каком языке вы желаете разговаривать со мной?

Клеонт. На родном языке, сударь, если позволите. К тому же я не знаю никакого другого языка.

Журден. Я прошу вас, перейдите тогда к этому уху. Это ухо предназначено у меня для родного языка. А другое ухо – для языков иностранных.

Клеонт. Слушаю, сударь. (Переходит.)

Ковьель. Вон оно какие дела!

Клеонт. Итак, сударь...

Журден. Виноват. Вы хотите говорить со мной стихами или прозой?

Клеонт. Прозой, если позволите. Я не умею говорить стихами.

Журден. Ах, как жаль. Ну, слушаю вашу прозу.

Клеонт. Итак, сударь, я хотел бы жениться на вашей дочери.

Журден(поразмыслив). Это возможно.

Клеонт. Я обожаю ее, сударь.

Журден(подумав). И это возможно.

Клеонт(волнуясь). Так что же вы скажете мне на это, о сударь...

Журден. Это невозможно.

Клеонт. О, сударь!..

Журден. Я спрошу вас, – вы дворянин, сударь?

Клеонт. Нет, сударь, я не дворянин. Говорю вам это прямо, потому что не привык лгать.

Ковьель зашипел.

Чего ты мне мигаешь?

Ковьель(кашляя). Я не мигал вам, сударь, это вам послышалось. Продолжайте, сударь, но только умненько.

Клеонт. Да, сударь, я не умею лгать, я не дворянин.

Ковьель. О, Господи!

Журден. Я уважаю вас, сударь, за прямоту. Придите в мои объятия.

Целуются.

(Закончив поцелуй.) А дочку свою я вам не отдам.

Клеонт. Почему?!

Ковьель. Вот какая вышла проза.

Журден. Я твердо решил выдать свою дочь только за маркиза. Простите меня, сударь, мне нужно отдать некоторые распоряжения моим многочисленным лакеям. С совершенным почтением имею честь быть вашим покорным слугой Журден. (Уходит.)

Клеонт(упав в кресло). Что ты на это скажешь, Ковьель?

Ковьель. Стихами или прозой? Говоря стихами, вы, сударь, болван.

Клеонт. Как ты смеешь?

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Ковьель. Чего тут не сметь! Вы будете вечным холостяком, сударь.

Клеонт. Ложь противна мне.

Ковьель. Мне более противна глупость. Спасибо вам громадное, сударь, за то, что вы и мое дело попортили. Он скажет, что он не выдаст свою служанку иначе, как за слугу графа. (Горячась.) Ведь вам же было сказано на родном языке и в то самое ухо, в какое нужно, что вы имеете дело с сумасшедшим! А? Ну, и нужно было потакать ему во всем. Пожалуйте расчет, сударь, я поступаю в услужение к маркизу, мне нужно жениться.

Клеонт. Ковьель, это было бы предательством – оставить меня в такой трудный момент! Выдумай что-нибудь, Ковьель!

Ковьель. Вы не думайте, сударь, что за вас всю жизнь будут выдумывать другие.

Пауза.

Клеонт. Ковьель!

Ковьель. Сударь, не мешайте моей мысли зреть... Когда человек помешался, все средства хороши... Гм... гм... итак... Ну, вот она и созрела!

Клеонт. Ковьель, ты гениален!

Ковьель. Да, да. Так вот, сударь. К вечеру я превращу вас в знатного человека.

Клеонт. Как это мыслимо?

Ковьель. Это уж мое дело. Прежде всего давайте денег, сударь.

Клеонт. Сколько хочешь, Ковьель.

Ковьель. Я хочу пятьдесят пистолей на расходы и десять пистолей мне.

Клеонт. На, на, Ковьель!

Ковьель. Итак, прежде всего я хочу столкнуться с этими двумя шарлатанами, учителем музыки и танцев. А вы, сударь, извольте отправляться домой и там ждите моих повелений. Не мозольте глаза господину Журдену. (Уходит.)

Госпожа Журден(появляясь). Ну что, милый клеонт?

Клеонт(заплакал). Ах, сударыня, он отказал мне.

Госпожа Журден. Быть не может! А! Проклятый сумасброд! Ну, ладно, я покажу!
(Кричит.) Журден! Журден!

Клеонт убегает, махнув рукой.

Журден(входя). Мне кажется, что ты кричишь, матушка?

Госпожа Журден. Ты зачем отказал клеонту? Хорошему человеку, которого любит твоя дочь.

Журден. Он мне и самому очень нравится.

Госпожа Журден. Разве он не порядочный человек?

Журден. Порядочный. Чем больше я думаю, тем больше убеждаюсь – порядочный.

Госпожа Журден. Разве Люсиль не любит его?

Люсиль(вбегая). Да, я люблю его.

Журден. Любит, любит, да.

Госпожа Журден. А он не любит ее?

Люсиль. Я любима!

Журден. Бесспорно любима, только ты не кричи так.

Госпожа Журден. У него хорошее состояние!

Журден. Мало этого сказать, превосходное состояние.

Госпожа Журден. Так что же ты..

Журден. А выдать нельзя. Горе, но выдать нельзя. Не маркиз.

Николь(появившись внезапно). А вы сами, сударь, маркиз?

Журден. Ах, вот и ты! Да, тебя только не хватало. Я не маркиз, к сожалению, но я вращаюсь в обществе маркизов и буду вращаться только среди них.

Госпожа Журден. Я не позволю сделать мою дочь несчастной. Кто рожал ее?

Журден. Я ро.. тьфу! Ты!.. испугала меня! Ты ее рожала, отстань от меня!

Люсиль. Или Клеонт, или никто! Если вы, отец, не дадите согласия на этот брак, я покончу с собой!

Николь. Милая барышня, не делайте этого!

Журден. Господи, вы меня замучаете!

Люсиль(рыдает). О я несчастная!

Госпожа Журден. Посмотри, что ты делаешь с бедной девочкой!

Люсиль. Мама! я уйду!

Госпожа Журден. Куда ты, бедная крошка?

Николь. Куда вы, барышня?

Люсиль. Или топиться, или к тетке! (Убегает.)

Госпожа Журден. Николь, за мной! Не выпускай ее!

убегают.

Журден. Вот полюбуйте, господа, на этот сумасшедший дом! Брэндавуан!

Брэндавуан появляется.

Принеси мне компресс на голову.

Брэндавуан. Сударь, там маркиз Дорант с какой-то дамой спрашивают вас.

Журден. Это она! Боже, это она! Какое счастье, что их унесло из дому! Проси... то есть нет, не проси... подожди... то есть нет... Боже, ведь я не одет... скажи... проси сюда и скажи, что я сию же минуту выйду! (Исчезает.)

Входят Дорант и Доримена.

Доримена. Дорант, я боюсь, что поступила опрометчиво, придя с вами в незнакомый дом.

Дорант. О милая Доримена, это пустяки. Согласитесь сами, где же бы мы могли пообедать с вами, избежав огласки?

Доримена. И, кроме того, маркиз, я попрошу вас перестать покупать для меня подарки. Например, это дорогое кольцо, к чему это...

Дорант. О Доримена!..

Входит Журден.

А вот и наш милейший Журден!

Журден. Сударыня... как благодарить мне вас за ту честь... которую я имел честь... когда вы оказали мне честь... меня посетить... такая честь, маркиза...

Дорант. Довольно, господин Журден. Маркиза не нуждается в таких комплиментах.

Доримена. Господин Журден вполне светский человек.

Дорант(тихо Журдену). Вы... вот что... не говорите маркизе ни одного слова о кольце, которое вы ей подарили.

Журден(тихо). Но мне хочется все-таки узнать, понравилось ли оно ей?

Дорант. Ни-ни-ни. Это будет совершенно не по-светски. Сделайте вид, что вы его даже не замечаете.

Журден. Вот досада...

Усаживаются.

Доримена. Вы смотрите на мое кольцо? Не правда ли, оно великолепно?

Журден. Даже и не думаю смотреть. И притом это такой вздор, пустяковое колечко...

Дорант. Кхе-кхе-кхе...

Доримена. Пустяковое? Я вижу, что вы очень избалованный человек.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Журден. Такие ли бывают кольца, маркиза?

Доримена. Гм...

Дорант(тихо). Черт тебя возьми.

Входит Брэндавуан с мокрой тряпкой и кладет ее на лоб Журдену.

Журден. Это что такое?

Брэндавуан. Компресс, сударь.

Журден(тихо). Вылетай к черту!

Брэндавуан уходит.

Не обращайтесь внимания, маркиза, это мой сумасшедший слуга. Брэндавуан!

Брэндавуан входит.

Брэндавуан. Чего изволите?

Журден. Ну, что же обед?

Брэндавуан. Все готово, сударь.

Журден. Сударыня, разрешите мне просить вас... такая честь... отобедать... мой скромный обед...

Доримена. С большим удовольствием, господин Журден.

Журден. Эй! Музыкантов! Обедать!

На эстраде возникают музыканты, а из-под пола появляется роскошно накрытый стол и четыре повара. Повара танцуют, начиная подавать кушанья.

Маркиза, прошу вас!

Доримена. Как великолепно все устроено у вас!

Дорант. Маркиза, господин Журден славится своими обедами.

Журден. Такие ли еще бывают обеды!

Доримена. Повторяю, вы очень избалованный человек.

Дорант. Маркиза, вина?

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Доримена. Какой аромат!

Дорант. Прелестное винцо!

Брэндавуан. Такие ли еще бывают вина!

Журден. Ты ошалел, Брэндавуан!

Брэндавуан. Никак нет, сударь.

Журден. Вели подавать следующее блюдо.

Дорант. Интересно, каким это следующим блюдом угостит нас наш милейший хозяин?

Журден. А вот увидите. Это секрет моего повара.

Из-под пола вылетает стол, и на нем сидит госпожа Журден.

Ой!..

Пауза.

Госпожа Журден. А-а! Честная компания! Вот оно что! Когда хозяйки нет дома, хозяин проматывает свое состояние в компании с какой-то развеселой дамочкой и ее поклонником! Очень хорошо! Очень хорошо!

Журден. Зарезала!

Дорант. Сударыня, что с вами! Какие выражения! Во-первых, этот обед даю я, а не господин Журден...

Госпожа Журден. Молчите, дорогой проходимец!

Дорант. Сударыня!

Госпожа Журден. Да что – сударыня! Сударыня! Двадцать три года я сударыня, а вот вам, сударыня, не стыдно ли врваться в чужой семейный дом!

Журден. Боже мой!

Доримена. Что она мне говорит! Благодарю вас, Дорант!

Дорант. Успокойтесь, Доримена!

Доримена. Сию минуту уведите меня отсюда!

Дорант(госпоже Журден). Стыдитесь, сударыня!

Журден. Убит... Зарезан...

Дорант уводит плачущую Доримену.

Брэндавуан. Убирать стол, сударь?

Журден. Убери... (Указывает на госпожу Журден.) и ее... и стол... все убери... я опозорен...

Брэндавуан. Компресс принести, сударь?

Журден. Пошел ты к черту!

Брэндавуан. К черту – с удовольствием, сударь, тем более что... конец второго действия.

Занавес

Действие третье

Вечер. Журден один.

Журден(расстроен). Да, угостила меня любезная супруга... Боже, Боже... Стыдно людям на глаза показаться... и все меня забыли как-то сразу... и никто не идет... и проклятые учителя провалились как сквозь землю... философией, что ли, заняться? Замечательный человек этот Панкрасс... утешительный человек... и философия – великая вещь... А в самом деле, может быть, никакого скандала за обедом и не было, а мне только показалось... надо будет себе это внушить. Не было скандала, и шабаш. Не было скандала. Не было скандала... Нет, был скандал. Не веселит меня философия... менуэт, что ли, протанцевать? Эй, Брэндавуан!

Брэндавуан(входит). Что прикажете, сударь?

Журден. Мне скучно, Брэндавуан.

Брэндавуан. А вы закусите, сударь.

Журден. Нет, не хочу. Супруги моей нету дома?

Брэндавуан. Нету, сударь.

Журден. Ну, и слава Богу. Вели-ка, чтоб мне сыграли менуэт.

Брэндавуан. Музыкантов сейчас нету, сударь.

Журден. Вот... видишь... все меня бросили на произвол судьбы... Брэндавуан, спой ты мне менуэт.

Брэндавуан. Я, сударь, очень плохо пою.

Журден. Ничего, давай вдвоем.

Поют вдвоем менуэт. Журден при этом подтанцовывает.

А-ла-лала-ла-ла... Нет, все равно не весело. Уходи, Брэндавуан, от тебя еще скучнее.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Брэндавуан. Слушаю, сударь. (Уходит и через некоторое время возвращается.)
Сударь, вас там какой-то турок спрашивает.

Журден...Ла-ла-ла... Турок? Уж не пьян ли ты, голубчик? Откуда может быть турок?

Брэндавуан. Не могу знать, сударь, откуда турок.

Журден. Ну, проси его сюда.

Брэндавуан уходит и сразу же возвращается. Входит одетый турком Ковьель.

Ковьель. Сударь, я не знаю, имею ли я честь... быть вам известным?

Журден. Нет, сударь.

Ковьель. А я, сударь, знал вас вот таким крошкой...

Журден. Что вы говорите?

Ковьель. Да, вы были увлекательнейшим ребенком. И все дамы брали вас на руки специально с тем, чтобы облобызать вас.

Журден. Благодарю вас. Облобызать? Но вы, сударь, производите впечатление довольно молодого человека.

Ковьель. Это неудивительно, сударь, я в последнее время жил в Турции.

Журден. Ага... Ага...

Ковьель. Да-с, сударь, я был в большой дружбе с вашим батюшкой. Покойник был настоящий дворянин.

Журден. Как, сударь, вы и с покойником были знакомы?

Ковьель. Еще бы!

Журден. И вы говорите, что он был дворянин. Вы не ошибаетесь?

Ковьель. Неподдельный дворянин.

Журден(жмет руку Ковьелю). Вы меня радуете, сударь. Прошу вас покорнейше, садитесь. Вы знаете, нашлись дураки, которые распустили по Парижу слух, что будто бы мой отец был купцом.

Ковьель. Какая глупость! Ваш отец был вежливый человек, понимавший толк в сукнах и других материях. Он покупал разные товары, а потом раздавал их, за деньги натурально, своим приятелям, чтобы доставить им удовольствие, не задевая их самолюбия.

Журден. Сударь, вы меня просто воскрешаете.

Ковьель. Ну, вот видите... так вот, сударь, я пришел к вам, чтобы сообщить вам приятнейшую новость. В Париж прибыл сын турецкого султана!

Журден. Я ничего не знал об этом.

Ковьель. Вот видите. Я, милостивый государь, являюсь переводчиком его высочества.

Журден встает.

Садитесь, сударь, без церемоний. Я должен сообщить вам весьма важное дело... Нас никто не подслушивает?

Журден. Брэндавуан, пошел вон.

Брэндавуан. Слушаю, сударь. (Выходит.)

Журден. Говорите смело, сударь.

Ковьель. Его высочество влюблен в вашу дочь.

Журден. А... э... когда... почему... а где же он ее видел?

Ковьель. Случайно на улице. Да это не важно, где он ее видел, сударь. Важно то, что он хочет стать вашим зятем.

Журден. Сударь, я потрясен.

Ковьель. Сегодня утром я заговорил с его высочеством. Вдруг он говорит: «Акчиам крок солер сншалла мустафа гиделлу аманахем варахани усерекарбулат».

Журден. Так и сказал?

Ковьель. Совершенно этими словами. Каково?

Журден(про себя). Пороть бы моего родителя за то, что он меня не выучил по-турецки!

Ковьель. Нет, как вам это понравится? Сын турецкого султана!

Журден. Признаться вам сказать, господин переводчик, я немножко подзабыл турецкий язык... вы знаете, эти гувернантки... половину-то я понял... но вот...

Ковьель. О, не беспокойтесь, я вам сейчас переведу. Это значит: «Видел ли ты прекрасную девушку, дочь парижского дворянина Журдена?» Я вежливо говорю: да, – по-турецки, разумеется. Он говорит: «Ах, марабаба сахем!», то есть, ах, как я влюблен в нее, – а потом приказывает мне: «Поезжай и проси ее руки у господина Журдена и объяви ему, что я его жалуя чином мамамуши».

Журден. Мамамуши?... Возможно... А что такое – мамамуши?

Ковьель. Камергер.

Журден. Ай-яй-яй!..

Ковьель. Но этого мало, он сейчас сам приедет к вам.

Журден. Быть не может!.. Я...

Ковьель. Впрочем, может быть, вы против этого брака?

Журден. Господин переводчик, разве я смею? Боже, какое несчастье! Вы знаете, эта моя дочь, сумасбродная Люсиль, она влюблена в некоего Клеонта, а она упряма, признаюсь вам, как пень, и я боюсь...

Ковьель. Сударь, не тревожьтесь. Все уладится, лишь только она взглянет на принца. Шепну вам на ухо, только имейте в виду, это величайшая государственная тайна: сын турецкого султана поразительно похож на этого Клеонта. Я его встречал на улице. Но, однако, сударь, поторопитесь, вам нужно переодеться в турецкое платье

Журден. Как же быть? У меня ничего нет.

Ковьель. О, сударь, все уже готово. Сейчас явится придворный портной, который вас оденет. Эй!

Входит Портной.

Журден. Да это же мой портной! Как, сударь, это вы?

Портной. Так точно, сударь. Я поступил на службу к его турецкому высочеству. Пожалуйте в спальню.

Журден и Портной уходят.

Ковьель(в дверь). Эй, господа!

Входят учителя музыки и танцев.

Я надеюсь, господа, что у вас все уже в полном порядке? Кроме того, господа, вы сохраните тайну. (Дает деньги учителям.)

Учитель танцев. Не беспокойтесь, сударь. Мы настоящие люди искусства, а потому и служим своим искусством тому, кто нам платит деньги, не вдаваясь в долгие разговоры.

Ковьель. Вот и правильно. Итак, идите. Принц сейчас прибудет.

Учителя уходят. Входит Дорант. Ковьель прячет лицо.

Эх, посторонний!.. Как неприятно.

Дорант. Здравствуйте, сударь. (Всматривается в Ковьяля.)

Ковьяль. Коригар комбато.

Дорант. Виноват?

Ковьяль. Амбасу?

Дорант. Вы не говорите по-французски? (Про себя.) Где-то я видел эту физиономию...

Ковьяль. Мой не понимайт.

Дорант. Вы турок?

Ковьяль. Турок, отвяжитесь. Ой!.. Микоси.

Дорант. Какой там микоси! Ты – Ковьяль!

Ковьяль. Тссс... сударь, ради Бога!

Дорант. Что означает этот маскарад?

Ковьель. Сударь, не выдавайте нас. Сейчас мой барин клеонт явится сюда в качестве турецкого принца.

Дорант. Это, конечно, ты придумал?

Ковьель. Не скрою, сударь, я.

Дорант. Зачем?

Ковьель. Журден не хочет выдавать Люсиль за Клеонта, потому что тот незнатный.

Дорант. А, понятно!

Ковьель. Я надеюсь, сударь, что вы...

Дорант. Батюшки! Я забыл дома кошелек!

Ковьель. Сколько в нем было?

Дорант. Двадцать пистолей.

Ковьель. Сударь, прошу вас взять взаймы двадцать пистолей.

Дорант. Спасибо. Слушай, я могу пригласить маркизу Доримену посмотреть на эту комедию? Она будет под маской.

Ковьель. Отчего же, отчего же?

Дорант. Отлично. (Уходит.)

Входят Журден в турецком костюме, за ним Портной.

Журден. Будьте добры, господин переводчик... все ли в порядке?

Ковьель. Так... повернитесь... да!

На улице слышались звуки музыки, замелькали фонари.

Вот его высочество!

Вносят Клеонта в турецком костюме. Входят учителя музыки и танцев, за ними актеры в турецких костюмах.

Клеонт. Амбузахим акибараф саламалеки!

Журден. Господин переводчик, на помощь!

Ковьель. Это обозначает: господин Журден, да цветет ваше сердце, в течение целого года, подобно пышному розовому кусту!

Журден. Покорнейший слуга его высочества.

Ковьель. Да ниспошет вам небо силу льва и мудрость змеи!

Журден. От всей души его высочеству желаю того же!

Ковьель. Оса бинамен садок?

Клеонт. Бель мен.

Журден. Что значит – бель мен.

Ковьель. «Бель мен» значит: нужно как можно быстрее начать церемонию, потому что он хочет сейчас же увидеться с вашей дочерью и немедленно заключить с нею брак, вследствие необычайной любви к ней, пожирающей его сердце. Все.

Журден. И все это в двух словах – бель мен?! Замечательный язык. Гораздо лучше нашего.

Ковьель. Как же можно сравнивать? Ах, вот гость!

Входит Дорант и вводит Доримену.

Дорант. Господин Журден, я надеюсь, вы разрешите маркизе и мне присутствовать?

Журден. Да, маркиз, я весьма рад. (Доримене.) Я рад, маркиза, что отвратительная выходка моей супруги не помешала вам все-таки вновь войти в мой дом.

Доримена. О, это пустяки, о которых я давно уже забыла. И потом, я буду под маской, она не узнает меня. Поздравляю вас, господин Журден, с вашим новым саном.

Журден. Да-с, камергер, сударыня. (Протягивает ей руку для поцелуя.)

Доримена от изумления целует.

Не смущайтесь, сударыня, мне и самому неприятно. Но ничего не поделаешь, положение обязывает... Ваше высочество, саламалеки, позвольте вам представить... маркиза Доримена... тьфу ты, черт, не понимает... бель мен... Переводчик!

Ковьель(указывая на Доранта). Козури мана. Это значит: позвольте вам представить маркиза Доранта.

Журден(тихо Доранту). Руку, руку поцелуйте.

Дорант(Ковьелю). Ну, это уже свинство.

Ковьель. Целуйте и не портите мне дело. Какая важность!

Дорант с отвращением целует руку Клеонту.

Эй, послать за невестой!

Музыка. Затем за сценой вскрикивает Люсиль.

Брэндавуан, где же Люсиль?

Брэндавуан. Ее ведут, сударь, но она упирается.

Журден. Ох, так я и знал... Ох, темные люди!..

Турки вводят растерянную Люсиль.

Брэндавуан. Вот она, сударь.

Журден(Люсиль). Каригар комбат. Это значит по-турецки, что ты сейчас будешь обвенчана с его высочеством принцем турецким.

Люсиль. Караул!

Журден. Брэндавуан! Брэндавуан, держи ее!

Брэндавуан. Сударь, она выдирается.

Журден. Что ты делаешь, дура! Устин мараф... тебе надо будет подзубрить по-турецки... Брэндавуан, умоляю, за руку, за руку!.. Ваше высочество, не обращайтесь внимания... просто дура... бель мен.

Люсиль. Добрые люди!.. Спасите меня!..

Журден. Бель мен... бель мен...

Внезапно появляется Нотариус с фонарем и с книгами.

Нотариус. Виноват, здесь свадьба? Меня позвали. Я – нотариус.

Ковьель. Здесь, здесь, здесь, пожалуйста.

Журден. Да что ж нотариус?.. Виноват... Саламалеки базуль... посмотрите, что делается... Брэндавуан!

Брэндавуан. Сударь, я изнемогаю... такая здоровая...

Люсиль. А-а-а...

Нотариус. Простите, я поражен... Какая же это свадьба? Здесь драка...

Ковьель. Ничего, господин нотариус, ничего... Не уходите, не уходите. Сейчас драка, а потом свадьба будет. (мигает ему.)

Нотариус(тревожно). Не понимаю, чего вы мне мигаете?

Ковьель. Ах, да молчите, ничего я вам не мигаю. Присядьте. (Люсиль.) Сударыня, умоляю, взгляните на принца!

Люсиль. К черту! К черту! К черту!

Нотариус. Никогда в жизни я не видел такой свадьбы! Она же не хочет! Нельзя же насильно!

Ковьель. Она сию минуту захочет, уверяю вас! (Люсиль.) Да гляньте же на меня, ведь я же Ковьель, что вы делаете!

Люсиль. Что? Ковьель?

Ковьель. Тише!

Брэндавуан. Я усмирил ее, сударь.

Ковьель. Гляньте в лицо принцу!

Люсиль(глянув на Клеонта). Ах!

Клеонт. Люсиль!

Николь(внезапно влетая). Что делают с моей барышней? Караул! Не отдам ее в турецкие руки!

Журден. Вяжи ее, Брэндавуан!

Брэндавуан. О нет, сударь, ни за что.

Нотариус. Поразительная свадьба.

Ковьель(Николь). Уймись, полоумная! Я – Ковьель, а принц – Клеонт!

Николь. Ай! Соглашайтесь, барышня, соглашайтесь!

Люсиль. Отец, я согласна!

Журден. Ф-фу! Ну вот... ваше высочество, она согласна! Бель мен... словом, все в порядке!

Внезапно разверзается пол, и появляется госпожа Журден.

Вот! Самый главный ужас. Здравствуй, жена. Да ниспошлет тебе небо мудрость льва, старая змея... Чувствую, что не то говорю... Не порть отношений с Турцией... Уйди отсюда, заклинаю... устин иок... ваше высочество, рекомендую, моя жена... она ведьма...

Госпожа Журден. Что ты затеял еще, старая каналья?! Погубить свою дочь!
Брэндавуан, зови сюда полицию!

Нотариус. Э, нет. Свадьба в полиции! Я не участвую.

Ковьель. Умоляю, задержитесь на секунду. (Госпоже Журден.) Сударыня, гляньте в лицо принцу!

Госпожа Журден дает пощечину Ковьелю.

Нотариус. Плюха. Нет, из одного любопытства останусь. (Садится.)

Ковьель. Госпожа Журден, прежде чем бить по лицу, вы гляньте хоть в это лицо.

Из-под полу появляется Панкрасс.

Панкрасс. Господин Журден, среди философов Парижа, а также и среди простого населения разнеслись слухи о счастливом событии в вашем доме. Позвольте вас поздравить...

Журден. Что – поздравить... Знаете, что случилось? Эта фурия дала плюху переводчику турецкого султана, и после свадьбы будет война с Турцией...

Брэндавуан. Обязательно будет.

Ковьель. Ничего не будет. Прощаю плюху. (Госпоже Журден, тихо.) Сударыня, я – Ковьель, а он – Клеонт.

Госпожа Журден. Ах! Я согласна, выдавай дочь за турецкого султана!

Журден. Ох!.. Внял Господь вашим мольбам, ваше высочество, ниспослало ей небо мудрость.

Ковьель. Господин нотариус, приступайте!

Нотариус. Да, действительно, все пришло как-то само собой в порядок!.. Имя брачующихся...

Журден. Господин сын турецкого султана, с одной стороны...

Нотариус. Виноват! Какой султан?!

Ковьель(тихо). Он пошутил. Пишите: Клеонт – с одной стороны, а с другой – Люсиль Журден.

Нотариус. А, это другое дело. (Пишет.)

Ковьель(нотариусу). Второй контракт: с одной стороны – слуга Ковьель, с другой – служанка Николь. (Журдену.) Сударь, признаюсь вам, я влюбился в вашу служанку.

Журден. Что вы делаете, сударь, это – стерва! Если уж вам так приспичило, женитесь на моей жене, славно бы зажили в Турции!

Ковьель. Нет, сударь, не смею вас лишать счастья.

Журден. Ваше дело, сударь... Господа, не хочет ли кто-нибудь из вас жениться на моей супруге, я ей дам развод, благо нотариус здесь, а? Господин философ, вам не угодно? Вам все равно будет казаться только, что вы на ней женаты.

Панкрасс. Зачем же? Пусть это продолжает казаться вам.

Дорант. Эх, за компанию! Доримена! Вы согласны?

Доримена. Согласна, милый Дорант!

Ковьель(нотариусу). Ну вот... с одной... и с другой...

Нотариус пишет.

Журден. Как же так?.. Вы... она... мое кольцо...

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Дорант. Господин Журден, стоит ли вам, богатому человеку, говорить о таком пустяке? Да будет оно свадебным подарком очаровательной жене.

Журден. Бель мен.

Ковьель. Ну вот все и пришло к счастливому концу! (Снимает чалму.) Сударь!..

Клеонт(снимая чалму). Сударь! Простите нас за то, что для того, чтобы соединить счастливые влюбленные сердца, мы были вынуждены прибегнуть к маскарадному обману. Да, я – Клеонт, сударь, но я надеюсь, сударь, что при виде счастливого лица вашей дочери вы примиритесь с нами!

Журден. Что такое? Дайте мне фонарь! (Вглядывается.) Ковьель! Клеонт! Мой Бог!.. Что же это такое?! Я окружен видениями! Марабаба сахем! Акчиам крок солер!.. Вы турки или нет?! (Срывает чалму с Учителя музыки.) Учитель музыки! (Срывает чалму с Учителя танцев.) Учитель танцев! Что происходит здесь?! Не верю ничему! Не верю никому!

Учителя, Актеры. Поздравляем вас, господин Журден, и желаем счастья молодым!

Взрыв музыки.

Госпожа Журден. Прозрей же наконец, о дорогой мой муженек, и мы заживем мирно и сладко, как жили до твоих сумасбродств.

Люсиль(бросается в объятия Журдена). Отец! Я счастлива!

Журден. Нет, нет! Все на свете обман! (Госпоже Журден.) Не верю, что ты моя жена! (Срывает женский наряд с госпожи Журден.) Конечно, нет, это юбер! Я действительно, кажется, схожу с ума! Держите меня!

Все. Успокойтесь, господин Журден.

Журден. Философа ко мне! Пусть он, единственный мой друг, утешит меня.

Панкрасс возникает возле Журдена.

Господин Панкрасс, скажите мне что-нибудь приятное!

Панкрасс. С удовольствием. Спектакль окончен!

Бежар(срывая с себя наряд и надевая черный плащ, берет фонарь). Все свободны. (В оркестр.) Мастер, выходной марш!

Музыка. Все действующие лица проваливаются в пол.

Закрывается занавес.

Бежар(закутываясь в плащ; в разрезе занавеса). Теперь надеюсь, уж никто меня не остановит. Благодарение небесам, закончен день. Огни погасли. Идемте же в Старую Голубятню, где ждет меня любимое душистое мускатное вино. А-ла-ла-ла... (Под музыку уходит.)

Конец

Жизнь господина де Мольера [93 – 11 июля 1932 года Булгаков подписал договор с издательством на книгу о Мольере в серии «Жизнь замечательных людей». В марте 1933 года Булгаков завершил работу над рукописью и сдал ее в издательство, через месяц получил отрицательный отзыв. Предлагалось переделать книгу коренным образом. Булгаков отказался переделывать, и рукопись была напечатана лишь в 1962 году в той же серии «Жизнь замечательных людей» в издательстве «Молодая гвардия», с большими сокращениями. Впервые машинописный текст рукописи «Мольера» был опубликован в 1988 году во втором томе «Избранных произведений М. Булгакова» (Киев, «Днипро») как «более полный» и лишенный неавторских исправлений, хранящийся в ОР ГРБ, ф. 562, к. 4, ед. хр. I. Перепечатан в книге: Булгаков М. Кабала святош. М., Современник, 1991. Составители В. И. Лосев, В. В. Петелин. Подготовил текст романа – В. И. Лосев. Публикуется по расклейке этого издания. С увлечением работал Булгаков над биографией полюбившегося французского писателя, ходил по букинистическим магазинам и покупал книги о Мольере, о его времени, о театре XVII века и вообще о театре, о Людовике XIV, работал в библиотеке, выписывая из французских книг необходимые ему сведения. В Отделе рукописей РГБ хранится библиография, составленная М. А. Булгаковым, которая насчитывает на французском и на русском языках 47 названий. Е. С. Булгакова называла гораздо больше использованных книг. Библиография опубликована в томе 4 Собрания сочинений М. А. Булгакова, с. 660. Л. Е. Белозерская, вспоминая этот эпизод своей жизни с Булгаковым, писала: «В свое время основатель серии Горький, прочитав рукопись Булгакова, сказал главному редактору Александру Николаевичу Тихонову (Сереброву): – Что и говорить, конечно, талантливо. Но если мы будем печатать такие книги, нам, пожалуй, попадет... Я тогда как раз работала в „ЖЗЛ“, и А. Н. Тихонов, неизменно дружески относившийся ко мне, тут же, по горячим следам, передал мне отзыв Горького. В примечании к биографии Мольера профессор Г. Бояджиев упрекал Булгакова в том, что он уделяет внимание версии о предполагаемом отцовстве Мольера: будто бы Арманда Бежар, ставшая впоследствии его женой, была его собственной дочерью от Мадлены Бежар. „Враги великого писателя, – писал проф. Бояджиев, – обвиняли его в кровосмесительном браке. Новейшая научная мольеристика опровергла эту клевету“». (См. «Воспоминания», с. 181.) Эта тема возникает неоднократно в произведениях Булгакова: и в «Кабале святош», и в романе «Жизнь господина де Мольера», уж очень психологически заманчиво как для развития действия, так и для обогащения внутреннего мира действующих лиц. Этот вопрос занимал не одно поколение ученых и писателей, писавших о Мольере. Н. Жирмунская в комментариях к публикации романа в 4-м томе Собрания сочинений в пяти томах приводит такие факты: «В декабре 1663 года Расин упоминает в частном письме, что „Монфлери написал королю донос на Мольера, что он женится на дочери, а раньше жил с матерью“ Сын Расина Луи, издавая письма отца, заменил эту фразу на „женится на собственной дочери“. На основе таких искажений и домыслов обрела прочную жизнь в биографической литературе версия о кровосмесительном браке Мольера... Никакой реакции на донос Монфлери со стороны короля не последовало» (с. 655). И еще один важный вывод Н. Жирмунской приведу здесь: «Несколько позднее в научный обиход были введены вновь найденные архивные документы, которые использовал Гюстав Мишо в книгах „Юность Мольера“, „Дебюты Мольера“, сражения Мольера (1922–1925) Работы эти остались неизвестны Булгакову. Между тем Мишо сумел убедительно опровергнуть те версии и домыслы, касавшиеся женитьбы Мольера, которые в течение двух с лишним веков кочевали из воспоминаний современников (порою явно тенденциозных) в биографические труды ученых. После работ Мишо версия о том, что Арманда была не сестрой, а дочерью Мадлены Бежар, была отвергнута. Его аргументы подтверждены и дополнены в вышедшем в 1963 году собрании документов, касающихся Мольера, его семьи и ближайшего окружения...» (с. 634). Казалось бы, вопрос ясен, но споры и сомнения продолжаются. Л. Е. Белозерская, касаясь этой темы, писала: «Но вот передо мной газета „Юманите“ от 11 июня 1963 года, которую нельзя заподозрить во враждебном отношении к Мольеру. Читаю заголовок: „Нуждается ли Арманда Бежар в оправдании?“ В 1663 году в церкви Сен-Жермен Оксоруа состоялось бракосочетание Жана-Батиста Поклена, так называемого Мольера, с Армандой Бежар. Она была создательницей главных женских ролей в произведениях великого писателя. Роли эти, как утверждают, писались

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru специально для нее и отражали многие черты ее характера: Элиза в „Критике жизни женщин“, Эльмира в „Тартюфе“, Селимена в „Мизантропе“, Элиза в „Скупом“. Имя Арманды Бежар связано со многими загадками: была ли она сестрой или дочерью Мадлены Бежар, возлюбленной совладелицы театра Мольера. Или собственной дочерью Поклена? Сделала ли она несчастным Мольера или наоборот: пожилой, больной, ревнивый муж сделал ее жизнь невыносимой? Жан Берже и мадам Шёвалле постараются ответить на все эти вопросы в своем докладе, названном ими „Славные имена прошлого“...М. А. Булгаков писал своего „Мольера“ в 1932–33 годах, а французы через тридцать лет публично еще обсуждают вопрос – не была ли Арманда Бежар дочерью прославленного драматурга. Вот и выходит, что точка зрения официальной мольеристики не обязательна даже и для самих французов» (Воспоминания, с. 180.) В «Кабале святош» эта тема играет стержневую композиционную роль, обостряет конфликт между действующими лицами. Слухи были, доносы были, значит, драматург мог воспользоваться всеми этими данными для обогащения психологических переживаний своих персонажей. Тем более Кабала воспользовалась этими слухами для того, чтобы раздавить своего противника, создавшего «Тартюфа». Другое дело – роман, тем более биографический, основанный на документах и свидетельствах современников. Здесь Булгаков не так уверен, высказывает осторожные предположения, сожалея, что в «жизни семейства Бежаров последовал некий таинственный провал.» «Ах, много загадочных событий, видно, было в жизни Бежаров, так же, впрочем, как и в жизни моего героя!» «Таинственность поведения Бежаров», их поездка на дачу под Парижем и многое другое кажется «странным» Булгакову, и он «дорого бы дал», чтобы знать точно, выехала ли вместе с родителями Мадлена и Женестьева: 1643 или 1645 год рождения Арманды? В главе 18 под названием «Кто она?» Булгаков, приведя множество биографических фактов основных действующих лиц этой драмы, спрашивает: «Какое же заключение я могу дать по этому делу? Я должен сказать, что, по моему мнению, все попытки установить, кто был отцом Арманды, обречены на неудачу. Впрочем, может быть, кто-нибудь и сделает это или уже сделал. Я же отказываюсь вести следствие по делу о женитьбе Мольера, потому что чем глубже я проникал в дело, тем более каким-то колдовским образом передо мною суживался и темнел коридор прошлого, и тщетно я шарил в тайных углах с фонарем в руках. Ткань дела рвалась и рассыпалась в моих руках, я изнемог под бременем недостоверных актов, косвенных улик, предположений, сомнительных данных...»]

Биографический роман

Пролог.

Я РАЗГОВАРИВАЮ С АКУШЕРКОЙ

Что помешает мне, смеясь, говорить правду?

Гораций

Молиер был славный писатель французских комедий в царство Лудовика XIV.

Антиох Кантемир

Некая акушерка, обучившаяся своему искусству в родовспомогательном Доме Божьем в Париже под руководством знаменитой Луизы Буржуа, приняла 13 января 1622 года у милейшей госпожи Поклен, урожденной Крессе, первого ребенка – недоношенного младенца мужеского пола.

С уверенностью могу сказать, что если бы мне удалось объяснить почтенной повитухе, кого именно она принимает, возможно, что от волнения она причинила бы какой-нибудь вред младенцу, а с тем вместе и Франции.

И вот: на мне кафтан с громадными карманами, а в руке моей не стальное, а гусиное перо. Передо мной горят восковые свечи, и мозг мой воспален.

– Сударыня! – говорю я. – Осторожнее поворачивайте младенца! Не забудьте, что он рожден ранее срока. Смерть этого младенца означала бы тяжелейшую утрату для вашей страны!

– Мой Бог! Госпожа Поклен родит другого.

– Госпожа Поклен никогда более не родит такого, и никакая другая госпожа в течение нескольких столетий такого не родит.

– Вы меня изумляете, сударь!

– Я и сам изумлен. Поймите, что по прошествии трех веков, в далекой стране, я буду вспоминать о вас только потому, что вы сына господина Поклена держали в руках.

– Я держала в руках и более знатных младенцев.

– Что понимаете вы под словом – знатный? Этот младенец станет более известен, чем ныне царствующий король ваш Людовик XIII, он станет более знаменит, чем следующий король, а этого короля, сударыня, назовут Людовик Великий, или Король-Солнце! Добрая госпожа, есть далекая страна, вы не знаете ее, это – Московия. Населена она людьми, говорящими на странном для вашего уха языке. И в эту страну вскоре проникнут слова того, кого вы сейчас принимаете. Некий поляк, шут царя Петра Первого, уже не с вашего, а с немецкого языка переведет их на варварский язык.

Шут, прозванный Королем Самоедским, скрипя пером, выведет корявые строки:

«ГОРЖЫБУС. Есть нужно даты так великия деньги за ваши лица изрядные. Скажите мне нечто мало что соделалысте сым господам, которых аз вам показывах и которых выжду выходящих з моего двора з так великим встыдом...»

Переводчик русского царя этими странными словами захочет передать слова вашего младенца из его комедии «Смешные драгоценные»:

«ГОРЖИБЮС. Вот уж действительно, нужно тратить деньги на то, чтобы вымазать себе физиономии! Вы лучше скажите, что вы сделали этим господам, что они вышли от вас с таким холодным видом...»

В «Описании комедиям что каких есть в Государственном Посольском приказе мая по 30 число 1709 года» отмечены в числе других такие пьесы: шутовская «О докторе битом» (он же «Доктор принужденный») и другая – «Порода Геркулесова в ней же первая персона Юпитер». Мы узнаём их. Первая – это «Лекарь поневоле» – комедия все того же вашего младенца. Вторая – «Амфитрион» – его же. Тот самый «Амфитрион», который в 1668 году будет разыгран съёром де Мольером и его комедиантами в Париже в присутствии Петра Иванова Потемкина, посланника царя Алексея Михайловича.

Итак, вы видите, что русские узнают о том человеке, которого вы принимаете, уже в этом столетии. О связь времен! О токи просвещения! Слова ребенка переведут на немецкий язык. Переведут на английский, на итальянский, на испанский, на голландский. На датский, португальский, польский, турецкий, русский...

– Возможно ли это, сударь?

– Не перебивайте меня, сударыня! На греческий! На новый греческий, я хочу сказать. Но и на греческий древний. На венгерский, румынский, чешский, шведский, армянский, арабский...

– Сударь, вы поражаете меня!

– О, в этом еще мало удивительного. Я мог бы назвать вам десятки писателей, переведенных на иностранные языки, в то время как они не заслуживают даже того, чтоб их печатали на их родном языке. Но этого не только переведут, о нем самом начнут сочинять пьесы, и одни ваши соотечественники напишут их десятки. Такие пьесы будут писать и итальянцы, а среди них Карло Гольдони, который, как говорили, и сам-то родился при аплодисментах муз, и русские.

Не только в вашей стране, но и в других странах будут сочинять подражания его пьесам и писать переделки этих пьес. Ученые различных стран напишут подробные исследования его произведений и шаг за шагом постараются проследить его таинственную жизнь. Они докажут вам, что этот человек, который сейчас у вас на руках подает лишь слабые признаки жизни, будет влиять на многих писателей

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
будущих столетий, в том числе на таких – неизвестных вам, но известных мне, –
как соотечественники мои Грибоедов, Пушкин и Гоголь.

Вы правы: из огня тот выйдет невредим,
Кто с вами день пробыть успеет,
Подышит воздухом одним,
И в нем рассудок уцелеет.
Вон из Москвы! Сюда я больше не ездук.
Бегу не оглянусь, пойду искать по свету,
Где оскорбленному есть чувству уголок!

Это строчки из финала пьесы моего соотечественника Грибоедова «Горе от ума».

А я, быв жертвою коварства и измены,
Оставляю навсегда те пагубные стены,
Ту бездну адскую, где царствует разврат,
Где ближний ближнему – враг лютей, а не брат!
Пойду искать угла в краю, отсель далеко,
Где можно как-нибудь быть честным человеком!

А это строчки из финала пьесы этого самого Поклена «Мизантроп» в переводе
русского автора Федора Кокошкина (1816 год).

Есть сходство между этими финалами? Ах, мой Бог, я не знаток! Пусть в этом
разбираются ученые! Они расскажут вам о том, насколько грибоедовский Чацкий
похож на Альцеста-Мизантропа, и о том, почему Карло Гольдони считают учеником
этого самого Поклена, и о том, как подросток Пушкин подражал этому Поклену, и
много других умных и интересных вещей. Я во всем этом плохо разбираюсь. Меня это
совершенно не интересует!

Другое занимает меня: пьесы моего героя будут играть в течение трех столетий на
всех сценах мира, и неизвестно, когда перестанут играть. Вот что для меня
интересно! Вот какой человек разовьется из этого младенца!

Да, я хотел сказать о пьесах. Весьма почтенная дама, госпожа Аврора Дюдеван,
впрочем, более известная под именем Жорж Санд, будет в числе тех, кто напишет
пьесы о моем герое.

В финале этой пьесы Мольер, поднимаясь, скажет:

– Да, я хочу умереть дома... Я хочу благословить свою дочь.

И принц Конде, подойдя к нему, подаст реплику:

– Обопрись о меня, Мольер!

Актер же Дюпарк, которого ко времени смерти Мольера, кстати сказать не будет на
свете, рыдая, воскликнет:

– О, потерять единственного человека, которого я когда-либо любил!

Дамы пишут трогательно, с этим ничего уж не поделаешь! Но ты, мой бедный и
окровавленный мастер! Ты нигде не хотел умирать – ни дома и ни вне дома! Да и
вряд ли, когда у тебя изо рта хлынула рекою кровь, ты изъявлял желание
благословлять свою мало кому интересную дочь Мадлену!

Кто пишет трогательнее, чем дамы? Разве что иные мужчины: русский автор Владимир
Рафаилович Зотов даст не менее чувствительный финал.

– Король идет. Он хочет видеть Мольера. Мольер! Что с ним?

– Умер.

И принц, побежав навстречу Людовику, воскликнет:

– Государь! Мольер умер!

И Людовик XIV, сняв шляпу, скажет:

– Мольер бессмертен!

Что можно возразить против последних слов? Да, действительно, человек, который живет уже четвертое столетие, несомненно, бессмертен. Но весь вопрос в том, признавал ли это король?

В опере «Аретуза», сочиненной господином Камбре, было возведено так:

– Боги правят небом, а Людовик – землей!

Тот, кто правил землей, шляпы ни перед кем никогда, кроме как перед дамами, не снимал и к умирающему Мольеру не пришел бы. И он действительно не пришел, как не пришел и никакой принц. Тот, кто правил землей, считал бессмертным себя, но в этом, я полагаю, ошибался. Он был смертен, как и все, а следовательно – слеп. Не будь он слепым, он, может быть, и пришел бы к умирающему, потому что в будущем увидел бы интересные вещи и, возможно, пожелал бы приобщиться к действительному бессмертию.

Он увидел бы в том месте теперешнего Парижа, где под острым углом сходятся улицы Ришелье, Терезы и Мольера, неподвижно сидящего между колоннами человека. Ниже этого человека – две светлого мрамора женщины со свитками в руках. Еще ниже их – львиные головы, а под ними – высохшая чаша фонтана.

Вот он – лукавый и оболстительный галл, королевский комедиант и драматург! Вот он – в бронзовом парике и с бронзовыми бантами на башмаках! Вот он – король французской драматургии!

Ах, госпожа моя! Что вы толкуете мне о каких-то знатных младенцах, которых вы держали когда-то в руках! Поймите, что этот ребенок, которого вы принимаете сейчас в покленовском доме, есть не кто иной, как господин Мольер! Ага! Вы поняли меня? Так будьте же осторожны, прошу вас! Скажите, он вскрикнул? Он дышит? Он живет!

Глава 1.

В ОБЕЗЬЯНЬЕМ ДОМЕ

Итак, 13 примерно января 1622 года в Париже у господина Жана-Батиста Поклена и супруги его Марии Поклен-Крессе появился хилый первенец. 15 января его окрестили в церкви святого Евстафия и назвали в честь отца Жаном-Батистом. Соседи поздравили Поклена, и в цехе обойщиков стало известно, что родился на свет еще один обойщик и торговец мебелью.

У каждого архитектора есть свои фантазии. На углах приятного трехэтажного дома с острой двухскатной крышей, стоявшего на углу улиц Святого Гонория и старых Бань, строитель XV века поместил скульптурные деревянные изображения апельсиновых деревьев с аккуратно подрезанными ветвями. По этим деревьям цепью тянулись маленькие обезьянки, срывающие плоды. Само собою разумеется, что дом получил у парижан кличку обезьяньего дома. И дорого обошлись впоследствии комедианту де Мольеру эти мартышки! Не раз доброжелатели говорили о том, что ничего удивительного нет в карьере старшего сына почтенного Поклена, сына, ставшего гороховым шутом. Чего же и требовать от человека, выросшего в компании гримасниц-обезьян? Однако в будущем комедиант не отрекся от своих обезьян и на склоне жизни уже, проектируя свой герб, который неизвестно зачем ему понадобился, изобразил в нем своих хвостатых приятельниц, карауливших отчий дом.

Дом этот находился в шумнейшем торговом квартале в центре Парижа, недалеко от Нового Моста. Домом этим владел и в доме этом жил и торговал придворный обойщик и драпировщик Жан-Батист-отец.

С течением времени обойщик добился еще одного звания – камердинера его величества короля Франции. И это звание не только с честью носил, но и наследственно закрепил за своим старшим сыном Жаном-Батистом.

Ходил слухок, что Жан-Батист-отец, помимо торговли креслами и обоями, занимался

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru и отдачею денег займа, за приличные проценты. Не вижу в этом ничего предосудительного для коммерческого человека! Но злые языки утверждали, что будто бы Поклен-отец несколько пересаливал в смысле процентов и что якобы драматург Мольер, когда описывал противного скрягу Гарпагона, вывел в нем своего родного отца. Гарпагон же этот был тот самый, который одному из своих клиентов пытался в счет денег всучить всякую рухлядь, в том числе набитое сеном чучело крокодила, которое, по мнению Гарпагона, можно было привесить к потолку в виде украшения.

Не хочу я верить этим пустым рассказам! Драматург Мольер не порочил памяти своего отца, и я не намерен ее порочить!

Поклен-отец был настоящим коммерсантом, видным и уважаемым представителем своего почтенного цеха. Он торговал, и над входом в обезьянью лавку развевался честный флаг с изображением все той же обезьяны.

В темноватом первом этаже, в лавке, пахло краской и шерстью, в кассе звякали монеты, и целый день сюда стремился народ, чтобы выбрать ковры и обои. И шли к Поклену-отцу и буржуа и аристократы. В мастерской же, окнами выходящей во двор, столбами стояла жирная пыль, были нагромождены стулья, валялись куски фурнитуры дерева, обрезки кожи и материи, и в этом хаосе возились, стучали молотками, кроили ножницами покленовские мастера и подмастерья.

В комнатах второго этажа, выше флага, царствовала мать. Там слышалось ее постоянное покашливанье и шум ее гроденаплевых юбок. Мария Поклен была состоятельной женщиной. В шкафах ее лежали дорогие платья и куски флорентийских материй, белье из тончайшего полотна, в комодах хранились кольца, браслеты с алмазами, жемчуга, перстни с изумрудами, золотые часы и дорогое столовое серебро. Молясь, Мария перебирала перламутровые четки. Она читала Библию и даже, чему я мало верю, греческого автора Плутарха в сокращенном переводе. Она была тиха, любезна и образованна.

Большинство ее предков были обойщики, но попадались среди них и люди других профессий, например, музыканты и адвокаты. Так вот, в верхних комнатах обезьяньего дома расхаживал белокурый толстогубый мальчик. Это и был старший сын Жан-Батист. Иногда он спускался в лавку и в мастерские и мешал подмастерьям работать, расспрашивая их о разных разностях. Мастера подсмеивались над его заиканием, но любили его. По временам он сидел у окна и глядел, подперев щеки кулаками, на грязную улицу, по которой сновал народ.

Мать однажды, проходя мимо него, похлопала его по спине и сказала:

– Эх ты, созерцатель...

И созерцателя в один прекрасный день отдали в приходскую школу.

В приходской школе он выучился именно тому, чему можно выучиться в такой школе, то есть овладел первыми четырьмя правилами арифметики, стал свободно читать, усвоил начатки латыни и познакомился со многими интересными фактами, изложенными в «Житиях святых».

Так дела и шли, мирно и хорошо. Поклен-отец богател, детей родилось уже четверо, как вдруг в обезьяний дом пришла беда.

Весною 1632 года нежная мать захворала. Глаза у нее стали блестящие и тревожные. В один месяц она исхудала так, что ее трудно было узнать, и на бледных ее щеках расцвели нехорошие пятна. Затем она стала кашлять кровью, и в обезьяний дом начали приезжать верхом на мулах, в зловещих колпаках врачи. 15 мая пухлый созерцатель плакал навзрыд, вытирал грязными кулаками слезы, и весь дом рыдал вместе с ним. Тихая Мария Поклен лежала неподвижно, скрестив руки на груди.

Когда ее похоронили, в доме настали как бы непрерывные сумерки. Отец впал в тоску и рассеянность, и первенец его несколько раз видел, как в летние вечера отец сидел один в сумерках и плакал. Созерцатель от этого расстраивался и слонялся по квартире, не зная, чем бы ему заняться. Но потом отец плакать перестал и зачастил в гости в некую семью Флёретт. Тут одиннадцатилетнему Жану-Батисту объявили, что у него будет новая мама. И вскоре Екатерина Флёретт, новая мама, появилась в обезьяньем доме. Тут, впрочем, обезьяний дом семейство

Глава 2.

ИСТОРИЯ ДВУХ ТЕАТРАЛОВ

Новый дом был расположен уже на самом Рынке, в том районе, где происходила знаменитая Сен-Жерменская ярмарка. И на новом месте предприимчивый Поклен с еще большим блеском развернул все приманки своей лавки. В прежнем доме хозяйничала и рожала детей Мария Крессе, в новом ее сменила Екатерина Флёретт. Что можно сказать об этой женщине? По-моему, ничего – ни дурного и ни хорошего. Но потому, что она вошла в семью с кличкой мачехи, многие из тех, кто интересовался жизнью моего героя, стали утверждать, что Жану-Батисту-малому плохо жилось при Екатерине Флёретт, что она была злой мачехой и будто бы именно ее, под именем Белины, вероломной жены, Мольер изобразил в комедии «Мнимый больной». По-моему, все это неверно. Нет никаких доказательств, что Екатерина обижала Жана-Батиста, и тем более нет никаких, что она – это Белина. Екатерина Флёретт была незлой второй женой, исполнившей свое назначение на земле: она родила Поклену через год после свадьбы дочку Екатерину, а еще через два – Маргариту.

Итак, Жан-Батист проходил курс приходской школы и, наконец, его закончил. Поклен-отец решил, что первенец его достаточно расширил свой кругозор, и велел ему присматриваться к делу в лавке. Тут Жан-Батист стал мерить материи, приколачивать что-то гвоздиками, точить ляды с подмастерьями, а в свободное время читать замасленную книжку Плутарха, оставшуюся от Марии Крессе.

И вот тут, при свете моих свечей, в открывшейся двери появляется передо мной в скромном, но солидном кафтане, в парике и с тростью в руке, очень оживленный для своих лет господин буржуазного вида, с живыми глазами и приличными манерами. Имя его – Луи, фамилия – Крессе, он покойной Марии родной отец, следовательно, Жану-малому он дед.

По профессии господин Крессе был обойщиком, так же как и его зять. Но только Крессе был не придворным обойщиком, а частным, и торговал он на Сен-Жерменской ярмарке. Проживал Крессе в Сент-Уане под Парижем, где владел прекрасным домом со всеми удобствами. По воскресным дням семейство Покленов обычно отправлялось в Сент-Уан к деду гостить, причем у покленовских детишек от этих посещений оставались приятные воспоминания.

Так вот, этот самый дед Крессе свел удивительную дружбу с Жаном-Батистом-малым. Что могло связать старика с мальчишкой? Разве что черт! Да, пожалуй, именно он! Общая страсть, однако, недолго была секретом для Поклена-отца и вскорости вызвала его хмурое удивление. Оказалось, что дед и внук без памяти любят театр! В свободные вечера, когда дед бывал в Париже, оба обойщика, и старый и малый, сговорившись и таинственно переглянувшись, уходили из дому. Проследить их путь было нетрудно. Обычно они направлялись на угол улиц Моконсейль и Французской, где в низком и мрачном зале Бургонского Отеля играла королевская труппа актеров. У почтенного деда Крессе были прочные знакомства среди старшин некоего общества, объединенного религиозными, но также и коммерческими целями. Общество это носило название Братства страстей Господних и владело привилегией представлять в Париже мистерии. Братство именно и построило Бургонский Отель, но в то время, когда Жан-Батист был мальчиком, мистерий уже не представляло, а сдавало Отель различным труппам.

Итак, дед Крессе отправлялся к старшине братства, и уважаемому обойщику и его внуку предоставляли бесплатные места в одной из свободных лож.

В театре Бургонского Отеля, премьером в котором был в то время известнейший актер Бельроз, играли трагедии, трагикомедии, пасторали и фарсы, причем виднейшим драматургом Отеля считался Жан де Ротру, большой любитель испанских драматургических образцов. Деду Крессе Бельроз своей игрой доставлял величайшее наслаждение, и внук вместе с дедом аплодировал Бельрозу. Но внуку гораздо больше тех трагедий, в которых выступал Бельроз, нравились бургонские фарсы, грубые и легкие фарсы, заимствованные большею частью у итальянцев и нашедшие в Париже прекрасных исполнителей, вольно жонглировавших злободневным текстом в своих смешных ролях.

Да, показал дед Крессе, на горе Поклену-отцу, его сыну ход в Бургонский Отель! И вот, вместе с дедом, когда Жан-Батист был мальчишкой, и позже, вместе с товарищами, когда Жан-Батист стал юношей, он успел пересмотреть в Отеле замечательные вещи.

Знаменитый Гро-Гильом, выступавший в фарсах, поражал Жана-Батиста своим красным плоскодонным беретом и белой курткой, обтягивающей чудовищный живот. Другая знаменитость, фарсёр Готье-Гаргюиль, одетый в черный камзол, но с красными рукавами, вооруженный громадными очками и с палкой в руках, не хуже Гро-Гильома укладывал в лоск бургонскую публику. Поражали Жана-Батиста и Тюрлюпен, неистощимый в выдумке трюков, и Ализон, играющий роли смешных старух.

В глазах у Жана-Батиста в течение нескольких лет, вертась, как в карусели, пролетели вымазанные мукой и краской или замаскированные педанты доктора, дорогие старики, хвастливые и трусливые капитаны. Под хохот публики легкомысленные жены обманывали ворчливых дураков мужей и фарсовые сводни-кумушки тарахтели как сороки. Хитрые, легкие, как пух, слуги водили за нос стариков Горжибюсов, старых хрычей били палками и запихивали в мешки. И стены Бургонского Отеля тряслись от хохота французов.

Посмотрев все, что можно было посмотреть в Бургонском Отеле, одержимые страстью обойщики переключивались в другой театр – Театр на Болоте. Здесь царила трагедия, в которой отличался знаменитый актер Мондори, и высокая комедия, лучшие образцы которой предоставил театру знаменитый драматург того времени Пьер Корнель.

Внука Людовика Крессе как бы окунали в разные воды: бургонский разукрашенный, как индийский петух, Бельроз был слащав и нежен. Он закатывал глаза, потом устремлял их в неизвестные дали, плавно взмахивал шляпой и читал монологи подвывающим голосом, так что нельзя было разобрать, говорит он или поет. А там, на Болоте, Мондори потрясал громовым голосом зал и с хрипением умирал в трагедии.

Мальчишка возвращался в дом отца с лихорадочным блеском в глазах и по ночам видел во сне буфонов Ализонов, Жакменов-Жадо, Филипенов и знаменитого Жодле с выбеленным лицом.

Увы! Бургонский Отель и Болото далеко не исчерпывали всех возможностей для тех, кто болен не излечимой никогда страстью к театру.

У Нового Моста и в районе Рынка вширь и мах шла торговля. Париж от нее тучнел, хорошел и лез во все стороны. В лавках и перед лавками бурлила такая жизнь, что звенело в ушах, в глазах рябило. А там, где Сен-Жерменская ярмарка раскидывала свои шатры, происходило настоящее столпотворение. Гам! Грохот! А грязи, грязи!..

– Боже мой! Боже мой! – говорил однажды про эту ярмарку калека-поэт Скаррон. – Сколько грязи навалит всюду эти зады, незнакомые с кальсонами!

Целый день идут, идут, толкутся! И мещане и красотки-мещаночки. В циркульнях бредут, мылят, дергают зубы. В человеческом месиве среди пеших видны конные. На мулах проезжают важные, похожие на ворон, врачи. Гарцуют королевские мушкетеры с золотыми стрелами девизов на ментиках. Столица мира, ешь, пей, торгуй, расти! Эй, вы, зады, незнакомые с кальсонами, сюда, к Новому Мосту! Смотрите, вон сооружают балаганы, увешивают их коврами. Кто там пишит, как дудка? Это глашатай. Не опоздайте, господа, сейчас начнется представление! Не пропустите случая! Только у нас, и больше нигде!

Вы увидите замечательных марионеток господина Бриоше. Вон они качаются на помосте, подвешенные на нитках. Вы увидите гениальную ученую обезьяну фаготена!

У Нового Моста в балаганах расположились уличные врачи, зубодеры, мозольные операторы и аптекари-шарлатаны. Они продавали народу панацеи – средства от всех болезней, а для того, чтобы на их лавки обращали внимание, они придумали замечательный способ. Они входили в соглашение с уличными бродячими актерами, а иногда и с актерами, обосновавшимися в театрах, и те давали целые представления, восхваляя чудодейственные шарлатанские средства.

Происходили торжественные процессии, на конях ехали разукрашенные разодетые,

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
облепившие себя сомнительными, взятыми напрокат ценностями комедианты, они
выкрикивали рекламы, сзывали народ. Мальчишки стаями шли за ними, свистели,
ныряли под ногами и этим увеличивали сутолоку.

Греми, Новый Мост! Я слышу, как в твоём шуме рождается от отца-шарлатана и
матери-актрисы французская комедия, она пронзительно кричит, и грубое ее лицо
обсыпано мукой!

Вот на весь Париж зашумел таинственный и замечательный человек, некий Кристоф
Контуджи. Он нанял целую труппу и развернул спектакли в балагане с полишинелями
и при их помощи стал торговать лекарственной всеисцеляющей кашкой, получившей
название «орвьетан».

Обойди кругом все царство,
Лучше не найдешь лекарства!
Орвьетан, орвьетан,
Покупайте орвьетан!

Буффоны в масках охрипшими в гвалте голосами клялись, что нет на свете такой
болезни, при которой не помог бы волшебный орвьетан. Он спасает от чахотки, от
чумы и от часотки!

Мимо балагана едет мушкетер. Его кровный жеребец косит кровавым глазом, роняет
пену с мундштука. Незнакомые с кальсонами режут дорогу, жмутся к седлу с
пистолетами. В балагане у Контуджи завывают голоса:

Господин капитан,
Покупайте орвьетан!

– Чума вас возьми! С дороги! – кричит гвардеец.

– Позвольте мне коробочку орвьетана, – говорит некий соблазненный Сганарель, –
сколько она стоит?

– Сударь, – отвечает шарлатан, – орвьетан такая вещь, что ей цены нету! Я
стесняюсь брать с вас деньги, сударь!

– О сударь, – отвечает Сганарель, – я понимаю, что всего золота в Париже не
хватит, чтобы заплатить за эту коробочку. Но и я стесняюсь что-нибудь брать
даром. Так вот, извольте получить тридцать су и пожалуйте сдачи.

Над Парижем темно-синий вечер, зажигаются огни. В балаганах горят дымные
крестообразные паникадила, в них тают сальные свечи, факелы завывают хвосты.

Сганарель спешит домой, на улицу Сен-Дени. Его рвут за полы, приглашают купить
противоядие от всех ядов, какие есть на свете.

Греми, Мост!

И вот в людском месиве пробираются двое: почтенный дед со своим
приятелем-подростком в плоеном воротнике. И никто не знает, и актеры на
подмостках не подозревают, кого тискают в толпе у балагана шарлатана.

Жодле в Бургонском Отеле не знает, что настанет день, когда он будет играть в
труппе у этого мальчишки. Пьер Корнель не знает, что на склоне лет он будет рад,
когда мальчишка примет к постановке его пьесу и заплатит ему, постепенно
беднеющему драматургу, деньги за эту пьесу.

– А не посмотрим ли мы еще и следующий балаган? – умильно и вежливо спрашивает
внук.

Дед колеблется – поздно. Но не выдерживает:

– Ну, так и быть, пойдём.

В следующем балагане актер показывает фокусы со шляпой: он вертит ее, складывает
ее необыкновенным образом, мнет, швыряет в воздух...

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
И Мост уже в огнях, по всему городу плывут фонари в руках прохожих, и в ушах еще стоит пронзительный крик: орвьетан!

И очень возможно, что вечером на улице Сен-Дени разыграется финал одной из будущих комедий Мольера. Пока этот самый Сганарель или Горжибюс ходил за орвьетаном, которым он надеялся излечить свою дочку Люсинду от любви к Клитандру или Клеонту, – Люсинда, натурально, бежала с этим Клитандром и обвенчалась!

Горжибюс бушует. Его надули! Его взнуздали, как бекаса! Он швыряет в зубы служанке проклятый орвьетан! Он угрожает!

Но появятся веселые скрипки, затанцует слуга Шампань, Сганарель примирится со случившимся. И Мольер напишет счастливый вечерний конец с фонарями.

Греми, Мост!

Глава 3.

НЕ ДАТЬ ЛИ ДЕДУ ОРВЬЕТАНУ?

В один из вечеров Крессе и внук вернулись домой возбужденные и, как обычно, несколько таинственные. Отец Поклен отдыхал в кресле после трудового дня. Он осведомился, куда дед водил своего любимца? Ну, конечно, они были в Бургонском Отеле на спектакле.

– Что это вы так зачастили с ним в театр? – спросил Поклен. – Уж не собираетесь ли вы сделать из него комедианта?

Дед положил шляпу, пристроил в угол трость, помолчал и сказал:

– А дай Бог, чтоб он стал таким актером, как Бельроз.

Придворный обойщик открыл рот. Помолчал, потом осведомился, серьезно ли говорит дед? Но так как Крессе молчал, то Поклен сам развил эту тему, но в тонах иронических.

Если, по мнению Людовика Крессе, можно желать стать похожим на комедианта Бельроза, то почему же не пойти и дальше? Можно двинуться по стопам Алисона, который кривляется на сцене, изображая для потехи горожан смешных старух-торговок. Отчего бы не вымазать физиономию какой-то белой дрянью и не нацепить чудовищные усы, как это делает Жодле?

Вообще можно начать валять дурака, вместо того чтобы заниматься делом. Что ж, горожане за это платят по пятнадцать су с персоны!

Вот уж воистину чудесная карьера для старшего сына придворного обойщика, которого знает, слава Богу, весь Париж! Вот бы порадовались соседи, если бы Батист-младший, господин Поклен, за которым закрепляется звание королевского лакея, оказался бы на подмостках! В цехе обойщиков надорвали бы животики!

– Простите, – сказал Крессе мягко, – по-вашему, выходит, что театр не должен существовать?

Но выяснилось, что из слов Поклена этого не выходит. Театр должен существовать. Это признает даже его величество, да продлит Господь его дни. Бургонской труппе пожаловано звание королевской. Все это очень хорошо. Он сам, Поклен, пойдет с удовольствием в воскресенье в театр. Но он бы выразился так: театр существует для Жана-Батиста Поклена, а никак не наоборот.

Поклен жевал поджаренный хлеб, запивал его винцом и громил деда.

Можно пойти и дальше. Если нельзя устроиться в труппе его величества – ведь не каждый же, господа, Бельроз, у которого, говорят, одних костюмов на двадцать тысяч ливров, – то отчего ж не пойти играть на ярмарке? Можно изрыгать непристойные шуточки, делать двусмысленные жесты, отчего же, отчего же!.. Вся улица будет тыкать пальцами!

– Виноват, я шучу, – сказал Поклен, – но ведь шутили, конечно, и вы?

Но неизвестно, шутил ли дед, точно так же как неизвестно, что думал во время отцовских монологов малый Жан-Батист.

«Странные люди эти Крессе, – ворочаясь в темноте на постели, думал придворный обойщик, – сказать при мальчишке такую вещь! Неудобно только, а следовало бы деду ответить, что это глупые шутки!»

Не спится. Придворный драпировщик и камердинер смотрит во тьму. Ах, все они, Крессе, такие! И покойница, первая жена, была с какими-то фантазиями и тоже обожала театр. Но этому старому черту шестьдесят лет. Честное слово, смешно! Ему орвьетан надо принимать! Он скоро в детство впадет!

Забота. Лавка. Бессонница...

Глава 4.

НЕ ВСЯКОМУ НРАВИТСЯ БЫТЬ ОБОЙЩИКОМ

А мне все-таки жаль бедного Поклена. Что же это за напасть, в самом деле! В ноябре 1636 года померла и вторая жена его. Отец опять сидит в сумерках и тоскует. Он станет теперь совсем одинок. А у него теперь шестеро детей. И лавка на руках, и подымай на ноги всю ораву. Один, всегда один. Не в третий же раз жениться...

И как на горе, в то же время, когда умерла Екатерина Флёретт, что-то сделалось с первенцем – Жаном-Батистом. Четырнадцатилетний малый захирел. Он продолжал работать в лавке, – жаловаться нельзя, он не лодырничал. Но поворачивался, как марионетка, прости Господи, у Нового Моста! Исхудал, засел у окна, стал глядеть на улицу, хоть на ней ничего и нет – ни нового, ни интересного. Стал есть без всякого аппетита...

Наконец назрел разговор.

– Рассказывай, что с тобой, – сказал отец и прибавил глухо: – Уж не заболел ли ты?

Батист уперся глазами в тупоносые свои башмаки и молчал.

– Тоска мне с вами, – сказал бедный вдовец, – что мне делать с вами, детьми? Ты не томи меня, а... рассказывай.

Тут Батист перевел глаза на отца, а затем на окно и сказал:

– Я не хочу быть обойщиком.

Потом подумал и, очевидно, решившись развязать сразу этот узел, добавил:

– Чувствую глубокое отвращение.

Еще подумал и еще добавил:

– Ненавижу лавку.

И чтобы совсем доконать отца, еще добавил:

– Всем сердцем и душой!

После чего и замолчал.

Вид у него при этом сделался глупый. Он, собственно, не знал, что последует за этим. Возможна, конечно, плюха от отца. Но плюхи он не получил.

Произошла длиннейшая пауза. Что может помочь в таком казусном деле? Плюха? Нет,

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
плюхой здесь ничего не сделаешь. Что сказать сыну? Что он глуп? Да, он стоит, как тумба, и лицо у него тупое в этот момент. Но глаза как будто не глупые и блестящие, как у Марии Крессе.

Лавка не нравится? Быть может, это ему только кажется? Он еще мальчик, в его годы нельзя рассуждать о том, что нравится, а что не нравится. Он просто, может быть, немножко устал? Но ведь он-то, отец, еще больше устал, и у него-то ведь помощи нет никакой, он поседел в заботах...

– Чего же ты хочешь? – спросил отец.

– Учиться, – ответил Батист.

Вот в это мгновение кто-то нежно постучал тростью в дверь, и в сумерках вошел Луи Крессе.

– Вот, – сказал отец, указывая на плоеный воротничок, – он, извольте видеть, не желает помогать мне в лавке, а намерен учиться.

Дед заговорил вкрадчиво и мягко. Он сказал, что все устроится по-хорошему. Если юноша тоскует, то надо, конечно, принять меры.

– Какие же меры? – спросил отец.

– А, в самом деле, отдать его учиться! – светло воскликнул дед.

– Но позвольте, он же учился в приходской школе!

– Ну, что такое приходская школа! – сказал дед. – У мальчугана огромные способности...

– Выйди, Жан-Батист, из комнаты, я поговорю с дедушкой.

Жан-Батист вышел. И между Крессе и Покленом произошел серьезнейший разговор.

Передавать его не стану. Воскликну лишь: о светлой памяти Людовик Крессе!

Глава 5.

для вящей славы Божией

Знаменитая парижская Клермонская коллегия, впоследствии Лицей Людовика Великого, действительно нисколько не напоминала приходскую школу.

Коллегия находилась в ведении членов могущественного ордена Иисуса, и отцы иезуиты поставили в ней дело, надо сказать, прямо блестяще – для вящей славы Божией, – как все, что они делали.

В коллегии, руководимой ректором, отцом Жакобусом Дине, обучалось до двух тысяч мальчиков и юношей – дворян и буржуа, из которых триста были интернами, а остальные – приходскими. Орден Иисуса обучал цвет Франции.

Отцы профессора читали клермонцам курсы истории, древней литературы, юридических наук, химии и физики, богословия и философии и преподавали греческий язык. О латинском даже упоминать не стоит: клермонские лицеисты не только непрерывно читали и изучали латинских авторов, но обязаны были в часы перемен между уроками разговаривать на латинском языке. Вы сами понимаете, что при этих условиях можно овладеть этим фундаментальным для человечества языком.

Были специальные часы для уроков танцев. В другие же часы слышался стук рапир: французские юноши учились владеть оружием, чтобы на полях в массовом бою защищать честь короля Франции, а в одиночном – свою собственную. Во время торжественных актов клермонцы-интерны разыгрывали пьесы древнеримских авторов, преимущественно Публия Теренция и Сенеки.

Вот в какое учебное заведение отдал своего внука Людовик Крессе.

Поклен-отец никак не мог пожаловаться на то, что его сын, будущий королевский камердинер, попал в скверное общество.

В списках клермонских воспитанников было великое множество знатных фамилий, лучшие семьи дворян посылали в Клермонский лицей своих сыновей.

В то время, когда Поклен в качестве экстерна проходил курс наук, в Клермонской коллегии учились три принца, из которых один был не кто иной, как Арман де Бурбон, принц де Конти, родной брат другого Бурбона – Людовика Конде, герцога Энгиенского, впоследствии прозванного Великим. Того самого Конде, который в двадцатидвухлетнем возрасте уже командовал французскими армиями и, разбив однажды испанцев наголову, прославил себя как первоклассный полководец, а в дальнейшем одно время был кандидатом на польский престол. Другими словами говоря, Поклен учился вместе с лицом королевской крови. Уж из одного этого можно видеть, что преподавание в Клермонской коллегии было поставлено хорошо.

Следует отметить, что юноши голубой крови были отделены от сыновей богатых буржуа, к числу которых принадлежал Жан-Батист. Принцы и маркизы были пансионерами лицея, имели свою собственную прислугу, своих преподавателей, отдельные часы для занятий, так же как и отдельные залы.

Кроме того, надлежит сказать, что принц Конти, который впоследствии сыграет значительную роль во время похождения моего беспокойного героя, был на семь лет младше его, попал в коллегию совсем мальчишкой и, конечно, никогда не сталкивался с нашим героем.

Итак, наш герой погрузился в изучение Плавта, Теренция и Лукреция. Он, согласно правилам, отпустил себе волосы до плеч и протирал свои широкие штаны на классной лавке, начиная голову латынью. Латынь снилась ему, он начинал думать по-латыни, временами ему казалось, что он не Жан-Батист, а Жеганнес-Баптистус. Обойная лавка задернулась туманом. Иной мир принял нашего героя.

– Видно, уж такая судьба, – бормотал Поклен-отец, засыпая, – ну что ж, передам дело второму сыну. А этот, может быть, станет адвокатом, или нотариусом, или еще кем-нибудь.

Интересно знать, умерла ли мальчишеская страсть к театру у схоластика Батиста? Увы, ни в какой мере! Вырываясь в свободные часы из латинских тисков, он по-прежнему уходил на Новый Мост и в театры, но уже не в компании с дедом, а с некоторыми немногочисленными приятелями-клермонцами. И в годы своего пребывания в коллегии Батист основательно познакомился как с репертуаром Болота, так и с Бургонским Отелем. Он видел пьесы Пьера Корнеля: «Вдову», «Королевскую площадь», «Дворцовую галерею» и знаменитую его пьесу «Сид», доставившую автору громкую славу и зависть собратьев по перу.

Но этого мало. Есть подозрение, что к концу своего учения в лицее Жан-Батист научился проникать не только в партер или ложи театра, но и за кулисы, причем там, по-видимому, и свел одно из важнейших в своей жизни знакомств.

Познакомился он с женщиной.

Ее звали Мадленою Бежар, и была она актрисой, причем некоторое время служила в Театре на Болоте. Мадлена была рыжеволосой, прелестной в обращении и, по общему признанию, обладала настоящим большим талантом.

Пламенная поклонница драматурга Ротру, Мадлена была умна, обладала тонким вкусом и, кроме того, – что составляло большую, конечно, редкость, – литературно образована и сама писала стихи.

Поэтому ничего нет мудреного, что Мадлена Бежар пользовалась большим успехом у мужчин. Что это было так, обнаружилось в 1638 году в июле месяце, когда Мадлена Бежар, числящаяся по документам двадцатилетней девицей, родила девочку, окрещенную франсуазой. Известно точно, кто был отцом франсуазы. Это был блистательнейший и известный своими любовными приключениями женатый кавалер Эспри Реймон де Мормуарон, граф де Моден, камергер принца Гастона, единственного брата короля Людовика XIII.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Связь свою с де Моденом актриса Бежар не только не скрывала, но, наоборот, сколько можно понять хотя бы из акта крещения франсуазы, афишировала. В качестве крестной матери франсуазы выступала мать Мадлены Бежар, а крестным отцом был малолетний сын графа де Модена.

То обстоятельство, что Мадлена Бежар была в связи с де Моденом, а также факт рождения дочери ее франсуазы, читателю надлежит хорошо запомнить.

Итак, Жан-Батист проник за кулисы театров, и нет ничего удивительного в том, что очаровательная огненноволосая парижанка-актриса совершенно пленила клермонца, который был моложе ее на четыре года. Интересно, что Мадлена платила Жану-Батисту взаимностью.

Так вот, курс в коллегии продолжался пять лет, заканчиваясь изучением философии – как венцом, так сказать. И эти пять лет Жан-Батист учился добросовестно, урывая время для посещения театров.

Стал ли образованным человеком в этой коллегии мой герой? Я полагаю, что ни в каком учебном заведении образованным человеком стать нельзя. Но во всяком хорошо поставленном учебном заведении можно стать дисциплинированным человеком и приобрести навык, который пригодится в будущем, когда человек вне стен учебного заведения станет образовывать сам себя.

Да, в Клермонской коллегии Жана-Батиста дисциплинировали, научили уважать науки и показали к ним ход. Когда он заканчивал коллеж, а заканчивал он его в 1639 году, в голове у него не было более приходского месива. Ум его был зашнурован, по словам Мефистофеля, в испанские сапоги.

Проходя курс в коллеже, Поклен подружился с неким Шапелем, незаконным сыном важного финансового чиновника и богатейшего человека Люилье, и стал бывать у него в доме.

В том году, когда наши клермонцы оканчивали коллегию, в доме Люилье появился и поселился в качестве дорогого гостя один замечательный человек. Звали его Пьер Гассенди.

Профессор Гассенди, провансалец, был серьезно образован. Знаний у него было столько, что их хватило бы на десять человек. Профессор Гассенди был преподавателем риторики, прекрасным историком, знающим философом, физиком и математиком. Объем его знаний, хотя бы в области математики, был так значителен, что, например, кафедру ему предложили в Королевской коллегии.

Но повторяем, не одна математика составляла багаж Пьера Гассенди.

Острый и беспокойный умом человек, он начал свои занятия с изучения знаменитейшего философа древности перипатетика Аристотеля и, изучив его в полной мере, в такой же мере его возненавидел. Затем, познакомившись с великой ересью поляка Николая Коперника, который объявил всему миру, что древние ошибались, полагая, что Земля есть неподвижный цент вселенной, Пьер Гассенди всей душой возлюбил Коперника.

Гассенди был очарован великим мыслителем Джордано Бруно, который в 1600 году был сожжен на костре за то, что утверждал, что вселенная бесконечна и что в ней есть множество миров.

Гассенди был всей душой на стороне гениального физика Галилея, которого заставили, положив руку на Евангелие, отречься от его убеждения, что Земля движется.

Все люди, которые находили в себе смелость напасть на учение Аристотеля или же на последующих философов-схоластиков, находили в Гассенди вернейшего сообщника. Он прекраснейшим образом познакомился с учением француза Пьера де Ла Ламе, нападавшего на Аристотеля и погибшего во время Варфоломеевской ночи. Он хорошо понимал испанца Хуана Льюиса Вивеса, учинившего разгром схоластической философии, и англичанина Фрэнсиса Бэкона-барона Веруламского, противопоставившего свой труд «Великое возрождение» – Аристотелю.

Да всех не перечтешь!

Профессор Гассенди был новатором по природе, обожал ясность и простоту мышления, безгранично верил в опыт и уважал эксперимент.

Подо всем этим находилась гранитная подкладка собственного философского учения. Добыл это учение Гассенди все в той же глубокой древности от философа Эпикура, проживавшего примерно лет за триста до Рождества Христова.

Если бы у философа Эпикура спросили бы так:

– Какова же формула вашего учения? – надо полагать, что философ ответил бы:

– К чему стремится всякое живое существо? Всякое живое существо стремится к удовольствию. Почему? Потому, что удовольствие есть высшее благо. Живите же мудро – стремитесь к удовольствию.

Формула Эпикура чрезвычайно пришлась по душе Пьеру Гассенди, и с течением времени он построил свою собственную.

– Единственно, что врождено людям, – говорил Гассенди своим ученикам, пощипывая острую ученую бородку, – это любовь к самому себе. И цель жизни каждого человека есть счастье! Из каких же элементов слагается счастье? – вопрошал философ, сверкая глазами. – Только из двух, господа, только из двух: спокойная душа и здоровое тело. О том, как сохранить здоровье, вам скажет любой хороший врач. А как достичь душевного спокойствия, скажу я вам: не совершайте, дети мои, преступлений, не будет у вас ни раскаяния, ни сожаления, а только они делают людей несчастными.

Эпикурец Гассенди начал свою ученую карьеру с выпуска большого сочинения, в котором доказывал полнейшую непригодность аристотелевской астрономии и физики и защищал теорию того самого Коперника, о котором я вам говорил. Однако это интереснейшее сочинение осталось незаконченным. Если бы спросить у профессора, по какой причине это произошло, я сильно подозреваю, что он ответил бы, как некий Кризаль, герой одной из будущих комедий Мольера, отвечал излишне ученой женщине Филаминте:

Что? Наше тело – дрянь?
Ты чересчур строга
Нет, эта дрянь, моя супруга,
Мне бесконечно дорога!

– Я не хочу сидеть в тюрьме, милостивые государи, из-за Аристотеля, – сказал бы Гассенди.

И в самом деле, когда эту дрянь, ваше тело, посадят в тюрьму, то спрашивается, каково-то там будет вашему философскому духу?

Словом, Гассенди вовремя остановился. Работу об Аристотеле заканчивать не стал и занялся другими работами. Эпикурец слишком любил жизнь, а постановление парижского парламента от 1624 года было еще совершенно свежо. Дело в том, что всеми учеными факультетами того времени Аристотель был, если можно так выразиться, канонизирован, и в парламентском постановлении весьма недвусмысленно говорилось о смертной казни для всякого, кто осмелится нападать на Аристотеля и его последователей.

Итак, избежав крупных неприятностей, совершив путешествие по Бельгии и Голландии, написав ряд значительных работ, Гассенди оказался, как я говорил, в Париже у Люилье, старого своего знакомого.

Люилье был умница и обратился к профессору с просьбой – в частном порядке читать курсы наук его сыну Шапелю. А так как Люилье был не только умница, но и широкий человек, то он позволил Шапелю составить целую группу молодежи, которая и слушала вместе с ним Гассенди.

В группу вошли: Шапель, наш Жан-Батист, затем некий Бернье, молодой человек с сильнейшим тяготением к естественным наукам, впоследствии ставший знаменитым путешественником по Востоку и прозванный в Париже Великим Моголом, Эно и, наконец, совершенно оригинальный в этой компании персонаж. Последний был старше

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru других, был не клермонцем, а гвардейским офицером, недавно раненным на войне, пьяницей, дуэлянтом, остряком, донжуаном и начинающим и недурным драматургом. Еще в бытность свою в коллеже, в классе риторики, в городе Бовэ, он сочинил интересную пьесу «Одураченный педант», в которой вывел своего директора Жана Гранжье. Звали этого молодого человека – Сирано де Бержерак.

Та вот, вся эта компания, рассевшись в роскошных покоях Люилье, выпитывала пламенные речи Пьера Гассенди.

Вот кто отшлифовал моего героя. Он, этот провансалец с изборожденным страстями лицом! От него Жан-Батист получил в наследство торжествующую философию Эпикура и множество серьезных знаний по естественным наукам. Гассенди, при пленительном свете восковых свечей, привил ему любовь к ясному и точному рассуждению, ненависть к схоластике, уважение к опыту, презрение к фальши и вычурности.

И настал момент, когда и Клермонский коллеж и лекции Гассенди были закончены. Мой герой стал взрослым.

– Потрудись отправиться в Орлеан, – сказал Поклен-отец законченному клермонцу, – и держи экзамен на юридическом факультете. Получи ученую степень. Будь так добр, не провались, ибо денег на тебя ухлопано порядочно.

И Жан-Батист поехал в Орлеан, для того чтобы получить юридический диплом.

Мне неизвестно точно, много ли времени он провел в Орлеане и когда именно. По-видимому, это было в самом начале 1641 года.

Один из бесчисленных злопыхателей, ненавидевших моего героя впоследствии беспредельно, утверждал много лет спустя, что в Орлеане всякий осел может получить ученую степень, были бы только у осла деньги. Однако это неверно. Осел степени не получит, да и мой герой ни в какой мере не походил на осла.

Правда, какие-то жизнерадостные молодые люди, ездившие в Орлеан экзаменоваться, рассказывали, что будто бы они приехали в университет вечером, разбудили профессоров, те, позевывая, надели поверх засаленных ночных колпаков свои ученые шапки и тут же их проэкзаменовали и выдали им степень. Впрочем, может быть, молодые люди и соврали.

Как бы ни было поставлено дело в Орлеане, твердо известно, что степень лиценциата прав Жан-Батист получил.

Итак, нет больше мальчишки в воротничке и нет схоластика с длинными волосами. Предо мной при свечах стоит молодой мужчина. На нем искусственные пряди волос, на нем светлый парик.

Я жадно вглядываюсь в этого человека.

Он среднего роста, сутуловат, со впалой грудью. На смуглом и скуластом лице широко расставлены глаза, подбородок острый, а нос широкий и плоский. Словом, он до крайности нехорош собой. Но глаза его примечательны. Я читаю в них странную всегдашнюю язвительную усмешку и в то же время какое-то вечное изумление перед окружающим миром. В глазах этих что-то сладострастное, как будто женское, а на самом дне их – затаенный недуг. Какой-то червь, поверьте мне, сидит в этом двадцатилетнем человеке и уже теперь точит его.

Этот человек заикается и неправильно дышит во время речи.

Я вижу, он вспыльчив. У него бывают резкие смены настроений. Этот молодой человек легко переходит от моментов веселья к моментам тяжелого раздумья. Он находит смешные стороны в людях и любит по этому поводу острить. Временами он неосторожно впадает в откровенность. В другие же минуты пытается быть скрытным и хитрить. В иные мгновения он безрассудно храбр, но тотчас же способен впасть в нерешительность и трусость. О, поверьте мне, при этих условиях у него будет трудная жизнь и он наживет себе много врагов.

Но пусть идет жить! Над Клермонским коллежем, лекциями, Аристотелем и прочей ученостью я тушу свечи.

Глава 6.

МАЛОВЕРОЯТНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Описываемое нами время было бурным временем для Франции. Тихой жизнь казалась только в Клермонском коллеже или в лавке у отца.

Францию потрясали внешние войны и внутренние междоусобицы, и это продолжалось много лет.

В самом начале 1642 года король Людовик XIII и всесильный фактический правитель Франции кардинал и герцог Арман Ришелье отправились на юг к войскам для того, чтобы отбивать у испанцев провинцию Русильон.

Королевские обойщики (их было несколько человек) службу при короле несли в очередь, причем на долю Поклена-отца приходились весенние месяцы: апрель, май и июнь. Ввиду того, что Поклена-отца в 1642 году в Париже задерживали коммерческие дела, он решил отправить в качестве своего заместителя для службы в королевской квартире своего старшего сына. Несомненно, что у Поклена при этом была мысль приучить Жана-Батиста к придворной жизни.

Сын выслушал отцовское повеление и ранней весной двинулся на юг страны.

Вот тут немедленно таинственный мрак поглотил моего героя, и никто не знает, что в точности происходило с ним на юге. Распространился, однако, слух, что будто бы Жан-Батист участвовал в необыкновенном приключении.

Кардинал Ришелье, в руках которого полностью находился слабовольный и малодаровитый король Людовик XIII, был ненавидим очень многими представителями французской аристократии.

В 1642 году был организован заговор против кардинала Ришелье, и душой этого заговора стал юный маркиз Сен-Марс. Гениальный и опытнейший политик – Ришелье – об этом заговоре проведал. Несмотря на то, что Сен-Марсу покровительствовал король, Сен-Марса было решено схватить по обвинению в государственной измене (в сношениях с Испанией).

В ночь с 12-го на 13 июня в одном из городов на юге будто бы к Сен-Марсу подошел неизвестный молодой человек и вложил в руки кавалеру записку. Отделившись от других придворных, Сен-Марс при дрожащем свете факела прочел краткое послание и бросился спасаться. В записке были слова: «Ваша жизнь в опасности!» Подписи не было.

Будто бы эту записку написал и передал молодой придворный камердинер Поклен, великодушно пожелавший спасти Сен-Марса от верной смерти.

Но записка лишь отсрочила гибель Сен-Марса. Тщетно он искал убежища. Напрасно он спрятался в постели своей любовницы, госпожи Сиузак. Его взяли на другой же день, и вскорости бедный кавалер был казнен. И через сто восемьдесят четыре года память его увековечил в романе писатель Альфред де Виньи, а через пятьдесят один год после де Виньи – и в опере – знаменитый автор «Фауста», композитор Гуно.

Однако утверждают некоторые, что никакого случая с запиской не было, что к делу Сен-Марса Жан-Батист никакого отношения не имел и, не вмешиваясь в то, во что ему вмешиваться не полагалось, тихо и аккуратно нес службу королевского лакея. Но тогда немного непонятно, кто и зачем выдумал эту историю с запиской?

В конце июня король побывал в нескольких лье расстояния от Нима, в Монфрене, и вот тут произошло второе приключение, которое, как увидит читатель, сыграет в жизни нашего героя гораздо большую роль, нежели приключение с несчастным Сен-Марсом. Именно в Монфрене на целебных водах королевский камердинер, заканчивавший или уже закончивший срок своей службы на этот год, встретился после некоторой разлуки со своей знакомой Мадленой Бежар. Актриса путешествовала, играя в бродячей труппе. Точно неизвестно, когда отделился от королевской свиты камердинер. Но одно можно сказать, что он не тотчас по

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
окончанию службы, то есть в июле 1642 года, вернулся в Париж, а некоторое время путешествовал по югу и, как утверждают люди из типа тех, которых интересуют чужие дела, в подозрительной близости от госпожи Бежар.

Это таинственное лето вообще прикрито густейшей вуалью. Не будем же до поры до времени производить попытки приподнять ее. Так или иначе, но осенью 1642 года Поклен вернулся в столицу и отцу доложил, что службу свою он исполнил.

Отец осведомился о том, что намерен дальше делать его наследник? Жан-Батист ответил, что он намерен усовершенствоваться в юриспруденции. Тут, сколько мне известно, Жан-Батист поселился отдельно от отца, и в городе стали поговаривать, что старший сын Поклена не то сделался адвокатом, не то собирается сделаться.

Величайшее изумление поразило бы всякого, кто вздумал бы приглядеться к тому, как молодой Поклен готовился к адвокатской деятельности. Никто не слышал о том, чтобы адвокатов подготавливали шарлатаны на Новом Мосту! Оставивши юридические книжки у себя на квартире, Жан-Батист тайно от отца явился в одну из шарлатанских трупп и стал проситься в нее на любое амплуа. И поговаривали, что ему удалось устроиться в качестве глашатая, зазывающего народ в балаган.

Вот каковы были занятия юриспруденцией!

И впоследствии враги Жана-Батиста, а их у него было очень много, злобно смеялись, говоря, что мой герой, как грязный уличный фарсер, ломался в торговом квартале на улице и будто бы даже глотал змей для потехи черни.

Глотал он или не глотал, этого я точно сказать не могу, но знаю, что в это время он стал жадно изучать трагедию и начал понемногу играть в любительских спектаклях.

Чтение Корнеля, распалывшее мозг моего героя по ночам, незабываемые ощущения при выступлениях на улице, запах душной маски, которую, кто раз надел, тот никогда уже не снимет, – отравили наконец неудачливого юриста, и однажды утром, погасив над «Сидом» свои свечи, он решил, что настало его время, чтобы удивить мир.

И точно, мир он удивил, причем первой жертвой этого удивления стал многострадальный Поклен-отец.

Глава 7.

БЛЕСТЯЩАЯ ШАЙКА

В самых первых числах января 1643-го, чреватога событиями года, Жан-Батист-сын явился к отцу и объявил, что все эти планы с зачислением его в корпорацию адвокатов – просто-напросто бред. Что ни в какие нотариусы он не пойдет, ученым стать не намерен, а более всего не желает иметь дела с обойной лавкой. Пойдет же он туда, куда тянет его с детства призвание, то есть в актеры.

Перо мое отказывается изобразить, что произошло в доме.

Когда отец несколько опомнился, он все-таки пытался сына отговорить и сказал ему все, что велел ему сказать отцовский долг. Что профессия актера есть всеми презираемая профессия. Что святая церковь изгоняет актеров из своего лона. Что пойти на такое дело может лишь нищий или бродяга.

Отец грозил, отец умолял.

– Иди, прошу тебя, иди и подумай, а потом уж приходи ко мне.

Но сын, как будто бы в него уже вселился дьявол, наотрез отказался думать о чем бы то ни было.

Тогда отец бросился к священнику и просил его слезно – иди отговорить Жана-Батиста.

Священнослужитель поступил согласно просьбе уважаемого прихожанина и приступил к

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
уговорам, но результаты этих уговоров были так удивительны, что даже и говорить странно. В Париже определенно утверждали, что после двухчасовой беседы с обезумевшим Жаном-Батистом-сыном служитель церкви снял слою черную сутану и вместе с Жаном-Батистом записался в ту самую труппу, в которую хотел записаться и сам Жан-Батист.

Прямо заявляю, что все это маловероятно. Никакой священник, сколько помнится мне, в театр не поступал, но зато некий Жорж Пинель действительно выкинул с отцом Покленом престранную штуку.

Этот Жорж Пинель одно время занимался, по приглашению Поклена-отца, с Жаном-Батистом, обучая его торговому счетоводству. Кроме того, Пинель был связан с Покленом денежными делами, выразившимися в том, что время от времени Пинель брал деньги у Поклена.

Находясь в отчаянии и не зная, что предпринять, Поклен-отец направился и к Пинелю, прося его отговорить своего бывшего ученика. Покладистый Пинель действительно побеседовал с Жаном-Батистом, а затем явился сообщить о результатах этой беседы Поклену-отцу. Оказалось, по словам Пинеля, что Жан-Батист его совершенно убедил и что он, Пинель, оставляет навсегда занятия счетоводством и поступает вместе с Жаном-Батистом на сцену.

– Трижды будь проклят этот бездельник Пинель, которому я еще к тому же дал сто сорок ливров займы! – сказал несчастный отец по уходе Пинеля и вызвал сына вновь.

Было 6 января, день весьма памятный в жизни отца.

– Ну что же, ты стоишь на своем? – спросил Поклен.

– Да, решение мое неизменно, – ответил сын, в котором, очевидно, текла кровь Крессе, а не Покленов.

– Имей в виду, – сказал отец, – что я лишаю тебя звания королевского камердинера, возвращай его мне. Я раскаиваюсь в том, что послушался безумного деда и дал тебе образование.

Безумный и нераскаянный Жан-Батист ответил, что он охотно отказывается от звания и ничего не будет иметь против того, чтобы отец передал звание тому из сыновей, которому он пожелает.

Отец потребовал письменного отречения, и Жан-Батист, ни минуты не задумавшись, подписал это отречение, которое, как выяснилось впоследствии, цены не имело и никакой роли не сыграло.

Потом стали делиться. Жану-Батисту из материнского наследства следовало около пяти тысяч ливров. Отец торговался, как на ярмарке. Он не хотел допустить, чтобы золото утекло в дырявые кошелки бродячих комедиантов. И был трижды прав. Словом, он выдал сыну шестьсот тридцать ливров, и с этими деньгами сын покинул отцовский дом.

Направился он прямо на Королевскую площадь, в некое семейство, которое было бесконечно мило его сердцу. Это было семейство Бежаров.

Жозеф Бежар, он же съёр Бельвиль, мелкий чиновник в Главном управлении вод и лесов, проживал в Париже вместе со своею супругою, урожденной Марией Эрве, и имел четырех детей.

Семейство было замечательно тем, что оно все, начиная с самого съёра Бельвиля, пылало страстью к театру. Дочь Мадлена Бежар, которую мы уже знаем, была профессиональной и прекрасной актрисой. Старший сын, называвшийся, как и отец, Жозеф, и девятнадцатилетняя, следующая за Мадленой по возрасту, дочь Женевьева – не только играли в любительских спектаклях, но и мечтали о создании театра. Самый младший сын, Луи, конечно, стремился вслед за старшими в театр и не попал еще в него только по молодости лет – ему было около тринадцати. Бежар-Бельвиль относился совершенно поощрительно к занятиям детей, потому что и сам пробовал подвизаться в театре, а любящая мать ничего не имела против увлечения детей.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Трудно было подобрать более подходящую компанию для Жана-Батиста Поклена.

Но не одна только любовь к театру связывала Поклена с Бежарами. Нет никаких сомнений в том, что Мадлена и Поклен уже любили друг друга и были в связи. (Не забывайте о лете 1642 года и о целебных водах в Монфрене!)

Тут нужно заметить, что семейство Бежаров было в странствованиях вне Парижа с конца 1641 года и вернулось в Париж примерно тогда же, когда вернулся и наш герой, то есть к началу 1643 года. Можно подумать, что вернулась и Мадлена, хотя в последнем я не уверен, а между тем этот вопрос о возвращении Мадлены меня очень волнует, а почему – это будет видно впоследствии.

Итак, в январе 1643 года Поклен явился с наследственными деньгами к Бежарам, но дальнейшие театральные события завязались не сразу, потому что в жизни семейства Бежаров последовал некий таинственный провал... Ах, много загадочных событий, видно, было в жизни Бежаров, так же, впрочем, как и в жизни моего героя!

Таинственность поведения Бежаров выразилась в том, что примерно в январе – феврале 1643 года это семейство вдруг покинуло город и – среди зимы – почему-то выехало на дачу под Парижем. Это мне кажется странным!

Я говорю, семейство Бежаров выехало на дачу, но не уверен в том, выехали ли Мадлена и Женевьева, хотя и дорого бы дал, чтобы знать это точно. Во всяком случае, сам съёр Бельвиль и верная его супруга Мария Эрве выехали. Затем, в марте, стало известно, что съёр Бельвиль на этой самой даче в местечке Сент-Антуан де Шан скончался, а семейство вернулось в Париж.

Вот тут уже для меня несомненно, что все, кроме покойного Бельвиля, оказались налицо в Париже. Тогда необыкновенная работа закипела в доме на Королевской площади. К Бежарам сбежались какие-то сомнительные, в театральном смысле, молодые люди, а за ними явились уже потертые и опытные профессиональные актеры.

Пинель почувствовал себя как рыба в воде и показал себя в полном блеске среди богемы. Я ручаюсь, что никому в мире не удалось бы проделать то, что проделал Пинель.

Он явился к Поклену-отцу и ухитрился взять у него еще двести ливров для сына, о котором он рассказал придворному обойщику какие-то невероятные вещи. Говорят, что он поступил с ним, как Скапен с Жеронтом в комедии Мольера. Все возможно!

Дело созрело летом 1643 года.

30 июня в доме вдовы Марии Эрве был заключен торжественный договор в присутствии благородного господина Марешаля, адвоката парижского парламента. Акт извещал о том, что компания из десяти человек образует новый театр.

Вот куда ушли и шестьсот тридцать и последующие двести ливров. Кроме того, деньги на основание театра дала Мадлена, которая отличалась большой бережливостью и успела скопить порядочную сумму за время своей артистической предшествующей деятельности. Не чаявшая души в своих детях, Мария Эрве наскребла последние крохи и тоже ввергла свой капитал в это предприятие. Остальные, насколько можно понять, были голы как с#243;колы и могли внести в предприятие только свою энергию и талант, а Пинель – свой жизненный опыт.

Без излишней скромности группа наименовала будущий театр Блестящим Театром, а все входящие в него называли себя «Дети Семьи», из чего можно вывести заключение, что между новыми служителями муз царствовало то самое согласие, благодаря которому, по мнению Аристотеля, держится вся вселенная. В число Детей Семьи вошли следующие: трое Бежаров – Жозеф, Мадлена и Женевьева, две молодые девицы – Маленгр и Десюрли, некий Жермен Клерен, юный писец Бонанфан, профессиональный и опытный актер Дени Бейс, упомянутый уже Жорж Пинель и, наконец, тот, кто был пламенным вожаком всей компании, именно – наш Жан-Батист Поклен.

Впрочем, Жан-Батист Поклен с момента основания Блестящего Театра перестал существовать, и вместо него в мире появился Жан-Батист Мольер. Откуда взялась эта новая фамилия? Это неизвестно. Некоторые говорят, что Поклен воспользовался бродячим в театральных и музыкальных кругах псевдонимом, другие – что Жан-Батист назвался Мольером по имени какой-то местности... Кто говорит, что он взял эту

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru фамилию у одного писателя, скончавшегося в 1623 году... Словом, он стал – Мольер.

Отец, услышав про это, только махнул рукой, а Жорж Пинель, чтобы не отстать от своего пылкого друга, назвал себя – Жорж Кутюр.

Образование новой труппы в Париже произвело большое впечатление, и актеры Бургонского Отеля немедленно назвали компанию Детей Семьи шайкой оборванцев.

Шайка пропустила эту неприятность мимо ушей и энергичнейшим образом принялась за дела, руководимая Мольером и Бейсом, а по финансовой части – Мадленой. Первым долгом они отправились к некоему господину Галлуа дю Метайе, и тот сдал шайке в аренду принадлежащий ему и запущенный до крайности зал для игры в лапту, помещавшийся у рвов близ Нельской башни. С Галлуа подписали соглашение, по которому тот совместно с представителями столярного цеха обязался отремонтировать зал и соорудить в нем сцену.

Нашли четырех музыкантов: господ Годара, Тисса, Лефевра и Габюре, предложили каждому по двадцать соль в день, а затем приступили к репетициям. Приготовив несколько пьес, Дети Семьи, чтобы не терять золотого времени, пока будут ремонтировать зал, сели в повозки и отправились на ярмарку в город Руан – играть трагедии.

Из Руана писали письма Галлуа и побуждали его ускорить ремонт. Поиграв со средним успехом в Руане перед снисходительной ярмарочной публикой, вернулись в Париж и вступили в соглашение с очаровательнейшим по характеру человеком, а по профессии мостовых дел мастером Леонаром Обри, и тот взялся устроить великолепную мостовую перед театром.

– Вы сами понимаете, ведь будут подъезжать кареты, господин Обри, – беспокожно потирая руки, говорил господин Мольер.

Он вселил тревогу и в господина Обри, и тот не ударил лицом в грязь: мостовая вышла красивая и прочная.

И, наконец, в вечер под новый 1644 год театр открылся трагедией.

Просто страшно рассказывать о том, что произошло дальше. Я не помню, был ли еще такой провал у какого-нибудь театра в мире!

По прошествии первых спектаклей актеры других театров радостно рассказывали, что в канаве у Нельской башни, в Блестящем Театре, кроме родителей актеров с контрамарками, нет ни одной живой собаки. И увы! Это было близко к истине. Все усилия господина Обри пропали даром: ну, буквально ни одна карета не проехала по его мостовой!

Началось с того, что в соседнем приходе святого Сульпиция появился проповедник, который параллельно со спектаклями повел жаркие беседы о том, что дьявол захватит в свои когти не только проклятых комедиантов, но и тех, кто на их комедии ходит.

По ночам у Жана-Батиста Мольера возникала дикая мысль о том, что хорошо было бы этого проповедника просто зарезать!

Здесь, в защиту проповедника, скажу, что, пожалуй, он был и ни при чем. Разве проповедник был виноват в том, что врач не мог излечить от заикания Жозефа Бежара, а Жозеф играл любовников? Разве проповедник был виноват в том, что заикался сам Мольер, а ему дьявол, в когти которого он действительно попал, лишь только связался с комедиантами, – внушил мысль играть трагические роли?

В сыром и мрачном зале, оплывая, горели в дрянных жестяных люстрах сальные свечи. И писк четырех скрипок господина Годара и его товарищей никак не напоминал гром большого оркестра. Блестящие драматурги не заглядывали в Нельскую канаву, а если бы они и заглянули, то, спрашивается, каким образом писец Бонанфан сумел бы передать их звучные монологи?

И с каждым днем все шло хуже и хуже. Публика держала себя безобразно и позволяла себе мрачные выходки, например, ругаться вслух во время представления...

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Да, в труппе была Мадлена, замечательная актриса, но она одна ведь не могла разыграть всю трагедию! О милая подруга Жана-Батиста Мольера! Она приложила все усилия к тому, чтобы спасти Блестящий Театр. Когда в Париже после интереснейших приключений и изгнания появился ее старый любовник граф де Моден, Мадлена обратилась к нему, и тот выхлопотал братству нельских несчастливцев право именоваться Труппой его королевского высочества принца Гастона Орлеанского.

Лукавый Жан Мольер обнаружил сразу же в себе задатки настоящего директора театра и, немедленно пригласив танцовщиков, поставил ряд балетов для кавалеров принца. Кавалеры остались к этим балетам равнодушны.

Тогда в один из вечеров упорный Жан-Батист объявил Мадлене, что вся соль – в репертуаре, и пригласил в труппу Николая Дефонтена, актера и драматурга.

– Нам нужен блестящий репертуар, – сказал ему Мольер.

Дефонтен объявил, что он понял Мольера, и с завидной быстротой представил театру свои пьесы. Одна из них называлась «Персида, или Свита блестящего Бассы», другая – «Святой Алексей, или Блестящая Олимпия», третья – «Блестящий комедиант, или Мученик святого Жене». Но парижская публика, очевидно, заколдованная проповедником, не пожелала смотреть ни блестящую Олимпию, ни блестящего Бассу.

Некоторое облегчение принесла трагедия писателя Тристана Л'Эрмита «Семейные бедствия Константина Великого», в которой великолепно играла роль Эпихарис – Мадлена. Но и это продолжалось недолго.

Когда кончились сбережения Мадлены, Дети Семьи явились к Марии Эрве, и та, впервые заплакав при виде детей, отдала им последние деньги. Затем отправились на рынок к Жану-Батисту Поклену-отцу.

Тяготейшая сцена произошла в лавке. В ответ на просьбу денег Поклен сперва не мог произнести ни одного слова. И.. вообразите, он дал денег! Я уверен, что посылали к нему Пинеля.

Затем явился перед комедиантами Галлуа с вопросом, будут ли они платить аренду или не будут? Чтобы они дали категорический ответ.

Категорического ответа он не получил. Ему дали расплывчатый ответ, исполненный клятв и обещаний.

– Так убирайтесь же вы вон! – воскликнул Галлуа. – Вместе со своими скрипками и рыжими актрисами!

Последнее было уже и лишним, потому что рыжей в труппе была только одна Мадлена.

– Я и сам собирался уйти из этой паскудной канавы! – вскричал Мольер, и братство, не заметив даже, как пролетел ужасный год, бросилось за своим командором к Воротам святого Павла, в такой же зал, как у господина Галлуа. Этот зал носил название «Черный крест». Название это оправдалось в самом скором времени.

После того как блестящая труппа сыграла «Артаксеркса» писателя Маньона, господина де Мольера, которого, и с полным основанием, рассматривали в Париже как вожака театра, повели в тюрьму. Следом за ним шли ростовщик, бельевщик и свечник по имени Антуан Фоссе. Это его свечи оплывали в шандалах у господина Мольера в Блестящем Театре.

Пинель побежал к Поклену-отцу.

– Как?.. Вы?.. – в удушье сказал Жан-Батист Поклен. – Вы.. Это вы пришли?.. Опять ко мне?.. Что же это такое?

– Он в тюрьме, – отозвался Пинель, – я больше ничего не буду говорить, господин Поклен! Он в тюрьме!

Поклен-отец.. дал денег.

Но тут со всех сторон бросились займодавы на Жана-Батиста Мольера, и он бы не

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru вышел из тюрьмы до конца своей жизни, если бы за долг Блестящего Театра не поручился тот самый Леонар Обри, который построил блестящую и бесполезную мостовую перед подъездом первого мольеровского театра.

Я знаю, каким зельем опоил Леонара Обри Жорж Пинель, но имя Леонара Обри да перейдет в потомство!

Вся труппа Блестящего Театра, после того как предводитель ее вышел из тюремного замка, дала торжественное обещание господину Обри в том, что она с течением времени уплатит те долги, за которые он поручился.

С возвращением Мольера спектакли возобновились. Мольеру удалось снискать покровительство Генриха де Гиза Лотарингского, и герцог великодушно подарил труппе свой богатейший гардероб. Братство надело роскошные костюмы, а шитые золотом ленты заложило ростовщикам. Но ленты не помогли! Братство дрогнуло. Стали обнаруживаться первые признаки паники. Пришлось покинуть Ворота святого Павла и гробовой «Черный крест» и переехать в новый зал. Этот назывался светло – «Белый крест».

Увы! Он оказался ничем не лучше «Черного креста».

Первые бежали, не выдержав лишений, Пинель, Бонанфан, а затем Бейс. Несколько времени продолжалась тяжелая агония Блестящего Театра, и к началу 1645 года все стало ясно. Продали все, что можно было продать: костюмы, декорации...

Осенью 1645 года Блестящий Театр навеки прекратил свое существование.

Это было осенью. В тесной квартире на улице Жарден-Сен-Поль, вечером, при свечке, сидела женщина. Перед нею стоял мужчина.

Три тяжких года, долги, ростовщики, тюрьма и унижения резчайше его изменили. В углах губ у него залегли язвительные складки опыта, но стоило только всмотреться в его лицо, чтобы понять, что никакие несчастья его не остановят. Этот человек не мог сделаться ни адвокатом, ни нотариусом, ни торговцем мебелью. Перед рыжеволосой Мадленой стоял прожженный профессиональный двадцатичетырехлетний актер, выдавший всякие виды. На его плечах болтались остатки гизовского кафтана, а в карманах, когда он расхаживал по комнате, бренчали последние су.

Прогоревший начисто глава Блестящего Театра подошел к окну и в виртуозных выражениях проклял Париж вместе со всеми его предместьями, с «Черным» и «Белым крестом» и с канавой у Нельской башни. Потом он обругал парижскую публику, которая ничего не понимает в искусстве, и к этому добавил, что в Париже есть только один порядочный человек, и этот человек – королевский мостовщик Леонар Обри.

Он долго еще болтал языком, не получая ответа, и, наконец, спросил в отчаянии:

– Теперь, конечно, и ты покинешь меня? Что ж, ты можешь пытаться поступить в Бургонский Отель.

И добавил, что бургонцы – подлецы.

Рыжая Мадлена выслушала весь этот вздор, помолчала, а затем любовники стали шептаться и шептались, до утра. Но что они придумали, нам неизвестно.

Глава 8.

КОЧУЮЩИЙ ЛИЦЕДЕЙ

Плохо то, что совершенно неизвестно, куда после этого девался мой герой. Он провалился как бы сквозь землю и исчез из Парижа. Год о нем не было ни слуху ни духу, но потом сомнительные свидетели стали утверждать, что будто бы летом 1647 года человека, как две капли воды похожего на прогоревшего директора Мольера, видели в Италии на улице города Рима. Будто бы там он стоял под раскаленным солнцем и почтительно беседовал с французским посланником господином де Фонтеней-Марей.

Осенью того же 1647 года, в Италии же, в Неаполе, произошли большие события. Храбрый рыбак, некий Томазо Анниелло, поднял народное восстание против владычествовавшего тогда в Неаполе вице-короля Испании, герцога Аркосского. На улицах Неаполя захлопали пистолетные выстрелы, улицы обагрились кровью. Томазо был казнен, голова его попала на пику, но неаполитанский народ похоронил его торжественно, положив ему в гроб меч и маршальский жезл.

После этого в неаполитанскую распрю вмешались французы, и герцог Гиз, Генрих II Лотарингский, с войсками появился в Неаполе.

Так вот, в свите Гиза будто бы состоял бывший директор несчастного Блестящего Театра, господин Мольер. Зачем он попал в эту свиту, что он делал в Неаполе, никто этого в точности объяснить не мог. И даже нашлись такие, которые утверждали, что никогда в жизни Жан-Батист ни в Риме, ни в Неаполе не был и что какого-то другого молодого человека авантюрной складки спутали с ним.

И есть свидетели, которые показывали другое: что будто бы летом 1646 года из Парижа через Сен-Жерменское предместье вышел и пошел на юг Франции бедный обоз. Повозки, нагруженные кое-каким скарбом, тащили тощие волы. На головной из них помещалась закутавшаяся от пыли в плащ рыжеволосая женщина, и якобы она была не кто иная, как Мадлена Бежар. Если это так, следует запомнить имя Мадлены Бежар. Пленительная актриса не покинула проигравшего свой первый бой в Париже директора и своего возлюбленного в трудную минуту. Она не пыталась уйти в Театр на Болоте или в Бургонский Отель и более не строила хитрых планов о том, как бы завлечь в сети и женить на себе своего старого любовника, графа де Модена. Она была верная и сильная женщина, да знают это все!

Рядом с повозкой шел, прихрамывая, мальчишка лет шестнадцати, и во встречных селениях мальчуганы дразнили его, подсвистывали и кричали:

– Хромой черт!

А всмотревшись, добавляли:

– И косой! И косой!

И точно, Луи Бежар был и хром и кос.

Когда рассеивались тучи пыли, можно было разглядеть еще кое-кого на повозках. Лица были знакомые большею частью. Вот трагический любовник и заика Жозеф Бежар, вот сварливая сестра его Женевьева!

Вел этот караван, как нетрудно догадаться, Жан-Батист Мольер.

Короче говоря, когда Блестящий Театр погиб, Мольер из-под развалин его вывел остатки верной братской гвардии и посадил их на колеса.

Этот человек не мог существовать вне театра ни одной секунды, и у него хватило сил после трехлетней работы в Париже перейти на положение бродячего комедианта. Но этого мало. Пламенными своими речами, как вы видите, он увлек за собой и бежаровское семейство. И все Бежары благодаря ему оказались в пыли на французских дорогах. А с Бежарами вместе оказались новые лица в компании, в том числе профессиональный трагический актер Шарль Дюфрен, он же декоратор и режиссер, одно время державший собственную труппу, и великолепный, тоже профессиональный комик Рене Бартло, он же Дюпарк, вскоре получивший и сохранивший всю жизнь театральную кличку Гро-Рене, потому что он исполнял роли смешных толстяков-слуг.

У себя на повозке в узлах предводитель каравана вез пьесы Тристана, Маньона и Корнеля.

Первое время кочевникам пришлось чрезвычайно трудно. Бывало, что приходилось спать на сеновалах, а играть в деревнях – в сараях, повесив вместо занавеса какие-то грязные тряпки.

Иногда, впрочем, попадали в богатые замки, и, если вельможный владелец от скуки изъявлял желание посмотреть комедиантов, грязные и пахнувшие дорожным потом

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
актеры Мольера играли в приемных.

Приезжая в новые места, актеры прежде всего, зная себе цену, почтительно снимали истасканные шляпы и шли к местным властям просить разрешения поиграть для народа.

Местные власти, как им и полагается, обращались с комедиантами нехорошо, дерзко и чинили им бессмысленные препятствия.

Актеры заявляли, что они хотят представить трагедию почтеннейшего господина Корнеля в стихах...

Не думаю, чтобы местные власти понимали хоть что-нибудь в стихах Корнеля. Тем не менее они требовали эти стихи на предварительный просмотр. А просмотрев, бывало, запрещали представление. Причем мотивировки запрещений были разнообразные. Наичаще такая:

– Наш народ бедный, и нечего ему тратить деньги на ваши представления!

Бывали и ответы загадочные:

– Боимся мы, как бы чего не вышло благодаря вашим представлениям!

Бывали и ответы утешительные, – всякое бывало в этой бродячей жизни.

Духовенство всюду встречало лицедеев равномерно недоброжелательно. Тогда приходилось идти на хитрые уловки, например, предлагать первый сбор в пользу монастыря или на нужды благотворительности. Этим способом очень часто можно было спасти спектакль.

Придя в какой-нибудь городок, искали прежде всего игорный дом или же сарай для игры в мяч, весьма любимый французами. Сговорившись с Владельцем, выгораживали сцену, надевали убогие костюмы и играли.

Ночевали на постоялых дворах, иногда по двое на одной постели.

Так шли и шли, делая петли по Франции. Был слух, что в начале кочевой жизни мольеровских комедиантов видели в Маисе.

В 1647 году комедианты пришли в город Бордо, провинцию Гиень. Тут, на родине прекрасных бордоских вин, солнце впервые улыбнулось отощавшим комедиантам. Считалось, что Гиенью правил гордый, порочный и неправедный Бернад де Ногаре, герцог д'Эпернон. Однако все знали, что действительным губернатором этой провинции была некая госпожа по имени Нанон де Лартиг, и худо будто бы приходилось Гиени при этой даме.

Один из мыслителей XVII века говорил, что актеры больше всего на свете любят монархию. Мне кажется, он выразился так потому, что недостаточно продумал вопрос. Правильнее бы, пожалуй, сказать, что актеры до страсти любят вообще всякую власть. Да им и нельзя ее не любить! Лишь при сильной, прочной и денежной власти возможно процветание театрального искусства. Я бы мог привести этому множество примеров и не делаю этого только потому, что это и так ясно.

Когда утомленная управлением провинцией госпожа де Лартиг заскучала, герцог д'Эпернон решил рассеять свою любовницу, устроив для нее ряд праздников и спектаклей на реке Гаронне. Как нельзя более кстати принесла судьба Мольера в Гиень! Герцог принял комедиантов с распростертыми объятиями, и тут в карманах их впервые послышался приятный звон золота.

Мольер со своей труппой играл для герцога и его подруги трагедию Маньона «Иосафат» и другие пьесы. Говорят, что, кроме них, он сыграл в Бордо еще одно произведение искусства, которое очень следует отметить. Будто бы это была сочиненная самим Мольером во время странствований трагедия «Фиваида», и будто бы трагедия эта представляла собою крайне неуклюжее произведение.

Весною 1648 года бродячие наши комедианты обнаружили уже в другом месте, а именно в городе Нанте, где оставили след в официальных бумагах, из которых видно, что некий «Морлиер» испрашивал разрешение на устройство театральных

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru представленный, каковое разрешение и получил. Известно также, что в Нанте Мольер столкнулся с пришедшей в город труппой марионеток венецианца Сегалля и что труппа Мольера марионеток этих победила. Сегалль вынужден был уступить город Мольеру.

Лето и зиму 1648 года труппа провела в городах и местечках поблизости от Нанта, а весной 1649-го перешла в Лимож, причем здесь произошли неприятности: господин Мольер, выступивший в одной из своих трагических ролей, был жестоко освистан лиможцами, которые к тому же бросали в него печеными яблоками, до того им не понравилась его игра.

Прокляв Лимож, господин де Мольер повел свое кочующее братство в другие места. Они побывали и в Ангулеме, и в Ажане, и в Тулузе. А в 1650 году, в январе, пришли в Нарбонну. Рассказывали, что весной этого года господин Мольер на время оставил труппу для того, чтобы побывать тайно в Париже.

Нет никаких сомнений в том, что зимою 1650 года Мольер с труппою перебросился в город Пезена, в котором оставил по себе память в виде квитанции на четыре тысячи ливров, которые он получил для своих комедиантов по распоряжению господ членов Штатов, собравшихся в Пезена для обсуждения важных налоговых вопросов. Квитанция, несомненно, показывает, что Мольер давал представления для членов Штатов.

Весною 1651 года Мольер опять побывал в Париже, причем взял займы у отца тысячу девятьсот семьдесят пять ливров, убедительно доказав отцу, что без этих денег ему – петля, потому что ему надо платить еще остатки долгов по Блестящему Театру.

Расплатившись с кем надо было в Париже, он опять пустился странствовать со своею труппою.

Тут выяснилось одно очень важное обстоятельство.

Оказалось, что господин Мольер чувствует склонность не только к игре в пьесах, но и к сочинению пьес самолично. Несмотря на каторжную дневную работу, Мольер начал по ночам сочинять вещи в драматургическом роде. Несколько странно то, что человек, посвятивший себя изучению трагедии и числящийся на трагическом амплуа, в своих сочинениях к трагедии после злосчастной «Фиваиды» вовсе не возвращался, а стал писать веселые бесшабашные одноактные фарсы, в которых подражал итальянцам, большим мастерам в этом роде. Фарсы эти очень понравились компаньонам Мольера, и их ввели в репертуар.

Тут мы встречаемся и с другой странностью. Наибольшим успехом в этих фарсах стал пользоваться у публики сам Мольер, игравший смешные роли, преимущественно – Сганарелей.

Возникает вопрос: где Мольер выучился передавать так хорошо смешное на сцене? По-видимому, вот где. В то время когда основывался злосчастный Блестящий Театр или немного ранее этого времени в Париже появился в числе других итальянских актеров знаменитый и талантливейший исполнитель постоянной итальянской маски Скарамуччия, или Скарамуша, – Тиберио Фиорелли. Одетый с головы до ног в черное, с одним лишь белым гофрированным воротником на шее, «черный, как ночь», по выражению Мольера, Скарамуш поразил Париж своими виртуозными трюками и блистательной манерой донесения смешного и легкого итальянского текста в фарсах.

Говорили в Париже, что начинающий свою карьеру комедиант Жан-Батист Поклен явился к Скарамушу и просил его давать ему уроки сценического искусства. И Скарамуш на это согласился. Несомненно, у Скарамуша получил Мольер свою комедииную хватку, Скарамуш развил в нем вкус к фарсу, Скарамуш помог ему ознакомиться с итальянским языком.

Итак, предводитель бродячей труппы играл в чужих трагедиях трагические роли, а в своих фарсах выступал в виде комика. Тут обнаружилось одно обстоятельство, поразившее нашего комедианта до глубины души: в трагических ролях он имел в лучшем случае средний успех, а в худшем проваливался начисто, причем с горестью надо сказать, что худший этот случай был нередким случаем. Увы! Не в одном только Лиможе швыряли яблоками в бедного трагика, выступавшего с венцом какого-нибудь трагического высокопоставленного героя на голове.

Но лишь только после трагедии давали фарс и Мольер, переодевшись, превращался из Цезаря в Сганареля, дело менялось, в ту же минуту публика начинала хохотать, публика аплодировала, происходили овации, на следующие спектакли горожане несли деньги.

Разгримировываясь после спектакля или снимая маску, Мольер, заикаясь, говорил в уборной:

– Что это за народец, будь он трижды проклят, я не понимаю! Разве пьесы Корнеля плохие пьесы?

– Да нет, – отвечали недоумевающему директору, – пьесы Корнеля хорошие...

– Пусть бы одно простонародье, я понимаю... Ему нужен фарс! Но дворяне! Ведь среди них есть образованные люди. Я не понимаю, как можно смеяться над этой галиматьей! Я лично не улыбнулся бы ни разу!

– Э, господин Мольер! – говорили ему товарищи. – Человек жаждет смеха, и придворного так же легко рассмешить, как и простолюдина.

– Ах, им нужен фарс? – вскричал бывший Поклен. – Хорошо! Будем кормить их фарсами!

И затем следовала очередная история: фиаско – в трагедии, в фарсе – успех.

Но чем же объяснить такие странности? Почему же это? Трагик в трагическом проваливался, а в комическом имел успех? Объяснение может быть только одно и очень простое. Не мир ослеп, как полагал считающий себя зрячим Мольер, а было как раз наоборот: мир великолепно видел, а слеп был один господин Мольер. И, как это ни странно, в течение очень большого периода времени.

Он один среди всех окружающих не понимал того, что он как нельзя лучше попал в руки Скарамуччия, потому что по природе был гениальным комическим актером, а трагиком быть не мог. И нежные намеки Мадлены, и окольные речи товарищей ничуть не помогали: командор труппы упорно стремился играть не свои роли.

Вот в чем была одна из причин трагического падения Блестящего Театра! Она крылась в самом Мольере, а вовсе не в проповеднике у святого Сульпиция. И не одно заикание, которое все так подчеркивали у Мольера, было виновато. Путем упорных упражнений страстный комедиант сумел выправить почти совершенно этот недостаток речи, равно как и неправильно поставленное дыхание. Дело было в полном отсутствии трагедийных данных.

Но пойдем далее за мольеровским караваном. По югу Франции побежал из селения в селение, из города в город слух, что появился некий мальчишка Мольер, который замечательно со своею труппой играет смешные пьесы. В этом слухе неверно было только то, что Мольер – мальчишка. В то время, как о нем заговорили, ему исполнилось тридцать лет. И тридцатилетний, полный горького опыта, достаточно закаленный актер и драматург, в силу которого в труппе очень начинали верить, в конце 1652 года подходил к городу Лиону, везя в своей повозке, кроме нескольких фарсов, большую комедию под названием «Шалый, или Все не вовремя».

Караван подходил к Лиону бодро. Актеры оперились достаточно. На них были уже хорошие кафтаны, повозки их распухли от театрального и личного их скарба. Актеры уже не дрожали при мысли о неизвестности, которая ждет их в Лионе. Сила мольеровских фарсов им была известна точно, а «Шалый» им чрезвычайно нравился. Они не испугались, когда громадный город в зимнем тумане развернулся перед ними.

В одной из повозок под неусыпным попечением и наблюдением Мадлены ехало присоединившееся к обозу поблизости от города Нима новое существо. Этому существу было всего лишь десять лет, и представляло оно собою некрасивую, но очень живую, умную и кокетливую девочку.

Внезапное явление девочки Мадлена объяснила актерам так: это ее маленькая сестренка, которая воспитывалась у одной знакомой дамы в имении под Нимом, а вот теперь настало время Мадлене взять ее к себе. Господин Мольер ее тоже очень любит, намерен ее учить, девочка станет актрисой... Она будет играть под фамилией

Немного удивившись тому, что у их товарища, милейшей Мадлены, появилась откуда-то вдруг внезапно сестренка, посудачив насчет того, что сестренка эта почему-то воспитывалась не в Париже, а в провинции, актеры в скором времени привыкли к девочке, и Мену вошла в комедиантскую семью.

Насчет «Шалого» актеры не ошиблись. Пьеса была сыграна в январе 1653 года [94 – Автор ошибается относительно этой даты. Первое представление комедии «Шалый» состоялось в Лионе в 1655 г.] и имела у лионцев успех не простой, а чрезвычайный. Вот перед лионским залом для игры в мяч действительно понадобилась бы мостовая милейшего Леонара Обри! Господин Мольер по молодости слишком поспешил, мостя Нельскую канаву.

После премьеры публика бросилась в кассу валом. Был случай, когда двое дворян смертельно поругались в давке и дрались на дуэли. Словом, публика хлынула к Мольеру так, что находившаяся в то время в городе бродячая труппа некоего Миталла поняла, что песня ее спета и что она прогорела.

Бешено проклиная мальчишку Мольера, Миталла распустил свою труппу, и лучшие его комедианты явились к Мольеру и просили его взять их к себе.

Ценный подарок получил господин Мольер от господина Миталла, которого он задушил своим «Шалым». К Мольеру пришла госпожа Екатерина Леклер Дюрозе, а по мужу – Дебри, и тотчас была принята на амплу любовниц. Тотчас – так как было известно, что госпожа Дебри превосходная актриса. Госпожа Дебри отрекомендовала своего мужа, господина Дебри, исполняющего роли бретеров, и тот вошел в труппу Мольера вместе с женою, хотя и не был сильным актером. Но, чтобы получить Екатерину Дебри, стоило пригласить ее мужа.

Вслед за нею пришла совсем молоденькая, но уже прогремевшая всюду, где бы она ни выступала, госпожа Де Горла, носившая двойное имя Тереза-Маркиза. Дочка балаганного комедианта, сама с детских лет выступавшая в балагане и сложившаяся к юности как первоклассная трагическая актриса и неподражаемая танцовщица.

В труппе Мольера ее появление произвело смятение: ее красота и танцы поразили актеров. Успех Терезы-Маркизы у мужчин был головокружителен.

Для Мадлены появление Дебри и Де Горла явилось тяжким ударом. До сих пор у нее не было соперницы. В Лионе же их появилось сразу две, и обе чрезвычайно сильные. Мадлена поняла, что ей придется уступить главные роли. Так и случилось. Со времени вступления лионских звезд Мадлена пошла на амплу субреток, любовниц стала играть Дебри, в трагедиях главные женские роли отошли к Терезе-Маркизе.

Другая рана Мадлены была не менее глубока. Жан-Батист был первым из тех, кто упал, сраженный красотой Терезы-Маркизы. Страсть охватила его, он стал добиваться взаимности. И на глазах у Мадлены, вынесшей все тяжести кочевой жизни, разыгрался мольеровский роман. Он был неудачен. Великая танцовщица и актриса отвергла Мольера и, поразив всех своим выбором, вышла замуж за толстого Дюпарка. Но Мольер не вернулся более к Мадлене. Говорили, и это было верно, что сейчас же после романа с Терезой разыгрался второй роман – с госпожой Дебри, и этот роман был удачен. Нежная и кроткая Дебри, полная противоположность надменной и коварной Терезе-Маркизе, будто бы долго была тайной подругой Жана-Батиста Мольера.

Когда первые страсти утихли, когда свершились все перетасовки, когда несколько забылась горечь первых ночных сцен между обиженной Мадленой и Мольером, – пополненная труппа широко развернула свою работу в Лионе и его окрестностях. «Шалого» играли победоносно, а из других пьес следует отметить «Андромеду» Корнеля, в которой впервые и выступила девочка Мену, получившая малюсенькую роль Эфира, причем девочка очень хорошо справилась с несколькими строчками текста.

Глава 9.

НА СЦЕНУ ВЫХОДИТ ПРИНЦ КОНТИ

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

В то время как наша бродячая труппа мирно переходила из города в город, много событий случилось во Франции. Не было уже ни всесильного кардинала Ришелье, ни подвластного ему короля Людовика XIII. Ришелье скончался вскоре после того, как погиб кавалер Сен-Марс, в конце 1642 года, а в мае 1643-го покинул землю и король Людовик XIII, произнеся свою последнюю фразу: «Тяжка моей душе жизнь моя».

Во Франции был новый король, но только этому королю было всего несколько лет.

Людовик XIV родился вскоре после того, как Мадлена, если вы помните, принесла дочку Франсуазу де Модену, – в октябре 1638 года. Пушечный гром в Париже и огни дымных площадей возвестили всему миру о появлении на свет нового Людовика. Когда скончался отец – Людовик XIII, – в управление страной вступила мать малолетнего короля, королева Анна Австрийская. Но, конечно, она числилась регентшей только на бумаге, а фактически правителем стал, подобно кардиналу Ришелье, другой кардинал и первый министр Франции, сицилиец по происхождению, Юлий Мазарини, или Жюль Мазарэн.

Тут история как бы несколько повторилась. Высшая французская аристократия, представители которой ранее выступали против Ришелье, ныне выступила против Мазарэна.

Оппозиция получила название фронды. Дело началось с августовских баррикад 1648 года в Париже, а за баррикадами последовали и кровавые сражения. Дело постепенно осложнилось чрезвычайно. События приняли запутанный характер – со вмешательством иностранных сил, с государственными изменами, с переходами фрондеров из одного лагеря в другой, бегствами из отечества и опасностями, непосредственно угрожающими мальчику Людовику XIV.

Во главе войск, враждебных Мазарэну, стал двадцатисемилетний принц, Конде Великий, к тому времени увенчанный лаврами исключительного полководца. Положение Мазарэна не раз становилось тяжким, в особенности потому, что в первой половине фронды, вместе с Конде, против него пошел другой полководец, по сравнению с которым несколько бледнел даже сам Конде. Этого звали Генрих де ла Тур д'Овернь, он же маршал Тюреннь.

Мазарэн, однако, показал себя не только тончайшим и упорнейшим политиком, но и превосходным водителем армий. Мазарэн разбил Тюрення, а затем, искусно тасуя политическую колоду, перевел маршала на свою сторону, и тот, в свою очередь, разгромил Великого Конде.

В конце пятилетней борьбы кардинал победил бесповоротно, несмотря на то что не был популярен в народе. Дело Конде было проиграно: он покинул Францию, передался на сторону испанцев, а кардинал торжественно вступил в Париж, и Франция пришла в состояние спокойствия под его управлением.

Нужно заметить, что как ни был мал Людовик, он прекрасно усвоил смысл событий во время фронды и на всю жизнь сохранил отчетливое воспоминание о том, как французская аристократия едва не лишила его трона.

К истории же Конде следует добавить, что несколько лет спустя после фронды он примирился с Мазарэном и был амнистирован.

Тот самый принц Конти, брат Конде, которого мы знали дитятей, обучавшимся в Клермонской коллегии, ко времени фронды стал молодым человеком, готовящимся к духовной карьере. Однако вместо того чтобы отрешиться от всего земного, приготавливаясь к высшей из карьер, Конти, отличавшийся неуравновешенностью и пылкостью, последовал за своим великим братом и принял участие во фронде.

Взявший меч, как известно, должен быть готов ко всему, и Конти чрезвычайно много пришлось испытать: он не только участвовал в кровопролитных сражениях, но даже сидел в тюрьме. Конти, впрочем, обрел мир ранее Конде. Он вышел из игры и даже настолько примирился с Мазарэном, что решил жениться на его племяннице.

К концу лета 1653 года Конти успокоился в своем замке де ла Гранж, находившемся близ города Пезена в благословенном Лангедоке, и даже получил возможность временно исполнять обязанности лангедокского губернатора.

В то время когда принц отдыхал в замке, наши комедианты, которых не коснулась, конечно, гроза Фронды, пронесшаяся над страной, выйдя из Лиона, двигались в пределах того же Лангедока, и судьбе было угодно свести двух однокашников-клермонцев.

Дело в том, что в замке у Конти, который в то время был еще холостым человеком, гостила некая госпожа де Кальвимон, прелестная дама, которую портило, по общему мнению, только одно – ее исключительная глупость. Расхаживая по роскошным паркам, чуть тронутым августовской желтизной, госпожа де Кальвимон заскучала и трогательно пожаловалась принцу на то, что в замке нет никаких представлений.

Принц, полюбовавшись на отразившуюся кверху ногами в лагранжском пруду госпожу де Кальвимон, в ответ сказал все, что полагается говорить в таких случаях, то есть что желания госпожи являются для него законом, и немедленно вызвал к себе своего ближайшего подчиненного, симпатичнейшего и культурнейшего человека, господина де Кознака.

Даниель де Кознак знал о пребывании Мольера в Лангедоке и о том успехе, которым пользовался Мольер. Он немедленно послал гонца с приказанием разыскать директора труппы и вручить ему приглашение его высочества прибыть вместе со всею труппой в замок де ла Гранж.

Нужно ли говорить, что старый клермонец, а ныне комедиант не заставил себя долго упрашивать. Он немедленно прекратил спектакли, труппу в полном составе, вместе с декорациями и аксессуарами, погрузил на повозки, и караван пошел к принцу в замок.

Но не успел Кознак своего гонца отправить, как к замку подошла никем не приглашенная другая бродячая труппа, которую вел опытный уличный шарлатан, зубодер и актер, некогда подвизавшийся как и другие, на Новом Мосту в Париже, господин Кормье.

Когда принцу доложили, что какая-то труппа появилась, он был приятнейшим образом поражен тем, что желание госпожи де Кальвимон может быть исполнено с быстротой феерической. И, не дождавшись никакого Мольера, велел пригласить труппу в замок.

Труппа развернулась в замке, и опытный Кормье, мгновенно сообразив, что все его благосостояние зависит от того, насколько он сумеет понравиться госпоже де Кальвимон, стлался перед ней по земле и даже будто бы делал ей подарки.

Но не успел Кормье разыграться и откормиться в замке, как Даниелю Кознаку сообщили, что приглашений им Мольер с караваном прибыл. Кознак явился к принцу и доложил о том, что приглашенный его высочеством директор с труппою приехал, и осведомился о том, как принц прикажет быть.

Принц подумал и сказал, что господин Мольер может считать себя свободным, так как надобность в его представлении отпала.

– Но, ваше высочество, – отозвался Кознак, бледнея, – ведь я же пригласил его...

– А я, как вы видите, – ответил принц, – пригласил Кормье, и согласитесь сами, что удобнее будет, если вы нарушите свое слово, нежели я свое.

Кознак очень медленными шагами отправился объяснить с приехавшим Мольером.

Перед подъездом замка стоял покрытый пылью человек с пухлыми губами и утомленными глазами. Дорожные ботфорты его были белы. За воротами замка виднелся длиннейший караван. Впрочем, Кознак не очень хорошо рассмотрел как приезжего, так и караван, потому что ему было страшно поднять глаза.

– Я – Мольер, – сказал глуховатым голосом приезжий, снимая шляпу, – мы прибыли согласно распоряжению его высочества.

Кознак, набрав в грудь воздуху и еле шевеля суконным языком, выговорил такие слова:

– Принц... распорядился... сообщить господину Мольеру... что вышло некоторое прискорбное недоразумение... Другая труппа уже играет в замке... Принц просит

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru считать вас... он просит сказать, что вы свободны.

И наступило молчание.

Приезжий отступил на шаг, не сводя глаз с Кознака, потом накрылся шляпой. Кознак поднял глаза и увидел, что приезжий бледнеет. Еще помолчали.

Тут приезжий заговорил, скосив глаза к носу:

– Меня же пригласили... Я... – приезжий указал на повозки, – я прекратил спектакли, я погрузил декорации, со мною женщины – актрисы.

Кознак молчал...

– Я прошу, – сказал приезжий, начиная заикаться, – уплатить мне тысячу экю, я потерпел большие убытки, сорвал спектакли и вез людей.

Кознак вытер пот со лба и униженно попросил приезжего сесть на скамью и подождать, пока он доложит принцу о том, что сказал приезжий.

Тот молча отступил, сел на скамью, стал смотреть в землю. А Кознак пошел в покои принца.

– Он просит в возмещение расходов тысячу экю, – сказал Кознак.

– Какой вздор! – ответил принц. – Ничего ровно ему не следует. И я вас попрошу не говорить больше со мной на эту тему, потому что мне это надоело.

Кознак вышел от принца, но не к приезжему, а в помещение к себе, взял тысячу собственных экю и вынес их Мольеру. Тот поблагодарил и ссыпал деньги в кожаный мешок. Тут Кознак заговорил о том, что он крайне сожалеет, что все вышло так неловко... и вдруг вдохновенно предложил господину Мольеру остановиться рядом в городе Пезена, и играть там. Он, Кознак, все сделает, достанет зал и разрешение...

Господин Мольер подумал и согласился. И Кознак с караваном отправился в Пезена, именем принца достал помещение и разрешение, и труппа сыграла в Пезене «Шалого», поразив своим искусством пезенасцев.

Слух о таком, еще не бывалом в Пезена событии немедленно достиг ушей губернатора. И принц тотчас же заявил, что он желает видеть этих отличных комедиантов у себя.

Комедиантам полагается быстро забывать обиды, и клермонец тотчас привел труппу в замок. «Шалый» был сыгран в присутствии принца, его свиты и госпожи де Кальвимон, – к отчаянию бедного Кормье. Не могло быть никакой речи о том, что Кормье устоит после этого. Его дурно одетые и слабые в своем искусстве комедианты не могли и мечтать о том, чтобы состязаться с пышно разодетыми после лионских сборов Дюпарками, Дебри, Мадленой и, конечно, самим Мольером.

И, представьте себе, очень могло быть, что Мольеру пришлось бы покинуть замок, а Кормье остался бы, потому что прелесть спектакля оценили все, за исключением одной госпожи де Кальвимон. Она тупо смотрела на лицедеев, ничего не соображая. По счастью, умный и культурный секретарь принца, поэт Сарразэн спас положение. Он высказал такой восторг перед игрой актеров и их костюмами, так напел принцу о том, что труппа господина Мольера будет служить украшением его двора, что капризный принц отдал приказ об увольнении труппы несчастного Кормье и о приглашении труппы Мольера на постоянную службу к принцу с правом именоваться Придворною труппою принца Армана Бурбона де Конти и, натурально, с назначением труппе постоянного пенсионера.

Нужно добавить, что речи Сарразэна о мольеровской труппе были пламенны вдвойне. Ни для кого не осталось тайной, что Сарразэн, подобно другим, с первого же дня смертельно влюбился в Терезу Дюпарк. Бедный Кормье со своими бедно одетыми комедиантами удалился прочь, проклиная Мольера, а для того и для труппы наступили воистину золотые дни в Лангедоке.

Лукавый заика как бы околдовал принца. Представления пошли непрерывно, и непрерывной же струей потекли к Мольеру и его комедиантам всевозможные блага.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Если нужно было продвигаться по Лангедоку, принц охотно производил реквизицию повозок и лошадей для перевозки приспособлений и самих комедиантов, принц выдавал деньги, принц оказывал всевозможные виды покровительства.

Искусство цветет при сильной власти!

В ноябре 1653 года принц отправился через Лион в Париж для того, чтобы жениться на Марии-Анне Мартиноцци, племяннице Мазарэна, как я уже говорил.

Придворная труппа проводила принца до Лиона, где и осталась, играть, а принц проследовал в Париж и, повенчавшись с Мартиноцци в начале 1654 года, вернулся к себе в Лангедок.

В декабре 1654 года открылись очередные Штаты в городе Монпелье. Дворянство и видное духовенство съехалось для того, чтобы, как обычно, обсуждать финансовые вопросы совместно с представителями центральной власти и спорить с ними, по возможности отстаивая интересы провинции. Депутаты, получавшие во время Штатов значительнейшее содержание, очень любили это время. Вообще жизнь в городе, где собирались Штаты, всегда начинала бить ключом. Естественно, что труппа Мольера явилась в Монпелье и стала играть для почтенных дворян.

Одному только человеку из свиты принца не пришлось любоваться ни блестящими депутатами, ни представлениями господина Мольера. И этот человек был секретарь принца, Господин Сарразэн. Как раз в декабре 1654 года он скончался, как было сказано, от изнурительной лихорадки. Любопытные люди в Лангедоке, однако, шепотом передавали друг другу, что сообщение о причинах смерти Сарразэна неточно. Умер-то он от лихорадки, но будто бы эта лихорадка последовала от того, что принц, не влюбивший Сарразэна в последнее время и разнервничавшийся в разговоре с ним, ударил его каминными щипцами по виску. Как бы там ни было, смерть Сарразэна повлекла за собою удивительное со стороны принца предложение Мольеру. Именно: принц предложил ему стать своим секретарем взамен покойного. До того ему полюбился образованный комедиант!

И Мольеру стоило больших трудов, чтобы в самой вежливой форме избавиться от этого лестного приглашения. Сослался он на то, что секретарем быть органически не способен.

Отказ сошел благополучно, и труппа развернула свои представления в Монпелье.

Хорошо изучив принца, Мольер, в компании с Жозефом Бежаром, сочинил либретто балета с веселым дивертисментом. Балет этот был поставлен в декабре для принцессы и принца, и наибольший успех имел инициатор этого дела господин Мольер, который под громовой хохот присутствующих изображал в дивертисменте торговку селедками.

А Жозефу Бежару, помимо успеха, который выпал на долю ему за сочиненные куплеты, посчастливилось еще в одном деле. Кропотливый и внимательный Жозеф, имевший склонность к историческим исследованиям, сочинил подробный сборник геральдического характера, в который вошли всевозможные генеалогические сведения, а также описания гербов и девизов баронов и прелатов лангедокских Штатов, собравшихся в 1654 году.

Сборник этот Бежар, конечно, посвятил принцу, а от почтенных депутатов получил приличную сумму за составление его, правда – в сопровождении намек на то, что хорошо было бы, если бы Бежар составлял подобные сборники лишь в тех случаях, когда они будут ему заказаны.

Когда Штаты в Монпелье закончились, Мольер с труппой переехал в Лион, и тут среди комедиантов появился изумительный человек. Именовался он Шарль Куапо д'Ассуси, и было ему уже пятьдесят с лишним лет. Д'Ассуси бродил по Франции в сопровождении двух юных существ в мужском одеянии. Злые языки утверждали, что в этих одеяниях девочки, а еще более злые говорили, что дело обстоит хуже и что это действительно мальчики.

Д'Ассуси шел с лютней в руках, распевая вместе с мальчиками песни и куплеты собственного сочинения, и именовал себя императором шутников. Все заработанные своим изящным ремеслом деньги бродячий поэт и музыкант д'Ассуси оставлял в игорных домах и кабаках.

Летом 1655 года ему особенно не повезло. Какие-то шулера обыграли его до последнего гроша, оставив ему только лютню и двух его мальчиков. Застрав в Лионе, д'Ассуси явился к Мольеру для того, чтобы засвидетельствовать свою радость по поводу встречи с артистами и сделать пристойный и краткий визит. Визит этот продолжался около двенадцати месяцев.

Нам интересно то, что д'Ассуси явился восторженным свидетелем того, насколько поднялось благосостояние мольеровского братства. За два года покровительства принца Конти они заработали прекрасные деньги, актерские паи разрослись, и угасли в памяти холодные ночевки на сеновалах и унижительные поклоны местным властям. Мольер, его товарищи и подруги жили в Лионе на хороших квартирах, у них появились запасы вина, они откормились, приобрели чувство собственного достоинства и обнаружили беспредельное добродушие.

Император шутников понравился комедиантам и поселился у них, как свой. За это он воспел их в лучших прозаических и стихотворных строчках.

– Вот говорят, – рассказывал на всех перекрестках д'Ассуси, – что самому лучшему из братьев через месяц уже надоедает кормить своего брата. Но эти, уверяю вас, гораздо более благородны, чем все братья, вместе взятые!

И д'Ассуси распевал стихи, в которых рифмовались слова «компания» и «гармония» и где содержалось внушительное указание на то, что он, бедняк, сидел у братьев за столом, причем каждый день к обеду подавалось семь или восемь блюд.

Самое веселое время на этих обедах начиналось именно после последнего, восьмого блюда, когда неистощимый император, разлив по бокалам вино, распевал вдвоем с Мольером веселые песни или рассказывал анекдоты. Словом, чудное время было в Лионе!

Естественно, что, когда комедианты отправились осенью того же 1655 года в Авиньон, д'Ассуси сопровождал их. На барках братство плыло по Роне, и звезды светили ему, и на корме до поздней ночи играл на многострунной лютне д'Ассуси.

Пробывши месяц в Авиньоне, комедианты были вызваны принцем в город Пезена – опять-таки на сессию Штатов.

9 ноября депутаты были свидетелями чрезвычайного происшествия. Помещение для его высочества принца Конти было приготовлено в доме господина д'Альфонса. Епископы ближайших городов в полном облачении, в мантиях, а с епископами – представители дворянства в лице баронов де Вильнев и де Ланта в парадных костюмах явились в дом д'Альфонса, чтобы приветствовать его высочество.

Принц вышел к депутатам, но принял их в дверях вестибюля, извинившись и сославшись на то, что внутри он, к сожалению, пустить их не может, так как в комнатах страшнейший беспорядок по случаю представления комедии господином Мольером.

Мне трудно описать лица депутатов, и в особенности епископов. Но само собою разумеется, что никто ничего не сказал принцу по поводу беспорядка в комнатах, и, произнеся надлежащие комплименты его высочеству по случаю открытия Штатов, депутация удалилась в гробовом молчании.

Труппа играла в Пезена в течение нескольких месяцев, и Мольер ознаменовал свое пребывание в городе получением шести тысяч ливров, ассигнованных его труппе кассой лангедокских Штатов.

Пребывание Мольера в Пезена было отмечено некоторыми странными поступками. Так, он свел дружбу с местным уважаемым и лучшим парикмахером, мэтром Жели.

Заведение мэтра пользовалось большою популярностью в Пезена. По субботам в особенности дверь в парикмахерской хлопала непрерывно, появлялись и мясники, и булочники, и пезенаские чиновники, и всякий другой народ. В то время как подмастерья мэтра Жели рвали зубы посетителям или брили их, ожидающие очереди пезенасцы болтали, понюхивая табак. Нередко забегала какая-нибудь девчонка и, краснея, сообщала, что она получила письмо от своего возлюбленного, находящегося в армии. В этом событии все принимали участие и читали вслух письмо по просьбе

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru неграмотной девушки, выражая свое удовлетворение в случае, если письмо содержало радостные вести, или, наоборот, сожаление, если в нем находилось что-нибудь печальное. Словом, у мэтра Жели был как бы клуб в заведении.

Так вот, Мольер напросился к Жели по субботам помогать считать выручку в кассе. Гостеприимный Жели предложил директору деревянное кресло у конторки, и тот сидел в нем, принимая серебряные монеты. Однако мэтр Жели рассказывал всем по секрету, что выручка здесь ни при чем, а что она есть лишь предлог для других действий директора труппы Конти. Будто бы у директора под полой кафтана всегда приготовлены чистые таблички, на которых он записывает тайком решительно все интересное, о чем болтают в парикмахерской. Но для чего директор это делает, мэтру неизвестно. Правду ли рассказывал цирюльник Жели или неправду, но, во всяком случае, деревянное кресло из цирюльни впоследствии попало в музей.

Пребывая в Пезена, труппа время от времени навещала соседние селения, а весной 1656 года отправилась в город Нарбонну, где веселый трубадур д'Ассуси наконец покинул ее. Потом опять комедианты были в Лионе, своей постоянной резиденции, а из Лиона перебрались в город Безье, чтобы увеселять собравшиеся в нем опять-таки штаты.

В Безье произошли кое-какие события. Мольер дал премьеру новой своей пьесы, названной им «Терзания любви». Это была написанная под очевидным влиянием испанских и итальянских авторов пятиактная вещь, говорят, более совершенная, чем комедия «Шалый», но местами содержащая тяжелые стихи и с очень путанным и малоестественным финалом. Но так как плохие места тонули в массе остроумных и тонких сцен, комедианты рассчитывали на большой успех, и они не ошиблись в этом.

Директор театра начал с того, что, прибыв в Безье, первым долгом разослал бесплатные билеты на премьеру всем депутатам штатов, но от них получил страшнейший афронт. Скупые депутаты вернули билеты обратно директору. Причина была понятна. Депутаты знали, что через некоторое время от труппы последует просьба о денежной субсидии, и решили это прекратить. Директор почувствовал, что ему не придется более, пожалуй, расписываться в получении нескольких тысяч ливров из кассы штатов, и, послав мысленно по своему обыкновению проклятие депутатам, дал спектакль для простой публики. И публика покрыла аплодисментами «Терзания любви», в которых Мольер играл роль Альбера-отца.

Покинув негостеприимный Безье, Мольер посетил Лион, где с блеском играл «Терзания», а затем – Ним, Оранж и Авиньон.

В Авиньоне в 1657 году произошли две встречи. Директор встретил своего старого друга клермонца Шапеля. Бывшие слушатели философа Гассенди нежно обнялись. Они вспоминали эпикурейца и толковали насчет ужасной его кончины: проклятые врачи уморили Гассенди своими кровопусканиями.

Вторая встреча сыграла громадную роль в дальнейшей жизни Мольера. В Авиньоне задержался, возвращаясь из Италии, знаменитый художник Пьер Миньяр. Он должен был писать оранжскую триумфальную арку и портрет одной маркизы. Познакомившись, Миньяр и Мольер быстро сошлись, понравились друг другу чрезвычайно, и блестящий портретист писал Мольера в нескольких видах.

Так как лето 1657 года было необыкновенно жаркое, то труппа на некоторое время уходила к северу, в Дижон, а на зиму вернулась в Лион. И вот в Лионе произошла встреча двух старых клермонцев – принца Армана Бурбона де Конти и Мольера, не видевших друг друга в течение довольно большого времени.

Директор труппы радостно адресовался к принцу, но встреча не состоялась. Принц не только не пожелал видеть директора и своих комедиантов, но даже отдал приказ о снятии труппой присвоенного ей имени Конти. Ах, в комедиантской жизни не одни только розы и лавры! Оплеванный директор труппы ждал разъяснений, и они не замедлили явиться. Оказывается, что за два последних года все перевернулось вверх дном в душе его высочества. Бывший фрондер, а затем страстный любитель театра ныне оказался окруженным духовенством и погруженным в изучение религиозно-нравственных вопросов.

Один из епископов, обладавших великолепным даром слова, обратил серьезное внимание на театральные увлечения принца и, навещая его, успел разъяснить ему, что человек, какое бы высокое положение в мире он ни занимал, все же более всего

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru должен думать о спасении своей души. И если уже думать об этом, то прежде всего нужно бежать от комедиантских представлений, как от огня, дабы не попасть впоследствии в огонь вечный. Пышные всходы получил епископ из тех семян, которые он посеял в душе у Конти. Конти усвоил епископские поучения и объявил своим приближенным, что отныне он боится даже видеть комедиантов.

– Непостоянны сильные мира сего! – говорил Мольер Мадлене. – И дал бы я совет всем комедиантам. Если ты попал в милость, сразу хватай все, что тебе полагается. Не теряй времени, куй железо, пока горячо. И уходи сам, не дожидаясь, пока тебя выгонят в шею! Вообще, Мадлена, нам надо подумать о более важных вещах. Я чувствую, что нам пора покинуть Лангедок. Нам надо...

И опять, как давным-давно в Париже, после разгрома Блестящего Театра, стали шептаться бывшие любовники.

Глава 10.

БЕРЕГИТЕСЬ, БУРГОНЦЫ, – МОЛЬЕР ИДЕТ!

Вообще зима 1657 года была временем общего возбуждения в труппе, каких-то перешептываний между актерами, непрерывных таинственных совещаний между Мольером и Мадленой, являвшейся финансовым гением труппы. В этот период времени Мадлена не раз вела какие-то переговоры с разными деловыми людьми, связанными с Парижем. Но в чем было дело, этого в труппе еще не знали.

В начале следующего, 1658 года труппа пошла в Гренобль, где играла во время карнавала, потом в последний раз побывала в Лионе, и вдруг Мольер повел ее, пересекая всю Францию и нигде не останавливаясь, в город Руан. Он прошел со своим караваном недалеко от Парижа, но даже не повернул в его сторону головы. И он пришел в Руан, в котором пятнадцать лет назад появился с неопытными детьми Семьи, чтобы играть на руанской ярмарке.

Теперь было совсем иное. Пришел тридцатилетний опытнейший актер, первого ранга комик, в сопровождении прекрасных актеров. В труппе среди женщин были настоящие звезды: бывшая его любовница Мадлена, теперешняя любовница Дебри и отвергшая его Тереза-Маркиза Дюпарк. Бедная труппа, с трудом победившая в Нанте несчастных кукол венецианца, теперь шла по Франции, разя губительным мечом всякую из встретившихся ей бродячих трупп. В тылу у них на юге остались поверженные Миталла и Кормье, а на севере подходившего к Руану Мольера уже с трепетом дожидался директор игравшей в Руане труппы – Филибер Гассо съёр Дю Круази.

Слух о Мольере ворвался в Руан, как огонь. Мольер вошел в Руан, занял зал Двух Мавров и начал свои представления. Прежде всего здесь состоялась знаменитая встреча Мольера с лучшим из всех драматургов Франции Пьером Корнелем, тем самым, чьи пьесы уже давным-давно играл Мольер. И Корнель сказал, что труппа Мольера – блестящая труппа! Не хочется даже и прибавлять, что Корнель влюбился в Терезу Дюпарк.

Затем труппа Филибера Дю Круази погибла, подобно труппе Миталла. Приятнейший человек, дворянин Дю Круази, первоклассный и разнохарактерный актер, поступил очень правильно. Он явился к Мольеру, и тот немедленно пригласил съёра Дю Круази к себе.

Играя в Мавританском зале и время от времени давая представления в пользу Божьего дома в Руане, Мольер окончательно покорила город, а затем, не говоря никому ничего в труппе, за исключением, конечно, Мадлены, он в течение лета раза три тайно побывал в Париже.

Вернувшись в последний раз из столицы, Мольер наконец открыл труппе свой план. Оказалось, что он проник, опираясь на некоторые лестные рекомендации, в придворные круги и добился того, что был представлен его высочеству Филиппу Орлеанскому, Единственному брату ныне царствующего короля Людовика XIV.

Актеры слушали директора бледные, в полном молчании.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Тогда Мольер сказал еще больше. Он сказал, что Единственный брат короля, наслышавшись о его труппе, хочет взять ее под свое покровительство и – очень возможно, что даст ей свое имя.

Тут сердце у актеров упало, руки их задрожали, у них вспыхнули глаза, и слово – Париж! – загремело в Мавританском зале.

Когда утих актерский вопль, Мольер отдал приказание грузить поклажу, сниматься с места и идти в Париж.

Был осенний закат 1638 года, когда театральные фургоны подошли к столице. Октябрьские листья падали в роще. И вот вдали показались островерхие крыши домов, вытянутые вверх соборы. Так близко, что, казалось, можно было их осязать руками, зачернели предместья.

Мольер остановил караван и вышел из повозки, чтобы размять ноги. Он отошел от каравана и стал всматриваться в город, который двенадцать лет тому назад его, разоренного и посрамленного, выгнал вон. Ключья воспоминаний пронесли у него в мозгу. На миг ему стало страшно, и его потянуло назад, на теплую Рону, ему послышался плеск ронской волны за кормой и звон струн императора шутников. Ему показалось, что он стар. Он, похолодев, подумал, что у него в повозках нет ничего кроме фарсов и двух его первых комедий. Он подумал о том, что в Бургонском Отеле играют сильнейшие королевские актеры, что в Париже – великий Скарамуччия, его бывший учитель, что в Париже – блистательный балет.

И его потянуло в Лион, на старую зимнюю квартиру... А летом бы – к Средиземному морю... Его напугал вдруг призрак сырой и гнусной тюрьмы, едва не поглотившей его двенадцать лет назад, и он сказал, шевеля губами, в одиночестве:

– Повернуть назад? Да, поверну назад...

Он круто повернулся, пошел к голове каравана, увидел головы актеров и актрис, высунувшиеся из всех повозок, и сказал передовым:

– Ну, вперед!

Глава 11.

БРУ-ГА-ГА!!!

В громадном зале Гвардии, он же зал Кариатид, в Старом дворце Лувра, в двадцатых числах октября 1658 года происходила необычная суета. Визжали пилы. Нестерпимо барабанили молотками театральные рабочие. В зале Гвардии ставили сцену, а потом стали ее монтировать. Забéгал, вытирая пот, машинист, и засуетились режиссерские помощники.

Среди них бегал, волнуясь, то покрикивая, то упрашивая кого-то, некрасивый, гримасничающий человек, вымазавший в суете краской рукав кафтана. От волнения руки у человека стали неприятно холодными, и, кроме того, он начал заикаться, а последнее обстоятельство всегда вызывало в нем ужас. Изредка без всякой нужды он шипел на актеров, которые, по его мнению, без толку путались под ногами и мешали работать.

Однако все, как и полагается, пришло в порядок, и 24-го утром на сцене стоял выгороженный «Никомед» Пьера Корнеля.

Нужно сказать, что с того момента, как директор вошел в Париж, он вел себя мудро, как настоящий лукавый комедиант. Он явился в столицу с шляпой на отлете и с подобострастной улыбкой на пухлых губах. Кто помогал ему? Несведущие люди думали, что это сделал принц Конти. Но мы-то с вами знаем, что богобоязненный Конти был здесь решительно ни при чем. Нет, нет! Помог Мольеру на трудном придворном пути тот самый Пьер Миньяр, который своими тяжелыми глазами так хорошо разглядел Мольера в Авиньоне. У Миньяра были громадные связи. Благодаря Миньяру главным образом Мольер нашел ход к всесильному кардиналу Мазарэну, а для того, чтобы устроить свои дела, более ничего и не требовалось.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Теперь оставалось только умненько держать себя в разговоре с принцем Филиппом Орлеанским – Единственным братом короля.

И вот необъятный раззолоченный зал. Мольер стоит, согнув шею, левою рукою вежливо касаясь рукояти шпаги на широчайшей перевязи, и говорит:

– Да, много воды утекло с тех пор, ваше королевское высочество, как в «Белом кресте» погиб мой Блестящий Театр. Наивное название, не правда ли, ваше высочество? Ах, уверяю вас, что в этом театре не было и тени чего-нибудь блестящего! Впрочем, вашему высочеству было тогда всего шесть лет. Ваше высочество были ребенком. Не узнать, конечно, теперь ваше высочество!

Филипп французский, он же герцог Орлеанский, он же Monsieur, Единственный брат короля, восемнадцатилетний мальчик, стоит, опираясь на тяжелый стол, и вежливо слушает антрепренера. Собеседники изучают друг друга глазами.

На лице у антрепренера лисья улыбка, а все лицо – в наигранных медовых складках, но глаза у него настороженные и внимательные.

У Филиппа французского лицо юноши, но уже тронутое затаенной и никогда не удовлетворенной порочной страстью. Мальчик смотрит на директора, чуть приоткрыв рот. Несколько дней приближенные жужжали ему в уши. Он просыпался и слышал слово – Мольер. Ложился – все тот же Мольер. Этот Мольер ему снился один раз! Этот загадочный человек принадлежит к тому странному миру, который носит название «актерский мир». Этот в данное время великолепно одетый человек, говорят, ездил на волах и ночевал на скотном дворе. Кроме того, все приближенные говорят, что от него можно ждать изумительных развлечений.

Филипп французский проверяет свое ощущение. Оно двойное: казалось бы, что больше всего ему должны были понравиться улыбка и складки на лице, но ни в коем случае не глаза комедианта. Пожалуй, у него очень мрачные глаза.

И Филипп хочет настроить себя так, чтобы нравились складки на лице, но почему-то притягивают все-таки глаза. Когда представляющийся раскрыл рот, чтобы говорить, Филипп решил, что у него неприятный голос. И притом он как-то странно переводит дух, когда говорит, что не принято при дворе. Но после первых фраз гостя голос ему почему-то начинает нравиться.

– Ваше королевское высочество разрешит мне представить...

Тяжкие двери кто-то раскрывает, а приезжий отступает, как полагается, то есть не поворачиваясь спиной к собеседнику. Пожалуй, он видал кое-какие виды!

– Господа, войдите! – говорит приезжий, к удивлению Филиппа, совершенно другим голосом, строгим и как будто грубым, а потом – опять прежним голосом: – Позвольте мне представить вам... – опять отрывистым голосом, как говорят люди, которые ездят на волах: – Мадемуазель Мадлена Бежар... Мадемуазель Дюпарк... Мадемуазель Дебри...

Филипп при виде женщин, подражая брату, тотчас же механически снимает шляпу с перьями и слушает. Он видит каких-то женщин и понимает только, что женщины эти бледны и очень мало его интересуют. Затем он видит мужчин и надевает шляпу. И перед ним пытит какой-то круглый, как шар, курносый, а улыбается, как солнце. Это господин Дюпарк, от которого тоже очень многого можно ожидать. Еще подходит и кланяется какой-то хромой, с улыбкой на губах, молодой, но бледен от испуга. И многие еще. Действительно, у приезжего целая труппа.

Потом они все исчезают, и Филипп Орлеанский говорит о том, что он очень рад, что он очень любит театр, что он очень много слышал... Ему приятно, он принимает труппу под свое покровительство... Более того, он убежден, что король не откажется посмотреть, как актеры господина де Мольера... Он правильно выговаривает фамилию?

– Совершенно правильно, ваше королевское высочество!

Да, он убежден, что его величество не откажется посмотреть, как играют актеры господина Мольера свои пьесы.

При этих словах приезжий бледнеет и говорит:

– О, ваше высочество слишком добры, но я постараюсь оправдать доверие...

Третьим голосом, каким-то необыкновенно строгим и внушительным, приезжий спрашивает и надеется, что его величество в добром здоровье, так же как и королева-мать.

И вот результатом этого разговора было то, что на сцене в Гвардейском зале выгородили «Никомеда».

Человек тревожно смотрит на декорации, и опять ему становится страшно, и вспоминается Рона и мускатное вино... Там, собственно говоря, свобода и нет такой удручающей ответственности, но поздно, поздно куда бы то ни было бежать!

Уж не пожар ли это в Старом Лувре? Нет, это тысячи свечей горят в люстрах Гвардейского зала, и в свете их оживают неподвижные кариатиды.

Господин де Мольер в костюме Никомеда, окоченев, смотрел в отверстие в занавесе и видел, как наполнялся зал. Господину де Мольеру казалось, что он ослепнет. На всех руках дробились огни в алмазах, эти же огни сверкали на рукоятках шпаг, в глазах стоял лес перьев, кружев, глаза кололи девизы на ментиках, на всех кавалерах лоснились дивные ленты из лавки Пердрижона, колыхались сложные дамские прически.

В зале сидел весь двор и гвардия.

А впереди всех, в кресле, рядом с Филиппом Французским, сидел молодой двадцатилетний человек, при виде которого у директора труппы совершенно похолодело сердце. Этот человек – один среди всех – сидел, не сняв своей шляпы. В тумане дыханий Мольер успел рассмотреть, что у молодого человека – надменное лицо с немигающими глазами и капризно выпяченной нижней губой.

Но в отдалении мелькали лица, которые пугали Мольера не меньше, чем высокомерное и холодное лицо молодого человека в шляпе с перьями. Он рассмотрел в тумане зала знакомые лица королевских бургонских актеров. «Я ожидал этого! – подумал тоскливо директор. – Вот они, все налицо!» Он узнал госпожу Дезейе, известную своим безобразным лицом и тем, что в исполнении трагических ролей она не имела себе равных во Франции. А за лицом Дезейе поплыли лица господ Монфлери, Бошато, Раймона, Пуассона, Отроша и Вилье... Это они, они, бургонцы, королевские актеры!

Дали первый сигнал к началу, и директор отпрянул от занавеса. Дали другой сигнал, зал стих, упал занавес, и со сцены зазвучали слова королевы Лаодики: «Господин, признаюсь вам, что мне сладостно видеть...»

Чем дальше шел «Никомед», тем больше недоумения разливалось по залу. Вначале кто-то позволил себе кашлянуть, затем кашлянул другой, потом третий – театральным людям известно, что это очень скверный знак. Потом стали перешептываться, посылать друг другу удивленные взоры. В чем дело? Две недели, взбудоражив весь город и двор, по Парижу летела фамилия – Мольер!.. Мольер здесь. Мольер там... Вы слышали? Какой-то провинциал?.. Говорят, изумителен! К тому же он будто бы сам сочиняет? Его величество двадцать четвертого смотрит в Гвардейском зале. Вы приглашены? Мольер, Мольер, всюду Мольер... В чем дело, господа? В Бургонском Отеле корнеля играют гораздо лучше!.. Скука стала выступать на придворных лицах. Точно, хороша вот эта... Дюпарк. Что же касается самого Мольера... Нет, он не плох, но он как-то странно читает стихи, как будто бы прозу. Странная манера, воля ваша!

Но не скука, а злая радость читалась в глазах у одного из зрителей – жирного, оплывшего человека. Это был Захария Монфлери, один из первых актеров Бургонского Отеля. Возле него сидя шептались и веселились Отрош и Вилье.

И кончился «Никомед», и в зале прошумел жидкий аплодисмент.

Юноша Орлеанский был убит. Он не мог поднять глаз и сидел, погрузившись в кресло и втянув голову в плечи.

И вот в этот-то момент господин де Мольер, вследствие своей все той же несчастной страсти играть трагедии едва не поставивший на карту вопрос о своем

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
пребывании в Париже и самое существование в дальнейшем великой французской
комедии, – оказался у рамп. Бисерный пот выступил на его лбу. Мольер поклонился
и улыбнулся обольстительно. Он раскрыл рот, он хотел говорить.

Говор в зале утих.

И господин де Мольер сказал, что прежде всего он должен поблагодарить ее (Анна
Австрийская, королева-мать, сидела в зале) и его величества за ту доброту и
снисходительность, с которой они прощают явные и непростительные недостатки.

«Опять он, проклятый, заговорил тем самым голосом, – подумал, ни на что более не
надеясь, как на неприятности и срам, Филипп Орлеанский, – приехала на мою голову
беда на волах в Париж».

Господин же де Мольер продолжал.

Нет! Он скажет больше: их величества прощают дерзость.

«А будь ты проклят со своими улыбками!» – подумал Орлеанский.

Но на остальных улыбка не произвела неприятного впечатления. Наоборот – очень
понравилась.

А господин Мольер дальше плел свою искусную речь о том, что лишь непобедимое
желание позабавить их величества привело его сюда, что он прекрасно сознает, что
он и его актеры – лишь слабые копии, а прекрасные оригиналы сидят здесь, в
зрительном зале...

И тут многие повернули головы и посмотрели на бургонских актеров.

– Но, может быть, ваше величество разрешит нам представить небольшой фарс? Это,
конечно, безделица, недостойная внимания... Но провинция почему-то очень
смеялась!..

Тут надменный молодой человек в шляпе с перьями впервые шевельнулся и сделал
утвердительный и вежливый жест.

И тогда, плавая в поту за закрытым занавесом, в несколько минут рабочие и актеры
переоборудовали сцену и выставили фарс «Влюбленный доктор», сочиненный самим
господином Мольером во время его бессонных ночей в скитаниях.

Торжественные и гордые герои трагедии Корнеля ушли со сцены, и их сменили
Горжибюс, Гро-Рене, Сганарель и другие персонажи фарса. Лишь только на сцену
выбежал влюбленный врач, в котором с большим трудом лишь можно было узнать
недавнего Никомеда, – в зале заулыбались. При первой его гримасе – засмеялись.
После первой реплики – стали хохотать. А через несколько минут – хохот
превратился в грохот. И видно было, как надменный человек в кресле отвалился на
спинку его и стал, всхлипывая, вытирать слезы. Вдруг, совершенно неожиданно для
себя, рядом визгливо захохотал Филипп Орлеанский.

В глазах у влюбленного врача вдруг посветлело. Он понял, что слышит что-то
знакомое. Делая привычные паузы перед репликами, чтобы пропускать валы хохота,
он понял, что слышит знаменитый, непередаваемый, говорящий о полном успехе
комедии обвал в зале, который в труппе Мольера назывался «бру-га-га!». Тут
сладкий холодок почувствовал у себя в затылке великий комический актер. Он
подумал: «Победа!» – и подбавил фортелей. Тогда последними захохотали мушкетеры,
дежурившие у дверей. А уж им хохотать не полагалось ни при каких
обстоятельствах.

Не хохотали в зале только бургонские актеры, за исключением Дезейе и еще одного
человека.

«Выручай нас, Пречистая Дева, – стучало в голове у врача. – А вот вам трюк, а
вот еще трюк, и вот еще трюк! Выручай, толстяк Дюпарк!»

«Дьявол! Дьявол! Какой комический актер!» – думал в ужасе Монфлери. Он обвел
угасающими глазами окружающих, рядом увидел оскалившегося Вилье. А подальше, за
Вилье, блестел глазами и один из всех бургонцев хохотал бескорыстно – он, в

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru кружевах и лентах, с длинной шпагой у бедра, бывший гвардейский офицер, променявший свою многосложную дворянскую фамилию на краткую театральную кличку – Флоридор. Этот горбоносый, с тонким лицом человек был замечательным трагиком и лучшим во Франции исполнителем роли Никомеда.

«Но на коего черта ему понадобилось для начала провалить себя в Никомеде? – валясь на бок от смеха, думал Флоридор. – Он думал состязаться со мной? Зачем? Мы делим сцену пополам: давай мне трагедию, я отдаю тебе комедию! Какая техника! Кто может с ним тягаться? Разве что Скарамуш? Да и тот...»

Финал «Влюбленного доктора» покрыли таким «бру-га-га», что показалось, будто заколыхались кариатиды.

«Спасибо Орлеанскому, спасибо! – думал Захария Монфлери, когда рабочие повисли на веревках и занавес пошел вверх, отрезая сцену. – Привез нам из провинции чертей!»

Потом занавес упал, поднялся и еще упал. Еще поднялся, упал, упал. Мольер стоял у рампы, кланялся, и пот со лба капал на помост.

– Откуда он?.. Кто он?.. И все остальные тоже? А этот толстый Дюпарк?.. А служанка?.. Кто их учил?.. Они сильнее итальянцев, господа! Grimасы этого Мольера, ваше величество..

– Я же говорил вам, ваше величество, – солидным голосом сказал Филипп Орлеанский Людовику. Но тот не слушал Филиппа Орлеанского. Он вытирал платком глаза, как будто оплакивал какого-то близкого человека.

О милый покойный дед Крессе! Как жаль, что тебя не было в зале Гвардии 24 октября 1658 года!

Представить актерам его высочество герцога Орлеанского, Филиппа французского, зал в Малом Бурбоне, утвердить им пенсию, назначенную герцогом Орлеанским. Играть им в очередь с итальянской труппой, день – итальянцам, день – французам. И быть по сему!

Глава 12.

МАЛЫЙ БУРБОН

Анаграмма. Эломир Молиэр

На удивление всему миру,

В Бурбон вселили Эломира.

Пасквиль «Эломир-эпахондрик», 1670 г.

Согласно королевскому распоряжению господин Мольер двинулся во дворец Малый Бурбон, чтобы в нем под одною кровлей по-братски разместиться с итальянской труппой. «Влюбленный доктор» настолько понравился королю, что он назначил труппе Мольера тысячу пятьсот ливров в год содержания, но с тем условием, чтобы господин Мольер обязался уплачивать итальянцам деньги за свое вторжение в Театр Бурбона. И Мольер сговорился с итальянцами, во главе которых стоял его старый учитель Скарамуцchia, что он будет уплачивать им как раз эту самую сумму, то есть тысячу пятьсот ливров в год.

За труппой Мольера было закреплено название Труппы господина Единственного брата короля, и тот немедленно назначил актерам Мольера по триста ливров в год каждому. Но тут с большой печалью следует отметить, что, по показаниям современников, из этих трехсот ливров никогда ни один не был уплачен. Причиной этого можно считать то, что касса королевского брата находилась в плачевном состоянии.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru – Во всяком случае, благородно и самое намерение королевского брата, – грустно говорили актеры.

Решено было, что все доходы будут делиться между актерами сообразно получаемым ими паям, а Мольер, кроме того, будет получать авторские за свои пьесы.

Дни спектаклей поделили с итальянцами легко. Мольер должен был играть в понедельник, вторник, четверг и субботу, а впоследствии, когда итальянцы уехали из Парижа, Мольеру достались воскресенье, вторник и пятница.

Дворец Малый Бурбон был расположен между церковью Сен-Жермен д'Оксерруа и Старым Лувром. На главном входе Малого Бурбона помещалась крупная надпись «Надежда», а самый дворец был сильно потрепан, и все гербы в нем и украшения его попорчены или совсем разбиты, ибо междоусобица последних лет коснулась и его. Внутри Бурбона находился довольно большой театральный зал с галереями по бокам и дорическими колоннами, между которыми помещались ложи. Потолок в зале был расписан лилиями, над сценою горели крестообразные люстры, а на стенах зала – металлические бра.

Зал имел обширное прошлое. В 1614 году в нем заседали знаменитые Генеральные Штаты, а с 1613 года, после того как в нем танцевал королевский балет, зал пошел под театральные представления, причем чаще всего в нем появлялись со своими пьесами итальянцы. И французы играли в нем. Театральная жизнь в Бурбоне прервалась тогда, когда началась фронда, потому что в Бурбонский зал сажали арестованных государственных преступников, обвиняемых в оскорблении величества. Они-то и испортили украшения в зале.

По окончании фронды в Бурбоне ставили пьесу Пьера Корнеля «Андромеда» в сложной монтировке и с музыкальным сопровождением, причем музыку для «Андромеды» сочинил наш старый знакомый д'Ассуси, утверждавший впоследствии, что это именно он вложил душу в стихи Корнеля.

В конце концов зал был закреплен за итальянцами. Их очень любили в Париже. Мало того, что они хорошо играли, но их первоклассный машинист и декоратор Торрели замечательно оборудовал сцену, так что итальянцы могли производить изумительные чудеса в своих феериях.

Свой восторг перед итальянским оборудованием театральный фельетонист того времени Лоре выражал в плохих стихах:

Там, над сценою летая,
Всех пугал ужасный бес
От Парижа до Китая
Не видать таких чудес!

Кроме того, итальянцы обладали прекрасным балетом, что было отмечено тем же Лоре:

Но что ни говорите,
А лучше счастья нет –
Увидеть итальянский
Блистательный балет!

Так вот в компанию к этой сильной труппе и отправили Мольера с его комедиантами.

Жан-Батист, явившись в Париж в октябре месяце, вошел в дом своего отца и нежно обнял старика. Тот не совсем понимал причину поразительного жизненного успеха своего старшего сына, отказавшегося от своего звания и бросившего цех для того, чтобы посвятить себя комедиантскому искусству. Но блестящая шпага, дорогое одеяние и то обстоятельство, что Жан-Батист стал директором Труппы королевского брата, потрясли старика и примирили с сыном.

Отпившись бульоном и отдохнувши в отцовском доме после потрясения 24 октября, Мольер стал устраиваться в Париже и репетировать в Малом Бурбоне.

Что бы там ни говорили, но епископ, полагавший, что комедианты водятся с дьяволом, был все-таки прав. Но зато они и рискуют всегда тем, что их покровитель над ними посмеется. И точно, дьявол продолжал держать в ослеплении

2 ноября 1658 года Мольер открыл представления в Малом Бурбоне все-таки не комедией, а трагедией Корнеля «Геракл». Пьесу эту сыграли сносно, и публики было порядочно, но все же в Париже распространилось недоумение. Одни утверждали, что труппа «этого... как его... Мольера» играет замечательно, и при этом изображали в лицах, как хохотал король. Это были те, которые видели «Влюбленного доктора» в Гвардейском зале. А другие говорили, что труппа Мольера играет очень посредственно, и не понимали, почему Мольеру с таким шумом дали Малый Бурбон. Это были те, которые побывали на «Геракле».

Началось брожение умов и привело к тому, что в Бурбон хлынула большая волна. Все лично хотели убедиться в том, что это за фигура – этот новоявленный Мольер. Волна эта попала на «Никомеда» и «Влюбленного доктора», и по Парижу рассыпалась новая партия восторженных очевидцев. О «Никомеде», впрочем, говорили очень мало, а кричали лишь о красоте мадемуазель Дюпарк и о том, что «этот Мольер» невыразимо смешон и что фарс превосходен.

Следующим партиям зрителей не повезло. Мольер последовательно поставил три корнелевские пьесы: «Родогюн», «Помпей» и знаменитого «Сида». Тут зрители взбунтовались, и, к великому счастью, какой-то вспльчивый парижанин, стоявший на собственных ногах в партере во время скучноватого представления «Помпея», швырнул в голову господина Мольера, изображавшего Цезаря, яблоком. Этот дерзкий поступок и был причиной того, что в голове у директора труппы посветлело и он объявил «Шалого». Дело резко изменилось: успех был полнейший.

Здесь все-таки еще раз возникает важный вопрос о причине провалов трагедий в исполнении Мольера. То есть: хорошо ли играли бургонцы трагедии, или же Мольер их скверно играл? Ни то и ни другое. Прежде всего дело в том, что Мольер играл трагедии в совершенно иной манере, чем та, в которой их было принято играть. Среди бургонцев, как во всяком театре, были актеры великолепные, как, например, госпожа Дезейе и господин Флоридор, а были и посредственные и плохие. Все они были представителями школы того самого Бельроза, которым восхищался еще дед Крессе, но о котором один из парижан, обладавший большим вкусом, дал такой отзыв:

– Черт его возьми! Когда он играет, кажется, что он не понимает ни одного слова из того, что произносит!

Конечно, в этом отзыве было некоторое преувеличение. Но все же можно признать, что Бельроз был фальшивым актером, не живущим на сцене внутренней жизнью.

Тучный и болезненно завистливый Захария Монфлэри пользовался шумной известностью в Париже. Однако эпикуреец Сирано де Бержерак говорил так:

– Монфлэри воображает, что он большая величина только потому, что в один день его нельзя избить палками.

Вообще в остроумном и тонко понимающем сцену Бержераке Монфлэри вызвал ненависть в такой степени, что однажды пьяный Бержерак позволил себе учинить безобразие в театре, осыпав бранью Монфлэри и выгнав его со сцены. Что это показывает? Это показывает, во-первых, что такое поведение господина Бержерака, драматурга и ученика Гассенди, позорно: комедианта того времени нетрудно было оскорбить, и в этом не было особенной доблести. Но это же показывает, что для тонких новаторов тягучая старинная манера декламировать с завываниями была нестерпима. А в этой-то манере и играли все бургонцы, – одни хорошо, а другие плохо.

Мольер же с самых первых шагов своих на сцене еще в Блестящем Театре хотел создать школу естественной и внутренне совершенно оправданной передачи со сцены драматургического текста. В этой манере Мольер стал работать с самого начала и этой манере стал обучать своих комедиантов.

Так в чем же дело? Казалось бы, что Мольер должен был победить и что система его должна была привлечь сердца зрителей. К сожалению, нет. Мольер применил свою систему прежде всего в трагедии, а у него не было никаких данных для исполнения трагических ролей: он не обладал для них ни темпераментом, ни голосом. Следовательно, знать-то он знал хорошо, как должно исполнять трагедию, а исполнял ее плохо. Что же касается его товарищей, то среди них были многие,

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
обладавшие хорошими трагическими данными, но сама система Мольера была еще настолько молода, что она не могла покорить публику сразу.

И, конечно, когда бургонцы, обладавшие прекрасно поставленными голосами, выкрикивали под занавес концовки ложноклассических монологов (особенным искусством в этом отличался Монфлери), они имели в Париже полнейший успех. Парижане того времени желали видеть мощных героев в латах, героев громогласных, а не таких скромных людей, какими сами были парижане в жизни. Вот причина провалов трагедий в мольеровском театре.

Вслед за «Шалым» в Малом Бурбоне пошли «Терзания любви», и тоже с большим успехом. Филибер дю Круази, вошедший в труппу, очень способствовал этому успеху, прекрасно исполняя роль смешного ученого Метафраста.

После «Терзаний любви» итальянская труппа почувствовала опасность соседства с французом Мольером. Столичная публика, привыкшая посещать только итальянские дни в Бурбоне, пошла теперь валом и в мольеровские дни. Золотые пистолы потекли в кассу бывших бродячих, а ныне оседлых комедиантов принца Орлеанского. Актерские паи увеличились, и о Мольере заговорили в Париже шумно.

Но что же стали говорить в первую очередь? Прежде всего заговорили о том, что драматург Мольер беззастенчиво пользуется произведениями итальянских авторов для заимствований у них. С течением времени указывать на хищения Мольера настолько вошло в моду, что, если нельзя было сказать с уверенностью, где и что именно он заимствовал, говорили, что он «по-видимому» заимствовал. Если же и для этого слова не было прямых оснований, говорилось, что он «мог» заимствовать там или там-то... В конце концов Мольеру приписали даже громкую и развязную фразу: «Я беру мое добро там, где я его нахожу!» – хотя он этого никогда не говорил, а говорил совсем другое: «Я возвращаю мое добро...» – намекая этим на те заимствования, которые производились у него.

Действительно, прекрасно знакомый не только с древней, но и с итальянской и испанской драматургией, Мольер нередко брал сюжеты у предшественников, переносил к себе некоторые персонажи, а иногда и целые сцены. Следует ли осуждать такую странную манеру? Не знаю, но могу сказать, что, по общим отзывам, все заимствованное Мольером в его обработке было неизмеримо выше по качеству, чем в оригиналах. В частности, говорят о «Терзаниях любви», что основное содержание этой пьесы взято Мольером у итальянца Никколо Секки из комедии «Интерес», написанной лет за семьдесят пять до мольеровской пьесы. Кроме того, он мог заимствовать и из другой итальянской пьесы – «Любовные неудачи». А кроме того, мог воспользоваться мыслью, выраженной в одном из произведений древнего автора Горация. Наконец, он мог заимствовать кое-что и из «Собаки садовника», знаменитейшего испанского драматурга Лопе Феликса де Вега Карпио, умершего тогда, когда Мольер, будучи мальчиком, сидел в отцовской лавке. Что касается де Вега, то у него немудрено было что-нибудь позаимствовать, потому что он написал около тысячи восьмисот пьес и недаром был прозван фениксом Испании или Дивом Природы.

Словом, как видите, мой герой весьма много читал, в том числе и по-испански.

Итак, написанные на чужой основе «Терзания любви» имели большой успех и пошли при аплодисментах парижан, возбуждая пристальное и недружелюбное внимание бургонского театра.

1659 год ознаменовался многими событиями, касающимися главным образом перетасовок в труппе. На Пасхе к Мольеру явился, почтительно представился и попросился в труппу молодой человек, именовавшийся Шарль Варле съер де Лагранж. Молодой человек, мужественное и серьезное лицо которого было украшено небольшими острыми усиками, был по специальности первым любовником. Мольеру он очень понравился, и он немедленно зачислил Лагранжа в труппу, причем поступил с точки зрения тех, кто потом, в течение нескольких столетий, изучал жизнь моего героя, в высшей степени правильно.

Съер де Лагранж с первых же дней своего вступления в труппу обзавелся толстой тетрадью, назвал ее «Регистр» и стал изо дня в день заносить в нее все, что происходило в труппе Мольера. Съером де Лагранжем были отмечены смерти и свадьбы актеров, уходы их из труппы и приглашения новых, количество спектаклей, названия этих спектаклей, денежные поступления и все прочее. Не будь этой знаменитой

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru книги – «Регистра», исписанной Лагранжем и украшенной его символическими рисунками, мы знали бы о нашем герое еще меньше того, чем знаем теперь, а вернее сказать, ничего бы почти не знали.

Итак, вошел Лагранж, но зато Дюфрен покинул столицу и уехал в родную Нормандию. Театр на Болоте пригласил чету Дюпарк, и та, очевидно, под влиянием какой-то размолвки с Мольером ушла. Эта потеря была большой потерей. Утешением явилось то, что знаменитый комик Театра на Болоте и Бургонского Отеля Жюльен Бедо, прозванный Жодле по имени комического персонажа в пьесах Скаррона, вступил в труппу Мольера, став прекрасным дополнением ее. К сожалению, ненадолго – в следующем году он умер. Вместе с Жодле пришел с Болота съёр де Л'эпи, брат Жодле, и занял амплуа смешных стариков, обычно носивших в фарсах имя Горжибюса.

И, наконец, следует отметить печальное событие в конце мая 1659 года: ушел из труппы Мольера первый его соратник один из Детей Семьи, заикавшийся до конца своей жизни, любовник Жозеф Бежар. Вся труппа проводила его на кладбище, а в театре в течение нескольких дней был объявлен траур.

Так, в горячей работе, хлопотах и волнениях, при чередующихся удачах и огорчениях, протек 1659 год, а в конце его грянуло одно замечательное событие.

Глава 13. ОПЛЕВАННАЯ ГОЛУБАЯ ГОСТИНАЯ

– Барышня, там какой-то лакей спрашивает вас. Говорит, что его хозяин хочет видеть вас.

– Ну и дура! Когда ты выучишься разговаривать как следует? Нужно сказать: явился некий гонец, чтобы узнать, находите ли вы удобным для себя оказать прием?

«Смешные драгоценные»

Если бы любого из светских парижан первой половины XVII века вы спросили, какой самый приятный уголок в Париже, он ответил бы незамедлительно, что это голубой салон госпожи де Рамбуйе.

Дочь французского посланника в Риме, урожденная де Вивонн, маркиза де Рамбуйе была утонченнейшим человеком, и притом с самого детства. Попадают такие натуры! Выйдя замуж и основавшись в Париже, маркиза не без основания нашла, что парижское общество несколько грубовато. Поэтому она решила окружить себя самым лучшим, что было в столице, и стала собирать в своем отеле цвет общества, отделив для приемов ряд комнат, из которых наибольшей славой пользовалась обитая голубым бархатом гостиная.

Больше всего на свете госпожа де Рамбуйе любила литературу, почему ее салон и приобрел преимущественно литературное направление. Но, вообще говоря, народ хлынул в салон довольно разношерстный. Засверкал в кресле Жан-Луи Бальзак – светский писатель, появился разочарованный мыслитель герцог Ларошфуко и печально стал доказывать госпоже де Рамбуйе, что наши добродетели есть не что иное, как скрытые пороки. Утешал публику салуна, расстроенную мрачным герцогом, оживленнейший остряк Вуатюр, ряд интереснейших диспутов развернули господа Котен, Шаплен, Жиль Менаж и многие другие.

Узнав, что лучшие умы Парижа заседают у Рамбуйе, в салон немедленно явились милейшие маркизы с кружевами на коленях, вечерние остроумцы, посетители театральных премьер, сочинители-дилетанты и покровители муз, авторы любовных мадригалов и нежных сонетов. За ними потянулись светские аббаты и, само собою разумеется, слетелся рой дам.

Появился Боссюе, прославивший себя впоследствии тем, что не было во Франции почти ни одного знаменитого покойника, над гробом которого Боссюе не произнес бы прочувствованной проповеди. Первую же из своих проповедей, правда, не над покойником, Боссюе сказал именно в салоне Рамбуйе, будучи шестнадцатилетним мальчишкой. Боссюе говорил речь до поздней ночи, что дало повод Вуатюру сказать, когда оратор закончил, изложив все, что у него накопилось в голове:

– Сударь. Мне никогда еще не приходилось слышать, чтобы проповедовали в столь

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
раннем возрасте и в столь позднее время.

Среди всей компании одно время видели бродящего по гостиним отца французской драматургии – Пьера Корнеля, и что он там делал – неизвестно; надо полагать – присматривался.

Дамы – посетительницы Рамбуйе – очень быстро ввели моду, целуясь при встрече, именовать друг друга «моя драгоценная». Словечко «драгоценная» очень понравилось в Париже и осталось навсегда, как постоянное прозвище дам, украшающих гостиную Рамбуйе.

Загремели стихи в честь драгоценной маркизы, причем поэты называли ее очаровательной Артенис, переставив буквы в имени Катерина. В честь блистающей в салоне матери юной дочки ее, Жюли Рамбуйе, поэты составили целый венок мадригалов. За этими мадригалами последовали остроты, фабриковавшиеся преимущественно маркизами. Остроты были первосортные, но до того сложные, что, чтобы понять их, требовались длительные разъяснения. Нашлись, правда, за стенами салона отверженные личности, утверждающие, что остроты эти просто глупы, в авторы их бездарны в беспредельной степени.

До сих пор все это было бы полгоря, если бы вслед за мадригалами и остротами Катерина Рамбуйе со своими сподвижниками не занялась большой литературой вплотную. В голубой гостиной читали вслух новые произведения и обсуждали их. А раз так, то составлялось мнение, и мнение это становилось обязательным в Париже.

Чем дальше, тем выше поднималась утонченность, и мысли, высказываемые в салоне, становились все загадочнее, а формы, в которые их облекали, все вычурнее.

Простое зеркало, в которое смотрелись драгоценные, превратилось на их языке в «советника грации». Выслушав какую-нибудь любезность от маркиза, дама отвечала ему:

– Вы, маркиз, подкладываете дрова любезности в камин дружбы.

Истинным пророком салона Рамбуйе и других салонов, которые устроили у себя подражательницы Рамбуйе, стала некая дама, сестра драматурга Жоржа Скюдери. Жорж Скюдери прославился тем, во-первых, что считал себя не просто драматургом, а первым драматургом Франции. Во-вторых, он был отмечен тем, что не имел никакого драматургического дарования, и, в-третьих, нашумел тем, что, когда вышла в свет знаменитейшая из всех пьес Корнеля «Сид», Скюдери наделал Корнелю всевозможных гадостей, написавши, что, не говоря уж о том, что пьеса Корнеля безнравственна, она, кроме того, и не пьеса вообще, так как составлена она не по Аристотелевым законам драматургии. Правда, в последнем Скюдери не успел, потому что никому и никогда не удастся доказать, даже и призвавши на помощь Аристотеля, что имеющее успех, написанное хорошими стихами, интересно развивающееся произведение, содержащее в себе выигранные, прекрасно очерченные роли, – не есть пьеса. И недаром впоследствии, под шумок, мой герой, парвеню и выскочка, королевский камердинер и обойщик, говорил, что все эти Аристотелевы правила представляют собою сущий вздор и что существует только одно-единственное правило – надо писать пьесы талантливо.

Так вот, у завистника Жоржа Скюдери была сестра Мадлена. Первоначально она была гостьей в салоне Рамбуйе, а затем основала свой собственный салон и, будучи уже в зрелом возрасте, сочинила роман под названием «Клелия (Римская история)». Римская история была в нем, собственно, ни при чем. Изображены были под видом римлян видные парижане. Роман был галантен, фальшив и напыщен в высшей степени. Парижане зачитывались им совершенно, а для дам он стал просто настольной книгой, тем более что к первому тому его была приложена такая прелесть, как аллегорическая Карта Нежности, на которой были изображены Река Склонности, Озеро Равнодушия, Селения Любовные Письма и прочее в этом роде.

Громадный воз чепухи въехал во французскую литературу, и галиматья совершенно заполнила драгоценные головы. Кроме того, последовательницы Мадлены Скюдери окончательно засорили язык и, наконец, поставили под удар и самое правописание. В одной из дамских голов созрел замечательный проект: для того чтобы сделать правописание доступным для женщин, которые, как всегда, значительно поотстали от мужчин, дама предложила писать слова так, как они выговариваются. Но не успели закрыться рты, раскрывшиеся вследствие этого проекта, как грянула над

В ноябре 1659 года разнесся слух, что господин де Мольер выпускает в Бурбоне свою новую одноактную комедию. Заглавие ее чрезвычайно заинтересовало публику – пьеса называлась «Смешные драгоценные». 18 ноября, в один вечер с пьесой Корнеля «Цинна», Мольер показал свою новинку.

С первых же слов комедии партер радостно насторожился. Начиная с пятого явления, дамы в ложах вытаращили глаза (явления мы считаем по тому тексту «Драгоценных», который дошел до наших дней). В восьмом явлении изумились маркизы, сидевшие, по обычаю того времени, на сцене, по бокам ее, а партер стал хохотать, и хохотал до самого конца пьесы.

Содержание же пьесы было таково. Две барышни-дуры, Като и Мадлон, начитавшиеся Скюдери, прогнали двух женихов по той причине, что они показались им недостаточно утонченными людьми. Женихи отомстили. Они нарядили двух своих лакеев маркизами, и эти пройдохи явились к дурам в гости. Те приняли жуликов-слуг с распростертыми объятиями. Наглый Маскариль битый час нес глупым барышням всякую околесину, а другой мошенник, лакей Жодле, врал про свои военные подвиги. Маскариль с наглой рожей не только читал, но даже пел стихотворение своего собственного сочинения в таком примерно роде:

Пока, не спуская с вас взора,
Я любовался вами в сиянии дня,
Ваш глаз похитил сердце у меня.
Держите вора, вора, вора!

– Вора! Вора!! – завывал лакей под рев партера.

Оплеванными оказались: и карты нежности, и салоны, в которых сочиняются подобные стихи, но, кроме того, оказались оплеванными и авторы и посетители этих салонов, причем в последнем отношении и придраться к чему-нибудь было трудно, потому что изображались не настоящие маркизы, а лишь лакеи, переодетые маркизами.

На сцене играли разудалый фарс, и отнюдь не невинный. Это был фарс нравов и обычаев сегодняшнего Парижа, а обладатели этих нравов и создатели этих обычаев сидели тут же, в ложах и на сцене. Партер грохотал и мог тыкать в них пальцами. Он узнал салонных бар, которых бывший обойщик осрамил при всей честной публике. В ложах тревожно перешептывались: в публике побежал слух, что Като – это, несомненно, Катерина Рамбуе, а Мадлон – это Мадлена Скюдери.

Маркизы на сцене сидели багровые. Носильщики внесли Маскарилья-Мольера. Его идиотский парик был так велик, что концы его при поклонах подметали пол, а на макушке сидела маленькая, как шиш, шляпа. На штанах были запущены чудовищные кружева на коленях. Лжемаркиза Жодле играл старик Жодле; и оба комика только что не кверху ногами ходили, потешая публику, отпуская ряд двусмысленнейших во всех отношениях фортелей. Прочие актеры им в этом соответствовали, в том числе и мадемуазель Дебри, игравшая роль Мадлоны, дочери Горжибюса.

Полюбуйтесь, какие у нас милые маркизы и драгоценные барышни! Позвольте, ведь это же лакеи?! Конечно, лакеи, но у кого же они переняли эти манеры?.. Осмеял! Осмеял! Осмеял до последней ленты костюм, и эти стихи, и чопорность, и фальшь, и грубость в обращении с низшими!

Когда Мольер в прорезы глаз в маске метнул взор в публику, он увидел в ложе сидящую впереди своей свиты уважаемую госпожу Рамбуе. Почтенная старуха, как все говорили, была зелена от злобы, она прекрасно раскусила пьесу. Да и не она одна! Какой-то старик из партера закричал среди действия:

– Мужайся, Мольер! Это настоящая комедия!

Бомба разорвалась настолько близко от рядов самих драгоценных, что паника началась немедленно, причем первым покинул войско Рамбуе один из вернейших ее поклонников и знаменосцев, бросивший врученное ему знамя прямо в грязь. Дезертиром стал не кто иной, как поэт господин Менаж.

Выходя после представления, Менаж взял под руку господина Шаплена и зашептал:

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
– Дорогой мой, нам придется сжечь то, чему мы поклонялись... Надо сознаться, что занимались мы в салонах порядочной ерундой!

К этому господин Менаж добавил, что пьеса, по его мнению, очень едкая и сильная и что вообще он все это предвидел...

Но что именно предвидел Менаж мы не знаем, так как дальнейшие его слова пропали в шуме карет.

Театр погас. На улицах совсем стемнело. Мольер, закутавшись в плащ, с фонарем в руках, покашливая от ноябрьской сырости, стремился к Мадлене. Его манил огонь в очаге, но больше манило другое. Он спешил увидеть сестру и воспитанницу Мадлены, Арманду Бижар, ту самую Мену, которая шесть лет назад играла Эфира в Лионе. Теперь она превратилась в шестнадцатилетнюю девушку. Мольер спешил увидеть Арманду, но болезненно морщился при мысли о глазах Мадлены. Эти глаза становились неприятными всякий раз, когда Мольер вступал в оживленную беседу с кокетливой и вертлявой Армандой.

Мадлена все простила: и лионскую историю с Дюпарк, простила и примирилась с госпожой Дебри, а теперь в Мадлену как бы вселился бес!

В ноябрьской темноте, в промозгом тумане, по набережной бежит фонарь. Господин Мольер! Шепните нам, нас никто не слышит, сколько вам лет? Тридцать восемь, а ей – шестнадцать! И, кроме того, где она родилась? Кто ее отец и мать? Вы уверены в том, что она сестра Мадлены?..

Он не хочет отвечать. А может быть, и не знает того, о чем мы спрашиваем.

Значит, не стоит и заговаривать на эту тему. Можно поговорить о другом. Например, о той ошибке, которую Мольер допустил в «Драгоценных», затронув бургонских актеров:

– Куда вы отдадите свою пьесу?

– Конечно, им, королевским актерам, – отвечал плут Маскариль язвительно, – ведь они одни только и умеют читать стихи!

Господин Мольер напрасно задел бургонцев. Понимающим людям ясно, что он человек другой школы и сам эту школу создает, а Монфлери уж вовсе не такой плохой актер, как Бержерак это утверждал. Пути бургонцев и Мольера разные, и не следует бургонцев затрагивать, тем более что такими выходками, как в «Драгоценных», ничего доказать нельзя, а ссориться со всеми крайне опасно.

Глава 14.

ПОСЕЯВШИЙ ВЕТЕР

На следующий же день господин Мольер получил официальное извещение от парижских властей о том, что пьеса его «Смешные драгоценные» к дальнейшим представлениям воспрещается.

– Палачи! – пробормотал господин де Мольер, опускаясь в кресло. – Кто же мог это сделать?..

Нужно заметить, что Мольер впервые испытал то, что в дальнейшем, это можно предсказать, ему придется часто испытать. Описывать его состояние не стоит. Тот, у кого не снимали пьес после первого успешного представления, никогда все равно этого не поймет, а тот, у кого их снимали, в описаниях не нуждается. Но все-таки, кто же это сделал? Неизвестно. Говорили, что добился запрещения какой-то видный и сильный посетитель салонов типа салона госпожи де Рамбуйе. Во всяком случае, надо отдать справедливость драгоценным: на удар Мольера они ответили очень мощным ударом.

Придя в себя, Мольер стал соображать, что делать и куда бежать, чтобы спасти пьесу. Было только одно лицо во Франции, которое могло исправить положение. Только у него можно было найти защиту в этом каверзном случае, ибо это лицо

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
бесстрастно и беспристрастно и защищено от влияния каких бы то ни было
литературных партий. Но, увы! Этого лица тогда, как назло, не было в Париже.

Тогда мой герой решил прежде всего послать этому лицу пьесу на просмотр. И тут же набросал в голове черновик защитительной речи:

«Ваше величество! Здесь очевидное недоразумение! „Драгоценные“ – это просто веселая комедия... Ваше величество, как человек, обладающий исключительным вкусом и тонким пониманием вещей, без сомнения, разрешит этот забавный пустячок!..»

Пьеса была отправлена на просмотр королю. Но, кроме того, энергичный директор Малого Бурбона предпринял и ряд других действий. Произошло совещание с Мадленой, забегала встревоженная труппа, Мольер куда-то поехал наводить справки и кланяться, а вернувшись, решил прибегнуть еще к одному способу, для того чтобы вернуть пьесу к жизни.

Способ этот издавна известен драматургам и заключается в том, что автор под давлением силы прибегает к умышленному искажению своего произведения. Крайний способ! Так поступают ящерицы, которые, будучи схвачены за хвост, отламывают его и удирают. Потому что всякой ящерице понятно, что лучше жить без хвоста, чем вовсе лишиться жизни.

Мольер основательно рассудил: королевские цензоры не знают, что никакие переделки в произведении ни на йоту не изменяют его основного смысла и ничуть не ослабляют его нежелательное воздействие на зрителя.

Мольер отломил не хвост, а начало пьесы, выбросив какую-то там вступительную сцену, а кроме того, прошел пером и по другим местам пьесы, портя их по мере возможности. Первая сцена была необходима, и удаление ее снизило качество пьесы, но ничего не изменило в основном ее стержне. По-видимому, в этой сцене заключались данные, говорящие о том, что Като и Мадлон – парижанки, а цель автора была в том, чтобы успокоить цензоров, подчеркнув то обстоятельство, что Като и Мадлон не парижанки, а провинциалки, недавно приехавшие в Париж.

Пока лукавый комедиант хитрил, марая свою пьесу, в Париже происходило что-то неслыханное. Не только в самом городе, но будто бы на пятьдесят лье в округности только и говорили что о «Смешных драгоценных». Слава постучалась в дверь господина Мольера и прежде всего приняла облик некоего литератора Сомеза. Тот бушевал в салонах, доказывая, что Мольер – просто-напросто плагиатор, а кроме того, пустой поверхностный фарсер. С ним соглашались.

– Он все похитил у аббата Депюра! – кричали литераторы в гостиных.

– Ах, нет! – возражали другие. – Материал этого фарса похищен у итальянцев!

Известие о запрещении подлило масла в огонь. Все хотели видеть пьесу, в которой осмеивались люди высшего круга – посетители салонов. В то время когда парижане кипели, обсуждая новинку, книгопродавец де Люинь явился в театр и покорнейше попросил предоставить ему копию рукописи, каковая ему предоставлена не была. Словом, каждый работал в своем направлении, и в конце концов хитрая механика Мольера дала хорошие результаты. Он нашел каких-то покровителей среди сильных мира, весьма умело сослался на то, что будет искать защиты у короля, и недели через две комедию разрешили к представлению, но с исправлениями.

Ликовали в труппе неописуемо, а Мадлена шепнула Мольеру только одну фразу:

– Поднимайте цены вдвое!

Практичная Мадлена была права. Верный барометр театра – касса – показал бурю. 2 декабря состоялось второе представление, и театр, дававший при обыкновенных сборах примерно четыреста ливров в вечер, дал в этот вечер тысячу четыреста ливров. Дальше пошло так же. Мольер стал давать «Драгоценных» в комбинации либо с корнелевскими, либо со скарроновскими пьесами, и каждый раз с аншлагами.

Все тот же фельетонист Жан Лоре в выпускаемой им стихотворной «Газете» писал, что пьеса – пустая и балаганная, но, нужно признаться, очень смешная:

Я думал – коллик не снесу,

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Вот посмеялся вволю!
За вход я отдал тридцать су,
Смеялся на десять пистолей!

Книготорговец и издатель Гильом де Люинь своей цели достиг. Каким-то таинственным образом ему удалось добыть копию рукописи «Драгоценных», и он известил Мольера, что начинает печатать пьесу. Тому только и оставалось, что согласиться на это. Он написал предисловие к пьесе, начинающееся словами: «Однако это странно, что людей печатают помимо их желания!» Но на самом деле ничего неприятного в том, что пьеса печатается, не было, тем более что предисловие к пьесе дало возможность автору высказать некоторые свои соображения относительно «Драгоценных».

Драгоценные, по мнению Мольера, не должны обижаться на эту пьесу, потому что в ней изображены лишь смешные их подражательницы. Ведь всегда возле хорошего на свете заводятся дрянные обезьяны.. и тому подобное. Кроме того, Мольер скромно сообщал, что он находился в пределах сатиры честной и дозволенной, когда сочинял эту пьесу.

Надо опасаться, что Мольер мало кого убедил своим предисловием, и в Париже нашлись люди, которые заметили, что сатира действительно, как известно всякому грамотному, бывает честная, но вряд ли найдется в мире хоть один человек, который бы предъявил властям образец сатиры дозволенной. Впрочем, предоставим Мольеру защищаться, как он умеет. Ему это необходимо, потому что стало совершенно ясно, что со времени премьеры «Драгоценных» он привлек на себя весьма большое и мрачноватое внимание. И господин Мольер, помимо всякого даже своего желания, в дальнейшем устроился так, что это внимание ничуть не ослабело.

Глава 15.

ЗАГАДОЧНЫЙ ГОСПОДИН РАТАБОН

Очень скоро выяснилось, что Мольер, как говорится, Божьей милостью драматург – он работал с очень большой быстротой и легко владел стихом. В то время как в парижских салонах литераторы, а в Бургонском Отеле – актеры поносили его, Мольер писал новую комедию в стихах, и весной она была готова, а в мае 23-го числа 1660 года он разыграл ее. Она называлась «Сганарель, или Мнимый рогоносец», и в исполнении ее участвовали: Дюпарки, которые вернулись к Мольеру, так как не ужились в Театре на Болоте, супруги Дебри, Л'Эпи, Мадлена и Мольер, исполнивший роль Сганареля.

Время было глухое, так как короля не было в Париже, в связи с чем отбыли и многие знатные люди. Тем не менее пьеса привлекла острое внимание публики, тем более что на первом же ее представлении разразился скандал.

Некий буржуа поднял страшный шум в партере, публично заявляя, что это именно его господин де Мольер осрамил, выведя в комедии в виде Сганареля. Естественно, партеру он доставил величайшее удовольствие своим выступлением. Шутники веселились, слушая бушующего буржуа, который угрожал пожаловаться полиции на комедианта, затрагивающего семейную жизнь честных людей. Здесь, конечно, недоразумение: никакого отдельного буржуа Мольер не имел в виду, сочиняя «Сганареля», а вывел на сцену общий тип ревнивца и жадного собственника. Есть подозрение, что многие узнали себя в этом Сганареле, но были умнее того буржуа, который кричал в партере.

Таким образом, нажив себе благодаря «Драгоценным» несколько десятков врагов среди литераторов города Парижа, Мольер после «Сганареля» поссорился и с добрыми буржуа из торговых кварталов.

В гостиных Парижа очень шумно обсуждали «Сганареля», причем суждения, высказываемые литераторами, большею частью были однообразны:

– Пустяковая вещь! Грубая комедийка смешных положений, наполненная пошлыми шуточками.

Доискивались, где Мольер стащил эту комедию. Но эти поиски не увенчались

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
особенным успехом. Говорили, что будто бы Мольер списал своего Сганареля с
некоего Арлекина, вообразившего себя рогоносцем, – опять-таки из итальянского
фарса. Но как-то все это было неясно.

По прошествии нескольких спектаклей Мольер нашел у себя письмо. Некто
Неф-Вильнен писал Мольеру о том, что, посмотрев его комедию «Мнимый рогоносец»,
он нашел ее столь прекрасной, что одного раза ему показалось мало и он был на
ней шесть раз. Такое начало письма вызвало краску удовольствия на щеках Мольера,
начинавшего в последнее время с удивлением замечать, что слава выглядит совсем
не так, как некоторые ее представляют, а выражается преимущественно в
безудержной ругани на всех перекрестках.

И он продолжал читать приятное письмо. Далее выяснилось, что Неф-Вильнен
обладает поистине феноменальной памятью: в шесть приемов он всю комедию до
последнего слова записал. В этом месте господин Мольер насторожился, и недаром,
потому что господин Неф-Вильнен сообщал, что к каждой сцене «Рогоносца» он
сочинил свои собственные комментарии. И с этими комментариями он пьесу
направляет в печать, потому что, писал господин Неф-Вильнен, «... это совершенно
необходимо для вашей и моей славы!».

«Недобросовестные люди, – писал далее господин Неф-Вильнен, – могли выпустить
плохо проверенные списки пьесы, причинив этим ущерб господину Мольеру».

Словом, господин Неф-Вильнен отдает пьесу издателю Жану Риб, что на набережной
Августинцев.

– Богом клянусь, – воскликнул Мольер, дочитав послание славлюбивого господина
Неф-Вильнена, – более развязного человека не будет в мире!

Ну, в последнем господин де Мольер ошибался!

Вышедшая с комментариями Неф-Вильнена пьеса прежде всего дала некоторым
остроумным людям повод высказать предположение, что никакого Неф-Вильнена нет и
не было на свете, а что это выдуманное имя послужило прикрытием самому господину
Мольеру, чтобы выпустить пьесу! Такое предположение следует отнести к числу
диких предположений. В самом деле, зачем прикрываться чужой фамилией, чтобы
выпустить пьесу, которая на сцене идет под настоящей фамилией автора? Разве
чтобы иметь возможность поместить комментарии к сцене? Вздор!

Лето 1660 года ознаменовалось тем, что Мольер наконец имел возможность,
оторвавшись от текущего репертуара в Малом Бурбоне, представить на рассмотрение
короля своих «Драгоценных», 29 июля пьеса была сыграна в Венсенском лесу под
Парижем, куда выезжал молодой король, чтобы отдохнуть на лоне природы. Пьеса
имела полнейший успех. И тут выяснилось окончательно, что Людовик XIV
чрезвычайно любит театр и в особенности комедию, что опытный директор Малого
Бурбона тут же учел.

Затем труппа вернулась в Париж и повела свой репертуар, начинающий ясно
показывать, что мольеровские пьесы побивают по количеству представлений и
величине сборов все остальные пьесы как комического, так и трагедийного рода.

30 августа Мольер представил «Драгоценных» для Единственного брата короля и его
свиты в Лувре, и опять с громадным успехом. Солнце бродячего комедианта явно
поднималось. Впереди начинала мерещиться громаднейшая карьера, и в приятном
предчувствии успехов труппа вступила в осень 1660 года. И вот в октябре, через
четыре дня по смерти бедного сатирика Скаррона, успокоившегося наконец в могиле
после ужасных страданий, причиненных ему параличом, произошло необыкновенное и
даже ничем не объяснимое событие. Именно: директора Труппы королевского брата,
пользовавшейся полным успехом при дворе, изгнали из Малого Бурбона вместе со
всей его труппой.

В слезливый понедельник 11 октября в зале Бурбона появился господин Ратабон,
главный смотритель всех королевских зданий. Ратабон был загадочно сосредоточен и
вел за собою архитектора с какими-то чертежами и планами в руках, а за
архитектором толпою шли рабочие, и в руках у них были кирки, лопаты, ломы и
топоры. Встревоженные актеры обратились к господину Ратабону с вопросом о том,
что означает это появление, на что господин Ратабон сухо и вежливо объявил, что
он пришел ломать Малый Бурбон.

– Как?! – воскликнули актеры. – А где же мы будем играть?

На это господин Ратабон ответил вежливо, что это ему неизвестно.

Когда появился Мольер, дело разъяснилось вполне: Ратабон явился с великолепным и полностью разработанным проектом перестройки Лувра, причем для успешного хода этой перестройки было необходимо снести с лица земли не только Малый Бурбон, но и прилегающую к нему церковь Сен-Жермен д'Оксерруа.

Пол закачался под ногами у Мольера.

– Значит, мы без предупреждения остаемся на улице? – спросил Мольер.

Вместо ответа Ратабон только пожал сочувственно плечами и развел руками. Формально он был совершенно прав: в его обязанности ни в коем случае не входило извещать директора комедиантов о тех перестройках, которые намечает в королевских зданиях архитектор короля. И тут же в Бурбоне загремели топоры и полетела гипсовая пыль.

Гримасы исказили лицо уже прославленного директора. Он кинулся куда-то бежать, кого-то искать, и перед ним оказался секретарь театра Лагранж. Лицо того пылало ненавистью.

– Злой умысел Ратабона совершенно ясен! – зашипел Лагранж.

Справившись с первым потрясением, де Мольер бросился искать защиты у покровителя труппы – Господина. И Господин...

Но вернемся на минуту к господину Ратабону. В самом деле, в силу какой причины можно было приступить к уничтожению театра, не предупредив придворную труппу ни одним словом? Ввиду того, что никак нельзя допустить, что господин Ратабон по рассеянности не заметил, что под боком у него играют актеры, а одно время даже две труппы сразу (итальянской в момент ратабоновской истории в Париже не было, она уехала из Франции), остается признать, что сюр-интендант Ратабон умышленно не предупредил труппу об уничтожении театра.

Более того, он скрыл всякие приготовления к этому, чтобы труппа не успела принять каких бы то ни было мер к спасению своих спектаклей. Если это так, а это именно так, то возникает вопрос: что же толкнуло на это дело сюр-интенданта Ратабона?

Увы! Все в один голос утверждают, что Ратабон был направлен на это дело очень сильной компанией тех врагов, которые возненавидели Мольера и его произведения с первых же дней его появления в Париже. Не смею утверждать точно, у меня на это нет доказательств, но высказывалось предположение, что сюр-интендант был подкуплен. Но кто именно направил его руку, это не известно никому.

Итак, Господин...

Господин принял живейшее участие в судьбе труппы и о происшествии в Малом Бурбоне тотчас сообщил королю. Сюр-интендант был вызван к его величеству и на вопрос о том, что происходит в Бурбоне, дал краткий, но исчерпывающий ответ, представив королевскому вниманию план будущих колоннад и зданий.

Возник вопрос, как быть с труппой герцога Орлеанского, которая остается на улице? Молодой король разрешил этот вопрос моментально: разве у короля Франции только одно театральное здание в Париже? Представить труппе господина де Мольера театр в Пале-Рояле, ранее именовавшемся дворцом кардинала.

Тут королю, замявшись, доложили, что в пале-рояльском зале не только нельзя играть, но даже и входить в него страшно, так как в любую минуту подгнившая балка может свалиться на голову. Но и это было улажено мгновенно. Господину Ратабону было велено продолжать производить ломку в Малом Бурбоне, но одновременно с этим приступить к полному ремонту в Пале-Рояле, с тем, чтобы труппа Мольера как можно скорее могла начать там свои представления.

Тут уже господину Ратабону ничего более не оставалось, как немедленно приступить

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru к ремонту. Таким образом, спасением следующего сезона Мольер был обязан королю Людовику XIV. Театральный зал в Пале-Рояль был тот самый зал, в котором великий театральный, кардинал Ришелье, в 1641 году поставил в необыкновенно пышных декорациях, на прекрасно механизированной сцене пьесу «Мирам», в сочинении которой принимал участие. Несмотря на все технические чудеса, пьеса провалилась так, как редко бывает. Ко времени ратабоновской истории заброшенный зал пришел в полную ветхость. Балки в нем сгнили, потолки продырявились, а пол был в таком состоянии, что шагнуть было страшно – можно было сломать ногу. Но беседа с королем чрезвычайно подогрела энергию Ратабона, и в то время, когда он энергично ремонтировал Пале-Рояль, мольеровская труппа играла во дворцах у высшей французской знати. «Рогоносец» был с успехом показан у маршала де Ла Мейерей, у герцога де Роклёр, у герцога де Меркёр и у графа де Вайяк.

Но в этот период времени Мольеру пришлось играть и в более высоком обществе. Кардинал Мазарэн, опекун короля и первый министр Франции, несмотря на болезнь, приковывавшую его к креслу, изъявил желание посмотреть новые нашумевшие пьесы Мольера, и труппа играла 26 октября 1660 года в его дворце «Драгоценных» и «Шалого».

Кардинал был доволен, но гораздо больше кардинала веселился один молодой человек, скромно притаившийся за спинкой кардинальского кресла, причем присутствовавшая знать делала вид, что она не замечает молодого человека, хотя все время и косилась на него.

Лоре писал в своей газете, именуемойся «Историческая муза», несколько загадочно: «Обе пьесы понравились чрезвычайно, и не только Юлию, но и прочим Великим Особам» – причем слова «высокие особы» были написаны с больших букв. Далее Лоре свидетельствовал, что его высокопреосвященство кардинал, чтобы поощрить труппу, велел отвесить

Для Мольера и его компаньонов
Две тысячи экю миньонов.

Большие буквы в произведении Лоре понятны: за креслом кардинала притаился не кто иной, как король, который почему-то счел нужным быть на этом представлении инкогнито.

Свой успех при дворе Мольер не замедлил использовать и получил разрешение перенести из Бурбона в Пале-Рояль не только обстановку актерских уборных, но даже полностью два яруса лож. Аппетит, как известно, приходит с едой, и директор пожелал переместить в Пале-Рояль также и декорации и машины из Бурбона, но это уже не удалось. Знаменитый итальянский театральный машинист Вигарани, который прибыл в Париж, чтобы сменить не менее знаменитого машиниста Торелли, заявил, что машины ему необходимы для постановки королевских балетов в Тюильри. Возникла война, и в ней Вигарани победил. Машины остались в его руках, причем великий машинист произвел первое чудо, но вовсе не из ряда тех, которых от него ожидал двор. Именно: отвоєванные машины он все до единой сжег вместе с декорациями, чем изумил всех, кроме одного пристального человека – Шарля Лагранжа. Преданный своему театру секретарь и казначей говорил раздраженно своему директору:

– Вы знаете, мастер, этот Вигарани – форменный висельник! Он спалил декорации и машины, чтобы все забыли о работах Торелли!

– Я вижу, что он вполне театральный человек, этот Вигарани, – ответил на это Мольер.

И действительно, Вигарани был глубоко театральным человеком, то есть не выносил никаких конкурентов, что, однако, не мешало ему быть первоклассным машинистом.

Во время вынужденных гастролей во дворцах знатных людей Мольеру пришлось перенести одно испытание. Бургонцы и Театр на Болоте, пользуясь тем, что Мольер временно остался без театра, стали сманивать актеров. Они сулили золотые горы мольеровским комедиантам и утверждали, что его дело кончено и не воскреснет в Пале-Рояле.

На Мольера это подействовало очень тяжело. Он стал бледен, начал кашлять и худеть, коситься на своих актеров, смотреть на них жалкими, взволнованными глазами. В глазах этих читался вопрос: предадут или нет? Его состояние было

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru замечено труппой, и она однажды явилась во главе с Шарлем Лагранжем и сообщила Мольеру, что ввиду того, что он соединяет с необыкновенными способностями честность и приятное обращение, труппа просит его не беспокоиться: актеры не уйдут искать счастья на стороне, какие бы выгодные предложения им ни делали.

Господин де Мольер хотел сказать в ответ что-то красноречивое, как это он очень умел делать, но, взволновавшись, ничего ровно не сказал, а лишь, пожав всем руки, удалился для размышлений в одиночестве.

Глава 16.

ПЕЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РЕВНИВОГО ПРИНЦА

Не насилуйте свой талант!

Лафонтен

Крупной ошибкой, которую сделал в этот период своей жизни Мольер, была следующая: он прислушивался к тому плохому, что о нем говорят, и оскорбления, которые ему следовало оставлять без всякого внимания, задевали его. С первых же дней появления на сцене его комедий, а также маленьких шуток-фарсов, которые он ставил наряду с пьесами большого репертуара, литераторы Парижа дружно стали говорить, что Мольер – пустой гаер, не способный подняться до разрешения тем в серьезном плане. И таких лиц были десятки. Правда, им противостояли некоторые единицы, и в число их вошел знаменитый и высокоталантливый баснописец Лафонтен, ставший с течением времени лучшим другом Мольера. После первых же спектаклей Мольера Лафонтен восклицал:

– Этот человек в моем вкусе! – и говорил о том, как великолепно Мольер следует природе и правде в своих произведениях.

Так вот, вместо того чтобы прислушиваться к словам Лафонтена, Мольер прислушивался к тому, что говорят иного порядка лица. Результатом этого было то, что у Мольера возникла мысль доказать всему миру, насколько он способен вечную тему ревности, взятую в «Сганареле», разработать по-серьезному, использовав для этой цели героя из самого высшего общества. Каким-то образом он сумел, работая над «Сганарелем», писать героическую комедию под названием «Дон Гарсиа Наваррский, или Ревнивый принц».

Сюр-интендант тем временем закончил ремонт Пале-Рояля. Все было приведено в порядок, а под потолком натянули громадное голубое полотно, служившее двум целям: ласкать взоры зрителей видом искусственного неба, а главным образом для того, чтобы вода не капала на этих зрителей, так как потолок все-таки протекал, несмотря на ремонт Ратабона.

20 января 1661 года труппа Мольера вошла в Пале-Рояль, а следом за ней явилась и итальянская труппа, вернувшаяся в Париж. Опять разделили дни, но на этот раз заплатили итальянцы Мольеру – в возмещение тех расходов, которые он понес при ремонте. А понес он эти расходы потому, что отпущенных на ремонт из казны денег не хватило.

Пале-Рояль был залит светом, и черные опасения о том, что дело не воскреснет, сразу рассеялись. Публика стала восторженно принимать мольеровские пьесы, причем выяснилось окончательно, что они забывают пьесы всех остальных авторов.

Казалось бы, все шло благополучно, но тут и явился на сцену 4 февраля этот самый «Ревнивый принц». Денег на пышную постановку великосветской пьесы было истрачено очень много, а сам директор, у которого, очевидно, улетучились воспоминания о том, как в него швыряли яблоками, предстал в виде блистательного принца.

Публика с интересом приготовилась смотреть новое произведение господина Мольера и благосклонно выслушала первый монолог Эльвиры в исполнении Терезы-Маркизы Дюпарк. Появившийся дон Гарсиа начал свои пышные монологи о славных опасностях, и о блеске глаз донны Эльвиры, и о других возвышенных вещах. Монологи эти были так длинны, что во время их публика не спеша осматривала и голубое небо и золоченые ложи Пале-Рояля. Мольер играл, но на сердце у него было смутно: касса

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru дала шестьсот ливров, а театр был далеко не полон. Публика, скучая, ждала, что интересное будет в дальнейшем, но с ужасом следует сознаться, что ничего интересного она не дождалась, и огни погасли над ревнивым принцем при жидких аплодисментах.

Опытным драматургам известно, что для того, чтобы определить, имеет ли пьеса успех у публики или нет, не следует приставать к знакомым с расспросами, хороша ли их пьеса, или читать рецензии. Есть более простой путь: нужно отправиться в кассу и спросить, каков сбор. Это Мольер и сделал, причем узнал, что касса на втором представлении дала пятьсот ливров, а на третьем – сто шестьдесят восемь, на четвертом – четыреста двадцать шесть. Тогда Мольер присоединил к «Дону Гарсиа» победоносного «Рогоносца» и получил семьсот двадцать ливров. Но затем и «Рогоносец» не помог, дав сбору четыреста ливров. И, наконец, явилась на сцену губительная семерка и роковое в жизни Мольера семнадцатое февраля.

В четверг 17 февраля на седьмом представлении «Дон Гарсиа» дал семьдесят ливров. Тут уж последние сомнения директора рассеялись: и сама пьеса, и он сам в роли Гарсиа провалились окончательно и бесповоротно. Он исполнял роль принца настолько плохо, что еще до седьмого спектакля стал думать о том, чтобы передать роль другому актеру.

Провал сопровождался тем, чем сопровождается всякий провал драматурга – дикою радостью недругов, плаксивым сочувствием друзей, которое во много раз хуже вражеской радости, хохотом за спиной, траурными сообщениями о том, что автор исписался, и ироническими самодельными стихами.

Всю эту чашу Мольер испил, награжденный за свой полет в высшее общество и за сочинение растянутой и холодной пьесы.

– Эти буржуа ничего не понимают в искусстве! – рычал совершенно несправедливый директор, снимая с себя пышный наряд принца и превращаясь в того, кем он и должен был быть, то есть в Жана-Батиста Поклена. Закончил он кашлем и угрозами, что снимет в Пале-Рояле «Дона Гарсиа», но поставит его в придворных спектаклях. Рассуждал он, очевидно, так: кому же и разобраться в переживаниях принца, как не самим принцам?

Свою угрозу он привел в исполнение через год, поставив «Дона Гарсиа» при дворе. Тут он провалился так же, как и в Пале-Рояле. Тогда, уже не произнося ничего, директор Пале-Рояля кое-какие стихи из «Дона Гарсиа», которые были получше, решил перенести в другие свои пьесы, чтобы товар не пропадал зря, и с тех пор терпеть не мог, когда кто-нибудь заговаривал с ним о «Ревнивом принце».

Глава 17.

ПО СМЕРТИ РЕВНИВОГО ПРИНЦА

Большое событие произошло в начале 1661 года. Кардинал Мазарэн 9 марта скончался, а на следующий же день двадцатитрехлетний король Людовик XIV совершенно оглушил министров.

– Я призвал вас, господа, – сказал молодой король, не мигая глядя на министров, – для того, чтобы сказать вам, что настала пора мне самостоятельно управлять государством. Вы будете помогать мне советами, но лишь в тех случаях, когда я вас буду спрашивать. Отныне я запрещаю подписывать без моего приказа какую бы то ни было бумагу, будь это хоть самый незначительный паспорт. Вы ежедневно лично будете давать мне отчет в вашей работе!

Министры, а за ними и вся Франция, сразу поняли, насколько серьезный человек на престоле.

Очень понял это и де Мольер и сразу установил то место, куда нужно будет обращаться за защитой в каком-нибудь крайнем случае. А такие крайние случаи могли быть – это отчетливо показала история с «Драгоценными».

Весною этого же года Мольер закончил новую комедию под названием «Школа мужей». Пьеса была написана на тему о побеждающей страсти двух юных существ, страсти,

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
преодолевающей все препятствия, которые ей ставит грубая и деспотичная старость.

Комедия с фонарями и брачным контрактом нотариуса в финале была разыграна впервые в июне, причем Мольер выступил в роли Сганареля, а любовника Валера играл Лагранж. Успех был полный, «Дон Гарсиа» был прощен и забыт, и «Школа» прошла в очередном сезоне пятьдесят восемь раз, побив по количеству представлений все пьесы этого сезона.

Как-то вечером директор труппы сидел у себя в кабинете. Перед ним лежал приготовленный к печати экземпляр «Школы». Мольер писал посвящение своему покровителю – брату короля:

«Монсеньор! Я показываю Франции совершенно несоразмерные вещи. Нет ничего более великого и прекрасного, чем имя, которое я помещаю во главе этой книги, и ничего более низменного, чем ее содержание...»

Здесь Мольер положил перо, поправил фитили в свечах, покашлял и подумал: «За что же, в сущности, я так отзываюсь о своей комедии?» Он вздохнул, погладил бородкой пера бровь, сморщился и продолжал писать. Жирные, крупные буквы складывались в слова:

«Пожалуй, мне скажут, что это все равно, что возлагать корону с жемчугами и бриллиантами на глиняную статую или строить великолепные портики и триумфальные арки для входа в жалкую лачугу...»

– Подбавить еще лести? – пробормотал драматург. – Да, пожалуй, больше некуда.

«Я осмелился, монсеньор, посвятить вашему высочеству эту безделушку».

И подписался: «Вашего королевского высочества всепреданнейший, всепослушнейший, всевернейший слуга Жан-Батист Поклен-Мольер».

– Хорошо будет, – молвил всепреданнейший, не заметив в азарте лести, что слова о глиняной статуе, на которую возложена корона с жемчугами, звучат необыкновенно двусмысленно. В самом деле, почему же непременно комедия – это глиняная статуя, а корона – имя Орлеанского? А вдруг эту фразу нужно понимать наоборот: корона – комедия?

Как, о мой читатель, вы смотрите на подобные посвящения? Я смотрю так. Прав был Мольер, когда адресовался с посвящениями к королю и его брату. Поступи он иначе, кто знает, не стала ли бы его биография несколько короче, чем она есть теперь?

Словом, посвящение было направлено Орлеанскому и встречено благосклонно. А затем труппа стала готовиться к важным осенним событиям.

В истории человечества отмечены многие казнокрады. Но одним из самых блистательных, несомненно, был Никола Фуке, он же виконт де Мелён э де Во, он же маркиз де Бель-Иль, занимавший в описываемое нами время должность главного управляющего финансами Франции. Учинить такой грабеж государственной казны, какой учинил Фуке, редко кому удавалось. Если верить злым языкам, а им приходится верить, в конце концов Фуке совершенно потерял представление о том, где кончаются казенные деньги и начинаются его собственные. Описать то, что творилось в министерстве финансов при Фуке, невысказано. Выписывали ассигновки на уплату из истраченных уже фондов, в отчетах писали фальшивые цифры, брали взятки...

Прескучно живут честные люди! Воры же во все времена устраиваются великолепно, и все любят воров, потому что возле них всегда и сытно и весело. Фуке не был гнусным скупердям, он был широкий, элегантный казнокрад. Он окружил себя не только лучшими любовницами Франции, но и художниками, и мыслителями, и писателями, а в число последних попали и Лафонтен и Мольер.

Архитектор Лево построил для талантливой министра такой дворец в поместье Во, что даже мало удивлявшиеся в тот пышный век французы – и те удивились. Залы во дворце Во расписали знаменитые художники Лебрен и Миньяр, садовники разбили вокруг дворца такие парки и сады с фонтанами, что у каждого, кто в них побывал, возникала мысль, что он находится в раю. Этим Фуке не удовольствовался, а как бы

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru в смутном чаянии будущих событий купил целый остров Бель-Иль у берегов Бретани и на нем отстроил крепость, в которую поместил гарнизон. Несчастные сильные мира! Как часто свои крепости они строят на песке!

Как бы то ни было, но к тому времени, когда прогремела «Школа мужей», министра Фуке уже называли вершителем судеб.

Вершитель судеб решил устроить у себя в Во празднества для короля. Если что-нибудь делал Фуке, он делал это основательно. В ожидании высокопоставленных гостей он велел построить в пихтовой роще театр, заготовил чудовищное количество провизии, пригласил лучших театральных машинистов и пиротехников.

К сожалению, вершители судеб могут распоряжаться всеми судьбами, за исключением своей собственной, и Фуке не было известно только одно, что в то время, как он занимался приготовлениями к праздникам, король, наедине с неким Кольбером, знаменитым финансистом и честным человеком, проверял ведомости по министерству финансов. Проверка эта была срочная и тайная, потому что кардинал Мазарэн, умирая и отрешаясь от всего земного, посоветовал молодому королю поймать Фуке при помощи великого специалиста Кольбера. Король был молод, но он был холоден и умен. И спокойно смотрел, как Кольбер, досконально разобравшийся в делах министерства, демонстрировал ему ведомости фальшивые и ведомости настоящие.

Фуке же, увлекаемый роком, завершил приготовления к своей гибели тем, что на фронтоне своего дворца начертал латинский девиз: «Чего я еще не достигну?»

И вот в полдень 15 августа король Людовик XIV в сопровождении брата, его жены, принцессы Генриэтты, и английской королевы приехал в Во. Свидетели рассказывают, что никогда не меняющееся лицо короля будто бы дрогнуло, когда он поднял глаза и увидел девиз Фуке на фронтоне, но в следующее же мгновение королевское лицо пришло в нормальное состояние. И празднества состоялись, открывшись завтраком на пятьсот персон, после которого пошли театральные представления, балеты, маскарады и фейерверки.

Но меня не столько интересуют фейерверки и завтраки, сколько вопрос о том, каким образом в течение пятнадцати дней Мольер сумел по заказу Фуке написать, разучить и поставить целую пьесу в стихах под названием «Несносные»? Недруги Мольера утверждали, что никакого фокуса в этом не было, так как у Мольера будто бы были наброски этой пьесы. Но все-таки, даже имея наброски, в пятнадцать дней написать и поставить – чрезвычайно трудно. Тем не менее это так, 17 августа пьеса была сыграна в Во.

По-видимому, в это время Мольер вполне присмотрелся к королю Франции и определил его вкус. Король очень любил комедию, но еще более любил балет.

«Несносные» и представляли собою поэтому балет-комедию. Собственно говоря, «Несносные» не были пьесой в полном смысле слова, а представляли собой ряд выведенных один за другим, не связанных между собою и сатирически изображенных типов высшего общества.

Здесь возникает вопрос: как же Мольер осмелился представить при короле его придворных в ироническом освещении? У Мольера был совершенно точный и правильный расчет. Король отнюдь не относился хорошо к высшему дворянству Франции и никак не считал себя первым среди дворян. По мнению Людовика, его власть была божественной и стоял он совершенно отдельно и неизмеримо выше всех в мире. Он находился где-то в небе, в непосредственной близости к Богу, и очень чутко относился к малейшим попыткам кого-либо из крупных сеньоров подняться на высоту больше, чем это требовалось. Словом, лучше бы бритвой самому себе было перерезать глотку, нежели начертать такой девиз, как начертал Фуке. Людовик, повторяю, помнил, что было во время фронды, и держал гран-сеньоров в своих стальных руках. При нем можно было смеяться над придворными.

Мольер все-таки один не управился полностью с «Несносными», и пролог к этому произведению сочинил господин Пеллисон, секретарь и ближайший друг Никола Фуке.

Итак, в садах Во упал занавес. Прежде всего гостям министра предстал взволнованный Мольер, незагримированный и одетый в обычное платье. Растерянно кланяясь, он стал просить прощения за то, что он ввиду недостатка времени не сумел приготовить развлечение для великого монарха. Но не успел он – лучший из

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
театральных ораторов Парижа – договорить свое извинение, как скала на сцене распалась и среди падающих вод (вот каков был машинист Вигарани!) появилась наядда. Никто бы не сказал, что этому пленительному божеству уже сорок три года! Мадлена, по общим отзывам, была прелестна в этой роли. Она стала произносить пролог Пеллисона:

Чтоб видеть величайшего монарха в мире,
О смертные, я к вам из грота поднялась...

Лишь только она произнесла последнее слово пролога, как резко закричали гобои в оркестре и начался балет-комедия.

По окончании представления король поманил к себе Мольера и, указывая ему на егермейстера Суайэкура, шепнул ему, усмехнувшись:

– Вот еще оригинал, который вы не копировали...

Мольер ухватился за голову, засмеялся, зашептал:

– Наблюдательность вашего величества... Как же я мог упустить этот тип?!

В одну ночь он ввел новую сцену в комедии и изобразил в ней страстного охотника на оленей Доранта, помешенного на лошадях знаменитого Гаво и на лихих подвигах известного егеря Дрекара. И все со злорадством узнали в Доранте бедного егермейстера.

Это происшествие дало повод Мольеру написать королю послание, в котором Мольер сумел сказать королю много хорошего. Во-первых, что он самого себя, Мольера, причисляет к несносным, во-вторых, что только королю он обязан успехом своей комедии, потому что стоило королю одобрить ее – и все одобрили, в-третьих, что сцена с охотником, которую его величество велел ввести в комедию, есть уж, вне всяких сомнений, лучшая сцена и что вообще ни над какой сценой ни в одной из своих пьес Мольер не работал с таким наслаждением, как над этой.

Все это было хорошо, но дальше пошли некоторые излишества в том, что радость повиноваться королю для Мольера была дороже Аполлона и всех муз и что вся слава, о которой Мольер мог помышлять, это – слава человека, который увеселяет его величество.

Потомки! Не спешите бросать камнями в великого сатирика! О, как труден путь певца под неусыпным наблюдением грозной власти!

А тем временем, пока драматург улучшал свою пьесу, в парках Во начиналась другая пьеса, но не комедия, а драма.

Как-то раз, когда король проходил по дорожке парка, сопровождающий его придворный поднял валявшееся на песке письмо. Спутник короля пробежал его глазами и таинственно усмехнулся. Король заинтересовался, и спутник, невинно посмеиваясь, показал письмо королю. Увы! Это было нежное письмо фуке к некоей мадемуазель Лавальер. Можно ручаться, что если бы фуке глянул в этот момент в глаза Людовику, он немедленно бы, бросивши своих гостей, бежал из Франции, захватив с собою лишь кошель с золотыми и пистолеты. Дело в том, что скромная дворяночка Лавальер, как всем известно, была наложницей короля.

Людовик даже в молодости отличался колоссальной выдержкой, поэтому Никола Фуке весь август прожил благополучно. Король переехал в Фонтенебло, а затем, в начале сентября, отправился в Нант, где состоялся королевский совет. Когда совет кончился и усталый Фуке выходил на улицу, его тронули за локоть. Министр вздрогнул и оглянулся. Перед ним появился капитан мушкетеров.

– Вы арестованы, – сказал капитан тихо.

Вот на этих двух словах жизнь Фуке и кончилась. Далее же началось житие его, и протекло оно в Венсенской тюрьме, а затем в Бастилии. Три года разбирали следователи дело о хищениях, и в суд пришел уже не блистательный министр, а обросший и трясущийся арестант. Среди судей он увидел всех своих злейших врагов, назначенных в состав суда королем. Девять судей потребовали смертной казни для Никола Фуке, тринадцать других были человечнее и назначили Фуке вечное изгнание

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru из страны, но король счел этот приговор неправильным и заменил изгнание вечной тюрьмой.

В тюрьме Фуке провел пятнадцать лет, причем его ни разу не выпустили гулять, не давали ни читать, ни писать, не давали ни одного свидания с женой и детьми. Лишь в 1680 году – шевельнулось ли что-то в сердце короля, или забыл он образ скромной Лавальер, вытесненный другими женщинами, угасли ли воспоминания о девизе на фронтоне, – но, словом, он подписал указ о выпуске Фуке из тюрьмы.

Но этот приказ остался неисполненным. Фуке не дождался королевской милости и ушел из тюрьмы туда, где, как он, несомненно, надеялся, иной судья будет судить и его, нечестного министра, и мстительного короля, а в особенности того неизвестного, который бросил письмо на песок.

Хочу отметить важнейшее обстоятельство. В предисловии к «Несносным», выпущенном после гибели и ареста Фуке, Мольер не побоялся упомянуть, что стихи пролога принадлежат господину Пеллисону. Уверенно можно сказать, что величайшего труда стоило бы найти второго человека, который упомянул бы в печати имя друга Фуке – Пеллисона, после того, как Фуке был схвачен.

Что же касается самого Поля Пеллисона, то он повел себя не менее мужественно, написав в оправдание Фуке целое произведение под названием «Речи» и показав, таким образом, что друзей своих, каковы бы они ни были, он не предает. Король с большим вниманием прочел произведение Пеллисона и поступил с ним мягко: он заключил его в Бастилию только на пять лет.

Глава 18.

КТО ОНА?

Жеронимо. Ничего, ничего! Я говорю – прекрасная партия! Женитесь поскорей.

«Вынужденный брак»

20 февраля 1662 года в той самой церкви Сен-Жермен де Л'Оксерруа, которую господин Ратабон еще не успел разрушить, происходило венчание.

Рядом с сутуловатым, покашливающим директором пале-рояльской труппы Жаном-Батистом Мольером стояла под венцом девушка лет двадцати – некрасивая, большеротая, с маленькими глазами, но исполненная невыразимой притягательной силы. Девушка была разодета по самой последней моде и стояла, горделиво закинув свою голову.

Орган гудел над венчающимися, но ни органные волны, ни хорошо знакомая латынь не доходили до сознания жениха, сгоравшего дьявольской страстью к своей невесте. Позади венчающихся стояли пале-рояльские актеры и группа родственников, в которой можно было разглядеть старенького и седого королевского обойщика Жана-Батиста Поклена, мать Бежаров – госпожу Эрве-Бежар, Мадлену, которая стояла со странным и как бы окаменевшим лицом, и молодого Луи Бежара.

Иссушающая страсть замучила директора Пале-Рояля, и вот он овладел предметом своих желаний и привел к венцу ту самую мадемуазель Мену, она же Арманда Бежар.

Свадебный контракт говорит точно, что невеста есть мадемуазель Арманда-Грезенда-Клара-Элизабета Бежар, дочь госпожи Марии, урожденной Эрве, и покойного ее мужа, сьера де Бельвиля. Невесте – двадцать лет или около этого.

Но мы, которые хорошо познакомились со всем семейством покойного Бежара-Бельвиля и супруги его Марии Эрве-Бежар, то есть со старшим сыном Жозефом, дочерьми Мадленой и Женевиевой и младшим сыном Луи, хотели бы поближе познакомиться и с самой младшей – Армандой, которая сейчас становится женой Мольера.

Раз свадебный контракт, составленный в январе 1662 года, говорит, что невесте двадцать лет или около этого, то значит, что следы ее рождения нужно искать в 1642-м или 1643 году. И такие следы отыскиваются. В акте, помеченном 10 марта 1643 года, содержится отказ госпожи Марии Эрве от наследства после покойного ее

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru мужа, Бежара-Бельвиля, вследствие того, что это наследство обременено долгами. В акте перечислены все дети Марии Эрве, то есть Жозеф, Мадлена, Женевьева и Луи, а также маленькая девочка, «еще не окрещенная», значит, новорожденная.

Вот это, конечно, и есть та самая Арманда, которая сейчас стоит под венцом. Все совпадает. Ей – около двадцати лет, и она дочь Марии Эрве. Все, таким образом, было бы хорошо, если бы не одно обстоятельство. В акте отказа дети Марии Эрве упорно и несколько раз названы «несовершеннолетними». Величайшее изумление вызывает тот гражданский чиновник, который составлял акт, а также те почтенные свидетели, которые при этом присутствовали, а в числе их можно указать двух прокуроров, одного каретных дел мастера и портного. Дело в том, что в 1643 году Жозефу Бежару, старшему сыну, было двадцать шесть лет, а следующей за ним по возрасту Мадлене, профессиональной актрисе, к тому же имеющей собственного ребенка лет пяти, примерно было двадцать пять лет! Ни по одному законодательству, нигде, никогда ни Жозеф, ни Мадлена никак не могли сойти за несовершеннолетних.

Что же это обозначает? Это обозначает, что акт 1643 года содержит в себе ложные сведения и, следовательно, ровно ничего не стоит. А раз так, то густейшая тень подозрения падает и на эту таинственную, еще не окрещенную девочку.

Госпожа Мария Эрве родилась в 1590 году. Из этого следует, что она эту не окрещенную девочку произвела на свет приблизительно на пятьдесят третьем году своей жизни. К тому же, по-видимому, после тринадцатилетнего перерыва, потому что последний сын Луи родился в 1630 году и с тех пор ни о каких детях у Марии Эрве как будто сведений нет. Возможна ли такая внезапная и поздняя плодовитость? Возможна, но маловероятна. А вот уже что совершенно невозможно, это чтобы никто из близких друзей и многочисленных знакомых Бежаров нигде и никогда ничего не упоминал о том, что пожилая мать семейства подарила своему умирающему мужу ребенка. Никакой ребенок в этот период времени за Марией Эрве нигде не числился, кроме как в этой бумаге 1643 года.

Да и как же ему числиться? Где рожала его Мария Эрве? Неизвестно. Вы помните, наверно, что Бежары таинственно выехали за город как раз зимой, в начале 1643 года. Этот выезд в точности совпал со временем рождения девочки. Но, спрашивается, зачем Марии Эрве понадобилось удалиться из Парижа, чтобы в условиях, которые вполне заслуживают названия таинственных, родить ребенка?

Где крестили ребенка? Неизвестно. В Париже акта ее крещения никак не обнаруживается. Следовательно, крестили ее где-то вне Парижа, под Парижем, а быть может, и в отдалении от него, в провинции. Далее. Почему девочку немедленно после рождения куда-то увезли, почему-то отдали в чужие люди, а не воспитывали дома, как и всех предыдущих детей?

Какой вывод напрашивается из всех этих путаных обстоятельств? Простой и печальный вывод: никакой девочки в 1643 году Мария Эрве не рожала и солгала в акте 1643 года, приписав себе не своего ребенка. какое побуждение толкнуло ее на это?

Ввиду того, что вряд ли есть какой-либо смысл в том, чтобы подкидывать к себе совершенно постороннее дитя, возникает сильнейшее подозрение, что эта таинственная девочка была рождена одной из незамужних дочерей Марии Эрве. Вот почему произошел таинственный отъезд за город, вот почему ребенка прятали, вот почему ребенка услали! Но какая же из двух дочерей была матерью: Женевьева или Мадлена? Что касается Женевьевы, то надо сказать, что нигде не встречается ни одного указания на то, что Женевьева родила ребенка. О Женевьеве просто не приходится говорить. Не окрещенная вначале, Мену впоследствии, и, наконец, Арманда Бежар – не Женевьевин грех. И, наоборот, все решительно и всегда были убеждены, что Арманда – дочь Мадлены, и никто никогда не приписывал ее Марии Эрве. И если бы не открытие свадебного контракта, где Арманда-Грезенда-Клара-Элизабета Бежар значится дочерью Марии Эрве, – открытие, которое спутало все карты, – никто бы и имени Марии Эрве не упоминал.

Известный литератор Броссет в своих мемуарах писал так: «Депрео мне говорил, что Мольер был первоначально влюблен в комедиантку Бежар, на дочери которой он женился».

Анонимный автор пасквильной книги, называвшейся «Знаменитая комедиантка» (речь
Страница 325

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru идет об Арманде Бежар-Мольер), писал: «Она была дочерью покойной Бежар – комедиантки, которая пользовалась громадным успехом у молодых людей в Лангедоке во время счастливого рождения ее дочери...»

Словом, многие лица по смерти Мольера писали, а при жизни все знали и говорили, что Арманда – дочь Мадлены. Но, кроме этих устных и письменных сообщений, существует целый ряд тончайших, но косвенных доказательств того, что Мадлена – мать Арманды.

Когда Мольер женился на Арманде, он получил, как это видно из свадебного контракта, от Марии Эрве в виде приданого за ее дочерью Армандой десять тысяч ливров. Но мы, после того как Мария Эрве совершеннолетних называет несовершеннолетними и приписывает в акты таинственных, еще не окрещенных детей, имеем право ей ни в чем не верить. И мы не верим. Десяти тысяч турецких ливров у Марии Эрве не было. Деньги эти, как об этом дознались, дала в приданое Арманде Мадлена Бежар, единственный состоятельный человек из всей семьи. Но почему же Мадлене не быть щедрой в отношении Арманды, числящейся по актам ее сестрой? Щедрость у Мадлены неодинаковая, вот в чем дело! Когда через два года после брака Арманды выходила замуж Женевьева, та получила в приданое пятьсот ливров наличными и тысячи на три с половиной белья и мебели.

Умирая, Мадлена оставила Женевьева и хромому Луи маленькую пожизненную пенсию, а Арманде тридцать тысяч ливров.

Когда на юге возникла, как бы из воздуха, мадемуазель Мену, Мадлена окружила ее таким попечением, что никто из окружающих не верил в то, что это было сестринское попечение. Так ухаживать за ребенком могла только мать. Тут, кстати, нужно добавить, что никаких сомнений в том, что Мену и Арманда – одно лицо, нет. В противном случае мы знали бы о смерти Мену, а кроме того, никак не могли бы объяснить, откуда же в Париже появилась Арманда.

Какой же вывод мы сделаем?

Вот этот вывод: в 1662 году Мольер женился на дочери Мадлены Бежар, своей первой незаконной жены, на той самой Арманде, которая по актам ложно значится дочерью Марии Эрве.

Но самое главное впереди. А вот кто же был отцом Арманды? Прежде всего подозрение падало на Эспри де Ремона де Мормуаррона съёра де Модена, уже известного нам первого любовника Мадлены и отца ее первого ребенка – франсуазы. И сразу же выяснилось, что это подозрение неосновательно. Есть множество доказательств тому, что Мадлена одно время очень хотела, чтобы Моден свою связь с ней завершил законным браком, в силу чего она не только не старалась скрыть от людей рождение франсуазы от де Модена, но, наоборот, как мы указывали, отметила это событие в официальном акте. Появление второго ребенка от де Модена еще более связало бы Мадлену с Моденом, вполне способствуя ее брачным планам. Решительно незачем было прятать этого младенца и приписывать его своей матери. Здесь имели место совершенно противоположные обстоятельства: не моденовского ребенка укрывала от людей Мадлена при помощи сообщницы-матери, а, таинственно рожая, по-видимому, действительно под Парижем, а затем отсылая девочку в провинцию, где она сделалась мадемуазель Мену, – Мадлена прятала ребенка от Модена.

Дело в том, что кавалер де Моден вместе с Луи де Бурбоном, графом де Суассоном и герцогом Гизом вступил в 1641 году в заговор против Ришелье и в бою под Марфе 6 июля 1641 года был ранен. Парижский парламент в сентябре того же года приговорил Модена к смерти, вследствие чего Моден скрылся, первоначально в Бельгии, а затем и в пределах Франции, всячески избегая Парижа, вплоть до 1643 года, когда, по смерти Ришелье и Людовика XIII, будучи амнистирован, не получил возможности вернуться в столицу.

Нужно заметить, что и семья Бежаров, опасаясь каких-либо репрессий со стороны правительства из-за близости к их семье Модена, также покинула Париж, но странствования Бежаров происходили не в тех местах, где был Моден.

Итак, ясно, что расставшийся года на два с Мадленой Моден, вернувшись в Париж, застал бы Мадлену с чужим ребенком на руках, а это уж никак не способствовало бы укреплению связи Мадлены с Моденом.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Моден ни в коем случае не был отцом Арманды. Отцом ее, значит, был какой-то кавалер, который был близок с Мадленой летом 1642 года, тогда, когда Мадлена была на юге Франции. Со многими могла встретиться Мадлена в это время, но мы должны упомянуть одного из этих многих и даже знаем, где она его встретила. Это было на водах в Монфрене, где король Людовик XIII пил целебные воды, это было во второй половине 1642 года. Кавалер, которого встретила Мадлена, и в этом нет никаких сомнений, или был уже с нею близок, или стал близок. Этот кавалер состоял в свите короля в качестве камердинера и обойщика и звали его... Жан-Батист Поклен, впоследствии – де Мольер!

Что я хочу этим сказать?! Я не хочу ничего сказать, кроме того, что встреча в Монфрене, несомненная близость в то время Мольера и Мадлены, была причиной ужасных слухов, которые распространились о Мольере.

Автор «Знаменитой комедиантки» писал так: «...ее (Арманду) считали дочерью Мольера, хоть он и был впоследствии ее мужем...»

Когда через несколько лет после смерти Мольера Арманду вызвали в суд в качестве свидетельницы по чужому делу, адвокат одной из сторон в резкой речи пытался отвести свидетельницу, утверждая публично, что она жена и вдова своего собственного отца.

Большое значение придали письму Шапеля к Мольеру, написанному в 1659 году, письму, в котором содержатся таинственные строки: «...вы покажете эти прекрасные стихи только мадемуазель Мену, тем более что они изображают вас и ее...»

Некоторые свидетели рассказывают, что будто бы брак Арманды состоялся после столь страшных и тяжких сцен между Мольером и Мадленой, а затем между Армандой и Мадленой, что жизнь этих трех лиц стала нестерпимой, и Арманда вынуждена была почти бежать в дом своего будущего мужа.

Официальные акты указывают, что Женевьева Бешар не присутствовала ни при заключении свадебного контракта, ни при венчании Мольера, причем многие подозревают, что это было сделано в виде протеста против этого ужасного брака.

Словом, со всех сторон ползли, отравляя жизнь Мольеру, слухи, что он совершил тягчайшее кровосмешительство, что он женился на своей собственной дочери.

Какое же заключение я могу дать по этому делу? Я должен сказать, что, по моему мнению, все попытки установить, кто был отцом Арманды, обречены на неудачу. Впрочем, может быть, кто-нибудь и сделает это, или уже сделал. Я же отказываюсь вести следствие по делу о женитьбе Мольера, потому что чем глубже я проникал в дело, тем более каким-то колдовским образом передо мною суживался и темнел коридор прошлого, и тщетно я шарил в тайных углах с фонарем в руках. Ткань дела рвалась и рассыпалась в моих руках, я изнемог под бременем недостоверных актов, косвенных улик, предположений, сомнительных данных... Вот мое заключение. Я уверен лишь в том, что Арманда никогда не была дочерью Марии Бешар. Я уверен в том, что она была дочерью Мадлены, что она была рождена тайно, неизвестно где и от неизвестного отца. Нет никаких точных доказательств тому, что слухи о кровосмешении правильны, то есть что Мольер женился на своей дочери. Но нет и никакого доказательства, у меня в руках, по крайней мере, чтобы совершенно опровергнуть ужасный слух о кровосмешении.

Вот он, мой герой, стоит под венцом с девушкой, которой он вдвое старше и о которой говорят, что она его собственная дочь. Орган гудит над ними мрачно, предсказывая всевозможные бедствия в этом браке, и все эти предсказания оправдаются!

После свадьбы директор Пале-Рояля покинул свою квартиру на улице Святого Фомы Луврского и переехал с молодой женой на улицу Ришелье, захватив с собой отравляющего его жизнь лакея Провансаля и служанку Луизу Лефебр.

Там, на улице Ришелье, несчастья начались в самом непродолжительном времени. Выяснилось, что супруги совершенно не подходят друг к другу. Стареющий и больной муж по-прежнему питал страсть к своей жене, но жена его не любила. И жизнь их очень скоро стала адом.

Глава 19.

ШКОЛА ДРАМАТУРГА

Что бы ни происходило в квартире Мольера на улице Ришелье, жизнь в театре Пале-Рояль шла своим чередом. В труппу в этом году вошли новые актеры. Первый франсуа Ленуар съёр де ла Торилльер, бывший капитан кавалерии, обладавший не только хорошими актерскими данными, но также и большим деловым опытом, вследствие чего Мольер поручил ему некоторые административные функции, а второй блестящий комик Гильом Маркуро съёр де ла Брекур. Этот актер был и драматическим писателем, а кроме того, прославился как опасный бретер, не раз попадавший в тягостные истории из-за своих дуэлей.

Сезон после Пасхи 1662 года шел тихо, потому что публика уже просмотрела первые пьесы Мольера, и сборы на них ослабели. Некоторое оживление вносили лишь «Школа мужей» и пьеса Буайе «Тоннаксар». Так дело шло до декабря, когда вышла новая мольеровская пьеса «Школа жен» – пятиактная комедия.

«Школа жен» так же, как и «Школа мужей», была написана в защиту женщин и их права на выбор в своей любви и рассказывала историю ревнивого и деспотичного Арнольфа, который хотел жениться на юной Агнессе. В этой пьесе, изобилующей смешными, комедийными положениями, прозвучал какой-то надтреснутый и горький мотив в роли Арнольфа.

Когда молодая Агнесса в конце пьесы победила и ушла от Арнольфа со своим возлюбленным, исполненный отвратительных и смешных черт Арнольф стал вдруг жалким.

– Какую мерю измерить мою к тебе любовь? – вдруг, как бы сбрасывая оболочку гнусного ревнивца, страстно восклицал Арнольф. – Как мне, неблагодарная, доказать тебе ее? Заплакать горькими слезами? Или рвать волосы? Быть может, ты хочешь, чтобы я убил себя? Скажи, скажи, чего ты хочешь, и я готов, жестокая, доказать тебе, что я сгораю в пламени!

Некоторые любопытные люди обратили внимание на этот монолог Арнольфа, и иные с сочувствием, а иные со злорадством говорили, что в нем отразились личные переживания господина Мольера. Если это так, а это, увы, действительно так, можно видеть, насколько неладно протекала жизнь на улице Ришелье.

Разыграна «Школа» была превосходно, причем, помимо Мольера, игравшего Арнольфа, исключительный успех имел Брекур в роли слуги Алена.

Нужно сказать, что все события, сопровождавшие выход предыдущих пьес Мольера, решительно померкли по сравнению с тем, что произошло немедленно после премьеры «Школы жен». Во-первых, на самой уже премьере дело началось со скандала. Некий Плаписсон, усердный посетитель парижских салонов, возмущенный до глубины души содержанием пьесы, сидя на сцене, при каждой остроте или трюке обращал багровое от злобы лицо к партеру и кричал:

– Смейся же, партер! Смейся!

И при этом будто бы даже показывал кулаки партеру. Вполне естественно, что хохот партера от этого увеличивался до крайней степени.

Публике пьеса чрезвычайно понравилась, и на второе и следующие представления народ пошел валом, доведя сборы до рекордной цифры – тысячи пятисот ливров в вечер.

Что же говорили о новой пьесе литераторы и парижские знатоки театра? Первые слова их трудно было понять, потому что в салонах закипела такая ругань по адресу Мольера, что вообще невысказано было что-либо разобрать сразу. К тем лицам, которые раньше ругали Мольера, присоединились целые десятки новых. Почему так озверели литераторы, точно неизвестно. Некоторые утверждают, что до исступления их довело чувство зависти. С большой горечью следует отметить, что этому отвратительному чувству поддался и такой крупный человек, как Пьер Корнель.

Что касается актеров Бургонского Отеля, то на них после первых представлений

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
«Школы» лица не было. Но у них, надо сказать, был основательнейший повод для огорчения. Случилась неслыханная вещь: сборы у бургонцев резко упали с появлением «Школы».

Затем в Париже обнаружались наивные люди, которые всюду с озлоблением рассказывали, что это именно их Мольер вывел в виде Арнольфа, героя своей комедии. Этим, конечно, Пале-Рояль мог платить деньги за увеличение сборов!

Кто-то из зрителей распустил слух, что в «Школе жен» содержится ряд крайних непристойностей, произносимых со сцены. Вполне понятно, что после этого извещения в Париже не осталось ни одной целомудренной дамы, которая не пожелала бы лично проверить все гадости, которые Мольер позволил себе ввести в пьесу.

Гадости же эти были следующие.

Арнольф, понося модных дам, говорит, что на вопрос кавалера о том, чего угодно даме, та отвечает:

– Тарту со сливками!

Слуга Ален, поучая служанку Жоржетту, сравнивает жену с супом, который предназначен для мужа.

– Натурально, – утверждал Ален, – проголодавшийся муж никому не позволит в этот суп пальцы совать.

Арнольф говорит, что его воспитанница Агнесса настолько невинна, что полагает, будто дети появляются на свет из уха.

Возлюбленный, одурачивший Арнольфа, проник к нему в дом в его отсутствие. Ревнивец Арнольф, узнав об этом и замирая от страха при мысли, что поругана его честь, допытывается у Агнессы, что у нее взял ее возлюбленный? Агнесса долго мнется и наконец объявляет, что влюбленный в нее Орас взял у нее на память ленту.

Я не берусь судить, насколько все это действительно непристойно. Пусть судит об этом читатель Мольера. И так, пьеса вызвала настоящий вой, и в нем трудно было разобрать одинокие голоса друзей Мольера, которых можно было пересчитать по пальцам. Единственный голос, который прозвучал громко, был голос талантливейшего мыслителя и литератора Буало-Депрео.

Пусть брань твоих завистников
Течет, как мутная река.
Твоя прелестная комедия
Уйдет в грядущие века!

Дальше дело пошло хуже. Молодой человек, литератор Жан-Донно де Визе, первый выступил в печати по поводу «Школы жен». Статья де Визе показывает, что во время ее сочинения душа автора была раздираема пополам. Де Визе хотелось сказать прежде всего, что комедия не может иметь успеха, но сказать он этого не мог, потому что комедия имела оглушительный успех. Поэтому де Визе сказал, что успех комедии зависит только от того, что актеры великолепно исполняют ее, из чего видно, что де Визе был неглупый человек. Далее де Визе сообщил, что его просто огорчает то обилие непристойностей, которое есть в комедии, и попутно заметил, что интрига в ней сделана плохо. Но так как де Визе, повторяю, был неглуп, то вынужден был признать, что все-таки в пьесе есть кое-что удачное и, пожалуй, некоторые типы у Мольера так ярки, что как будто выхвачены из жизни.

Но, по-видимому, самое главное де Визе сказал в конце статьи, где сообщалось, что в скором времени в Бургонском Отеле появится новая пьеса, касающаяся мольеровской «Школы». Сообщал об этом де Визе так хитро, что хотя он и не назвал автора, но всякому сразу становилось ясно, что эта новинка будет принадлежать перу самого господина де Визе.

Как вел себя в это время Мольер? Прежде всего он посвятил «Школу» жене своего покровителя, брата короля – принцессе Генриетте Английской, и в этом посвящении по своему обыкновению вылил на принцессу целый ушат лести. Умный, прямо скажу, умный шаг! Но далее Мольер совершил роковую ошибку. Забыв, что писатель ни в

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
кчем случае не должен вступать в какие-либо печатные споры по поводу своих
произведений, Мольер, доведенный до остервенения, решил напасть на своих врагов.

Так как он владел сценой, то и нанес свой удар со сцены, сочинив и разыграв в
июне 1663 года небольшую пьесу под названием «Критика „Школы жен“».

Пьеса эта, в которой первую свою большую роль Элизы получила Арманда Мольер,
изображала в смешном виде критиков Мольера.

Идя по строго намеченному пути – всегда обеспечивать себе тыл при дворе, –
Мольер посвятил эту пьесу, в лестных и униженных выражениях, королеве-матери –
Анне Австрийской. Однако королева-мать в дальнейшем мало помогла Мольеру.

Прежде всего публика с восторгом узнала в типе Лизидаса господина де Визе, а
другая часть публики закричала, что это не де Визе, а, как живой, господин Эдм
Бурсо, тоже литератор и ярый ругатель Мольера.

Лизидас – де Визе свету невзвидел после выхода «Критики» и выступил со своей
обещанной пьесой. Она носила сложное название «Зелинда, или Настоящая критика
„Школы жен“, или Критика критики» и изображала некоего Эломира (переставьте
буквы и вы получите слово – Молиэр), который в кружевной лавке, где происходит
действие пьесы, подслушивает чужие разговоры.

Как ни хотел Бургонский Отель поставить пьесу об Эломире, он все-таки ее не
поставил, потому что при ближайшем рассмотрении она оказалась полнейшей чушью и
де Визе ограничился тем, что напечатал свое произведение и распространил по
Парижу, причем обнаружилось, что в пьесе «Зелинда» находится не столько критика,
сколько самый обыкновенный донос.

Де Визе сообщал, что десять старинных наставлений в стихах, которые Арнольф,
собираясь вступить в брак, читает Агнессе, суть не что иное, как отчетливая
пародия на десять заповедей Господних. Господин де Визе, как вы видите, ответил
весьма серьезно господину де Мольеру.

– О негодяй! – прошипел де Мольер, хватаясь за голову. – Во-первых, их не
десять! Арнольф начинает одиннадцатое...

И в голове у него завертелись начальные строчки арнольфовских наставлений:

Когда прекрасная невеста
Вступает в честный брак,
Напомнить будет ей уместно...

– Он начинает одиннадцатое! – говорил Мольер своим актерам.

– Начинает, – тихо говорили Мольеру, – но не произносит ни одного слова, кроме
слов: правило одиннадцатое, – так что запоминается, дорогой мастер, что их
именно десять.

А я к этому добавлю, что великим счастьем является то, что де Визе, по-видимому,
не знал, откуда Мольер заимствовал эти десять правил супружества! Позаимствовал
же их Мольер из творений святых отцов церкви.

События тем временем летели дальше, и ненависть к Мольеру среди литераторов все
более разгоралась. Одной из причин этого явилось то обстоятельство, что король,
который, как оказывается, внимательно следил за деятельностью своего придворного
комика, в период времени после появления «Школы жен» наградил его пенсией в
размере одной тысячи ливров в год, в воздание его заслуг, как большого
комического писателя. И пенсия-то была невелика, потому что обычно ученым и
литераторам давали гораздо больше, тем не менее награждение Мольера привело к
тому, что литераторы стали питать к нему чувство, граничащее с отвращением.

Отношения между Пьером Корнелем и Мольером окончательно развалились. Здесь,
правда, была виновата не столько пенсия, сколько чудовищный успех «Школы» и еще
одно маленькое обстоятельство: Мольер без всякого злого умысла, а шутки ради
перенес одну стихотворную строчку из трагедии Корнеля «Серториус» в финал
второго акта «Школы», вложив эту строчку в уста Арнольфа, отчего слова Корнеля
звучали комически.

Казалось бы, этот пустяк – Арнольф, обращаясь к Агнессе, повторяет слова Помпея: «Довольно! Я хозяин! Идите, повинуйтесь!» – не причинил Корнелю никакого вреда, но, несмотря на это, Корнель страшно расстроился из-за того, что с его трагическими стихами так обращаются.

Дальнейшие уроки Мольера были тяжелее. В высшем свете заговорили о том, что в «Критике „Школы жен“» Мольер вывел в смешном виде двух лиц: Жака де Сувре, рыцаря мальтийского ордена и герцога де ла Фейяда, маршала Франции и командира полка французской гвардии. Дело с Жаком де Сувре обошлось благополучно, а с де ла Фейядом кончилось скверно. Тот, подзуживаемый со всех сторон, убедился наконец в том, что это он именно выведен в «Критике» в виде маркиза, тупо и возмущенно повторяющего одну и ту же фразу «Торт со сливками!», и в злобе нанес Мольеру тяжкое оскорбление. Встретившись с драматургом в Версальской галерее, ла Фейяд, сделав вид, что хочет обнять Мольера, обхватил его, прижал к себе и драгоценными пуговицами своего кафтана в кровь изодрал ему лицо.

Горько думать о том, что Мольер ничем не отплатил герцогу за оскорбление. Сыграла ли здесь роль робость, или разница в положении комедианта и герцога, или, может быть, боязнь навлечь на себя гнев короля, яростно преследовавшего дуэли (а сам Мольер выступал в своих комедиях с насмешками над дуэлянтами), но только Мольер не вызвал герцога на поединок. Впрочем, надо полагать, что, если бы это случилось, деятельность Мольера прекратилась бы навсегда после «Критики жен», потому что ла Фейяд, без сомнения, убил бы его.

Пьеса де Визе не попала на сцену Отеля, но зато второй осмеянный Мольером в «Критике», Эдм Бурсо, был счастливее. Его пьеса, называвшаяся «Портрет художника, или Контркритика „Школы жен“», была сыграна бургонцами. В «Портрете» Бурсо вывел Мольера в качестве крайне сомнительной личности и, так же как и де Визе, упомянул про десять заповедей.

Однако король отнесся к сообщениям о заповедях равнодушно, и в Париже стали поговаривать, что будто бы он с большим интересом следит за войной, разгоревшейся между Мольером и целой фалангой его врагов, и что будто бы даже король сам посоветовал Мольеру еще раз напасть на своих врагов со сцены. Ах, дурной совет дал король Мольеру!

Господин де Мольер написал пьесу «Версальский экспромт» и сыграл ее 14 октября 1663 года. На сцене изображена была репетиция пьесы для короля, так что пале-рояльские актеры изображали самих себя. Но репетиция эта явилась для Мольера лишь предлогом, чтобы выступить со своими нападка на недругов-бургонцев.

Дело в том, что об оскорбленном комедианте с изуродованным лицом начинали говорить все хуже и хуже. Что Мольер несчастен в своем браке, в Париже уже знали, конечно. Дрянные сплетники распустили слух о том, что Арманда давно уже изменяет Мольеру. Большая тайна Мольера заключается в том, что он, осмеявший Сганарелей и Арнольфов, сам был болезненно ревнив. Можно себе представить, какое впечатление произвела на Мольера эта сплетня, выставившая его на всеобщий позор. Мольер решил, что бургонцы были причиной этого позора, и в опьянении злобы он стал издеваться над ними в «Версальском экспромте».

– Кто изображает королей среди вас? – говорил Мольер, играя самого себя, Мольера. – Как? Этот молодой человек с хорошей фигурой? Да вы смеетесь! Король должен быть большой и толстый, как четыре человека, сложенные вместе! Король должен быть, черт побери, пузат! Король должен обладать обширной окружностью, чтобы хорошо заполнить трон!

Таким образом, он унизился до того, что смеялся над физическими недостатками Захария Монфлери!

Затем пошли насмешки над декламацией актрисы Бошато, актеров Отроша и де Вилье.

Тут же попутно Мольер задел и маркизов, выражаясь о них таким образом:

– Как в древних комедиях мы видели слугу-буффона, который заставляет зрителей хохотать, в современных пьесах необходим маркиз, потешающий публику!

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Затем настала очередь Эдма Бурсо, причем выходка против Бурсо лежит за гранью того, что может позволить себе драматург в отношении другого драматурга. Нельзя же, в самом деле, коверкать со сцены чужую фамилию: «Бр... Бру... Бросо...», и называть Бурсо писателишкой. Да, несомненно, неудачный совет дал король Мольеру! Но, очевидно, наш герой чувствовал себя, как одинокий волк, ощущающий за собою дыхание резвых собак на волчьей садке.

И на волка навалились дружно: де Вилье совместно с Де Визе сочинили пьесу «Месь маркизов», а оскорбленный до глубины души за старика отца Монфлэри-младший, Антуан-Жакоб, написал пьесу «Экспромт дворца Конде».

В «Мести маркизов» с Мольером обращались уже совсем запросто, называя его пошляком, крадущим мысли у других авторов, обезьяной и рогоносцем, а в «Экспромте» Антуан Монфлэри вернул Мольеру полностью то, что Мольер предложил старику Монфлэри в своем «Экспромте». Монфлэри издевался над Мольером в роли Цезаря, и не без основания, так как известно, что Мольер в этой роли был очень плох.

Затем Театр на Болоте ввязался в травлю и тоже обругал Мольера в пьесе.

Наконец, некий Филипп де ла Круа сочинил произведение под названием «Комическая война, или Защита „Школы жен“», где справедливо заметил, что в то время, как Аполлон почивает на небесах, писатели и актеры грызутся, как псы. Де ла Круа, впрочем, признал и выразил это в словах Аполлона, что пьеса, из-за которой началась война, то есть «Школа жен», – есть хорошая пьеса.

Несчастный 1663 год закончился темным проступком разъяренного старика Монфлэри, написавшего королю формальный донос на Мольера, в котором Монфлэри обвинял Мольера в женитьбе на собственной своей дочери.

Этот донос совершенно оглушил Мольера, и неизвестно, что представил королю Мольер, чтобы снять с себя обвинение в кровосмесительстве, но нет никаких сомнений в том, что оправдываться и что-то представлять пришлось. И надо полагать, что это были акты, в которых Арманда Бежар значилась дочерью Марии Эрве-Бежар. Король счел доводы Мольера совершенно убедительными, и никакого дела не разгорелось, и тут великая война между Мольером и его врагами стала утихать.

Мой герой вынес из нее болезнь – он стал подозрительно кашлять, – усталость и странное состояние духа, причем только в дальнейшем догадались, что это состояние носит в медицине очень внушительное название – ипохондрия. А на своих плечах он вынес в вечность двух некрупных писателей: де Визе и Эдма Бурсо. Они мечтали о славе и получили ее благодаря Мольеру. Если бы не то обстоятельство, что он вступил с ними в сражение, вероятно, мы очень мало бы вспоминали об именах де Визе и Бурсо, да и о многих других именах.

Глава 20.

КУМ-ЕГИПТЯНИН

Изгрызенный червем тоски, со шрамами от дефейядовских пуговиц на лице, Мольер вступил в 1664 год в полном расцвете славы, и говорили уже, что слава эта, вылетев из Франции, поднялась над Альпийским хребтом и перекинулась в другие страны.

Как тяжело ни жили супруги Мольер, у них все же 19 января 1664 года появился на свет мальчик. В период между рождением и крещением ребенка Мольер подготовил и поставил свою новую комедию – «Вынужденный брак». Собственно, это была одноактная пьеса, но, зная, насколько король любит балет, Мольер ввел в нее многочисленные танцевальные номера, расширив ее до трех актов.

Флорентинец, тезка Мольера, талантливейший придворный композитор Джованни Балтист Люлли написал для «Брака» музыку, а королевский балетмейстер Бошан поставил в нем танцы. Пьеса потребовала сложной монтировки, денег на нее было истрачено много, но эти деньги не были брошены зря.

Чтобы угодить королю, Мольер ввел балетную часть, а чтобы угодить себе, ввел в

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru комедию двух смешных философов. Старый клермонец не забыл уроков покойного Гассенди и вывел на сцену двух ученых болванов: одного Панкрасса, – аристотелевской школы, и другого, Марфуриуса, – школы древнего скептика Пиррона.

Первый, до безумия потешая зрителей, нес дикую околесину. Второй же, в противоположность первому, был скуп на слова и до того скептичен, что советовал Сганарелю сомневаться даже в том, в чем никак не может сомневаться человек, у которого есть глаза. Так, Сганарель, придя куда-нибудь, должен был говорить вместо «я пришел» – «мне кажется, что я пришел», что, конечно, вызывало в здравомыслящем Сганареле справедливое изумление.

Две прекрасные сцены с этими двумя педантами вызвали раздражение парижского философского факультета, и непонятно, почему оно не вылилось в большой скандал, потому что, как я уже говорил раньше, смеяться над философами аристотелевской школы было крайне небезопасно.

Поводом к сочинению «Вынужденного брака» могло послужить прошумевшее в Париже недавнее приключение графа Филибера де Граммона. Этот граф пользовался таким исключительным успехом у дам, что рассказы о его приключениях наконец утомили короля, и он приказал де Граммону на некоторое время съездить в Англию. Но не успел граф появиться в Англии, как мгновенно покорило сердце фрейлины, девицы Гамильтон.

Лондонское общество, плохо знавшее де Граммона, заговорило о том, что он женится. Однако, когда настала пора, граф собрался в родную Францию, причем, прощаясь с девицей, не произнес ни одного слова, из которого было бы видно, что он собирается жениться.

Граф уже был в дуврском порту и готовился сесть на корабль, как вдруг на пристани появились двое братьев девицы Гамильтон. Первого взгляда графу было достаточно, чтобы убедиться в том, что братья собрались в какое-то серьезное предприятие: из-под плащей у братьев торчали концы шпаг, как полагается, но, кроме шпаг, при них были пистолеты. Братья приветствовали Граммона реверансами, но с такой вежливостью, которая Граммону показалась чрезмерной.

– Граф, – сказал старший, – не забыли ли вы чего-нибудь в Лондоне?

Граф ощутил дыхание ветра, который так славно поддувал на родину, поглядел на снасти корабля, на пистолеты и подумал: «Нет никаких сомнений в том, что, даже если мне удастся подстрелить старшего, мне немедленно придется драться и со вторым. В порту произойдет скучнейшая возня, и хуже всего то, что она чрезвычайно огорчит его величество. Да при сем том девица Гамильтон – очаровательная девица!..»

И граф вежливо ответил Гамильтонам:

– Да, господа, я забыл жениться на вашей сестре. Но я сейчас же возвращаюсь в Лондон, чтобы исправить это дело.

И через короткое время Граммон был женат.

Но возможно также, что Мольер почерпнул материал для комедии не из походов Филибера де Граммона, а из произведения знаменитого сатирика Рабле, описавшего похождения некоего Панурга.

Пышная комедия-балет была представлена 29 января в королевских покоях в Лувре с большим блеском, причем в балетной части выступал один исполнитель, о котором с уверенностью можно сказать, что не всякий драматург может получить такого исполнителя: в одном из балетных выходов второго акта первого египтянина танцевал в паре с маркизом Вильюа король Франции. Вот до какой степени он любил балет! Кроме короля, в спектакле принял участие его брат, игравший роль одного из поклонников жены Сганареля, и целый ряд придворных, из которых трое изображали цыган и четверо – чертей. Решительно все выразили ту мысль, что лучше всех в спектакле был первый египтянин. Мы молчим, но про себя таим мысль, что лучше всех в спектакле был Сганарель в исполнении Мольера и Панкрасс с Марфуриусом в исполнении Брекура и Дю Круази.

Из Лувра пьеса была перенесена на родную сцену в Пале-Рояль в своем одноактном

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
виде, без дорогостоящего балета, но особенного успеха не имела.

Король дал себе возможность еще раз насладиться любимым искусством, танцуя 13 февраля в другом балете, который был поставлен для него изнывающими от ревности к Мольеру бургонцами, причем в исполнении пролога к балету участвовали знаменитые Дезейе и Флоридор. Мольер же получил возможность вернуться к текущему репертуару и к делам своей семьи.

Дела эти были полны сумрачных тайн и печалей, и только блеск светильников все в той же церкви Сен-Жермен де Л'Оксерруа 28 февраля несколько рассеял мрак жизни находящегося в состоянии меланхолии Мольера. В этот день крестили первенца Мольера. Все было обставлено необыкновенно пышно и парадно. У купели стоял гвардеец с длинной алебардой, а у священника на лице был выражен необычный восторг. Дело в том, что Мольер добился исключительной чести: крестным отцом ребенка согласился быть король Франции. От имени великого кума присутствовал герцог де Креки, а от высочайше поставленной кумы Генриэтты, герцогини Орлеанской – супруга маршала дю Плесси. Ребенка, как совершенно понятно, назвали Людовиком.

Крестины произвели большое впечатление в Париже, и брань по адресу Мольера значительно стихла. Тень короля стала всем мерещиться за плечами у директора труппы, и многие из тех, которые любят становиться на сторону победителя, с увлечением рассказывали о том, что будто бы Монфлери с его доносом и слушать не стали во дворце, а выгнали почти что взашей.

Тем временем Мольер совершил переезд, который многим показался очень странным. Он покинул свою квартиру на улице Ришелье и перебрался с женою на прежнее место на угол Королевской площади и улицы Фомы Луврского, и зажил там в одном доме с Мадленой Бежар и с госпожой Дебри. Добрые знакомые сделали из этого вывод, что он вновь сошелся с верным своим и славным другом – госпожой Дебри, а другие добавили к этому: «...и с Мадленой также!»

Я не знаю, было ли это, да и неприятно рыться в чужой жизни, но несомненно, что оставаться наедине в отдельной квартире на улице Ришелье супруги Мольер уже больше не могли.

Переехав, Мольер продолжал, несмотря на тяжелое состояние духа, порывисто работать над одной большой вещью. Производил он эту работу втайне, и говорят, что очень немногие знали о ней. В числе их были: знаменитый критик и поэт Буало-Депро, который, несмотря на большую разницу лет (он был моложе Мольера на четырнадцать лет), как я уже говорил, стал лучшим другом нашего героя, и одна из умнейших и интереснейших женщин во Франции, Нинон де Ланкло, прозванная французской Аспазией, в салоне которой Мольер, без особенной огласки, читал отрывки из новой комедии.

Королю, который теперь благосклонно следил за работами своего кума, обольстившего его своими балетами, тот всеподданнейше сообщил, что пишет большую комедию о ханже и лицемере. Королю, привыкшему ожидать от директора труппы прелестнейших затей и увеселений, это очень понравилось, и придворные распространили слух, что якобы Мольер потихоньку какие-то сцены королю уже прочитал и что король давал ему авторитетные советы. Но ничего этого в действительности не было. Никаких советов король не подавал, занимаясь в кругу своих выдающихся по уму и способностям министров государственными делами и ожидая окончания отделки Версальского дворца.

Этот дворец был готов весной, и тогда же разразилось событие, которого на французской сцене еще не бывало.

Когда настал сияющий май, король предстал перед нами, но уже не в виде крестного отца и не в виде египтянина. И воистину, нужно блестящее перо Жана Расина, писавшего торжественные оды в начале своей литературной карьеры, чтобы изобразить то, что происходило в Версале в начале мая 1664 года.

В это время, то есть весной 1664 года, была закончена отделка Версальского дворца, и тогда начались грандиозные версальские празднества.

По необозримой аллее, меж стен стриженной зелени, двигался кортеж, и в голове его верхом на коне ехал король Франции. Весенние лучи били прямо в панцирь королю, и

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
можно было ослепнуть, возведя на короля взор. Сбруя на коне горела золотом, на шлеме короля сверкали алмазы. На шлемах конвоя развевались перья и танцевали под конвоем кровные кавалерийские лошади.

Шли оркестры, и трубы в них кричали так оглушительно, что казалось, будто бы их слышно за двадцать километров, в Париже. Между хорами музыки ехали колесницы, и на одной из них возвышался загримированный богом Аполлоном Шарль Варле де Лагранж. На следующих колесницах ехали актеры, одетые в костюмы знаков созвездий зодиака. Шли и ехали костюмированные рыцари, негры и нимфы. И виден был среди них на колеснице бог лесов Пан с козлиными ногами, которого изображал господин де Мольер.

Что означало все это? Трубы герольдов возвестили всему миру, что начались «Утехи Очарованного Острова» – великие версальские праздники, организованные герцогом де Сент-Эньяном по приказу короля.

Герцог превзошел все ожидания. Все, что было лучшего, было им взято для этих празднеств. Вигарани соорудил машины для театральных представлений, а королевские садовники выстригли в море версальской зелени целые театры и украсили их гирляндами и орнаментами из цветов, пиротехники приготовили еще не виданные по блеску и силе разрывов фейерверки.

И когда начались праздники, ежевечерне по садам Версаля разливалось разноцветное пламя, с неба с грохотом валились звезды, и казалось издали, что горит Версальский лес.

Мольер работал для этого праздника как лихорадочный и в очень короткий срок, заимствовав у кого-то из испанских драматургов канву, сочинил пьесу под названием «Элидская принцесса». Времени для этой работы у него было так мало, что в конце концов голова его пошла кругом, и, начав пьесу стихами, на втором акте он их бросил и закончил произведение прозой, отчего оно приобрело какой-то странный вид.

В этом галантном и пустом представлении в роли принцессы Элидской выступила Арманда Мольер. Тут весь двор увидел, каким громадным талантом обладает жена знаменитого комедианта и какую школу она прошла у него. Игра ее потрясла, и придворные кавалеры роем окружили остроумную, злоязычную женщину в лимонных шелках, расшитых золотом и серебром.

Королю «Элидская принцесса» доставила громадное удовольствие, а автору ее принесла новое горе. Опасные своей юностью, красотой и богатством кавалеры окончательно отравили ему праздники. Сплетни о его жене родились тут же, в первый день. Все они в виде ядовитых сожалений или некрасивых намеков немедленно попали в уши Мольеру, но он уж даже не огрызался, а только по-волчьи скалил пожелтевшие зубы. Очевидно, после прошлогодней войны с бургонцами ко многому привык и уж не удивлялся тому, что ходит между людей совершенно обнаженным. Кроме того, на него свалилось несчастье: королевский крестник Людовик умер тотчас после премьеры «Элидской принцессы».

Празднества тем временем шли своим порядком, и в цветочных театрах оркестры играли мелодии Люлли, и капали огни с неба, и приближался шестой, роковой день «Утех». В этот день, 12 мая, Мольер, предупредив короля, что пьеса еще не готова, показал двору и королю три акта из этой самой таинственной пьесы о ханже, называвшейся «Тартюф, или Лицемер».

Я буду краток! В этой пьесе был изображен полнейший и законченный мошенник, лгун, негодяй, доносчик и шпион, лицемер, развратник и соблазнитель чужих жен. Этот самый персонаж, явно опасный для окружающего общества, был не кем иным, как... священнослужителем. Все его речи были переполнены сладкими благочестивыми оборотами, и, более того, свои пакостные действия герой на каждом шагу сопровождал цитатами из... Священного писания!

Я не считаю нужным ничего прибавлять к сказанному. Это представление было разыграно в присутствии короля, королевы-матери, религиознейшей женщины, и бесчисленных придворных, среди которых многие были ревностными членами прогремевшего несколько ранее духовного общества Компании святых даров, развившего такую усиленную деятельность по охране религии и чистоты нравов в государстве, что даже правительство одно время пыталось его закрыть.

Комедия о Тартюфе началась при общем восторженном и благосклонном внимании, которое тотчас же сменилось величайшим изумлением. К концу же третьего акта публика не знала уже, что и думать, и даже у некоторых мелькнула мысль, что, может быть, господин де Мольер и не совсем в здравом уме.

Среди духовных лиц, конечно, попадают всякие, хотя бы тот самый аббат Рокет, ставший впоследствии епископом Отенским, которого Мольер знал в незабвенное лангедокское время, когда Рокет прославил себя перед всей паствой изумительно скверным поведением, или бывший адвокат Шарпи, превратившийся в проповедника и соблазвивший жену придворного аптекаря, или известный бордоский францисканец отец Итье, отличившийся во времена фронды неслыханными предательствами, и некоторые другие. Но все-таки изображать на сцене то, что было изображено Мольером... Нет, согласитесь, это чересчур!

Многострадальные светские маркизы привыкли уже к тому, что король их отдал как бы в аренду на растерзание Мольеру. Сганарели, лавочники получили то же, что им полагалось... Но в «Тартюфе» Мольер вторгся в такую область, в которую вторгаться не полагалось!

Возмущение созрело с необычайной быстротой и выразилось в гробовом молчании. Случилась неслыханная вещь. Комедиант из Пале-Рояля одним взмахом своего пера испортил и прекратил версальские празднества: королева-мать демонстративно покинула Версаль!

А далее события приняли очень серьезный характер. Перед глазами короля вдруг возникла огненная мантия и предстал перед ним не кто-нибудь, а архиепископ города Парижа кардинал Ардуен де Бомон де Перефикс, и он очень настойчиво и внушительно умолял короля тотчас же прекратить представление «Тартюфа». Компания святых даров говорила только об одном – о том, что Мольер слишком опасен. Это был первый, а быть может, и единственный случай в жизни короля, когда он почувствовал себя изумленным после театрального представления.

И вот настал момент, когда оба кума остались наедине. Некоторое время они молча созерцали друг друга. Людовик, который с детства имел манеру выражаться кратко и ясно, почувствовал, что слова как-то не идут с его языка. Выпятив нижнюю губу, король искоса глядел на побледневшего комедианта, и в голове у него вертелась такого рода мысль: «Однако этот господин де Мольер представляет собой довольно интересное явление!»

Тут кум-комедиант позволил себе сказать следующее:

– Так вот, ваше величество, я хотел всеподданнейше испросить разрешение на представление «Тартюфа».

Изумление поразило кума-короля.

– Но, господин де Мольер, – сказал король, с великим любопытством глядя в глаза собеседнику, – все единодушно утверждают, что в вашей пьесе содержатся насмешки над религией и благочестием!

– Осмелюсь доложить вашему величеству, – задушевно ответил покумившийся с королем артист, – благочестие бывает истинным и ложным...

– Это так, – отозвался крестный отец, не спуская взора с Мольера, – но опять-таки, вы извините меня за откровенность, все говорят, что в вашей пьесе нельзя разобрать, над каким благочестием вы смеетесь, над истинным или ложным? Ради Бога, извините меня, я не знаток в этих вопросах, – добавил к этому как всегда вежливый король.

Помолчали. А потом король сказал:

– Так что я уж вас попрошу эту пьесу не играть.

Закончив столь неудачно праздники, король 16 мая отправился в Фонтенебло. Мольер двинулся за ним, а за Мольером по следам двинулась, все более расцветая, история с «Тартюфом».

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
В фонтенебло «Элидскую принцессу» смотрел среди других посол папы римского и его родственник кардинал Киджи, приехавший во Францию для переговоров. «Принцесса» понравилась кардиналу, и Мольер устроил так, что кардинал пригласил его читать «Тартюфа». Мольер прочитал кардиналу пьесу, причем ко всеобщему удивлению, папский легат любезно сказал, что он не видит в комедии ничего неприемлемого и оскорбления религии в ней не усматривает. Мольера очень окрылила рецензия кардинала, померещилась возможность добиться защиты пьесы со стороны святейшего престола. Но этого не случилось, к сожалению. Не успел король обосноваться как следует в фонтенебло, как ему было представлено напечатанное в Париже с очень большой быстротой произведение юре церкви святого Варфоломея отца Пьера Руле. Адресовано это произведение было так: «Славнейшему из всех королей мира, Людовику XIV» – и полностью касалось «Тартюфа».

Почтенный юре был человек темпераментный и выражался совершенно ясно. По его мнению, Мольер является отнюдь не человеком, а демоном, лишь облеченным в плоть и одетым в человеческое платье. И ввиду того, полагал Пьер Руле, что адский огонь все равно совершенно обеспечен Мольеру, то и следует означенного Мольера, не дожидаясь этого адского огня, сжечь перед всем народом вместе с «Тартюфом».

Мольер, познакомившись с произведением отца Пьера, немедленно подал прошение королю, в котором в отчаянных выражениях просил защиты и сравнивал короля с Богом.

Людовик XIV терпеть не мог, когда ему делали указания на то, как и с кем он должен поступить. Поэтому Руле со своим проектом аутодафе никакого решительно успеха не имел. Более того, как будто Руле с его нелепым предложением приняли плохо.

Тут, между прочим, обнаружился, кроме римского кардинала, еще один защитник «Тартюфа». Это был грубый и неприятный в обращении, но умный и любознательный Великий Конде. В то время, когда возник «Тартюф», итальянцы сыграли фарс «Скарамуш-отшельник», в котором в крайне отрицательном свете был изображен монах. Король, который не переставал пребывать в состоянии недоумения по поводу истории с «Тартюфом», сказал Конде, посмотревши «Скарамуша»:

– Я не понимаю, почему они так набросились на «Тартюфа»? Ведь в «Скарамуше» содержатся гораздо более резкие вещи.

– Это потому, ваше величество, – ответил ему Конде, – что в «Скарамуше» автор смеется над небом и религией, до которых этим господам нет никакого дела, а в «Тартюфе» Мольер смеется над ними самими. Вот почему они так разъярились, сир!

Но и выступление Конде не помогло Мольеру. Что же сделал автор злосчастной пьесы? Сжег ее? Спрятал? Нет. Оправившись после версальских потрясений, нераскаявшийся драматург сел писать четвертый и пятый акты «Тартюфа».

Покровитель Мольера Орлеанский, конечно, заставил Мольера разыграть «Тартюфа» для него, и тот сыграл летом в замке Вилье-Котрэ три акта, а когда закончил пьесу, то полностью разыграл ее в Рэнси у Конде.

Да, пьеса была запрещена, но не было никакой возможности остановить ее распространение, и она в списках стала расходиться по Франции. Мало этого, слух о ней проник в другие европейские страны. В то время в Риме проживала отрекшаяся от престола шведская королева Христина-Августа, в высшей мере образованная и эксцентричная женщина, любительница искусств и наук. До этого экс-королева бывала и во Франции, где, между прочим, ознаменовала свое пребывание в фонтенебло тем, что подослала к своему любовнику маркизу Джованни Мохельдески убийц, которые и прикончили маркиза в конце 1657 года.

Новообращенная в католичество экс-королева Христина крайне заинтересовалась «Тартюфом» и официально просила Францию, чтобы ей любезно представили экземпляр пьесы: королева хотела ее поставить за границей. Тут французские власти попали в щекотливое положение, но все же сумели под какими-то предлогами королеве в ее просьбе отказать.

Когда больной, кашляющий и уже раздражавшийся при виде людей Мольер вернулся после фонтенебло к своим пале-рояльским делам, выяснилось, что сборы в театре падают. «Принцесса Элидская» шла, правда, успешно, но слишком дорого стоила.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Принятая театром пьеса входящего в моду первоклассного драматурга Жана Расина «Фиваида» больших сборов не делала. Смерть «Тартюфа» резала во всех отношениях директора.

И, пережив еще одно тяжелое огорчение – умер толстый Гро-Рене Дюпарк – и заменив его новым комиком, Юбером, специалистом по исполнению ролей старух, Мольер стал подумывать о том, что должно было заменить «Тартюфа».

Глава 21.

ДА ПОРАЗИТ ГРОМ МОЛЬЕРА!

Он погрузился в изучение испанских легенд. Ссорясь с женой, ворча и кашляя, он сидел у себя в кабинете над фолиантами и марал бумагу. Образ прелестного соблазнителя, Дон-Жуана Тенорио, соткался перед ним во время ночных бдений и поманил его. Он перечитал пьесу монаха Габриэля Тельеса, известного под псевдонимом Тирсо ди Молина, затем пьесы итальянцев о том же Дон-Жуане. Тема бродила по разным странам и привлекала всех, в том числе и французов, и совсем недавно и в Лионе, и в Париже французы играли пьесы о Дон-Жуане, или Каменном госте, который в руках первого переводчика испанской пьесы, принявшего слово «гость» за слово «пир», превратился в «Каменный пир».

Мольер увлекся и стал писать своего собственного Дон-Жуана и сочинил очень хорошую пьесу со странным фантастическим концом: его Дон-Жуан был поглощен адским пламенем.

Премьера была сыграна 15 февраля 1665 года. Дон-Жуана играл Лагранж, его слугу Сганареля – Мольер, Юбер – Пьеро, дона Луи – хромым Бежар, Диманша – Дю Круази, ла Раме – господин Дебри, двух крестьянок, обольщаемых Дон-Жуаном, Шарлотту и Матюрину, играли госпожа Дебри и Арманда, которая вновь была беременна на четвертом месяце.

«Дон-Жуан, или Каменный пир» уже на премьере дал тысячу восемьсот ливров сбора. Затем сбор пошел вверх и дошел до двух тысяч четырехсот ливров.

Парижане были потрясены «Дон-Жуаном». Следовало бы ожидать, что автор, потерпевший тяжелый удар в связи с «Тартюфом», немедленно раскается и предъявит публике произведение, не затрагивающее устоев и вполне приемлемое. Не только этого не случилось, но скандал по поводу «Дон-Жуана» получился не меньший, если не больший, чем по поводу «Тартюфа», и в особенности потому, что «Дон-Жуан» зазвучал со сцены, а «Тартюф» все-таки был известен только ограниченному кругу людей.

Герой Мольера Дон-Жуан явился полным и законченным атеистом, причем этот атеист был остроумнейшим, бесстрашным и неотразимо привлекательным, несмотря на свои порочные качества, человеком. Доводы Дон-Жуана были всегда разительны, как удары шпагой, и этому блистательному вольнодумцу, в виде оппонента, Мольер представил лакея его, Сганареля, трусливую и низменную личность.

Ревнителю благочестия были совершенно подавлены, а затем подавленность их сменилась яростью. Появились первые статьи о «Дон-Жуане». Некий Барбье д'Окур, выступивший под псевдонимом Рошмон, требовал примерного наказания для господина Мольера и при этом напоминал, что император Август казнил шута, насмехавшегося над Юпитером. Помимо Августа, он упомянул и о Феодосии, который авторов, подобных Мольеру, бросал на растерзание зверям.

За Рошмоном выступил другой писатель, который заметил, что хорошо было бы, если бы автор был поражен молнией вместе со своим героем. За этим автором появился вновь, на сей раз в последний раз, наш старый знакомый, благочестивый принц Конти. В своем специальном сочинении, посвященном комедии и актерам, он заявлял, что «Дон-Жуан» представляет совершенно открытую школу неверия, причем надо заметить, что принц рассуждал очень остроумно.

– Нельзя же, в самом деле, – говорил он, – заставить Дон-Жуана произносить дерзновенные речи, а защиту религии и божественного начала поручить дураку-лакею. В какой же мере он может противостоять своему блистательному

Вообще говоря, пожелания о том, чтобы директора Пале-Рояля поразил небесный гром, раздавались все чаще и чаще. Самое сильное впечатление во всей пьесе произвела действительно странная сцена между Дон-Жуаном и нищим, в которой тот на вопрос Дон-Жуана: чем занимается он? – отвечал, что он молится целый день за благополучие тех людей, которые ему подают что-нибудь. В ответ на это Дон-Жуан заявил, что человеку, который молится целый день, не может житься плохо. Нищий, однако, признался, что он очень нуждается. Тогда Дон-Жуан сказал, что, значит, его хлопоты плохо вознаграждаются на небе, и предложил ему луидор, но только с тем, чтобы бедняга побогохульствовал. Нищий отказался это сделать, и Дон-Жуан отдал ему этот луидор, по его выражению, из человеколюбия.

Эта сцена обратила против Мольера даже тех, кто относился к нему сравнительно благоприятно, и финальный удар молнией, которой автор поразил своего героя, решительно никого не удовлетворял. Короче говоря, Донжуан прожил на сцене недолго и после пятнадцатого представления был запрещен.

Не мешает добавить, что благодаря «Дон-Жуану» Мольер поссорился еще с целой корпорацией ученых людей в Париже, именно – с врачами, допустив по их адресу резкие насмешки в комедии.

Нажив себе, таким образом, новых врагов, Мольер вступил в глухой сезон. Томительное лето тянулось долго и безрадостно. Дома приходилось ссориться с беременной и ставшей раздражительной женой и яростно и бесполезно ругаться по поводу падения сборов в кассе. Бороться же с этим падением после потери «Тартюфа» и «Дон-Жуана» было очень трудно.

Когда настроение духа становилось совершенно невыносимым, на помощь приходило вино, и небольшая компания, состоящая из старых одноклассников Мольера и Клода Шапель, а кроме них – Лафонтена, Буало и восходящей звезды – Жана Расина, собиралась время от времени то в кабачке «Белого барана», то в «Еловой шишке». Председательствовал во время этих собраний шумный Шапель, больше всего на свете любивший выпить. Надо полагать, что, если бы эта компания, в особенности во главе с Мольером, появилась в наши дни в любом из ресторанов Франции, ее угощали бы даром!

Театральные дела тем временем шли своим порядком. В июне по приказу короля в Версале играли пьесу «Кокетка», написанную женщиной-драматургом, мадемуазель де Жарден. Пьеса была разыграна в открытом театре в саду, причем актеров поразило необыкновенное количество апельсиновых деревьев, которыми был украшен театр.

4 августа Арманда разрешилась от бремени и принесла своему мужу дочь. Крестным отцом девочки стал наш старый знакомый Эспри Ремон де Моден, а крестной матерью – Мадлена. Роман старых любовников давно закончился, де Модена и Мадлену связывала теперь тихая и грустная дружба, и в честь бывших любовников, а ныне кума и кумы, девочку назвали Эспри-Мадленой, соединив их имена.

Через несколько дней после рождения мольеровской дочери произошло знаменитое событие, очень оживившее труппу. В памятную пятницу 14 августа 1665 года, когда труппа была в Сен-Жермен ан Ле, король объявил съеру де Мольеру его высочайшее повеление: отныне труппа переходит в собственное ведение короля и будет носить название Труппы короля в Пале-Рояле. В связи с этим труппе назначается содержание в размере шести тысяч ливров в год.

Ликование актеров было чрезвычайно велико, и на королевскую милость нужно было ответить как должно. Мольер и ответил немедленно, если бы не одно обстоятельство: он очень сильно хворал. Весь организм его расстроился. У него появились какие-то изнурительные боли в желудке, по-видимому, нервного происхождения, которые почти никогда не отпускали его. Кроме того, он все сильнее и сильнее кашлял, а однажды произошло кровохарканье. В связи с этим к Мольеру был вызван консилиум врачей.

Но лишь только Мольеру стало легче, он показал такой эксперимент в области драматургии, какой, можно ручаться, не удастся никакому драматургу в мире. Каким образом можно сделать такую вещь, мне непонятно: в течение пяти дней он сочинил, прорепетировал и сыграл трехактную комедию-балет с прологом. Эта пьеса, показанная 15 сентября в Версале и называвшаяся «Любовь-целительница, или

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Врачи», доставила королю большое удовольствие. Затем ее перевели в Пале-Рояль, и там она стала давать приличные сборы, причем и вокруг нее разыгрался обычный для Мольера скандал.

На сей раз был серьезнейшим образом оскорблен весь французский медицинский факультет, потому что в пьесе были выведены четыре врача, и все они представляли собою чистокровных шарлатанов.

Что же привело Мольера к ссоре с докторами? По Парижу ходила дешевенькая версия, что будто бы де Мольер потому так оплевал врачей, что жена его Арманда поссорилась с квартирной хозяйкой – женой врача. Та будто бы повысила Арманде квартирную плату, за это будто бы Мольер выгнал супругу доктора из театра, а у супруги была в руках контрамарка, которую ей дала Дюпарк... Словом, глупая сплетня, и дело вовсе не в этом.

Мы уже знаем, что Мольер все время хворал, хворал безнадежно, затяжным образом, постепенно все более впадая в ипохондрию, изнурявшую его. Он искал помощи и бросался к врачам, но помощи от них он не получил. И, пожалуй, он был прав в своих нападках на врачей, потому что время Мольера было одним из печальнейших времен в истории этого великого искусства, то есть медицины. Мольеровские врачи в большинстве случаев лечили неудачно, и всех их подвигов даже нельзя перечислить. Гассенди, как мы уже упоминали, они уморили кровопусканиями. Совершенно недавно, в прошлом году, один из врачей отправил на тот свет лучшего друга Мольера, Левайера, трижды напоив его рвотной настойкой, абсолютно противопоказанной при болезни Левайера.

Ранее, когда умирал Мазарэн, четверо врачей, вызванных на консилиум к кардиналу, стали предметом посмешища у парижан, потому что вынесли четыре разных диагноза. Словом, мольеровское время было темное время в медицине.

Что же касается чисто внешних признаков, отличавших врачей, то можно сказать, что люди, разъезжающие по Парижу верхом на мулах, носящие мрачные длинные одеяния, отпускающие бороды и говорящие на каком-то таинственном жаргоне, конечно, просто-напросто просились на сцену в комедии. И в «Любви-целительнице» Мольер их вывел на сцену в количестве четырех. Они носили имена, которые для Мольера, хихикая за ужином, придумал Буало, воспользовавшись греческим языком. Первый врач назывался Дефонандрес, что значит убийца людей. Второй – Баис, что значит лающий. Третий – Мокротон, что значит медленно говорящий, и, наконец, четвертый – Томес – кровопускатель.

Скандал вышел большой, потому что публика тотчас же узнала в них четырех придворных врачей: Эли Беда съера де Фужере, Жана Эспри, Гено и Вало, причем последний числился не просто придворным врачом, а первым доктором короля. Года четыре спустя после представления пьесы этот Вало уморил жену королевского брата Генриэтту, но не кровопусканием, а назначив ей настойку опиума, которую назначать не следовало.

Консилиум четырех шарлатанов на сцене шел под величайший смех публики, и немудрено, что ненависть к Мольеру среди врачей достигла после представления «Любви-целительницы» необыкновенной степени.

Но сборы эта пьеса значительно выправила на пале-рояльской сцене. Правда, не меньшую роль в этом отношении сыграли некоторые пьесы посторонних авторов, и среди этих авторов нужно отметить бывшего врага Мольера – Донно де Визе. Ему наконец удалось написать хорошую пьесу – «Мать-кокетка». Мольер примирился с ним, взял пьесу для постановки, и пьеса де Визе имела успех.

Главная надежда возлагалась на пьесу Жана Расина «Александр Великий». Пьеса была прорепетирована, и премьеру ее Пале-Рояль показал 4 декабря 1665 года.

Но тут молодой друг Мольера Жан Расин совершил поступок, который очень поразил Мольера. Пале-рояльская труппа в том же декабре с ужасом узнала, что Бургонский Отель начал репетировать «Александра Великого» и что это делается с ведома Расина. Лагранжу, который играл Александра, стало известно, что ему придется состязаться с Флоридором, и директор Пале-Рояля просто схватился за голову, потому что ясно было совершенно, что сборы на «Александра» упадут при параллельной постановке в Бургонском Отеле.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Когда у Расина попросили объяснения насчет того, на каком основании он отдал уже играющую пьесу в конкурирующий театр, тот отозвался тем, что исполнение «Александра» в Пале-Рояле ему не нравится и что, по его мнению, в Бургонском Отеле эта пьеса разойдется лучше.

Тут дружбу двух драматургов разрезало, как ножом, и Мольер возненавидел Расина.

Глава 22.

ЖЕЛЧНЫЙ ВЛЮБЛЕННЫЙ

Уйду искать тот отдаленный край на земле...

«Мизантроп»

После измены Расина Мольер вновь заболел, и его все чаще стал навещать его постоянный врач Мовилэн, который, по-видимому, не так уж плохо понимал свое дело. Но и Мовилэну было трудно с точностью определить болезнь директора Пале-Рояля. Вернее всего было бы сказать, что тот был весь болен. И несомненно, что, помимо физических страданий; его терзала душевная болезнь, выражающаяся в стойких приступах мрачного настроения духа. Весь Париж, в глазах директора, затянуло неприятной серой сеткой. Больной стал морщиться и дергаться и часто сидел у себя в кабинете, нахохлившись, как больная птица. В иные минуты им овладевало раздражение и даже ярость. В такие минуты он не мог собою управлять, становился несносен в обращении с близкими и однажды, впад из-за какого-то пустяка в бешенство, ударил своего слугу.

Лечить Мольера было очень трудно. Он просил лекарств, и Мовилэн обильно выписывал ему всевозможные снадобья и назначал врачебные процедуры, но предписания врача больной выполнял неаккуратно. Больной был очень мнителен, старался понять, что происходит у него внутри, сам у себя щупал пульс и сам себе внушал мрачные мысли.

В январе 1666 года Расин нанес Мольеру последний удар. Вдова Дюпарк объявила, что переходит в Бургонский Отель. Выслушав эту новость, Мольер злобно заявил, что в этом нет ничего удивительного, он понимает, что Терезу-Маркизу сманил ее любовник Расин.

Помогли ли лекарства Мовилэна, или справился с приступом болезни сам организм, но в конце февраля Мольер вернулся к регулярной работе в театре. В течение весенних месяцев он написал новую пьесу, назвав ее «Мизантроп, или Желчный влюбленный». Это была пьеса о честном и протестующем против людской лжи и вследствие этого, конечно, одиноком человеке. Мольеровскому доктору следовало бы хорошенько изучить это произведение: в нем, несомненно, отразилось душевное настроение его пациента. Вероятно, впрочем, доктор Мовилэн знал пьесу.

Несмотря на то что «Мизантроп» знающими людьми был признан одним из самых сильных произведений Мольера, у публики он большого успеха не имел. Премьера прошла вяло. Один из зрителей, знакомый Расина, желая сделать ему приятное, рассказал, что он был на премьере и что «Мизантроп» провалился. Очень следует отметить то, что ответил злорадному человеку ненавидимый Мольером Расин. Он сказал:

– Да, вы были? А я не был. Тем не менее я вам не верю. Не может быть, чтобы Мольер написал плохую пьесу. Вы пойдите и еще раз посмотрите!

Начало «Мизантропа» ознаменовалось одной историей, которая причинила беспокойство Мольеру. Впрочем, мы знаем, что без этого трудно представить себе мольеровскую пьесу. Парижане, по своему обыкновению, стали искать портретов в этой пьесе и разнесли слух, что герой пьесы Альцест есть не кто иной, как воспитатель дофина герцог де Монтозье. Слух этот мгновенно дошел до герцога. Он не имел никакого представления о пьесе Мольера, но сразу же решил, что ежели Мольер вывел его, то, уж конечно, в смешном виде. Герцог пришел в ярость и заявил, что при первой же встрече он изобьет Мольера до смерти палкой. Угрозы герцога были переданы Мольеру услужливыми друзьями и вызвали в человеке, у которого и так было нарушено душевное равновесие, невероятный ужас.

Мольер стал всячески стараться, чтобы не встретиться с Монтозье, но эта неизбежная встреча состоялась. Когда король смотрел «Мизантропа», Монтозье тоже явился на спектакль. Мольер решил отсидеться за кулисами, но когда спектакль окончился, к нему явились и сказали, что герцог Монтозье просит его прийти, чтобы с ним поговорить. Ужас Мольера дошел тогда до болезненной степени, и удивленным гонцам пришлось уверять, что Монтозье не собирается причинить ему какое-нибудь зло. Тогда Мольер, бледный и с дрожащими руками, предстал перед герцогом. Тут ужас его сменился изумлением, потому что Монтозье обнял его и в самых лучших выражениях стал благодарить его, заявляя, что ему лестно было служить оригиналом для портрета такого благородного человека, как Альцест. При этом герцог наговорил драматургу множество комплиментов и с той поры стал относиться к нему с необыкновенной симпатией. Интереснее всего то, что Мольер, создавая своего Альцеста, даже и в мыслях не имел герцога Монтозье.

Однако, несмотря на успех при дворе и на хорошие качества пьесы, сборов в Пале-Рояле хороших она все-таки не делала, и актеры похаживали вокруг своего директора и умильно просили у него какую-нибудь новинку, ссылаясь на то, что даже «Аттила», пьеса старика Пьера Корнеля, которую тот дал в Пале-Рояль, малонадежна в смысле будущего.

Глава 23.

МАГИЧЕСКИЙ КЛАВЕСИН

Выпрашиваемой новинки актеры добились и 6 августа 1666 года разыграли новый фарс Мольера «Лекарь поневоле». Фарс был прелестный, понравился парижанам чрезвычайно и дал прекрасные сборы, принеся около семнадцати тысяч ливров в сезон. Сам же Мольер, пожимая плечами, заявил, что этот фарс – безделица и чепуха и что не о фарсах нужно думать, а о том, что бы приготовить для торжественных празднеств, которые намечаются на декабрь месяц в Сен-Жермен ан Ле. Тут следует отметить большое событие, случившееся гораздо ранее этих празднеств и «Лекаря поневоле», но именно в этом году.

Во Франции в то время существовала одна детская труппа, носящая название Труппы комедиантов дофина. Управляла ею госпожа Резен, супруга органиста Резена. Некоторое время труппа играла в провинции, а затем появилась в Париже. Супруг госпожи Резен отличался, по-видимому, великолепными изобретательскими способностями и, напрягая их в должной мере, изобрел в конце концов магический клавесин, который мог играть разные пьесы по выбору Резена, без всякого прикосновения к нему рук человеческих. Само собою разумеется, что на публику волшебный инструмент произвел сногшибательное впечатление, и, когда слух о нем достиг короля, клавесин велено было продемонстрировать во дворце. Демонстрация эта дала плачевный результат: королева упала в обморок при первых же звуках инструмента, который заиграл сам собою. Король, которого, очевидно, трудно было поразить сомнительными чудесами, велел открыть инструмент, и тут на глазах у ахнувших зрителей из клавесина вытащили скорчившегося, замученного и необыкновенно грязного мальчишку, который играл на внутренней клавиатуре.

Мальчугана звали Мишель Барон. Он был сыном покойного комедианта Бургонского Отеля Андре Барона и выступал в детской труппе госпожи Резен.

Подростки дали несколько спектаклей в Пале-Рояле, причем выяснилось, что тринадцатилетний сирота Барон отличался редкой красотой, а кроме того, такими актерскими способностями, которых, пожалуй, и не было еще видано.

Мольер заявил всем, что это будущая звезда французской сцены. Он извлек Барона из рук госпожи Резен и взял его к себе в дом на воспитание. Разошедшийся с женой и не связанный с нею ничем, кроме общей квартиры и театральных дел, одинокий и больной директор необыкновенно привязался к талантливому мальчишке. Он нянчился с ним, как с сыном, старался исправить его буйный и дерзкий характер и учил его театральному искусству, причем в короткий срок добился очень больших результатов.

Награжден был за это Мольер, первым долгом, самым скверным слухом из всех, которые когда-либо о нем распространялись. Увидев, насколько Мольер нежен с

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Бароном, добрые люди стали рассказывать, что комедиант любит мальчика вовсе не отцовской любовью, а любовью противоестественной, и что он соблазнил и развратил Барона.

Осложнен был вопрос пребывания Барона в мольеровском доме тем, что Арманда невзлюбила мальчугана. И трудно было понять, в чем тут дело. Очень возможно, что большую роль в этом сыграло то обстоятельство, что Мольер стал писать для Барона специальную роль Миртила в героической пасторали «Мелисерта», которую Мольер готовил для декабрьских королевских празднеств.

Эти, носившие название «Балет муз», празднества начались в Сен-Жермене в декабре. Большой балет, либретто которого написал специалист-либреттист Исаак де Бенсерад, пошел с большим успехом, тем более что в нем опять-таки танцевал сам король, а с ним – мадемуазель Лавальер. Но когда дело дошло до «Мелисерты», то ее удалось сыграть только один раз, и сорвали дальнейшие представления Арманда и Барон. Перед самым представлением «Мелисерты» разъяренная до предельной степени не то развязным поведением Барона, не то тем обстоятельством, что она в «Мелисерте» отходила на второй план, получив небольшую роль пастушки Эроксены, Арманда дала пощечину Барону.

Гордый, как дьявол, мальчишка бросился к Мольеру и категорически заявил, что он уходит из труппы. Мольер чуть не плакал, умоляя его остаться, но Барон стоял на своем, и директору еле удалось его уговорить не срывать хотя бы премьеру и сыграть Миртила. Барон на это согласился, один раз сыграл, а затем имел смелость явиться к королю, пожаловаться ему на Арманду и просить разрешения уйти из мольеровской труппы.

Король ему это позволил, и Барон вернулся в первобытное состояние, то есть отправился к госпоже Резен. Мольер был в неопишемом горе. Заменить в Миртиле Барона было некем, «Мелисерту» пришлось снять, и в короткое время Мольер набросал пустую и ничтожную пастораль под названием «Коридон», с какими-то танцующими цыганами, волшебниками, демонами и тому подобными персонажами. «Коридон» вошел в «Балет муз», но спасло это произведение только то обстоятельство, что Люлли сочинил для него очень милую музыку.

Кроме «Коридона», Мольер ввел в празднества третью вещь – одноактную комедию-балет «Сицилиец, или Любовь художника», и ее сыграли 5 января 1667 года.

После сен-жерменских праздников Мольер слег, захворав на этот раз очень серьезно. У него открылись легочные кровотечения. Тут близкие Мольеру люди очень забеспокоились, и доктора велели Мольеру немедленно уехать из Парижа. Это был хороший совет. Мольера увезли в деревню и стали лечить правильно, отпаивая молоком. Удалось поставить его на ноги в июне месяце, так что он мог вернуться в театр и играть в летнем сезоне.

Глава 24.

ОН ВОСКРЕСАЕТ И ВНОВЬ УМИРАЕТ

Странно, что наши комики никак не могут обойтись без правительства. Без него у нас не развяжется ни одна драма.

Гоголь. «Театральный разъезд»

Год 1667-й был годом значительным и никак не походил на предыдущий глухой год. Те два человека, за жизнью которых я слежу, король Франции и директор труппы Пале-Рояля, в этом году разработали две мысли.

Королевская мысль была величественна, как и следует ожидать, и заключалась в том, что супруга его Мария-Терезия, дочь испанского короля Филиппа IV, скончавшегося два года тому назад, имеет наследственное право на испанские владения, находящиеся в Нидерландах. К обстоятельной разработке этой мысли король и приступил.

Мысль же королевского комедианта была, конечно, менее значительна, но манила его ничуть не меньше, чем короля его замысел о присоединении к Франции новых земель.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

Когда под влиянием лечения подозрительные розоватые пятна на щеках Мольера исчезли, а глаза его утратили нехороший лихорадочный блеск, он извлек из шкафа рукопись «Тартюфа» и стал исправлять ее. Прежде всего Тартюфа он переименовал в Панюльфа, затем совлек с Панюльфа духовное одеяние и превратил его в светского человека. Затем он выбросил многие цитаты из Священного писания, всячески смягчил острые места и как следует поработал над финалом.

Финал этот замечателен. Когда мошенник Тартюф, он же Панюльф, уже торжествовал и разорил честных людей и когда, казалось, от него нет уже никакого спасения, все-таки спасение явилось, и, конечно, изошло оно от короля. Добродетельный полицейский офицер, свалившийся как бы с неба, не только в самый нужный и последний момент схватывает злодея, но еще и произносит внушительный монолог, из которого видно, что пока существует король, честным людям беспокоиться нечего и никакие мошенники не ускользнут от орлиного королевского взгляда. Слава полицейскому офицеру и слава королю! Без них я решительно не знаю, чем бы господин де Мольер развязал своего «Тартюфа». Равно как не знаю, чем бы по прошествии лет ста семидесяти примерно, в далекой и холодной моей родине другой больной сатирик развязал бы свою довольно известную пьесу «Ревизор», не прискочи вовремя из Санкт-Петербурга жандарм с конским хвостом на голове.

Закончив поправки и с удовлетворением просмотрев их, автор стал делать хитрые круги возле короля. А тот, в свою очередь, поднявшись на большую высоту, стал плавно кружить в воздухе, не спуская глаз с лежащих под ногами Нидерландов. В то время, пока испанские юристы тонко и обстоятельно доказывали, что Мария-Терезия, а следовательно, и Людовик XIV никак не могут претендовать на испанские владения, король, решив, что дело слишком затягивается, вывел его из юридической плоскости. Все у него было уже готово. Его министры обеспечили соглашение с Португалией, Англией и другими странами, и в воздухе вдруг наступила зловещая тишина, которая обычно бывает перед большим шумом. В Париже началось оживление. Роскошно разодетые кавалеры вдруг стали серьезны, начали уклоняться от развлечений и облеклись в боевые плащи.

Директор труппы Пале-Рояль счел момент удобным. Он предстал, оболъстительно улыбаясь, перед королем, показал ему рукопись, рассказал о том, как он исправил пьесу. Король, благосклонно глянул на комедианта и, думая о чем-то другом, вероятно, произнес что-то неопределенное, вроде того, что он, собственно, ничего не имеет против этой пьесы... Глаза у Мольера вспыхнули, и тут он исчез из глаз короля.

Кавалера де Мольера мгновенно сменил вызванный королем маршал Тюреннь, и не успели в Испании и Нидерландах осмыслить случившееся, как французская боевая конница обрушилась на Нидерланды. Началась война.

Далекие от пушечного грохота господин Мольер и его комедианты, находясь в величайшем волнении, репетировали «Тартюфа» под новым названием «Обманщик». 5 августа, в незабвенный день премьеры, публика хлынула в Пале-Рояль. Сбор дошел до тысячи девятисот ливров, и успех был огромный. Но на другой же день в Пале-Рояль явился пристав парижского парламента, и вручил господину Мольеру официальное от Гильома де Ламуаньона, первого президента парламента, предписание немедленно прекратить представления «Обманщика».

Мольер бросился к герцогине Орлеанской, и та отправила одного из своих приближенных к президенту. Тот ответил, что, к великому сожалению, ничего не может сделать, так как нет разрешения короля на представления «Обманщика». Тогда Мольер, захватив с собою верного друга Буало, который был в хороших отношениях с Ламуаньоном, отправился к президенту. Президент принял господина Мольера очаровательно и не только не истязал автора никакими упреками в безбожии, и не только не называл его пьесу опасной, но, наоборот, отдал должное таланту господина Мольера, произнеся всевозможные комплименты. Ламуаньон был совершенно вежлив, но в конце разговора на представления «Обманщика» выдать разрешение отказался категорически, впредь до решения этого дела королем.

Ни за одну из своих пьес Мольер не боролся так упорно, как за «Тартюфа». Он призвал верного товарища, ученика и своего друга Лагранжа, а с ним съера ла Торилльера, попросил их сейчас же броситься в почтовую карету и лететь во Фландрию, в королевскую ставку.

Лагранж и ла Торилльер взяли с собою тысячу ливров и уложили в сумку длинное

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
прошение Мольера, в конце которого тот просил короля защитить его, Мольера, от бешеной злобы тех Тартюфов, при существовании которых нечего и думать о сочинении комедий, хотя бы и самых невинных. В этом же прошении Мольер уверял короля, что своей пьесой он хотел лишь развлечь монарха после его славного похода, он хотел одного – заставить улыбнуться того, при имени которого трепещет вся Европа... Мольер обнял Лагранжа и ла Торилльера, и 8 августа карета, уносившая их во Фландрию, скрылась в тучах пыли на дороге.

Слова «Тартюф» и «Обманщик» не сходили с языков в Париже, и 11-го числа грянула новость. Весь Париж стал читать послание архиепископа. Оно было составлено очень внушительно и начиналось так:

«Так как нашим фискалом нам было доложено, что в пятницу, пятого числа сего месяца, в одном из театров города была представлена, под новым заглавием „Обманщик“, опаснейшая комедия, которая тем вреднее для религии, что под предлогом осуждения лицемерия и мнимого благочестия она дает повод осуждать всех, кто обнаруживает и истинное благочестие...»

В Париже ахали, читали послание, враги Мольера радовались, театралы, не успевшие попасть 5-го числа в театр, досадовали, а архиепископ говорил дальше в своем послании, что он, зная, насколько опасно оскорбление благочестия, в особенности в то время, когда великий король подвергает свою жизнь опасности ради государства и когда надлежит возносить пламенные молитвы о сохранении его священной особы и о даровании ему победы, он, архиепископ, запрещает не только представлять, но также читать или слушать эту комедию как публично, так и в каких-либо частных собраниях, под страхом отлучения от церкви. Архиепископ приказывал настоятелям церкви святой Марии Магдалины и святого Северина следить за выполнением его приказа.

«Дано в Париже за нашу печатью лета тысяча шестьсот шестьдесят седьмого августа одиннадцатого дня».

Удельный вес этого послания был слишком значителен, это было понятно даже наивным людям, и парижане поняли, что дело «Обманщика» проиграно. Но Мольер сделал еще одну попытку отбить свое дорогое творение. Кто-то из его друзей, быть может, группа их выпустила письмо в защиту «Обманщика». Говорят, что сам Мольер принимал участие в сочинении его. Но это письмо ничему не помогло.

Тут Париж опротивел Мольеру. Он прекратил спектакли в Пале-Рояле впредь до возвращения Лагранжа и Торилльера, отправился в деревню Отейль под Парижем и там у съера де Бофора нанял за четыреста ливров в год квартиру. Де Бофор предоставил Мольеру кухню, столовую, спальню, две комнаты в мансарде и право гулять в парке. Кроме того, Мольер за отдельную плату в двадцать экю нанял комнату на тот случай, если кто-нибудь из друзей приедет навещать его в Отейле. Он уговорился с Армандой, что Эспри-Мадлену он возьмет с собою и отдаст ее в частный пансион в Отейле. Также условились, что кухарка Лафоре будет приезжать в Отейль готовить в тех случаях, когда у Мольера будут гости, а для повседневных услуг он нанял служанку Мартину. В отейльскую мансарду он привез с собою Плутарха, Овидия, Горация, Цезаря и Геродота, а также трактат по физике, сочиненный его приятелем Роо, с авторской надписью Мольеру.

Так скрылся из Парижа автор «Тартюфа».

Впрочем, комната для приезжих друзей долго не пустовала, и въехал в нее верный и настоящий друг Клод Шапель. Въехав, он прочно засел в ней, обставив себя бутылками с вином. Это он утешал своего одноклассника и разгуливал с ним по желтеющему парку съера Бофора. В сентябре, когда листья в этом парке совсем пожелтели, в Отейль явились, даже не смыв с себя дорожной пыли, Лагранж и Торилльер. Обнявшись с директором, гонцы-комедианты сообщили, что король находится в добром здравье, что поход победоносен, крепости и города падают к его ногам. Что же касается «Тартюфа», то прошение король принял благосклонно, но вопрос о постановке велел отложить впредь до его возвращения с войны.

Король вел войну свою храбро и выиграл ее, господин де Мольер не менее храбро воевал за своего «Тартюфа», но был побежден. Он воскресил своего Лазаря, но тот прожил только один вечер 5 августа.

Глава 25.

АМФИТРИОН

Мольер не любил деревни и природы. Наш комедиант был настоящим городским человеком, сыном Парижа. Но несчастная семейная жизнь и никогда не прекращающаяся многолетняя работа истощили его, и отейльское изгнание стало для него необходимым. Он ограничил свою связь с Парижем. Бывая только в театре и при дворе, а дни, свободные от спектаклей, проводил в отейльской мансарде, глядя, как меняется в разные времена года бофоровский парк. Шапель вообще прочно поселился в Отейле, а кроме того, время от времени наезжали другие друзья: Буало и Лафонтен, к которым иногда присоединялся граф Гиейерак, дипломат и большой любитель произведений Мольера, и граф де Жонзак, приятель Шапеля.

Компания приезжала в Отейль, чтобы отрывать Мольера от работы, болтать на литературные темы, читать вслух чужие дурные стихи и сочинять эпиграммы, в том числе и на архиепископа парижского Перефикса. Собрания обычно заканчивались ужинами в комнате Шапеля, причем эти ужины чрезвычайно полюбились всем и в особенности Жонзаку.

Для одного из ужинов Шапель закупил почему-то двойную порцию вина. Мольер чувствовал себя плохо, он только заглянул на минутку к веселой компании, пить отказался и ушел к себе. Оставшиеся же ужинали до трех часов ночи, и в три часа ночи им стало ясно, что жизнь отвратительна. Речи держал преимущественно Шапель. Отейль давно уж уснул, и давно прокричали петухи.

– Вся суета сует и всяческая суета! – кричал зловеще Шапель, грозно указывая куда-то пальцем.

– Мы с тобой совершенно согласны, – ответили ему собутыльники, – продолжай, Шапель!

Тут Шапель опрокинул на себя стакан красного вина, что еще более его расстроило, и продолжал:

– Да, бедные мои друзья, все суета! Оглянитесь кругом и ответьте мне, что вы видите?

– Мы не видим ничего хорошего, – согласился с ним Буало и горько поглядел вокруг.

– Наука, литература, искусство – все это суетные, пустые вещи! – кричал Шапель. – А любовь! Что такое любовь, несчастные мои друзья?

– Это обман, – сказал Жонзак.

– Совершенно верно! – отозвался Шапель и продолжал: – Вся жизнь – это печаль, несправедливости и несчастья, которые окружают нас со всех сторон. – И тут Шапель заплакал.

Когда расстроенные друзья несколько утешили его, он закончил горячим призывом:

– Что же делать нам, друзья? Если жизнь такая черная яма, то надлежит, не медля, ее покинуть! Друзья мои, идемте топиться! Гляньте, там за окном река, которая манит нас к себе!

– Мы последуем за тобой, – сказали друзья, и вся компания стала пристегивать шпаги и надевать плащи, чтобы идти к реке.

Шум усилился. Тогда раскрылась дверь, и на пороге показался закутанный в плащ, в ночном колпаке, с огарком в руке Мольер. Он увидел залитую красным вином скатерть, оплывшее сало в свечах.

– Что у вас делается? – спросил он.

– Невыносима наша жизнь, – плача, сказал ему Шапель, – прощай, Мольер, навсегда. Мы идем топиться.

– Это хорошая мысль, – ответил Мольер печально, – но нехорошо с вашей стороны, что вы забыли меня. Ведь я же ваш друг.

– Он прав! Это было свинством с нашей стороны! – закричал расстроенный Жонзак. – Идем вместе с нами, Мольер!

Тут друзья расцеловали Мольера и вскричали:

– Идем!

– Ну что ж, идти так идти, – сказал Мольер, – но вот в чем дело, друзья. Нехорошо топиться ночью после ужина, потому что люди скажут, что мы сделали это с пьяных глаз. Не так делаются эти дела. Мы ляжем сейчас, поспим до утра, а в десять часов, умывшись и приведя себя в приличный вид, с гордо поднятой головой пройдем к реке, чтобы все увидели, что мы утопились, как настоящие мыслители.

– Это гениальная мысль! – вскричал Шапель и вновь расцеловал Мольера.

– Я разделяю твое мнение, – отозвался Жонзак и совершенно неожиданно заснул, положив голову между стаканами.

Около часу истратил Мольер, чтобы с помощью Мартины и двух слуг освободить будущих утопленников от шпаг, париков и кафтанов и каждому устроить ложе. И когда все пришло в порядок, он ушел к себе, но так как сон был уже нарушен, сидел и читал до солнца.

На следующее утро массовое самоубийство было почему-то отменено, но почему – это истории неизвестно.

Говорят, что в индийской литературе существует интересный, но очень непристойный рассказ о том, как один из богов, приняв облик человека, соблазнил его жену в его отсутствие. Когда муж вернулся, то для того, чтобы разобраться, кто настоящий муж, суд устроил любовное состязание между двумя претендентами, причем победил, конечно, бог.

Бродячий сюжет о боге, принимающем облик мужа, был разработан греческим автором Еврипидом и римским – Плавтом. Занимались этим сюжетом и французы, и драматург Ротру сочинил пьесу под названием «Созий», которая была сыграна в 1636 году. Произведя заимствования у этих перечисленных писателей, Мольер написал – хорошими стихами, с оригинальными рифмами – комедию под названием «Амфитрион» и сыграл ее впервые 13 января 1668 года. Она прошла двадцать девять раз в текущем сезоне и дала наивысшие сборы. Следующие места по количеству спектаклей заняли пьесы «Модная вдова» привившегося в театре де Визе, мольеровский «Сицилиец» и «Аттила» старика Корнеля. Но в смысле сборов они значительно отстали от «Амфитриона».

По своей манере посвящать пьесы высокопоставленным лицам «Амфитриона» Мольер посвятил светлейшему принцу Конде, введя в это посвящение остроумное замечание о том, что имя великого Конде, конечно, правильнее было бы поставить во главе армии, нежели во главе книги.

Май 1668 года стал одним из великих месяцев царствования Людовика XIV. Король присоединил к Франции часть Фландрии и заключил мир с Э-ла-Шапель. Чтобы ознаменовать великие успехи, были устроены празднества во вновь разбитых садах Версаля. И придворный драматург Мольер для этих праздников написал трехактную комедию в прозе под названием «Жорж Данден, или Одураченный муж». В пьесе действовал буржуа, который, мечтая о родстве с аристократами, женился на аристократке и стал несчастным человеком, потому что жена его нагло обманывала.

Когда пьеса была уже готова и о содержании ее узнали, друзья предупредили Мольера, что в Париже есть человек, который, несомненно, узнает себя в Жорже Дандене, произведет страшнейший шум и предпримет какие-нибудь вражеские действия. Мольер поблагодарил за предупреждение и сказал, что он найдет способ примирить этого человека с пьесой. В тот же вечер многоопытный директор, встретив на спектакле того буржуа, который мог узнать себя в Дандене, подошел к нему и, осведомившись о том, когда у буржуа есть свободное время, сказал любезно, что ему хотелось бы прочитать у него свою новую пьесу. Потрясенный

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru буржуа заявил, что он свободен в любую минуту, например, завтра вечером, и немедленно после спектакля поехал сзывать к себе гостей.

– Не навестите ли вы меня завтра? – говорил он, разъезжая из конца в конец по Парижу. – Проведем вечер. Да, кстати, – добавлял он сурово, – Мольер просил позволения прочитать у меня свою новую пьесу.

На следующий день Мольер еле протиснулся к столику в гостиной у буржуа, столько было народу, а хозяин со времени этого чтения стал задушевым поклонником Мольера.

Сведущие люди очень интересовались вопросом о том, откуда Мольер взял материал для «Жоржа Дандена» Одни говорили, что он взял его у Боккаччио, другие добавляли, что Боккаччио заимствовал тему из одного стихотворного рассказа XII века.

– Но автор этого сборника XII века заимствовал свой рассказ у индусов, взяв для этого произведение, написанное за сто лет до Рождества Христова, – так говорили третьи.

Четвертые, самые ученые, добавляли ко всему этому, что, написанное по-индийски первоначально, это произведение было переведено на персидский язык, с персидского на арабский, с арабского на древнееврейский, с древнееврейского на сирийский, с сирийского на греческий, а уже с греческого на латинский в XII веке.

Но если уж дело дошло до сирийского языка, скажем мы, будучи пятыми, – то вопрос о мольеровском плагиате, по-нашему, надлежит считать законченным. Следует полагать просто, что Мольер написал хорошую комедию «Жорж Данден».

За «Данденом» в скором времени последовала другая, я бы сказал, очень значительная комедия, под названием «Скупой». Чтобы сразу покончить с вопросом о плагиате, говорю, что заимствована она Мольером у Плавта, римского автора. Чья лучше? Мольеровская, по общим отзывам, гораздо сильнее. «Скупой» был принят публикой холодно и больших сборов не сделал. Говорят: причина этого в том, что публика мольеровского времени не привыкла еще к прозаическим вещам и предпочитала пьесы, написанные стихами.

Таким образом, можно считать, что отейльский воздух хорошо действовал на больного Мольера: 1668 год был годом плодотворным.

В последние дни этого года, именно 11 декабря, ушла из жизни Тереза-Маркиза Дюпарк, прославив себя перед смертью исполнением расиновской Андромахи в Бургонском Отеле. Покинула мир обольстительная танцовщица, сделавшаяся ко времени зрелости большой трагической актрисой. И де Мольер простил коварной комедиантке все ее измены и пожелал мира ее праху.

Глава 26.

ВЕЛИКОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ

Кто осветит извилистые пути комедиантской жизни! Кто объяснит мне, почему пьесу, которую нельзя было играть в 1664-м и 1667 годах, стало возможным играть в 1669-м?

В начале этого года король сказал, призвав к себе Мольера:

– Я разрешаю вам играть «Тартюфа».

Мольер взялся за сердце, но справился с собой, поклонился королю почтительно и вышел. Он тотчас же начал репетиции. Роль Тартюфа была поручена Дю Круази, сам Мольер играл Оргона, Юбер – госпожу Пернель, Торилльер – Клеанта, Лагранж – Валера, Марианну – госпожа Дебри и Эльмиру – Арманда. Премьера воскресней пьесы, которая теперь носила название «Тартюф, или Обманщик», состоялась 5 февраля. Сказать, что пьеса имела успех, этого было бы мало. Премьера «Тартюфа» была театральным событием в Париже, сбор дошел до цифры, никогда не бывавшей, – двух

В день премьеры как раз Мольер написал королю письмо:

«Сир! Один очень честный доктор, у которого я имею честь лечиться, обещает мне продлить мою жизнь еще на тридцать лет, если я испрошу для него у Вашего величества одну милость. Я ему сказал в ответ на это, что не прошу у него так много и буду удовлетворен, если он обяжется хотя бы не убивать меня.

Эта милость, государь, – должность каноника в Вашей Венсенской капелле, вакантная в настоящее время. Осмелюсь ли я просить еще и это у Вашего величества именно в день великого воскресения „Тартюфа“, совершившегося по Вашей доброте? Благодаря ей я примирился с ханжами. Благодаря ей же я примирюсь с врачами.

Без сомнения, слишком много сразу милостей для меня, но, быть может, это не так много для Вашего величества!

С почтительной надеждой я ожидаю ответа на мое прошение».

Речь шла о месте каноника для сына доктора Мовилэна.

Король вызвал к себе Мольера, и опять, как несколько лет назад, после первого представления трех актов «Тартюфа», они остались наедине. Король поглядел на Мольера и подумал: «Однако как он постарел!»

– А что делает этот врач для вас? – спросил король.

– Сир! – ответил ему Мольер. – Мы болтаем с ним о разных разностях. Время от времени он прописывает мне лекарства, и так же аккуратно, как он мне их прописывает, я их не принимаю и всегда выздоравливаю, ваше величество!

Король засмеялся, и сын доктора Мовилэна мгновенно получил желанное место каноника.

«Тартюф» прошел в сезоне тридцать семь раз, и, когда сводили отчет по окончании сезона, выяснилось, что «Скупой» дал десять с половиной тысяч ливров, «Жорж Данден» – шесть тысяч, «Амфитрион» – две тысячи сто тридцать ливров, «Мизантроп» – две тысячи, «Родогюн» Пьера Корнеля – странную цифру в восемьдесят восемь ливров, а «Тартюф» – сорок пять тысяч.

Глава 27.

ГОСПОДИН ДЕ ПУРСОНЬЯК

– Однако меня удивляет, что в этой стране совершенно не соблюдают форм судопроизводства.

– Да, я вам уже докладывал, что здесь начинают с того, что повесят человека, а потом уж разбирают его дело!

«Господин де Пурсоньяк». Действие 3-е

Люди, которые жили вместе с моим героем, один за другим начинают покидать мир. Через двадцать дней после премьеры «Тартюфа» скончался одряхлевший отец Мольера – Жан-Батист Поклен. Ах, давно прошли те времена, когда начинающий комедиант бегал к отцу и просил у него деньжонок, приводя его в ужас. К концу жизни отца все изменилось: не раз знаменитый сын выручал старого Поклена в трудных обстоятельствах.

Итак, отец ушел, а сын продолжал работать. Осенью 1669 года Людовик велел устроить празднества в Шамборе, и для этих празднеств де Мольер сочинил фарс-балет под названием «Господин де Пурсоньяк».

Речь шла о лиможском дворянине Пурсоньяке, который, приехавши в Париж, был высмеян и одурачен парижанами. Парижане говорили, и, по-видимому, с полным основанием, что оригинал, давший повод изобразить на сцене Пурсоньяка, находился

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru в то время в Париже. Некий лиможец, приехав в столицу, попал в Пале-Рояль на представление и, сидя на сцене, повел себя безобразно. Почему-то он поссорился с актерами и грубейшим образом их обругал, за что Мольер и вывел его на всеобщее посмешище. Говорили, будто бы провинциальный гость, посмотрев «Пурсоньяка», узнал себя и расстроился настолько, что хотел подавать на Мольера в суд, но почему-то не подал.

Другие говорили, что изображение в смешном виде лиможца на сцене было актом мести со стороны Мольера за то, что когда-то в Лиможе его освистали и забросали яблоками. Это маловероятно. Неужели Мольер стал бы мстить за то, что было двадцать лет тому назад? Да и не в одном Лиможе швыряли яблоками в Мольера!

А вот что лиможцы неоднократно подвергались насмешкам не только со стороны Мольера, но и со стороны других авторов, это верно, и причина этого была в том, что лиможцы действительно отличались многими неприятными, смешными и грубыми чертами, которые, конечно, бросались в глаза наблюдательным и острым парижанам. Вот почему и до Мольера лиможцев выводили в литературе, придумывая для них смешные и грубоватые фамилии.

С того времени как Мольер впервые затронул в своих комедиях врачей, он не переставал возвращаться к ним, найдя в медицинском факультете неисчерпаемый клад для насмешек. И в «Пурсоньяке» введены сцены со смешными врачами и аптекарями, но, помимо врачей, задеты в комедии и юристы. Таким образом, мы можем видеть, что Мольер не зря изучал когда-то право и знаниями своими воспользовался, чтобы осмеять крючкотворство.

Фарс, по общему мнению, вышел у Мольера поверхностным и грубоватым, но смешным. Роль Пурсоньяка играл сам Мольер, а Юбер – смешную женскую роль Люсетты-гасконки. Фарс был сыгран впервые 6 октября 1669 года в Шамборе для короля, а затем перенесен на пале-рояльскую сцену, где пользовался прекрасным успехом. Он дал в сезоне наивысшие сборы, забив даже «Тартюфа», а следом за «Тартюфом», но значительно отставая, пошли «Жорж Данден» и «Скупой». Этот сезон, когда шел «Пурсоньяк», замечателен тем, что из тринадцати пьес, которые в нем были разыграны, двенадцать были мольеровские.

Глава 28.

ЕГИПТЯНИН ПРЕВРАЩАЕТСЯ В НЕПТУНА, НЕПТУН – В АПОЛЛОНА, А АПОЛЛОН – В ЛЮДОВИКА

Король, признающий только необыкновенные вещи во всем, что бы он ни предпринимал...

Такое начало да не пугает читателя: оно принадлежит не мне, а придворному драматургу Мольеру. Но продолжаю я. Итак, стремясь к необыкновенным вещам, король приказал в начале 1670 года устроить пышные праздники в Сен-Жермен ан Ле и назвать их «Королевский дивертисмент».

Вследствие этого королевская труппа во главе с Мольером 30 января прибыла в Сен-Жермен, чтобы играть там пятиактную комедию-балет, называющуюся «Блистательные возлюбленные». Желая угодить королю наилучшим образом, в пьесе своей, сюжет которой был предложен самим королем, де Мольер превзошел самого себя. В пышной комедии и интермедиях действовали не только принцессы, военачальники, жрецы, но также нимфы, тритоны, вольтижеры на деревянных лошадях и даже какие-то танцующие статуи.

Сам Мольер играл в «Возлюбленных» придворного шута Клитидаса, а в балетных номерах участвовали многие придворные кавалеры. Сидя на скалах, они изображали морских богов и тритонов, и очень большие способности при этом обнаружили граф д'Арманьяк, маркиз де Вильруа, Женганы – старший и младший – и многие другие. Под грохот труб и стук жемчужных раковин поднялся из морской пучины бог Нептун, и все узнали в нем короля. Затем по ходу дивертисмента, король переоделся, и в последней интермедии, в освещении бенгальским огнем, явился как бог солнца Аполлон. Бог Аполлон танцевал под восторженный шепот придворных.

Все шло необычайно гладко, и казалось, что и в следующие дни увеселений не умолкнет хор, восхваляющий короля, затем посыплется изящные стихотворения, и

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru дамы будут вздыхать, рассказывая, как пленителен был король в греческом одеянии. Но случился совершенно непредвиденный казус, чрезвычайно огорчивший съёра де Мольера. На следующий день после первого представления вдруг стали затихать восторженные отзывы о танцах короля, а потом и совсем утихли. В придворном журнале почему-то ни одним словом не было упомянуто, что король участвовал в спектакле. А еще через несколько дней на вопросы наивных людей о том, как чувствует себя король после выступления в театре, высшие придворные отвечали сухо:

– Его величество не участвовал в спектакле.

Дело очень быстро разъяснилось. Оказывается, что королю тотчас после представления попала в руки только что написанная трагедия Расина «Британник», в которой, между прочим, заключаются следующие строки, касающиеся римского императора Нерона:

Он выступает в спектаклях перед римлянами,
Расточая свой голос в театре,
И произносит стихи и хочет, чтобы их обожали,
В то время как солдаты исторгают для него аплодисменты!..

Вот и все. Но лишь только Людовик XIV прочитал это место, выступления его в театре были тотчас же прекращены.

– Чума бы взяла этого Жана Расина! – хрипел, кашляя и плюя, директор Пале-Рояля.

Когда закончились сен-жерменские торжества, Мольер погрузился в заботы очередного летнего сезона. В апреле покинул труппу, выйдя в отставку, хромой Луи Бежар, прозванный Острым. Двадцать пять лет работал с Мольером хромоногий актер. Он начинал мальчишкой и вместе с Мольером ходил за волами в жару по южным дорогам и играл молодых комических слуг. К концу своей деятельности он прославил себя бесподобным исполнением «хромоногой собаки», как выражался Гарпагон, – продувного слуги Лавлеша в «Скупом». Луи Острый устал, и труппа под председательством Мольера на торжественном заседании составила акт, согласно которому обязалась уплачивать Луи Бежару пожизненный пенсион в размере одной тысячи ливров в год все время, пока труппа будет существовать. И Острый Луи удалился на покой.

Чтобы пополнить труппу, Мольер пригласил двух провинциальных актеров, мужа и жену. Жан Питель, он же Боваль, начал свою карьеру с должности гасильщика свечей, а затем перешел на актерское положение. Жена Жанна де Боваль специализировалась на исполнении ролей королей в трагедиях и субреток – в комедиях. Мольеру пришлось истратить много сил, чтобы обучить супругов своей системе и избавить их от провинциальных манер на сцене.

1670 год должен весь пройти под знаком непрерывных увеселений и празднеств у короля в различных его резиденциях. Цепь этих увеселений ненадолго была прервана печальным событием: умерла в руках неудачливого доктора Вало жена Орлеанского, Генриэтта. Двор облекся в траур. Проповедник Боссю произнес над гробом покойницы полноводную речь, исполненную всяческих красот, которые исторгли слезы из глаз придворных. Печаль прекратилась в тот самый день, как полагается по этикету, и вновь начались празднества. В Шамборских лесах затрубили рога, и двор поехал на охоту. Мольер и Люлли, входивший все больше в славу и силу при дворе, получили приказ сочинить смешную комедию с музыкой для шамборских празднеств, но с непременным условием, чтобы в пьесе были выведены турки.

Дело в том, что в прошлом году осенью королем было принято в Версале турецкое посольство, во главе коего был некий Солиман-Ага. Прием был организован очень тонко. Во-первых, турок заставили очень долго ждать, а во-вторых, приняли их в Галерее Нового Дворца, убранной со сверхъестественной пышностью. Король сидел на троне, и на короле был костюм, на котором бриллиантов было на четырнадцать миллионов ливров.

Но опытный дипломат Солиман-Ага удивил французский двор гораздо более, чем рассчитывали удивить его самого. У Солимана было такое выражение лица, будто в Турции все носят костюмы, на которых бриллиантов на четырнадцать миллионов ливров. Вообще хитрые турки нисколько не растерялись.

Поведение турецкой делегации не понравилось королю, и придворные, привыкшие отмечать малейшее изменение в его лице, год высмеивали турок, как могли. Поэтому и композитору и драматургу было приказано непременно ввести в пьесу шутовскую турецкую сцену. В качестве консультанта к авторам приставили побывавшего на Востоке кавалера Лорана д'Арвье, который должен был снабдить их сведениями относительно обычаев и нравов Турции. Мольер, Люлли и д'Арвье уединились в Отейле и разработали план пьесы. Нужно сказать, что Мольер работал с не совсем ясным, пожалуй, даже тяжелым чувством. Он начинал понимать, что главным в будущем спектакле будет признана музыкальная и балетная часть, а его драматургическая отойдет на второй план. Он начинал опасаться силы и влияния Люлли, зная, какое громадное впечатление на короля оказывает музыка Дживанни Баптиста.

Таким образом, был сочинен «Мещанин во дворянстве». В этой пьесе был выведен буржуа Журден, помешавшийся на сладкой мысли стать аристократом и органически войти в высший свет. Замысел Мольера был значителен и остроумен. Наряду с Журденом был изображен маркиз Дорант, причем заранее можно было сказать, что неприязнь аристократов в отношении к Мольеру усилится в предельной степени, так как этот Дорант был изображен уже в виде совершенно бесчестного проходимца, а возлюбленная его, маркиза Доримена, в лучшем случае представлялась личностью сомнительной.

А что же заказанные турки? Турки были. Одураченного Журдена посвящали в несуществующий сан мамануши. Журдена выводили с бритой головой, под музыку выходили турки, в том числе муфтий, к шляпе которого были прикреплены горящие свечи. Турки в церемонии кривлялись порядочно, они то опускались на колени, то поднимались и восклицали почему-то: гу-гу-гу. И Журдена ставили на колени и клали ему на спину Коран и прочее в этом же роде. Вообще должен заметить, что лично во мне турецкая часть «Мещанина» не вызывает решительно никакого восторга. Предоставляю, впрочем, другим судить, есть ли что-нибудь остроумное хотя бы в том восьмистишии, с которым муфтий обращается к Журдену. В этом восьмистишии смешаны слова португальские, испанские, итальянские, причем все глаголы почему-то (надо полагать, смеху ради) поставлены в неопределенном наклонении:

Если ты знать,
Ты отвечать.
Если не знать,
Молчать, молчать,
я муфтий.
А ты кто быть такой?
Не понимать?
Молчать, молчать.

Словом, не поблагодарил бы я ни кавалера Лорана д'Арвье за его советы, ни беспредельно утомленного и встревоженного Мольера – за сочинение интермедии, которая портит комедию, ни двор за заказ. Вообще я того мнения, что хорошо было бы, если бы драматургам не приходилось ни от кого принимать заказы!

«Мещанин» был сыгран в Шамборе первый раз 14 октября 1670 года, и темный ужас охватил Мольера после представления: король не произнес ни одного слова по поводу пьесы. Прислуживая королю за торжественным ужином после спектакля в качестве камердинера, Мольер был полумертв. Молчание короля немедленно дало пышные результаты. Тут уж не осталось ни одного человека, который не изругал бы пьесу Мольера (не при короле, конечно).

– Объясните мне, ради Бога, господи, – восклицал один из придворных, – что означает вся эта галиматья, все эти «галаба, бабалалу и балаба», которые выкрикивают турки? Что это такое?

– Это белиберда, – отвечали ему, – ваш Мольер совершенно исписался, у него пора отнять театр.

Увы! Приходится признать, что действительно эти «балаба» ничего не обозначают и в них нет ничего веселого.

16 октября состоялось второе представление, и опять на нем был король. По окончании спектакля он подозвал к себе Мольера.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
– я хотел вам сказать о вашей пьесе, Мольер, – начал король.

«Ну, убей меня!» – прочитали все в глазах у Мольера.

– Я ничего не сказал вам после премьеры, оттого что еще не мог составить о ней суждение. Ваши актеры слишком хорошо играют. Но теперь я вижу, что вы написали превосходную пьесу, и ни одна из ваших пьес не доставила мне такого удовольствия, как эта.

Лишь только король отпустил Мольера, как его окружили все придворные и стали осыпать пьесу похвалами. Замечено было, что больше всех его хвалил тот, кто накануне говорил, что Мольер исписался. Вот буквальные его слова:

– Мольер неподражаем! – сказал он. – Ей-богу, необыкновенная комическая сила есть во всем, что бы он ни писал! Он, господа, гораздо сильнее древних авторов!

Интересен, однако, в данном случае не этот неустойчивый в своих суждениях человек, а главным образом король. Почему-то я не уверен в том, что «Мещанин» ему понравился и что он не дал своего отзыва сразу, потому что не разобрался в пьесе. Мне кажется, благоприятный отзыв о пьесе он дал лишь потому, что узнал о том, как начали травить Мольера, и пожелал это сейчас же прекратить. Впрочем, это мое подозрение, и свою мысль я никому не навязываю.

Комедию повторяли в Шамборе, затем в Сен-Жермене, а в конце ноября Мольер стал играть ее в Пале-Рояле, где она пользовалась большим успехом и принесла более двадцати четырех тысяч ливров в сезоне 1670 года, выйдя в нем на первое место по сборам. На последнем месте в этом смысле остался «Лекарь поневоле», давший в кассу смехотворную сумму в сто девяносто ливров.

1670 год принес в числе других событий следующее: скончалась вдова Бежар на восьмидесятом году жизни, та самая урожденная Эрве, мать Мадлены, сочинявшая такие странные акты. Она была одной из тех немногих, которые знали тайну рождения Арманды и унесли ее с собой в могилу.

Произошла еще одна смерть и вырвала из рядов Бургонского Отеля великую дезейе.

В этом же году появился в печати знаменитый пасквиль на Мольера под названием «Эломир-Ипохондрик». Автором этого произведения был ле Буланже де Шалюссе. В «Эломире» была разобрана и оплевана вся жизнь и деятельность Мольера. Самое слово «ипохондрик» в заглавии показывает, насколько автор ненавидел Мольера, а содержание свидетельствует, что многие факты из жизни Мольера ему известны точно. Мольер, конечно, ознакомился с этим произведением, но ничего и нигде не отвечал его автору.

Радостное этого года я нарочно оставляю на конец: на Пасхе перед Мольером после четырехлетних скитаний в провинции предстал возмужавший и блистающий красотой семнадцатилетний Барон. Мольер немедленно принял его в труппу, назначил ему полный актерский пай и дал роль Домициана в «Тите и Беренике» Пьера Корнеля. Эта пьеса по количеству спектаклей и по сборам заняла второе место после «Мещанина».

Глава 29.

СОВМЕСТНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Мольер получил приказ от короля сочинить блестящую пьесу с балетом для карнавала 1671 года, который должен был произойти в Тюильри. Мольер немедленно приступил к исполнению приказа и стал писать пьесу «Психея». По мере того как он работал, испуг начал охватывать его, потому что он видел, что не успевает к сроку, назначенному королем. Хворь все чаще одолевала его, по временам он был вынужден бросать работу и предаваться ипохондрии. Тогда он решил обратиться за помощью к другим. Отношения его с Пьером Корнелем давно уже выровнялись после ссоры в эпоху «Школы жен». Теперь и Мольера и Корнеля связывала общая нелюбовь к Расину. Звезда старика Корнеля начинала угасать, а Расин поднимался все выше и выше. Расина играли в Бургонском Отеле, а Мольер стал ставить Корнеля у себя, в Пале-Рояле.

Мольер пригласил Корнеля работать совместно над «Психеей», и старик, нуждающийся в деньгах, охотно принял предложение. Работу они разделили так: Мольер составил план пьесы с балетом в пяти действиях и написал пролог, первый акт и первые сцены второго и третьего актов. Все остальное сочинил Корнель, затратив на это около пятнадцати дней. Шестидесятипятилетний старик прекрасно справился со своей задачей. Но и вдвоем оба мастера не успели бы сдать работу вовремя. Поэтому был приглашен третий – способный поэт и драматург Филипп Кино, который сочинил все стихи для пения в этой пьесе.

Интересно то предисловие, которое написано к этой трагедии-балету. В нем сказано очень осторожно, что господин Мольер в этой работе старался не столько о правильности драматургической, сколько о пышности и красоте спектакля. Говорят, что это предисловие принадлежит самому Мольеру.

«Психею» поставили в Тюильрийском дворце великолепно. Мольеру были предоставлены лучшие театральные машины и приспособления для полетов. В главных ролях были заняты: Психея – Арманда и Амур – Барон. Оба они показали такой высокий класс игры, что поразили зрителей. Но первое же представление «Психеи» при Дворе 17 января принесло Мольеру новую тяжкую рану. В Париже создался и упорно держался слух о том, что от бывлой неприязни Арманды к наглому когда-то мальчугану Барону не осталось и следа и что она, влюбившись в красавца и великого актера, стала его любовницей. Стареющий и больной Мольер нигде и никак не отзывался на это.

С 15 марта он приступил к большому ремонту в Пале-Рояле. Заново были отделаны все ложи и балконы, потолок отремонтировали и расписали, сцену переоборудовали так, что на ней можно было теперь установить новые сложные театральные машины.

Тут труппа стала просить директора о перенесении «Психеи» на пале-рояльскую сцену. После долгих колебаний было решено это сделать, несмотря на великие трудности, связанные с приобретением и установкой новых машин и роскошных декораций. Но с этим в конце концов справились так же, как и с еще одним затруднением: до «Психеи» музыканты и певцы никогда не выступали перед публикой. Они играли и пели, скрываясь в ложах, за решетками или занавесами. За повышенную плату удалось уговорить певцов и музыкантов выступить перед публикой открыто на сцене. «Психею» репетировали около полутора месяцев и дали премьеру 24 июля. Все хлопоты и все затраты оправдались совершенно. Поражающий своей пышностью спектакль привлек буйные волны публики в Пале-Рояль, пьеса прошла около пятидесяти раз в течение сезона и принесла сорок семь тысяч ливров.

В период времени между представлением «Психеи» при дворе и премьерой ее в Пале-Рояле труппа Мольера играла со средним успехом его фарс «Проделки Скапена». Фарс этот был признан грубым и недостойным пера Мольера. На чем основано такое мнение, я не понимаю. По-моему, именно в «Скапене» великолепно сказался комический Мольер, и совершенно несправедливо Буало упрекал своего друга, подозревая, что он опускается, приспособляясь ко вкусам публики, и ругал ту сцену, где человека сажают в мешок и бьют палками, говоря, что это безвкусный шаблон. Буало, мне кажется, заблуждается: это смешной, великолепно завинченный фарс, который не портит даже малоправдоподобная развязка. Комические актеры Пале-Рояля во главе с Мольером-Скапеном прекрасно представили фарс (любовников – Октава и Леандра – играли Барон и Лагранж).

«Проделки Скалепа» были причиной нового обвинения в плагиате. Говорили, что Мольер, как ловкий хищник, выхватил и перенес к себе из «Одураченного педанта» Сирано де Бержерака две сцены с турецкой галерой и сцену Зербинетты и Жернета. В ответ на это обвинение Мольер говорил, что эти сцены принадлежат ему по праву.

Дело в том, что «Одураченного педанта» Мольер помогал сочинять Бержераку.

В этом году Мольер не имел отдыха. Опять последовал новый заказ от короля. В Сен-Жермене должны были совершиться в конце года праздники по случаю бракосочетания Единственного брата короля. Мольер стал спешно работать над комедией под названием «Графиня д'Эскарбанья», материалом для которой ему послужили наблюдения над провинциалами. Комедия при дворе понравилась, в особенности потому, что в нее были введены интермедии и балет.

СЦЕНЫ В ПАРКЕ

Парк в Отейле. Осень. Под ногами шуршат листья. По аллее идут двое. Тот, который постарше, опирается на палку, сгорблен, нервно подергивается и покашливает. У другого, помоложе, розоватое лицо человека, который понимает толк в винах. Он посвистывает и напевает какой-то вздор:

– Мирдондэн, Мирдондэн...

Садятся на скамейку и вначале говорят о пустяках: тот, который помоложе, сорокашестилетний, рассказывает, что он вчера бросился на своего слугу с кулаками, потому что этот слуга – негодяй.

– Слуга-то был трезв вчера, – покашливая, говорит старший.

– Чепуха! – восклицает младший. – Он негодяй, я повторяю!

– Согласен, согласен, – глухим голосом отзывается старший, – я лишь хочу сказать, что он – трезвый негодяй.

Осеннее небо прозрачно над отейльским парком.

Через некоторое время беседа становится оживленнее, и из окна дома можно видеть, что старший что-то упорно говорит младшему, а тот лишь изредка подает реплики.

Старший говорит о том, что он не может ее забыть, что он не может без нее жить. Потом начинает проклинать свою жизнь и заявляет, что он несчастен.

Ах, ужасная вещь быть поверенным чужих тайн и в особенности брачных тайн. Младший спокойно вертится и старается разобраться в своих ощущениях: да, ему жаль старшего, и кроме того, очень хочется вина. Наконец, он начинает осторожно осуждать эту самую женщину, без которой старший не может жить. Он ничего не говорит прямо, он... слегка касается некоторых больных вопросов... скользя, проходит по истории «Психеи»... Храни Господь, он ничего не смеет сказать про Арманду и... Барона. Но, вообще говоря...

– Позволь мне быть откровенным! – наконец восклицает он. – Ведь это глупо в конце концов! Нельзя же, в самом деле, в твои годы возвращаться к жене, которая... опять-таки, ты меня извини, она не любит тебя.

– Не любит, – глухо повторяет старший.

– Она молода, кокетлива и... ты меня прости... пуста.

– Говори, – хрипло отвечает старший, – можешь говорить все что угодно, я ненавижу ее.

Младший разводит руками, думает: «Ах, дьявол бы побрал эту путаницу! То любит, то ненавидит!»

– Я, знаешь ли, скоро умру, – говорит старший и таинственно добавляет: – Ты ведь знаешь, какая у меня серьезная болезнь.

«О, Господи, зачем я пошел в парк?» – думает младший, а вслух говорит:

– Э, какой вздор! Я тоже себя плохо чувствую...

– Мне пятьдесят лет, не забудь! – угрожающе говорит старший.

– Мой Бог, вчера тебе было сорок восемь, – оживляется младший, – ведь нельзя же, в самом деле, чтобы человеку становилось сразу на два года больше, как только у него дурное расположение духа!

– Я хочу к ней, – монотонно повторяет старший, – я хочу опять на улицу Фомы!

– Ради всего святого, прошу тебя, уйди ты из парка! Прохладно. В конце концов мне все равно. Ну, пытайся примириться с нею. Хотя я знаю, что из этого ничего

Двое возвращаются в дом. Старший скрывается в дверях.

– Ложись в постель, Мольер! – кричит младший ему вслед. Некоторое время он стоит около дверей и раздумывает. Открывается окно, в нем показывается голова старшего без парика и в колпаке.

– Шапель, где ты? – спрашивает человек в окне.

– Ну? – отвечает младший.

– Так как же ты все-таки полагаешь, – спрашивает человек в окне, – вернуться ли мне к ней?

– Закрой окно! – говорит младший, сжимая кулаки.

Окно закрывается, младший плюет и уходит за угол дома. Через некоторое время слышно, как он зовет слугу:

– Эй, трезвенник! Сюда, ко мне!

На другой день солнце греет еще сильнее, не по-осеннему. Старший идет по аллее, но не волочит ноги, не роет тростью гниющий лист. Рядом с ним идет младший, но уже другой. Этот много моложе. У него острый длинный нос, квадратный подбородок и иронические глаза.

– Мольер, – говорит младший, – вам надо оставить сцену. Поверьте, нехорошо, что автор «Мизантропа»... мизантроп! О, это значительно! Право, не хочется думать, что он с вымазанной физиономией на потеху партера сажает кого-то в мешок! Вам не к лицу быть актером. Это неприятно, что вы играете, поверьте мне.

– Дорогой Буало, – отвечает старший, – я не оставлю сцену.

– Вы должны быть удовлетворены тем, что дают ваши произведения!

– Они мне ничего не дают, – отвечает старший, – никогда в жизни мне не удавалось написать ничего, что доставило бы мне хотя бы крошечное удовлетворение!

– Какое ребячество! – кричит младший. – Извольте знать, сударь, что, когда король спросил меня, кого я считаю первым писателем царствования, я сказал, что это вы, Мольер!

Старший смеется, потом говорит:

– Благодарю вас от души, вы настоящий друг, Дебрео, обещаю вам, что, если король меня спросит, кто первый поэт, я скажу, что это вы!

– Я говорю серьезно! – восклицает младший, и голос его разносится в пустом и прекрасном парке съера Бофора.

Глава 31.

МАДЛЕНА УХОДИТ

Когда настала зима 1671 года, Мольер помирился со своей женой и вновь сошелся с ней. Он покинул Отейль и вернулся в Париж. В это время он заканчивал работу над пьесой «Ученые женщины», написанной им не по заказу, а для себя. Работал он над ней урывками, то возвращаясь к ней, то оставляя ее.

В то время когда он писал «Ученых женщин», в том же доме, где он жил с Армандой, в маленькой комнате в верхнем этаже, тяжело хворала Мадлена Бежар. Театр она уже покинула, сыграв свою последнюю роль Нерины в «Господине Пурсоньяке» и произнеся свои последние слова на сцене:

– Как, ты позабыл это бедное дитя? Нашу маленькую Мадлену, которую ты мне

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru оставил как залог своей верности? Иди сюда, Мадлена, мое дитя! Пристыди своего отца за его бессовестность! Нет, ты не уйдешь из моих рук! Я всем покажу, что я твоя жена, и добьюсь того, что тебя повесят!

Мадлена покинула не только театр, она вообще отказалась от всего мирского, стала необыкновенно религиозной, непрестанно молилась, оплакивала свои грехи и беседовала только со священником или со своим нотариусом. В январе 1672 года ей стало совсем худо. Она лежала на кровати, над изголовьем которой висело распятие, совершенно неподвижно.

9 января она продиктовала завещание, по которому все свое некое за жизнь достояние передавала Арманде, а Женевьеве и Луи назначала небольшие пенсии. Она предусмотрела и все другое, заказав заранее по себе траурные мессы и велев выдавать ежедневно по 5 су в день пяти бедным в честь пяти язв Господа нашего. Подготовив, таким образом, себя к смерти, она вызвала Арманду и Мольера и именем того же Господа заклинала их жить в согласии.

9 февраля 1672 года был получен приказ короля труппе срочно выехать в Сен-Жермен. В середине февраля гонец, приехавший в Сен-Жермен, дал знать Мольеру, что Мадлена очень плоха. Он бросился в Париж и успел закрыть своей первой подруге глаза и похоронить ее. Архиепископ парижский дал разрешение хоронить Мадлену как следует, по христианскому обряду, на том основании, что она оставила комедиантское ремесло и была известна как набожная женщина. И Мадлену похоронили торжественно, после мессы в Сен-Жермен де л'Оксерруа, на кладбище церкви святого Павла, рядом с братом Жозефом и матерью, Марией Эрве.

Смерть Мадлены произошла 17 февраля 1672 года, а примерно через месяц в Пале-Рояле играли премьеру «Ученых женщин». Наиболее тонкие из парижан ставили эту пьесу очень высоко, наравне с сильнейшими произведениями Мольера. Другие резко критиковали Мольера, говоря, что он принижает в своем произведении женщин, доказывая будто бы, что образование ее не должно идти дальше кухни.

В пьесе были осмеяны двое живых людей: враг Буало, автор «Сатиры сатир», доктор теологии франсуа Котэн и другой наш старый знакомый, Жиль Менаж. Первый был выведен под именем Триссотена, а второй – Вадиуса.

В то время когда комедианты играли в Пале-Рояле «Ученых женщин», имея средний успех, над страной вдруг нависла туча, и 7 апреля она разразилась войной с Нидерландами. Опять, как и во времена «Тартюфа», французская армия ринулась на восток, и город за городом стали падать к ногам Людовика XIV. Далекий от военной грозы, наш Жан-Батист де Мольер был занят личными делами. Теперь он был состоятельным человеком, скопившим порядочное состояние за время работы на сцене. Кроме того, наследство Мадлены обогатило его. Он нанял большую квартиру на улице Ришелье и, не щадя денег, роскошно обставил ее. Низ двухэтажной квартиры был предназначен для Арманды, а сам он поместился наверху. Когда было все готово и вещи в новом жилище стали по своим местам, де Мольер убедился в том, что отейльская тоска прибежала за ним следом и в Париж. Тревоги и предчувствия поселились вместе с ним в его верхних комнатах.

1672 год складывался нехорошо. Люлли вошел в страшную силу при дворе и получил привилегии на все те драматические произведения, в которые входила его музыка. Это означало, что Люлли отдано авторское право на очень многие произведения Мольера, потому что в них именно и входила написанная Люлли музыка.

Тут в спину Мольера повеяло холодом, у него появилось такое ощущение, точно стояла какая-то громадная фигура за плечами и вдруг отошла. Обманывать себя не приходилось: король покидал его. Чем это можно объяснить? Тем, что все на свете кончается, в том числе даже долголетняя привязанность сильных мира. Кто разберет, что происходит в душе у властителей людей? Посредственный музыкант Люлли, свободный от самостоятельных глубоких идей, всецело послушный воле короля, завоевал теперь расположение Людовика.

Лето протекло мрачно. Муж с женой были опять близки и ожидали ребенка, но внутренние их отношения ничуть не наладились, и теперь уже не было никаких сомнений в том, что не наладятся никогда. 15 сентября Арманда родила мальчика. Его поспешили окрестить и назвали Пьером-Жаном-Батистом-Арманом, но ребенок не прожил и месяца. Зимой Мольер заперся у себя наверху и стал писать смешную комедию под названием «Мнимый больной». Чтобы не зависеть от Люлли, музыку для

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
нее он поручил другому композитору – Шарпантье.

В «Мнимом больном» Мольер смеялся над самой неразумной страстью, которая существует у людей: он смеялся над страхом смерти и жалкой мнительностью. Ненависть его к врачам, по-видимому, достигла наивысшей степени, потому что в комедии они были выведены настоящими уродами – невежественными, косными, корыстолюбивыми, отсталыми. Пролог, сочиненный Мольером, показывает, что он сделал попытку вернуть расположение короля:

«После славных утомительных и победоносных трудов нашего августейшего монарха было бы справедливо, чтобы все, кто владеет пером, работали бы для того, чтобы прославить его имя или развлечь. Именно это я и хочу сделать, и этот пролог представляет попытку прославления великого победителя, а следующая за прологом комедия должна рассеять монарха после его благородных трудов».

В прологе должны были действовать мифологические божества: Флора, Пан и фавны. Заключительный хор должен был петь так:

Пусть тысячекратное эхо повторяет:
Людовик – величайший из королей!
Счастлив тот, кто мог посвятить ему свою жизнь!

Но случилось что-то странное, и пролог этот остался непредставленным. Говорили, что военное счастье как раз во время сочинения пролога изменило королю, и Мольеру пришлось его зачеркнуть, а также говорили, что король перестал интересоваться творчеством своего комедианта. И точно, пьеса пошла не при дворе, а в Пале-Рояле. Причем появился новый пролог, совершенно не похожий на предыдущий. Выходила только одна пастушка и пела новый пролог, в котором были такие слова:

Я не хочу иметь дела с вами,
О невежественные, пустые врачи!
Разве можно латинскими словами
Мою тяжкую боль излечить?

В пятницу 10 февраля 1673 года состоялась премьера «Мнимого больного», причем обозначился большой успех. То же было на втором и на третьем представлениях. Четвертое было назначено на 17 февраля.

Глава 32.

НЕХОРОШАЯ ПЯТНИЦА

Арган. А это не опасно – представляться мертвым?

Туанетта. Нет, нет. Какая же в этом опасность? Протягивайтесь здесь скорей!

«Мнимый больной»

Был sereneкий февральский день. Во втором этаже дома, помещавшегося на улице Ришелье, вдоль кабинета по вытертому ковру расхаживал, кашляя и кряхтя, человек в халате изумрудного цвета, надетом поверх белья. Голова человека была повязана по-бабьи шелковым ночным платком. В камине очень весело горели дрова, и на огонь приятно было смотреть, отвращая взор от февральской мути за окнами.

Человек мерил кабинет, останавливаясь по временам и рассматривая эстамп, прибитый у окна. На этом эстампе был изображен лицом похожий на боевого охотничьего сокола, в парике с тугими, крупными кольцами волос, спускающимися на мужественные плечи, человек с выпуклыми, суровыми и умными глазами. Под изображением человека помещался герб – щит с тремя цветками в его поле.

Человек в халате разговаривал сам с собою тихо, изредка едко ухмылялся своим мыслям. Когда он подходил к портрету, он смягчался, козырьком руки накрывал

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
глаза, прищуривался и любовался изображением.

– Хороший эстамп, – задумчиво сказал себе человек в халате, – очень, я бы сказал, хороший эстамп. Великий Конде! – произнес он значительно, а потом повторил бессмысленно несколько раз: – Великий Конде... великий Конде... – И еще пробормотал: – Эстамп... эстамп... Я доволен, что приобрел этот эстамп!

Затем он пересек комнату и в кресле у камина посидел некоторое время, освободив из ночных туфель босые ноги и протягивая их к живительному огню.

– Побриться надо, – сказал он задумчиво и потер шершавую щеку. – Нет, не надо, – сам себе ответил он, – слишком утомительно бриться каждый день.

Согрев ноги, он надел туфли и направился к книжным шкафам и остановился возле того, в котором на полках груды лежали рукописи. Край одного из листов свесился с полки. Человек выдернул рукопись за угол и прочел на ней заголовок – «Коридон». Злобно усмехнувшись, он хотел разорвать рукопись, но руки изменили ему, он сломал ноготь и с проклятьем всадил рукопись между поленьями дров в камине. Через несколько секунд комнату залило светом, а затем «Коридон» распался на черные плотные куски.

В то время как человек в халате наверху занимался сожжением «Коридона», в нижних покоях разговаривали Арманда и Барон, пришедший навестить Мольера.

– В церковь не пошел, говорит, нездоровится, – рассказывала Арманда.

– Зачем в церковь? – спросил Барон.

– Да ведь сегодня семнадцатое, годовщина смерти Мадлены, – пояснила Арманда, – я слушала мессу.

– Ах, да, да, – вежливо сказал Барон. – Кашляет?

Арманда поглядывала на собеседника. Светлый парик его двумя потоками ниспадал на плечи. На Бароне был новый шелковый кафтан, на коленях штанов – драгоценные кружева колпаками, шпага висела на широкой перевязи, а на груди висела мохнатая муфта. И Барон изредка косился на муфту, потому что она ему очень нравилась.

– Как вы разодеты сегодня! – сказала Арманда и добавила: – Кашляет и целое утро кричал на прислугу. Я уж заметила, пятница – это самый скверный день. Впрочем, я слишком много пятниц перевидала за одиннадцать лет. Но вот что, ступайте к нему наверх, не сидите у меня, а то опять прислуга распустит по Парижу Бог знает что.

И Арманда с Бароном направились к внутренней лестнице. Но не успели они подняться, как за дверями наверху нетерпеливо зазвенел колокольчик.

– Вот опять дрелен, дрелен, – сказала Арманда.

Тут дверь наверху отворилась, и человек в халате вышел на верхнюю площадку лестницы.

– Эй, кто тут есть? – брюзгливо спросил он. – Почему черт всегда уносит... Ах, это вы? Здравствуйте, Барон.

– Здравствуйте, мастер, – ответил Барон, глядя вверх.

– Да, да, да, добрый день, – сказал человек в халате, – мне хотелось бы поговорить...

Тут он положил локти на перила, ладонями подпер щеки и стал похож на смешную обезьяну в колпаке, которая выглядывает из окна. Арманда и Барон с изумлением поняли, что он желает разговаривать тут же на лестнице, и остались внизу. Человек помолчал, потом заговорил так:

– Я хотел сказать вот что: если бы жизнь моя... Если бы в жизни моей чередовались бы поровну несчастья с удовольствиями, я, право, считал бы себя счастливым, господа!

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Арманда, напряженно сморщившись, глядела вверх. У нее пропала всякая охота подниматься. «Пятница, пятница... – подумала она. – Опять начинается эта ипохондрия!»

– Вы подумайте сами! – патетически продолжал человек. – Если никогда нет ни одной минуты ни удовлетворения, ни радости, то что же тогда? И я хорошо вижу, что мне надо выйти из игры! Я, дорогие мои, – задушевно прибавил человек, – уверяю вас, больше не могу бороться с неприятностями. Ведь у меня нет отдыха! А? – спросил он. – И вообще я полагаю, что я скоро кончусь. Что вы на это скажете, Барон? – И тут человек совсем свесил голову на перила.

На лестнице наступило молчание. Барон почувствовал, что слова человека ему крайне не нравятся. Он нахмурился, бросил беглый взгляд на Арманду, а потом сказал:

– Я полагаю, мэтр, что вам сегодня не нужно играть.

– Да, – подтвердила Арманда, – не играй сегодня, ты себя плохо чувствуешь.

Ворчание послышалось наверху.

– Ну что вы такое говорите? Как можно отменить спектакль? Я вовсе не желаю, чтобы рабочие меня кляли потом за то, что я лишил их вечеровой платы.

– Но ведь ты себя плохо чувствуешь? – сказала Арманда неприятным голосом.

– Я себя чувствую превосходно, – из упрямства ответил человек, – но меня интересует другое: почему какие-то монашки бродят у нас по квартире?

– Не обращай внимания, они из монастыря святой Клары. Пришли просить подаяния в Париж. Ну, пусть побудут до завтрашнего дня, они тебя ничем не будут раздражать, посидят внизу.

– Святой Клары? – почему-то изумился человек в колпаке и повторил: – Святой Клары? Ну что ж, что святой Клары? Если святой Клары, то пусть они сидят в кухне! А то кажется, что в доме сто монашек... И дай им пять ливров.

И тут человек неожиданно шмыгнул к себе и закрыл за собою дверь.

– Я вам говорю, что это пятница, – сказала Арманда, – с этим уж ничего не поделаешь.

– Я поднимусь к нему, – нерешительно отозвался Барон.

– Не советую, – сказала Арманда, – идемте обедать.

Вечером на пале-рояльской сцене смешные доктора в черных колпаках и аптекари с клистирами посвящали во врачи бакалавра Аргана:

Если хворый еле дышит
И не может говорить?

Бакалавр Мольер весело кричал в ответ:

Умный врач тотчас предпишет
Кровь бедняге отворить!

Два раза клялся бакалавр в верности медицинскому факультету, а когда президент потребовал третьей клятвы, бакалавр, ничего не ответив, неожиданно застонал и повалился в кресло. Актеры на сцене дрогнули и замялись: этого трюка не ждали, да и стон показался натуральным.

Но тут бакалавр поднялся, рассмеялся и крикнул по-латыни:

– Клянусь!

В партере ничего не заметили, и только некоторые актеры увидели, что лицо

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
бакалавра изменилось в цвете, а на лбу у него выступил пот. Тут хирурги и аптекари оттанцевали свои балетные выходы, и спектакль закончился.

– Что с вами было, мэтр? – тревожно спросил Лагранж, игравший Клеанта, у Мольера.

– Да вздор! – ответил тот. – Просто кольнуло в груди и сейчас же прошло.

Лагранж тогда отправился считать кассу и сводить какие-то дела в театре, а Барон, не занятый в спектакле, пришел к Мольеру, когда тот переодевался.

– Вы почувствовали себя плохо? – спросил Барон.

– Как публика принимала спектакль? – ответил Мольер.

– Великолепно. Но у вас скверный вид, мастер?

– У меня прекрасный вид, – отозвался Мольер, – но почему-то мне вдруг стало холодно. – И тут он застучал зубами.

Барон глянул испытующе на Мольера, побледнел и засуетился. Он открыл дверь уборной и крикнул:

– Эй, кто там есть? Скажите, чтобы живей подавали мой портшез!

Он снял свою муфту и велел Мольеру засунуть в нее руки. Тот почему-то присмирел, молча повиновался и опять застучал зубами. Через минуту Мольера закутали, носильщики подняли его, посадили в портшез и понесли домой.

В доме еще было темно, потому что Арманда только что вернулась со спектакля – она играла Анжелику. Барон шепнул Арманде, что Мольер чувствует себя неладно. В доме забежали со свечами и Мольера повели по деревянной лестнице вверх, Арманда стала отдавать какие-то приказания внизу и одного из слуг послала искать врача.

Барон в это время со служанкой раздел Мольера и уложил его в постель. С каждой минутой Барон становился все тревожней.

– Мастер, не хотите ли вы чего-нибудь? Быть может, вам дать бульону?

Тут Мольер оскалился и сказал, почему-то злобно улыбаясь:

– Бульон? О нет! Я знаю, из чего варит моя супруга бульон, он для меня крепче кислоты.

– Налить вам ваше лекарство?

Мольер ответил:

– Нет, нет. Я боюсь лекарств, которые нужно принимать внутрь. Сделайте так, чтобы я заснул.

Барон повернулся к служанке и шепотом приказал:

– Подушку с хмелем, живо!

Служанка вернулась через минуту с подушкой, набитой хмелем, и ее положили Мольеру под голову. Тут он закашлялся, и на платке выступила кровь. Барон всмотрелся, поднес к лицу свечу, и увидел, что нос у Мольера заострился, под глазами показались тени, а лоб покрылся мельчайшим потом.

– Подожди здесь, – шепнул Барон служанке, кинулся вниз и столкнулся с Жаном Обри, сыном того самого Леонара Обри, который строил мостовую для блестящих карет, – Жан Обри был мужем Женевьевы Бежар.

– Господин Обри, – зашептал Барон, – он очень плох, бегите за священником!

Обри охнул, надвинул шляпу на глаза и выбежал из дому. У лестницы показалась Арманда со свечой в руке.

– Госпожа Мольер, – сказал Барон, – посылайте еще кого-нибудь за священником, но скорей!

Арманда уронила свечу и исчезла в темноте, а Барон, прошипев на лестнице недоуменно: «Что же, черт возьми, не идет никто из докторов?» – побежал наверх.

– Чего вам дать, мастер? – спросил Барон и вытер платком лоб Мольера.

– Свету! – ответил Мольер. – И сыру пармезану.

– Сыру! – сказал Барон служанке, и та, потоптавшись, поставила свечку на кресло и выбежала вон.

– Жене скажите, чтобы поднялась ко мне, – приказал Мольер.

Барон побежал по лестнице вниз и позвал:

– Кто там? Дайте свету больше! Госпожа Мольер!

Внизу одна за другой загорались свечи в чьих-то трясущихся руках. В это время там, наверху, Мольер напрягся всем телом, вздрогнул, и кровь хлынула у него из горла, заливая белье. В первый момент он испугался, но тотчас же почувствовал чрезвычайное облегчение и даже подумал: «Вот хорошо...» А затем его поразило изумление: его спальня превратилась в опушку леса, и какой-то черный кавалер, вытирая кровь с головы, стал рвать повод, стараясь вылезти из-под лошади, раненной в ногу. Лошадь билась и давила кавалера. Послышались совершенно непонятные в спальне голоса:

– Кавалеры! Ко мне! Суассон убит!..

«Это бой под Марфе, – подумал Мольер, – а кавалер, которого давит лошадь, это съёр де Моден, первый любовник моей первой жены. У меня льется из горла кровь, как река, значит, во мне лопнула какая-то жила...» – Он стал давиться кровью и двигать нижней челюстью. Де Моден исчез из глаз, и в ту же секунду Мольер увидел Рону, но в момент светопреставления, то есть солнце, в виде багрового шара, стало погружаться в воду, при звуках лютни императора д'Ассуси. «Это глупо, – подумал Мольер, – и Рона и лютни не вовремя... Просто я умираю...» Он успел подумать с любопытством: «А как выглядит смерть?» – и увидел ее немедленно. Она вбежала в комнату в монашеском головном уборе и сразу размашисто перекрестила Мольера. Он с величайшим любопытством хотел ее внимательно рассмотреть, но ничего уже более не рассмотрел.

В это время Барон с двумя шандалами в руках, заливая лестницу светом, поднимался вверх, а за ним, волоча и подбирая шлейф, бежала Арманда. Она тянула за руку девчонку с пухлыми щеками и шептала ей:

– Ничего, ничего, не бойся, Эспри, идем к отцу!

Сверху слышалось гнусавое печальное пение монашки. Арманда и Барон, вбежав, увидели эту монашку со сложенными молитвенно ладонями.

«Святая Клара», – подумала Арманда и разглядела, что вся кровать и сам Мольер залиты кровью. Девчонка испугалась и заплакала.

– Мольер! – сказала дрогнувшим голосом, как никогда не говорила, Арманда, но ответа не получила.

Барон же, с размаху поставив шандалы на стол, прыгая через ступеньку, скатился с лестницы и, вцепившись в грудь слуге, зарычал:

– Где ты шлялся?! Где доктор, болван!!

И слуга отчаянно ответил:

– Господин де Барон, что же я сделаю? Ни один не хочет идти к господину де Мольеру! Ни один!

Глава 33.

ТЫ ЕСТЬ ЗЕМЛЯ

Весь дом находился в тягостном недоумении. Оно передалось и нищим монашкам. Почитав некоторое время над обмытым, укрытым и лежащим на смертном ложе Мольером, они решительно не знали, что им дальше делать. Дело в том, что земля не желала принимать тело господина Мольера.

Жан Обри накануне напрасно умолял священников прихода святого Евстафия-Ланфана и Леша – явиться к умирающему. Оба наотрез отказались. Третий, фамилия которого была Пейзан, сжалившись над приходящим в отчаяние Обри, явился в дом комедианта, но слишком поздно, когда тот уже умер, и тотчас поспешил уйти. А о том, чтобы Мольера хоронить по церковному обряду, не могло быть и речи. Грешный комедиант умер без покаяния и не отрекшись от своей осуждаемой церковью профессии и не дав письменного обещания, что в случае, если Господь, по бесконечной своей благодати, возвратит ему здоровье, он никогда более в жизни не будет играть в комедии.

формула эта подписана не была, и ни один священник в Париже не взялся бы проводить господина де Мольера на кладбище, да впрочем, ни одно кладбище и не приняло бы его.

Арманда стала уже приходить в отчаяние, как приехал из Отейля тамошний кюре, Франсуа Луазо, подружившийся с Мольером в то время, когда тот проживал в Отейле. Кюре не только научил Арманду, как составить прошение на имя парижского архиепископа, но, несомненно рискуя сильнейшими неприятностями для себя лично, вместе с Армандой поехал к парижскому архиепископу.

Вдову и кюре после недолгого ожидания в тихой приемной ввели в архиепископский кабинет, и Арманда увидела перед собой Арле де Шанваллона, архиепископа парижского.

– Я пришла, ваше высокопреосвященство, – заговорила вдова, – просить вашего разрешения похоронить моего покойного мужа согласно церковному обряду.

Де Шанваллон прочел прошение и сказал вдове, но глядя не на нее, а на Луазо тяжкими и очень внимательными глазами:

– Ваш муж, сударыня, был комедиантом?

– Да, – волнуясь ответила Арманда, – но он умер, как добрый христианин. Это могут засвидетельствовать две монашки монастыря святой Клары д'Аннесси, бывшие у нас в доме. Кроме того, во время прошлой Пасхи он исповедовался и причащался.

– Мне очень жаль, – ответил архиепископ, – но сделать ничего нельзя. Я не могу выдать разрешение на погребение.

– Куда же мне девать его тело? – спросила Арманда и заплакала.

– Я жалею его, – повторил архиепископ, – но, поймите, сударыня, я не могу оскорбить закон.

И Луазо, провожаемый в спину взглядом архиепископа, увел рыдающую Арманду.

– Значит, – уткнувшись в плечо кюре, плача, говорила Арманда, – мне придется вывезти его за город и зарыть у большой дороги...

Но верный кюре не покинул ее, и они оказались в Сен-Жермене в королевском дворце. Тут Арманду ждала удача. Король ее принял немедленно, и ее ввели в зал, где он, стоя у стола, дожидался ее. Та не стала ничего говорить, а сразу стала на колени и заплакала. Король помог ей подняться и сказал:

– Я прошу вас успокоиться, сударыня. Что я могу для вас сделать?

– Ваше величество, – сказала Арманда, – мне не разрешают хоронить моего мужа де Мольера. Заступитесь, ваше величество!

Король ответил:

– Для вашего покойного мужа все будет сделано. Прошу вас, поезжайте домой и позаботьтесь о его теле.

Арманда, рыдая и произнося слова благодарности, удалилась, а через несколько минут королевский гонец поскакал за де Шанваллоном. Когда Шанваллон явился к королю, тот спросил его:

– Что происходит там по поводу смерти Мольера?

– Государь, – ответил Шанваллон, – закон запрещает хоронить его на освященной земле.

– А на сколько вглубь простирается освященная земля? – спросил король.

– На четыре фута, ваше величество, – ответил архиепископ.

– Благоволите, архиепископ, похоронить его на глубине пятого фута, – сказал Людовик, – но похороните непременно, избежав как торжества, так и скандала.

В канцелярии архиепископа писали бумагу:

«Приняв во внимание обстоятельства, обнаруженные в следствии, произведенном согласно нашему приказанию, мы позволяем священнику церкви святого Евстафия похоронить по церковному обряду тело покойного Мольера, с тем, однако, условием, чтобы это погребение было совершено без всякой торжественности, не более как двумя священниками, и не днем. И чтобы за упокой души его не было совершаемо торжественное богослужение ни в вышеуказанной церкви святого Евстафия и ни в какой другой».

Лишь только по цеху парижских обойщиков распространился слух, что скончался сын покойного почтенного Жана-Батиста Поклена комедиант де Мольер, носящий наследственное звание обойщика, представители цеха явились на улицу Ришелье и положили на тело комедианта расшитое цеховое знамя, возвратив Мольера в то состояние, из которого он самовольно вышел: обойщиком был и к обойщикам вернулся.

И в то же время один оборотистый человек, знавший, что великий Конде относился к Мольеру с симпатией, явился к Конде со словами:

– Ваше высочество, разрешите вам вручить эпитафию, которую я написал для Мольера.

Конде взял эпитафию и, глянув на автора, ответил:

– Благодарю вас. Но я предпочел бы, чтобы он написал вашу эпитафию.

21 февраля к девяти часам вечера, когда должны были выносить Мольера, толпа человек в полтора раза собралась у дома покойного комедианта, и из кого состояла эта толпа – неизвестно. Но почему-то она вела себя возбужденно – слышались громкие выкрики и даже свист. Вдова съера де Мольера взволновалась при виде неизвестных. По совету близких, она раскрыла окно и обратилась к собравшимся с такими словами:

– Господа! Зачем же вы хотите потревожить моего покойного мужа? Я вас могу уверить, что он был добрым человеком и умер, как христианин. Быть может, вы сделаете честь проводить его на кладбище?

Тут чья-то рука вложила ей в руку кожаный кошель, и она стала раздавать деньги. После некоторого шума из-за денег все пришло в порядок, и у дома появились факелы. В 9 часов из дому вынесли деревянный гроб. Впереди шли два безмолвных священника. Рядом с гробом шли мальчики в стихарях и несли громадные восковые свечи. А за гробом потек целый лес огней, и в толпе провожавших видели следующих

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru знаменитых людей: художника Пьера Миньяра, баснописца Лафонтена и поэтов Буало и Шапеля. Все они несли факелы в руках, а за ними строем шли с факелами комедианты труппы Пале-Рояля и, наконец, эта разросшаяся толпа человек в двести. Когда прошли одну улицу, открылись два окна в доме и высунувшаяся женщина звонко спросила:

– Кого это хоронят?

– Какого-то Мольера, – ответила другая женщина.

Этого Мольера принесли на кладбище святого Жозефа и похоронили в том отделе, где хоронят самоубийц и некрещеных детей. А в церкви святого Евстафия священнослужитель отметил кратко, что 21 февраля 1673 года, во вторник, был погребен на кладбище святого Жозефа обойщик и королевский камердинер Жан-Батист Поклен.

Эпилог.

ПРОЩАНИЕ С БРОНЗОВЫМ КОМЕДИАНТОМ

На его могилу жена положила каменную плиту и велела привезти на кладбище сто вязанок дров, чтобы бездомные могли, согреваясь. В первую же, суровую, зиму на этой плите разожгли громадный костер. От жара плита треснула и развалилась. Время разметало ее куски, и когда через сто девятнадцать лет, во время Великой революции, явились комиссары для того, чтобы отрыть тело Жана-Батиста Мольера и перенести в мавзолей, никто места его погребения с точностью указать не мог. И хотя чьи-то останки и вырыли и заключили в мавзолей, никто не может сказать с уверенностью, что это останки де Мольера. По-видимому, почести воздали неизвестному человеку.

Итак, мой герой ушел в парижскую землю и в ней сгинул. А затем, с течением времени, колдовским образом сгинули все до единой его рукописи и письма. Говорили, что рукописи погибли во время пожара, а письма будто бы, тщательно собрав, уничтожил какой-то фанатик. Словом, пропало все, кроме двух клочков бумаги, на которых когда-то бродячий комедиант расписался в получении денег для своей труппы.

Но даже лишенный и рукописей и писем, он покинул однажды землю, в которой остались лежать самоубийцы и мертворожденные дети, и поместился над высохшей чашей фонтана. Вот он! Это он – королевский комедиант с бронзовыми бантами на башмаках! И я, которому никогда не суждено его увидеть, посылаю ему свой прощальный привет.

Москва, 1932–1933 гг.

Приложение

Кабала святош[95 – Рукопись не сохранилась. В личном фонде М. А. Булгакова в РГБ, в фондах РГАЛИ и музея МХАТа хранится больше двух десятков машинописных копий, из которых публикаторы выбирают наиболее соответствующий авторской воле, с их точки зрения. Одни публикуют первый вариант полного текста пьесы «Кабала святош», по автографу, с датой в конце: 6 декабря 1929 года; другие публикуют второй полный текст пьесы «Кабала святош», по первой известной машинописи, перепечатанной после 6 декабря; третьи публикуют авторизованную машинопись, на обложке которой М. А. Булгаков написал: «В знак дружбы милой Елене Сергеевне! „Был королевский спектакль...“ Акт I. 1930 г. 14 мая. М. Булгаков». Этот текст, считают публикаторы, «свободный от цензурных искажений и вынужденных поправок для театра», полностью соответствует последней авторской воле. А может быть, авторской воле соответствует и первая известная машинопись, перепечатанная после 6 декабря и опубликованная В. И. Лосевым в книге: «Неизвестный Булгаков», М., 1993. Так что этот вопрос нельзя считать решенным: выбор и подготовка к

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru публикации основной редакции пьесы, наиболее полно воплощающей последнюю волю автора, еще предстоит ученым и публикаторам. Этот текст опубликован в книгах: Булгаков М. Собрание сочинений в пяти томах. Том третий. М., 1990; М. Булгаков. Пьесы 1930-х годов. Санкт-Петербург, 1994. Выбор и подготовка текста и в первом, и во втором случае принадлежат одному лицу – О. В. Рыковой. Публикуется по ксерокопии пьесы в книге «Пьесы 1930-х годов», сверенной с машинописью, хранящейся в Российской государственной библиотеке, ф. 562, к. 12, ед. хр. 4.0. В. Рыкова, изучившая основные и театральные редакции пьесы, утверждает, что опубликованный в 1962 году вариант «Кабалы святош» весьма уязвим в текстологическом отношении: «...в нем имеются два слоя купюр и искажений: 1) цензурные, реперткомовские поправки (частично) и 2) исключения фрагментов текста, относящихся к теме „кровосмесительства“. В тексте пропущены или изменены важные детали: оставлено чтение „ненавижу королевскую тиранию“ вместо „бессудную тиранию“; финальная запись Лагранжа дается в следующем виде: „Причиной этого явилась немилость короля и черная Кабала“, вместо авторского текста: „Причиной этого явилась ли немилость короля или черная Кабала?.. (Думает.) Причиной этого явилась судьба“. Имеется много мелких неточностей: перестановки слов, добавленные союзы, морфологические разночтения. Все они могли возникнуть при случайных перепечатках. Таким образом, издававшийся текст „Кабалы святош“ представляет собой произвольный вариант основной редакции, не совпадающий целиком ни с авторским, ни с реперткомовским вариантом...» (См.: Булгаков М. Пьесы 30-х годов. С-п, М., 1994, с. 554.) Однако нет сомнений в том, что издававшийся текст готовила Е. С. Булгакова, благоговейно относившаяся к своим обязанностям хранителя булгаковского слова. Так что не будем спешить отказываться от изданного в 1962 году текста. На первых же чтениях пьесы профессиональные слушатели упрекнули писателя, что пьеса «не затрагивает актуальных вопросов», хотя в ней действительно много интересного и прекрасного материала для театра и актеров. Булгаков, отвечая на этот упрек, сказал, что он не мог бы написать о классово-борьбе в XVII веке, не мог бы создать антирелигиозную пьесу или монументальную трагедию, что привлекло бы сразу все театры; он хотел написать пьесу о светлом, ярком таланте Мольера, задвленного черной кабалой святош при абсолютном равнодушии королевской власти. По другому случаю М. Булгаков уточнил свой творческий замысел: «Я писал романтическую драму, а не историческую хронику. В романтической драме невозможна и не нужна полная биографическая точность» («Горьковец», 15 февраля 1936 г.) Но мало кто прислушался к словам М. А. Булгакова: в Реперткоме потребовали дать пьесе новое название – «Мольер», а Театр, тоже не вникнув в творческий замысел пьесы, начал репетировать именно «Мольера», разрушая постепенно великолепное театральное здание, созданное автором. При этом Театру приходилось все время помнить о вышестоящих инстанциях, которые могут отменить свое разрешение и запретить репетиции пьесы, привлекая внимание общественности. Уж не говоря об общественно-политической обстановке, которая с каждым годом становилась все трагичнее. Во всех исследованиях говорится о неблагоприятной роли Главреперткома в судьбе «Кабалы святош». Но вот О. В. Рыкова сравнила две редакции и выявила все замечания реперткомовских сотрудников. Приведем их полностью, настолько они любопытны и характерны. Подчеркнутые слова и фразы Репертком предлагал вычеркнуть или заменить на другие: «дано новое название – „Мольер“. Из числа действующих лиц убрана монашка. 1 действие. В ремарке после сцены с Лагранжем: „Берет фонарь и уходит, как темный рыцарь“, 2 действие. Сцена после ухода Людовика с Мольером: „исчезают все придворные“ – исправлено на „уходят“. В ремарке перед сценой Арманды и Муаррона: „Муаррон кончил пьесу“ исправлено на „играть“. Сцена Муаррона и Арманды: „Муаррон (поднимает край ее платья, целует ногу). Арманды“. Далее, ремарка в тексте Муаррона „Целует другое колено“. В ремарке перед сценой Кабалы: «В нише мерцает святая чаша»; далее «библия» исправлено на «книга». 3 действие. Начало сцены в соборе: «Необъятный собор полон ладаном, туманом и тьмой. Бродят огоньки». Далее: «...и послышался хриплый шепот: „Вы видели „Тартюфа“?... Вы видели „Тартюфа“?...“ и пропал». Ремарка: «Орган зазвучал в высоте». «Шаррон (превращаясь в дьявола). И увидишь костры, а меж ними...», а «меж» исправлено на «между». «В высоте со свечами прошла процессия, и спели детские голоса. Потом все исчезло». «Шаррон (глухо). Я здесь... Я здесь... я здесь». Ремарка: «Орган запел мощно». «Шаррон (плача счастливыми слезами). Лети, лети». Сцена Шаррона с Армандой: «Шаррон (возникает страшен, в рогатой митре, крестит обратным дьявольским крестом Арманду несколько раз быстро). Орган загудел мощно». Следующая ремарка: «Орган гудит успокоительно. Лагранж (возвращается в полумраке, как темный рыцарь)». 4 действие. Ремарка: «Свечи в канделябрах, таинственные тени на стенах. <...> Лагранж в темном плаще, ходит взад и вперед и не то поет, не то что-то напевает. За ним по стене ходит темная рыцарская тень». Сцена возвращения Муаррона. «Мольер. Ах, сердце человеческое!

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Ах, куманек мой, ах король!»Сцена Мольера с Бутоном «Ненавижу бессудную тиранию» – «бессудную» заменено на «королевскую».Сцена смерти Мольера: «В ответ на удар литавр в уборной Мольера вырастает страшная Монашка».«Монашка /гнусаво/. Где его костюмы? /Быстро собирает все костюмы Мольера и исчезает с ними/» – вначале было исправлено «вырастает» на «появляется», «исчезает» на «уходит», затем весь этот текст был зачеркнут.Сцена уноса тела Мольера, ремарка: «...бросаются к Мольеру, окружают его страшной толпой, и он исчезает». «Он исчезает» заменено на «уносят».Ремарка после последних слов Риваль: «...Последняя свеча гаснет, и сцена погружается во тьму. Все исчезает».Конец пьесы, заключительные слова Лагранжа: «Что же явилось причиной этого? Что? Как записать? Причиной этого явилась ли немилость короля или черная Кабала?.. (Думает.) Причиной этого явилась судьба. Так я и запишу. (Пишет и угасает во тьме)». После исправлений текст читается так: «Как записать?.. Причиной этого явилась немилость короля и черная Кабала!.. Так и запишу. (Пишет и угасает во тьме)». (См: Булгаков М. Пьесы 30-х годов. С-П., 1994, с. 564-565)Чаще всего разночтения возникают в тех эпизодах пьесы, когда автор касается темы «кровосмешительства». Биографы Мольера по-разному трактуют этот эпизод в жизни знаменитого драматурга, чаша весов склоняется то в одну сторону, то в другую, но веских доказательств нет ни у одной, ни у другой стороны. Отсюда и колебания самого Булгакова.«Многоуважаемый Алексей Максимович! При этом письме посылаю Вам экземпляр моей пьесы „Мольер“ с теми поправками, которые мною сделаны по предложению Главного Репертуарного Комитета. В частности, предложено заменить название „Кабала святош“ другим. Уважающий Вас М. Булгаков», – писал М. А. Булгаков 30 сентября 1931 года.Этот экземпляр тоже может быть отнесен к основным редакциям, 3 октября 1931 года пьеса наконец-то получила разрешительную визу Главреперткома. На обложке этого текста есть посвящение: «Жене моей Любви Евгеньевне Булгаковой посвящается». Рукой Любви Евгеньевны написан и эпитафия на французском языке к основным редакциям и должен быть отнесен текст, опубликованный в 1962-м, 1965-м, 1986-м и др.]

Пьеса в четырех действиях

Rien ne manque õ sa gloire. Il manquait õ la notre.[96 - для его славы ничего не нужно. Он нужен для нашей славы. (франц., пер. авт.)]

Действующие лица:

Жан Батист Поклен де Мольер, знаменитый драматург и актер.

Мадлена Бежар, Арманда Бежар де Мольер, Мариетта Риваль, актрисы.

Шарль Варле де Лагранж, актер, по прозвищу «Регистр».

Захария Муаррон, знаменитый актер-любовник.

Филибер дю Круази, актер.

Жан-Жак Бутон, тушильщик свечей и слуга Мольера.

Людвик Великий, король Франции.

Маркиз д'Орсиньи, Дуэлянт, по кличке «Одноглазый, помолись!»

Маркиз де Шаррон, архиепископ города Парижа.

Маркиз де Лессак, игрок.

Справедливый сапожник, королевский шут.

Шарлатан с клавесином.

Незнакомка в маске.

Отец Варфоломей, бродячий проповедник.

Брат Сила, Брат Верность, члены Кабалы Священного писания.

Ренэ, дряхлая нянька Мольера.

Монашка.

Суфлер.

Члены Кабалы Священного писания в масках и черных плащах.

Придворные, мушкетеры и другие.

Действие в Париже, в век Людовика XIV.

Действие первое

За занавесом слышен очень глухой раскат смеха тысячи людей. Занавес раскрывается – сцена представляет театр Пале-Рояль. Тяжелые занавесы. Зеленая афиша, с гербами и орнаментом. На ней крупно: «Комедианты господина...» и мелкие слова. Зеркало. Кресло. Костюмы. На стыке двух уборных, у занавеса, которым они разделены, громадных размеров клавишин. Во второй уборной – довольно больших размеров распятие, перед которым горит лампада. В первой уборной налево дверь, множество сальных свечей (свету, по-видимому, не пожалели). А во второй уборной на столе только фонарь с цветными стеклами. На всем решительно, и на вещах, и на людях (кроме Лагранжа), – печать необыкновенного события, тревоги и волнения. Лагранж, не занятый в спектакле, сидит в уборной, погруженный в думу. Он в темном плаще. Он молод красив и важен. Фонарь на его лицо бросает таинственный свет. В первой уборной Бутон, спиной к нам, припал к щели в занавесе. И даже по спине его видно, что зрелище вызывает в нем чувство жадного любопытства. Рожа Шарлатана торчит в дверях. Шарлатан приложил руку к уху – слушает. Слышны взрывы смеха, затем финальный раскат хохота. Бутон схватывается за какие-то веревки, и звуки исчезают. Через мгновение из разреза занавеса показывается Мольер и по ступенькам сбегает вниз в уборную. Шарлатан скромно исчезает. На Мольере преувеличенный парик и карикатурный шлем. В руках палаш. Мольер загримирован Сганарелем – нос лиловый с бородавкой. Смешон.левой рукой Мольер держится за грудь, как человек, у которого неладно с сердцем. Грим плывет с его лица.

Мольер(сбрасывая шлем, переводя дух). Воды!

Бутон. Сейчас. (Подает стакан.)

Мольер. Фу! (Пьет, прислушивается с испуганными глазами.)

Дверь распахивается, вбегает загримированный Полишинелем Дю Круази, глаза опрокинуты.

Дю Круази. Король аплодирует! (Исчезает.)

Суфлер(в разрезе занавеса). Король аплодирует!

Мольер(Бутону). Полотенце мне! (Вытирает лоб, волнуется.)

Мадлена(в гриме появляется в разрезе занавеса). Скорее. Король аплодирует!

Мольер(волнуясь). Да, да, слышу. Сейчас. (У занавеса крестится.) Пречистая дева, Пречистая дева. (Бутону.) Раскрывай всю сцену!

Бутон опускает сначала занавес, отделяющий от нас сцену, а затем громадный главный, отделяющий сцену от зрительного зала. И вот она одна видна нам в профиль. Она приподнята над уборными, пуста. Ярко сияют восковые свечи в люстрах. Зала не видно, видна лишь крайняя золоченая ложа, но она пуста. Чувствуется только таинственная, насторожившаяся синь чуть затемненного зала. Шарлатанское лицо моментально появляется в дверях. Мольер поднимается на сцену так, что мы видим его в профиль. Он идет кошачьей походкой к рампе, как будто подкрадывается, сгибает шею, перьями шляпы метет пол. При его появлении один невидимый человек в зрительном зале начинает аплодировать, а за этим из зала громовые рукоплескания. Потом тишина.

Мольер. Ваше... величество... Ваше величество. Светлейший государь... (Первые слова он произносит чуть-чуть заикаясь – в жизни он немного заикается, – но потом его речь выравнивается, и с первых же слов становится понятно, что он на сцене первоклассен. Богатство его интонаций, гримас и движений неисчерпаемо. Улыбка его легко заражает.) Актеры труппы Господина, всевернейшие и всеподданнейшие слуги ваши, поручили мне благодарить вас за ту неслыханную честь, которую вы оказали нам, посетив наш театр. И вот, сир... я вам ничего не могу сказать.

В зале порхнул легкий смешок и пропал.

Муза, муза моя, о лукавая Талия!
Всякий вечер, услышав твой крик,
При свечах в Пале-Рояле я...
Надеваю Сганареля парик.
Поклонившись по чину – пониже –
Надо – платит партер тридцать су, –
Я, о сир, для забавы Парижа – (Пауза.)
Околесину часто несу.

В зале прошел смех.

Но сегодня, о муза комедии,
Ты на помощь ко мне спешి.
Ах, легко ли, легко ль в интермедии
Солнце Франции мне смешить.

В зале грянул аплодисмент.

Бутон. Ах, голова! Солнце придумал.

Шарлатан(с завистью). Когда он это сочинил?

Бутон(высокомерно). Никогда. Экспромт.

Шарлатан. Мыслимо ли это?

Бутон. Ты не сделаешь.

Мольер(резко меняет интонацию).

Вы несете для нас королевское бремя.
Я – комедиант – ничтожная роль.
Но я славен уж тем, что играл в твое время, Людовик!
Великий!.. (Повышает голос.)
Французский!!.. (Кричит.)
Король!!..
(Бросает шляпу в воздух.)

В зале начинается что-то невообразимое. Рев: «Да здравствует король!» Пламя свечей ложится. Бутон и Шарлатан машут шляпами, кричат, но слов их не слышно. В реве прорываются ломаные сигналы гвардейских труб. Лагранж стоит неподвижно у своего огня, сняв шляпу. Овация кончается, и наступает тишина.

Голос Людовика(из сини). Благодарю вас, господин де Мольер.

Мольер. Всепослушнейшие слуги ваши просят вас посмотреть еще одну смешную интермедию, если только мы вам не надоели.

Голос Людовика. О, с удовольствием, господин де Мольер.

Мольер(кричит). Занавес!

Главный занавес закрывает зрительный зал, и за занавесом тотчас начинается музыка. Бутон закрывает и тот занавес, который отделяет сцену от нас, и она исчезает. Шарлатанское лицо скрывается.

Мольер(появившись в уборной, бормочет). Купил!.. убью его и зарезу!..

Бутон. Кого бы он хотел зарезать в час триумфа?

Мольер(схватывает Бутона за глотку). Тебя!

Бутон(кричит). Меня душат на королевском спектакле!

Лагранж шевельнулся у огня, но опять застыл. На крик вбегают Мадлена и Риваль – почти совершенно голая, она переодевалась. Обе актрисы схватывают Мольера за штаны, оттаскивая от Бутона, причем Мольер лягает их ногами. Наконец Мольера отрывают с куском Бутонина кафтана. Мольера удаётся повалить в кресло.

Мадлена. Вы с ума сошли! В зале слышно.

Мольер. Пустите!

Риваль. Господин Мольер! (Зажимает рот Мольеру.)

Потрясенный Шарлатан заглядывает в дверь.

Бутон(глядя в зеркало, ощупывает разорванный кафтан). Превосходно сделано и проворно. (Мольеру.) В чем дело?

Мольер. Этот негодяй... Я не понимаю, зачем я держу при себе мучителя. Сорок раз играли, все было в порядке, а при короле свеча повалилась в люстре, воском каплет на паркет...

Бутон. Мэтр, вы сами выделявали смешные коленца и палашом повалили свечку.

Мольер. Врешь, бездельник!

Лагранж кладет голову на руки и тихо плачет.

Риваль. Он прав. Вы задели свечку шпагой.

Мольер. В зале смеются. Король удивлен...

Бутон. Король самый воспитанный человек во Франции и не заметил никакой свечки.

Мольер. Так я повалил? Я? Гм... Почему же в таком случае я на тебя кричал?

Бутон. Затрудняюсь ответить, сударь.

Мольер. Я, кажется, надорвал твой кафтан?

Бутон судорожно смеется.

Риваль. Боже, в каком я виде! (Схватывает кафтан и, закрывшись им, улетает.)

Дю Круази(появился в разрезе занавеса с фонарем). Госпожа Бежар, выход, выход, выход... (Исчез.)

Мадлена. Бегу. (Убегает.)

Мольер(Бутону). Возьми этот кафтан.

Бутон. Благодарю вас. (Снимает кафтан и штаны, проворно надевает одни из штанов Мольера с кружевными канонами.)

Мольер. Э... э... э... А штаны почему?

Бутон. Мэтр, согласитесь сами, что верхом безвкусицы было бы соединить такой чудный кафтан с этими гнусными штанами. Извольте глянуть: ведь это срам – штаны. (Надевает и кафтан.) Мэтр, в кармане обнаружены мною две серебряные монеты незначительного достоинства. Как прикажете с ними поступить?

Мольер. В самом деле. Я полагаю, мошенник, что лучше всего их сдать в музей. (Поправляет грим.)

Бутон. Я тоже. Я сдам. (Прячет деньги.) Ну, я пошел снимать нагар. (Вооружается свечными щипцами.)

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Мольер. Попрошу со сцены не пялить глаз на короля.

Бутон. Кому вы это говорите, мэтр. Я тоже воспитан, потому что француз по происхождению.

Мольер. Ты француз по происхождению и болван по профессии.

Бутон. Вы по профессии – великий артист и грубиян – по характеру. (Скрывается.)

Мольер. Совершил я какой-то грех, и послал мне его Господь в Лиможе.

Шарлатан. Господин директор. Господин директор.

Мольер. Ах, да, с вами еще. Вот что, сударь... Это... Вы простите меня за откровенность – фокус второго разряда. Но партерной публике он понравится. Я выпущу вас в антракте в течение недели. Но все-таки, как вы это делаете?

Шарлатан. Секрет, господин директор.

Мольер. Ну, я узнаю. Возьмите несколько аккордов, только тихонько.

Шарлатан, загадочно улыбаясь, подходит к клавесину, садится на табуретку в некотором расстоянии от клавесина, делает такие движения в воздухе, как будто играет, и клавиши в клавесине вжимаются, клавесин играет нежно.

Черт! (Бросается к клавесину, стараясь поймать невидимые нити.)

Шарлатан улыбается загадочно.

Ну, хорошо. Получайте задаток. Где-то пружина, не правда ли?

Шарлатан. Клавесин останется на ночь в театре?

Мольер. Ну конечно. Не тащить же его вам домой.

Шарлатан кланяется и уходит.

Дю Круази(выглянул с фонарем и книгой). Господин де Мольер. (Скрывается.)

Мольер. Да. (Скрывается, и немедленно за его исчезновением доносится гул смеха.)

Портьера, ведущая в уборную с зеленым фонарем, отодвигается, и возникает Арманда. Черты лица ее прелестны и напоминают Мадлену. Ей лет семнадцать. Хочет проскользнуть мимо Лагранжа.

Лагранж. Стоп.

Арманда. Ах, это вы, милый Регистр. Почему вы притаились здесь как мышь? А я

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
глядела на короля. Но я спешу.

Лагранж. Успеете. Он на сцене. Почему вы называете меня Регистр? Быть может, прозвище мне неприятно.

Арманда. Милый господин Лагранж. Вся труппа очень уважает вас и вашу летопись. Но если угодно, я перестану вас так называть.

Лагранж. Я жду вас.

Арманда. А зачем?

Лагранж. Сегодня семнадцатое, и вот я поставил черный крестик в регистре.

Арманда. Разве случилось что-нибудь или кто-нибудь в труппе умер?

Лагранж. Нехороший черный вечер отмечен мной. Откажитесь от него.

Арманда. Господин де Лагранж, у кого вы получили право вмешиваться в мои дела?

Лагранж. Злые слова. Я умоляю вас, не выходите за него.

Арманда. Ах, вы влюблены в меня?

За занавесом глухо слышна музыка.

Лагранж. Нет, вы мне не нравитесь.

Арманда. Пропустите, сударь.

Лагранж. Нет. Вы не имеете права выйти за него. Вы так молоды. Взываю к лучшим вашим чувствам.

Арманда. У всех в труппе помутился ум, честное слово. Какое вам дело до этого?

Лагранж. Сказать вам не могу, но большой грех.

Арманда. А, сплетня о сестре. Слышала. Вздор. Да если бы у них и был роман, что мне до этого. (Делает попытку отстранить Лагранжа и пройти.)

Лагранж. Стоп. Откажитесь от него. Нет? Ну, так я вас заколю. (Вынимает шпагу.)

Арманда. Вы сумасшедший убийца. Я...

Лагранж. Что гонит вас к несчастью? Ведь вы не любите его, вы девочка, а он...

Арманда. Нет, я люблю...

Лагранж. Откажитесь.

Арманда. Регистр, я не могу. Я с ним в связи и... (Шепчет Лагранжу на ухо.)

Лагранж(вкладывает шпагу). Идите, больше не держу вас.

Арманда(пройдя). Вы – насильник. За то, что вы угрожали мне, вы будете противны мне.

Лагранж(волнуясь). Простите меня, я хотел вас спасти. Простите. (Закутывается в плащ и уходит, взяв свой фонарь.)

Арманда(в уборной Мольера). Чудовищно, чудовищно...

Мольер(появляется). А!

Арманда. Мэтр, весь мир ополчился на меня!

Мольер(обнимает ее, и в то же мгновение появляется Бутон). А, черт возьми!
(Бутону.) Вот что: походи осмотри свечи в партере.

Бутон. Я только что оттуда.

Мольер. Тогда вот что: походи к буфетчице и принеси мне графин вина.

Бутон. Я принес уже. Вот оно.

Мольер(тихо). Тогда вот что: походи отсюда просто ко всем чертям, куда-нибудь.

Бутон. С этого прямо и нужно было начинать. (Идет.) Эх-хе-хе. (От двери.) Мэтр, скажите, пожалуйста, сколько вам лет?

Мольер. Что это значит?

Бутон. Конные гвардейцы меня спрашивали.

Мольер. Пошел вон.

Бутон уходит.

(Закрыв за ним двери на ключ.) Целуй меня.

Арманда(повисает у него на шее). Вот нос, так уж нос. Под него не подлезешь.

Мольер снимает нос и парик, целует Арманду.

(Шепчет ему.) Ты знаешь, я... (Шепчет ему что-то на ухо.)

Мольер. Моя девочка... (Думает.) Теперь это не страшно. Я решился. (Подводит ее к распятию.) Поклянись, что любишь меня.

Арманда. Люблю, люблю, люблю...

Мольер. Ты не обманешь меня? Видишь ли, у меня уже появились морщины, я начинаю седеть. Я окружен врагами, и позор убьет меня...

Арманда. Нет, нет! Как можно это сделать!

Мольер. Я хочу жить еще один век! С тобой! Но не беспокойся, я за это заплачу, заплачу! Я тебя создам! Ты станешь первой, будешь великой актрисой. Это мое мечтанье, и, стало быть, это так и будет. Но помни, если ты не сдержишь клятву, ты отнимешь у меня все.

Арманда. Я не вижу морщин на твоём лице. Ты так смел и так велик, что у тебя не может быть морщин. Ты – Жан...

Мольер. Я – Батист...

Арманда. Ты – Мольер! (Целует его.)

Мольер(смеется, потом говорит торжественно). Завтра мы с тобой обвенчаемся. Правда, мне много придется перенести из-за этого...

Послышался далекий гул рукоплесканий. В двери стучат.

Ах, что за жизнь!

Стук повторяется.

Дома, у Мадлены, нам сегодня нельзя будет встретиться. Поэтому сделаем вот как: когда театр погаснет, приходи к боковой двери, в саду, и жди меня, я проведу тебя сюда. Луны нет.

Стук превращается в грохот.

Бутон(вопит за дверью). Мэтр... мэтр...

Мольер открывает, и входят Бутон, Лагранж и Одноглазый в костюме Компании Черных мушкетеров и с косой черной повязкой на лице.

Одноглазый. Господин де Мольер?

Мольер. Ваш покорнейший слуга.

Одноглазый. Король приказал мне вручить вам его плату за место в театре – тридцать су. (Подает монеты на подушке.)

Мольер целует монеты.

Но, ввиду того, что вы трудились для короля сверх программы, он приказал мне передать вам доплату к билету за то стихотворение, которое вы сочинили и прочитали королю, – здесь пять тысяч ливров. (Подает мешок.)

Мольер. О, король! (Лагранжу.) Мне пятьсот ливров, а остальное раздели поровну между актерами труппы и раздай на руки.

Лагранж. Благодарю вас от имени актеров. (Берет мешок и уходит.)

Вдали полетел победоносный гвардейский марш.

Мольер. Простите, сударь, король уезжает. (Убегает.)

Одноглазый(Арманде). Сударыня, я очень счастлив, что случай... Кх, кх... дал мне возможность... Капитан Компании Черных мушкетеров, д'Орсиньи.

Арманда(приседая). Арманда Бежар. Вы – знаменитый фехтовальщик, который может каждого заколоть?

Одноглазый. Кх... кх... Вы, сударыня, без сомнения, играете в этой труппе?

Бутон. Началось. О, мой легкомысленный мэтр.

Одноглазый(с удивлением глядя на кружева на штанах Бутона). Вы мне что-то сказали, почтеннейший?

Бутон. Нет, сударь.

Одноглазый. Стало быть, у вас привычка разговаривать с самим собой?

Бутон. Именно так, сударь. Вы знаете, одно время я разговаривал во сне.

Одноглазый. Что вы говорите?

Бутон. Ей-богу. И – какой курьез, вообразите...

Одноглазый. Что за черт такой! Помолись... (Арманде.) Ваше лицо, сударыня...

Бутон(втираясь). Дико кричал во сне. Восемь лучших врачей в Лиможе лечили меня...

Одноглазый. И они помогли вам, надеюсь?

Бутон. Нет, сударь. В три дня они сделали мне восемь кровопусканий, после чего я лег и остался неподвижен, ежеминутно приобщаясь Святых тайн.

Одноглазый(тоскливо). Вы оригинал, любезнейший. Помолись. (Арманде.) Я льщу себя, сударыня... Кто это такой?

Арманда. Ах, сударь, это тушительщик свечей – Жан-Жак Бутон.

Одноглазый(с укором). Милейший, в другой раз как-нибудь я с наслаждением прослушаю о том, как вы орали во сне.

Мольер входит.

Честь имею кланяться. Бегу догонять короля.

Мольер. Всего лучшего.

Одноглазый уходит.

Арманда. До свидания, мэтр.

Мольер(провожая ее). Луны нет, я буду ждать. (Бутону.) Попроси ко мне госпожу Мадлену Бежар. Гаси огни, ступай домой.

Бутон уходит. Мольер переодевается. Мадлена, разгримированная, входит.

Мадлена, есть очень важное дело.

Мадлена берет за сердце, садится.

Я хочу жениться.

Мадлена(мертвым голосом). На ком?

Мольер. На твоей сестре.

Мадлена. Умоляю, скажи, что ты шутишь.

Мольер. Бог с тобой.

Огни в театре начинают гаснуть.

Мадлена. А я?

Мольер. Что же, Мадлена, мы связаны прочнейшей дружбой, ты верный товарищ, но ведь любви между нами давно нет...

Мадлена. Ты помнишь, как двадцать лет назад ты сидел в тюрьме? Кто приносил тебе пищу?

Мольер. Ты.

Мадлена. А кто ухаживал за тобой в течение двадцати лет?

Мольер. Ты, ты.

Мадлена. Собаку, которая всю жизнь стерегла дом, никто не выгонит. Ну, а ты, Мольер, можешь выгнать. Страшный ты человек, Мольер, я тебя боюсь.

Мольер. Не терзай меня. Страсть охватила меня.

Мадлена(вдруг становясь на колени, подползает к Мольеру). А? А все же... измени свое решение, Мольер. Сделаем так, как будто этого разговора не было. А? Пойдем домой, ты зажжешь свечи, я приду к тебе... Ты считаешь мне третий акт «Тартюфа». А? (Заискивающе.) По-моему, это вещь гениальная... А если тебе понадобится посоветоваться, с кем посоветуешься, Мольер, ведь она девчонка... Ты, знаешь ли, постарел, Жан-Батист, вон у тебя висок седой... Ты любишь грелку. Я тебе все устрою... Вообрази, свеча горит... Камин зажжем, и все будет славно. А если, если уж ты не можешь, о, я знаю тебя... Посмотри на Риваль... Разве она плоха? Какое тело!.. А? Я ни слова не скажу...

Мольер. Одумайся. Что ты говоришь. Какую роль на себя берешь. (Вытирает тоскливо пот.)

Мадлена(поднимаясь, в исступлении). На ком угодно, только не на Арманде! О, проклятый день, когда я привезла ее в Париж.

Мольер. Тише, Мадлена, тише, прошу тебя. (Шепотом.) Я должен жениться на ней... Поздно. Обязан. Поняла?

Мадлена. Ах, вот что. Мой Бог, Бог! (Пауза.) Больше не борюсь, сил нет. Я

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
отпускаю тебя. (Пауза.) Мольер, мне тебя жаль.

Мольер. Ты не лишишь меня дружбы?

Мадлена. Не подходи ко мне, умоляю. (Пауза.) Ну, так – из труппы я ухожу.

Мольер. Ты мстишь?

Мадлена. Бог видит, нет. Сегодня был мой последний спектакль. Я устала...
(Улыбается.) Я буду ходить в церковь...

Мольер. Ты непреклонна. Театр даст тебе пенсию. Ты заслужила.

Мадлена. Да.

Мольер. Когда твое горе уляжется, я верю, что ты вернешь мне расположение и
будешь видеться со мной.

Мадлена. Нет.

Мольер. Ты и Арманду не хочешь видеть?

Мадлена. Арманду буду видеть. Арманда ничего не должна знать. Понял? Ничего.

Мольер. Да.

Огни всюду погасли.

(Зажигает фонарь.) Поздно, пойдем, я доведу тебя до твоего дома.

Мадлена. Нет, благодарю, не надо. Позволь мне несколько минут посидеть у тебя...

Мольер. Но ты...

Мадлена. Скоро уйду, не беспокойся. Уйди.

Мольер(закутывается в плащ). Прощай. (Уходит.)

Мадлена сидит у лампы, думает, бормочет. Сквозь занавес показывается свет
фонаря, идет Лагранж.

Лагранж(важным голосом). Кто остался в театре после спектакля? Кто здесь? Это
вы, госпожа Бежар? Случилось, да? Я знаю.

Мадлена. Я думаю, Регистр.

Пауза.

Лагранж. И у вас не хватило сил сознаться ему?

Мадлена. Поздно. Она живет с ним и беременна. Теперь уже нельзя сказать. Пусть
буду несчастна одна я, а не трое. (Пауза.) Вы – рыцарь, Варле, и вам одному я
сказала тайну.

Лагранж. Госпожа Бежар, я горжусь вашим доверием. Я пытался остановить ее, но мне это не удалось. Никто никогда не узнает. Пойдемте, я провожу вас.

Мадлена. Нет, благодарю, я хочу думать одна. (Поднимается.) Варле (улыбается), я покинула сегодня сцену. Прощайте. (Идет.)

Лагранж. А все же я провожу?

Мадлена. Нет. Продолжайте ваш обход. (Скрывается.)

Лагранж(подходит к тому месту, где сидел вначале, ставит на стол фонарь, освещается зеленым светом, раскрывает книгу, говорит и пишет). Семнадцатого февраля. Был королевский спектакль. В знак чести рисую лилию. После спектакля, во тьме, я застал госпожу Мадлену Бежар в мучениях. Она сцену покинула... (кладет перо.) Причина? Ужасное событие – Жан-Батист Поклен де Мольер, не зная, что Арманда не сестра, а дочь госпожи Мадлены Бежар, женился на ней, совершив смертный грех... Этого писать нельзя, но в знак ужаса ставлю черный крест. И никто из потомков никогда не догадается. Семнадцатому – конец.

Берет фонарь и уходит, как темный рыцарь. Некоторое время мрак и тишина, затем в щелях клавиатура появляется свет, слышен музыкальный звон в замках. Крышка приподымается, и из клавиатура выходит, воровски оглядываясь, Муаррон. Это мальчишка лет пятнадцати, с необыкновенно красивым, порочным и измученным лицом. Оборван, грязен.

Муаррон. Ушли. Ушли. Чтоб вас черти унесли, дьяволы, черти... (Хнычет.) Я несчастный мальчик, грязный... не спал два дня... Я никогда не сплю... (Всхлипывает, ставит фонарь, падает, засыпает.)

Пауза. Потом плывет свет фонарика, и, крадучись, Мольер ведет Арманду. Она в темном плаще. Арманда взвизгивает. Муаррон мгновенно просыпается, на лице у него ужас, трясется.

Мольер(грозно). Сознаться, кто ты такой?

Муаррон. Господин директор, не колите меня, я не вор, я Захария, несчастный Муаррон...

Мольер(расхохотавшись). Понял! Ах, шарлатан окаянный...

Занавес

Действие второе

Приемная короля. Множество огней повсюду. Белая лестница, уходящая неизвестно куда. За карточным столом маркиз де Лессак играет в карты с Людовиком. Толпа придворных, одетая с необыкновенной пышностью, следит за де Лессаком. Перед тем – груда золота, золотые монеты валяются и на ковре. Пот течет с лица у де

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Лессака. Сидит один Людовик, все остальные стоят. Все без шляп. На Людовике костюм Белого мушкетера, лихо заломленная шляпа с пером, на груди орденский крест, золотые шпоры, меч; за креслом стоит Одноглазый, ведет игру короля. Тут же неподвижно стоит мушкетер с мушкетом, не спускает с Людовика глаз.

Де Лессак. Три валета, три короля.

Людовик. Скажите пожалуйста.

Одноглазый(внезапно). Виноват, сир. Крапленые карты, помолись!

Придворные оцепенели. Пауза.

Людовик. Вы пришли ко мне играть краплеными картами?

Де Лессак. Так точно, ваше величество. Обнищание моего имени...

Людовик(Одноглазому). Скажите, маркиз, как я должен поступить по карточным правилам в таком странном случае?

Одноглазый. Сир, вам надлежит ударить его по физиономии подсвечником. Это во-первых...

Людовик. Какое неприятное правило. (Берясь за канделябр.) В этом подсвечнике фунтов пятнадцать. Я полагаю, легкие бы надо ставить.

Одноглазый. Разрешите мне.

Людовик. Нет, не затрудняйтесь. А во-вторых, вы говорите...

Придворные(хором – их взорвало). Обругать его как собаку.

Людовик. А! Отлично! Будьте любезны, пошлите за ним, где он.

Придворные бросаются в разные стороны. Голоса: «Сапожника, Справедливого сапожника требует король».

(Де Лессаку.) А скажите, как это делается?

Де Лессак. Ногтем, ваше величество. На дамах, например, я нулики поставил.

Людовик (с любопытством). А на валетах?

Де Лессак. Косые крестики, сир.

Людовик. Чрезвычайно любопытно. А как закон смотрит на эти действия?

Де Лессак(подумав). Отрицательно, ваше величество.

Людовик(участливо). И что же вам могут сделать за это?

Де Лессак(подумав). В тюрьму могут посадить.

Справедливый сапожник(входит с шумом). Иду, бегу, лечу, вошел. Вот я. Ваше величество, здравствуйте. Великий монарх, что произошло? Кого надо обругать?

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Людовик. Справедливый сапожник, вот маркиз сел играть со мной краплеными картами.

Справедливый сапожник(подавлен. Де Лессаку). Да ты... Да ты что... Да ты... спятил, что ли... Да за это при игре в три листика на рынке морду бьют! Хорошо я его отделал, государь?

Людовик. Спасибо.

Справедливый сапожник. Я яблочко возьму?

Людовик. Пожалуйста, возьми. Маркиз де Лессак, берите ваш выигрыш.

Де Лессак набивает золотом карманы.

Справедливый сапожник(расстроен). Ваше величество, да что же это... да вы смеетесь...

Людовик(в пространство). Герцог, если вам не трудно, посадите маркиза Де Лессака на один месяц в тюрьму. Дать ему туда свечку и колоду карт – пусть рисует на ней крестики и нулики. Затем отправить его в имение – вместе с деньгами. (Де Лессаку.) Приведите его в порядок. И еще: в карты больше не садитесь играть, у меня предчувствие, что вам не повезет в следующий раз.

Де Лессак. О, сир...

Голос: «Стража». Де Лессака уводят.

Справедливый сапожник. Вылетай из дворца!

Одноглазый. К-каналья.

Камердинеры засуетились, и перед Людовиком, словно из-под земли, появился стол с одним прибором.

Шаррон(возник у камина). Ваше величество, разрешите мне представить вам бродячего проповедника, отца Варфоломея.

Людовик(начиная есть). Люблю всех моих подданных, в том числе и бродячих. Представьте мне его, архиепископ.

Еще за дверью слышится странное пение. Дверь открывается, и появляется отец Варфоломей. Во-первых, он босой, во-вторых, лохмат, подпоясан веревкой, глаза безумные.

Варфоломей(приплясывая, поет). Мы полоумны во Христе!

Удивлены все, кроме Людовика. Брат Верность – постная физиономия с длинным носом, в темном кафтане – выделяется из толпы придворных и прокрадывается к Шаррону.

Одноглазый(глядя на Варфоломея, тихо). Жуткий мальчик, помолись!

Варфоломей. Славнейший царь мира. Я пришел к тебе, чтобы сообщить, что у тебя в государстве появился антихрист.

У придворных на лицах оупение.

Безбожник, ядовитый червь, грызущий подножие твоего трона, носит имя Жан-Батист Мольер. Сожги его, вместе с его богомерзким творением «Тартюф», на площади. Весь мир верных сыновей церкви требует этого.

Брат Верность при слове «требует» схватился за голову. Шаррон изменился в лице.

Людовик. Требует? У кого же он требует?

Варфоломей. У тебя, государь.

Людовик. У меня? Архиепископ, у меня тут что-то требуют.

Шаррон. Простите, государь. Он, очевидно, помешался сегодня. А я не знал. Это моя вина.

Людовик(в пространство). Герцог, если не трудно, посадите отца Варфоломея на три месяца в тюрьму.

Варфоломей(кричит). Из-за антихриста страдаю!

Движение – и отец Варфоломей исчезает так, что его как будто и не было. Людовик ест.

Людовик. Архиепископ, подойдите ко мне. Я хочу с вами говорить интимно.

Придворные всей толпой отступают на лестницу. Отступает мушкетер, и Людовик наедине с Шарроном.

Он – полоумный?

Шаррон(твердо). Да, государь, он полоумный, но у него сердце истинного служителя Бога.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Людовик. Архиепископ, вы находите этого Мольера опасным?

Шаррон(твердо). Государь, это сатана.

Людовик. Гм. Вы, значит, разделяете мнение Варфоломея?

Шаррон. Да, государь, разделяю. Сир, послушайте меня. Безоблачное и победоносное царствование ваше не омрачено ничем и ничем не будет омрачено, пока вы будете любить.

Людовик. Кого?

Шаррон. Бога.

Людовик(сняв шляпу). Я люблю его.

Шаррон(подняв руку). Он – там, вы – на земле, и больше нет никого.

Людовик. Да.

Шаррон. Государь, нет пределов твоей мощи и никогда не будет, пока свет религии почиет над твоим государством.

Людовик. Люблю религию.

Шаррон. Так, государь, я, вместе с блаженным Варфоломеем, прошу тебя – заступись за нее.

Людовик. Вы находите, что он оскорбил религию?

Шаррон. Так, государь.

Людовик. Дерзкий актер талантлив. Хорошо, архиепископ, я заступлюсь... Но... (понижив голос) я попробую исправить его, он может служить к славе царствования. Но если он совершит еще одну дерзость, я накажу. (Пауза.) Этот – блаженный ваш, – он любит короля?

Шаррон. Да, государь.

Людовик. Архиепископ, выпустите монаха через три дня, но внушите ему, что, разговаривая с королем Франции, нельзя произносить слово «требуется».

Шаррон. Да благословит тебя Бог, государь, и да опустит он твою карающую руку на безбожника.

Голос: «Слуга вашего величества господин де Мольер».

Людовик. Пригласить.

Мольер входит, издали кланяется Людовику, проходит при величайшем внимании придворных. Он очень постарел, лицо болезненное, серое.

Мольер. Сир.

Людовик. Господин де Мольер, я ужинаю, вы не в претензии?

Мольер. О, сир.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Людовик. А вы со мной? (В пространство.) Стул, прибор.

Мольер(бледнея). Ваше величество, этой чести я принять не могу. Увольте.

Стул появляется, и Мольер садится на краешек его.

Людовик. Как относитесь к цыпленку?

Мольер. Любимое мое блюдо, государь. (Умоляюще.) Разрешите встать.

Людовик. Кушайте. Как поживает мой крестник?

Мольер. К великому горю моему, государь, ребенок умер.

Людовик. Как, и второй?

Мольер. Не живут мои дети, государь.

Людовик. Не следует унывать.

Мольер. Ваше величество, во Франции не было случая, чтобы кто-нибудь ужинал с вами. Я беспокоюсь.

Людовик. Франция, господин де Мольер, перед вами в кресле. Она ест цыпленка и не беспокоится.

Мольер. О, сир, только вы один в мире можете сказать так.

Людовик. Скажите, чем подарит короля в ближайшее время ваше талантливое перо?

Мольер. Государь... то, что может... послужить... (Волнуется.)

Людовик. Остро пишете. Но следует знать, что есть темы, которых надо касаться с осторожностью. А в вашем «Тартюфе» вы были, согласитесь, неосторожны. Духовных лиц надлежит уважать. Я надеюсь, что мой писатель не может быть безбожником?

Мольер(испуганно). Помилуйте... ваше величество...

Людовик. Твердо веря в то, что в дальнейшем ваше творчество пойдет по правильному пути, я вам разрешаю играть в Пале-Рояле вашу пьесу «Тартюф».

Мольер(приходит в странное состояние). Люблю тебя, король! (В волнении.) Где архиепископ де Шаррон? Вы слышите? Вы слышите?

Людовик встает. Голос: «Королевский ужин окончен».

Людовик(Мольеру). Сегодня вы будете стелить мне постель.

Мольер схватывает со стола два канделябра и идет впереди. За ним пошел Людовик, и – как будто подул ветер – все перед ними расступаются.

Мольер(кричит монотонно). Дорогу королю, дорогу королю! (Поднявшись на лестницу, кричит в пустоту.) Смотрите, архиепископ, вы меня не тронете! Дорогу королю!

Наверху загремели трубы.

Разрешен «Тартюф»! (Скрывается с Людовиком.)

Исчезают все придворные, и на сцене остаются только Шаррон и брат Верность; оба черны.

Шаррон(у лестницы). Нет. Не исправит тебя король. Всемогущий Бог, вооружи меня и поведи по стопам безбожника, чтобы я его настиг! (Пауза.) И упадет с этой лестницы! (Пауза.) Подойдите ко мне, брат Верность.

Брат Верность подходит к Шаррону.

Шаррон. Брат Верность, вы что же это? Полоумного прислали? Я вам поверил, что он произведет впечатление на государя.

Брат Верность. Кто же знал, что он произнесет слово «требуется».

Шаррон. Требуется!

Брат Верность. Требуется!!

Пауза.

Шаррон. Вы нашли женщину?

Брат Верность. Да, архиепископ, все готово. Она послала записку и привезет его.

Шаррон. Поедет ли он?

Брат Верность. За женщиной? О, будьте уверены.

Наверху лестницы показывается Одноглазый. Шаррон и брат Верность исчезают.

Одноглазый(веселится в одиночестве). Ловил поп антихриста, поймал... три месяца тюрьмы. Истинный БОГ, помоо...

Справедливый сапожник(появившись из-под лестницы). Ты, Помолись?

Одноглазый. Ну, скажем, я. Ты можешь называть меня просто маркиз д'Орсиньи. Что тебе надо?

Одноглазый. От кого?

Справедливый сапожник. Кто ж ее знает, я ее в парке встретил, а сама она в маске.

Одноглазый(читая записку). Гм.. Какая же это женщина?

Справедливый сапожник(изучая записку). Я думаю, легкого поведения.

Одноглазый. Почему?

Справедливый сапожник. Потому что записки пишет.

Одноглазый. Дурак.

Справедливый сапожник. Чего ж ты лаешься?

Одноглазый. Сложена хорошо?

Справедливый сапожник. Ну, это ты сам узнаешь.

Одноглазый. Ты прав. (Уходит задумчиво.)

Огни начинают гаснуть, и у дверей, как видения, появляются темные мушкетеры. Голос вверху лестницы протяжно: «Король спит». Другой голос в отдалении: «Король спит!» Третий голос в подzemелье таинственно: «Король спит».

Справедливый сапожник. Усну и я.

Ложится на карточный стол, закутывается в портьеру с гербами так, что торчат только его чудовищные башмаки. Дворец расплывается в темноте и исчезает...

...и возникает квартира Мольера. День. Клавесин открыт. Муаррон, пышно разодетый, очень красивый человек лет двадцати двух, играет нежно. Арманда в кресле слушает, не спуская с него глаз. Муаррон кончил пьесу.

Муаррон. Что вы, маменька, скажете по поводу моей игры?

Арманда. Господин Муаррон, я просила уже вас не называть меня маменькой.

Муаррон. Во-первых, сударыня, я не Муаррон, а господин де Муаррон. Вон как. Хе-хе. Хо-хо.

Арманда. Уж не в клавесине ли сидя, вы получили титул?

Муаррон. Забудем клавесин. Он покрылся пылью забвения. Это было давно. Ныне же я знаменитый актер, которому рукоплещет Париж. Хе-хе. Хо-хо.

Арманда. И я вам советую не забывать, что этим вы обязаны моему мужу. Он вытащил вас за грязное ухо из клавесина.

Муаррон. Не за ухо, а за не менее грязные ноги. Отец – пристойная личность, нет слов, но ревнив, как сатана, и характера ужасного.

Арманда. Могу поздравить моего мужа. Изумительного наглеца он усыновил.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Муаррон. Нагловат я, верно, это правильно... Такой характер у меня... Но актер... Нет
равного актера в Париже. (Излишне веселится, как человек, накликающий на себя
беду.)

Арманда. Ах, нахал! А Мольер?

Муаррон. Ну... чего ж говорить... Трое и есть: мэтр да я.

Арманда. А третий кто?

Муаррон. Вы, мама. Вы, моя знаменитая актриса. Вы, Психея. (Тихо аккомпанирует
себе, декламирует.) Весной в лесах... летает Бог...

Арманда (глухо). Отодвинься от меня.

Муаррон(левой рукой обнимает Арманду, правой аккомпанирует). Как строен стан...
Амур герой...

Арманда. Несет колчан... грозит стрелой (Тревожно.) Где Бутон?

Муаррон. Не бойся, верный слуга на рынке.

Арманда(декламирует). Богиня Венера послала любовь. Прильни, мой любовник,
вспени мою кровь.

Муаррон поднимает край ее платья, целует ногу.

(Вздрагивает, закрывает глаза.) Негодяй. (Тревожно.) Где Рене?

Муаррон. Старуха в кухне. (Целует другое колено.) Мама, пойдём ко мне в комнату.

Арманда. Ни за что, Девой Пречистой клянусь.

Муаррон. Пойдем ко мне.

Арманда. Ты самый опасный человек в Париже. Будь неладен час, когда тебя
откопали в клавесине.

Муаррон. Мама, идем...

Арманда. Девой клянусь, нет. (Встает.) Не пойду. (Идет, скрывается с Муарроном
за дверь.)

Муаррон закрывает дверь на ключ.

Зачем, зачем ты закрываешь дверь? (Глухо.) Ты меня погубишь...

Пауза.

Бутон(входит с корзиной овощей, торчат хвосты моркови, прислушивается, ставит
корзину на пол). Странно... (Снимает башмаки, крадется к двери, слушает.) Ах,
разбойник... Но, господи, я здесь ни при чем... ничего не видел, не слышал и не
знаю... Царь небесный, он идет. (Скрывается, оставив на полу корзину и башмаки.)

Входит Мольер, кладет трость и шляпу, недоуменно смотрит на башмаки.

Мольер. Арманда!

Ключ в замке мгновенно поворачивается, Мольер устремляется в дверь. Арманда вскрикивает за дверью, шум за дверью, затем выбегает Муаррон, держит свой парик в руке.

Муаррон. Да как вы смеете?

Мольер(выбегая за ним). Мерзавец! (Задыхаясь.) Не верю, не верю глазам... (Опускается в кресло.)

Ключ в замке поворачивается.

Арманда(за дверью). Жан-Батист, опомнись!

Бутон заглянул в дверь и пропал.

Мольер(погрозив кулаком двери). Так ты, значит, ел мой хлеб и за это меня обесчестил?

Муаррон. Вы смели меня ударить! Берегитесь! (Берется за рукоятку шпаги.)

Мольер. Брось сейчас же рукоятку, гадина.

Муаррон. Вызываю вас!

Мольер. Меня?

Пауза.

Вон из моего дома.

Муаррон. Вы безумный, вот что, отец. Прямо Сганарель.

Мольер. Бесчестный бродяга. Я тебя отогрел, но я же тебя и ввергну в пучину. Будешь ты играть на ярмарках, Захария Муаррон, с сегодняшнего числа ты в труппе Пале-Рояля не служишь. Иди.

Муаррон. Как, вы гоните меня из труппы?

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Мольер. Уходи, усыновленный вор.

Арманда(за дверью, отчаянно). Мольер!

Муаррон(теряясь). Отец, вам померещилось, мы репетировали «Психею»... своего текста не знаете... Что же это вы разбиваете мою жизнь?

Мольер. Уходи, или я действительно ткну тебя шпагой.

Муаррон. Так.

Пауза.

В высокой мере интересно знать, кто же будет играть Дон Жуана? Уж не Лагранж ли? Хо-хо.

Пауза.

Но смотрите, господин де Мольер, не раскайтесь в вашем безумии.

Пауза.

Я, господин де Мольер, владею вашей тайной.

Мольер рассмеялся.

Муаррон. Госпожу Мадлену Бежар вы забыли? Да? Она при смерти... Все молится... А между тем, сударь, во Франции есть король.

Мольер. Презренный желторотый лгун, что ты несешь?

Муаррон. Несешь? Прямо отсюда отправлюсь я к архиепископу.

Мольер(рассмеялся). Ну, спасибо измене. Узнал я тебя. Но имей в виду, что если до этих твоих слов мое сердце еще могло смягчиться, после них – никогда... Ступай, жалкий дурак.

Муаррон(из двери). Сганарель проклятый!

Мольер хватает со стены пистолет, и Муаррон исчезает.

Мольер(трясет дверь, потом говорит в замочную скважину). Уличная женщина.

Арманда громко зарыдала за дверью.

Мольер. Бутон!

Бутон (в чулках). Я, сударь.

Мольер. Сводник!

Бутон. Сударь...

Мольер. Почему здесь башмаки?!

Бутон. Это, сударь...

Мольер. Лжешь, по глазам вижу, что лжешь!

Бутон. Сударь, чтобы налгать, нужно хоть что-нибудь сказать. А я еще ничего не произнес. Башмаки я снял, ибо... Гвозди изволите видеть? Подкованные башмаки, будь они прокляты... так я, изволите ли видеть, громыхал ногами, а они репетировали и от меня дверь на ключ заперли...

Арманда(за дверью). Да!

Мольер. Овощи при чем?

Бутон. А овощи вообще не участвуют. Ни при чем. Я их с базара принес. (Надевает башмаки.)

Мольер. Арманда!

Молчание.

(Говорит в скважину.) Ты что же, хочешь, чтобы я умер? У меня больное сердце.

Бутон(в скважину). Вы что хотите, чтобы он умер?.. У него больное сердце...

Мольер. Пошел вон! (Ударяет ногой по корзине.)

Бутон исчезает.

Арманда!.. (Садится у двери на скамеечку.) Потерпи еще немного, я скоро освобожу тебя. Я не хочу умирать в одиночестве, Арманда.

Арманда выходит, заплаканная.

А ты можешь поклясться?

Арманда. Клянусь.

Мольер. Скажи мне что-нибудь.

Арманда(шмыгая носом). Такой драматург, а дома, дома... Я не понимаю, как в тебе это может уживаться? Как? Что ты наделал? Скандал на весь Париж. Зачем ты выгнал Муаррона?

Мольер. Да, верно. Ужасный срам! Но ведь он, ты знаешь, негодяй, змееныш... ох, порочный, порочный мальчик, и я боюсь за него. Действительно, от отчаяния он начнет шляться по Парижу, а я его ударил... ох, как неприятно...

Арманда. Верни Муаррона, верни.

Мольер. Пусть один день походит, а потом я его верну.

Занавес

Действие третье

Каменный подвал, освещенный трехсвечной люстрой. В нише мерцает Святая чаша. Стол, покрытый красным сукном, на нем Библия и какие-то рукописи. За столом сидят члены Кабалы Священного писания в масках. В кресле отдельно, без маски, сидит Шаррон. Дверь открывается, и двое в черном – люди жуткого вида – вводят Муаррона со связанными руками и с повязкой на глазах. Руки ему развязывают, повязку снимают.

Муаррон. Куда меня привели?

Шаррон. Это все равно, сын мой. Ну, повторяй при собрании этих честных братьев свой донос.

Муаррон молчит.

Брат Сила. Ты немой?

Муаррон. Кх... я... святой архиепископ... неясно тогда расслышал и... я, пожалуй, лучше ничего не буду говорить.

Шаррон. Похоже, сын мой, что ты мне сегодня утром наклеветал на господина Мольера.

Муаррон молчит.

Брат Сила. Отвечай, грациозная дрянь, архиепископу.

Молчание.

Шаррон. С прискорбием вижу я, сын мой, что ты наклеветал.

Брат Сила. Врать вредно, дорогой актер. Придется тебе сесть в тюрьму, красавчик, где ты долго будешь кормить клопов. А делу мы все равно ход дадим.

Муаррон(хрипло). Я не клеветал.

Брат Сила. Не тяни из меня жилы, рассказывай.

Муаррон молчит.

Эй!

Из двери выходят двое, еще более неприятного вида, чем те, которые Муаррона привели.

(Глядя на башмаки Муаррона.) А у тебя красивые башмаки, но бывают и еще красивее. (Заплечным мастерам.) Принесите сюда испанский сапожок.

Муаррон. Не надо. Несколько лет тому назад я, мальчишкой, сидел в клавесине у шарлатана.

Брат Сила. Зачем же тебя туда занесло?

Муаррон. Я играл на внутренней клавиатуре. Это такой фокус, будто бы самоиграющий клавесин.

Брат Сила. Ну-с.

Муаррон. В клавесине... Нет, не могу, святой отец... я был пьян сегодня утром, я забыл, что я сказал вам.

Брат Сила. В последний раз прошу тебя не останавливаться.

Муаррон. И... ночью слышал, как голос сказал, что господин де Мольер... женился... не на сестре... Мадлены Бежар, а на ее дочери...

Брат Сила. Другими словами, мое сердечко, ты хочешь сказать, что Мольер женился на своей собственной дочери?

Муаррон. Святой отец, я этого не говорю.

Брат Сила. Но я это говорю. Ты ведь знаешь, что Мольер жил двадцать лет с госпожой Мадленой Бежар? Так чей же это был голос?

Муаррон. Я полагаю, что он мне пригрезился.

Брат Сила. Ну, вот, чей пригрезился тебе?

Муаррон. Актера Лагранжа.

Шаррон. Ну, довольно, спасибо тебе, друг. Ты честно исполнил свой долг. Не терзайся. Всякий верный подданный короля и сын церкви за честь должен считать

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
донести о преступлении, которое ему известно.

Брат Сила. Он ничего себе малый. Первоначально он мне не понравился, но теперь я вижу, что он добрый католик.

Шаррон(Муаррону). Ты, друг, проведешь день или два в помещении, где к тебе будут хорошо относиться и кормить, а потом ты поедешь со мной к королю.

Муаррону завязывают глаза, связывают руки и уводят его.

Брат Верность. Кровосмеситель стал кумом королю. Хе-хе...

Шаррон. Именно, дорогие братья. И не желать смерти мы должны ему, ибо мы христиане, а постараться исправить грешника, открыв глаза королю на него. Грешник грешит долго и думает, что Бог забыл его. Но Господь помнит о всех. И обществу надлежит показать, кто таков Мольер, дабы оно отвернулось от него. Так вот, братья, сейчас здесь будет посторонний, и разговаривать с ним я попрошу брата Верность, потому что мой голос он знает.

В дверь стучат. Шаррон надвигает капюшон на лицо и скрывается в полутьме. Брат Верность идет открывать дверь. Появляется Незнакомка в маске и ведет за руку Одноглазого. Лицо у него завязано платком.

Одноглазый. Очаровательница, когда же вы, наконец, разрешите снять повязку? Вы могли бы положиться и на мое слово. Помолись, в вашей квартире пахнет сыростью.

Незнакомка в маске. Еще одна ступенька, маркиз... Так... Снимайте. (Прячется.)

Одноглазый(снимает повязку, осматривается). А! Помолись! (Мгновенно правой рукой выхватывает шпагу, а левой пистолет и становится спиной к стене, обнаруживая большой жизненный опыт.)

Пауза.

У некоторых под плащами торчат кончики шпаг. В большой компании меня можно убить, но предупреждаю, что трех из вас вынесут из этой ямы ногами вперед. Я – Помолись. Ни с места. Где дрянь, заманившая меня в ловушку?

Незнакомка в маске(из тьмы). Я здесь, маркиз, но я вовсе не дрянь.

Брат Сила. Фуй, маркиз, даме...

Брат Верность. Мы просим вас успокоиться, никто не хочет нападать на вас.

Брат Сила. Маркиз, спрячьте ваш пистолет, он смотрит, как дырявый глаз, и портит беседу.

Одноглазый. Где я нахожусь?

Брат Верность. В подвале церкви.

Одноглазый. Требую выпустить меня отсюда.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Брат Верность. Дверь в любую минуту откроют для вас.

Одноглазый. В таком случае, зачем же заманили меня сюда, помолись? Прежде всего – это не заговор на жизнь короля?

Брат Верность. Бог вас простит, маркиз. Здесь пламенные обожатели короля. Вы находитесь на тайном заседании Кабалы Священного писания.

Одноглазый. Ба! Кабала! Я не верил в то, что она существует. Зачем же я понадобился ей? (Прячет пистолет.)

Брат Верность. Присаживайтесь, маркиз, прошу вас.

Одноглазый. Спасибо. (Садится.)

Брат Верность. Мы скорбим о вас, маркиз.

Члены Кабалы(хором). Мы скорбим.

Одноглазый. А я не люблю, когда скорбят. Изложите дело.

Брат Верность. Маркиз, мы хотели вас предупредить о том, что над вами смеются при дворе.

Одноглазый. Это ошибка. Меня зовут «Помолись».

Брат Верность. Кому же во Франции неизвестно ваше несравненное искусство. Поэтому и шепчутся за вашей спиной.

Одноглазый(хлопнув шпагой по столу). Фамилию!

Члены Кабалы перекрестились.

Брат Сила. К чему этот шум, маркиз?

Брат Верность. Шепчет весь двор.

Одноглазый. Говорите, а не то я потеряю терпение.

Брат Верность. Вы изволите знать гнуснейшую пьесу некоего Жана-Батиста Мольера под названием «Тартюф»?

Одноглазый. Я в театр Пале-Рояль не хожу, но слышал о ней.

Брат Верность. В этой пьесе комедиант-безбожник насмеялся над религией и ее служителями.

Одноглазый. Какой негодник.

Брат Верность. Но не одну религию оскорбил Мольер. Ненавидя высшее общество, он и над ним надругался. Пьесу «Дон Жуан», может быть, изволите знать?

Одноглазый. Тоже слышал. Но какое отношение к д'Орсиньи имеет балаган в Пале-Рояле?

Брат Верность. У нас совершенно точные сведения о том, что борзописец вас, маркиз, вывел в качестве своего героя Дон Жуана.

Одноглазый(спрятав шпагу). Что же это за Дон Жуан?

Брат Сила. Безбожник, негодяй, убийца и, простите, маркиз, – растлитель женщин.

Одноглазый(изменившись в лице). Так. Благодарю вас.

Брат Верность(взяв со стола рукопись). Может быть, вам угодно ознакомиться с материалом?

Одноглазый. Нет, благодарю, неинтересно. Скажите, среди присутствующих, может быть, есть кто-нибудь, кто считает, что были основания вывести д'Орсиньи в пакостном виде?

Брат Верность. Братья, нет ли такого?

Среди членов Кабалы полное отрицание.

Такого не имеется. Итак, вы изволите видеть, какими побуждениями мы руководствовались, пригласив вас столь странным способом на тайное заседание. Здесь, маркиз, лица вашего круга, и вы сами понимаете, как нам неприятно...

Одноглазый. Вполне. Благодарю.

Брат Верность. Многоуважаемый маркиз, мы полагаемся на то, что сказанное сегодня останется между нами, равно как и никому не будет известно, что мы тревожили вас.

Одноглазый. Не беспокойтесь, сударь. Где дама, которая привезла меня?

Незнакомка в маске(выходит). Я здесь.

Одноглазый(хмуро). Приношу вам свои извинения, сударыня.

Незнакомка в маске. Бог вас простит, маркиз, прощаю и я. Пожалуйста со мною, я отвезу вас к тому месту, где мы встретились. Вы позволите вам опять завязать лицо, потому что почтенное общество не хочет, чтобы кто-нибудь видел дорогу к месту их заседаний.

Одноглазый. Если уж это так необходимо.

Одноглазому завязывают лицо, и Незнакомка уводит его. Дверь закрывается.

Шаррон(снимая капюшон и выходя из тьмы). Заседание Кабалы Священного писания объявляю закрытым. Помолимся, братья.

Члены Кабалы(встают и тихо поют). Лаудамус тибі, домине, реке этерне глориз...[97 - *Laudamus tibi, Domine, Rex aeternae gloriae...* – начало молитвы: «Слава тебе, Господи, царь вечной славы...» (лат.)]

...Необъятный собор полон ладаном, туманом и тьмой. Бродят огоньки. Маленькая исповедальня архиепископа, в ней свечи. Проходят две темные фигуры, послышался хриплый шепот: «Вы видели „Тартюфа“?... Вы видели „Тартюфа“?...» – и пропал. Появляются Арманда и Лагранж, ведут под руки Мадлену. Та седая, больная.

Мадлена. Спасибо, Арманда. Спасибо вам, Варле, мой преданный друг.

Орган зазвучал в высоте.

Лагранж. Мы подождем вас здесь. Вот дверь архиепископа.

Мадлена крестится и, тихо стукнув, входит в исповедальню. Арманда и Лагранж закутываются в черные плащи, садятся на скамью, и тьма их поглощает.

Шаррон(возникает в исповедальне). Подойдите, дочь моя. Вы – Мадлена Бежар?

Орган умолк.

Узнал я, что вы одна из самых набожных дочерей собора, и сердцу моему вы милы. Я сам решил исповедовать вас.

Мадлена. Какая честь мне, грешнице. (Целует руки Шаррону.)

Шаррон(благословляя Мадлену, накрывает ее голову покрывалом). Вы больны, бедная?

Мадлена. Больна, мой архиепископ.

Шаррон(страдальчески). Что же, хочешь оставить мир?

Мадлена. Хочу оставить мир.

Орган в высоте.

Шаррон. Чем больна?

Мадлена. Врачи сказали, что сгнила моя кровь, и вижу дьявола, и боюсь его.

Шаррон. Бедная женщина. Чем спасаешься от дьявола?

Мадлена. Молюсь.

Орган умолкает.

Шаррон. Господь за это вознесет тебя и полюбит.

Мадлена. А он не забудет меня?

Шаррон. Нет. Чем грешна, говори.

Мадлена. Всю жизнь грешила, мой отец. Была великой блудницей, лгала, много лет была актрисой и всех прельщала.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Шаррон. Какой-нибудь особенно тяжкий грех за собой помнишь?

Мадлена. Не помню, архиепископ.

Шаррон(печально). Безумны люди. И придешь ты с раскаленным гвоздем в сердце, и там уже никто не вынет его. Никогда. Значение слова «никогда» понимаешь ли?

Мадлена(подумав). Поняла. (Испугалась.) Ах, боюсь.

Шаррон(превращаясь в дьявола). И увидишь костры, а меж ними...

Мадлена...ходит, ходит часовой...

Шаррон... и шепчет... зачем же ты не оставила свой грех, а принесла его с собой.

Мадлена. А я заломлю руки, Богу закричу.

Орган зазвучал.

Шаррон. И тогда уже не услышит Господь. И обвиснешь ты на цепях, и ноги погрузишь в костер... И так всегда. Значение «всегда» понимаешь?

Мадлена. Боюсь понять. Если я пойму, я сейчас же умру. (Вскрикивает слабо.)
Поняла. А если оставить здесь?

Шаррон. Будешь слушать вечную службу.

В высоте со свечами прошла процессия, и спели детские голоса. Потом все это исчезло.

Мадлена(шарит руками, как во тьме). Где вы, святой отец?

Шаррон(глухо). Я здесь... я здесь... я здесь...

Мадлена. Хочу слушать вечную службу. (Шепчет страстно.) Давно, давно я жила с двумя, с Мольером и с другим человеком, и прижила дочь Арманду, и всю жизнь терзалась, не зная, чья она.

Шаррон. Ах, бедная...

Мадлена. Я родила ее в провинции, уехав на время от Мольера. Когда же она выросла, я привезла ее в Париж и выдала за свою сестру. Он же, обуреваемый страстью, сошелся с нею, и я уже ничего не сказала ему, чтобы не сделать несчастным и его. Из-за меня он совершил смертный грех. Живет, быть может, со своей дочерью, а меня поверг в ад. Хочу лететь в вечную службу.

Шаррон. А я, архиепископ, властью мне данною, тебя развязываю и отпускаю.

Мадлена(плача от восторга). Теперь могу лететь?

Орган запел мощно.

Шаррон(плача счастливыми слезами). Лети, лети.

Орган умолкает.

Ваша дочь здесь? Позовите ее сюда, я прошу и ей невольный грех.

Мадлена(выходя из исповедальни). Арманда, Арманда, сестра моя, пойдй, архиепископ и тебя благословит. Я счастлива... я счастлива...

Лагранж. Я посажу вас в карету.

Мадлена. А Арманда?

Лагранж. Вернись за ней. (Уводит Мадлену во мрак.)

Арманда входит в исповедальню. Шаррон возникает страшен, в рогатой митре, крестит обратным дьявольским крестом Арманду несколько раз быстро. Орган загудел мощно.

Шаррон. Скажи, ты знаешь, кто был сейчас у меня?

Арманда(ужасается, вдруг все понимает). Нет, нет... Она сестра моя, сестра.

Шаррон. Она твоя мать. Ты дочь Мольера и Мадлены. Тебя я прощаю. Но сегодня же беги от него, беги.

Арманда, слабо вскрикнув, падает навзничь и остается неподвижной на пороге исповедальни. Шаррон исчезает. Орган гудит успокоительно.

Лагранж(возвращается в полумраке, как темный рыцарь). Арманда, вам дурно?

...День. Приемная короля. Людовик – в темном кафтане с золотом – у стола. Перед ним темный и измученный Шаррон. На полу сидит Справедливый сапожник – чинит башмак.

Шаррон. На предсмертной исповеди она мне это подтвердила – и тогда я не счит даже нужным, ваше величество, допрашивать актера Лагранжа, чтобы не раздувать это гнусное дело. И следствие я прекратил. Ваше величество, Мольер запятнал себя преступлением. Впрочем, как будет угодно судить вашему величеству.

Людовик. Благодарю вас, мой архиепископ. Вы поступили правильно. Я считаю дело выясненным. (Звонит, говорит в пространство.) Вызовите сейчас же директора театра Пале-Рояль господина де Мольера. Снимите караулы из этих комнат, я буду говорить наедине. (Шаррону.) Архиепископ, пришлите ко мне этого Муаррона.

Шаррон. Сейчас, сир. (Уходит.)

Справедливый сапожник. Великий монарх, видно, королевство-то без доносов существовать не может?

Людовик. Помалкивай, шут, чини башмак. А ты не любишь доносчиков?

Справедливый сапожник. Ну, чего же в них любить? Такая сволочь, ваше величество.

Входит Муаррон. Глаза у него затравленные, запуган, и имеет такой вид, точно он спал, не раздеваясь. Людовик, которого он видит так близко, очевидно, впервые, производит на него большое впечатление.

Людовик(вежливо). Захария Муаррон?

Муаррон. Так, ваше величество.

Людовик. Вы в клавесине сидели?

Муаррон. Я, сир.

Людовик. Господин де Мольер вас усыновил?

Муаррон молчит.

Я вам задал вопрос.

Муаррон. Да.

Людовик. Актерскому искусству он вас учил?

Муаррон заплакал.

Я вам задал вопрос.

Муаррон. Он.

Людовик. Каким побуждением руководствовались, когда писали донос на имя короля? Здесь написано: желая помочь правосудию.

Муаррон(механически). Так, желая...

Людовик. Верно ли, что он вас ударил по лицу?

Муаррон. Верно.

Людовик. За что?

Муаррон. Его жена изменяла ему со мной.

Людовик. Так. Это не обязательно сообщать на допросе. Можно сказать так: по интимным причинам. Сколько вам лет?

Муаррон. Двадцать три года.

Людовик. Объявляю вам благоприятное известие. Донос ваш подтвержден следствием. Какое вознаграждение хотите получить от короля? Денег хотите?

Муаррон(вздрыгнул. Пауза). Ваше величество, позвольте мне поступить в королевский Бургонский театр.

Людовик. Нет. О вас сведения, что вы слабый актер. Нельзя.

Муаррон. Я – слабый?.. (наивно.) А в театр дю Марэ?

Людовик. Тоже нет.

Муаррон. А что же делать мне?

Людовик. Зачем вам эта сомнительная профессия актера? Вы – ничем не запятанный человек. Если желаете, вас примут на королевскую службу, в сыскную полицию. Подайте на имя короля заявление. Оно будет удовлетворено. Можете идти.

Муаррон пошел.

Справедливый сапожник. На осину, на осину...

Людовик. Шут... (Звонит.) Господина де Мольера.

Лишь только Муаррон скрылся за дверью, в других дверях появляется Лагранж, вводит Мольера и тотчас же скрывается. Мольер в странном виде – воротник надет криво, парик в беспорядке, шпага висит криво, лицо свинцовое, руки трясутся.

Мольер. Сир...

Людовик. Почему и с каким спутником явились вы в то время, как пригласили вас одного?

Мольер(испуганно улыбаясь). Верный ученик мой, актер де Лагранж... проводил. У меня, извольте ли видеть, случился сердечный припадок, и я один дойти не мог... Надеюсь, я ничем не прогневил ваше величество?

Пауза.

У меня, извольте ли... несчастье Случилось... извините за беспорядок в туалете... Мадлена Бежар скончалась вчера, а жена моя, Арманда, в тот же час бежала из дому... Все бросила... Платья, вообразите... комод... кольца... и безумную записку оставила... (Вынимает из кармана какой-то лоскут, заискивающе улыбается.)

Людовик. Святой архиепископ оказался прав. Вы не только грязный хулиган религии в ваших произведениях, но вы и преступник – вы безбожник.

Мольер замер.

Объявляю вам решение по делу о вашей женитьбе: запрещаю вам появляться при

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru дворе, запрещаю играть «Тартюфа». Только с тем, чтобы ваша труппа не умерла с голоду, разрешаю играть в Пале-Рояле ваши смешные комедии, но ничего более... И с этого дня бойтесь напомнить мне о себе! Лишаю вас покровительства короля.

Мольер. Ваше величество... ведь это же бедствие... хуже плахи...

Пауза.

За что?

Людовик. За то, что вы осмелились просить меня крестить ребенка от вас и собственной вашей дочери. За тень скандальной свадьбы, брошенную на королевское имя.

Мольер(опускаясь в кресло). Извините... Я не могу подняться.

Людовик. Уезжайте. Прием окончен. (Уходит.)

Лагранж(заглянув в дверь). Что?

Мольер. Карету... Отвези... Позови...

Лагранж скрывается.

Мадлену бы, посоветоваться... но она умерла... Что же это такое?..

Справедливый сапожник(сочувственно). Ты что же это? В Бога не веришь, да? Э!.. Как тебя скрутило... На яблоко.

Мольер(машинально берет яблоко). Благодарю.

Шаррон входит и останавливается. Долго смотрит на Мольера. У Шаррона удовлетворенно мерцают глаза.

(При виде Шаррона начинает оживать – до этого он лежал грудью на столе. Приподымается, глаза заблестели.) А, святой отец! Довольны! Это за «Тартюфа»? Понятно мне, почему вы так ополчились за религию. Догадливы вы, мой преподобный. Нет спору. Говорят мне как-то приятели: «описали бы вы как-нибудь стерву-монаха». Я вас и изобразил. Потому что где ж взять лучшую стерву, чем вы!

Шаррон. Я скорблю о вас, потому что кто по этому пути пошел, тот уж наверно будет на виселице, сын мой.

Мольер. Да вы меня не называйте вашим сыном, потому что я не чертов сын! (Вынимает шпагу.)

Справедливый сапожник. Что же ты лаешься?

Шаррон(мерцая). Впрочем, вы до виселицы не дойдете. (Зловеще оглядывается, и из-за двери выходит Одноглазый с тростью.)

Одноглазый(молча подходит к Мольеру, наступает ему на ногу). Господин, вы толкнули меня и не извинились. Вы – невежа.

Мольер(машинально). Извин... (Напряженно.) Вы толкнули меня.

Одноглазый. Вы – лгун.

Мольер. Как смеете вы? Что вам угодно от меня?!

Лагранж(вошел в это мгновение, изменился в лице). Мэтр, сию минуту уходите, уходите. (Волнуясь.) Маркиз, господин де Мольер нездоров.

Одноглазый. Я застал его со шпагой в руке. Он здоров. (Мольеру.) Моя фамилия – д'Орсиньи. Вы, милостивый государь, прохвост.

Мольер. Я вызываю вас.

Лагранж(в ужасе). Уходите. Это – «Помолись».

Шаррон. Господа, что вы делаете, в королевской приемной, ах...

Мольер. Я вызываю!

Одноглазый. Готово дело. Больше я вас не оскорбляю. (Зловеще-весело.) Суди меня Бог, великий король! Принимай, сырая Бастилия! (Лагранжу.) Вы, сударь, будете свидетелем. (Мольеру.) Отдайте ему распоряжения насчет имущества. (Вынимает шпагу, пробует конец.) Нет распоряжения? (Кричит негромко и протяжно.) Помолись! (Крестит воздух шпагой.)

Шаррон. Господа, опомнитесь... господа... (Легко взлетает на лестницу и оттуда смотрит на поединок.)

Лагранж. Прямое убийство!

Справедливый сапожник. В королевской приемной режутся!

Одноглазый схватывает Справедливого сапожника за шиворот, и тот умолкает. Одноглазый бросается на Мольера. Мольер, отмахиваясь шпагой, прячется за стол. Одноглазый вскакивает на стол.

Лагранж. Бросайте шпагу, учитель!

Мольер бросает шпагу, опускается на пол.

Одноглазый. Берите шпагу.

Лагранж(Одноглазому). Вы не можете колоть человека, у которого нет шпаги в руке!

Одноглазый. Я и не колю. (Мольеру.) Берите шпагу, подлый трус.

Мольер. Не оскорбляйте меня и не бейте. Я как-то чего-то не понимаю... У меня, извольте ли видеть, большое сердце... и моя жена бросила меня... Бриллиантовые кольца на полу валяются... даже белья не взяла... беда...

Одноглазый. Ничего не понимаю!

Мольер. Я не постигаю, за что вы бросились на меня. Я вас и видел-то только два раза в жизни. Вы деньги приносили?.. Но ведь это было давно... Я болен... уж вы, пожалуйста, меня не трогайте...

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Одноглазый. Я вас убью после первого вашего спектакля. (Вкладывает шпагу в
ножны.)

Мольер. Хорошо... хорошо... все равно...

Справедливый сапожник вдруг срывается с места и исчезает. Лагранж поднимает
Мольера с пола, схватывает шпагу и увлекает Мольера вон. Одноглазый смотрит им
вслед.

Шаррон(сходит с лестницы с горящими глазами. Пауза). Почему вы его не кололи?

Одноглазый. Какое вам дело? Он бросил шпагу, помолись!

Шаррон. Болван!

Одноглазый. Что!!! Чертов поп!

Шаррон(вдруг плюнул в Одноглазого). Тьфу!

Одноглазый до того оторопел, что в ответ плюнул в Шаррона. И начали плеваться.
Дверь открылась, и влетел взволнованный Справедливый сапожник, а за ним вошел
Людвиг. Ссорящиеся до того увлеклись, что не сразу перестали плевать. Четверо
долго и тупо смотрят друг на друга.

Людвиг. Извините, что помешал. (Скрывается, закрыв за собой дверь.)

Занавес

Действие четвертое

Квартира Мольера. Вечер. Свечи в канделябрах, таинственные тени на стенах.
Беспорядок, разбросаны рукописи. Мольер, в колпаке, в белье, в халате, сидит в
громадном кресле. В другом – Бутон. На столе две шпаги и пистолет. На другом
столе ужин и вино, к которому Бутон время от времени прикладывает. Лагранж в
темном плаще, ходит взад и вперед и не то ноет, не то что-то напевает. За ним по
стене ходит темная рыцарская тень.

Лагранж. У, клавесин... клавесин...

Мольер. Перестань, Лагранж. Ты тут ни при чем. Это судьба пришла в мой дом и
похитила у меня все.

Бутон. Истинная правда. У меня у самого трагическая судьба. Торговал я,
например, в Лиможе пирожками... Никто этих пирожков не покупает, конечно... Хотел
стать актером, к вам попал...

Мольер. Помолчи, Бутон.

Бутон. Молчу.

Горькая пауза. Затем слышен скрип лестницы, дверь открывается и входит Муаррон. Он не в кафтане, а в какой-то грязной куртке. Потерт, небрит и полупьян, в руке фонарь. Сидящие прикладывают руки козырьком к глазам. Когда Муаррона узнали, Лагранж схватывает со стола пистолет. Мольер бьет Лагранжа по руке. Лагранж стреляет и попадает в потолок. Муаррон, ничуть не удивившись, вяло посмотрел в то место, куда попала пуля. Лагранж, хватаясь за что попало, разбивает кувшин, бросается на Муаррона, валит его на землю и начинает душить.

Лагранж. Казни меня, король, казни... (Рыча.) Иуда...-

Мольер (страдальчески). Бутон... Бутон...

Вдвоем с Бутонотом оттаскивают Лагранжа от Муаррона. Мольер говорит Лагранжу.

А ведь уморишь меня ты, ты... стрельбой и шумом... Ты что ж еще? Убийство у меня в квартире учинить хочешь?

Пауза.

Лагранж. Тварь, Захария Муаррон, ты меня знаешь?

Муаррон утвердительно кивает.

Куда бы ты ночью ни пошел, жди смерти. Утра ты уже не увидишь. (Закутывается в плащ и умолкает.)

Муаррон утвердительно кивает головой Лагранжу, становится перед Мольером на колени и кланяется в землю.

Мольер. С чем пожаловал, сынок? Преступление раскрыто, стало быть, что можешь ты еще выудить в моем доме? О чем напишешь королю? Или ты подозреваешь, что я не только кровосмеситель, но и фальшивомонетчик? Осмотри шкафы, комоды, я тебе разрешаю.

Муаррон вторично кланяется.

Мольер. Без поклонов говори, что тебе требуется.

Муаррон. Уважаемый и предрагоценный мой учитель, вы думаете, что я пришел просить прощения? Нет. Я явился, чтобы успокоить вас: не позже полуночи я повешусь у вас под окнами, вследствие того, что жизнь моя продолжаться не может. Вот веревка. (Вынимает из кармана веревку.) И вот записка: «Я ухожу в ад».

Мольер(горько). Вот успокоил!

Бутон(глотнув вина). Да, это труднейший случай. Один философ сказал...

Мольер. Молчи, Бутон.

Бутон. Молчу.

Муаррон. Я пришел побыть возле вас. А на госпожу Мольер, если бы я остался жить, я не взгляну ни одного раза.

Мольер. Тебе и не придется взглянуть на нее, мой сын, потому что она ушла и навеки я один. У меня необузданный характер, потому я и могу сперва совершить что-нибудь, а потом уже думать об этом. И вот, подумав и умудрившись после того, что случилось, я тебе прощаю и возвращаю в мой дом. Входи.

Муаррон заплакал.

Лагранж(раскрыв свой плащ). Вы, учитель, не человек, не человек. Вы – тряпка, которою моют полы!

Мольер(ему). Дерзкий щенок! Не рассуждай о том, чего не понимаешь. (Пауза. Муаррону.) Вставай, не протирай штаны.

Пауза. Муаррон поднялся. Пауза.

Где кафтан?

Муаррон. В кабаке заложил.

Мольер. За сколько?

Муаррон махнул рукой.

(Ворчит). Это свинство – атласные кафтаны в кабаках оставлять. (Бутону.) Выкупить кафтан! (Муаррону.) Ты, говорят, бродил, бродил, и к королю даже забрел.

Муаррон(бия себя в грудь). И сказал мне король: в сыщики, в сыщики... Вы, говорит, плохой актер...

Мольер. Ах, сердце человеческое! Ах, куманек мой, ах, король! Король ошибся: ты актер первого ранга, а в сыщики ты не годишься, у тебя сердце неподходящее. Об одном я сожалею, что играть мне с тобою не придется долго. Спустили на меня, мой сын, одноглазую собаку-мушкетера. Лишил меня король покровительства, и, стало

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
быть, зарежут меня. Бежать придется.

Муаррон. Учитель, пока я жив, не удастся ему вас зарезать, верьте мне. Вы знаете, как я владею шпагой.

Лагранж(высунув ухо из плаща). Ты поразительно владеешь шпагой, это верно. Но, гнусная гадина, прежде чем ты подойдешь к «Помолись», купи себе панихиду в соборе.

Муаррон. Сзади заколю.

Лагранж. Это по тебе.

Муаррон(Мольеру). Буду неотлучно ходить рядом с вами, дома и на улице, ночью и днем, с чем и явился.

Лагранж. Как сыщик.

Мольер(Лагранжу). Заткни себе рот кружевом.

Муаррон. Милый Регистр, не оскорбляй меня, зачем же оскорблять того, кто не может тебе ответить. Меня не следует трогать, я человек с пятном. И не бросайся на меня этой ночью. Ты убьешь меня, тебя повесят, а Кабала беззащитного мэтра заколет.

Мольер. Ты значительно поумнел с тех пор, как исчез из дому.

Муаррон(Лагранжу). Имей в виду, что мэтра признали безбожником за «Тартюфа». Я был в подвале у Кабалы... Закона для него нету, значит – жди всего.

Мольер. Знаю. (Вздрагивает.) Постучали?

Муаррон. Нет. (Лагранжу.) Бери пистолет и фонарь, идем караулить.

Лагранж и Муаррон берут оружие и фонарь и уходят. Пауза.

Мольер. Тиран, тиран...

Бутон. Про кого вы это говорите, мэтр?

Мольер. Про короля Франции...

Бутон. Молчите!

Мольер. Про Людовика Великого! Тиран!

Бутон. Все кончено. Повешены оба.

Мольер. Ох, Бутон, я сегодня чуть не умер со страху. Золотой идол, а глаза, веришь ли, изумрудные. Руки у меня покрылись холодным потом. Поплыло все косяком, все боком, и соображаю только одно, что он меня давит! Идол!

Бутон. Повешены оба, и я в том числе. Рядышком на площади. Так вот вы висите, а наискосок – я. Безвинно погибший Жан-Жак Бутон. Где я? В царстве небесном. Не узнаю местности.

Мольер. Всю жизнь я ему лизал шпоры и думал только одно: не раздави. И вот все-таки – раздавил! Тиран!

Бутон. И бьет барабан на площади. Кто высунул не вовремя язык? Будет он висеть до самого пояса.

Мольер. За что? Понимаешь, я сегодня утром спрашиваю его, за что? Не понимаю... Я

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
ему говорю: я, ваше величество, ненавижу такие поступки, я протестую, я оскорблен, ваше величество, извольте объяснить... Извольте... я, может быть, вам мало льстил? Я, может быть, мало ползал?... Ваше величество, где же вы найдете такого другого блюдолиза, как Мольер? Но ведь из-за чего, Бутон? Из-за «Тартюфа». Из-за этого унижался. Думал найти союзника. Нашел! Не унижайся, Бутон! Ненавижу бессудную тиранию!

Бутон. Мэтр, вам памятник поставят. Девушка у фонтана, а изо рта у нее бьет струя. Вы выдающаяся личность... но только замолчите... Чтобы у вас язык отсох... За что меня вы губите?

Мольер. Что еще я должен сделать, чтобы доказать, что я червь? Но, ваше величество, я писатель, я мыслю, знаете ли, и протестую... она не дочь моя. (Бутону.) Попросите ко мне Мадлену Бежар, я хочу посоветоваться.

Бутон. Что вы, мэтр?!

Мольер. А... умерла... Зачем, моя старуха, ты не сказала мне всей правды?... Или нет, зачем, зачем ты не учила меня, зачем не била ты меня... Понимаешь ли, свечи, говорит, зажжем... я приду к тебе. (Тоскует.) Свечи-то горят, а ее нет... Я еще кафтан на тебе разорвал?... На тебе луидор за кафтан.

Бутон(плаксиво). Я кликну кого-нибудь. Это было десять лет назад, что вы...

Мольер. Укладывай все. Сыграю завтра в последний раз, и побежим в Англию. Как глупо. На море дует ветер, язык чужой, и вообще дело не в Англии, а в том, что...

Дверь открывается, и в ней появляется голова старухи Ренэ.

Ренэ. Там за вами монашка пришла.

Мольер(испугался). Что такое?... Какая монашка?

Ренэ. Вы же сами хотели ей дать стирать театральные костюмы.

Мольер. Фу, старая дура Ренэ, так напугала. Э! Костюмы! Скажи ей, чтобы завтра пришла к концу спектакля в Пале-Рояль. Дура!

Ренэ. Мне что. Вы сами велели.

Мольер. Ничего я не велел.

Ренэ скрывается. Пауза.

Да, какие еще дела? Ах, да, кафтан... Покажи-ка, где я разорвал?

Бутон. Мэтр, ложитесь, ради Бога. Какой кафтан?

Мольер вдруг забирается под одеяло и скрывается под ним с головой.

Всемогущий Господи, сделай так, чтобы никто не слышал того, что он говорил. Применим хитрость. (Неестественно громко и фальшиво, как бы продолжая беседу.) Так вы что говорите, милостивый государь? Что наш король есть самый лучший,

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
самый блестящий король во всем мире? С моей стороны возражений нет.
Присоединяюсь к вашему мнению.

Мольер(под одеялом). Бездарность!

Бутон. Молчите! (Фальшивым голосом.) Да, я кричал, кричу и буду кричать: «Да здравствует король!»

В окно стучат. Мольер тревожно высовывает голову из-под одеяла. Бутон осторожно открывает окно, и в окне появляется встревоженный Муаррон с фонарем.

Муаррон. Кто крикнул? Что случилось?

Бутон. Ничего не случилось. Почему непременно что-нибудь должно случиться? Я беседовал с господином де Мольером и крикнул: «Да здравствует король!» Имеет Бутон право хоть что-нибудь кричать? Он и кричит: «Да здравствует король!»

Мольер. Боже, какой бездарный дурак!

...Уборная актеров в Пале-Рояле. И так же по-прежнему висит старая зеленая афиша, и так же у распятия горит лампадка и зеленый фонарь у Лагранжа. Но за занавесями слышен гул и свистки. В кресле сидит Мольер в халате и колпаке, в гриме с карикатурным носом. Мольер возбужден, в странном состоянии, как будто пьян. Возле него, в черных костюмах врачей, но без грима, – Лагранж и Дю Круази. Валяются карикатурные маски врачей. Дверь открывается, и вбегает Бутон. Муаррон в начале сцены стоит неподвижен, в отдалении, в черном плаще.

Мольер. Ну! Умер?

Бутон(Лагранжу). Шпагой...

Мольер. Попрошу обращаться к директору Пале-Рояля, а не к актерам. Я еще хозяин на последнем спектакле!

Бутон(ему). Ну, умер. Шпагой ударили в сердце.

Мольер. Царство небесное. Ну, что же сделаешь.

Суфлер(заглянув в дверь). Что происходит?

Лагранж(подчеркнуто громко). Что происходит? Мушкетеры ворвались в театр и убили привратника.

Суфлер. Э... Боже мой... (Скрывается.)

Лагранж. Я – секретарь театра, заявляю. Театр полон безбилетными мушкетерами и неизвестными мне личностями. Я бессилён сдерживать их и запрещаю продолжать спектакль.

Мольер. Но... но... но!.. Он запрещает! Не забывай, кто ты такой! Ты, в сравнении со мной, мальчуган, а я седой, вот что.

Лагранж(шепотом Бутону). Он пил?

Бутон. Ни капли.

Мольер. Что я еще хотел сказать?

Мольер. Бутон!

Бутон...пошел вон!.. Я знаю, двадцать лет я с вами и слышал только эту фразу или – «Молчи, Бутон» – и я привык. Вы меня любите, мэтр, и во имя этой любви умоляю коленопреклоненно, не доигрывайте спектакль, а бегите, карета готова.

Мольер. С чего ты взял, что я тебя люблю? Ты болтун. Меня никто не любит. Меня все мучают и раздражают, за мной гоняются. И вышло распоряжение архиепископа не хоронить меня на кладбище... стало быть, все будут в ограде, а я околею за оградой. Так знайте, что я не нуждаюсь в их кладбище, плюю на это. Всю жизнь вы меня травите, вы все враги мне.

Дю Круази. Побойтесь Бога, мэтр, мы...

Лагранж(Бутону). Как играть в таком состоянии, как играть?

Свист и хохот за занавесами.

Вот.

Мольер. Масленица. В Пале-Рояле били люстры не раз. Партер веселится.

Бутон(зловеще). В театре – Одноглазый.

Пауза.

Мольер(утихнув). А... (Испуганно.) Где Муаррон? (Бросается к Муаррону и прячется у него в плаще.)

Муаррон, оскалив зубы, молчит, обняв Мольера.

Дю Круази(шепотом). Врача звать надо.

Мольер(выглянув из плаща – робко). На сцене он меня не может тронуть, а?..

Молчание. Дверь открывается, и вбегает Риваль. Она в оригинальном костюме, по обыкновению полуобнажена, на голове шляпа врача, очки колесами.

Риваль. Больше нельзя затягивать антракт... Или играть...

Лагранж. Хочет играть, что делать.

Риваль(долго смотрит на Мольера). Играть.

Мольер(вылезая из плаща). Молодец. Храбрая моя старуха, иди, я тебя поцелую. Разве можно начать последний спектакль и не доиграть. Она понимает. Двенадцать

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
лет ты со мной играешь, и, веришь ли, ни одного раза я тебя не видел одетой,
всегда ты голая.

Риваль(целует его). Э, Жан-Батист, король вас простит.

Мольер(мутно). Он... да...

Риваль. Вы меня будете слушать?

Мольер(подумав). Буду. А их не буду. (Как-то нелепо двинул ногой.) Они дураки.
(Вдруг вздрогнул и резко изменился.) Простите меня, господа, я позволил себе
грубость. Я и сам не понимаю, как у меня это вырвалось. Я взволнован. Войдите в
мое положение. Господин дю Круази...

Дю Круази, Лагранж, Бутон (хором). Мы не сердимся.

Риваль. Сейчас же после вашей последней фразы мы спустим вас в люк, спрячем у
меня в уборной до утра, а на рассвете вы покинете Париж. Согласны? Тогда
начинаем.

Мольер. Согласен. Давайте последнюю картину.

Дю Круази, Лагранж и Муаррон схватывают маски и скрываются. Мольер обнимает
Риваль, и та исчезает. Мольер снимает халат. Бутон открывает занавес, отделяющий
нас от сцены.

На сцене громадная кровать, белая статуя, темный портрет на стене, столик с
колокольчиком. Люстры загорожены зелеными экранами, и от этого на сцене ночной
уютный свет. В будке загораются свечи, в ней появляется суфлер, за главным
занавесом шумит зрительный зал, изредка взывают зловещие свистки. Мольер, резко
изменившись, с необыкновенной легкостью взлетает на кровать, укладывается,
накрывается одеялом. Суфлеру – шепотом: «Давай!» Раздается удар гонга, за
занавесом стихает зал. Начинается веселая таинственная музыка. Мольер под нее
захрапел. С шорохом упал громадный занавес. Чувствуется, что театр переполнен. В
крайней золоченой ложе громоздятся какие-то смутные лица. В музыке громовой удар
литавр, и из полу вырастает Лагранж с невероятным носом, в черном колпаке,
заглядывает Мольеру в лицо.

Мольер(проснувшись в ужасе).

Что за дьявол?.. Ночью в спальне?..
Потрудитесь выйти вон!

Музыка.

Лагранж.

Не кричите так нахально,
Терапевт я, ваш Пургон!

Мольер(садится в ужасе на кровати).

Виноват, кто там за пологом?!

Портрет на стене разрывается, и из него высовывается дю Круази – пьяная харя с
Страница 410

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
красным носом, в докторских очках и в колпаке.

Вот еще один! (портрету.) Я рад..

Дю Круази(пьяным басом).

От коллегии венерологов
К вам явился депутат!

Мольер.

Не мерещится ль мне это?!.

Статуя разваливается, и из нее вылетает Риваль.

Что за дикий инцидент?!.

Риваль.

Медицинских факультетов
Я бессменный президент!

В зале: «Га-га-га-га». Из полу вырастает чудовище – врач невероятного роста.

Мольер.

Врач длинной под самый ярус...
Слуги! (Звонит.) Я сошел с ума!

Подушки на кровати взрываются, и в изголовье вырастает Муаррон.

Муаррон.

Вот и я – Диафуарус,
Незабвенный врач Фома!

Падает третий – дальний занавес, и за ним вырастает хор врачей и аптекарей в смешных и странных масках.

Мольер.

Но чему обязан честью?..
Ведь столь поздняя пора..

Риваль.

Хор врачей(грянул).

Вас возводят в доктора!!

Риваль.

Кто спасает свой желудок?

Мольер.

Кто ремень пригоршней ест!

Риваль.

Бене, бене, бене, бене.

Хор врачей.

...новус доктор дигнус эст! [98 - Хорошо, хорошо, хорошо... новый доктор, посвящен!
(лат.)]

Дю Круази.

Например, вот скажем, луэс?..

Мольер.

Схватишь – лечишь восемь лет!

В зале: «Га-га-га-га».

Лагранж.

Браво, браво, браво, браво,
Замечательный ответ!

Риваль.

У него большие знания...

Дю Круази.

Так и рубит он плеча!

Из ложи внезапно показывается Одноглазый, садится на борт ее и застывает в позе ожидания.

Муаррон.

И в раю получит звание...

Хор врачей(грянул).

Бакалавра и врача!!

Мольер(внезапно падает смешно). Мадлену мне! Посоветоваться... Помогите!

В зале: «Га-га-га-га».

Партер, не смейся, сейчас, сейчас. (Затихает.)

Музыка играет еще несколько моментов, потом разваливается. В ответ на удар литавр в уборной Мольера вырастает страшная Монашка.

Монашка(гнусаво). Где его костюмы? (Быстро собирает все костюмы Мольера и исчезает с ними.)

На сцене смятение.

Лагранж(сняв маску, у рампы). Господа, господин де Мольер, исполняющий роль Аргана, упал... (Волнуется.) Спектакль не может быть закончен.

Тишина, потом крик из ложи: «деньги обратно!», свист и гул.

Муаррон(сняв маску). Кто крикнул про деньги? (Вынимает шпагу, пробует ее конец.)

Бутон(на сцене, задуманно). Кто мог крикнуть это?

Муаррон(указывая в ложу). Вы или вы? (Тишина. Одноглазому.) Грязный зверь!

Одноглазый, вынув шпагу, поднимается на сцену.

Муаррон(идет, как кошка, ему навстречу). Иди, иди. Подойди сюда. (Поравнявшись с Мольером, глядит на него, втыкает шпагу в пол, поворачивается и уходит со сцены)

Суфлер внезапно в будке заплакал. Одноглазый глядит на Мольера, вкладывает шпагу в ножны и уходит со сцены.

Лагранж(Бутону). Да дайте же занавес!

Хор вышел из оцепенения, врачи и аптекари бросаются к Мольеру, окружают его

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
страшной толпой, и он исчезает. Бутон закрыл, наконец, занавес, и за ним взревел зал. Бутон выбежал вслед за группой, унесшей Мольера.

Лагранж. Господа, помогите мне! (Говорит в разрез занавеса.) Господа, прошу... разъезд... у нас несчастье...

Риваль(в другом разрезе). Господа, прошу вас... господа... господа...

Занавес вздувается, любопытные пытаются лезть на сцену.

Дю Круази(в третьем разрезе). Господа... господа...

Лагранж. Гасите огни!

Дю Круази тушит люстры, шпагой сбивая свечи. Гул в зале несколько стихает.

Риваль(в разрезе). Войдите в положение, господа... разъезд, господа... спектакль окончен...

Последняя свеча гаснет, и сцена погружается во тьму. Все исчезает. Выступает свет у распятия. Сцена открыта, темна и пуста. Невдалеке от зеркала Мольера сидит, скорчившись, темная фигура. На сцене выплывает фонарь, идет темный Лагранж.

Лагранж(важным и суровым голосом). Кто остался здесь? Кто здесь?

Бутон. Это я, Бутон.

Лагранж. Почему вы не идете к нему?

Бутон. Не хочу.

Лагранж(проходит к себе, садится, освещается зеленым светом, разворачивает книгу, говорит и пишет). «Семнадцатого февраля. Было четвертое представление пьесы „Мнимый больной“, сочиненной господином де Мольером. В десять часов вечера господин де Мольер, исполняя роль Аргана, упал на сцене и тут же был похищен, без покаяния, неумолимой смертью». (Пауза.) В знак этого рисую самый большой черный крест. (Думает.) Что же явилось причиной этого? Что? Как записать? Причиной этого явилась ли немилость короля, или черная Кабала?... (Думает.) Причиной этого явилась судьба. Так я и запишу. (Пишет и угасает во тьме.)

Занавес

Конец

Москва, 1929/год/

Мастер и Маргарита[99 – Автограф хранится в ОР РГБ, ф. 562, к. 6, ед. хр. 5–8. Впервые опубликовано в книге: Булгаков М. Великий канцлер. М., Новости, 1992. Публикация В. И. Лосева. Публикуется по расклейке этой книги, сверенной с автографом, хранящимся в ОР РГБ. В сверке принимал участие В. И. Лосев. Между страницами 220–300 вырвано минимум две главы, несколько глав под корешок (см. к. 6, ед. хр. 6). Есть названия глав, но ни одной строчкой автор не раскрыл их содержание. Так что не было необходимости включать их в публикацию. Творческая история романа тщательно изучается исследователями и биографами М. А. Булгакова. Много стало известно за последнее время. Ценные свидетельства о первых редакциях романа оставила Л. Е. Белозерская. «Здесь же, на Большой Пироговской, был написан „Консультант с копытом“ (первый вариант в 1928 году), легший в основу романа „Мастер и Маргарита“. Насколько помню, вещь была стройней, подобранней: в ней меньше было „чертовщины“, хотя событиями в Москве распорядился все тот же Воланд с верным своим спутником волшебным котом. Начал Воланд также с Патриарших Прудов, где не Аннушка, а Пелагеюшка пролила на трамвайные рельсы роковое постное масло. Сцена казни Иешуа была также прекрасно-отточено написана, как и в дальнейших вариантах романа. Из бытовых сцен очень запомнился аукцион в бывшей церкви. Аукцион ведет бывший диакон, который продает шубу бывшего царя... Несколько строк в „Мастере“ пронзили меня навсегда в самое сердце. „Боги, боги мои! Как грустна вечерняя земля! Как таинственны туманы над болотами. Кто блуждал в этих туманах, кто много страдал перед смертью, кто летел над этой землей, неся на себе непосильный груз, тот это знает. Это знает уставший. И без сожаления покидает туманы земли, ее болотца и реки, он отдается с легким сердцем в руки смерти, что только она одна успокоит его“. Строки эти – скорбный вздох – всегда со мной. Они и сейчас трогают меня до слез. В описании архива Михаила Булгакова (выпуск 37 „Записки отдела рукописей“, Ленинская библиотека) подробно рассматриваются все варианты романа „Мастер и Маргарита“, т. е. история его написания, однако отмечается: „Нам ничего не известно о зарождении замысла второго романа“. Вот что по этому поводу могу рассказать я. Когда мы познакомились с Н. Н. Ляминам и его женой художницей Н. А. Ушаковой, она подарила М. А. книжку, в которой делала обложку, фронтисписную иллюстрацию „Черную карету“ и концовку. Это „Венедиктов, или Достопамятные события жизни моей“. Романтическая повесть, написанная ботаником Х., иллюстрированная фитопатологом У. Москва, V год Республики. Автор, нигде не открывшийся, – профессор Александр Васильевич Чайнов. Н. Ушакова, иллюстрируя книгу, была поражена, что герой, от имени которого ведется рассказ, носит фамилию Булгаков. Не меньше был поражен этим совпадением и Михаил Афанасьевич. Все повествование связано с пребыванием Сатаны в Москве, с борьбой Булгакова за душу любимой женщины, попавшей в подчинение к Дьяволу. Повесть Чайнова сложна: она изобилует необыкновенными происшествиями. Рассказчик, Булгаков, внезапно ощущает гнет, необычайный над своей душой „казалось... чья-то тяжелая рука опустилась на мой мозг, раздробляя костные покровы черепа...“ Так почувствовал повествователь присутствие Дьявола. Сатана в Москве. Происходит встреча его с Булгаковым в театре Медокса... На сцене прелестная артистка, неотступно всматривающаяся в темноту зрительного зала „с выражением покорности и страдания душевного“. Булгакова поражает эта женщина: она становится его мечтой и смыслом жизни. Перед кем же трепещет артистка?... „Это был он!.. Он роста скорее высокого, чем низкого, в сером, немного старомодном сюртуке, с седеющими волосами и потухшим взглядом, все еще устремленным на сцену... кругом него не было языков пламени, не пахло серой, все было в нем обыденно и обычно, но эта дьявольская обыденность была насыщена значительным и властвующим...“ По ночной Москве преследует герой повести зловещую черную карету, уносящую Настеньку (так зовут героиню) в неведомую даль. Любуется попутно спящим городом и особенно „уносящейся ввысь громадой Пашкова дома“. Судьба сталкивает Булгакова с Венедиктовым, и тот рассказывает о своей дьявольской способности безраздельно овладевать человеческими душами. „Беспредельна власть моя, Булгаков, – говорит он, – и беспредельна тоска моя, чем больше власти, тем больше тоски...“ Он повествует о своей бурной жизни, о черной мессе, оргиях, преступлениях и неожиданно (говорит): „Ничего ты не понимаешь, Булгаков!“ – резко остановился передо мной мой страшный собеседник. „Знаешь ли ты, что лежит вот в этой железной шкатулке? Твоя душа в ней, Булгаков!“ Но душу свою у Венедиктова Булгаков отыгрывает в карты. После многих

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru бурных событий и смерти Венедиктова душа Настеньки обретает свободу и полюбившие друг друга Настенька и Булгаков соединяют свои жизни. С полной уверенностью я говорю, что небольшая повесть эта послужила зарождением замысла, творческим толчком для написания романа „Мастер и Маргарита“». Л. Е. Белозерская, сравнивая речевой строй повести Чайнова и первую редакцию «Мастера и Маргариты», приходит к выводу: «Не только одинаков речевой строй, но и содержание вступления: то же опасение, что не справиться автору, непрофессиональному писателю, с описанием „достопамятностей“ своей жизни». И еще одно важное свидетельство о первой редакции романа: «Хочется высказать несколько соображений по поводу прототипа Феси, героя первого варианта одиннадцатой главы романа „Мастер и Маргарита“». Автор обзора довольно смело указывает на старого знакомого (еще с юных лет) Н. Н. Лямина – на Бориса Исааковича Ярхо как прототипа Феси. Мне кажется это совершенно не выдерживающим критики. Начать с того, что М. А. никогда Ярхо не интересовался, никогда никаких литературных бесед – и никаких других – персонально с Ярхо не вел. Интересы и вкусы их никогда не встречались и не пересекались. Кроме того, они встречались очень редко, т. к. Ярхо не посещал всех чтений М. А. Булгакова у Ляминах, а у нас он не бывал так же, как и М. А. не бывал у Ярхо. К этому разговору я привлекла Наталью Абрамовну Ушакову. Она совершенно согласилась со мной, напомнив, что Ярхо выглядел комично-шарообразно и говорил с каким-то смешным особым придыханием. Эрудиции во многих областях, включая знание чуть ли не 20 языков, никто у него не отнимает, но к Фесе он никакого отношения не имеет. Я уже объясняла выше, как попало имя Феси к М. А. Булгакову. (См.: Воспоминания, с. 181–184) Известно, что М. А. Булгаков сжег рукопись почти написанного романа, остатки от первых двух редакций были опубликованы в томе пятом настоящего Собрания сочинений. Но мысли о романе не оставляли М. А. Булгакова. И после того, как он написал «Кабалу святош», «Мертвые души» и инсценировал «Войну и мир», он снова задумался о подлинном творчестве. Вновь вернулся к роману в Ленинграде, просто достал клеенчатую общую тетрадь и написал на титульном листе: «М. Булгаков. Роман. 1932». На первой странице: «1932. Фантастический роман. Великий канцлер. Сатана. Вот и я. Шляпа с пером. Черный богослов. Подкова иностранца». Исследователи утверждают, что за несколько дней пребывания в Ленинграде Булгаков написал и продиктовал Елене Сергеевне, ставшей в это время его женой, семь первых глав. Вернувшись в Москву, он занялся текущими делами в Театре, времени на роман не оказалось. Летом 1933 года Михаил Афанасьевич продолжает работу над романом. Вновь его мучают названия, ни на одном из них он никак не может остановиться. Так на 55-й странице он записывает: «Заглавия. Он явился. Пришествие Черный маг. Копыто консультанта». По ходу текста набрасывает основные мысли, которые предполагает развить в романе: «Встреча поэта с Воландом. Маргарита и Фауст. Черная месса. Ты не поднимаешься до высот. Не будешь слушать мессу. Не будешь слушать романтические... Маргарита и козел. Вишни. Река. Мечтание. Стихи. История с губной помадой...» В ночь на 1-е сентября 1933 года начал писать главу «Замок чудес». За эти дни написал несколько глав, на этот раз Булгаков оставлял пометки: 8.XI.33, 9.XI.33, 11.XI.33, 12/XI.33, вечер 12/XI.33... Иной раз за день – всего лишь несколько строчек, а в июле 1934 года, в Ленинграде, – десятки страниц, снова месячный перерыв... Так, урывками, Булгаков работал до конца ноября 1934 года, когда завершил третью редакцию романа. Елена Сергеевна вела дневниковые записи, несколько интересных есть и о романе: 28 сентября 1933 года. «Уговоры Канторовича дать фильм „Бубкин“... Пишите! Но М. А. занят романом, да и не верит в действительность затеи». «5 октября... Вечером мы были у Поповых – М. А. читал отрывки из романа. Вернулись на случайно встретившемся грузовике». «12 октября. Утром звонок Оли: арестованы Николай Эрдман и Масс. Говорит, за какие-то сатирические басни. Миша нахмурился. Днем – актер Волошин, принес на просмотр две свои пьесы. Играли в блошки – последнее увлечение. Ночью М. А. сжег часть своего романа». «8 ноября. М. А. почти целый день проспал – было много бессонных ночей. Потом работал над романом (полет Маргариты). Жалуется на головную боль». 23 января 1934 года. «Ну и ночь была. М. А. нездоровилось. Он, лежа, диктовал мне главу из романа – пожар в Берлиозовой квартире. Диктовка закончилась во втором часу ночи. Я пошла в кухню – насчет ужина, Маша стирала. Была злая и очень рванула таз с керосинки, та полетела со стола, в угол, где стоял бидон и четверть с керосином – не закрытые – вспыхнул огонь. Я закричала: „Миша!“ Он, как был, в одной рубашке, босой, примчался и застал уже кухню в огне. Эта идиотка Маша не хотела выходить из кухни, так как у нее в подушке были зашиты деньги... Я разбудила Сережку, одела его и вывела во двор, вернее – выставила окно и выпрыгнула, и взяла его. Потом вернулась домой. М. А., стоя по щиколотки в воде, с обожженными руками и волосами, бросал на огонь все, что мог одеть, подушки и все выстиранное белье. В конце концов он остановил пожар. Но был момент, когда и у него поколебалась уверенность и он крикнул мне: „Вызывай пожарных!“» В сентябре

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru – октябре 1934 года Булгаков работал над окончанием романа, написал две последние главы: «Ночь» (глава предпоследняя) и «Последний путь», но так и недописал главу, поняв к этому времени, что роман нуждается в решительной переделке, особенно образы Маргариты и ее любовника, поэта. «...– Да, что будет со мною, мессир?... – Велено унести вас...» На этой фразе обрывается рукопись третьей редакции романа о дьяволе, еще не получившего окончательного названия и почему-то изданного под названием «Великий канцлер», написанного в 1932–1934 гг. Этот текст – третья редакция романа «Мастер и Маргарита».]

Черновые редакции романа

Третья редакция

НИКОГДА НЕ РАЗГОВАРИВАЙТЕ С НЕИЗВЕСТНЫМИ

В час заката на Патриарших Прудах появились двое мужчин. Один из них лет тридцати пяти, одет в дешевенький заграничный костюм. Лицо имел гладко выбритое, а голову со значительной плешью. Другой был лет на десять моложе первого. Этот был в блузе, носящей нелепое название «толстовка», и в тапочках на ногах. На голове у него была кепка.

Оба изнывали от жары. У второго, не догадавшегося снять кепку, пот буквально струями тек по грязным щекам, оставляя светлые полосы на коричневой коже...

Первый был не кто иной, как товарищ Михаил Александрович Берлиоз, секретарь Всемирного объединения писателей Всемиопса и редактор всех московских толстых художественных журналов, а спутник его – Иван Николаевич Попов, известный поэт, пишущий под псевдонимом Бездомный.

Оба, как только прошли решетку Прудов, первым долгом бросились к будочке, на которой была надпись: «Всевозможные прохладительные напитки». Руки у них запрыгали, глаза стали молящими. У будочки не было ни одного человека.

Да, следует отметить первую странность этого вечера. Не только у будочки, но и во всей аллее не было никого. В тот час, когда солнце в пыли, в дыму и грохоте садится в Цыганские Грузины, когда все живущее жадно ищет воды, клочка зелени, кустика травинки, когда раскаленные плиты города отдают жар, когда у собак языки висят до земли, в аллее не было ни одного человека. Как будто нарочно все было сделано, чтобы не оказалось свидетелей.

– Нарзану, – сказал товарищ Берлиоз, обращаясь к женским босым ногам, стоящим на прилавке.

Ноги спрыгнули тяжело на ящик, а оттуда на пол.

– Нарзану нет, – сказала женщина в будке.

– Ну, боржому, – нетерпеливо попросил Берлиоз.

– Нету боржому, – ответила женщина.

– Так что же у вас есть? – раздраженно спросил Бездомный и тут же испугался – а ну как женщина ответит, что ничего нет.

Но женщина ответила:

– Фруктовая есть.

– Давай, давай, давай, – сказал Бездомный.

Откупорили фруктовую – и секретарь, и поэт припали к стаканам. Фруктовая пахла одеколоном и конфетами. Друзей прошиб пот. Их затрясло. Они оглянулись и тут же

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
поняли, насколько истомились, пока дошли с Площади Революции до Патриарших.
Затем они стали икать. Икая, Бездомный справился о папиросах, получил ответ, что
их нет и что спичек тоже нет.

Икая, Бездомный пробурчал что-то вроде – «сволочь эта фруктовая», – и путники
вышли в аллею. Фруктовая ли помогла или зелень старых лип, но только им стало
легче. И оба они поместились на скамье лицом к застывшему зеленому пруду. Кепку
и тут Бездомный снять не догадался, и пот в тени стал высыхать на нем.

И тут произошло второе странное обстоятельство, касающееся одного Михаила
Александровича. Во-первых, внезапно его охватила тоска. Ни с того ни с сего. Как
бы черная рука протянулась и сжала его сердце. Он оглянулся, побледнел, не
понимая в чем дело. Он вытер пот платком, подумал: «Что же это меня тревожит? Я
переутомился. Пора бы мне, в сущности говоря, в Кисловодск...»

Не успел он это подумать, как воздух перед ним сгустился совершенно явственно и
из воздуха соткался застойный и прозрачный тип вида довольно странного. На
маленькой головке жокейская кепка, клетчатый воздушный пиджачок, и росту он в
полторы сажени, и худой, как селедка, морда глумливая.

Какие бы то ни было редкие явления Михаилу Александровичу попадались редко.
Поэтому прежде всего он решил, что этого не может быть, и вытаращил глаза. Но
это могло быть, потому что длинный жокей качался перед ним и влево и вправо.
«Кисловодск... жара... удар?!» – подумал товарищ Берлиоз и уже в ужасе прикрыл
глаза. Лишь только он их вновь открыл, с облегчением убедился в том, что быть
действительно не может: сделанный из воздуха клетчатый растворился. И черная
рука тут же отпустила сердце.

– Фу, черт, – сказал Берлиоз, – ты знаешь, Бездомный, у меня сейчас от жары едва
удар не сделался. Даже что-то вроде галлюцинаций было... Ну-с, итак.

И тут, еще раз обмахнувшись платком, Берлиоз повел речь, по-видимому, прерванную
питьем фруктовой и иканием.

Речь шла об Иисусе Христе. Дело в том, что Михаил Александрович заказывал Ивану
Николаевичу большую антирелигиозную поэму для очередной книжки журнала. Во время
путешествия с Площади Революции на Патриаршие Пруды редактор и рассказывал поэту
о тех положениях, которые должны были лечь в основу поэмы.

Следует признать, что редактор был образован. В речи его, как пузыри на воде,
вскакивали имена не только Штрауса и Ренана, но и историков Филона, Иосифа
Флавия и Тацита.

Поэт слушал редактора со вниманием и лишь изредка икал внезапно, причем каждый
раз тихонько ругал фруктовую непечатными словами.

Где-то за спиной друзей грохотала и выла Садовая, по Бронной мимо Патриарших
проходили трамваи и пролетали грузовики, подымая тучи белой пыли, а в аллее
опять не было никого.

Дело между тем выходило дрянь: кого из историков ни возьми, ясно становилось
каждому грамотному человеку, что Иисуса Христа никакого на свете не было. Таким
образом, человечество в течение огромного количества лет пребывало в заблуждении
и частично будущая поэма Бездомного должна была послужить великому делу
освобождения от заблуждения.

Меж тем товарищ Берлиоз погрузился в такие дебри, в которые может отправиться,
не рискуя в них застрять, только очень начитанный человек. Соткался в воздухе,
который стал по счастью немного свежеть, над Прудом египетский бог Озирис, и
вавилонский Таммуз, появился пророк Иезикииль, а за Таммузом – Мардук, а уж за
этим совсем странный и сделанный к тому же из теста божок Вицлипуцли.

И тут-то в аллею и вышел человек. Нужно сказать, что три учреждения
впоследствии, когда уже, в сущности, было поздно, представили свои сводки с
описанием этого человека. Сводки эти не могут не вызвать изумления. Так, в одной
из них сказано, что человек этот был маленького роста, имел зубы золотые и
хромал на правую ногу. В другой сказано, что человек этот был росту громадного,
коронки имел платиновые и хромал на левую ногу. А в третьей, что особых примет у

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru человека не было. Поэтому приходится признать, что ни одна из этих сводок не годится.

Во-первых, он ни на одну ногу не хромал. Росту был высокого, а коронки с правой стороны у него были платиновые, а с левой – золотые. Одет он был так: серый дорогой костюм, серые туфли заграничные, на голове берет, заломленный на правое ухо, на руках серые перчатки. В руках нес трость с золотым набалдашником. Гладко выбрит. Рот кривой. Лицо загоревшее. Один глаз черный, другой зеленый. Один глаз выше другого. Брови черные. Словом – иностранец.

Иностранец прошел мимо скамейки, на которой сидели поэт и редактор, причем бросил на них косой беглый взгляд.

«Немец», – подумал Берлиоз.

«Англичанин, – подумал Бездомный. – Ишь, сволочь, и не жарко ему в перчатках».

Иностранец, которому точно не было жарко, остановился и вдруг уселся на соседней скамейке. Тут он окинул взглядом дома, окаймляющие Пруды, и видно стало, что, во-первых, он видит это место впервые, а во-вторых, что оно его заинтересовало.

Часть окон в верхних этажах пылала ослепительным пожаром, а в нижних тем временем окна погружались в тихую предвечернюю темноту.

Меж тем с соседней скамейки потоком лилась речь Берлиоза.

– Нет ни одной восточной религии, в которой бог не родился бы от непорочной девы. Разве в Египте Изида не родила Горуса? А Будда в Индии? Да, наконец, в Греции Афина-Паллада – Аполлона? И я тебе советую...

Но тут Михаил Александрович прервал речь.

Иностранец вдруг поднялся со своей скамейки и направился к собеседникам. Те поглядели на него изумленно.

– Извините меня, пожалуйста, что, не будучи представлен вам, позволил себе подойти к вам, – заговорил иностранец с легким акцентом, – но предмет вашей беседы ученой столь интересен...

Тут иностранец вежливо снял берет, и друзьям ничего не оставалось, как пожать иностранцу руку, с которой он очень умело сдернул перчатку.

«Скорее швед», – подумал Берлиоз.

«Поляк», – подумал Бездомный.

Нужно добавить, что на Бездомного иностранец с первых же слов произвел отвратительное впечатление, а Берлиозу, наоборот, очень понравился.

– С великим интересом я услышал, что вы отрицаете существование Бога? – сказал иностранец, усевшись рядом с Берлиозом. – Неужели вы атеисты?

– Да, мы атеисты, – ответил товарищ Берлиоз.

– Ах, ах, ах! – воскликнул неизвестный иностранец и так впился в атеистов глазами, что тем даже стало неловко.

– Впрочем, в нашей стране это неудивительно, – вежливо объяснил Берлиоз, – большинство нашего населения сознательно и давно уже перестало верить сказкам о Боге. – Улыбнувшись, он прибавил: – Мы не встречаем надобности в этой гипотезе.

– Это изумительно интересно! – воскликнул иностранец, – изумительно.

«Он и не швед», – подумал Берлиоз.

«Где это он так насобачился говорить по-русски?» – подумал Бездомный и нахмурился. Икать он перестал, но ему захотелось курить.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

– Но позвольте вас спросить, как же быть с доказательствами бытия, доказательствами, коих существует ровно пять? – осведомился иностранец крайне тревожно.

– Увы, – ответил товарищ Берлиоз, – ни одно из этих доказательств ничего не стоит. Их давно сдали в архив. В области разума никаких доказательств бытия Божия нету и быть не может.

– Bravo! – вскричал иностранец, – bravo. Вы полностью повторили мысль старикашки Иммануила по этому поводу. Начисто он разрушил все пять доказательств, но потом, черт его возьми, словно курам на смех, вылепил собственного изобретения доказательство!

– Доказательство Канта, – сказал, тонко улыбаясь, образованный Берлиоз, – также не убедительно, и не зря Шиллер сказал, что Кантово доказательство пригодно для рабов, – и подумал: «Но кто же он такой, все-таки?»

– Взять бы этого Канта да в Соловки! – неожиданно бухнул Иван.

– Иван! – удивленно шепнул Берлиоз.

Но предложение посадить в Соловки Канта не только не поразило иностранца, но, наоборот, привело в восторг.

– Именно! Именно! – заговорил он восторженно, – ему там самое место. Говорил я ему: ты чепуху придумал, Иммануил.

Товарищ Берлиоз вытаращил глаза на иностранца.

– Но, – продолжал неизвестный, – посадить его, к сожалению, невозможно по двум причинам: во-первых, он иностранный подданный, а во-вторых, умер.

– Жаль! – отозвался Иван, чувствуя, что он почему-то ненавидит иностранца все сильнее и сильнее.

– И мне жаль, – подтвердил неизвестный и продолжал: – Но вот что меня мучительно беспокоит: ежели Бога нету, то, спрашивается, кто же управляет жизнью на земле?

– Человек, – ответил Берлиоз.

– Виноват, – мягко отозвался неизвестный, – но как же, позвольте спросить, может управлять жизнью на земле человек, если он не может составить никакого плана, не говоря уже о таком сроке, как хотя бы сто лет, но даже на срок значительно более короткий. И в самом деле, вы вообразите, – только начнете управлять, распоряжаться, кхе... кхе... комбинировать и вдруг, вообразите, у вас саркома. – Тут иностранец сладко усмехнулся, как будто мысль о саркоме доставила ему наслаждение. – Саркома... – повторил он шурясь, – звучное слово, и вот-с, вы уже ничем не распоряжаетесь, вам не до комбинаций, и через некоторое время тот, кто недавно еще отдавал распоряжения по телефону, покрикивал на подчиненных, почтительно разговаривал с высшими и собирался в Кисловодск, лежит, скрестив руки на груди, в ящике, неутешная вдова стоит в изголовье, мысленно высчитывая, дадут ли ей персональную пенсию, а оркестр в дверях фальшиво играет марш Шопена.

И тут незнакомец тихонько и тонко рассмеялся.

Товарищ Берлиоз внимательно слушал неприятный рассказ про саркому, но не она занимала его.

«Он не иностранец! Не иностранец! – кричало у него в голове. – Он престранный тип. Но кто же он такой?»

– Вы хотите курить? – любезно осведомился неизвестный у Ивана, который время от времени машинально похлопывал себя по карманам.

Иван хотел злобно ответить «Нет», но соблазн был слишком велик, и он промычал:

– Гм...

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
– Какие предпочитаете?

– А у вас какие есть? – хмуро спросил Иван.

– Какие предпочитаете?

– «Нашу марку», – злобно ответил Иван, уверенный, что «Нашей марки» нету у антипатичного иностранца.

Но «Марка» именно и нашлась. Но нашлась она в таком виде, что оба приятеля выпучили глаза. Иностранец вытащил из кармана пиджака колоссальных размеров золотой портсигар, на коем была составлена из крупных алмазов буква «W». В этом портсигаре изыскалось несколько штук крупных, ароматных, золотым табаком набитых папирос «Наша марка».

«Он – иностранец», – уже смятенно подумал Берлиоз.

Ошеломленный Иван взял папиросу, в руках у иностранца щелкнула зажигалка, и синий дымок взвился под липой. Запахло приятно.

Закурил и иностранец, а некурящий Берлиоз отказался.

«Я ему сейчас возражу так, – подумал Берлиоз, – человек смертен, но на сегодняшний день...»

– Да, человек смертен, – провозгласил неизвестный, выпустив дым, – но даже сегодняшний вечер вам неизвестен. Даже приблизительно вы не знаете, что вы будете делать через час. Согласитесь сами, разве мыслимо чем-нибудь управлять при таком условии?

– Виноват, – отозвался Берлиоз, не сводя глаз с собеседника, – это уже преувеличение. Сегодняшний вечер мне известен более или менее, конечно. Само собой разумеется, что если мне на голову свалится кирпич...

– Кирпич ни с того ни с сего, – ответил неизвестный, – никому на голову никогда не свалится. В частности же, уверяю вас, что вам совершенно он не угрожает. Так позвольте спросить, что вы будете делать сегодня вечером?

– Сегодня вечером, – ответил Берлиоз, – в одиннадцать часов во Всемиописе будет заседание, на котором я буду председательствовать.

– Нет. Этого быть никак не может, – твердо заявил иностранец.

Берлиоз приоткрыл рот.

– Почему? – спросил Иван злобно.

– Потому, – ответил иностранец и прищуренными глазами поглядел в тускневшее небо, в котором чертили бесшумно птицы, – что Аннушка уже купила постное масло, и не только купила его, но даже и разлила. Заседание не состоится.

Произошла пауза, понятное дело.

– Простите, – моргая глазами, сказал Берлиоз, – я не понимаю.. при чем здесь постное масло?..

Но иностранец не ответил.

– Скажите, пожалуйста, гражданин, – вдруг заговорил Иван, – вам не приходилось бывать когда-нибудь в сумасшедшем доме?

– Иван! – воскликнул Берлиоз.

Но иностранец не обиделся, а развеселился.

– Бывал, бывал не раз! – вскричал он, – где я только не бывал! Досадно одно, что я так и не удосужился спросить у профессора толком, что такое мания фурибунда. Так что это вы уже сами спросите, Иван Николаевич.

«Что так-кое?!» – крикнуло в голове у Берлиоза при словах «Иван Николаевич».

Иван поднялся.

Он был немного бледен.

– Откуда вы знаете, как меня зовут?

– Помилуйте, товарищ Бездомный, кто же вас не знает, – улынувшись, ответил иностранец.

– Я извиняюсь... – начал было Бездомный, но подумал, еще более изменился в лице и кончил так: – Вы не можете одну минуту подождать... Я пару слов хочу товарищу сказать.

– О, с удовольствием! Охотно, – воскликнул иностранец, – здесь так хорошо под липами, а я, кстати, никуда и не спешу, – и он сделал ручкой.

– Миша... вот что, – сказал поэт, отводя в сторону Берлиоза, – я знаю, кто это. Это, – отдельным веским шепотом заговорил поэт, – никакой не иностранец, а это белогвардейский шпион, – засипел он прямо в лицо Берлиозу, – пробравшийся в Москву. Это – эмигрант. Миша, спрашивай у него сейчас же документы. А то уйдет...

– Почему эми... – шепнул пораженный Берлиоз.

– я тебе говорю! Какой черт иностранец так по-русски станет говорить!..

– Вот ерунда... – неприятно морщась, начал было Берлиоз.

– Идем, идем!..

И приятели вернулись к скамейке. Тут их ждал сюрприз. Незнакомец не сидел, а стоял у скамейки, держа в руках визитную карточку.

– Извините меня, высокоуважаемый Михаил Александрович, что я в пылу интереснейшей беседы забыл назвать себя. Вот моя карточка, а вот в кармане и паспорт, – подчеркнуто сказал иностранец.

Берлиоз стал густо красен.

«Или слышал, или уж очень догадлив, черт...»

Иван заглянул в карточку, но разглядел только верхнее слово «professor...» и первую букву фамилии «W».

– Очень приятно, – выдавил из себя Берлиоз, глядя, как профессор прячет карточку в карман. – Вы в качестве консультанта вызваны к нам?

– Да, консультанта, как же, – подтвердил профессор.

– Вы – немец?

– Я-то? – переспросил профессор и задумался. – Да, немец, – сказал он.

– Извиняюсь, откуда вы знаете, как нас зовут? – спросил Иван.

Иностранец улыбнулся, причем выяснилось, что правый глаз у него не улыбается, да и вообще, что этот глаз никакого цвета, и вынул номер еженедельного журнала...

– А! – сразу сказали оба писателя. В журнале были как раз их портреты с полным обозначением имен, отчеств и фамилий.

– Прекрасная погода, – продолжал консультант, усаживаясь. Сели и приятели.

– А у вас какая специальность? – осведомился ласково Берлиоз.

– Я – специалист по черной магии.

– Как?! – воскликнул товарищ Берлиоз.

«На т-тебе!» – подумал Иван.

– Виноват... и вас по этой специальности пригласили к нам?!

– Да, да, пригласили, – и тут приятели услышали, что профессор говорит с редчайшим немецким акцентом, – тут в государственной библиотеке громадный отдел старой книги, магии и демонологии, и меня пригласил как специалист единственный в мире. Они хотят разбират, продават...

– А-а! Вы – историк!

– Я – историк, – охотно подтвердил профессор, – я люблю разные истории. Смешные. И сегодня будет смешная история. Да, кстати, об историях, товарищи, – тут консультант таинственно поманил пальцем обоих приятелей, и те наклонились к нему, – имейте в виду, что Христос существовал, – сказал он шепотом.

– Видите ли, профессор, – смущенно улыбаясь, заговорил Берлиоз, – тут мы, к сожалению, не договоримся...

– Он существовал, – строгим шепотом повторил профессор, изумляя приятелей совершенно, и в частности, тем, что акцент его опять куда-то пропал.

– Но какое же доказательство?

– Доказательство вот какое, – зашептал профессор, взяв под руки приятелей, – я с ним лично встречался.

Оба приятеля изменились в лице и переглянулись.

– Где?

– На балконе у Понтия Пилата, – шепнул профессор и, таинственно подняв палец, просипел: – Только т-сс!

«Ой-ой...»

– Вы сколько времени в Москве? – дрогнувшим голосом спросил Берлиоз.

– Я сегодня приехал в Москву, – многозначительно прошептал профессор, и тут только приятели, глянув ему в лицо, увидели, что глаза у него совершенно безумные. То есть, вернее, левый глаз, потому что правый был мертвый, черный.

«Так-с, – подумал Берлиоз, – все ясно. Приехал немец и тотчас спятил. Хорошенькая история!»

Но Берлиоз был решителен и сообразителен. Ловко откинувшись назад, он замигал Ивану, и тот его понял.

– Да, да, да, – заговорил Берлиоз, – возможно, все возможно. А вещи ваши где, профессор, – вкрадчиво осведомился он, – в «Метрополе»? Вы где остановились?

– Я – нигде! – ответил немец, тоскливо и дико блуждая глазами по Патриаршим Прудам. Он вдруг припал к потрясенному Берлиозу.

– А где же вы будете жить? – спросил Берлиоз.

– В вашей квартире, – интимно подмигнув здоровым глазом, шепнул немец.

– Очень при... но...

– А дьявола тоже нет? – плаксиво спросил немец и вцепился теперь в Ивана.

– И дьявола...

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
– Не противоречь... – шепнул Берлиоз.

– Нету, нету никакого дьявола, – растерявшись, закричал Иван, – вот вцепился!
Перестаньте психовать!

Немец расхохотался так, что из липы вылетел воробей и пропал.

– Ну, это уже положительно интересно! – заговорил он, сияя зеленым глазом. – Что же это у вас ничего нету! Христа нету, дьявола нету, папирос нету, Понтия Пилата, таксомотора нету...

– Ничего, ничего, профессор, успокойтесь, все уладится, все будет, – бормотал Берлиоз, усаживая профессора назад на скамейку. – Вы, профессор, посидите с Бездомным, а я только на одну минуту сбегаю к телефону, звякну, тут одно безотлагательное дельце, а там мы вас и проводим, и проводим...

План у Берлиоза был такой. Тотчас добраться до первого же телефона и сообщить куда следует, что приехавший из-за границы консультант-историк бродит по Патриаршим Прудам в явно ненормальном состоянии. Так вот, чтобы приняли меры, а то получится дурацкая и неприятная история.

– Дельце? Хорошо. Но только умоляю вас, поверьте мне, что дьявол существует, – пылко просил немец, поглядывая исподлобья на Берлиоза.

– Хорошо, хорошо, хорошо, – фальшиво-ласково бормотал Берлиоз. – Ваня, ты посиди, – и, подмигнув, он устремился к выходу.

И профессор тотчас как будто выздоровел.

– Михаил Яковлевич! – звучно крикнул он вслед.

– А?

– Не дать ли вашему дяде телеграмму?

– Да, да, хорошо... хорошо... – отозвался Берлиоз, но дрогнул и подумал: «Откуда он знает про дядю?»

Впрочем, тут же мысль о дяде и вылетела у него из головы. И Берлиоз похолодел. С ближайшей к выходу скамейки поднялся навстречу редактору тот самый субъект, что недавно совсем соткался из жаркого зноя. Только сейчас он был уже не знойный, а обыкновенный плотский, настолько плотский, что Берлиоз отчетливо разглядел, что у него усишки, как куриные перышки, маленькие, иронические, как будто полупьяные глазки, жокейская шапочка двухцветная, а брючки клетчатые и необыкновенно противно подтянутые.

Товарищ Берлиоз вздрогнул, попятился, утешил себя мыслью, что это совпадение, что то было марево, а это какой-то реальный оболтус.

– Турникет ищите, гражданин? – тенором осведомился оболтус, – а вот, прямо пожалуйста... Кхе... кхе... с вас бы, гражданин, за указание на четылитровочки поправиться после вчерашнего... бывшему регенту...

Но Берлиоз не слушал, оказавшись уже возле турникета.

Он уже собрался шагнуть, но тут в темнеющем воздухе на него брызнул слабый красный и белый свет. Вспыхнула над самой головой вывеска «Берегись трамвая!». Из-за дома с Садовой на Бронную вылетел трамвай. Огней в нем еще не зажигали, и видно было, что в нем черным-черно от публики. Трамвай, выйдя на прямую, взвыл, качнулся и поддал. Осторожный Берлиоз хоть и стоял безопасно, но, выйдя за вертушку, хотел на полшага еще отступить. Сделал движение... в ту же секунду нелепо взбросил одну ногу вверх, в ту же секунду другая поехала по камням и Берлиоз упал на рельсы.

Он лицом к трамваю упал. И увидел, что вагоновожатая молода, в красном платочке, но бела, как смерть, лицом.

Он понял, что это непоправимо, и не спеша повернулся на спину. И страшно

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru удивился тому, что сейчас же все закроется и никаких ворон больше в темнеющем небе не будет. Преждевременная маленькая беленькая звездочка глядела между крещущими воронами.

Эта звездочка заставила его всхлипнуть жалобно, отчаянно.

Затем, после удара трясущейся женской рукой по ручке электрического тормоза, вагон сел носом в землю, в нем рухнули все стекла. Через миг из-под колеса выкатилась окровавленная голова, а затем выбросило кисть руки. Остальное мяло, тискало, пачкало.

Прочее, то есть страшный крик Ивана, видевшего все до последнего пятна на брюках, вой в трамвае, потоки крови, ослепившие вожатую, это Берлиоза не касалось никак.

ПОГОНЯ

Отсверлили бешеные милицейские свистки, утихли безумные женские визги, две кареты увезли, тревожно трубя, обезглавленного, в лохмотьях платья, раненую осколками стекла вожатую и пассажиров; собаки зализали кровь, а Иван Николаевич Бездомный как упал на лавку, так и сидел на ней.

Руки у него были искусаны, он кусал их, пока в нескольких шагах от него катило тело человека, сгибая его в клубок.

Ваня в первый раз в жизни видел, как убивает человека, и испытал приступ тошноты.

Потом он пытался кинуться туда, где лежало тело, но с ним случилось что-то вроде паралича, и в этом параличе он и застыл на лавке. Ваня забыл начисто сумасшедшего немца-профессора и старался понять только одно: как это может быть, что человек, вот только что хотел позвонить по телефону, а потом, а потом... А потом... и не мог понять.

Народ разбежался от места происшествия, возбужденно перекрикиваясь словами. Иван их слов не воспринимал. Но востроносая баба в ситце другой бабе над самым ухом Бездомного закричала так:

– Аннушка... Аннушка, говорю тебе, Гречкина с Садовой, рядом из десятого номера... Она... она... Взяла на Бронной в кооперативе постного масла по второму талону... да банку-то и разбей у вертушки... Уж она ругалась, ругалась... А он, бедняга, стало быть, и поскользнулся... вот из-под вертушки-то и вылетел...

Дальнейшие слова угасли.

Из всего выкрикнутого бабой одно слово вцепилось в больной мозг Бездомного, и это слово было «Аннушка».

– Аннушка? Аннушка... – мучительно забормотал Бездомный, стараясь вспомнить, что связано с этим именем.

Тут из тьмы выскочило еще более страшное слово «постное масло», а затем почему-то Понтий Пилат. Слова эти связались, и Иван, вдруг обезумев, встал со скамьи. Ноги его еще дрожали.

– Что та-кое? Что?! – спросил он сам у себя. – Аннушка?! – выкрикнул он вслед бабам.

– Аннуш... Аннуш... – глухо отозвалась баба.

Черный и мутный хлам из головы Ивана вылетел, и ее изнутри залило очень ярким

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru светом. В несколько мгновений он подобрал цепь из слов и происшествий, и цепь была ужасна.

Тот самый профессор за час примерно до смерти знал, что Аннушка разольет постное масло... «Я буду жить в вашей квартире»... «вам отрежет голову»... Что же это?!

Не могло быть ни тени, ни зерна сомнения в том, что сумасшедший профессор знал, фотографически точно знал заранее всю картину смерти!

Свет усилился, и все существо Ивана сосредоточилось на одном: сию же минуту найти профессора... а найдя, взять его. Ах, ах, не ушел бы, только бы не ушел!

Но профессор не ушел.

Солнца не было уже давно. На Патриарших темнело. Над Прудом в уголках скопился туман. В бледнеющем небе стали проступать беленькие пятнышки звезд. Видно было хорошо.

Он – профессор, ну, может быть, и не профессор, ну, словом, он стоял шагах в двадцати и рисовался очень четко в профиль. Теперь Иван разглядел, что он росту, действительно, громадного, берет заломлен, трость взята подмышку.

Отставной втируша-регент сидел рядом на скамейке. На нос он нацепил себе явно ненужное ему пенсне, в коем одного стеклышка не существовало. От этого пенсне регент стал еще гаже, чем тогда, когда провожал Берлиоза на рельсы.

Чувствуя, что дрожь в ногах отпускает его, Иван с пустым и холодным сердцем приблизился к профессору.

Тот повернулся к Ивану. Иван глянул ему в лицо и понял, что стоящий перед ним и никогда даже не был сумасшедшим.

– Кто вы такой? – холодно и глухо спросил Иван.

– Ich verstehe nicht, – ответил тот неизвестный, пожав плечами.

– Они не понимают, – пискливо сказал регент, хоть его никто и не просил переводить.

– Их фершт... вы понимаете! Не притворяйтесь, – грозно и чувствуя холод под ложечкой, продолжал Иван.

Немец смотрел на него, вытаращив глаза.

– Вы не немец. Вы не профессор, – тихо продолжал Иван. – Вы – убийца. Вы отлично понимаете по-русски. Идемте со мной.

Немец молчал и слушал.

– Документы! – вскрикнул Иван...

– Was ist den los?..

– Гражданин! – ввязался регент, – не приставайте к иностранцу!

Немец пожал плечами, грозно нахмурился и стал уходить.

Иван почувствовал, что теряется. Он, задыхаясь, обратился к регенту:

– Эй... гражданин, помогите задержать преступника!

Регент оживился, вскочил.

– Который преступник? Где он? Иностранец преступник? – закричал он, причем глазки его радостно заиграли. – Этот? Гражданин, кричите «караул»! А то он уходит!

И регент предательски засуетился.

– Караул! – крикнул Иван и ужаснулся, никакого крика у него не вышло. – Караул! – повторил он, и опять получился шепот.

Великан стал уходить по аллее, направляясь к Ермолаевскому переулку. Еще более сгустились сумерки, Ивану показалось, что тот, уходящий, несет длинную шпагу.

– Вы не смотрите, гражданин, что он хромой, – засипел подозрительный регент, – покеды вы ворон будете считать, он улизнет.

Регент дышал жарко селедкой и луком в ухо Ивану, глазок в треснувшем стекле подмигивал.

– Что вы, товарищ, под ногами путаетесь, – закричал Иван, – пустите, – он кинулся влево. Регент тоже. Иван вправо – регент вправо.

Долго они плясали друг перед другом, пока Иван не сообразил, что и тут злой умысел.

– Пусти! – яростно крикнул он, – эге-ге, да у вас тут целая шайка.

Блуждая глазами, он оглянулся, крикнул тонко:

– Граждане! На помощь! Убийцы!

Крик дал обратный результат: гражданин вполне пристойного вида, с дамочкой в сарафане под руку, тотчас брызнул от Иванушки в сторону. Смылся и еще кто-то. Аллея опять опустела.

В самом конце аллеи неизвестный остановился и повернулся к Ивану. Иван выпустил рукав регента, замер.

1. VII.1933

В пяти шагах от Ивана Бездомного стоял иностранный специалист в берете, рядом с ним, подхалимски улыбаясь, сомнительный регент, а кроме того неизвестного откуда-то взявшийся необыкновенных размеров, черный, как грач, кот с кавалерийскими отчаянными усами. Озноб прошиб Иванушку оттого, что он ясно разглядел, что вся троица вдруг улыбнулась ему, в том числе и кот. Это была явно издевательская, скверная усмешка могущества и наглости.

Улыбнувшись, вся троица повернулась и стала уходить. Чувствуя прилив мужества, Иван устремился за нею. Тройка вышла на Садовое кольцо. Тут сразу Иван понял, что догнать ее будет очень трудно.

Казалось бы, таинственный неизвестный и шагу не прибавлял, а между тем расстояние между уходящими и преследующим ничуть не сокращалось. Два или три раза Иван сделал попытку прибегнуть к содействию прохожих, но его искусанные руки, дикий блуждающий взор были причиной того, что его приняли за пьяного, и никто не пришел ему на помощь.

На Садовой произошла просто невероятная сцена. Явно желая спутать следы, шайка применила излюбленный бандитский прием – идти врассыпную.

Регент с великой ловкостью на ходу сел в первый проносящийся трамвай под литерой «Б», как змея, ввинтился на площадку и, никем не оштрафованный, исчез бесследно среди серых мешков и бидонов, причем «Б», окутавшись пылью, с визгом, грохотом и звоном унес регента к Смоленскому рынку, а странный кот попытался сесть в другой «Б», встречный, идущий к Тверской. Иван ошалело видел, как кот на остановке подошел к подножке и, ловко отсадив взвизгнувшую женщину, зацепился лапой за поручень и даже собрался вручить кондукторше гривенник. Но поразило Ивана не столько поведение кота, сколько кондукторши. Лишь только кот устроился на ступеньке, все лампы в трамвае вспыхнули, показав внутренность, и при свете их Иван видел, как кондукторша с остервенелым лицом высунулась в окно и, махая рукой, со злобой, от которой даже тряслась, начала кричать:

– Котам нельзя! Котам нельзя! Слезай! А то милицию позову!

Но не только кондукторшу, никого из пассажиров не поразила самая суть дела: что кот садится в трамвай самостоятельно и собирается платить. В трамвае не прекратился болезненный стон, также слышались крики ненависти и отчаяния, также давили женщин, также крали кошельки, также поливали друг друга керосином и полотерской краской.

Самым дисциплинированным показал себя все-таки кот. Он поступил именно так, как и всякий гражданин, которого изгоняют из трамвая, но которому ехать нужно, чего бы это ни стоило.

При первом же визге кондукторши он легко снялся с подножки и сел на мостовой, потирая гривенником усы. И лишь снялся трамвай и пошел, он, пропустив мимо себя и второй, и последний вагон, прыгнул и уселся на заднюю дугу, а лапой ухватился за какую-то кишку, выходящую из стенки вагона, и умчался, сделав на прощание ручкой.

Иван бешеным усилием воли изгнал из пылающей головы мысли о странном коте, естественно напросившиеся молниеносно вопросы о коте в кооперативе, покупающем масло, о коте в сберкассе, о коте, летящем на аэроплане.

Его воля сосредоточилась на том, чтобы поймать того, кого он считал главным в этой подозрительной компании, – иностранного консультанта. Тот, проводив взором своих разлетевшихся в противоположные стороны компаньонов, не сделал никаких попыток к позорному бегству. Нет, он тронулся не спеша по Садовой, а через несколько времени оказался на Тверской.

Иван прибавлял шагу, начинал бежать впритруску, порою задышался от скорости собственного бега и ни на одну йоту не приблизился к неизвестному, и по-прежнему плыл метрах в десяти впереди его сиреневый желанный берет.

Одна странность ускользнула от Иванушки – не до этого ему было. Не более минуты прошло, как с Патриарших по Садовой, по Тверской..... оказались на Центральном телеграфе. Тут Иванушка сделал попытку прибегнуть к помощи милиции, но безрезультатно. На скрещении Тверской не оказалось ни одного милиционера, кроме того, который, стоя у электрического прибора, регулировал движение.

Неизвестный проделал такую штуку: вошел в одни стеклянные двери, весь телеграф внутри обошел и вышел через другую дверь. Соответственно этому пришлось и Ивану пронестись мимо всех решительно окошек в стеклянной загородке и выбежать на гранитный амвон. Далее пошло хуже. Обернувшись, Иванушка увидел, что он уже на Остоженке в Савеловском переулке. Неизвестный вошел в подъезд дома № 12.

Собственно говоря, Ивану давно уже нужно было бы прекратить неистовую и бесплодную погоню, но он находился в том странном состоянии, когда люди не отдают себе никакого отчета в том, что происходит.

Иван устремился в подъезд, увидел обширнейший вестибюль, черный и мрачный, увидел мертвый лифт, а возле лифта швейцара.

Швейцар выкинул какой-то фокус, который Иван так и не осмыслил. Именно: швейцар, заросший и опухший, отделился от сетчатой стенки, снял с головы фуражку, на которой в полутьме поблескивали жалкие обрывки позумента, и сипло и льстиво сказал:

– Зря беспокоились. Николай Николаевич к Боре в шахматы ушли играть. Сказали, что каждую среду будут ходить, а летом собираются на пароходе с супругой. Сказали, что хоть умрут, а поедут.

И швейцар улыбнулся тою улыбкою, которой улыбаются люди, желающие получить на чай.

Не желая мучить себя вопросом о том, кто такой Боря, какие шахматы, не желая объяснять заросшему паршивцу, что он, Иван, не он, а другой, Иван уловил обострившимся слухом, что стукнула дверь на первой площадке, одним духом влетел и яростно позвонил. Сердце Ивана било набат, изо рта валил жар. Он решил идти на все, чтобы остановить таинственного убийцу в берете.

На звонок тотчас же отозвались, дверь Ивану открыл испитый, неизвестного пола ребенок лет пяти и тотчас исчез. Иван увидел освещенную тусклой лампочкой заросшую грязную переднюю с кованым сундуком, разглядел на вешалке бобровую шапку и, не останавливаясь, проник в коридор. Решив, что его враг должен быть непременно в ванной, а вот эта дверь и есть в ванную, Иван рванул ее. Крючок брякнул и слетел. Иван убедился в том, что не ошибся. Он попал в ванную комнату и в тусклом освещении угольной лампочки увидел в ванне стоящую голую даму в мыле с крестом на шее. Дама, очевидно, близорукая, прищурилась и, не выражая никакого изумления, сказала:

– Бросьте трепаться. Мы не одни в квартире, и муж сейчас вернется.

Иван, как ни был воспален его мозг, понял, что вляпался, что произошел конфуз и, желая скрыть его, прошептал:

– Ах, развратница!

Он захлопнул дверь, услышал, что грохнула дверь в кухне, понял, что беглец там, ринулся и точно увидел его. Он, уже в полных сумерках, прошел гигантской тенью из коридора налево.

Ворвавшись вслед за ним в необъятную пустую кухню, Иван утратил преследуемого и понял, что тот ускользнул на черный ход. Иван стал шарить в темноте. Но дверь не поддавалась. Он зажег спичку и увидел на ящике у дверей стоящую в подсвечнике тоненькую церковную свечу. Он зажег ее. При свете ее справился с крючком, болтом и замком и открыл дверь на черную лестницу. Она была не освещена. Тогда Иван решил свечку присвоить, присвоил и покатил, захлопнув дверь, по черной лестнице.

Он вылетел в необъятный двор и на освещенном из окон балконе увидел убийцу. Уже более не владея собой, Иванушка засунул свечечку в карман, набрал битого кирпича и стал садить в балкон. Консультант исчез. Осколки кирпича с грохотом посыпались с балкона, и через минуту Иван забился трепетно в руках того самого швейцара, который приставал с Борей и шахматами.

– Ах ты, хулиган! – страдая искренно, засипел швейцар. – Ты что же это делаешь? Ты не видишь, какой это дом? Здесь рабочий элемент живет, здесь цельные стекла, медные ручки, штучный паркет!

И тут швейцар, соскучившийся, ударил с наслаждением Ивана по лицу.

Швейцар оказался жилистым и жестоким человеком. Ударив раз, он ударил два, очевидно входя во вкус. Иван почувствовал, что слабеет. Жалобным голосом он сказал:

– Понимаешь ли ты, кого ты бьешь?

– Понимаю, понимаю, – задыхаясь, ответил швейцар.

– Я ловлю убийцу консультанта, знакомого Понтия Пилата, с тем, чтобы доставить его в ГПУ.

Тут швейцар в один миг преобразился. Он выпустил Иванушку, стал на колени и взмолился:

– Прости! Не знал. Прости. Мы здесь на Остоженке запутались и кого не надо лупим.

Некоторые проблески сознания еще возвращались к Иванушке. Едкая обида за то, что швейцар истязал его, поразила его сердце, и, вцепившись в бороду швейцара, он оттрепал его, произнеся нравоучение:

– Не смей в другой раз, не смей!

– Прости великодушно, – по-христиански ответил усмиренный швейцар.

Но тут и швейцар, и асфальтовый двор, и громады, выходящие своими бесчисленными окнами во двор, все это исчезло из глаз бедного Ивана, и сам он не понял и никто впоследствии не понимал, каким образом он увидел себя на берегу Москвы-реки.

Огненные полосы от фонарей шевелились в черной воде, от которой поднимался резкий запах нефти. Под мостом, в углах зарождался туман. Сотни людей сидели на берегу и сладострастно снимали с себя одежды. Слышались тяжелые всплески – люди по-лягушечьи прыгали в воду и, фыркая, плавали в керосиновых волнах.

Иван прошел меж грудями одеяний и голыми телами прямо к воде. Иван был ужасен. Волосы его слиплись от поту перьями и свисли на лоб. На правой щеке была ссадина, под левым глазом большой фонарь, на губе засохла кровь. Ноги его подгибались, тело ныло, покрытое липким потом, руки дрожали. Всякая надежда поймать страшного незнакомца пропала. Ивану казалось, что голова его горит от мыслей о черном коте – трамвайном пассажире, от невозможности понять, как консультант ухитрился.....

Он решил броситься в воду, надеясь найти облегчение. Бормоча что-то самому себе, шмыгая и вытирая разбитую губу, он совлек с себя одеяние и опустил в воду. Он нашел желанное облегчение в воде. Тело его ожило, окрепло. Но голове вода не помогла. Сумасшедшие мысли текли в ней потоком.

Когда Иванушка вышел на берег, он убедился в том, что его одежды нет. Вместо оставленной им груды платья находились на берегу вещи, виденные им впервые. Необыкновенно грязные полотняные кальсоны и верхняя рубашка-ковбойка с продраным локтем. Из вещей же, еще недавно принадлежащих Ивану, оставлена была лишь стеариновая свеча.

Иван, не особенно волнуясь, огляделся, но ответа не получил и, будучи равнодушен к тому, во что одеваться, надел и ковбойку, и кальсоны, взял свечу и покинул берег.

Он вышел на Остоженку и пошел к тому месту, где некогда стоял храм Христа Спасителя. Наряд Иванушки был странен, но прохожие мало обращали на него внимания – дело летнее.

– В Кремль, вот куда! – сказал сам себе Иванушка и, оглянувшись, убедился, что в Москве уж наступил полный вечер, то есть очередей у магазинов не было, огненные часы светились, все окна были раскрыты, и в них виднелись или голые лампочки, или лампочки под оранжевыми абажурами. В подворотнях играли на гитарах и на гармониях, и грузовики ездили с сумасшедшей скоростью.

– В Кремль! – повторил Иванушка, с ужасом оглядываясь. Теперь его уже пугали огни грузовиков, трамвайные звонки и зеленые вспышки светофоров.

ДЕЛО БЫЛО В ГРИБОЕДОВЕ

К десяти часам вечера в так называемом доме Грибоедова, в верхнем этаже, в кабинете товарища Михаила Александровича Берлиоза собралось человек одиннадцать народу. Народ этот отличался необыкновенной разношерстностью. Так, один был в хорошем, из парижской материи, костюме и крепкой обуви, тоже французского производства. Это был председатель секции драматургов Бескудников. Другой в белой рубахе без галстука и в белых летних штанах с пятном от яичного желтка на левом колене. Помощник председателя той же секции Понырев. Обувь на Поныреве была рваная. Батальный беллетрист Почкин, Александр Павлович, почему-то имел при себе цейсовский бинокль в футляре и одет был в защитном. Некогда богатая купеческая дочь Доротей Саввишна Непременова подписывалась псевдонимом «Боцман-Жорж» и писала военно-морские пьесы, из которых ее последняя «Австралия горит» с большим успехом шла в одном из театров за Москвой-рекой. У Боцмана-Жоржа голова была в кудряшках. На Боцмане-Жорже была засаленная шелковая кофточка старинного фасона и кривая юбка. Боцману-Жоржу было 66 лет.

Секция скетчей и шуток была представлена небритым человеком, облеченным в пиджак поверх майки, и в ночных туфлях.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Поэтов представлял молодой человек с жестоким лицом. На нем солдатская куртка и фрачные брюки. Туфли белые.

Были и другие.

Вся компания очень томилась, курила, хотела пить. В открытые окна не проникала ни одна струя воздуха. Москва как наполнилась зноем за день, так он и застыл, и было понятно, что ночь не принесет вдохновения.

– Однако вождь-то наш запаздывает, – вольно пошутил поэт с жестоким лицом – Житомирский.

Тут в разговор вступила Секлетя Савишна и заметила густым баритоном:

– Хлопец на Клязьме закупался.

– Позвольте, какая же Клязьма? – холодно заметил Бескудников и вынул из кармана плоские заграничные часы. И часы эти показали.....

Тогда стали звонить на Клязьму и прокляли жизнь. Десять минут не соединилось с Клязьмой. Потом на Клязьме женский голос врал какую-то чушь в телефон. Потом вообще не с той дачей соединили. Наконец соединились с той, с какой было нужно, и кто-то далекий сказал, что товарища Цыганского вообще не было на Клязьме. В четверть двенадцатого вообще произошел бунт в кабинете товарища Цыганского, и поэт Житомирский заметил, что товарищ Цыганский мог бы позвонить, если обстоятельства не позволяют ему прибыть на заседание.

Но товарищ Цыганский никому и никуда не мог позвонить. Цыганский лежал на трех цинковых столах под режущим светом прожекторов. На первом столе – окровавленное туловище, на втором – голова с выбитыми передними зубами и выдавленным глазом, на третьем – отрезанная ступня, из которой торчали острые кости, а на четвертом – груды тряпья и документы, на которых засохла кровь. Возле первого стола стояли профессор судебной медицины, прожектор в коже и в резине и четыре человека в военной форме с малиновыми нашивками, которых к зданию морга, в десять минут покрыв весь город, примчала открытая машина с сияющей борзой на радиаторе. Один из них был с четырьмя ромбами на воротнике.

Стоящие возле столов обсуждали предложение прожектора – струнами пришить голову к туловищу, на глаз надеть черную повязку, лицо загримировать, чтобы те, которые придут поклониться праху погибшего командора Миолита, не содрогались бы, глядя на изуродованное лицо.

Да, он не мог позвонить, товарищ Цыганский. И в половину двенадцатого собравшиеся на заседание разошлись. Оно не состоялось совершенно так, как и сказал незнакомец на Патриарших Прудах, ибо заседание величайшей важности, посвященное вопросам мировой литературы, не могло состояться без председателя товарища Цыганского. А председательствовать тот человек, у которого документы залиты кровью, а голова лежит отдельно, – не может. И все разошлись кто куда.

А Бескудников и Боцман-Жорж решили спуститься вниз, в ресторан, чтобы закусить на сон грядущий.

Писательский ресторан помещался в этом же доме Грибоедова (дом назван был Грибоедовским, так как по преданию он принадлежал некогда тетке Грибоедова. Впрочем, кажется, никакой тетки у Грибоедова не было) в подвале и состоял летом из двух отделений – зимнего и летней веранды, над которой был устроен навес.

Ресторан был любим бесчисленными московскими писателями до крайности, и не одними, впрочем, писателями, а также и артистами, а также и лицами, профессии которых были неопределимы, даже и при длительном знакомстве.

В ресторане можно было получить все те блага, коих в повседневной своей жизни на квартирах люди искусства были в значительной степени лишены. Здесь можно было съесть порцию икорки, положенной на лед, потребовать себе плотный бифштекс по-деревенски, закусить ветчинкой, сардинами, выпить водочки, закрыть ужин кружкой великолепного ледяного пива. И все это вежливо, на хорошую ногу, при расторопных официантах. Ах, хорошо пиво в июльский зной!

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Как-то расправлялись крылья под тихий говорок официанта, рекомендующего прекрасный рыбец, начинало казаться, что это все так, ничего, что это как-нибудь уладится.

Мудреного ничего нет, что к полуночи ресторан был полон и Бескудников, и Боцман-Жорж, и многие еще, кто пришел поздно, места на веранде в саду уже не нашли, и им пришлось сидеть в зимнем помещении в духоте, где на столах горели лампы под разноцветными зонтами.

К полуночи ресторан загудел. Поплыл табачный дым, загремела посуда. А ровно в полночь в зимнем помещении в подвале, в котором потолки были расписаны ассирийскими лошадьми с завитыми гривами, вкрадчиво и сладко ударил рояль, и в две минуты нельзя было узнать ресторана. Лица дрогнули и засветились, заулыбались лошади, кто-то спел «Аллилуйя», где-то с музыкальным звоном разлетелся бокал, и тут же, в подвале, и на веранде заплясали. Играл опытный человек. Рояль раздражался громом, затем стихал, потом с тонких клавиш начинали сыпаться отчаянные, как бы предсмертные петушиные крики. Плясал солидный беллетрист Дорофеин, плясали какие-то бледные женщины, все одеяние которых состояло из тоненького куска дешевого шелка, который можно было смять в кулак и положить в карман, плясала Боцман-Жорж с поэтом Гречкиным Петром, плясал какой-то приезжий из Ростова Каротояк, самородок Иоанн Кронштадтский – поэт, плясали молодые люди неизвестных профессий с холодными глазами.

Последним заплясал какой-то с бородой, с пером зеленого лука в этой бороде, обняв тощую девочку лет шестнадцати с порочным лицом. В волнах грома слышно было, как кто-то кричал командным голосом, как в рупор, «пожарские, раз!».

И в полночь было видение. Пройдя через подвал, вышел на веранду под тент красавец во фраке, остановился и властным взглядом оглядел свое царство. Он был хорош, бриллиантовые перстни сверкали на его руках, от длинных ресниц ложилась тень у горделивого носа, острая холеная борода чуть прикрывала белый галстук.

И утверждал новеллист Козовертов, известный лгун, что будто бы этот красавец некогда носил не фрак, а белую рубаху и кожаные штаны, за поясом которых торчали пистолеты, и воронова крыла голова его была повязана алой повязкой, и плавал он в Караибском море, командуя бригом, который ходил под гробовым флагом – черным с белой адамовой головой.

Ах, лжет Козовертов, и нет никаких Караибских морей, не слышен плеск за кормой, и не плывут отчаянные флибустьеры, и не гонится за ними английский корвет, тяжело бухая над волной из пушек. Нет, нет, ничего этого нет! И плавится лед в стеклянной вазочке, и душно, и странный страх вползает в душу.

Но никто, никто из плясавших еще не знал, что ожидает их!

В десять минут первого фокстрот грохнул и прекратился, как будто кто-то нож всадил в сердце пианиста, и тотчас фамилия «Берлиоз» запорхала по ресторану. Вскрикивали, вскрикивали, кто-то воскликнул: «Не может быть!» Не обошлось и без некоторой ерунды, объясняемой исключительно смятением. Так, кто-то предложил спеть «Вечную память», правда, вовремя остановили. Кто-то воскликнул, что нужно куда-то ехать. Кто-то предложил послать коллективную телеграмму. Тут же змейкой порхнула сплетня и как венчиком обвила покойного. Первая – неудачная любовь. Акушерка Кандалаки. Аборт. Самоубийство (автор – Боцман-Жорж).

Второе – шепоток: впал в уклон.....

СТЕПА ЛИХОДЕЕВ

Если бы Степе Лиходееву в утро второго июля сказали: «Степа, тебя расстреляют, если ты не откроешь глаз!» – Степа ответил бы томным и хриплым голосом:

Ему казалось, что сделать это невыносимо: в голове у него звенели колокола, даже перед закрытыми глазами проплывали какие-то коричневые пятна, и при этом слегка тошнило, причем ему казалось, что тошнит его от звуков маленького патефона. Он старался что-то припомнить. Но припомнить мог только одно, что он стоит с салфеткой в руке и целуется с какой-то дамой, причем этой даме он обещал, что он к ней придет завтра же, не позже двенадцати часов, причем дама отказывалась от этого, говорила: нет, не приходите.

– А я приду, – говорил будто бы Степа.

Ни который час, ни какое число, – этого Степа не мог сообразить. Единственно, что он помнил, это год, и затем, сделав все-таки попытку приоткрыть левый глаз, убедился, что он находится у себя и лежит в постели. Впрочем, он его тотчас же и закрыл, потому что был уверен, что если он только станет смотреть обоими глазами, то тотчас же перед ним сверкнет молния и голову ему разорвет на куски.

Он так страдал, что застонал...

Дело было вот в чем.

Степа Бомбеев был красным директором недавно открывшегося во вновь отремонтированном помещении одного из бывших цирков театра «Кабаре».

Впоследствии, когда уже случилась беда, многие интересовались вопросом, почему Степа попал на столь ответственный пост, но ничего не добились. Впрочем, это и не важно в данное время.

28-летний Степа Бомбеев лежал второго июля на широкой постели вдовы ювелира Де-Фужерэ.

У Де-Фужерэ была в громадном доме на Садовой прекрасная квартира в четыре комнаты, из которых она две сдавала, а в двух жила сама, избегнув уплотнения в них путем фальшивой прописки в них двоюродной сестры, изредка ночующей у нее, дабы не было придирки. Последними квартирантами Де-Фужерэ были Михаил Григорьевич Беломут и другой, фамилия которого, кажется, была Кирьяцкий. И за Кирьяцким и за Беломутом утром ежедневно приезжали машины и увозили их на службу. Все шло гладко и бесподобно, пока два года тому назад не произошло удивительное событие, которое решительно ничем нельзя объяснить. Именно, в двенадцать часов ночи явился очень вежливый и веселый милиционер к Кирьяцкому и сказал, что ему надо расписаться в милиции. Удивленный Кирьяцкий ушел с милиционером, но не вернулся. Можно было думать, что и Кирьяцкого и милиционера унесла нечистая сила, как говорила старая дура Анфиса – кухарка Де-Фужерэ.

Дня через два после этого случилось новенькое: пропал Беломут. Но за тем даже никто и не приходил. Он утром уехал на службу, а со службы не приехал. Колдовству стоит только начаться, а там уж его ничем не остановишь. Беломут, по счету Анфисы, пропал в пятницу, а в ближайший понедельник он появился глубокой и черной ночью. И появился в странном виде. Во-первых, в компании с каким-то другим гражданином, а во-вторых, почему-то без воротничка, без галстука и небритый и не произносящий ни одного слова. Приехав, Беломут проследовал вместе со своим спутником в свою комнату, заперся с ним там минут на десять, после чего вышел, так ничего и не объяснив, и отбыл. После этого понедельника наступил вторник, за ним – среда, и в среду приехали незваные – двое каких-то граждан, опять-таки ночью, и увезли с собой и Де-Фужерэ, и Анфису, после чего уж вообще никто не вернулся. Надо добавить, что, уезжая, граждане, увозившие Де-Фужерэ и Анфису, закрыли дверь на замок и на этот замок привесили сургучную печать.

Квартира простояла закрытой десять дней, а после десяти дней печать с двери исчезла и в квартире поселился и зажил Михаил Максимович Берлиоз – на половине Де-Фужерэ, а на половине Беломута и Кирьяцкого поселился Степа. За два этих года Берлиоз развелся со своей женой и остался холостым, а Степа развелся два раза.

Степа застонал. Его страдания достигли наивысшего градуса. Болезнь его теперь приняла новую форму. Из закрытых глаз его потекли зеленые бенгальские огни, а задняя часть мозга окостенела. От этого началась такая адская боль, что у Степы мелькнула серьезная мысль о самоубийстве – в первый раз в жизни. Тут он хотел

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru позвать прислугу и попросить у нее пирамидону, и никого не позвал, потому что вдруг с отчаянием сообразил, что у прислуги нет решительно никакого пирамидону. Ему нужно было крикнуть и позвать Берлиоза – соседа, но он забыл, что Берлиоз живет в той же квартире. Он ощутил, что лежит в носках, «и в брюках?» – подумал несчастный больной. Трясущейся рукой он провел по бедрам, но не понял – не то в брюках, не то не в брюках, глаза же он открыл.

Тут в передней, неокостеневшей части мозга, как черви, закопошились воспоминания вчерашнего. Это вчерашнее прошло в виде зеленых, источающих огненную боль, обрывков. Вспомнилось начало: кинорежиссер Чембакчи и автор малой формы Хустов, и один из них с плетенкой, в которой были бутылки, усаживали Степу в таксомотор под китайской стеной. И все. Что дальше было – решительно ничего не известно.

– Но почему же деревья?.. Ах-ах... – стонал Степа.

Тут под деревом и выросла эта самая дама, которую он целовал. Только не «Метрополь»! Только не «Метрополь»!

– Почему же это было не в «Метрополе»? – беззвучно спросил сам у себя Степа, и тут его мозг буквально запылал.

Патефона, никакого патефона в «Метрополе» быть не может. Слава Богу, это не в «Метрополе»!

Тут Степа вынес такое решение, что он все-таки откроет глаза, и, если сверкнет эта молния, тогда он заплачет. Тогда он заплачет и будет плакать до тех пор, пока какая-нибудь живая душа не облегчит его страдания. И Степа разлепил опухшие веки, но заплакать ему не пришлось.

Прежде всего он увидел в полумраке спальни густо покрытое пылью трюмо ювелирши и смутно в нем отразился, а затем кресло у кровати и в этом кресле сидящего неизвестного. В затемненной шторой спальне лицо неизвестного было плохо видно, и одно померещилось Степе, что это лицо кривое и злое. Но что незнакомый был в черном, в этом сомневаться не приходилось.

Минуту тому назад не могло и разговора быть о том, чтобы Степа сел. Но тут он поднялся на локтях, уселся и от изумления заоченел. Каким образом в интимной спальне мог оказаться начисто посторонний человек в черном берете, не только больной Степа, но и здоровый бы не объяснил. Степа открыл рот и в трюмо оказался в виде двойника своего и в полном безобразии. Волосы торчали во все стороны, глаза были заплывшие, щеки, поросшие черной щетиной, в подштанниках, в рубахе и в носках.

И тут в спальне прозвучал тяжелый бас неизвестного визитера:

– Доброе утро, симпатичнейший Степан Богданович!

Степан Богданович хотел моргнуть глазами, но не смог опустить веки. Произошла пауза, во время которой язык пламени лизнул изнутри голову Степы, и только благодаря нечеловеческому усилию воли он не повалился навзничь. Второе усилие – и Степа произнес такие слова:

– Что вам угодно?

При этом поразился: не только это был не его голос, но вообще такого голоса Степа никогда не слышал. Слово «что» он произнес дискантом, «вам» – басом, а «угодно» – шепотом.

Незнакомец рассмеялся, вынул золотые часы и, постукав ногтем по стеклу, ответил:

– Двенадцать... и ровно в двенадцать вы назначили мне, Степан Богданович, быть у вас на квартире. Вот я и здесь.

Тут Степе удалось поморгать глазами, после чего он протянул руку, нащупал на шелковом рваном стуле возле кровати брюки и сказал:

– Извините...

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
И сам не понимая, как это ему удалось, надел эти брюки. Надев, он хриплым голосом спросил незнакомца:

– Скажите, пожалуйста, как ваша фамилия?

Говорить ему было трудно. Казалось, что при произнесении каждого слова кто-то тычет ему иголкой в мозг.

Тут незнакомец улыбнулся обольстительно и сказал:

– Как, и мою фамилию забыли?

– Простите, – сказал Степа, чувствуя, что похмелье дарит его новым симптомом, именно: полог кровати разверзся, и Степе показалось, что он сию секунду слетит вниз головой в какую-то бездну. Но он справился с собой, ухватившись за спинку кровати.

– Дорогой Степан Богданович, – заговорил посетитель, улыбаясь проницательно, – никакой пирамидон вам не поможет. Ничего, кроме вреда, не принесут и обливания холодной водой головы.

Степа даже не удивлялся больше, а только слушал, мутно глядя на пришельца.

– Единственно, что поднимет вас в одну минуту на ноги, это две стопки водки с легкой, но острой закуской.

Степа был хитрым человеком и, как он ни был болен, однако, сообразил, что нужно сдаваться. Он решил признаться.

– Признаюсь вам, – с трудом ворочая языком, выговорил он, – я вчера...

– Ни слова больше, – ответил визитер, и тут он отъехал вместе с креслом, и Степа, тараща глаза, как младенец на свечу, увидел, что на трюмо сервирован поднос, на коем помещался белый хлеб, паюсная икра в вазе, маринованные белые грибы и объемистый ювелиршин графин с водкой. Доконало Степу то обстоятельство, что графин был запотевший.

Незнакомец не дал развиться Степиному удивлению до болезненной степени и ловким жестом налил Степе полстопки водки.

– А вы? – пискнул Степа.

– С удовольствием, – ответил незнакомец. Он налил себе полную стопку.

Степан трясущейся рукой поднес стопку ко рту, глотнул, увидел, что незнакомец выплеснул целую стопку водки себе в рот, как выплескивают помой в лохань. Прожевав ломоть икры, Степа выдавил из себя:

– А вы что же... закусить?

– Я не закусываю, благодарю вас, – ответил незнакомец.

По настоянию того же незнакомца Степа выпил вторую, закусил грибами, затем выпил третью, закусил икрой и тут увидел, что произошло чудо. Во-первых, Степа понял, что он может свободно говорить, во-вторых, исчезли зеленые пятна перед глазами, окостеневший мозг расправился, более того, Степа тут же сообразил, что вчерашние деревья – это значит на даче у Чембакчи, куда его возил Хустов. Поцелованная дама была не жена Хустова, а не известная никому дама.

Дело происходило в Покровском-Стрешневе. Все это было так. Но вот появление совершенно неизвестного человека в спальне, а вместе с ним и появление водки с закуской – это было все-таки необъяснимо.

– Ну что ж, теперь вы, конечно, припомнили мою фамилию? – спросил незнакомец.

Степа опохмелился так удачно, что даже нашел возможность игриво улыбнуться и развести руками.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
– Однако! – заметил незнакомец, улыбаясь ласково, – я чувствую, дорогой Степан Богданович, что вы после водки пили портвейн. Ах, разве можно так делать?

– Я хочу вас попросить... – начал Степа искательно и не сводя глаз с незнакомца, – чтобы это... между...

– О, не беспокойтесь! Вот разве что Хустов...

– Разве вы знаете Хустова? – спросил Степа возвращенным голосом.

– Я видел его мельком у вас в кабинете вчера, но достаточно одного взгляда на лицо Хустова, чтобы сразу увидеть, что он сволочь, склочник, приспособленец и подхалим.

«Совершенно верно», – подумал Степа, изумленный таким кратким, но совершенно верным определением Хустова. Но тут тревога закралась в его душу. Вчерашний день постепенно складывался из разрозненных клочков, и все же в памяти зияла черная дыра.

Этого незнакомца в черном берете, в черном костюме, в лакированной обуви, с острой бородкой под медным подбородком, со странным лицом, с беретом с крысьим хвостиком решительно не было во вчерашнем дне. Он не был в кабинете у Степы.

– Доктор Воланд, – сказал незнакомец и, как бы видя насквозь все смятение Степы, все объяснил. Выходило со слов незнакомца, что он – специалист по белой магии, вчера был у Степы в кабинете и заключил со Степой контракт на выступление в подведомственном Степе «Кабаре», после чего, когда уже помянутый Воланд прощался с уважаемым директором, тут и явились эти самые Чембакчи и Хустов и увезли Степу в Покровское.

И сегодняшний день был совершенно ясен. Увозимый Степа назначил иностранному артисту свидание у себя в двенадцать часов. Иностранец явился. Иностранец был встречен приходящей прислугой Грушей, которая со свойственной всем приходящим прислугам откровенностью все и выложила иностранному артисту: первое, что Михаил Александрович Берлиоз как вчера ушел днем, так и не вернулся, но что вместо него приезжали двое и сделали обыск, а что если артисту нужен не Берлиоз, а Степа, то этого Степу вчера ночью привезли двое каких-то, которых она не знает, совершенно пьяным, так что и до сих пор он лежит, как колода, так что она не знает, что с ним делать, что и обед он не заказывал...

Тут иностранец послал ее в дорогой магазин, велел ей купить водки, икры и грибов и даже льду, так что все оказалось понятным. И тем не менее на Степу было страшно смотреть. Водка, лед, да... привезли пьяным, да... Но самое основное – никакого контракта вчера Степа не заключал, и никакого иностранного артиста не видел.

– Покажите контракт, – сказал Степа.

Тут у Степы в глазах позеленело, и было это даже похуже похмелья. Он узнал свою лихую подпись... увидел слова... неустойка... 1000 долларов... буде... Словом, он, Степа, вчера заключил действительно контракт с иностранным фокусником – господином Аззелло Воланд. И господин Аззелло Воланд, что было видно из кривой надписи на контракте, деньги получил.

«Буде?..» – подумал Степа.

Убедил ли его представленный контракт? Нет. Степе могли сунуть в нос любую бумагу, самый бесспорный документ, и все-таки Степа, умирая, под присягой мог показать, что никакого контракта он не подписывал и иностранца вчера он не видел.

У Степы закружилась голова.

– Одну минуту, я извиняюсь... – сказал Степа и выскочил из спальни.

– Груня! – рявкнул он.

– Берлиоз! – крикнул Степа.

На половине Берлиоза никто не отозвался.

В передней у двери Степа привычно в полутьме повертел номер на телефоне и услышал, как резкий и наглый голос раздраженно крикнул в ухо:

– Да!..

– Римский? – спросил Степа и трубка захрипела. – Римский, вот что... Как дела?... – Степа побагровел от затруднения, – вот чего... Этот тут пришел, этот фокусник Вол...

– Не беспокойтесь, – уверила трубка, – афиши будут к вечеру...

– Ну, всего, – ответил Степа и повесил трубку. Повесив, сжал голову руками и в серьезной тревоге застыл. Штука была скверная. У Степы начались тяжкие провалы в памяти. И водка была тут ни при чем. Можно забыть то, что было после водки, но до нее? Однако в передней задерживаться долго было неудобно. Гость ждал. Как ни мутилось в голове у Степы, план действий он составил, пока дошел до спальни: он решил признать контракт и от всего мира скрыть свою невероятную забывчивость. Вообще... Тут Степа вдруг прыгнул назад. С половины Берлиоза, приоткрыв лапой дверь, вышел черный кот, но таких размеров, что Степа побледнел. Кот был немногим меньше приличной свиньи. Одновременно с явлением подозрительного кота слух и зрение Степы были поражены другим: Степа мог поклясться, что какая-то фигура, длинная-длинная, с маленькой головкой, прошла в пыльном зеркале ювелирши, а кроме того, Степе показалось, что оставленный в спальне незнакомец разговаривает с кем-то.

Обернувшись, чтобы проверить зеркальную фигуру, Степа убедился, что за спиной у него никого нет.

– Груня! – испуганно и раздраженно крикнул Степа. – Какой тут кот?

– Не беспокойтесь, Степан Богданович, – отозвался из спальни гость, – этот мой кот. А Груни нет. Я уснул ее в Воронежскую губернию.

Степа выпучил глаза и тут подумал: «Что такое? Я, кажется, схожу с ума?» Обернувшись еще раз, он изумился тому, что все шторы в гостиной закрыты, от этого во всей квартире полумрак. Кот, чувствуя себя в чужой квартире, по-видимому, как дома, скептически посмотрел на Степу и проследовал куда-то, на прощание показав директору «Кабаре» два огненных глаза.

Тут Степа, чувствуя смятение, тревогу и вдруг сообразив, что все это странно, желая получить объяснение нелепых слов о Воронежской губернии, оказался на пороге спальни. Степа стоял, вздыбив вихры на голове, с опухшим лицом, в брюках, носках и в рубашке; незнакомец, развалившись в кресле, сидел по-прежнему, заломив на ухо черный бархатный берет, а на коленях у него сидел второй кот, но не черный, а огненно-рыжий и меньшего размера.

– Да, – без обиняков продолжил разговор гость, – осиротела ваша квартира, Степан Богданович! И Груни нет. Ах, жаль, жаль Берлиоза. Покойник был начитанный человек.

– Как покойник? – глухо спросил Степа.

Тут незнакомец торжественно сказал:

– Да, мой друг, вчера вечером, вскоре после того как я подписал с вами контракт, товарища Берлиоза зарезало трамваем. Так что более вы его не увидите.

Голова у Степы пошла тут кругом. Он издал какой-то жалобный звук и воззрился на кота. Тут ему уже определенно показалось, что в квартире его происходят странные вещи. И точно: в дверь вошел длинный в клетчатом, и смутно сверкнуло разбитое стекло пенсне.

– Кто это? – спросил глухо Степа.

– А это моя свита, помощники, – ответил законтрактованный директором гость. Голос его стал суров.

И Степа, холодея, увидел, что глаз Воланда – левый – потух и провалился, а правый загорелся огнем.

– И свита эта, – продолжал Воланд, – требует места, дорогой мой! Поэтому, милейший, вы сейчас покинете квартиру.

– Товарищ директор, – вдруг заговорил козлиным голосом длинный клетчатый, явно подразумевая под словом «директор» самого Степу, – вообще свинчат в последнее время в Москве. Пять раз женился, пьянствует и лжет начальству.

– Он такой же директор, – сказал за плечом у Степы гнусавый сифилитический голос, – как я архиерей. Разрешите, мессир, выкинуть его к чертовой матери, ему нужно проветриться!

– Брысь! – сказал кот на коленях Воланда.

Тут Степа почувствовал, что он близок к обмороку.

«Я вижу сон», – подумал он. Он откинулся головой назад и ударился о косяк. Затем все стены ювелиршиной спальни закрутились вокруг Степы.

«Я умираю, – подумал он, – в бешеном беге».

Но он не умер. Открыв глаза, он увидел себя в громаднейшей тенистой аллее под липами. Первое, что он ощутил, это что ужасный московский воздух, пропитанный вонью бензина, помоек, общественных уборных, подвалов с гнилыми овощами, исчез и сменился сладостным послегрозовым дуновением от реки. И эта река, зашита по бокам в гранит, прыгала, разбрасывая белую пену, с камня на камень в двух шагах от Степы. На противоположном берегу громоздились горы, виднелась голубоватая мечеть. Степа поднял голову, поднял отчаянно голову вверх и далее на горизонте увидел еще одну гору, и верхушка ее была косо и плоско срезана. Сладкое, недущное тепло ласкало щеки. Грудь после Москвы пила жадно напоенный запахом зелени воздух. Степа был один в аллее, и только какая-то маленькая фигурка маячила вдали, приближаясь к нему. Степин вид был ужасен. Среди белого дня в сказочной аллее стоял человек в носках, в брюках, в расстегнутой ночной рубашке, с распухшим от вчерашнего пьянства лицом и с совершенно сумасшедшими глазами. И главное, что где он стоял, он не знал. Тут фигурка поравнялась со Степой и оказалась маленьким мужчиной лет тридцати пяти, одетым в чесучу, в плоской соломенной шляпочке. Лицо малыша отличалось бледным нездоровым цветом, и сам он весь доходил Степе только до талии.

«Лилипут», – отчаянно подумал Степа.

– Скажите, – отчаянным голосом спросил Степа, – что это за гора?

Лилипуге некоторой опаской посмотрел на растерзанного человека и сказал звенящим голосом:

– Столовая гора.

– А город, город это какой? – отчаянно завопил Степа.

Тут лилипут страшно рассердился.

– Я, – запищал он, брызгая слюной, – директор лилипутов Пульс. Вы что, смеетесь надо мной?

Он топнул ножкой и раздраженно зашагал прочь.

– Не смеешь по закону дразнить лилипутов, пьяница! – обернувшись, еще прокричал он и хотел удалиться.

Но Степа кинулся за ним. Догнав, бросился на колени и отчаянно попросил:

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
– Маленький человек! Я не смеюсь. Я не знаю, как я сюда попал. Я не пьян.
Сжался, скажи, где я?

И, очевидно, такая искренняя и совсем не пьяная мольба <...> что лилипут поверил ему и сказал, тараша на Степу глазенки:

– Это – город Владикавказ.

– Я погибаю, – шепнул Степа, побелел и упал к ногам лилипута без сознания.

Малыш же сорвал с головы соломенную шляпочку и побежал, размахивая ею и крича:

– Сторож, сторож! Тут человеку дурно сделалось!

ВОЛШЕБНЫЕ ДЕНЬГИ

Председатель Жилищного Товарищества того дома, в котором проживал покойник, Никанор Иванович Босой находился в величайших хлопотах начиная с полуночи с 7-го на 8-е мая. Именно в полночь, в отсутствие Степы и Груни, приехала комиссия в составе трех человек, подняла почтенного Никанора Ивановича с постели, последовала с ним в квартиру покойного, в присутствии Никанора Ивановича вскрыла дверь, вынула и опечатала все рукописи товарища Берлиоза и увезла их с собой, причем объявила, что жилплощадь покойника переходит в распоряжение Жилтоварищества, а вещи, принадлежащие покойному, как то будильник, костюм, осеннее пальто и книги, подлежат сохранению в том же Жилтовариществе впредь до объявления наследников покойного, буде таковые явятся.

Слух о гибели председателя Миолита ночью же распространился во всех семидесяти квартирах большого дома, и с самого утра того дня, когда господин Воланд явился к Степе, Босому буквально отравили жизнь. Звонок в квартире Босого трещал с семи часов утра. Босому в течение двух часов подали тридцать заявлений от жильцов, претендующих на площадь зарезанного. В бумагах были мольбы, кляузы, угрозы, доносы, обещания произвести ремонт на свой собственный счет, указания на невозможность горькой жизни в соседстве с бандитами, сообщения о самоубийстве, которое произойдет, если квартиру покойного не отдадут, замечательные по художественной силе описания тесноты и признания в беременностях. К Никанору Ивановичу ломались на квартиру, кричали, грозили, ловили его на лестнице и во дворе за рукава, шептали что-то, подмигивали, кричали, грозили жаловаться. Потный, жаждущий Никанор Иванович с трудом к полудню разогнал толпу одержимых и устроил что-то вроде заседания с секретарем Жилтоварищества Бордасовым и казначеем Шпичкиным, причем на этом же заседании и выяснилось, что вопли несчастных не приведут ни к чему. Берлиозову площадь придется сдать, ибо в доме колоссальнейший дефицит, и нефть для парового отопления на зиму покупать будет не на что. На том и порешили, и разошлись.

Днем, тотчас же после того, как Степа улетел во Владикавказ, Босой отправился в квартиру Берлиоза для того, чтобы еще раз окинуть ее хозяйским глазом, а к стати и произвести измерение двух комнат.

Босой позвонил в квартиру, но так как ему никто не открыл, то он властной рукой вынул дубликат ключа, хранящийся в правлении, и вошел самочинно.

В передней был полумрак, а на зов Босого никто ни с половины Степы, ни из кухни не отзывался. Тут Босой повернул направо в ювелиршину половину и прямо из передней попал в кабинет Берлиоза и остановился в совершенном изумлении. За столом покойного сидел неизвестный, тощий и длинный гражданин в клетчатом пиджачке.

Босой вздрогнул.

– Вы кто такой будете, гражданин? – спросил он, почему-то вздрогнув.

– А-а, Никанор Иванович! – дребезжащим тенором воскликнул сидящий и, поправив разбитое пенсне на носу, приветствовал председателя насильственным и внезапным рукопожатием.

Босой встретил приветствие хмуро:

– Я извиняюсь, на половине покойника сидеть не разрешается. Вы кто такой будете? Как ваша фамилия?

– Фамилия моя, – радостно объявил незванный гражданин, – скажем... Коровьев. Да, не желаете ли закусить?

– Я извиняюсь, что: коровой закусить? – заговорил, изумляясь и негодуя, Никанор Иванович. Нужно признаться, что Никанор Иванович был по природе немножко хамоват. – Вы что делаете в квартире, здесь?

– Да вы присаживайтесь, Никанор Иванович, – задребезжал, не смущаясь, гражданин в треснувших стеклах. – Я, извольте видеть, переводчик и состою при особе иностранца в этой квартире.

Существование какого-то иностранца явилось для почтенного председателя полнейшим сюрпризом, и он потребовал объяснения. Оказалось, что господин Воланд – иностранный артист, вчера подписавший контракт на гастроли в «Кабаре», был любезно приглашен Степаном Богдановичем Лиходеевым на время этих гастролей, примерно одну неделю... прожить у него в квартире, о чем еще вчера Степан Богданович сообщил в правлении и просил прописать господина Воланда.

– Ничего я не получал! – сказал пораженный Босой.

– А вы поройтесь в портфеле, милейший Никанор Иванович, – сладко сказал назвавшийся Коровьевым.

Босой, в величайшем изумлении, подчинился этому предложению. Впоследствии председатель утверждал, что он весь тот день действовал в помрачении ума, причем ему никто не верил. И действительно, в портфеле Босой обнаружил письмо Степы, в котором тот срочно просил прописать господина Воланда на его площади на одну неделю.

– Все в порядочке, с почтеньцем, – сказал ласково Коровьев.

Но Босой не удовлетворился письмом и изъявил желание лично говорить с товарищем Лиходеевым, но Коровьев объяснил, что этот товарищ только что отбыл в город Владикавказ по неотложным делам.

– Во Владикавказ? – тупо повторил Босой, поморгал глазами, изъявил желание полюбоваться господином иностранцем и в этом получил отказ. Оказалось, что иностранец занят – он в спальне дрессирует кота.

Далее обстоятельства сложились так: переводчик Коровьев тут же сделал предложение почтенному председателю товарищества. Ввиду того, что иностранец привык жить хорошо, то не сдаст ли, в самом деле, ему правление всю квартиру, то есть и половину покойника, на неделю.

– А? Покойнику безразлично... Его квартира теперь одна, Никанор Иванович, Новодевичий монастырь, правлению же большая польза. А самое главное то, что уперся иностранец, как бык, не желает он жить в гостинице, а заставить его, Никанор Иванович, нельзя. Он, – интимно сипел Коровьев, – утверждает, что будто бы в вестибюле «Метрополя», там, где продается церковное облачение, якобы видел клопа! И сбежал!

Полнейший практический смысл был во всем, что говорил Коровьев, и тем не менее удивительно что-то несолидное было в Коровьеве, в его клетчатом пиджачке и даже в его треснувшем пенсне. Поборов, однако, свою нерешительность, побурчав что-то насчет того, что иностранцам жить полагается в «Метрополе», Босой все-таки решил, что Коровьев говорит дело. Хорошие деньги можно было слупить с иностранца за эту неделю, а затем он смоемся из СССР и квартиру опять можно продать уже на долгий срок. Босой объявил, что он должен тотчас же собрать заседание правления.

– И верно! И соберите! – орал Коровьев, пожимая шершавую руку Босого. – И славно, и правильно! Как же можно без заседания? Я понимаю!

Босой удалился, но вовсе не на заседание, а к себе на квартиру и немедленно позвонил в «Интурист», причем добросовестнейшим образом сообщил все об упрямом иностранце, о клопе, о Степе, и просил распоряжений. К словам Босого в «Интуристе» отнеслись с полнейшим вниманием, и резолюция вышла такая: контракт заключить, предложить иностранцу платить 50 долларов в день, если упрется, скинуть до сорока, плата вперед, копию контракта сдать вместе с долларами тому товарищу, который явится с соответствующими /документами/ – фамилия этого товарища Кавунов. Успокоенного Никанора Ивановича поразило немного лишь то, что голос служащего в «Интуристе» несколько напоминал голос самого Коровьева. Но не думая, конечно, много о таких пустяках, Босой вызвал к себе секретаря Бордасова и казначея Шпичкина, сообщил им о долларах и о клопе и заставил Бордасова, который был пограмотнее, составить в трех экземплярах контракт и с бумагами вернулся в квартиру покойника с некоторой неуверенностью в душе – он боялся, что Коровьев воскликнет: «Однако, и аппетиты же у вас, товарищи драгоценные» – и вообще начнет торговаться.

Но ничего этого не сбылось. Коровьев тут же воскликнул: «Об чем разговор, Господи!» – поразив Босого, и выложил перед ним пачку в 350 долларов.

Босой аккуратнейше спрятал деньги в портфель, а Коровьев сбегал на половину Степы и вернулся с контрактом, во всех экземплярах подписанным иностранным артистом.

Тут Никанор Иванович не удержался и попросил контрамарочку. Коровьев ему не только контрамарочку посулил, но проделал нечто, что было интереснее всякой контрамарочки. Именно: одной рукой нежно обхвативши председателя за довольно полную талию, другой вложил ему нечто в руку, причем председатель услышал приятный хруст и, глянув в кулак, убедился, что в этом кулаке триста рублей советскими.

– Я извиняюсь, – сказал ошеломленный Босой, – этого не полагается. – И тут же стал отпихивать от себя деньги.

– И слушать не стану, – зашептал в самое ухо Босому Коровьев, – обидите. У нас не полагается, а у иностранцев полагается.

– Строго преследуется, – сказал почему-то тихо Босой и оглянулся.

– А мы одни, – шепнул в ухо Босому Коровьев, – вы трудились...

И тут, сам не понимая, как это случилось, Босой засунул три сотенных в карман. И не успел он осмыслить случившееся, как уж оказался в передней, а там за ним захлопнулась дверь.

Товарищ Кавунов, оказавшийся рыжим, кривым и одетым не по-нашему, уже дожидался в правлении. Тщательно проверив документы товарища Кавунова, Босой в присутствии Шпичкина сдал ему под расписку доллары и копию контракта, и все разошлись.

В квартире же покойного произошло следующее.

Тяжелый бас сказал в спальне ювелирши:

– Однако, этот Босой – гусь! Он мне надоел. Я вообще не люблю хамов в квартире.

– Он не придет больше, мессир, уверяю вас, – отозвался Коровьев. И, тут же вышел в переднюю, навертел на телефоне номер и, добившись требуемого, сказал в трубку почему-то плаксивым голосом следующее:

– Алло! Говорит секретарь Жакта № 197 по Садовой Бордасов Петр. Движимый чувством долга члена профсоюза, товарищ, сообщаю, что у председателя нашего Жакта, Босого Никанора Ивановича, имеется валюта, в уборной.

И повесил трубку.

– Этот вульгарный человек больше не придет, мессир, – нежно сказал назвавший себя Коровьевым в дверь спальни.

– Да уж за это можно ручаться, – раздался вдруг гнусавый голос, и в гостиной появился человек, при виде которого Босой ужаснулся бы, конечно, ибо это был не кто иной, как назвавший себя Кавуновым. Кривой глаз, рыжие волосы, широк в плечах, ну, словом, он. К несчастью, Никанор Иванович не видел его.

– Идем завтракать, Азazelло, – обратился Коровьев к тому, который именовал себя Кавуновым.

Что далее происходило в квартире, где поселился иностранный артист, точно неизвестно. Но зато хорошо известно, что произошло в квартире Никанора Ивановича.

Никанор Иванович, сплавив с плеч обузу с долларами, вернулся к себе, первым долгом заперся, а в три часа отправился к себе обедать. В доме была общественная столовая, но Никанор Иванович, хоть сам и был инициатором основания столовки, но испытывал какое-то болезненное отвращение к общественному питанию, предпочитая ему индивидуальное, домашнее. И поэтому, ссылаясь на то, что доктор ему прописал особую диету, в столовке нипочем не обедал.

В этот странный день для Никанора Ивановича в его диетический обед вошли приготовленная собственными руками супруги его селедочка с луком, коробка осетрины в томате, битки, малосольные огурчики и борщ с сосисками. Но прежде чем обедать, Никанор Иванович прошел в уборную и заперся там на несколько минут. Вернувшись, он окинул приятным взором приготовленные яства, не теряя времени, заглянул под кровать, спросил у супруги, закрыта ли входная дверь, велел никого не пускать, потому что у Никанора Ивановича обеденный перерыв, вытащил из-под кровати из чемодана запечатанную поллитровку, откупорил, налил стопку, закусил селедкой, налил вторую, хотел закусить огурчиком, но это уже не удалось. Позвонили.

– Гони ты их! – раздраженно сказал Босой супруге. – Что я им в самом деле – собака? Скажи, чтоб насчет квартиры больше не трепались. Сдана иностранцу.

И спрятал поллитровку в буфет. В передней послышался чужой голос. Супруга впустила кого-то.

– Что она, дура, я же сказал! – рассердился Босой и устремил грозный взор на дверь в переднюю. Из этой двери появилась супруга с выражением ужаса на лице, а следом за нею – двое незнакомых Босому. Первый в форме с темно-малиновой нашивкой, а второй – в белой косоворотке. Босой почему-то побледнел и поднялся.

– Где сортир? – спросил озабоченно первый.

– Здесь, – шепнул Босой, бледнея, – а в чем дело, товарищи?

Ему не объяснили, в чем дело, а прямо проследовали к уборной.

– У вас мандаты, товарищи, есть? – тихо-претихо вымолвил Босой, идя следом за пришедшими.

На это тот, что был в косоворотке, показал Босому маленькую книжечку и белый ордерок. Тут Босой утих, но стал еще бледнее. Первый вошел в уборную, оглядел ее, тотчас же взял из коридора табуретку, встал на нее и с наличника над дверью под пыльным окошком снял белый пакетик. Пока этот пакетик раскрывали, Босой придумал объяснение тремстам рублям – прислал брат из Казани. Однако объяснение не понадобилось. Быстрые белые пальцы первого вскрыли пакетик, и в нем обнаружили несколько денежных, по-видимому, бумажек непривычного для человеческого взгляда вида. Они были зеленоватого цвета, с портретами каких-то вдохновенных растрепанных стариков. Тут глаза Босого вылезли из орбит, шея налилась темной кровью.

– Триста долларов, – деловым тоном сказал первый. – Ваш пакетик?

– Никак нет, – ответил Босой.

– Не могу знать, – ответил Босой и вдруг возопил: – Подбросили враги!

– Бывает, – миролюбиво сказал второй в косоворотке и прибавил: – Ну, гражданин Босой, подавай остальные.

Мы не знаем, что спасло Никанора Ивановича от удара. Но он был к нему близок. Шатаясь, с мертвыми глазами, налитыми темной кровью, Никанор Иванович Босой, член кружка «Безбожник», положил на себя крестное знамение и прохрипел:

– Никогда валюты в руках не держал, товарищи, Богом клянусь!

И тут супруга Босого, что уж ей попритчилось, кто ее знает, вдруг воскликнула:

– Покайся, Иваныч!

Чаша страдания ни в чем неповинного Босого (он, действительно, никогда в руках не держал иностранной валюты) переполнилась, и он внезапно ударил свою супругу кулаком по лицу, отчего та разроняла битки по полу и взревела.

– Ну, это ты брось, – холодно сказал тот, что был в косоворотке, и мигом отделил Босого от жены.

Тогда Босой заломил руки, и слезы покатались по его багровому лицу.

Минут через десять примерно видели некоторые обитатели громадного дома на Садовой, как председатель правления в сопровождении двух людей быстро проследовал в ворота дома и якобы шатался, как пьяный, и будто бы лицо у него было, как у покойника.

Что проследовал, это верно, ну а насчет лица, может быть, и приврали добрые люди.

В КАБИНЕТЕ РИМСКОГО

В то время как происходили все эти события, в громадном доме на Садовой, невдалеке от него, в кабинете дирекции «Кабаре» сидели и занимались делами двое ближайших сотрудников Степы Лиходеева – финансовый директор «Кабаре» Римский и администратор Варенуха. В кабинете «Кабаре», похожем как две капли воды на всякий другой театральные кабинет, то есть с разнокалиберной мягкой мебелью, с запачканным дрянным ковром на полу, с пачкой старых афиш, с телефоном на письменном столе, – происходило все то, что происходит во всяком другом кабинете.

Римский сидел за письменным столом и подписывал какие-то бумаги. В дверь часто входили: побывал бухгалтер с ведомостью, как всякий бухгалтер, старый, большой, подозрительный, хмурый, в очках. Приходил дирижер в грязном воротничке, и с дирижером Римский поругался из-за какой-то новой кожи на барабане. Какой-то лысый и бедный человек принес скетч. Автор скетча держал себя униженно, а Римский обошелся с ним грубо, но скетч оставил, сказав, что покажет его Степану Богдановичу Лиходееву. И автор ушел, кланяясь и говоря: «Очень хорошо... мерси...» – глядя слезящимися глазами на директора.

Словом, все было, как обычно, кроме одного: час прошел, нет Степана Богдановича, другой час прошел – нет его.

Приезжали из РКИ, звонили из Наркомпроса, звали на заседание директоров, на столе накопилась громадная пачка бумаг. Римский стал нервничать, и Варенуха стал звонить по телефону на Садовую, в квартиру Степы.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
– Ну, это уж безобразие, – стал ворчать Римский, каждый раз, как Варенуха говорил: «Не отвечают».

В три часа дня в кабинет вошла женщина в форменной куртке, в тапочках и в мужской фуражке, вынула из маленькой сумки на поясе конвертик и сказала:

– Где тут «Кабаре»? Распишитесь, «молния».

Варенуха черкнул какую-то закорючку в тетради у женщины и, когда та ушла, вскрыл пакетик.

Вскрыв и прочитав, он перекошил лицо, пожал плечами и подал телеграмму Римскому.

В телеграмме было напечатано следующее:

«Владикавказ Москву Кабаре Молнируйте Владикавказ помощнику начальника Масловскому точно ли субъект ночной сорочке брюках блондин без сапог документами директора Кабаре Лиходеева явившийся сегодня отделение Владикавказе признаками психоза есть директор Лиходеев Масловский».

– Это здорово! – сказал Римский, прочитав телеграмму. Варенуха, моргая, долго изучал листок.

– Самозванец, – решил Римский. И тут же взяв телефонную трубку, позвонил и продиктовал по телефону «молнию»: «Владикавказ Помощнику Начальника Масловскому Лиходеев Москве Римский».

Независимо от странной «молнии» принялись разыскивать Лиходеева. Квартира упорно не отвечала. Мучились очень долго, звоня в служебное время решительно во все места, где могла разыскаться хотя бы тень Степы. Успели проверить сбор и убедились, что выпущенная афиша с именем иностранца резко повысила сегодняшний кассовый приток.

Минут через тридцать после первой «молнии» пришла вторая. Содержание ее было еще страннее:

«Молнируйте Масловскому что я действительно Лиходеев брошенный Воландом Владикавказ Задержите Воланда Лиходеев».

В течение минуты и Римский, и Варенуха, касаясь друг друга лбами, перечитывали телеграмму.

– Ты же с ним утром разговаривал по телефону, – недоуменно сказал лысый Варенуха.

– Какие глупости – разговаривал, не разговаривал! – рассердился нервный Римский, – не может он быть во Владикавказе! Это смешно!

– Он пьян! – сообразил Варенуха, а может, это трактир «Владикавказ»? Он из Москвы...

– Граждане! – вскричала раздраженно телеграмщица, – расписывайтесь, а потом уж митинг устраивайте!

– Телеграмма-то из Владикавказа? – спросил Римский.

– Ничего я не знаю. Не мое дело, – ответила женщина и удалилась ворча. Римский уставился сквозь очки в «молнию». Как ни прерывал его каждую минуту Варенуха восклицаниями, что все это глупо, отмахнуться от телеграммы никак нельзя было, и именно благодаря слову «Воланд». Откуда же, спрашивается, владикавказскому самозванцу известно имя иностранца? Но с другой стороны, человек, который в час дня был в Москве, ни в каком аэроплане, ни при каких условиях к трем дням во Владикавказе быть не может. С третьей стороны, зачем же, хотя бы и такой неожиданный человек, как Степа, которого не раз Римский мысленно ругал «балбесом», сорвется в служебный день с места и ринется из Москвы вон? С ума можно сойти!

«За-дер-жи-те Воланда, – бормотал, мычал Варенуха. – Зачем? Мистификация».

Через тридцать минут появилась та же самая женщина, и Римский, и Варенуха даже с мест не поднялись. Она вынула темный листок.

– Интересненько... – шепнул Варенуха. На фотографической бумаге отчетливо чернели писанные строчки. Тут Варенуха без чинов навалился на плечо Римскому. Оба жадно бегали глазами по строчкам.

«Вот доказательство мой почерк Немедленно молнируйте подтверждение моей личности Немедленно обследуйте мою квартиру Примите все меры наблюдения за Воландом и задержания в случае попытки выехать из Москвы Лиходеев».

Варенуха был известен в Москве как опытнейший театральный администратор, выдавший всякие виды, и кроме того, смысленный человек. Но тут Варенуха почувствовал, что ум его застилается пеленою, и он ничего не придумал, кроме житейской нелепой фразы:

– Этого не может быть...

Римский поступил не так. Он поднялся с места, резко крикнул в дверь: «Никого!» – и тотчас запер дверь кабинета на ключ. Затем, сразу постарев лет на пять и нахмурившись, достал из письменного стола пачку документов и извлек из них все те, на которых были резолюции и подписи Лиходеева. Он тщательно сличал букву за буквой. Извлек три залихватских подписи на ведомостях и одну на чеке. Варенуха, навалившись, жарко дышал в щеку Римскому.

– Без сомнения, почерк Лиходеева, – наконец выговорил Римский очень хмуро. Варенуха проделал все знаки изумления, которые свойственны людям. То есть по кабинету прошелся, руки вздымал, как распятый, плечи вздергивал, восклицал: «Не понимаю!»

Задача Римского была трудна. Нужно было тут же, сейчас же обыкновенные объяснения представить для совершенно необыкновенного события. И Римский сделал все, что в силах человеческих. Он сверился по справочнику и узнал, что от Москвы до Владикавказа... километров. Злобно от напряжения усмехнувшись, Римский представил себе Степу в ночной сорочке, торопливо влетающего в самый-самый, делающий, скажем, триста километров в час аэроплан, и тут же сокрушил эту мысль, как явно гнилую. На таком далеко не улетишь. Он представил другой самолет, военный, сверхбоевой, шестьсот километров в час, и тут же сосчитал, что, ввалившись в него непосредственно тотчас же после телефонного разговора в час дня, Степа за два часа не дотянул до Владикавказа восемьсот километров. Аэропланы разлетелись как дым. В висках Римского закололо. Варенуха же, выпив целый стакан желтой воды из графина, весь в испарине, рылся в справочнике «Вся Москва». Он искал трактир «Владикавказ».

Мелькнула дикая мысль, что, может, не Степа говорил в час дня по телефону с Садовой. Отпала. Степин голос был слишком хорошо известен Римскому. Затем всякая надежда построить логическое здание рухнула. В голове у финансового директора остались только черепки. Штампы на телеграммах фальшивые? Нет, подлинные. В носках, среди бела дня, во Владикавказе? Смешно. Трактир. Пьяные шутки?

В дверь снаружи стучали, ручку дергали. Слышно было, как курьерша кричала: «Нельзя!» Варенуха, воспаленными глазами глядя в справочник, тоже рывкнул: «Нельзя! Заседание!»

Когда за дверью стихло, Варенуха захлопнул толстую книгу и молвил:

– Не может он быть во Владикавказе. – Он поглядывал на Римского и увидел в своем патроне перемену.

Колючие глаза Римского в знакомой всем роговой оправе утратили как будто бы эту колючесть, и в них появилась темная печаль и очень большая тревога.

– Не может он быть во Владикавказе, – повторил Варенуха.

Помолчали.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

– Да, он не может быть во Владикавказе, – отозвался Римский, и даже, как показалось Варенухе, изменившимся голосом, – но тем не менее это писано из Владикавказа.

– Так что же это такое?! – спросил Варенуха.

– Это непонятное дело, – очень серьезно ответил Римский, – и дело это надо выяснить. – Помолчав, еще добавил: – Но лучше всего, это вторая часть.

– О Воланде?

– Да, о Воланде, – ответил Римский. За спиной его висела афиша. На зеленом фоне ясно виднелась эта фамилия. Афиша сулила.....

Двое взрослых и очень деловых людей должны были ответить на дикие телеграммы. Это было им неприятно, но тем не менее отвечать нужно было.

Римский взял трубку телефона и сказал:

– Междугородная? Дайте сверхсрочный разговор с Владикавказом.

«Умно», – подумал Варенуха.

– А, черт, – сказал Римский, вешая трубку.

– Что?

– Испорчен телефон во Владикавказе.

Римский позвонил на телеграф и, щурясь, продиктовал:

– Примите «молнию». «Владикавказ Помощнику Масловскому Ответ фотограмму 803 Двенадцать дня сегодня Лиходеев был Москве От двух до четырех он неизвестно где Почерк безусловно подтверждаю Меры наблюдения за указанным фотограмме артистом принимаю Римский».

«Умно», – подумал Варенуха, – тут же додумал: «Глупо! Ведь его не может быть во Владикавказе!»

Но Римский показал, что он еще умнее, чем о нем думали. Именно: обе телеграммы и фотограмму он тщательно запаковал в конверт, конверт заклеил, протянул его Варенухе и сказал значительно:

– Свези, Василий Васильевич, немедленно. Пусть они разбирают.

«Умно», – в третий раз подумал Варенуха и принял пакет.

– Звони на квартиру.

Варенуха взял трубку, и ему посчастливилось.

– Алло! – сказал бас в трубке.

– Мосье Воланд? – ласково спросил Варенуха.

– Я.

– Добрый день. Говорит администратор «Кабаре» Варенуха.

– Очень приятно. Как ваше здоровье?

– Мерси, – несколько удивляясь иностранной вежливости, ответил Варенуха.

Римский, сморщившись, очень тревожно прислушивался.

– Мне показалось, что вы плохо выглядели вчера. Вы берегите себя, – продолжал излишне вежливый иностранец в ухо изумленному администратору, – я не советую вам никуда сегодня ходить. Пусть Римский ходит.

Варенуха вздрогнул от удивления.

– Алло?

– Простите, – оправившись, начал Варенуха, – я побеспокоил вас вот почему... Вы не знаете ли, где товарищ Лиходеев?

– Его нет дома.

– А, простите, он не говорил, куда он пошел?

– Говорил. За ним приехала какая-то дама в автомобиле, и он сказал, что на один час уедет за город, – продолжала трубка.

Варенуха чуть не прыгнул у телефона и замигал Римскому.

– А куда за город? Куда, простите?

– Кататься.

– Благодарю вас, мерси, мерси, – заговорил и закланялся Варенуха, – сегодня вечером, значит, ваше выступление?

– О да. Я помню.

– Всего добренького, всего, – нежно сказал Варенуха и стукнул трубкой. – Он за городом, – победоносно воскликнул Варенуха. – Уехал в машине, и, понятно, машина сломалась.

– Черт знает что такое! – вскричал, бледнея, Римский.

– Да я теперь все понимаю, – радовался Варенуха, – он застрял на шоссе.

– В служебный день, – злобно заговорил Римский, – впрочем, это на него похоже.

– И зря ты молнировал! – сказал Варенуха.

– Но, позволь, – отозвался Римский...

– Мистификация! Мистификация.

– Я бы этого сукиного сына...

– Ну что ж, нести?

– Непременно, непременно, – настойчиво заговорил Римский.

Затем друзья условились так.

Варенуха немедленно отвезет куда следует странные телеграммы, а Римский отправляется обедать. К началу спектакля оба будут на месте.

Варенуха прошел по всему зданию «Кабаре», оглянул все опытным глазом и решил нырнуть на минутку в контору в нижнем этаже. Навести там порядок. Он вошел и увидел, что наводить порядок нельзя. В конторе не было никого. И тут же загремел телефон на клеенчатом столе.

– Да! – рявкнул Варенуха, как обычно рявкают в телефон.

– Товарищ Варенуха? – сказал тенор-голос в телефоне. – Вот что. Вы никуда сейчас телеграммы не носите. А спрячьте их. Вообще никуда не ходите.

– Кто это говорит? – закричал Варенуха. – Товарищи, прекратите ваши штуки! Мы вас обнаружим! Я вас отдам моментально куда следует!

– Товарищ Варенуха, – сказал все тот же препротивный голос, – русский язык вы понимаете? Не носите никуда телеграммы и Римскому ничего не говорите.

– Вот я сейчас узнаю, по какому вы номеру говорите, и...

Здесь Варенухе пришлось повесить трубку, так как он ясно понял, что собеседник его ушел от аппарата.

– Римский вышел? – спросил Варенуха у курьерши, выходя из конторы.

– Обедать вышли, – ответила курьерша.

– Ах, жаль! – буркнул Варенуха.

Дело в том, что у Варенухи в голове вдруг возникла мысль, что он очень выиграет на этом деле с мистификацией. Вот он сейчас пойдет куда следует, там, конечно, крайне заинтересуются, зазвучит фамилия Варенухи. «Садитесь, товарищ Варенуха... Так вы полагаете, товарищ Варенуха?..» Интересно (по-человечески говоря) возбудить дело и быть участником в его расследовании. «Варенуха свой парень», «Варенуху знаем».

Администратор, из которого перла энергия, побывал и в кассе и узнал, что вечер будет боевой, – только что кассирша продала два последних места и вывесила аншлаг.

Обойдя, как полководец перед боем поле сражения, все здание, Варенуха вышел из него, но не через главный подъезд, а через боковой, выводящий в летний сад. Варенухе понадобилось проверить, провели ли, согласно его распоряжению накануне, свет в мужскую и женскую уборные. Вот Варенуха и устремился мимо тира, мимо нарзанной будки, жадно вдыхая садовый воздух после душного и испорченного воздуха «Кабаре». Возле выкрашенной в серую краску обычного типа уборной с надписями «мужская» и «женская» было пустынно. Варенуха вошел в мужское отделение и прежде всего поразился тем, что недавно покрашенная заново стена сплошь сверху донизу покрыта непристойными четверостишиями и совершенно дикими рисунками. Словом, нужно было красить заново.

«Ах, какая сволочь, народ», – подумал администратор и заглянул внутрь. Он поднял глаза к потолку и стал соображать, горит ли лампочка, правильно ли сделана проводка. Тут за спиной его послышался голос:

– Товарищ Варенуха?

Администратор почему-то вздрогнул, оглянулся и увидел перед собой какого-то толстяка, как показалось Варенухе, с кошачьей мордой и усами и одетого в клетчатое.

– Ну, я, – ответил Варенуха неприязненно, решив, что этот неизвестно откуда взявшийся толстяк тут же попросит у него контрамарку.

– Ах, вы? Очень приятно, – сказал толстяк и, вдруг развернувшись, трахнул Варенуху по уху так, что тот слетел с ног и с размаху сел на загаженное сиденье. И тут же в уборной появился второй, маленького роста, но необыкновенно плечистый, летом – в зимней шапке с ушами, как опять-таки показалось Варенухе.

Этот второй, будучи, очевидно, левой, с левой руки развернулся и съездил сидящего администратора по другому уху. Крик «караул!» не вышел у Варенухи, потому что у него перехватило дух.

– Что вы, товарищи?.. – прошептал совершенно ополоумевший администратор, но, тут же сообразив, что слово «товарищи» никак не подходит к двум бандитам, избивающим человека в сортире среди бела дня в центре Москвы, прохрипел: «Граждане!» – сообразил, что название «граждане» они не заслуживают, и тут же получил тяжкий удар уже не по уху, а по середине, так что кровь из носу потекла по толстовке. Тогда темный ужас охватил его. Ему показалось, что его убьют. Но его больше не ударили.

– У тебя что в портфеле, паразит? – спросил тот, который был похож на кота, – телеграмма? Отвечай!

– Те... телеграмма, – ответил администратор.

– А тебя дважды предупреждали по телефону, чтобы ты не смел никуда с ними ходить? Отвечай!

– Предупреждали, – ответил приведенный к одному знаменателю администратор, чувствуя новую волну ужаса.

– А ты все-таки потопал? Дай сюда портфель, гад! – прохрипел гнусаво второй и вырвал у Варенухи портфель из рук.

– Степу разыскиваете? Ябедник паршивый! – воскликнул возмущенный, похожий на кота, – ну, ты его сейчас повидашь.

И тут безумный администратор почувствовал, что стены уборной завертелись, и тут же исчезли и первый злодей, и второй.

* * *

БЕЛАЯ МАГИЯ И ЕЕ РАЗОБЛАЧЕНИЕ

Высоко приподнятая над партером сцена «Кабаре» пылала всеми лампами, и, кроме того, с боков на помост прожекторы изливали резкий свет. Зал, в котором партер окаймлялся ложами, похожими на лошадиные стойла, был освещен скупее, и в шести проходах отчетливо светились зеленые надписи «Выход».

На сцене же, пылающей, как в солнечный летний полдень, происходило то, что можно увидеть только во сне.

Человек маленького роста в дырявом котелке, с грушевидным пьяным носом, в клетчатых штанишках, в лакированных сапожках удивительно ездил на велосипеде.

Выкатившись на обыкновенном двухколесном, он издал победоносный крик, и велосипед его сделал круг, а затем совсем отвинтил на ходу заднее колесо и покатился на одном переднем, причем зал ответил ему коротким аплодисментом.

Затем человек, приветливо улыбнувшись партеру, перевернулся кверху ногами и поехал, вертя педали руками, причем казалось, что он разобьет себе вдребезги лицо. Тут же из-за кулис выехала торжественно блондинка-толстуха, сидящая на высочайшей блестящей мачте, над которой имелось маленькое колесо, и тоже заездила взад и вперед. Встречаясь с ней, человек издавал приветственный крик и снимал ногой котелок.

Затем из-за кулис выехал еще один молодой человек – в блестках по красному шелку, тоже на высокой мачте, наконец, вертя со страшной быстротой педали, выскочил малютка на крошечном велосипедике и зашнырял между взрослыми, вызвав взрыв смеха на галерее и рукоплескания. В заключение вся компания, известная под названием «велосипедная семья Рибби», выстроилась в шеренгу, подкатилась к самому краю сцены и тут внезапно остановилась, как раз в то мгновение, когда публике показалось, что вся она свалится на головы музыкантам в оркестре. Семья испустила победный клич, прыгнула с велосипедов, сделала реверансы, и гром оркестра смешался с беглым огнем ладош. Занавес закрыл семью, и под потолком «Кабаре» между паутиной трапедий враз загорелись белые шары. С шелестом и гулом публика потекла из зала. Наступил антракт перед последним отделением.

Единственным человеком во всем «Кабаре», которого ни в какой степени не интересовали велосипедные подвиги семьи Рибби, был Григорий Максимович Римский. Он сидел в конторе театра и был занят тревожными и важными мыслями. Начать с того, что случилась необыкновенная в жизни «Кабаре» вещь: администратор Варенуха

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru не явился на спектакль. Только тот, кто знает, что такое контрамарочный хвост, что такое зрители, а таких всегда бывает несколько человек, которые потеряли билеты, что такое звонки от высокопоставленных лиц с просьбишкой устроить как-нибудь в партер племянника из провинции, – словом, тот, кто знает, каково значение администратора на спектакле, поймет, что значит его отсутствие.

Явившись за полчаса до начала спектакля, Римский и застал волнующийся и назойливый хвост, и растерянные лица служащих и капельдинеров. Первым долгом, конечно, нужно было по телефону разыскивать Варенуху, но сделать это оказалось невозможным, потому что, как на грех, все телефоны в здании испортились. Тогда Римский вынужден был взять на себя обязанности Варенухи и, усевшись в конторе, принять все меры к тому, чтобы пустить нормально спектакль. Он сам ругался с контрамарочниками из хвоста, сам удовлетворил тех, кто заслуживал удовлетворения, и спектакль пошел.

Справиться-то со всем этим можно было. Не это грызло сердце Римского. А то обстоятельство, что Варенуха пропал именно в тот день, когда днем случились странные обстоятельства со Степой. И как ни старался Григорий Максимович отогнать от себя какие-то странные подозрения, отогнать их не сумел: лезла в голову определенная чертовщина – невольно ставилась в связь исчезновение Степы и положительно ничем не объяснимое неприбытие Варенухи.

Но так как без объяснения ум человеческий обойтись никак не может, то и к вечеру они пришли на помощь Римскому.

И были они таковы: никакая машина под Степой не ломалась, а просто Степа уехал за город, не утерпел и нарезался до положения риз и дать знать о себе не может. Для Варенухи: увы, Варенуха арестован. Ничего другого быть не могло. Последнее обстоятельство привело Григория Максимовича в самое сумрачное состояние. Почему, за что могли схватить Варенуху? Римский еще более постарел, и на небритом его лице появились складки. Он злобно и затравленно косился на каждого входящего, грубил и нервничал. А входили часто, истязали вопросами о том, где Варенуха. Варенуху искали какие-то посетители, Варенуху требовали за кулисы. Положение финансового директора было пренеприятно.

В десять часов вечера в разгаре второго отделения директору доложили, что Воланд прибыл с помощником, и директору пришлось идти встречать и устраивать гастролера. Римский прошел за кулисы и постучался в уборную, где обосновался приезжий.

Любопытные лица под разными предлогами то и дело заглядывали в уборную. Приезжий поразил все «Кабаре» двумя вещами: своим замечательным фраком и тем, что был в черной маске.

Впрочем, свита приезжего также примечательна. Она состояла из того самого длинного в пенсне и в клетчатом, с наглой рожей, и толстого черного кота.

Римский приветствовал Воланда с некоторым принуждением. В голове у директора была форменная каша. Он осведомился о том, где же аппаратура артиста, и получил от Воланда краткий ответ, что он работает без аппаратуры.

– Наша аппаратура, товарищ драгоценный, – ввязался в разговор никем не прошенный наглец в пенсне, – вот она. Эйн, цвей, дрей! – И тут длинный, повертев перед глазами недовольного Римского узловатыми пальцами, вытащил из-за уха у кота собственные Римского часы, которые, вне всяких сомнений, были при Римском во время входа в уборную. Шутовски раскланявшись, клетчатый буффон на ладони подал часы пораженному директору, и тот под восхищенные аханья портного и лиц, заглядывающих в дверь, водворил часы на место. У Римского мелькнула мысль о том, что встретиться с длинным в трамвае было бы крайне неприятно.

Тут загремели звонки со сцены, и под их грохот был выкинут второй фокус почище, чем с часами. Именно: кот подошел к подзеркальному столику, лапой снял пробку с графина, покачнул его, налил мутной воды в стакан и, овладев им обоими пухлыми лапами, с удовольствием выпил. При виде такой штуки даже и ахать не стали, а просто притихли.

Через три минуты с шелестом раздернулся занавес и вышел новый персонаж. Это был пухлый, как женщина, хронически веселый человек в подозрительном фраке и не

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru совсем свежем белье. Весь зал нахмурился, увидев его. Это был конференсье Мелузи.

– И так, товарищи, – громко заговорил Мелузи, – сейчас перед вами выступит знаменитый немецкий маг Воланд. Вы сами понимаете, – хитро сощурился, продолжал Мелузи, – что никакой магии на самом деле не существует. Мосье Воланд в высокой степени владеет техникой фокуса, а мы все за овладение техникой! И так, попросим дорогого гостя!

Произнеся всю эту ахинею, Мелузи отступил, сцепил обе ладони и замахал ими.

Публика ответила аплодисментом.

Выход Воланда, клетчатого и кота был эффектен. Черномасочный великан в блистательном фраке с алмазами на пальцах, клетчатый, который теперь в ярком свете оказался явным клоуном, и кот выстроились перед рампой.

Отшумел аплодисмент. Сеанс пошел сразу же необычно и чрезвычайно заинтересовал публику.

– Кресло мне, – сказал Воланд.

И тут же неизвестно откуда появилось кресло, в которое и уселся Воланд. Публика притихла. Кулисы были забиты народом, кончившие свои номера артисты напирали друг на друга, и среди них виднелось бледное, хмурое лицо Римского.

Дальнейшее поведение Воланда еще более поразило публику. Развалившись в кресле, артист ничего не показывал, а оглядывал публику, машинально покручивая ухо любимого кота, приютившегося на ручке кресла.

Наконец артист прервал молчание.

– Скажи мне, рыцарь, – негромко осведомился он у клетчатого гаера, – так это и есть, стало быть, московское народонаселение.

– Точно так, – почтительно ответил клетчатый.

– Так, так, так... – загадочно протянул Воланд. – Давненько, давненько я не видел москвичей. Надо полагать, они сильно изменились. Город значительно изменился. Это я могу засвидетельствовать. Появились эти трамваи, автомобили...

Публика внимательно слушала, полагая, что это прелюдия к фокусам. На лице у Мелузи мелькнуло выражение некоторого недоразумения, и он чуть поднял брови. Он считал нужным вмешаться.

– Иностраный артист выражает свое восхищение Москвой, которая значительно выросла в техническом отношении, и москвичами, – заговорил сладко Мелузи, по профессиональной привычке потирая руки.

Тут Воланд, клоун и кот повернули головы в сторону конференсье.

– Разве я выразил восхищение? – спросил артист у клетчатого.

– Нет, мессир, вы никакого восхищения не выражали, – доложил клетчатый.

– Так?..

– Просто он наврал, – пояснил клетчатый и обратился к Мелузи, прибавив: – Поздравляю вас соврамши.

На галерке кто-то рассмеялся, за кулисами разлилось недоумение. Мелузи вздрогнул.

– Но меня, конечно не столько интересуют эти автобусы, брюки, телефоны и прочая...

– Мерзость! – подсказал клетчатый угодливо.

– Спасибо, – сказал Воланд, – сколько более важный вопрос – изменились ли эти

– Важнейший вопрос, сударь, – подтвердил и клетчатый.

Римского, конферансье, артистов в кулисах охватило полнейшее недоумение, но, как бы угадав их чувства, артист молвил снисходительно:

– Ну, мы заболтались, однако, а публика ждет чудес белой магии. Фагот, покажите им что-нибудь простенькое.

Зал шевельнулся, и тысячи четыре глаз сосредоточились именно на клетчатом.

Тот щелкнул пальцами, крикнул залихватски:

– Три... четыре!

И тотчас, поймав в воздухе атласную колоду карт, начал ее тасовать. Колода развернулась сыплющейся лентой, а потом, фыркнув, перелетела через сцену и сложилась в лапе у кота. Тот немедля соскочил с кресла, стал на задние лапы, а передними стасовал колоду и выпустил ее лентой в воздух. Колода с шелестом змеей взвилась над головами, а затем клетчатый, раскрыв рот, как птенец, всю ее, карту за картой, проглотил.

– Класс! – шепнули за кулисами. Кот потряс публику. Из-за этого даже и аплодисмент не вырвался. Жонглеров публика уже видела, но никто никогда не видел, чтобы животное могло проделать такой фокус с колодой.

Тем временем клетчатый воскликнул – гап! – и выстрелил из неизвестно откуда появившегося в руке у него пистолета, а Воланд указал пальцем в партер и сказал звучно:

– Колода эта теперь в кармане у вас. Да, да. Седьмой ряд, место семнадцатое.

В партере зашевелились, и затем какой-то гражданин, густо покраснев, извлек из кармана колоду. Стали привставать.

Гражданин застенчиво тыкая колодой в воздух.

– Пусть она останется у вас на память. Она вам пригодится для покера, гражданин Парчевский. Вы совершенно справедливо заметили вчера, что жизнь без покера представляет собой одну волюнку.

И видно было, как в седьмом ряду тот, фамилия которого точно была Парчевский, выпучил глаза и колоду положил на колени.

– Стара штука, – раздался голос на галерке, – они уговорились!

– Вы полагаете? – ответил голос со сцены, – так вот что: она у вас в кармане!

Скептик сунул руку в карман штанов, но вытащил из кармана не колоду, а пачку червонцев, перевязанную банковским способом. И на пачке той была надпись – «1000 рублей».

– Червонцы, червонцы, – слышались голоса на галерке.

– Это червонцы... – недоуменно улыбаясь, сообщил скептик, не зная, что ему делать с пачкой.

– Разве червонцы хуже игральных карт? – спросил Воланд. – Впрочем, если они вам не нравятся, отдайте их соседу.

Слова Воланда вызвали большой интерес на галерке, но червонцев скептик никому не отдал, а стал ковырять в пачке, стараясь дознаться, настоящие это деньги или какие-то волшебные.

– Сыграйте со мной в такую колоду! – весело попросил кто-то в ложе.

– Аvek плезир, – отозвался клетчатый и крикнул, – прошу всех глядеть в потолок!

Тут же сверкнул огонь и бухнул выстрел. В потолке что-то треснуло, а затем меж нитями трапедий, притянутых к куполу, мелькнули белые листки и затем, трепеща и крутясь, пошли книзу. Две тысячи голов были задраны кверху.

Один листок, два, десять, затем дождь стал гуще, и менее чем через минуту падающие червонцы достигли партера.

Листы валили и валили, и червонный дождь становился все гуще. Большинство бумажек падало в центр партера, но некоторые относилось к ложам.

Снежный денежный дождь произвел очень большое впечатление на публику. Вначале это было просто удивление, причем головы опускались по мере снижения крупного снега. Затем глаза стали вертеться – следили полет денег.

Когда же червонцы стали падать на головы, колени, касаться рук, глаза насторожились.

Одна рука вытянулась, взяла, другая... Начали рассматривать, мять... А они все сыпались и сыпались.

Беспокойно зашевелилась галерка. Тогда кот отмочил такую штуку: войдя на авансцену, он надул щеки и дунул вверх. Вихрем тотчас понесло бумажки на галерею, которая встретила их гораздо более оживленно, нежели партер.

Гамму чувств можно было точно определить. Началось со внимания, а затем во всех глазах ясно выразилось одно желание – понять, настоящие или нет?

Многие глаза устремились сквозь бумажки на свет огней, и тотчас праведные и несомненные водяные знаки кинулись в глаза. Запах также не вызывал ни малейшего сомнения: это был очаровательный, ни с чем несравнимый, лучший на свете запах свежих червонцев. С номерами и сериями и многочисленными и солидными подписями.

Настоящие? Тут зловещий блеск показался на многих очах. Вывод напрашивался сам собой: если подлинные, то не попробовать ли... и... и...

Первые движения были стыдливы, вороваты и быстры. Раз в карман, раз в карман. Но потом публика осмелела. Никто не запрещал присваивать сыплющиеся деньги. Многие неопределенно посмеивались, дамы в партере порозовели. Видно было, как двое молодых людей снялись из партера и, несколько пригибаясь и имея такой вид, что им нужно отлучиться срочно по нужнейшему делу, отбыли из зала. Один из них, уходя, поймал еще штуки три червонцев.

На галерке произошла суета. Завязался узел. Послышался голос: «Да ты не толкайся. Я тебя толкну, сволочь». И там же вдруг треснула звучная плюха. Публика заохала, глядела на галерку. Там произошла возня и вырос внезапно милиционер. Кого-то куда-то повлекли.

Недоумение от такого фокуса в кулисах и на сцене достигло наивысшей степени. Милицейский шлем замелькал у занавеса. С другой стороны появилась пожарная ослепительная каска.

Мелунчи решительно не знал, что делать, что говорить. Он глядел то на трех артистов, которые теперь уже оказались сидящими в ряд на трех креслах, то на валяющийся с неба поток, то на дирижера. Последний же в это время, глядя не на оркестр, а в зал, машинально махал палкой, доигрывая вальс. В публике гудели.

Мелунчи наконец собрался с духом и выступил. «Гипноз, гипноз...» – думал он.

– Итак, товарищи, – заговорил конферансье, – мы с вами видели сейчас замечательный случай так называемого массового гипноза. Опыт научный, доказывающий как нельзя яснее, что никаких чудес не существует. Итак (тут конферансье заплотировал в совершеннейшем одиночестве), попросим мосье Воланда раскрыть нам этот опыт. Сейчас, граждане, вы увидите, как эти якобы денежные бумажки исчезнут так же внезапно, как и появились!

На лице при этом у конферансье было выражение уверенное, а в глазах полнейшая

Публике его речь не понравилась. Настало молчание. В этот момент двое исчезнувших молодых людей подозрительной походкой вернулись в партер и, усевшись, тут же занялись ловлей бумажек.

Молчание прервал клетчатый.

– Это так называемое вранье, – заскрипел он, – бумажки, граждане, настоящие!

– Bravo! – крикнули на галерке. Публика в партере зашумела.

– Между прочим, этот, – тут клетчатый указал на Мелунчи, – мне надоел. Суется все время, портит сеанс. Что бы с ним такое сделать?

– Голову ему оторвать! – буркнул на галерке кто-то.

– О! Идея! – воскликнул клетчатый.

– Надоел! – подтвердили на галерке.

Весь партер уставился на сцену, и тут произошло неслыханное – невозможное. Шерсть на черном коте встала дыбом, и он раздирающе мяукнул. Затем прыгнул, как тигр, прямо на грудь к несчастному Мелунчи и пухлыми лапами вцепился в светлые волосы. Два поворота – вправо-влево – и кот при мертвом молчании громадного зала сорвал голову с исказившимися чертами лица с толстой шеи. Две тысячи ртов в зале издали звук «ах!». Из оборванных артерий несколькими струями ударили вверх струи крови, и кровь потоками побежала по засаленному фраку. Безглавое тело нелепо загребло ногами и село на пол. Кровь перестала бить, а кот передал голову клетчатому клоуну, и тот, взяв ее за волосы, показал публике!

Дирижер поднялся со своего кресла и вылупил глаза. Головы, грифы скрипок и смычки вылезли из оркестровой ямы. Тут в театре послышались женские вскрикивания.

Оторванная голова повела себя отчаянно. Дико вращая вылезавшими глазами, она разинула косо рот и хриплым голосом на весь театр закричала:

– Доктора!

На галерке грянул хохот. Из кулис, забыв всякие правила, прямо на сцену высунулись артисты, и среди них виден был бледный и встревоженный Римский.

– Доктора! Я протестую! – дико провыла голова и зарыдала.

В партере кто закрывал лицо руками, чтобы не видеть, кто, наоборот, вставал и тянулся, чтобы лучше рассмотреть, и над всем этим хаосом по-прежнему шел снежный червонный дождь.

Совершенно же беспомощная голова тем временем достигла отчаяния, и видно было, что голова эта сходит с ума. Безжалостная галерка каждый вопль головы покрывала взрывом хохота.

– Ты будешь нести окоlesiцу в другой раз? – сурово спросил клетчатый.

Голова утихла и, заморгав, ответила:

– Не буду.

– Bravo! – крикнул кто-то сверху.

– Не мучьте ее! – крикнула сердобольная женщина в партере.

– Ну что ж, – спросил клетчатый, – простим ее?

– Простим! Простить! – раздались вначале отдельные голоса, а затем довольно дружный благостный хор в партере.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
– Милосердие еще не вовсе вытравлено из их сердец, – сквозь зубы молвил замаскированный на сцене и прибавил, – наденьте голову.

Вдвоем с котом клетчатый, прицелившись на скорую руку, нахлобучили голову на окровавленную шею, и голова, к общему потрясению, села прочно, как будто никогда и не отлучалась.

– Маэстро, марш! – рявкнул клетчатый, и ополоумевший маэстро махнул смычком, вследствие чего оркестр заиграл, внеся еще большую сумятицу.

Дальнейшее было глупо, дико и противоестественно. Под режущие и кричающие звуки блестящих дудок Мелунчи, в окровавленном фраке, с растрепанными волосами, шагнул раз, шагнул другой, глупо ухмыльнувшись. Грянул аплодисмент. Дикими глазами глядели из кулис. Мелунчи скосился на фрак и горестно улыбнулся. Публика засмеялась. Мелунчи тронул тревожно шею, на которой не было никакого следа повреждения, – хохот пуще.

– Я извиняюсь, – начал было Мелунчи, почувствовал, что теряется, чего никогда в жизни с ним не было.

– Прекратите марш!

Марш прекратился так же внезапно, как и начался, и клетчатый обратился к Мелунчи:

– Ах, фракчек испортили? Три... четыре!

Клетчатый вооружился платяной щеткой, и на глазах зрителей с костюма конференсье не только исчезли все кровавые пятна, но и самый жилет и белье посвежели. Засим клетчатый нахватал из воздуха бумажек, вложил в руку Мелунчи, подтолкнул его в спину и выпроводил вон с таким напутствием:

– Катитесь. Без вас веселей!

И Мелунчи удалился со сцены. Под звуки все того же нелепого марша, который по собственной инициативе заиграл дирижер.

Тут все внимание публики вернулось к бумажкам, которые все еще сеялись из-под купола.

Нужно заметить, что фокус с червонцами, по мере того как он длился, стал вызывать все большее смущение, и в особенности среди персонала «Кабаре», теперь уже наполовину высунувшегося из кулис. Что-то тревожное и стыдливое появилось в глазах у администрации, а Римский, тревога которого росла, почему-то бросив острый взгляд в партер, увидел, как один из капельдинеров, блуждающим взором шнырнув в сторону, ловко сунул в кармашек блузы купюру и, по-видимому, не первую.

Что-то соблазнительное разливалось в атмосфере театра вследствие фокуса, и разные мысли, и притом требующие безотлагательного ответа, копошились в мозгах. Наконец назрело.

Голос из бельэтажа спросил:

– Бумажки-то настоящие, что ли?

Настала тишина.

– Будьте покойны.....

ЗАМОК ЧУДЕС

Ночью на 1-е сентября 1933

Лишь только неизвестные вывели из подворотни Никанора Ивановича Босого и в неизвестном направлении повели, странное чувство овладело душой председателя.

И даже трудно это чувство определить. Босому начало казаться, что его, Босого, более на свете нет. Был председатель Босой, но его уничтожили. Началось с ощущения уничтоженности, потери собственной воли. Но это очень быстро прошло. И, шагая между двух, которые, как бы прилипли к плечам его, шли за ним, Босой думал о том, что он... он – другой человек. О том, что произошло что-то, вследствие чего никогда не вернется его прежняя жизнь. Не только внешне, но и внутренне. Он не будет любоваться рассветом, как прежний Босой. Он не будет есть, пить и засыпать, как прежний Босой. У него не будет прежних радостей, но не будет и прежних печалей. Но что же будет?

Этого Босой не знал и в смертельной тоске изредка проводил рукой по груди. Грустный червь вился где-то внутри у его сердца, и, может быть, этим движением Босой хотел изгнать его.

Неизвестные посадили председателя в трамвай и увезли его в дальнюю окраину Москвы. Там вышли из трамвая и некоторое время шли пешком и пришли в безотрадные места к высочайшей каменной стене. Вовсе не потому, что москвич Босой знал эти места, был наслышан о них, нет, просто иным каким-то способом, кожей, что ли, Босой понял, что его ведут для того, чтобы совершить с ним самое ужасное, что могут совершить с человеком, – лишить свободы.

Босой Никифор Иванович был тупым человеком, это пора признать. Он не был ни любопытен, ни любознателен. Он не слушал музыки, не знал стихов. Любил ли он политику? Нет, он терпеть не мог ее. Как относился он к людям? Он их презирал и боялся. Любил смешное? Нет. Женщин? Нет. Он презирал их вдвойне. Что-нибудь ненавидел? Нет. Был жесток? Вероятно. Когда при нем избивали, скажем, людей, а это, как и каждому, Босому приходилось нередко видеть в своей однообразной жизни, он улыбался, полагая, что это нужно.

Лишь только паскудная в десять человеческих ростов стена придвинулась к глазам Босого, он постарался вспомнить, что он любил. И ничего не вспомнил, кроме клеенчатой скатерти на столе, а на этой клеенке тарелку, а на тарелке голландскую селедку и плавающий в мутной жиже лук. Но тут же в медленных мозгах Босого явилась мысль о том, что, что бы ни случилось с ним за этой стеной, сколько бы он ни провел за нею времени, был ли бы он.....

ПОЦЕЛУЙ ВНУЧАТЫ

Человеческая рука повернула выключатель настольной лампы, и кабинет дирекции «Кабаре» осветился зеленым светом, а окна почернели. Рука принадлежала Римскому. Знаменитый, небывалый еще в истории «Кабаре» вечер закончился минут пять тому назад. Было около 12 часов ночи. Римский чувствовал, что публика еще течет по всем галереям к выходам «Кабаре», он слышал ее глухой шум и плеск, но директор не захотел дожидаться окончания разъезда. Директору нужно было остаться одному, чтобы какие-то чрезвычайной важности мысли привести в порядок и что-то немедленно предпринять. Римский оглянулся почему-то пугливо и погрузился в облупленное кожаное кресло. Первым долгом он сжал голову руками, что нисколько и ничему не помогло. Тогда он отнял руки и уставился на поверхность стола. Сперва он глядел отсутствующими глазами, но затем внимание к ближайшим предметам вернулось к нему. Однако ему до смерти не хотелось бы видеть этих близких предметов. «Ну, конечно, я так и ожидал!» – подумал Римский, и его передернуло.

– Ах, ты пакость, – сквозь зубы протянул он.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Перед ним лежал дожидавшийся уже его запечатанный пакет с фотографией.
Вскрывать, однако, нужно было. И Римский вскрыл конвертик. Фотограмма эта, снятая явно и несомненно с записки Степы, была ясна и осмысленна:

«Вылетел быстроходным Москву буду четвертого утром Проверьте получило ли ГПУ мои телеграммы Наблюдайте Воландом Лиходеев».

Римский вновь сжал голову и заскреб в волосах, но тут какой-то уличный шум привлек его.

Кабинет был угловой комнатой во втором этаже здания, и те окна, спиной к которым помещался Римский, выходили в летний сад, а одно, по отношению к которому Римский был в профиль, на Садовую улицу. Ей полагалось быть в это время шумной. Десятки тысяч народу выливались из «Кабаре», ближайших театров и синема. Но этот шум был необычайный. Долетела милицейская залихватская тревожная трель, затем послышался как бы гогот. Римский, нервы которого явно расходились и обострились, ни секунды не сомневался в том, что происшествие имеет ближайшее отношение к его театру, а следовательно, и к нему самому, поднялся из-за стола и, распахнув окно, высунулся в него.

Предчувствие было правильно. Совсем близко под собой Римский увидел возбужденно спешащую из парадных дверей последнюю вереницу народу, а несколько поодаль, на широченном асфальтовом тротуаре, обезумевшую даму в одной короткой сорочке, из которой, сияя под фонарями, соблазнительно выпирали ее полные плечи. Сорочка была заправлена в обычные шелковые дамские штаны, на голове у дамы была модная шляпенка, лицо у дамы было искаженное, а платья на даме не было.

Кругом рвалась к даме толпа кепок и дико гоготала, милицейские шлемы мелькали тут и там, а какой-то гражданин, сдирая с себя летнее пальто, никак не мог от волнения выпростать руку из рукава.

Дама отчаянно крикнула:

– Да скорее же, дурак! – И гражданину наконец удалось сорвать с себя пальто и укутать присевшую от стыда и отчаяния даму.

Но тут же из толпы, которая гоготала все громче, и тыкала пальцами, и даже улюлюкала, вырвался какой-то в сорочке, в кальсонах, в лаковых штиблетах и великолепной заграничной шляпе. Он сиганул, как заяц, потерял эту самую шляпу и кинулся в боковую калитку летнего кабарежного сада, но там ему отрезала путь толпа обычных садовых хулиганов. Началась там какая-то кутерьма.

Тут в другом месте закипел другой водоворот. И эта сцена была соблазнительнее предыдущих. Именно: широкомордый и сильно выпивший лихач пытался тронуть с места свою поджарую лошадь в наглазниках, чтобы увезти мужчину, который был совершенно гол. На нем не было и белья. Голый, вертясь как на иголках, одной рукой пытался закрыться газетой «Вечерняя Москва», а другой, в которой была зажата пачка червонцев, тыкал в спину лихача, суля ему громадные деньги. Лихач с дорогой душой увез бы несчастного, но представители милиции преградили путь.

Минут пять понадобилось, чтобы рассеялись возбужденные толпы с Садовой. Полуодетые исчезли, а голого увез на том же лихаче единственный не изумившийся ничему происходящему расторопный милиционер. Последний проявил великолепную находчивость и энергию. Он велел лихачу закрыть фартуком и верхом пролетку, и несчастный голый скорчился в экипаже, как бедный, затравленный толпой зверек.

Римский закрыл окно и вернулся к столу. Директор не удивился происшедшему на улице, да и нечему было удивляться. Не было никаких сомнений в том, что эти раздетые были из «Кабаре» – те самые, которые соблазнились и приобрели вещи в сомнительном магазине клетчатого гаера. Фокус выплеснулся за пределы «Кабаре», но с фокусом Римский примирился, как бы странен он ни был. Вне сомнений, заграничные фокусники применяли гипноз. Последствия сеанса...

– Черт с ним, с гипнозом, – сморщившись, пробормотал Римский и уставился в фотографию.

Сейчас самым важным для Римского было одно: решить вопрос о том, нужно ли звонить в ГПУ или нет. На первый взгляд и сомнений быть не могло. Когда

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
директора театров залетают во Владикавказ, а администраторы театров исчезают...
звонить необходимо. И тем не менее руки у директора сделались как бы
деревянными. Почему, почему вы, Григорий Максимович, не беретесь за трубку
телефона? Да, это трудно было бы объяснить!

Здание театра начало стихать. Публика покинула его, а затем ушли цепью и
капельдинеры. В здании осталась только одна дежурная, пожарный на своем посту за
сценой. В кабинет к директору никто не постучал, так как было известно, что
Григорий Максимович нередко остается работать в кабинете. Прошли последние
гулкие шаги по коридору, а затем стала полная тишина.

Римский курил папиросу за папиросой, морщился и о чем-то думал. Чем больше он
курил, чем больше думал, тем больше у него расстраивались нервы. Не только им
овладела тоска, но даже и какие-то воспоминания, жгучие, неприятные.

Печальная цепь его размышлений была прервана звонком. Ожил телефон на столе. Тут
всякому бы стало понятно, насколько развинулись нервы у директора. Он вздрогнул
так, как если бы его укололи в бок. Но оправился и снял трубку. Прежде всего, на
его «Да!» никто ничего не сказал, но почему-то Римский угадал, что кто-то есть
у аппарата. Ему почудилось даже, что он слышит, как кто-то, притаившись, дышит у
аппарата.

– Да... – повторил тревожно директор.

Тут он услышал голос. И голос этот хриловатый, женский, низкий был Римскому не
знаком.

– Пришлю к тебе гонца, – сказала дальняя женщина, – берегись, Римский, чтобы он
не поцеловал тебя!

И голос пропал. Римский повесил трубку.

– Хулиганы! – шепнул злобно и страдальчески директор, но никакой уверенности в
его голосе не было. Тревога окончательно овладела им. Он пожал плечами, потом
пробормотал:

– Надо будет валерианки принять.

А затем добавил веско и решительно:

– Так вот что, Григорий Максимович, – звонить или не звонить? Проверю цепь, –
шепнул сам себе Григорий Максимович.

И он проверил ее. Она была такова. Внезапно приехал из-за границы артист,
проклятый Степка с ним заключил договор. После этого Степка напился. После этого
Степка пропал. Дикие телеграммы. Посылают в Гепеу Внучату, а он пропал. После
этого – сеанс артиста, невероятный какой-то. Голые на улицах. Червонцы. Но ведь
ясно же телеграфирует Степка. Надо звонить в Гепеу.

Так говорил ум Григория Максимовича, но кроме ума что-то еще было в нем, что не
позволяло ему поднять руку к телефонной трубке, и он не мог уяснить себе, что
это именно было. Колебания его приняли характер мучений. Когда он почувствовал
себя совершенно разбитым, круглые часы начали бить полночь. Последний удар уныло
и протяжно разнесся по директорскому кабинету, еще сильнее подчеркнув ту тишину,
которая стояла в пустом театре. Бой часов еще более возбудил Римского, и он
принял трусливое решение еще немножко обождать – хотя чего ждать и сколько
времени ждать, он не мог бы сказать. Чтобы забыться, развлечь себя, он решил
заняться бумагами. Портфель он взял за угол, подвез к себе и вынул пачку
документов. Сделав над собой усилие, он принялся за верхний, но что-то мешало
ему сосредоточиться. Первое ощущение появилось в лопатках, захотелось как будто
передернуть ими. Потом в затылке. Потом общее ощущение: кто-то близко есть и
кто-то смотрит. Болезненно поморщившись, Римский отмахнул дым и посмотрел вбок.
Там была несгораемая касса и ничего более не было. Он повел глазами вверх. С
карниза никто не смотрел. Он вновь уперся глазами в строчку «...сектор искусств в
заседании от 15-го сего июня принял резолюцию, единодушно...», и вдруг внезапно и
резко повернулся и глянул в окно. Сердце у него покатило, отнялись ноги.

Прилипши к стеклу венецианского окна, расплывив нос, на Римского глядел Внучата.

Смертельный ужас Римского объяснялся несколькими причинами. Первое: выражением глаз Внучаты – в них была странная горящая жадная злоба. Второе, что поразило Римского, – это рот Внучаты: это был рот с оскаленными зубами. Но главное было, конечно, не это все, а то, что Внучата вообще за окном подсматривает почему-то ночью. И наконец, что было хуже всего, это то, что окно находилось во втором этаже, стало быть, пропавший Внучата ночью поднялся по гладкой стене, чтобы подсматривать, или же влез на дерево – липу, толстые ветви которой, чуть тронутые зеленоватым светом луны, отчетливо виднелись за окном.

Римский слабо вскрикнул и невольно закрылся ладонью, тотчас ее отнял и, дрожа, глянул опять и увидел, что никакого лица Внучаты за окном нет, да, вероятно, и не было. Дрожа, стуча зубами, Римский опять вспомнил про валерианку. У него мелькнула мысль тотчас броситься к окну, распахнуть его и проверить, тут ли Внучата, но Римский понял, что ни за что он этого не сделает. Он приподнялся, протянул руку к графину, расплескал воду, хлебнул, потом вытер лоб и понял, что лоб в холодном поту.

Тут дверь стала открываться. Римский взялся за сердце, вошел мужчина, и Римский узнал Внучату.

Директор даже отшатнулся и на некоторое время утратил дар речи. Внучата очень удивился,

– Что с тобой, Григорий Максимович? – спросил администратор каким-то не своим голосом.

Григорий Максимович оправился и произнес:

– Ты меня так испугал... вошел внезапно... Ну, говори же, где ты пропал?

И Римский протянул руку. Но как-то так вышло, что Внучата ее не пожал. Администратор развел руками и воскликнул:

– Ну и ну!

– Ну, ну, – нетерпеливо воскликнул Римский.

– Ну, в ГПУ и был.

– Я испугался, уж подумал, не задержали ли тебя.

– Зачем меня задерживать, – с достоинством сказал Внучата, – просто выясняли дело.

– Ты хоть бы дал знать...

Внучата хитро подмигнул и ответил:

– Дать знать... сказали – «не стоит», – и продолжал: – Ну-с, выяснили нашего дорогого Степана Богдановича.

– Где же он?

– В Звенигороде, в больнице, – торжественно сказал Внучата.

– Позвольте-е! – возмущенно вскричал Римский и сунул последнюю фотографию Внучате, но тот даже и читать не стал.

– Плюнь и спрячь, – заговорил он, пододвинул кресло и, взяв сложенную афишу, заслонил ею лампу от себя. Римский глянул удивленно, а Внучата пояснил: «да, глаз болит».

Тут Римский всмотрелся и увидел, несмотря на затемненный свет, что левый глаз у Внучаты запух, а под глазом синяк и что весь администратор выглядит очень плохо. Не то что бел, а даже желт, глаза странные, и, кроме всего прочего, шея администратора завязана черным платком. Заметив, что Римский недоуменно глядит на черный платок, администратор пояснил с некоторым раздражением:

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru – Да все из-за сегодняшней кутерьмы. В такси сел, высунулся... дверцей шофер и прихлопнул, и глаз повредил, и шею, проклятый, изодрал. – Администратор потыкал в платок пальцем и вдруг так раздражился при воспоминании о неловком шофере, что даже зубы оскалил. Тут что-то стукнуло в голову Римскому, он вздрогнул и подумал, что все это странно. «Как же я?.. был он в окне? Или не был? Фу, глупости! Не мог, конечно, быть».

«Но тогда... – еще мелькнула мысль, – выходит, что я галлюцинировал?» Необыкновенно скверно и тревожно стало на душе у директора. И, пожалуй, молчание продлилось больше, чем нужно, и пристально и тревожно двое смотрели друг на друга. Римский мучительно хотел спросить – прошел ли Внучата через боковой ход из сада или через главный с улицы... «Спросить?» – резанула быстрая мысль.

И не спросил.

Вместо этого он попросил:

– Ну, рассказывай же.

Рассказ Внучаты был чрезвычайно интересен. В ГПУ обратили необыкновенное внимание на случай с директором «Кабаре» и разобрали его в один вечер. Все выяснили и всех нашли. И все расшифровалось.

Оказалось, что Степан Богданович, находясь уже, очевидно, в умоисступлении каком-то, не ограничился вчерашней попойкой в Покровском-Стрешневе, а начал, надо полагать, по инерции чертить и на следующий день. Так и было, как сказал Воланд по телефону. Степан взял машину и двух дам и, вместо того чтобы отправиться на службу, отправился, имея в машине водку, коньяк, а также Барзак[100 – Белое бордосское вино добываемое в местечке Барзак (Barsac). (Источник: «Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней». Михельсон А.Д., 1865) (Примечание сканировщика.)]...

– Как, и про Барзак известно? – спросил заинтересованный Римский.

– Ну, брат, видел бы ты работу! – сказал многозначительно Внучата, – красота! Стало быть, Барзак... расположился на берегу реки...

Римский втянул голову в плечи, а глаза и руки возвел к потолку. «Вы, мол, видите, добрые люди, какого директора посадили мне на шею?»

– ...дам напоил до такого состояния, что просто непристойно рассказывать, сам нарезался до того, что отправился на телеграф зачем-то, свел там дружбу с телеграфистом, напоил и его, а затем стал, шутки ради, «садить», как выразился Внучата, эти самые глупые телеграммы в Москву...

– Это невероятно... – тихо сказал Римский, не спуская взора с Внучаты.

– ...никакого Масловского помощника во Владикавказе нет и не было...

– Но позволь, – вдруг остановил Внучату Римский, – но пометка на телеграммах – «Владикавказ»?..

– Ах, я же тебе говорю, – почему-то раздражаясь до такой степени, что даже вскочил, отозвался Внучата, – напоил телеграфиста, тот печатал вместо «Звенигород» – «Владикавказ»!..

Римский даже глазами заморгал, подумал – «чего он все время раздражается», а вслух попросил:

– Ну, ну, дальше...

– Дальше оказалось лучше... Кончилось скандалом. Обоих арестовали... дам тоже...

Как ни был пышен рассказ Внучаты, какие бы в нем ни красовались авантюрные подробности и лихие приключения с битьем морды какому-то звенигородскому дачнику, с совместным и бесстыдным купанием с дамами на пляже, – этот изумительный рассказ все менее и менее занимал Римского, внимание которого

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru целиком поглотил сам рассказчик. И немудрено. Чем дальше повествовал Внучата, тем страннее становился.

За время своего семичасового отсутствия Внучата приобрел мерзкую манеру как-то не то причмокивать, не то присвистывать губами. Это было очень противно. Кроме того, Внучата стал беспокоен, ежеминутно почему-то оборачивался на часы, как будто чего-то ждал. Хуже всего были глаза, в которых явственно читалась злоба, подозрительность и беспокойство.

Сейчас, рассказывая о том, как Степа с револьвером гонялся по пляжу за звенигородцами, Внучата, возбудившись, вскочил и продолжил речь, бегая по кабинету. Причем в самых неподходящих местах начал как-то припрыгивать, от чего Римскому сделалось вдруг страшно. «Да что он... с ума сошел!..» – помыслил Римский.

Изменения в администраторе, лишь только он вскочил из затененного угла у лампы, выступили чрезвычайно отчетливо. Кругленького, маслянистого, гладко выбритого Внучаты теперь и в помине не было.

Перед Римским беззвучно пританцовывал, рассказывая чепуху, восково-бледный, дергающийся, осунувшийся человек. В довершение всего Римский открыл еще одну странную деталь: угол рта у Внучаты был вымазан чем-то ржаво-красным, равно как и правый подстриженный усик. Еще один пытливый взгляд, и, сомнений быть не могло, – неряха Внучата, расколотив лицо дверкой автомобиля, не вытер как следует кровь – это она запеклась.

Но было, было еще что-то во Внучате, уже совершенно необыкновенное, но что это именно, Римский не мог понять никак. В то же время ему казалось, что если он поймет, то упадет в обморок. Он морщился, воспаленными глазами следил за администратором, теперь уже мимо ушей пропуская половину того, что тот сообщал.

А тот, покончив со Степой, перешел к Воланду. Степино дело кончилось худо. Когда его схватили за буйство в Звенигороде, оказалось, что надлежит его помещать не в тюремный замок, а в психиатрическую лечебницу, что и было сделано. Ибо Степа допился до белой горячки.

Что касается Воланда, то тут все обстоит в полном благополучии. Приглашен Наркомпросом. Гипнотизер. Совершенно незачем за ним следить...

Тут новенькое что-то приключилось с администратором. Изложив все, что следовало, он вдруг утратил свою раздражительную живость, закрыл глаза и повалился в кресло. И наступило молчание. Множество встречных вопросов приготовил Римский Внучате, но не задал ни одного. Упорным взглядом он уставился в восковое лицо Внучаты и холодно, решаяще мысленно сказал себе: «Все, что сейчас говорил здесь Внучата, все это ложь, начиная с дверцы автомобиля... Степы не было в Звенигороде, и, что хуже всего, сам Внучата и не думал быть в ГПУ!..» Но если так, то здесь кроется что-то непонятное, преступное, странное... Лишь только об этом подумал Римский, как жиденькие волосы с пролысиной шевельнулись на голове побелевшего Римского. Всмотревшись в кресло, в котором раскинулся администратор, Римский понял то необыкновенное, что было хуже окровавленной губы, прыжков и нервной речи. Кресло отбрасывало тень – черные стрелы тянулись от ножек, черная спинка лежала громадой на полу, но головы Внучаты не было на полу, и, если глянуть на теневое отражение, то было ясно, что в кресле никто не сидел! Словом, Внучата не отбрасывал тени! «Да, да, не отбрасывал! – задохнувшись, подумал Римский, – ведь, когда он плясал передо мною, тень не прыгала за ним, то-то я так поразился! Но, Боже, что же это такое?»

Римский опустил в кресло, и в это время часы пробили один час. Римский не сводил глаз с Внучаты.

ИВАНУШКА В ЛЕЧЕБНИЦЕ

...и внезапными вспышками буйства, конечно, не было. В здании было триста совершенно изолированных одиночных палат, причем каждая имела отдельную ванну и уборную. Этого, действительно, нигде в мире не было, и приезжавших в Союз знатных иностранцев специально возили в Барскую рощу показывать им все эти чудеса. И те, осмотревши лечебницу, писали восторженные статьи, где говорили, что они никак не ожидали от большевиков подобных прелестей, и заключали статьи несколько неожиданными и имеющими лишь отдаленное отношение к психиатрии выводами о том, что не мешало бы вступить с большевиками в торговые отношения.

Иванушка открыл глаза, присел на постели, потер лоб, огляделся, стараясь понять, почему он находится в этой светлой комнате. Он вспомнил вчерашнее прибытие, от этого перешел к картине ужасной смерти Берлиоза, причем она вовсе не вызвала в нем прежнего потрясения. Он потер лоб еще раз, печально вздохнул, спустил босые ноги с кровати и увидел, что в столик, стоящий у постели, вделана кнопка звонка. Вовсе не потому, что он в чем-нибудь нуждался, а просто по привычке без надобности трогать различные предметы, Иванушка взял и позвонил.

Дверь в его комнату открылась, и вошла толстая женщина в белом халате.

– Вы звонили? – спросила она с приятным изумлением, – это хорошо. Проснулись? Ну, как вы себя чувствуете?

– Засадили, стало быть, меня? – без всякого раздражения спросил Иванушка. На это женщина ничего не ответила, а спросила:

– Ну, что ж, ванну будете брать? – Тут она взялась за шнур, какая-то занавеска поехала в сторону, и в комнату хлынул дневной свет. Иванушка увидел, что та часть комнаты, где было окно, отделена легкой белой решеткой в расстоянии метра от окна.

Иванушка посмотрел с какою-то тихой и печальной иронией на решетку, но ничего не заметил и подчинился распоряжениям толстой женщины. Он решил поменьше разговаривать с нею. Но все-таки, когда побывал в ванне, где было все, что нужно культурному человеку, кроме зеркала, не удержался и заметил:

– Ишь, как в гостинице.

Женщина горделиво ответила:

– Еще бы. В Европе нигде нет такой лечебницы. Иностранцы каждый день приезжают смотреть.

Иванушка посмотрел на нее сурово исподлобья и сказал:

– До чего вы все иностранцев любите! А они разные бывают. – Но от дальнейших разговоров уклонился. Ему принесли чай, а после чаю повели по беззвучному коридору мимо бесчисленных белых дверей на осмотр. Действительно, было как в первоклассной гостинице – тихо, и казалось, что никого и нет в здании. Одна встреча, впрочем, произошла. Из одной из дверей две женщины вывели мужчину, одетого, подобно Иванушке, в белье и белый халатик. Этот мужчина, столкнувшись с Иванушкой, засверкал глазами, указал перстом на Иванушку и возбужденно закричал:

– Стоп! Деникинский офицер!

Он стал шарить на пояске халатика, нашел игрушечный револьвер, скомандовал сам себе:

– По белобандиту, огонь!

И выстрелил несколько раз губами: «Пиф! Паф! Пиф!»

После чего прибавил:

– Так ему и надо!

Одна из сопровождавших прибавила:

Стрелявшему опять приладили револьверик на поясик и с необыкновенной быстротой его удалили куда-то.

Но Иванушка расстроился.

– На каком основании он назвал меня белобандитом?

– Да разве можно обращать внимание, что вы, – успокоила его толстая женщина, – это больной. Он и меня раз застрелил! Пожалуйста в кабинет.

В кабинете, где были сотни всяких блестящих приборов, каких-то раскидных металлических стульев, Ивана приняли два врача и подвергли подробнейшему сперва расспросу, а затем осмотру. Вопросы они задавали неприятные: не болел ли Иван сифилисом, не занимался ли онанизмом, бывали ли у него головные боли, спрашивали, отчего умерли его родители, пил ли его отец. О Понтии Пилате никаких разговоров не было.

Иван положил так: не сопротивляться этим двоим и, чтобы не ронять собственного достоинства, ни о чем не расспрашивать, так как явно совершенно, что толку никакого не добьешься.

Подчинился и осмотру. Врачи заглядывали Ивану в глаза и заставляли следить за пальцем доктора. Велели стоять на одной ноге, закрыв глаза, молотками стукали по локтям и коленям, через длинные трубки выслушивали грудь. Надевали какие-то браслеты на руки и из резиновых груш куда-то накачивали воздух. Посадили на холодную клеенку и кололи в спину, а затем какими-то хитрыми приемами выточили из руки Ивана целую пробирку прелестной, как масляная краска, крови и куда-то ее унесли.

Иванушка, полуголый, сидел с обиженным видом, опустив руки, и молчал. Вся эта «Буза...», как подумал он, была не нужна, все это глупо, но он решил дожидаться чего-то, что непременно в конце концов произойдет, тогда можно будет разъяснить томившие его вопросы. Этого времени он дождался. Примерно в два часа дня, когда Иван, напившись бульону, полеживал у себя на кровати, двери его комнаты раскрылись необыкновенно широко и вошла целая толпа людей в белом, а в числе их толстая. Впереди всех шел высокий бритый, похожий на артиста, лет сорока с лишним. За ним пришли помоложе. Тут откинули откидные стулья, уселись, после того как бритому подкатили кресло на колесиках.

Иван испуганно сел на постели.

– Доктор Стравинский, – приветливо сказал бритый и протянул Ивану руку.

– Вот, профессор, – негромко сказал один из молодых и подал бритому лист, уже кругом исписанный. Бритый Стравинский обрадованно и быстро пробежал первую страницу, а молодой заговорил с ним на неизвестном языке, но Иван явно расслышал слово «фурибунда».

Он сильно дрогнул, но удержался и ничего не сказал.

Профессор Стравинский был знаменитостью, но кроме того, по-видимому, большим и симпатичным оригиналом. Вежлив он был беспредельно и, сколько можно понять, за правило взял соглашаться со всеми людьми в мире и все одобрять. Ординатор бормотал и пальцем по листу водил, а Стравинский на все кивал головой с веселыми глазами и говорил: «Славно, славно, так». И еще что-то ему говорили, и опять он бормотал «Славно».

Отбормотавшись, он обратился к Ивану с вопросом:

– Вы – поэт?

– Поэт, – буркнул Иван. – Мне нужно с вами поговорить.

– К вашим услугам, с удовольствием, – ответил Стравинский.

– Каким образом, – спросил Иван, – человек мог с Понтием Пилатом разговаривать?

– Современный?

– Ну да, вчера я его видел.

– Пила... Пилат... Пилат – это при Христе? – спросил ординатора Стравинский.

– Да.

– Надо полагать, – улыбаясь, сказал Стравинский, – что он выдумал это.

– Так, – отозвался Иванушка, – а каким образом он заранее все знает?

– А что именно он знал заранее? – ласково спросил Стравинский.

– Вот что: вообразите, Мишу Берлиоза зарезало трамваем. Голову отрезало, а он заранее говорит, что голову отрежет. Это номер первый. Номер второй: это что такое фурибунда? А? – спросил Иван, прищурившись.

– Фурибунда значит – яростная, – очень внимательно слушая Ивана, объяснил Стравинский.

– Это про меня. Так. Ну, так вот, он мне вчера говорит: когда будете в сумасшедшем доме, спросите, что такое фурибунда. А? Это что значит?

– Это вот что значит. Я полагаю, что он заметил в вас какие-либо признаки ярости. Он не врач, этот предсказатель?

– Никакой у меня ярости не было тогда, а врач, уж он такой врач! – выразительно говорил Иван. – Да! – воскликнул он, – а постное масло-то? Говорит: вы не будете на заседании, потому что Аннушка уже разлила масло! Мы удивились. – А потом: готово дело! – действительно, Миша поскользнулся на этом самом Аннушкином масле! Откуда же он про Аннушку знает?

Ординаторы, на откидных стульях сидя, глаз не спускали с Иванушки.

– Понимаю, понимаю, – сказал Стравинский, – но почему вас удивляет, что он Аннушку знает?

– Не может он знать никакой Аннушки! – возбужденно воскликнул Иван, – я и говорю, его надо немедленно арестовать!

– Возможно, – сказал Стравинский, – и, если в этом есть надобность, власти его арестуют. Зачем вам беспокоить себя? Арестуют и славно!

«Все у него славно, славно!» – раздраженно подумал Иван, а вслух сказал:

– Я обязан его поймать, я был свидетелем! А вместо его меня засадили, да еще двое ваших бузотеров спину колют! Сумасшествие и буза дикая!

При слове «бузотеры» врачи чуть-чуть улыбнулись, а Стравинский заговорил очень серьезно.

– Я все понял, что вы сказали, и позвольте дать вам совет: отдохните здесь, не волнуйтесь, не думайте об этом, как его фамилия?..

– Не знаю я, вот в чем дело!

– Ну вот. Тем более. Об этом неизвестном не думайте, и вас уверяю честным словом, что вы таким образом скорее поймаете его.

– Ах, меня, значит, задержат здесь?

– Нет-с, – ответил Стравинский, – я вас не держу. Я не имею права задерживать нормального человека в лечебнице. Тем более что у меня и мест не хватает. И я вас сию же секунду выпущу, если только вы мне скажете, что вы нормальны. Не докажете, поймите, а только скажете. Итак, вы – нормальны?

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Наступила полнейшая тишина, и толстая благоговейно глядела на профессора, а Иван подумал: «Однако этот действительно умен!» Он подумал и ответил решительно:

– Я – нормален.

– Вот и славно. Ну, если вы нормальны, так будем же рассуждать логически. Возьмем ваш вчерашний день, – тут Стравинский вооружился исписанным листом. – В поисках неизвестного человека вы вчера произвели следующие действия, – Стравинский начал загибать пальцы на левой руке. – Прикололи себе иконку на грудь английской булавкой. Бросали камнями в стекла. Было? Было. Били дворника, виноват, швейцара. Явились в ресторан в одном белье. Побили там одного гражданина. Попав сюда, вы звонили в Кремль и просили дать стрельцов, которых в Москве, как всем известно, нет! Затем бросились головой в окно и ударили санитаря. Спрашиваются две вещи. Первое: возможно ли при этих условиях кого-нибудь поймать? Вы человек нормальный и сами ответите – никоим образом! и второе: где очутится человек, произведший все эти действия? Ответ, опять-таки, может быть только один: он неизбежно окажется именно здесь! – и тут Стравинский широко обвел рукой комнату. – Далее-с. Вы желаете уйти? Пожалуйста. Я немедленно вас выпущу. Но только скажите мне: куда вы отправитесь?

– В ГПУ!

– Немедленно?

– Немедленно.

– Так-таки прямо из лечебницы?

– Так-таки прямо!

– Славно! И скажите, что вы скажете служащим ГПУ, самое важное, в первую голову, так сказать?

– Про Понтия Пилата! – веско сказал Иван, – это самое важное.

– Ну и славно, – окончательно покоренный Иванушкой, воскликнул профессор и, обратившись к ординатору, приказал: – Благоволите немедленно Попова выписать в город. Эту комнату не занимать, белье постельное не менять, через два часа он будет здесь. Ну, всего доброго, желаю вам успеха в ваших поисках.

Он поднялся, а за ним поднялись ординаторы.

– На каком основании я опять буду здесь?

– На том основании, – немедленно усевшись опять, объяснил Стравинский, – что, как только вы, явившись в ковбойке и кальсонах в ГПУ, расскажете хоть одно слово про Понтия Пилата, который жил две тысячи лет назад, как механически, через час, в чужом пальто, будете привезены туда, откуда вы уехали, к профессору Стравинскому – то есть ко мне и в эту же самую комнату!

– Кальсоны? – спросил смятенно Иванушка.

– Да, да, кальсоны и Понтий Пилат! Белье казенное. Мы его снимем. Да-с. А домой вы не собирались заехать. Да-с. Стало быть, в кальсонах. Я вам своих брюк дать не могу. На мне одна пара. А далее – Пилат. И дело готово!

– Так что же делать? – спросил потрясенный Иван.

– Славно! Это резонный вопрос. Вы действительно нормальны. Делать надлежит следующее. Использовать выгоды того, что вы попали ко мне, и прежде всего разъяснить Понтия Пилата. В ГПУ вас и слушать не станут, примут за сумасшедшего. Во-вторых, на бумаге изложить все, что вы считаете обвинительным для этого таинственного неизвестного.

– Понял, – твердо сказал Иван, – прошу бумагу, карандаш и Евангелие.

– Вот и славно! – заметил покладистый профессор, – Агафья Ивановна, выдайте, пожалуйста, товарищу Попову Евангелие.

– Евангелия у нас нет в библиотеке, – сконфуженно ответила толстая женщина.

– Пошлите купить у букиниста, – распорядился профессор, а затем обратился к Ивану: – Не напрягайте мозг, много не читайте и не пишите. Погода жаркая, сидите побольше в тепловатой ванне. Если станет скучно, попросите ординатора!

Стравинский подал руку Ивану, и белое шествие продолжалось.

К вечеру пришла черная туча в Бор, роща зашумела, похолодало. Потом удары грома, и начался ливень. У Ивана за решеткой открыли окно, и он долго дышал озоном.

Иванушка не совсем точно последовал указаниям профессора и долго ломал голову над тем, как составить заявление по поводу необыкновенного консультанта.

Несколько исписанных листов валялись перед Иваном, ключья таких же листов под столом показывали, что дело не клеилось. Задача Ивана была очень трудна. Лишь только он попытался перенести на бумагу события вчерашнего вечера, решительно все запуталось. Загадочные фразы о намерении жить в квартире Берлиоза не вязались с рассказом о постном масле, о мании фурибунде, да и вообще все это оказалось ужасно бледным и бездоказательным. Никакая болтовня об Аннушке и ее полкиловой банке в сущности нисколько еще не служила к обвинению неизвестного.

Кот, садящийся самостоятельно в трамвай, о чем тоже упоминал в бумаге Иван, вдруг показался даже самому ему невероятным. И единственно, что было серьезно, что сразу указывало на то, что неизвестный странный, даже страннейший и вызывающий чудовищные подозрения человек, это знакомство его с Понтием Пилатом. А в том, что знакомство это было, Иван теперь не сомневался.

Но Пилат уже тем более ни с чем не вязался. Постное масло, удивительный кот, Аннушка, квартира, телеграмма дяде – смешно, право, было все это ставить рядом с Понтием Пилатом.

Иван начал тревожиться, вздыхать, потирать лоб руками. Порою он устремлял взор вдаль. Над рощей грохотало как из орудий, молнии вспарывали потрясенное небо, в лес низвергался океан воды. Когда струи били в подоконник, водяная пыль даже сквозь решетку долетала до Ивана. Он глубоко вдыхал свежесть, но облегчения не получил.

Растрепанная Библия с золотым крестом на переплете лежала перед Иваном. Когда кончилась гроза и за окном настала тишина, Иван решил, что для успеха дела необходимо узнать хоть что-нибудь об этом Пилате.

Несмотря на то, что Иван был малограмотным человеком, он догадался, где нужно искать сведений о Пилате и о неизвестном.

Но Матфей мало чего сказал о Пилате, и заинтересовало только то, что Пилат умыл руки. Примерно то же, что и Матфей, рассказал Марк. Лука же утверждал, что Иисус был на допросе не только у Пилата, но и у Ирода, Иоанн говорил о том, что Пилат задал вопрос Иисусу о том, что такое истина, но ответа на это не получил.

В общем мало узнал об этом Пилате Иван, а следов неизвестного возле Пилата и совсем не отыскивалось. Так что возможно, что он произнес ложь и никогда и не видел Пилата.

Вздумав расширить свое заявление в той части, которая касалась Пилата, Иванушка ввел кое-какие подробности из Евангелия Иоанна, но запутался еще больше и в бессилии положил голову на свои листки.

Тучи разошлись, в окно сквозь решетку был виден закат. Раздвинутая в обе стороны штора налилась светом, один луч проник в камеру и лег на страницы пожелтевшей Библии.

Оставив свои записи, Иванушка до вечера лежал неподвижно на кровати, о чем-то думая.

От еды он отказался и в ванну не пошел. Когда же наступил вечер, он затосковал. Он начал расхаживать по комнате, заламывая руки, один раз всплакнул. Тут к нему

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
пришли. Ординатор стал расспрашивать его, но Иван ничего не объяснил, только всхлипывал, отмахивался рукою и ложился ничком в постель. Тогда ординатор сделал ему укол в руку и попросил разрешения взять прочесть написанное Иваном. Иван сделал жест, который показывал, что ему все равно, ординатор собрал листки и ключья и унес их с собой.

Через несколько минут после этого Иван зевнул, почувствовал, что хочет задремать, что его мало уже тревожат его мысли, равнодушно глянул в открытое окно, в котором все гуще высыпали звезды, и стал, ежась, снимать халатик. Приятный холодок прошел из затылка под ложечку, и Иван почувствовал удивительные вещи. Во-первых, ему показалось, что звезды в выси очень красивы. Что в больнице, по сути дела, очень хорошо, а Стравинский очень умен, что в том обстоятельстве, что Берлиоз попал под трамвай, ничего особенного нет и что, во всяком случае, размышлять об этом много нечего, ибо это непоправимо, и наконец, что единственно важное во всем вчерашнем – это встреча с неизвестным и что вопрос о том, правда ли или неправда, что он видел Понтия Пилата, столь важный вопрос, что, право, стоит все отдать, даже, пожалуй, и саму жизнь.

Дом скорби засыпал к одиннадцати часам вечера. В тихих коридорах потухали белые матовые фонари и зажигали дежурные голубые слабые ночники. Умолкали в камерах бреды и шепоты, и только в дальнем коридоре буйных до раннего летнего рассвета чувствовалась жизнь и возня.

Окно оставалось открытым на ночь, полное звезд небо виднелось в нем. На столике горел под синеватым колпачком ночничок.

Иван лежал на спине с закрытыми глазами и притворялся спящим каждый раз, как отворялась дверь и к нему тихо входили.

Мало-помалу, и это было уже к полуночи, Иван погрузился в приятнейшую дремоту, нисколько не мешавшую ему мыслить. Мысли же его складывались так: во-первых, почему это я так взволновался, что Берлиоз попал под трамвай?

– Да ну его к черту... – тихо прошептал Иван, сам слегка дивясь своему приятному цинизму, – что я сват ему, кум? И хорошо ли я знал покойного? Нисколько я его не знал. Лысый и всюду был первый, и без него ничего не могло произойти. А внутри у него что? Совершенно мне неизвестно.

Почему я так взбесился? Тоже непонятно. Как бы за родного брата я готов был перегрызть глотку этому неизвестному и крайне интересному человеку на Патриарших. А, между прочим, он и пальцем действительно не трогал Берлиоза, и очень возможно, что совершенно неповинен в его смерти. Но, но, но... – сам себе возражал тихим сладким шепотом Иван, – а постное масло? А фурибунда?..

– Об чем разговор? – не задумываясь отвечал первый Иван второму Ивану, – знать вперед хотя бы и о смерти, это далеко не значит эту смерть причинить!

– В таком случае, кто же я такой?

– Дурак, – отчетливо ответил голос, но не первого и не второго Ивана, а совсем иной и как будто знакомый.

Приятно почему-то изумившись слову «дурак», Иван открыл глаза, но тотчас убедился, что голоса никакого в комнате нет.

– Дурак! – снисходительно согласился Иван, – дурак, – и стал дремать поглубже. Тут ему показалось, что веет будто бы розами и пальма качает махрами в окне...

– Вообще, – заметил по поводу пальмы Иван, – дело у этого... как его... Стравинского, дело поставлено на большой. Башковитый человек. Желтый песок, пальмы, и среди всего этого расхаживает Понтий Пилат. Одно жаль, совершенно неизвестно, каков он, этот Понтий Пилат. Итак, на заре моей жизни выяснилось, что я глуп. Мне бы вместо того, чтобы документы требовать у неизвестного иностранца, лучше бы порасспросить его хорошенько о Пилате. Да. А с дикими воплями гнаться за ним по Садовой и вовсе не следовало! А теперь дело безвозвратно потеряно! Ах, дорого бы я дал, чтобы потолковать с этим иностранцем...

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
– Ну что же, я – здесь, – сказал тяжелый бас.

Иван, не испугавшись, приоткрыл глаза и тут же сел.

В кресле перед ним, приятно окрашенный в голубоватый от колпачка свет, положив ногу на ногу и руки скрестив, сидел незнакомец с Патриарших Прудов. Иван тотчас узнал его по лицу и голосу. Одет же был незнакомец в белый халат, такой же, как у профессора Стравинского.

– Да, да, это я, Иван Николаевич, – заговорил неизвестный, – как видите, совершенно не нужно за мною гоняться. Я прихожу сам и как раз, когда нужно, – тут неизвестный указал на часы, стрелки которых, слипшись, стояли вертикально, – полночь!

– Да, да, очень хорошо, что вы пришли. Но почему вы в халате. Разве вы доктор?

– Да, я доктор, но в такой же степени, как вы поэт,

– Я поэт дрянной, бузовый, – строго отвечивал Иван, обирая с себя невидимую паутину.

– Когда же вы это узнали? Еще вчера днем вы были совершенно иного мнения о своей поэзии.

– Я узнал это сегодня.

– Очень хорошо, – сурово сказал гость в кресле.

– Но прежде и раньше всего, – оживленно попросил Иван, – я желаю знать про Понтия Пилата. Вы говорили, что у него была мигрень?..

– Да, у него была мигрень. Шаркающей кавалерийской походкой он вошел в зал с золотым потолком.

ЗОЛОТОЕ КОПЬЕ

(Евангелие от Воланда)

В девять часов утра шаркающей кавалерийской походкой в перистиль под разноцветную колоннаду вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат.

Больше всего на свете прокуратор ненавидел запах розового масла, и все предвещало нехороший день, потому что розовым маслом пропах весь мир. Казалось, что пальма пахнет розовым маслом, конвой, ненавистный балкон. Из недалейшей кордегардии заносило дымком – легионные кашевары начали готовить обед для дежурного манипула. Но прокуратору казалось, что и к запаху дыма примешивается поганая розовая струя.

«Пахнет маслом от головы моего секретаря, – думал прокуратор, – я удивляюсь, как моя жена может терпеть при себе такого вульгарного любовника... Моя жена дура... Дело, однако, не в розовом масле, а в том, что это мигрень. От мигрени же нет никаких средств в мире... попробую не вертеть головой...»

Из зала выкатили кресло, и прокуратор сел в него. Он протянул руку, ни на кого не глядя, и секретарь тотчас вложил в нее кусок пергамента. Гримасничая, прокуратор проглядел написанное и сейчас же сказал:

– Приведите его.

Через некоторое время по ступенькам, ведущим с балкона в сад, двое солдат привели и поставили на балконе молодого человека в стареньком, многостиранном и

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
заштопанном таллифе. Руки молодого человека были связаны за спиной, рыжеватые
вьющиеся волосы растрепаны, а под заплывшим правым глазом сидел громадных
размеров синяк. Левый здоровый глаз выражал любопытство.

Прокуратор, стараясь не поворачивать головы, поглядел на приведенного.

– Лицо от побоев надо оберегать, – сказал по-арамейски прокуратор, – если думаешь, что это тебя украшает... – И прибавил:

– Развяжите ему руки. Может быть, он любит болтать ими, когда разговаривает.

Молодой человек приятно улыбнулся прокуратору.

Солдаты тотчас освободили руки арестанту.

– Ты в Ершалаиме собирался царствовать? – спросил прокуратор, стараясь не двигать головой.

Молодой человек развел руками и заговорил:

– Добрый человек...

Но прокуратор тотчас перебил его:

– Я не добрый человек. Все говорят, что я злой, и это верно.

Он повысил резкий голос:

– Позовите кентуриона Крысобоя!

Всем показалось, что на балконе потемнело, когда кентурион Марк, прозванный Крысобоем, предстал перед прокуратором.

Крысобой на голову был выше самого высокого из солдат легиона и настолько широк в плечах, что заслонил невысокое солнце. Прокуратор сделал какую-то гримасу и сказал Крысобоем по-латыни:

– Вот... называет меня «добрый человек»... Возьмите его на минуту в кордегардию, объясните ему, что я злой... Но я не потерплю подбитых глаз перед собой!..

И все, кроме прокуратора, проводили взглядом Марка Крысобоя, который жестом показал, что арестованный должен идти за ним. Крысобоя вообще все провожали взглядами, главным образом, из-за его роста, а те, кто видел его впервые, – из-за того, что лицо Крысобоя было изуродовано: нос его в свое время был разбит ударом германской палицы.

Во дворе кордегардии Крысобой поставил перед собою арестованного, взял бич, лежащий на козлах, и, не сильно размахнувшись, ударил арестанта по плечам. Движение Крысобоя было небрежно и незаметно, но арестант мгновенно рухнул наземь, как будто ему подрубили ноги, и некоторое время не мог перевести дух.

– Римский прокуратор, – заговорил гнусаво Марк, плохо выговаривая арамейские слова, – называть «игемон»... Другие слова нет, не говорить!.. Понимаешь?.. Ударить?

Молодой человек набрал воздуха в грудь, сбегавшая с лица краска вернулась, он протянул руку и сказал:

– Я понял. Не бей.

И через несколько минут молодой человек стоял вновь перед прокуратором.

– В Ершалаиме хотел царствовать? – спросил прокуратор, прижимая пальцы к виску.

– Я, до... Я, игемон, – заговорил молодой человек, выражая удивление здоровым глазом, – нигде не хотел царствовать.

– Лгуны всем ненавистны, – ответил Пилат, – а записано ясно: самозванец, так

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
показывают свидетели, добрые люди.

– Добрые люди, – ответил, оживляясь, молодой человек и прибавил торопливо: – Игемон, ничему не учились, поэтому перепутали все, что я говорил.

Потом помолчал и добавил задумчиво:

– Я полагаю, что две тысячи лет пройдет ранее... – он подумал еще – да, именно две тысячи, пока люди разберутся в том, насколько напутали, записывая за мной.

Тут на балконе наступило полное молчание.

Прокуратор поднял голову и, скорчив гримасу, поглядел на арестанта.

– За тобой записано немного, – сказал он, ненавидя свою боль и даже помышляя о самоубийстве, – но этого достаточно, чтобы тебя повесить.

– Нет, ходит один с таблицей и пишет, – заговорил молодой человек, достойный и добрый человек. – Но однажды, заглянув в эту таблицу, я ужаснулся. Ничего этого я не говорил. И прошу его – сожги эту таблицу. Но он вырвал ее у меня из рук и убежал.

– Кто такой? – спросил Пилат.

– Левий Матвей, – охотно пояснил арестант, – он был сборщиком податей, а я его встретил на дороге и разговорился с ним. Он послушал, деньги бросил на дорогу и сказал: я с тобой пойду путешествовать.

– Ершалаим, – сказал Пилат, поворачиваясь всем корпусом к секретарю, – город, в котором на Пасху не соскучишься... Сборщик податей бросил деньги на дорогу!

– Подарил, – пояснил молодой человек, – шел мимо старичок, нес сыр. Он ему сказал: подбирай.

– Имя? – спросил Пилат.

– Мое? – спросил молодой человек, указывая себе на грудь.

– Мое мне известно, – ответил Пилат, – твое.

– Ешуа, – ответил молодой человек.

– Прозвище?

– Га-Ноцри.

– Откуда родом?

– Из Эн-Назира, – сказал молодой человек, указывая рукой вдаль.

Секретарь пристроился с таблицей к колонне и записывал на ней.

– Кто ты по национальности? Кто твои родители?

– Я – сириец.

– Никакого языка, кроме арамейского, не знаешь?

– Нет, я знаю латинский и греческий.

Пилат круто исподлобья поглядел на арестованного. Секретарь попытался поймать взгляд прокуратора, но не поймал, и еще стремительнее начал записывать. Прокуратор вдруг почувствовал, что висок его разгорается все сильнее. По горькому опыту он знал, что вскоре вся его голова будет охвачена пожаром. Оскалив зубы, он поглядел не на арестованного, а на солнце, которое неуклонно ползло вверх, заливая Ершалаим, и подумал, что нужно было бы прогнать этого рыжего разбойника, просто крикнуть: повесить его! Его увели бы. Выгнать конвой с балкона, припадая на подагрические ноги, притащиться внутрь, велеть затемнить

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
комнату, лечь, жалобным голосом позвать собаку, потребовать холодной воды из источника, пожаловаться собаке на мигрень.

Он поднял мутные глаза на арестованного и некоторое время молчал, мучительно вспоминая, зачем на проклятом ершалаимском солнцепеке стоит перед ним этот бродяга с избитым лицом и какие ненужные и глупые вопросы еще придется ему задавать.

– Левий Матвей? – хрипло спросил больной прокуратор и закрыл глаза, чтобы никто не видел, что происходит с ним.

– Да, добрый человек Левий Матвей, – донесли до прокуратора сквозь стук горячего молота в виске слова, произнесенные высоким голосом.

– А вот, – с усилием и даже помолчав коротко, заговорил прокуратор, – что ты рассказывал про царство на базаре?

– Я, игемон, – ответил, оживляясь, молодой человек, – рассказывал про царство истины добрым людям и больше ни про что не рассказывал. После чего прибежал один добрый юноша, с ним другие, и меня стали бить и связали мне руки.

– Так, – сказал Пилат, стараясь, чтобы его голова не упала на плечо. «Я сказал „так“, – подумал страдающий прокуратор, – что означает, что я усвоил что-то, но я ничего не усвоил из сказанного», – и он сказал:

– Зачем же ты, бродяга, на базаре рассказывал про истину, не имея о ней никакого представления? Что такое истина?

И подумал: «О, боги мои, какую нелепость я говорю. И когда же кончится эта пытка на балконе?»

И он услышал голос, сказавший по-гречески:

– Истина в том, что у тебя болит голова и болит так, что ты уже думаешь не обо мне, а об яде. Потому что, если она не перестанет болеть, ты обезумеешь. И я твой палач, о чем я скорблю. Тебе даже и смотреть на меня не хочется, а хочется, чтобы пришла твоя собака. Но день сегодня такой, что находиться в состоянии безумия тебе никак нельзя, и твоя голова сейчас пройдет.

Секретарь замер, недописав слова, и глядел не на арестанта, а на прокуратора. Каковой не шевелился.

Пилат поднял мутные глаза и страдальчески поглядел на арестанта и увидел, что солнце уже на балконе, оно печет голову арестанту, он щурит благожелательный глаз, а синяк играет радугой.

Затем прокуратор провел рукой по лысой голове и муть в его глазах растаяла. После этого прокуратор приподнялся с кресла, голову сжал руками и на обрзгшем лице выразился ужас.

Но этот ужас он подавил своей волей.

А арестант между тем продолжал свою речь, и секретарю показалось, что он слышит не греческие хорошо знакомые слова, а неслыханные, неизвестные.

– Я, прокуратор, – говорил арестант, рукой заслоняясь от солнца, – с удовольствием бы ушел с этого балкона, потому что, сказать по правде, не нахожу ничего приятного в нашей беседе...

Секретарь побледнел как смерть и отложил таблицу.

– То же самое я, впрочем, советовал бы сделать и тебе, – продолжал молодой человек, – так как пребывание на нем принесет тебе, по моему разумению, несчастья впоследствии. Мы, собственно говоря, могли бы отправиться вместе. И походить по полям. Гроза будет, – молодой человек отвернулся от солнца и прищурил глаз, – только к вечеру. Мне же пришли в голову некоторые мысли, которые могли бы тебе понравиться. Ты к тому же производишь впечатление очень понятливого человека.

Настало полное и очень долгое молчание. Секретарь постарался уверить себя, что ослышался, представил себе этого Га-Ноцри повешенным тут же у балкона, постарался представить, в какую именно причудливую форму выльется гнев прокуратора, не представил, решил, что что-то нужно предпринять, и ничего не предпринял, кроме того, что руки протянул по швам.

И еще помолчали.

После этого раздался голос прокуратора:

– Ты был в Египте?

Он указал пальцем на таблицу, и секретарь тотчас поднес ее прокуратору, но тот отпихнул ее рукой.

– Да, я был.

– Ты как это делаешь? – вдруг спросил прокуратор и уставил на Ешуа зеленые, много видевшие глаза. Он поднес белую руку и постучал по левому желтому виску.

– Я никак не делаю этого, прокуратор, – сказал, светло улыбнувшись единственным глазом, арестант.

– Поклянись!

– Чем? – спросил молодой человек и улыбнулся пошире...

– Хотя бы жизнью твоею, – ответил прокуратор, причем добавил, что ею клясться как раз время – она висит на волоске.

– Не думаешь ли ты, что ты ее подвесил, игемон? – спросил юноша, – если это так, то ты ошибаешься.

– Я могу перерезать тот волосок, – тихо сказал Пилат.

– И в этом ты ошибаешься. Но об этом сейчас, я думаю, у тебя нет времени говорить. Но пока еще она висит, не будем сотрясать воздух пустыми и бессмысленными клятвами. Ты просто поверь мне – я не враг.

Секретарь искоса заглянул в лицо Пилату и мысленно приказал себе ничему не удивляться.

Пилат усмехнулся.

– Нет сомнения в том, что толпа собиралась вокруг тебя, стоило тебе раскрыть рот на базаре.

Молодой человек улыбнулся.

– Итак, ты говорил о царстве истины?

– Да.

– Скажи, пожалуйста, существуют ли злые люди на свете?

– Нет.

– Я впервые слышу об этом, и, говоря твоим слогом, ты ошибаешься. К примеру – Марк Крысобой-кентурион – добрый?

– Да, – ответил /юноша/, – он несчастливый человек. С тех пор, как ему переломили нос добрые люди, он стал нервным и несчастным. Вследствие этого дерется.

Пилат стал хмур и посматривал на Ешуа искоса. Потом проговорил:

– Добрые люди бросались на него со всех сторон, как собаки на медведя. Германцы

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru висели на нем. Они вцепились в шею, в руки, в ноги, и, если бы я не дорвался до него с легионерами, Марка Крысобоя не было бы на свете. Это было в бою при Идиставизо. Но не будем спорить о том, добрые ли люди германцы или недобрые...

Так ты называ.....

бродяга, стало быть, ты должен молчать!

Арестант моргнул испуганно глазом и замолчал.

Тут внезапно и быстро на балкон вошел молодой офицер из легиона с таблицей и передал ее секретарю.

Секретарь бегло проглядел написанное и тотчас подал таблицу Пилату со словами:

– Важное дополнение из Синедриона.

Пилат, сморщившись, не беря в руки таблицу, прочел написанное и изменился в лице.

– Кто этот из Кериота? – спросил он тихо.

Секретарь пожал плечами.

– Слушай, Га-Ноцри! – заговорил Пилат. – И думай, прежде чем ответить мне: в своих речах ты упоминал имя великого кесаря? Отвечай правду!

– Правду говорить приятно, – ответил юноша.

– Мне неинтересно, – придушенным голосом отозвался Пилат, – приятно тебе это или нет. Я тебя заставлю говорить правду. Но думай, что говоришь, если не хочешь непоправимой беды.

– Я, – заговорил молодой человек, – познакомился на площади с одним молодым человеком по имени Иуда, он из Кериота...

– Достойный человек? – спросил Пилат каким-то певучим голосом.

– Очень красивый и любознательный юноша, но мне кажется, – рассказывал арестант, – что над ним нависает несчастье. Он стал меня расспрашивать о кесаре и пожелал выслушать мои мысли относительно государственной власти...

Секретарь быстро писал в таблице.

– Я и высказал эти мысли.

– Какие же это были мысли, негодяй? – спросил Пилат.

– Я сказал, – ответил арестант, – что всякая власть является насилием над людьми и что настанет время, когда никакой власти не будет. Человек перейдет в царство истины, и власть ему будет не нужна.

Тут с Пилатом произошло что-то страшное. Виноват ли был в этом усиливающийся зной, били ли ему в глаза лучи, отражавшиеся от белых колонн балкона, только ему померещилось, что лицо арестанта исчезло и заменилось другим – на лысой голове, криво надетый, сидел редкозубый венец; на лбу – смазанная свиным салом с какой-то специей – разъедала кожу и кость круглая язва; рот беззубый, нижняя губа отвисла. Пилату померещилось, что исчезли белые камни, дальние крыши Ершалаима, вокруг возникла каприйская зелень в саду, где-то тихо проиграли трубы, и сиплый больной голос протянул:

– Закон об оскорблении...

Пилат дрогнул, стер рукой все это, опять увидел обезображенное лицо арестанта и подумал: «Боги, какая улыбка!»

– На свете не было, нет и не будет столь прекрасной власти, как власть божественного кесаря, и не тебе, бродяга, рассуждать о ней! Оставьте меня здесь

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru с ним одного, здесь оскорбление величества!

В ту же минуту опустел балкон, и Пилат сказал арестанту:

– Ступай за мной!

В зале с золотым потолком остались вдвоем Пилат и арестант. Было тихо, но ласточка влетела с балкона и стала биться под потолком – вероятно, потеряв выход. Пилату показалось, что она шуршит и кричит:

«Корван – корван».

Молчание нарушил арестант.

– Мне жаль, – сказал он, – юношу из Кериота. У меня есть предчувствие, что с ним случится несчастье сегодня ночью, и несчастье при участии женщины, – добавил он мечтательно.

Пилат посмотрел на арестанта таким взглядом, что тот испуганно заморгал глазом. Затем Пилат усмехнулся.

– Я думаю, – сказал он придушенным голосом, – что есть кто-то, кого бы тебе следовало пожалеть еще ранее Искарриота. Не полагал ли ты, что римский прокуратор выпустит негодяя, произносившего бунтовщические речи против кесаря? Итак, Марк Крысобой, Иуда из Кериота, люди, которые били тебя на базаре, и я, это все – добрые люди? А злых людей нет на свете?

– Нет, – ответил арестант.

– И настанет царство истины?

– Настанет, – сказал арестант.

– В греческих ли книгах ты вычитал это или дошел своим умом?

– Своим умом дошел, – ответил арестант.

– Оно не настанет, – вдруг закричал Пилат большим голосом, как кричал при Идиставизо: – «Крысобой попался!» – Сейчас, во всяком случае, другое царство, и если ты рассчитывал проповедовать и дальше, оставь на это надежду. Твоя проповедь может прерваться сегодня вечером! Верить ли ты в богов?

– Я верю в Бога, – ответил арестант.

– Так помолись же ему сейчас, да покрепче, чтобы он помутил разум Каиафы. Жена, дети есть? – вдруг тоскливо спросил Пилат и бешеным взглядом проводил ласточку, которая выпорхнула.

– Нет.

– Ненавистный город, – заговорил Пилат и потер руки, как бы обмывая их, – лучше бы тебя зарезали накануне. Не разжимай рот! И если ты произнесешь хотя бы одно слово, то поберегись меня!

И Пилат закричал:

– Эй! Ко мне!

Тут же в зале Пилат объявил секретарю, что он утверждает смертный приговор Синедриона, приказал Ешуа взять под стражу, кормить, беречь как зеницу ока, и Марку Крысобойю сказал:

– Не бить!

Затем Пилат приказал пригласить к нему во дворец председателя Синедриона, первосвященника Каиафу.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Примерно через полчаса под жгучим уже солнцем у балкона стояли прокуратор и Каиафа. В саду было тихо, но вдали ворчало, как в прибое, море и доносило изредка к балкону слабые выкрики продавцов воды, – верный знак, что ершалаимская толпа тысяч в пять собралась у лифостротона, ожидая с любопытством приговора.

Пилат начал с того, что вежливо пригласил Каиафу войти во дворец.

Каиафа извинился и отказался, сославшись на то, что закон ему не позволяет накануне праздника.

– Я утвердил приговор мудрого Синедриона, – заговорил Пилат по-гречески, – итак, первосвященник, четверо приговорены к смертной казни. Двое числятся за мной, и о них здесь речь идти не будет. Но двое – за Синедрионом – Варраван Иисус, приговоренный за попытку возмущения в Ершалаиме и убийство двух городских стражников, и второй – Га-Ноцри Ешуа, или Иисус. Завтра праздник Пасхи. Согласно закону, одного из двух преступников нужно будет выпустить на свободу в честь праздника. Укажи же мне, первосвященник, кого из двух преступников желает освободить Синедрион – Варравана Иисуса или Га-Ноцри Иисуса? Прибавлю к этому, что я, как представитель римской власти, ходатайствую о выпуске Га-Ноцри. Он – сумасшедший, а особенно дурных последствий его проповедь не имела. Храм оцеплен легионерами и охраняется, ершалаимские зеваки и вдали, – вяло и скучным голосом говорил Пилат, – ходившие за Га-Ноцри, разогнаны, Га-Ноцри можно выслать из Ершалаима; между тем в лице Варравана мы имеем дело с очень опасным человеком; не говоря уже о том, что он убийца, но взяли его с бою и в то время, когда он призывал к прямому бунту против римской власти. Итак?

Чернобородый Каиафа ответил прокуратору:

– Великий Синедрион в моем лице просит выпустить Варравана.

– Даже после моего ходатайства, – спросил Пилат и, чтобы прочистить горло, глотнул слюну, – повтори, первосвященник.

– Даже после твоего ходатайства прошу за Варравана, – твердо повторил Каиафа.

– Подумай, первосвященник, прежде чем в третий раз ответить, – глухо сказал Пилат.

– В третий раз прошу за Варравана.....

...невиновного бродячего философа! Темным изуверам от него – беда! Вы предпочитаете иметь дело с разбойником! Но, Каиафа, дешево ты не купишь Га-Ноцри, это уж я тебе говорю! Увидишь ты легионы в Ершалаиме, услышишь ты плачь!

– Знаю, знаю, Пилат, – сказал тихо Каиафа, – ты ненавидишь народ иудейский и много зла ему еще причинишь, но вовсе ты его не погубишь!

Наступило молчание.

– О, род преступный! О, темный род! – вдруг негромко воскликнул Пилат, покрыв рот и качая головою.

Каиафа побледнел и сказал, причем губы его тряслись:

– Если ты, игемон, еще что-нибудь оскорбительное скажешь, уйду и не выйду с тобой на лифостротон!

Пилат поднял голову, увидел, что раскаленный шар как раз над головой и тень Каиафы съезжилась у него под ногами, сказал спокойным голосом:

– Полдень – пора на лифостротон.

Через несколько минут на каменный громадный помост поднялся прокуратор Иудеи, следом за ним первосвященник Каиафа и охрана Пилата.

Многотысячная толпа взревела, и тотчас цепи легионеров подались вперед и

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
оттеснили ее. Она взревела еще сильнее, и до Пилата донеслись отдельные слова,
обрывки хохота, вопли придавленных, свист.

Сжигаемый солнцем, прокуратор поднял правую руку, и шум словно сдуло с толпы.
Тогда Пилат набрал воздуха и крикнул, и голос, сорванный военными командами,
понесло над толпой:

– Именем императора!

В ту же секунду над цепями солдат поднялись лесом копья, сверкнули, поднявшись,
римские орлы, взлетели на копьях охапки сена.

– Бродяга и тать, именуемый Иисус Га-Ноцри, совершил преступление против кесаря!

Пилат задрал голову и уткнул ее прямо в солнце, и оно выжгло ему глаза. Зеленым
огнем загорелся его мозг, и опять над толпой полетели хриплые слова:

– Вот он, этот бродяга и тать!

Пилат не обернулся, ему показалось, что солнце зазвенело, лопнуло и заплевало
ему уши. Он понял, что на помост ввели Га-Ноцри и, значит, взревела толпа. Пилат
поднял руку, опять услышал тишину и выкрикнул:

– И вот этот Га-Ноцри будет сейчас казнен!

Опять Пилат дал толпе выдохнуть вой и опять послал слова:

– Чтобы все знали, что мы не имеем царя, кроме кесаря!

Тут коротко, страшно прокричали в шеренгах солдаты, и продолжал Пилат:

– Но кесарь великодушен, и поэтому второму преступнику Иисусу Вар-Раввану...

«Вот их поставили рядом», – подумал Пилат и, когда стихло, продолжал; и слова,
выкликаемые надтреснутым голосом, летели над Ершалаимом:

– ...осужденному за призыв к мятежу, кесарь-император в честь вашего праздника,
согласно обычаю, по ходатайству великого Синедриона, подарил жизнь!

Вар-Равван, ведомый за правую руку Марком Крысобоем, показался на лифостротоне
между расступившихся солдат. Левая сломанная рука Вар-Раввана висела
безжизненно. Вар-Равван прищурился от солнца и улыбнулся толпе, показав свой, с
выбитыми передними зубами, рот.

И уже не просто ревом, а радостным стоном, визгом встретила толпа вырвавшегося
из рук смерти разбойника и забросала его финиками, кусками хлеба, бронзовыми
деньгами.

Улыбка Раввана была настолько заразительна, что передалась и Га-Ноцри.

И Га-Ноцри протянул руку, вскричал:

– Я радуюсь вместе с тобой, добрый разбойник! Иди, живи!

И тут же Раввана Крысобой легко подтолкнул в спину, и Вар-Равван, оберегая
больную руку, сбежал по боковым ступенькам с каменного помоста и был поглощен
воющей толпой.

Тут Ешуа оглянулся, все еще сохраняя на лице улыбку, но отражения ее ни на чьем
лице не встретил. Тогда она сбежала с его лица. Он повернулся, ища взглядом
Пилата. Но того уже не было на лифостротоне.

Ешуа попытался улыбнуться Крысобоем, но и Крысобой не ответил. Был серьезен так
же, как и все кругом.

Ешуа глянул с лифостротона, увидел, что шумящая толпа отлила от лифостротона, а
на ее место прискакал конный сирийский отряд, и Ешуа услышал, как каркнула
чья-то картавая команда.

Тут Ешуа стал беспокоен. Тревожно покосился на солнце. Оно опалило ему глаза, он закрыл их и почувствовал, что его подталкивают в спину, чтобы он шел.

Он заискивающе улыбнулся какому-то лицу. Это лицо осталось серьезным, и Ешуа двинулся с лифостротона.

И был полдень...

Иванушка открыл глаза и увидел, что за шторой рассвет. Кресло возле постели было пусто.

ДЯДЯ И БУФЕТЧИК

Часов около 11-ти вечера, когда погиб Берлиоз, в городе Киеве на Институтской улице дядей Берлиоза гражданином Латунским была получена такого содержания телеграмма:

«Мне Берлиозу отрезало трамваем голову Приезжайте хоронить».

Латунский пользовался репутацией самого умного человека в Киеве. Как всякий умница он держался правила – никогда ничему не удивляться.

Ввиду того, что Берлиоз не пил, всякая возможность глупой и дерзкой шутки исключалась. Берлиоз был приличным человеком и очень хорошо относился к своим родным. Но, как бы хорошо он ни относился, сам о собственной смерти телеграмму дать он не мог. Оставалось одно объяснение: телеграф. Латунский мысленно выбросил слово «мне», которое попало в телеграмму вследствие неряшливости телеграфных служащих, после чего она приобрела ясный и трагический смысл.

Горе гражданки Латунской, урожденной Берлиоз, было весьма велико, но лишь только первые приступы его прошли и Латунские примирились с мыслью, что племянник Миша погиб, житейские соображения овладели мужем и женой.

Решено было Максиму Максимовичу ехать. Латунские являлись единственными наследниками Берлиоза. Во-первых, нужно было Мишу похоронить, или, по крайней мере, принять участие в похоронах. Второе: вещи.

Но самое главное заключалось в квартире. Дразнящая мысль о том, что, чем черт не шутит, вдруг удастся занять в качестве ближайших родственников освободившуюся квартиру, положительно захлестнула Латунского. Он понимал, как умный и опытный человек, что это чрезвычайно трудно, но житейская мудрость подсказывала, что с энергией и настойчивостью удавались иногда вещи и потруднее.

На следующий же день, 23-го, Латунский сел в мягкий вагон скорого поезда и утром 24-го уже был у ворот громадного дома № 10 по Садовой улице.

Пройдя по омытой вчерашней грозой асфальтовой площади двора, Латунский подошел к двери, на которой была надпись «Правление», и, открыв ее, очутился в не проветриваемом никогда и замызганном помещении.

За деревянным столом сидел человек, как показалось Латунскому, чрезвычайно встревоженный.

– Председателя можно видеть? – осведомился Латунский.

Этот простой вопрос почему-то еще более расстроил тоскливого человека. Кося отчаянно глазами, он пробурчал что-то, как с трудом можно было понять, что-то о том, что председателя нету.

– А он на квартире?

Но человек пробурчал что-то, выходило, что и на квартире председателя нету.

– Когда придет?

Человек вообще ничего не сказал, а поглядел в окно.

– Ага, – сказал умный Латунский и попросил секретаря.

Человек побагровел от напряжения и сказал, что и секретаря нету тоже, что неизвестно когда придет и что он болен.

– А кто же есть из правления? – спросил Латунский.

– Ну я, – неохотно ответил человек, почему-то с испугом глядя на чемодан Латунского, – а вам что, гражданин?

– А вы кто же будете в правлении?

– Казначей Печкин, – бледнея, ответил человек.

– Видите ли, товарищ, – заговорил Латунский, – ваше правление дало мне телеграмму по поводу смерти моего племянника Берлиоза.

– Ничего не знаю. Не в курсе я, товарищ, – изумляя Латунского своим испугом, ответил Печкин и даже зажмурился, чтобы не видеть телеграммы, которую Латунский вынул из кармана.

– Я, товарищ, являюсь наследником покойного писателя, – внушительно заговорил Латунский, вынимая и вторую киевского происхождения бумагу.

– Не в курсе я, – чуть не со слезами сказал странный казначей, вдруг охнул, стал блее стены в правлении и встал с места.

Тут же в правление вошел человек в кепке, в сапогах, с пронзительными, как показалось Латунскому, глазами.

– Казначей Печкин? – интимно спросил он, наклоняясь к Печкину.

– Я, товарищ, – чуть слышно шепнул Печкин.

– Я из милиции, – негромко сказал вошедший, – пойдете со мной. Тут расписаться надо будет, дело плевое. На минутку.

Печкин почему-то застегнул толстовку, потом ее расстегнул и пошел беспрекословно за вошедшим, более не интересуясь Латунским, и оба исчезли.

Умный Латунский понял, что в правлении ему больше делать нечего, подумал: «Эге-ге!» – и отправился на квартиру Берлиоза.

Он позвонил, для приличия вздохнув, и ему тотчас открыли. Однако первое, что удивило дядю Берлиоза, это было то обстоятельство, что ему открыл неизвестно кто: в полутемной передней никого не было, кроме здоровеннейших размеров кота черного цвета. Латунский огляделся, покашлял. Впрочем, дверь из кабинета открылась, и из нее вышел некто в треснувшем пенсне. Без всяких предисловий вышедший вынул из кармана носовой платок, приложил его к носу и заплакал. Дядя Берлиоза удивился.

– Латунский, – сказал он.

– Как же, как же! – тенором заныл вышедший Коровьев, я сразу догадался.

– Я получил телеграмму, – заговорил дядя Берлиоза.

– Как же, как же, – повторил Коровьев и вдруг затрясся от слез, – горе-то, а? Ведь это что же такое делается, а?

– Он скончался? – спросил Латунский, серьезнейшим образом удивляясь рыданиям

– Начисто, – прерывающимся от слез голосом ответил Коровьев, – верите, раз! – голова прочь! Потом правая нога – хрусть – пополам! Левая нога – пополам! Вот до чего эти трамваи доводят.

И тут Коровьев отмочил такую штуку: не будучи в силах совладать с собой, уткнулся носом в стену и затрясся, видимо будучи не в силах держаться на ногах от рыданий.

«Однако какие друзья бывают в Москве!» – подумал дядя Берлиоза.

– Простите, вы были другом покойного Миши? – спросил он, чувствуя, что и у него начинается щипать в горле.

Но Коровьев так разрыдался, что ничего нельзя было понять, кроме повторяющихся слов «хрусть и пополам!».

Наконец Коровьев вымолвил с большим трудом:

– Нет, не могу, пойду приму валерианки, – и, повернув совершенно заплаканное лицо к Латунскому, добавил:

– Вот они, трамваи.

– Я извиняюсь, вы дали мне телеграмму? – осведомился Латунский, догадываясь, кто бы мог быть этот рыдающий человек.

– Он, – сказал Коровьев и указал пальцем на кота.

Латунский вытаращил глаза.

– Не в силах, – продолжал Коровьев, – как вспомню!.. Нет, я пойду, лягу в постель. А уж он сам вам все расскажет.

И тут Коровьев исчез из передней.

Латунский, окоченев, глядел то на дверь, за которой он скрылся, то на кота. Тут этот самый кот шевельнулся на стуле, раскрыл пасть и сказал:

– Ну, я дал телеграмму. Дальше что?

У Латунского отнялись и руки и ноги, в голове закружилось, он уронил чемодан и сел на стул напротив кота.

– Я, кажется, русским языком разговариваю? – сказал кот сурово, – спрашиваю: дальше что?

Что дальше – он не добился, Латунский не дал никакого ответа.

– Удостоверение, – сказал кот.

Ничего не помня, ничего не соображая, не спуская глаз с горящих в полутьме зрачков, Латунский вынул паспорт и мертвой рукой протянул его коту.

Кот, не слезая со стула, протянул пухлую лапу к подзеркальному столику, взял с него большие очки в роговой оправе, надел их на морду, от чего сделался еще внушительнее, чем был, и вооружился паспортом Латунского.

«Упаду в обморок», – подумал Латунский. И расслышал, что где-то сдавленно рыдает Коровьев.

– Каким отделением милиции выдан? – спросил кот, сморщившись и всматриваясь в страницу.

Ответа не последовало.

– Двенадцатым, – сам себе сказал кот, водя пальцем по паспорту, который он

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru держал кверху ногами, – ну да, конечно, конечно, двенадцатым. Известное отделение! Там кому попало выдают. Ну да ладно, доберутся когда-нибудь и до них. Попался б ты мне, выдал бы я тебе паспорт!

Кот рассердился и паспорт швырнул на пол.

– Похороны отменяются, – добавил он. И крикнул:

– Фиелло!

В передней появился маленького роста, хромой и весь в бубенчиках. Латунский задохнулся от страха. Он был блее белого. Одной рукой он держался за сердце.

– Латунский, – сказал кот, – понятно?

Молчание.

– Поезжай немедленно в Киев, – сквозь зубы сказал кот, – и сиди там тише воды, ниже травы. И ни о каких квартирах не мечтай. Понятно?

– Понятно, – ответил тихо Латунский.

– Фиелло, проводи, – заключил кот и вышел из передней.

Латунский качнулся на стуле, потом вскочил.

Тот, который в бубенчиках, был рыжий, кривоглазый, косоротый, с торчащими из рта клыками. Росту он был маленького, доходил только до плеча Латунскому. Но действовал энергично, складно, уверенно, организованно. Прежде всего, он открыл дверь на лестницу, затем взял чемодан Латунского и вышел с ним на площадку. Латунский в это время стоял, прислонившись к стене.

Рыжий, позвякивая бубенчиками, без всякого ключа открыл на площадке чемодан и прежде всего вынул из него громадную вареную курицу, завернутую в украинскую газету, и положил ее на площадку. Затем вынул две пары кальсон, рубашку, бритвенный ремень, какую-то книжку и простыню. Все это бросил в пролет лестницы. Туда же бросил и чемодан, и слышно было, как он грохнулся вниз. Затем вернулся в переднюю, взял под руку очень ослабевшего Латунского и вывел его на площадку. На площадке надел на него шляпу. А Латунский держал себя в это время как деревянный. Повернул Латунского лицом к ступенькам лестницы, взял курицу за ноги и ударил ею Латунского по шее с такой силой, что туловище отлетело, а ноги остались в руках. И Латунский полетел лицом вниз по лестнице. Долетев до поворота, он ногой попал в стекло, выбил его, сел на лестнице, просидел около минуты, затем поднялся и один марш проделал на ногах, но держась за перила. Потом опять решил посидеть. Наверху захлопнулась дверь, а снизу послышались тихие шажки. Какой-то малюсенький человек с очень печальным лицом остановился возле Латунского. Горько глядя на сидящего, он осведомился:

– Где квартира покойного Берлиоза?

– Выше, – сказал Латунский.

– Покорнейше вас благодарю, гражданин, – ответил печальный человечек, и тут они разошлись.

Человечек побрел вверх, а Латунский, крадучись и оглядываясь на человечка, – вниз.

Возникает важнейший и неизбежный вопрос: как же так Латунский без всякого протеста вынес насилие над собою со стороны рыжего, изгнание из квартиры и порчу вещей и издевательство над чемоданом?

Быть может, он собирался немедленно отправиться куда следует и жаловаться на обитателей квартиры № 50?

Нет. Ни в каком случае.

Латунский цеплялся за перила, вздрагивая на каждом шагу, двигался книзу и шептал

– Понятно... все понятно... вот так штука! Не поверил бы, если бы своими глазами не видел, не слышал!

Твердое намерение дяди Берлиоза заключалось в том, чтобы не медля ни минуты броситься в поезд, покинуть Москву и бежать в благословенный Киев.

Но манящая мысль еще раз проверить все на том кисло-сладком человечке, который, судя по затихшему звуку шагов, уже добрался до цели путешествия, была слишком сильна.

Человечек не принадлежал к той компании, которая населяла квартиру покойного Миши. Иначе он не стал бы осведомляться о номере. Он шел прямо в лапы той компании, что засела в пятидесятом номере, а из кого состояла она, Латунский ничуть не сомневался. Репутация умницы была им заслужена недаром – он первый догадался о том, кто поселился в Мишиной квартире.

Дверь наверху открыли и закрыли. «Он вошел!» – подумал Латунский и двинулся вниз. Сердце его забилось сильно. Вот покинутая швейцарская под лестницей, в ней никого нет. Но прежде всего Латунский оглянулся, ища чемодан и другие вещи. Ни чемодана, ни белья на полу внизу не было. Вне всяких сомнений, их украли, пока Латунский спускался. Он сам подивился тому, как мало это его расстроило. Латунский шмыгнул в швейцарскую и засел за грязным разбитым стеклом.

Прошло минут десять томительного ожидания, и Латунскому показалось, что их гораздо более прошло. За это время только один человек пробежал по лестнице, насвистывая знаменитую песню «гоп со смыком», и, судя по шуму, скрылся во втором этаже.

Наконец там наверху хлопнула дверь. Сердце киевлянина прыгнуло. Он съежился и выставил один глаз в дыру. Но преждевременно. Шажки явно крохотного человечка послышались, затем на лестнице же стихли. Хлопнула дверь пониже, в третьем этаже, донесся женский голос. Латунский вместо глаза выставил ухо, но мало что разобрал... Чему-то засмеялась женщина, послышался голос человечка. Кажется, он произнес: «Оставь Христа ради...» Опять смех. Вот женщина прошла и вышла.

Латунский видел ее кокетливый зад, платок на голове, в руках клеенчатую зеленую сумку, в которой носят помидоры из кооператива. Исчезла. А человечек за ней не пошел, шаги его вверх ушли. В тишине приноровившийся Латунский ясно разобрал, что он звонит вновь в квартиру. Дверь. Женский голос. Опять дверь. Вниз идет. Остановился. Вдруг ее крик. Топот. «Вниз побежал». В дыре глаз. Глаз этот округлился. Человечек, топоча подковами, как сумасшедший, с лестницы кинулся в дверь, при этом крестился, и пропал.

Проверка Латунским была сделана. Не думая больше ни о чем, кроме того, чтобы не опоздать к киевскому поезду, легким шагом он вышел из дверей во двор и оттуда на Садовую.

Дело же с человечком произошло так. Человечек назывался Алексей Лукич Барский и был заведующим буфетом театра «Кабаре».

Вздыхая тяжело, Алексей Лукич позвонил. Ему открыли немедленно, причем прежде всего почтенный буфетчик попятился и рот раскрыл, не зная, входить ли ему или нет. Дело в том, что открыла ему дверь девица совершенно голая. В растрепанных буйных светлых волосах девицы была воткнута гребенка, на шее виднелся громадный багровый шрам, на ногах были золотые туфли. Сложением девица отличалась безукоризненным.

– Ну что ж, входите, что ль! – сказала девица, уставив на буфетчика зеленые распутные глаза, и посторонилась.

Буфетчик закрыл глаза и шагнул в переднюю, причем шляпу снял. Тут же в передней зазвенел телефон. Голая, поставив одну ногу на стул, сняла трубку, сказала «алло». Буфетчик не знал, куда девать глаза, переминался с ноги на ногу, подумал: «Тьфу, пакость какая!» – и стал смотреть в сторону.

Вся передняя, как он в смятении, блуждая глазом, успел заметить, загромождена

На том стуле, на котором стояла нога девицы, наброшен был траурный плащ, подбитый огненно-красной материей. На подзеркальном столе лежала громадная шпага с золотой рукоятью, на вешалке висели береты с перьями.

– Да, – говорила обнаженная девица в телефон, – господин Воланд не будет сегодня выступать. Он не совсем здоров. До приятного свидания.

Тут она повесила трубку и обратилась к бедному буфетчику:

– Чем могу служить?

«Что же это такое они в квартирке устраивают?» – помыслил буфетчик и ответил, заикаясь:

– Мне необходимо видеть господина артиста Азazelло.

Девушка подняла брови.

– Так-таки его самого?

– Его, – ответил буфетчик.

– Спрошу, – сказала девица, – погодите, – и, приоткрыв дверь, почтительно сказала:

– Мессир, к вам пришел маленький человек.

– Пусть войдет, – отозвался тяжелый бас за дверями.

Девица тут куда-то исчезла, а буфетчик шагнул и оказался в гостиной. Окинув ее взглядом, он на время даже о червонцах забыл. Сквозь итальянские цветные стекла без вести пропавшей ювелирши Де-фужере лился якобы церковный, мягкий вечерний свет.

Это первое. Второе – буфетчик ощутил, что в громадной комнате пахнет ладаном, так что у него явилась мысль, что по Берлиозу служили церковную панихиду, каковую он тут же отринул как мысль дикую. К запаху ладана примешивался ряд других запахов. Пахло отчетливо жженой серой и, кроме того, жареной бараниной. Последний запах объяснялся просто. Потрясенный буфетчик увидел громаднейший старинный камин с низенькой решеткой. В камине тлели угли, а некий сидящий спиной и на корточках поворачивал над огнем шпагу с нанизанными на нее кусками...

– Нет, нет, – перебил он гостя, – ни слова больше! Ни в каком случае я в рот ничего не возьму в вашем буфете! Я, любезнейший, проходил мимо вашего буфета и до сих пор забыть не могу ни вашей осетрины, ни брынзы. Драгоценный мой! Брынза не бывает зеленого цвета! Да, а чай! Ведь это же помой! Я своими глазами видел, как какая-то неопрятная девица подливала в ваш громадный самовар сырую воду, а чай меж тем продолжали разливать. Нет, милейший, это невозможно!

– Я извиняюсь, – заговорил ошеломленный буфетчик, – я совсем не по этому делу! Осетрина тут ни при чем!

– Как же ни при чем, когда она тухлая! Да, но по какому же делу вы можете прийти ко мне, дружок? Из лиц, близких вам по профессии, я был знаком только с маркитанткой, и то мало. Впрочем, я рад. Фиелло! Стул господину заведующему буфетом.

Тот, который жарил баранину, повернулся, причем ужаснул буфетчика своими клыками, выложил баранину на блюдо и ловко подал буфетчику низенькую скамеечку. Других никаких сидений в комнате не было. Буфетчик молвил «покорнейше благодарю...», опустился на скамеечку. Скамеечка тотчас под буфетчиком развалилась, и он, охнув, треснулся задом об пол. Падая, он подшиб ногой вторую низенькую скамейку и с нее опрокинул себе на штаны полную чашу красного вина. Фиелло засуетился, хозяин воскликнул:

– Ай! Не ушиблись ли вы?

Фиелло бросил обломки в огонь, подставил откуда-то взявшуюся вторую скамейку. Буфетчик отказался от вежливого предложения хозяина снять штаны и высушить их у камина и, чувствуя себя невыносимо неудобно в мокром, сел с опаской.

– Я люблю сидеть низко, – заговорил хозяин, – с низкого не так опасно падать, а мебель теперь такая непрочная. Да, так вы говорите «осетрина»? Голубчик, продукт должен быть свежий. Да вот, кстати, неудобно ли, – прошу вас...

Тут в багровом свете, заходившем по комнате от весело разгоревшихся обломков, засверкала перед буфетчиком шпага, Фиелло выложил на тарелку шипящие куски.

– Покорнейше...

– Нет, нет, отведайте, – повелительно сказал хозяин и сам отправил в рот кусок, – Фиелло, лимону.

Буфетчик из вежливости положил кусок в рот и понял, что жует что-то действительно первоклассное.

– Прошу обратить внимание, – говорил хозяин, – каков продукт. А ломтик сала, – хозяин потыкал кончиком шпаги в тарелку, – тонкий ломтик! Он нежен в такой степени, что исчезнет немедленно, лишь только вы положите его в рот. Он оставляет ощущение мимолетного наслаждения, желания лимона, вина. стакан вина?

– Покорнейше... Я не пью...

– Напрасно, – сурово сказал хозяин, – а в карты играете? Быть может, партию в кости?

Буфетчик, мыча, отказался от игр и, поражаясь тому, какие чудные эти иностранцы, дожевал баранину.

– Я, изволите ли видеть, хотел вот что сказать, – заговорил он, чувствуя себя неловко под пристальным взглядом хозяина.

– Я – весь внимание, – поощрил тот гостя.

– Вчера двое молодых людей являются в буфет во время вашего сеанса и спрашивают два бутерброда. Дают червонец. Я разменял. Потом еще один.

– Молодой человек?

– Нет, пожилой. У того трехчервонная бумажка. Опять-таки я разменял. Потом еще двое. Всего дали 110 рублей. Сегодня утром считаю кассу, а вместо денег разная газета!

– Скажите! – воскликнул хозяин, – как же это так!

– А вы, изволите ли видеть, фокус вчера показывали, – стыдливо улыбаясь, объяснил буфетчик, – а они, стало быть, в буфет... и менять.

– Да неужели же они думали, что это бумажки настоящие? Какая наивность! Ведь я не допускаю мысли, чтобы они сделали это сознательно.

Буфетчик грустно улыбнулся, но ничего не сказал.

– Да неужели же они мошенники? Нет, скажите, ваше мнение, – тревожно пристал хозяин к гостю, – мошенники? В Москве есть мошенники? Это мне чрезвычайно интересно!

В ответ буфетчик так криво и горько улыбнулся, что всякие сомнения отлетели – в Москве есть мошенники.

– Это низко! – возмущенно воскликнул хозяин. – И я понимаю вас. Вы человек бедный... ведь вы человек бедный? А?

Буфетчик втянул голову в плечи, так что сразу стало видно, что он человек

– Сейчас мы это поправим, – заявил хозяин и позвал, – фагот!

На зов появился уже известный всем Коровьев. В одежде его были некоторые изменения: под пиджачок он надел белый жилет с громадным желтым пятном от пролитого соуса, а кроме того, нацепил на рваные ботинки белые грязные гетры, от чего стал еще гаже, чем был.

– Фагот, ты с какими бумажками вчера работал?

– Мессир! – взволнованно заговорил фагот-Коровьев, – землю буду есть, что бумажки настоящие.

– Но позволь: вот гражданин буфетчик утверждает...

– Позвольте глянуть, – ласково заговорил фагот и надел пенсне.

Буфетчик вынул из кармана пакет белой бумаги, развернул его и остолбенело уставился на Коровьева. В пакете лежало пять червонных купюр...

Буфетчик выпучил глаза.

– Настоящие, – сказал Коровьев.

– Якобы настоящие, – чуть слышно отозвался буфетчик.

Выражение необыкновенного благородства показалось на лице у Коровьева.

– Извольте видеть, мессир.

– Странно, странно, – сказал Воланд, – я надеюсь, вы не хотели подшутить над...

– Это было бы горько, – добавил Коровьев.

Буфетчик совершенно не помнил, как он попрощался и попрощался ли, и очнулся он только на лестнице.

Тут же на лестнице ухватился за лысую голову и убедился в том, что она без шляпы. Мучительно почему-то не хотелось возвращаться. Тем не менее буфетчик повернул и, чувствуя какой-то озноб, позвонил в странную квартиру. Дверь на цепочке приоткрылась, и опять показалось лицо обнаженной бесстыдницы.

– Вам что? – хрипло спросила она.

– Шляпочку я... – сказал буфетчик и потыкал себе пальцем в лысину.

Голая хихикнула, исчезла в тьме передней, через несколько секунд полная голая рука просунула в щель мятую рыжую шляпочку.

– Покорнейше благо... – пискнул буфетчик, но его не слушали, дверь закрылась, и тотчас за нею грянула музыка.

«Тьфу, окаянная квартира!» – подумал буфетчик и пошел вниз.

Он вынул бумажник, заглянул, вытащил сложенные червонцы и зашатался. В руках у него вновь оказались газетные куски. Тут буфетчик перекрестился. А перекрестившись, взвизгнул тихонько и присел. Шляпа на его голове мяукнула, вцепилась чем-то похожим на острые когти в лысину, затем прыгнула с головы, превратилась в рыжего кота и выскочила в форточку на площадке.

Даже самый храбрый не вынес бы такой штуки – буфетчик ударился бежать.

Он ничего не помнил, ничего не видел, ничего не соображал и отдышался только в переулке, в который попал неизвестно зачем и неизвестно как.

Потом он увидел себя в церковном дворе, немножко полегчало, решил кинуться в церковь. Так и сделал. В церкви получил облегчение. Осмотрелся и увидел на

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
амвоне стоящего знакомого, отца Аркадия Элладова. «Молебен отслужить!» – подумал
буфетчик и двинулся к отцу Аркадию. Но сделал только один шаг.

Отец Аркадий вдруг привычным профессиональным жестом поправил длинные волосы.....

МАРГАРИТА

Лишь только в Москве растаял и исчез снег, лишь только потянуло в форточки
гниловатым ветром весны, лишь только пронеслась первая гроза, Маргарита
Николаевна затосковала. По ночам ей стали сниться грозные и мутные воды,
затопляющие рощи. Ей стали сниться оголенные березы и беззвучная стая черных
грачей.

Но, что бы ей ни снилось: шипящий ли вал воды, бегущий в удивительные голые рощи
или печальные луга, холмы, меж которыми тонуло багровое солнце, один и тот же
человек являлся ей в сновидениях. При виде его Маргарита Николаевна начинала
задышаться от радости или бежала к нему навстречу по полю или же в легкой
лодочке из дубовой коры без весел, без усилий, без двигателя неслась к нему
навстречу по волне, которая поднималась от моря и постепенно заливала рощу.

Вода не растекалась. И это было удивительно приятно. Рядом лежало сухое
пространство, усеянное большими камнями, и можно было выскочить в любой момент
из лодки и прыгать с камня на камень, а затем опять броситься в лодку и по
желанию, то ускоряя, то замедляя волшебный ход, нестись к нему.

Он же всегда находился на сухом месте и никогда в воде. Лицо его слишком хорошо
знала Маргарита Николаевна, потому что сотни раз целовала его и знала, что не
забудет его, что бы ни случилось в ее жизни. Глаза его горели ненавистью, рот
кривился усмешкой. Но в том одеянии, в каком он появлялся между волн и валунов,
устремляясь навстречу ей в роще, она не видела его никогда.

Он был в черной от грязи и рваной ночной рубаше с засученными рукавами. В
разорванных брюках, непременно босой и с окровавленными руками, с головой
непокрытой.

От этого сердце Маргариты Николаевны падало, она начинала всхлипывать, гнала во
весь мах лодку, не поднимая ни гребня, ни пены, и подлетала к нему.

Она просыпалась разбитой, осунувшейся и, как ей казалось, старой. Поступала
одинаково: спускала ноги с кровати в туфли с красными помпонами, руки запускала
в стриженные волосы и ногтями царапала кожу, чтобы изгнать боль из сердца.

Сотни тысяч женщин в Москве, за это можно ручаться здоровьем, жизнью, если бы им
предложили занять то положение, которое занимала Маргарита Николаевна, в одну
минуту, не размышляя, не задумываясь, задыхаясь от волнения, бросились бы в
особняк на...и поселились, и сочли бы себя счастливейшими в мире.

.....лепестки и фотографию с печатью безжалостно сжечь в плите в кухне, листки
также, никогда не узнать, что было с Пилатом во время грозы.

И не надо! Не надо! Если она не отречется от него, то погибнет, без сомнений,
засохнет ее жизнь. А ей только тридцать лет.

Вот солнце опять вырезалось из облака и залило мосты, и засветились крыши в
Замоскворечье, и заиграли металлические гости. Надо жить и слушать музыку хотя
бы и такую противную, как похоронная.

– О, нет, – прошептала Маргарита, – я не мерзавка, я лишь бессильна. Поэтому
буду ненавидеть исподтишка весь мир, обману всех, но кончу жизнь в наслаждении.
Итак, слушаем музыку.

Музыка эта приближалась со стороны Москворецкого моста. С каждой секундой она становилась яснее. Играли марш Шопена. Первыми из-за обнаженных деревьев показались мальчишки, идущие задом, за ними конный милиционер, затем пешие милиционеры, затем человек пять с обнаженными головами и с венками в руках, затем большой оркестр и медленно ползущее сооружение красного цвета. Это был грузовик, зашитый окрашенными щитами. На нем стоял гроб, а по углам его четыре человека. Зоркая Маргарита Николаевна разглядела, что один из этих четырех был женщиной, и толстой при этом. За печальной колесницей, широко разлившись до самого парапета, медленно текла и довольно большая толпа.

«Кого это хоронят? Торжественно так?» – подумала Маргарита Николаевна, когда процессия продвинулась мимо нее и сзади потащились медленно около десятка автомобилей.

– Берлиоза Михаила Александровича, – раздался голос рядом.

Удивленная Маргарита Николаевна повернулась и увидела на той же скамейке гражданина. Трудно было сказать, откуда он взялся, только что никого не было. Очевидно, бесшумно подсел в то время, когда Маргарита Николаевна засмотрелась на покойника.

– Да, – продолжал гражданин, – много возни с покойником. И я бы сказал, совершенно излишней. Подумать только: голову ему пришлось пришивать. Протоколы составлять. А теперь по городу его, стало быть, будут возить! Сейчас, это значит, его в крематорий везут жечь. А из крематория опять тащи его к Новодевичьему монастырю. И к чему бы это? И веселого ничего нету, и сколько народу от дела отрывают! Клянусь отрезанной головой покойника, – без всякого перехода продолжал сосед, – у меня нет никакого желания приставать к вам. Так что вы уж не покидайте меня, пожалуйста, Маргарита Николаевна!

Изумленная Маргарита Николаевна, которая действительно поднималась уже, чтобы уйти от разговорчивого соседа, села и поглядела на него.

Тот оказался рыжим, маленького, роста, с лицом безобразным, одетым хорошо, в крахмальном белье.

– Вы меня знаете? – надменно прищуриваясь, спросила Маргарита Николаевна.

Вместо ответа рыжий вежливо поклонился, сняв шляпу.

«Глаза умные, рыжих люблю», – подумала Маргарита Николаевна и сказала:

– А я вас не знаю!

– А вы меня не знаете, – подтвердил рыжий и сверкнул зелеными глазами.

Опытная Маргарита Николаевна, к которой из-за ее красоты нередко приставали на улице, промолчала, не стала спрашивать и сделала вид, что смотрит в хвост процессии, уходящей на Каменный мост.

– Я не позволил бы себе заговорить с вами, Маргарита Николаевна, если бы у меня не было дела к вам.

Маргарита Николаевна неприятно вздрогнула и отшатнулась.

– Ах, нет, нет, – поспешил успокоить собеседник, – вам не угрожает никакой арест, я не агент, я и не уличный ловелас. Зовут меня Фиелло, фамилия эта вам ничего не скажет, ваше имя я узнал случайно, слышал, как вас называли в партере Большого театра. Поговорить же нам необходимо, и, поверьте, уважаемая Маргарита Николаевна, если бы вы не поговорили со мной, вы впоследствии раскаивались бы очень горько.

– Вы в этом уверены? – спросила Маргарита Николаевна.

– Совершенно уверен. Никакие мечтания об аэропланах не помогут, Маргарита Николаевна, а предчувствия нужно уважать.

Маргарита вновь вздрогнула и во все глаза поглядела на Фиелло.

– Итак, – сказал называющий себя Фиелло, – позвольте приступить к делу, но условимся ничему не удивляться, что бы я ни сказал.

– Хорошо, пожалуйста, – но уже без надменности ответила Маргарита Николаевна, растерялась, подумала о том, что, садясь на скамейку, забыла подмазать губы.

– Я прошу вас сегодня пожаловать в гости.

– В гости?.. Куда?

– К одному иностранцу.

Краска бросилась в лицо Маргарите Николаевне.

– Покорнейше вас благодарю, – заговорила она, – вы меня за кого принимаете?

– Принимал за умную женщину, – ответил Фиелло, – условились ведь...

– Новая порода: уличный сводник, – поднимаясь, сказала Маргарита Николаевна.

– Спасибо, покорнейше благодарю, – печально отозвался Фиелло, – и всегда мне такие поручения достаются. – И добавил раздраженно: – Дура!

– Мерзавец! – ответила Маргарита Николаевна, повернулась и пошла.

И тотчас услышала за собой голос Фиелло, но несколько изменившийся:

– «И вот, когда туча накрыла половину Ершалаима и пальмы тревожно закачали...» Так пропадите же вы пропадом в кладовке над вашими обгоревшими листками и засохшей розой. Мечтайте о том, как вы его унесете на аэроплане. Пропадайте пропадом.

Совершенно побелев лицом, Маргарита Николаевна повернулась к скамейке. Сверкая глазами, на нее со скамейки глядел Фиелло.

– Я ничего не понимаю, – хрипло, удушенно заговорила она, – про листки еще можно узнать... но аэроплан... – И страдальчески добавила: – Вы из ГПУ?

– Вот скука-то, – отозвался Фиелло, – все по нескольку раз нужно повторять. Сказал ведь раз: не агент. Ну, позвольте еще раз: не агент! Не агент! Достаточно? Сядьте!

Маргарита повиновалась и села.

– Кто вы такой? – шепнула она, с ужасом глядя на Фиелло.

– Фиелло, и кончено, – ответил тот. – Фиелло! Теперь слушайте... Приглашаю я вас к иностранцу...

– Вы мне не скажете, откуда вы узнали про листки и про мои мысли об аэроплане? – уже робко спросила Маргарита Николаевна.

– Не скажу, – ответил Фиелло, – но вы сами узнаете вскоре.

– А вы знаете о нем? – шепнула Маргарита.

– Знаю, – важно ответил Фиелло.

– Но поймите, поймите, – опять взволновалась Маргарита Николаевна, – я же должна знать, зачем вы меня влечете куда-то? Ведь согласитесь... вы не сердитесь... но когда на улице приглашают женщину... неизвестный человек... Хочу вам сказать... У меня нет предрассудков... поверьте... Но я никогда не вижу иностранцев, терпеть их не могу... и мой муж... то есть я своего мужа не люблю, но я не желаю портить ему карьеру. Он не сделал мне ничего злого...

Фиелло с видимым отвращением выслушал эту бессвязную речь и сказал сурово:

– Попрошу вас помолчать.

– Молчу, – робко отозвалась Маргарита Николаевна.

– Я вас приглашаю к иностранцу, во-первых, совершенно безопасному. Это раз. Два: никто решительно не будет знать, что вы у него были. Стало быть, на эту тему и разговаривать больше нечего.

– А зачем я ему понадобилась? – вкрадчиво вставила Маргарита Николаевна.

– Ну, уж этим я не интересовался.

– Понимаю... я должна ему отжаться, – сказала догадливая Маргарита Николаевна.

Фиелло надменно хмыкнул.

– Могу вас уверить, что любая женщина в мире мечтала бы о том, чтобы вступить с ним в связь, но я разочарую вас – этого не будет. Он совершенно не нуждается в вас.

– Ничего не понимаю, – прошептала Маргарита Николаевна и дрожащей рукой вынула футлярчик с губной помадой и лизнула губы. – А какой же мне интерес идти к нему? – спросила она.

Фиелло наклонился к ней и, сверля зелеными глазами, тихо сказал:

– Воспользуйтесь случаем... Гм... вы хотите что-нибудь узнать о нем?

– Хочу! – сильно ответила Маргарита Николаевна.

– А повидать его? – еще тише и искушающе шепнул Фиелло.

– Как! Но как? – зашептала Маргарита и вдруг вцепилась в рукав пальто Фиелло.

– Попросите: может, чего и выйдет, – сквозь зубы многозначительно сказал Фиелло.

– Еду! – сказала Маргарита.

Фиелло с удовлетворением откинулся на скамейке.

– Трудный народ эти женщины, – заговорил он иронически, – и потом, что это за мода поваров посылать. Пусть бы бегемот и ездил, он обаятельный.

«Час от часу не легче», – подумала Маргарита Николаевна и спросила, криво усмехаясь:

– Перестаньте меня мистифицировать и мучить... Я ведь несчастный человек, а вы меня поразили. Вы – повар?

– Без драм, – сухо сказал Фиелло, – повар там, не повар. Внучате надавать по роже в уборной это просто, но с дамами разговаривать, покорный слуга. Еще раз попрошу внимания и без удивлений, а то меня тоска охватывает.

Но приведенная к повиновению Маргарита и не собиралась выражать изумление, противоречить, лишь во все глаза смотрела на Фиелло.

– Первым делом о помаде, – заговорил Фиелло и вдруг вынул из кармана золотой футлярчик, – получайте, – затем вынул золотую же плоскую и круглую коробку и тоже вручил Маргарите. – Это крем. Вы порядочно постарели за последнее время, Маргарита Николаевна...

«О, рыжая сволочь!» – про себя сказала Маргарита, но вслух ничего не осмелилась произнести.

– Ровно в десять с половиной вечера, – строго глядя, заговорил Фиелло, – благоволите намазать губы помадой, а тело этим кремом. Кожа у вас станет белой, нежной, как девическая, вы не узнаете себя, затем одевайтесь, как вам нравится – это все равно, – и ждите у себя. За вами приедут, вас отправят, вас доставят. Ни о чем не думайте.

«В какую это я историю лезу?» – с ужасом думала Маргарита.

– Ба! Гляньте! Ах, какой город оригинальный, – вдруг воскликнул Фиелло и пальцем указал на Каменный мост.

Маргарита Николаевна глянула туда и рот раскрыла. По набережной, стыдливо припадая к парапету, впритруску бежал исступленный человек, совершенно голый, а за ним, тревожно посвистывая, шла милиция. Потом сбежалась оживленная толпа и скрыла голого.

Когда она повернулась к Фиелло, того не было. Можно было поклясться, что он растаял в сиянии весеннего дня.

Маргарита поднесла руки к голове, как человек, который от изумления сходит с ума. В руках у нее были золотые коробки...

ГУБНАЯ ПОМАДА И КРЕМ

С наступлением весны по вечерам один и тот же вальс стал взмывать в переулке. Где-то, как казалось Маргарите Николаевне, на четвертом этаже, его играл какой-то хороший пианист. От этого вальса то тревожно вспухало сердце, то съезживалось и вздрагивало, и Маргарита Николаевна назвала его вальсом предчувствий. Чтобы впустить его в комнаты, Маргарита начала открывать форточки. Но очень скоро потеплело, и окно открылось настезь.

Сейчас время подходило к назначенной половине одиннадцатого. Комната Маргариты сияла. В раскрытом настезь трехстворчатом зеркале туалета миллионы раз отражались огни трехсвечий. Под потолком горел яркий фонарь, у постели лампочка в колпачке. Паркет лоснился, на туалете сверкал каждый излом на флаконах. Сладкий ветер задувал чуть-чуть из лунного сада, шевелил шелковую шторку.

Полнейший беспорядок был в комнате. Маргарита Николаевна выгрузила из шкафа груды сорочек и разбросала их, стараясь выбрать наилучшую. Снятое с себя белье она бросила на пол. В пепельнице дымил непотушенный окурочок. В окне гремел вальс.

Голова Маргариты круто завита широкими волнами, потому что, несмотря на удивление и ужас, вызванный встречей с загадочным Фиелло, Маргарита Николаевна от Каменного моста немедленно бросилась в центр города и побывала у парикмахера.

Маргарита Николаевна сидела обнаженная, набросив на себя лишь косматый купальный халат, на ноги надев черные замшевые туфли со стальными блестящими четырехугольными пряжками.

Она смотрела на раскрытые маленькие часы, лежащие на туалете, а с них переводила взор на две золотые коробки.

Самая длинная из стрелок наконец подошла и упала на нижнюю цифру «6». И тут же секунда в секунду Маргарита Николаевна взялась за первую коробку поменьше и открыла ее. Там оказалась красная как кровь густая помада. Маргарита понюхала ее – помада не пахла ничем. Маргарита пальцем взяла мазок из коробочки и смазала губы, взглянула в зеркало. Величайшее изменение ее лица тотчас же показало зеркало среди бесчисленных отраженных огней. Тонкая морщинка, перерезавшая лоб с тех пор, как он покинул Москву, и отравляющая жизнь Маргарите, исчезла. Пропали и желтенькие тени у висков, позеленели глаза, а кожа на щеках налилась ровным розоватым цветом.

Увидев все это, Маргарита прежде всего буйно захохотала, как бы отозвавшись ей, ударил по клавишам там, в четвертом этаже, музыкант, дунул ветер, вспузырил желтую штору. Тут Маргарите показалось, что она закипела внутри от радости, она сбросила халат, ей захотелось выкинуть какую-нибудь штуку... «И чтоб небу жарко

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru стало!» – воскликнула она.

Отбросив штору в сторону, она легла грудью на подоконник, и тотчас луна осветила ее. Ей повезло в смысле шутки. Немедленно хлопнула дверь, ведущая в сад особняка, и на кирпичной дорожке появился добрый знакомый Николай Иванович, проживающий в верхнем этаже. Он возвращался с портфелем под мышкой. Чувствуя, что продолжает кипеть, Маргарита Николаевна окликнула его:

– Здравствуйте, Николай Иванович!

Николай Иванович ничего не ответил, прикипев на дорожке к месту.

– Вы болван, Николай Иванович, – продолжала Маргарита, – скучный тип. И портфель у вас какой-то истасканный, и вообще вы мне все в такой степени надоели, что видеть вас больше не могу. Улетаю от вас. Ну, чего вы вытаращили глаза?

И Маргарита скрылась за занавеской, чувствуя, что шутка удалась на славу. Она, лихорадочно смеясь, приступила к крему. Жирный, желтоватый, обольстительный, пахнущий болотом, крем легко втирался в кожу. Маргарита начала с лица, затем втерла крем в живот, спину, руки и приступила к ногам. Кожа ее загорелась, стало тепло, как в меху, и тело вдруг потеряло вес. Маргарита вдруг прыгнула и легко переместилась на аршин над паркетом через всю комнату. Это ей понравилось, и опять она рассмеялась. Тут зазвенел аппарат на столике. Маргарита подлетела к нему и, вися в воздухе, подхватила трубку.

– Я – фиелло! – радостно, празднично сказал голос, – вылетайте – и прямо на реку. Вас ждут!

– Да, да, – вскричала Маргарита и швырнула трубку не на рычаг, а на кровать, захлопала в ладоши.

В дверь тут кто-то стал ломиться. Маргарита открыла, и желтая половая щетка, пританцовывая, вкатилась в спальню.

– На реку! – вскричала Маргарита и, оседлав щетку, вцепившись в густой волос, как в гриву, сделала для пробы круг по комнате.

– Батюшки! – бормотала Маргарита, – одежонку надо хоть какую-нибудь захватить!

Но щетка рвалась, лягаясь, в окно, и Маргарита успела вцепиться только в панталоны, которые и увлекла за собой на подоконник.

Первое, что бросилось в глаза Маргарите, это фигура Николая Ивановича, который так и не ушел и явно прислушивался к стуку и грохоту, доносящемуся из спальни.

Щетка спрыгнула с окна и поднесла Маргариту к изумленному Николаю Ивановичу. Маргарита свистнула весело и с размаху надела розовые панталоны на голову Николаю Ивановичу. Тот тихо визгнул и сел наземь.

И Маргарита взвилась над городом, оставив сзади себя освещенный луной сад, пылающее окно спальни с сорванной шторой, и вслед ей с грохотом полетел буйный вальс.

Вынырнув из переулка, Маргарита пересекла Сивцев Вражек и устремилась в другой переулок.

Первое, что она осознала, это что полет представляет такое наслаждение, которое ни с чем в мире сравнить нельзя. Второе, что нельзя мечтать, потому что, влетев в переулок, она едва не разбилась о старый газовый фонарь.

Охнув, Маргарита увернулась, но поняла, что нужно сдержать ход, и полетела медленно, избегая электрических проводов, фонарей и опасных вывесок.

Через мгновение она овладела пространством, а щетка слушалась малейшего движения или окрика. Тогда Маргариту заняла мысль о том, видят ли ее в городе. Но так как никто из прохожих не задирает головы и не поражался, она поняла, что она невидима. Тут радость птицы окончательно овладела ею и ей захотелось буйствовать.

Летела она медленно, аккуратно проскальзывая над проводами, и вылетела на Арбат, который встретил ее воем машин, визгом трамваев, верчением миллионов огней.

Первое, что сделала Маргарита на Арбате, это концом щетки разбила светящийся семафор, показывающий предельную скорость – тридцать километров, и с наслаждением захохотала, видя, как шарахнулись в разные стороны прохожие на тротуарах. Уже на Арбате Маргарита сообразила, что этот город, в котором она вынесла такие страдания в последние полтора года, по сути дела, в ее власти теперь, что она может отомстить ему, как сумеет. Вернее, не город приводил ее в состояние веселого бешенства, а люди. Они лезли отовсюду, из всех щелей. Они высыпались из дверей поздних магазинов, витрины которых были украшены деревянными разрисованными окороками и колбасами, они хлопали дверьми, входя в кинематографы, толклись на мостовой, торчали во всех раскрытых окнах, они зажигали примусы в кухнях, играли на разбитых фортепиано, дрались на перекрестках, давили друг друга в трамваях.

Сверху Маргарите те, кто находились непосредственно под нею, казались безногими. «У, саранча!» – прошипела Маргарита и пошла самым медленным лётком. Ей вдосталь хотелось насладиться ненавистью, и она влетела осторожно в темную подворотню, а затем во двор и там поднялась к окнам четвертого этажа. Окно смрадной кухни было открыто настежь, и Маргарита влетела в него, согнув голову под сырой сорочкой, висевшей на веревке.

На плите ревели два примуса, и две женщины вели разговор между собой, стоя у синих бешеных огней.

– Вы, Пелагея Павловна, – с грустью сказала одна, – при старом режиме были такой же стервой, как и теперь.

– В суд подам на тебя, проститутка, – отвечала вторая, помешивая кашу в кастрюле.

Маргарита Николаевна поднялась повыше и плюнула в кашу Пелагеи Павловны.

В ту же секунду Пелагея Павловна вцепилась в волосы второй, и та испустила веселый крик «Караул!».

В следующие мгновения в кухню вбежал мужчина в ночной рубашке с болтающимися по штанам подтяжками.

– Жену бить! – вскричал он страдальчески, – жену, – повторил он так страшно, что зазвенела посуда на полке.

Маргарита Николаевна сверху ткнула его каблуком туфельки в зубы, от чего он на секунду умолк, но уже в следующую секунду ринулся на Пелагею Павловну, но оказался в объятиях другого мужчины, вырвавшегося из какой-то дверушки. Сцепившись с ним тесно, он клубком покатился по полу кухни, издавая рычание. Маргарита вылила на катающихся ведро жидких помоев, развинтила кран в раковине, от чего с гулом водопада понеслась вода, и вылетела в окно. Когда она поднималась, чтобы через крыши лететь дальше, слышала несущийся ей вслед визг, бой стеклянной посуды и веселый в подворотне дворницкий свист.

На крыше Маргарита Николаевна сломала радиомачту, перевалила в соседний двор, влетела, снизившись, в парадный подъезд, увидела щит на стене, концом щетки перебила какие-то фарфоровые белые штучки, от чего весь дом внезапно погрузился во тьму.

На Арбате Маргарита забавлялась тем, что сшибала кепки с прохожих, летя над самыми головами, вследствие чего в двух местах произошла драка. Откинув дугу трамвая № 4, от чего тот погас и остановился, Маргарита покинула Арбат и повернула в Плотников переулочек. Здесь...

– Я извиняюсь, обознался, – пробормотал он и исчез.

Обсохнув, Маргарита на щетке перелетела на противоположный плоский берег.

Тут зудящая музыка послышалась ясно. На лужайке под группой дубков шло веселье, но, видимо, уже к концу, и компания была разнообразная. Под дубками весело плясали после купания четыре ведьмы и один козлоногий, вроде того толстяка. Зудящая музыка исходила от толстомордых лягушек, которые, подвесив кусочки светящихся гнилушек на согнутые ивовые прутья, играли на дудочках. В стороне горел костер. Неподалеку от него стояли две открытые машины марки «Линкольн», и на шоферском месте первым сидел здоровенный грач в клеенчатой фуражке. Знакомый боров, сдвинув кепку на затылок, пристроился к плетенке с провизией и уписывал бутерброды с семгой. Он жевал, но с драгоценным своим портфелем не расставался.

Багровые отсветы танцевали на животах голых ведьм, гнилушки освещали раздутые морды лягушек, от реки доносились последние всплески запоздавших.

Маргарита, неся щетку, подошла в тот момент, когда грач рассказывал борову о том, как ловко он угнал от «Метрополя» две машины. Грач показывал, как швейцар метался и кричал: «На помощь!»

Появление Маргариты произвело большое впечатление. Танец прекратился, и ведьмы стали всматриваться...

Наконец та самая Клодиночка подошла к Маргарите и спросила ее, откуда она и кто такая.

– Я – Маргарита, – ответила Маргарита и воткнула щетку в землю.

Эти слова произвели необыкновенный эффект. Грач взял под козырек, боров снял кепку, а ведьмы защебетали, стали обнимать Маргариту, лягушки сыграли пискливый туш.

– Вот она! Вот она! А мы-то интересовались уже, где же вы. Мы думали, что вы купаетесь на другой реке.

Маргариту стали угощать. Боров предложил бутерброд с семгой, который он только что надкусил, за что Клодиночка ударила его по морде. Высунулось из кустов какое-то рыло с коровьими рогами и тоже выпятилось на Маргариту.

Тут все вдруг заспешили, стали из-под рук смотреть на месяц, закричали: «Пора! В Москву!»

Лягушки прекратили музыку. Решено было всем, чтобы не было скучно и не разбивать компанию, лететь в столицу в двух машинах. Боров в особенности хлопотал об этом. С хохотом и визгом набились две машины, погрузили туда метлы, ухваты, в качестве шофера во вторую машину уселся козлоногий толстяк, который принял Маргариту за Маньку. И уже собрались тронуться, как произошел инцидент. Из-за деревьев высунулась темная фигура, приседая от удивления, вышла на середину поляны и – в дрожащем освещении догорающего костра – оказалась мужиком, который неизвестно как ночью залез на пустынную реку. Мужик остолбенел, увидевши автомобили с пассажирами. Занес руку ко лбу.

«Только перекрестись! – каркнул грач, – я тебе – перекрещусь!»

В машинах заулюлюкали.

Грач заорал:

– Держи его!

Мужик, прыгая как заяц, кинулся, очевидно, обезумев, не разбирая дороги, и слышно было, как влетел в реку.

В машинах разразились хохотом, затем зажужжали моторы, машины рванулись по лугу, поднялись в воздух.

Когда Маргарита, сдавленная со всех сторон нежными объятиями голых ведьм, обернулась, ей в последний раз тускло блеснула печальная неизвестная река и меловой лунный утес.

ШАБАШ

Лишь только показалось вдали розовое зарево, возвещающее Москву, как компания села на земле в поле. Выскочили, разобрали ухваты, Клодина села на борова, а шоферы, поставив машины, выскочили из сидений. Первый «Линкольн» устремился в чистое поле, запрыгал по буеракам, наконец, влетел в овраг, перевернулся и загорелся, а второй полетел по шоссе, и слышно было, как он врезался в какую-то встречную машину. Блеснули тревожные огни, затем смешались, что-то вспыхнуло и долетели вопли. Грач и козлоногий долго хохотали, катаясь по траве, а затем компания устремилась ввысь и, невидимая, влетела в пылающий светом город. Высадились на крыше громадного дома на Садовой улице и один за другим погрузились в трубу. Маргарита с ужасом и весельем спускалась по трубе, глотая горький запах сажи. Чем ниже, тем яснее до нее доносились звуки оркестра, а когда она оказалась в пустом камине и выскочила в комнату без единого пятна на теле, ее оглушил гром труб и ослепил свет.

Хохот, радостные приветствия огласили комнату. Пошли объятия и поцелуи. Слово «Маргарита!» загремело в воздухе. Из-под земли вырос старый знакомый фиелло и, почтительно сняв поварской колпак, осведомился у Маргариты, хорошо ли долетела госпожа. Откуда-то и у кого-то появился в руках бокал с шампанским, и Маргарита жадно выпила холодную жидкость. В ту же минуту кровь ее вскипела пузырьками и ей стало весело. Кто-то во фраке представился и поцеловал руку, вылетела рыженькая обольстительная девчонка лет семнадцати и повисла на шее у Маргариты и прижалась так, что у той захватило дух. Кто-то поручил себя покровительству, кто-то слово просил замолвить.

9/ХІ.33.

Маргарита хохотала, целовалась, что-то обещала, пила еще шампанское и, опьянев, повалилась на диван и осмотрелась. Она сразу поняла, что вокруг нее непринужденное веселье и, кроме того, общество смешанное и толчая ужасающая.

В комнате – бывшем кабинете Берлиоза – все было вверх дном. На каминной полке сидела сова. Груды льда лежали в серебряных лоханях, а между сверкающими глыбами торчали горлышки бутылок. Письменный стол исчез, вместо него была навалена груда подушек, и на подушках, раскинувшись, лежал голый кудрявый мальчик, а на нем сидела верхом, нежилась ведьма с болтающимися в ушах серьгами и забавлялась тем, что, наклонив семисвечие, капала мальчику стеарином на живот. Тот вскрикивал и щипал ведьму, оба хохотали как исступленные. У горящего камина что-то шипело и щелкало – фиелло жарил миндаль, и двое в багровом столбе пламени пили водку. Один был в безукоризненном фракном одеянии, а другой в одних подштанниках и в носках, через минуту к пьющим присоединился боров, но голая девчонка украла у него из-под мышки портфель, и боров, недопив стопки, взревев, кинулся отнимать.

В раскрытые двери виднелись скачущие в яростной польке пары. Там полыхало светом, как на пожаре. Горели люстры, на стенах пылали кенкеты со свечами, кроме того, столбами ходил красный свет из камина. От грохота труб тряслись стекла за шторами.

Гроздья винограду появились перед Маргаритой на столике, и она расхохоталась – ножкой вазы служил золотой фаллос. Хохоча, Маргарита тронула его, и он ожил в ее руке. Заливаясь хохотом и отплевываясь, Маргарита отдернула руку. Тут подсели с двух сторон. Один мохнатый с горящими глазами прильнул к левому уху и зашептал обольстительные непристойности, другой – фракник – привалился к правому боку и стал нежно обнимать за талию. Девчонка уселась на корточки перед Маргаритой, начала целовать ее колени.

– Ах, весело! Ах, весело! – кричала Маргарита. – И все забудешь. Молчите, болван! – говорила она тому, который шептал, и зажимала ему горячий рот, но в то

Но тут вдруг на каминных часах прозвенел один удар – половина двенадцатого – и разом смолкла музыка в зале и остановились пары. И тотчас меж расступившихся прошел фагот-Коровьев, все в том же кургузом пиджачке и своих поганых гетрах.

11/ХІ.33.

Но несмотря на его неприглядный вид, толпа расступилась, и Коровьев подошел к Маргарите, по обыкновению слегка валяя дурака.

Приветствовал, выкинув какую-то штучку пальцами, взял под руку и повел через зал. Но тон Коровьева, когда он, наклонившись к уху Маргариты, зашептал гнусаво, был чрезвычайно серьезен.

– Поцелуйте руку, назовите его «мессир», отвечайте только на вопросы и сами вопросов не задавайте.

После бальных огней Маргарите показалось, что темноватая пещера глянула на нее. Некто в фиолетовом наряде откинул алебарду и пропустил в кабинет.

В камине тлели угольки, на столике горели семь восковых свечей в золотом семисвечнике, и в теплом их свете Маргарита рассмотрела гигантскую кровать на золотых ногах, тяжелые медвежьи шкуры на полу и шахматную доску. Пахло острыми лекарствами, густым розовым маслом. На постели на шелковых скомканных простынях сидел тот самый, что в час заката вышел на Патриаршие Пруды. На нем был зеленый засаленный и с заплатой на локте халат, из-под которого виднелась грязная ночная сорочка, на голых ногах истоптанные ночные туфли с изъеденной меховой оторочкой, на пальцах тяжелые перстни. Ночной горшок помещался у кровати. Одну ногу сидящий откинул, и голая ведьма, покраснев от натуги, натирала колено черной мазью, от которой по всей комнате распространялся удушливый запах серы.

За спиной Маргарита чувствовала, как толпа гостей бесшумно вваливается в кабинет, размещается. Настало молчание.

Сидящий в этот момент стукнул золотой фигуркой по доске и молвил:

– Играешь, Бегемот, безобразно.

– Я, мессир, – почтительно и сконфуженно отозвался партнер, здоровяк черный котище, – просчитался. На меня здешний климат неблагоприятно действует.

– Климат здесь ни при чем, – сказал сидящий, – просто ты шахматный сапожник.

Кот хихикнул льстиво и наклонил своего короля.

Тут сидящий поднял взор на Маргариту и та замерла. Нестерпимо колючий левый глаз глядел на нее, и свечные огни горели в нем, а правый был мертв. Ведьма отскочила в сторону со своим черным варевом.

– Мессир, – тонко заговорил Коровьев у плеча Маргариты, – разрешите представить вам Маргариту.

– А, достали? Хорошо, – ответил сидящий, – подойдите.

Маргарита почувствовала, как Коровьев предостерегающе толкнул ее в бок, и сделала шаг вперед.

Сидящий протянул ей руку. Маргарита, вдруг догадавшись, кто такой перед нею, побледнела и, наклонившись, поцеловала холодные кольца на пальцах.

Глаз опять впился в нее, и Маргарита опустила веки, не в силах будучи вынести его.

– Вы меня извините, госпожа, за то, что я принимаю вас в таком виде, – и сидящий махнул рукой на голую свою натертую ногу, на горшок и шахматы, – нездоров. Отвратительный климат в вашем городе, то солнышко, то сырость, холод... А?

- Честь, честь, – тревожно шепнул в ухо Коровьев.
- Это... – начала Маргарита глухо.
- Великая, – свистнул Коровьев.
- Это великая честь для меня, – выговорила Маргарита и вдохновенно добавила, – государь мой.

«О,

...головой, слепой и неуверенной походкой, он подошел к ложу.

- Узнаешь меня, Иванушка? – спросил сидящий.

Иванушка Бездомный повернул слепую голову на голос.

- Узнаю, – слабо ответил он и поник головой.
- И веришь ли, что я говорил с Понтием Пилатом?
- Верую.
- Что же ты хочешь, Иванушка? – спросил сидящий.
- Хочу увидеть Иешуа Га-Ноцри, – ответил мертвый, – ты открой мне глаза.
- В иных землях, в иных царствах будешь ходить по полям слепым и прислушиваться. Тысячу раз услышишь, как молчание сменяется шумом половодья, как весной кричат птицы, и воспоешь их, слепенький, в стихах, а на тысячу первый раз, в субботнюю ночь, я открою тебе глаза. Тогда увидишь его. Уйди в свои поля.

И слепой стал прозрачен, потом и вовсе исчез.

Маргарита, прижавшись щекой к холодному колену, не отрываясь, смотрела.

12/ХІ.33.

Над столом сгустился туман, а когда он рассеялся, на блюде оказалась мертвая голова с косым шрамом от левого виска через нос на правую щеку и с кольцом лохматым в запекшейся крови на шее.....

ответил бывший администратор.

Вечер 12/ХІ.33.

- Да-с, а курьершу все-таки грызть не следовало, – назидательно ответил хозяин.
- Виноват, – сказал Внучата.
- В уважение к вашему административному опыту я назначаю вас центурионом вампиров.

Внучата стал на одно колено и руку Воланда сочно поцеловал, после чего, отступая задом, вмешался в толпу придворных.

- Ну-с, кажется, и все московские покойники? Завтра об эту пору их будет гораздо больше, я подозреваю.
- Виноват, мессир, – доложил Коровьев, изгибаясь, – в городе имеется один человек, который, надо полагать, стремится стать покойником вне очереди.
- Кто такой?
- Некий гражданин по фамилии фон-Майзен. Называет он себя бывшим бароном.

– Почему бывшим?

– Титул обременял его, – докладывал Коровьев, – и в настоящее время барон чувствует себя без него свободнее.

– Ага.

– Он звонил сегодня по телефону к вам и выражал восторг по поводу вашего вчерашнего выступления в театре и, когда узнал, что у вас сегодня вечер, выразил весьма умильно желание присутствовать на нем.

– Воистину это верх безрассудства, – философски заметил хозяин.

– Я того же мнения, – отозвался Коровьев и загадочно хихикнул.

Такое же хихиканье послышалось в толпе придворных.

– Когда он будет?

– Он будет сию минуту, мессир, я слышу, как он топает лакированными туфлями в подъезде.

– Потрудитесь приготовить все, я приму его, – распорядился хозяин.

Коровьев щелкнул пальцами, и тотчас кровать исчезла, и комната преобразилась в гостиную. Сам хозяин оказался сидящим в кресле, а Маргарита увидела, что она уже в открытом платье и сидит она на диванчике, и пианино заиграло что-то сладенькое в соседней комнате, а гости оказались и в смокингах и во фраках, и на парадном ходе раздался короткий, как будто предсмертный звонок.

13/ХІ.33.

Через мгновение бывший барон, улыбаясь, раскланивался направо и налево, показывая большой опыт в этом деле. Чистенький смокинг сидел на бароне очень хорошо, и, как верно угадал музыкальный Коровьев, он поскрипывал лакированными туфлями.

Барон приложился к руке той самой рыжей, которая в голом виде встречала буфетчика, а сейчас была в платье, шаркнул ногой одному, другому и долго жал руку хозяину квартиры. Тут он повернулся, ища, с кем бы еще поздороваться, и тут необыкновенные глазки барона, вечно полуприкрытые серыми веками, встретили Маргариту. Коровьев вывернулся из-за спины барона и пискнул:

– Позвольте вас познакомить...

– О, мы знакомы! – воскликнул барон, впиваясь глазами в Маргариту.

И точно: барон Маргарите был известен; она видела его раза три в Большом театре на балете. Даже, помнится, разговаривала с ним в курилке.

Маргарита почувствовала поцелуй в руку, а душа ее наполнилась тревожным любопытством. Ей показалось, что что-то сейчас произойдет, и очень страшное.

Барон же уселся и завертел головой направо и налево, готовый разговаривать с полным непринужденней. И, однако, одного внимательного взгляда достаточно было, чтобы убедиться, что барон чувствует

14/ХІ.33.

величайшее изумление. И поразили его две вещи: во-первых, резкий запах жженой серы в гостиной, а главным образом, вид Коровьева. В самом деле! Среди лиц во фраках и смокингах и приличных хотя бы по первому взгляду дам поместился тип, который мог кого угодно сбить с панталыку. Одни гетры при кургузом пиджаке и пятно на животе чего стоили! Как ни гасил мышинный блеск своих бегающих глаз

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru барон, он не мог скрыть того, что мучительно старается понять, кто такой Коровьев и как он попал к иностранцу.

А Коровьев именно и завел дружелюбную беседу с напросившимся гостем, и первым долгом осведомился о погоде. Барона погода удовлетворяла, но Коровьев поражал все больше, и диковато поглядывал из-под опущенных век барон на расколотое пенсне.

Кроме того, барона привело в смущение молчание самого хозяина. Барон похвалил вчерашний спектакль, а хозяин хоть бы звук в ответ.

15/ХІ.33.

Но вместо этого Коровьев затруднил гостя вопросом о том, как здоровье деток, в то время как деток никогда у барона не было. Смущение разлилось по лицу барона и даже начинало граничить с тревогой. Лица, находящиеся в комнате, все более казались барону странными. Так, рядом уселась декольтированная дама, но на шее у этой дамы была рваная громадная и только что, по-видимому, зажившая рана, которая заставила чувственного барона содрогнуться. Дальше хуже: повернувшись, барон увидел, что рядом с ним уселся законченный фрачник, на котором не хватало только одного, но самого, пожалуй, существенного – сапог. Фрачник был бос. Тут уж барон просто вылупил глаза. И закрыть их ему при жизни уже более не пришлось.

16/ХІ.33.

– Вас, барон, как я вижу, – вдруг произнес хозяин, – удивляют мои гости? Да, не скрою и не стану отрицать, они оригиналы, но поверьте, вы изумляете их не меньше, чем они вас. Итак, милый барон, скажите.....

Внутри Маргариты оборвалось что-то, но ужаса она не испытала, а скорее чувство жутковатого веселья. Впервые при ней с таким искусством и хладнокровием зарезали человека.

30/ХІІ.33.

Труп барона поехал вбок, но его подхватили ловкие руки, и кровь из горла хлынула в подставленную золотую чашу. И тут же в комнате начала бить полночь, и еще раз все преобра.....

4/1.34.

– Верни мне моего любовника, государь, – попросила Маргарита.

Воланд вопросительно повернул голову к Коровьеву. Тот что-то пошептал на ухо Воланду. Еще несколько секунд не сводил тяжелых глаз Воланд с Маргариты, а потом сказал:

– Сейчас будет сделано.

Вскрикнув от радости, Маргарита припала к тяжелым сапогам со звездными шпорами и стала целовать черную кожу и отвороты, задыхаясь, не будучи в состоянии произносить слова.

– Я никак не ожидал, чтобы в этом городе могла существовать истинная любовь, – сказал хозяин. – А за...

– Он написал книгу о Иешуа Га-Ноцри, – ответила Маргарита.

Великий интерес выразился в глазах Воланда, и опять что-то зашептал ему на ухо Коровьев.

– Нет, право, это черед сюрпризов, – заметил хозяин, но слов своих не объяснил.

6/1.34.

– Да, да, верните его, – умильно попросила Коровьева Маргарита.

– Нет, это не по его части, – отозвался хозяин дома, – это дело Фиелло.

И Фиелло получил приказ, но разобрать его Маргарита не могла, так как он был отдан шепотом.

Тут фие.....

...гостей хозяина.

Ватная мужская стеганая кацавейка была на нем. Солдатские штаны, грубые высокие сапоги.

Утро 7/1.34.

Весь в грязи, руки изранены, лицо заросло рыжеватой щетиной. Человек, щурясь от яркого света люстр, вздрагивал, озирался, глаза его светились тревожно и страдальчески.

Маргарита, узнав хорошо знакомый рыжеватый вихор и зеленоватые эти глаза, приподнялась и с воплем повисла на шее у приехавшего. Тот сморщился, но подавил в себе волнение, не заплакал, механически обнимая за плечи Маргариту.

В комнате наступило молчание, которое было прервано словами хозяина дома, обращенными к Фиелло:

– Надеюсь, вы никого не застрелили?

– Обращайтесь к коту, мессир, – отозвался Фиелло.

Хозяин перевел взгляд на кота. Тот раздулся от важности и похлопал по кобуре лапой.

– Ах, Бегемот, – сказал хозяин, – и зачем тебя выучили стрелять! Ты слишком скор на руку.

– Ну, не я один, сир, – ответил кот.

Затем хозяин обратил свой взор на прибывшего. Тот снял руки с плеч Маргариты.

– Вы знаете, кто я? – спросил его хозяин.

– Я, – ответил привезенный, – догадываюсь, но это так странно, так непонятно, что я боюсь сойти с ума.

Голос привезенного был грубоват и хрипл.

– О, только не это. Ум берегите пуще всего, – ответил хозяин и, повернувшись к Маргарите, сказал:

– Ну что ж... Благодарю вас за то, что посетили меня. Я не хочу вас задерживать. Уезжайте с ним. Я одобряю ваш выбор. Мне нравится этот непокорный вихор, а также зеленые глаза. Благодарю вас.

– Но куда же, куда я денусь с ним? – робко и жалобно спросила Маргарита.

С обеих сторон зашептали в уши хозяину; слева – Фиелло, справа – Коровьев.

– Да выбросьте вы его к чертовой матери, – сказал хозяин, – так, чтобы и духом его не пахло, вместе с его вещами... а впрочем, дайте мне его сюда.

И тотчас неизвестный человек свалился как бы с потолка в залу. Был он в одних подштанниках и рубашке, явно поднятый с теплой постели, почему-то с кепкой на

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
голове и с чемоданом в руках. Человек в ужасе озирался, и было видно, что он
близок к умопомешательству.

– Понковский? – спросил хозяин.

– Понковский, так точно, – ответил, трясась, человек.

– Это вы, молодой человек, – заговорил хозяин, /потому/ что человеку с чемоданом
было лет сорок, – написали, что он, – хозяин кивнул на вихор и зеленые глаза, –
сочиняет роман?

– Я-с, – ответил человек с чемоданом, мертвея.

– А теперь в квартире его проживаете? – прищурясь, спросил хозяин.

– Да-с, – плаксиво ответил человек.

– Это что же за хамство такое? – сурово спросил хозяин, а затем добавил
рассеянно: – Пошел вон!

И тотчас Понковский исчез бесследно.

– Квартира ваша таперича свободна, – ласково заговорил Коровьев, – гражданин
Понковский уехали во Владивосток.

Тут качнулся светло-рыжий вихор, глаза тревожно обратились к хозяину.

– Я, – заговорил поэт, покачнулся от слабости, ухватился за плечо Маргариты, – я
предупреждаю, что у меня нет паспорта, что меня схватят сейчас же... Все это
безумие... Что будет с нею?

Сидящий внимательно поглядел на поэта и приказал:

– Дайте гостю водки, он ослабел, тревожен, болен.

Руки протянулись к поэту со всех сторон, и он отпил из стакана. Его заросшее
лицо порозовело.

– Паспорт, – повторил он упрямо и безумно.

– Бедняга, – сочувственно произнес хозяин и покачал головой, – ну дайте ему
паспорт, если уж он так хочет.

Коровьев, все так же сладко улыбаясь, протянул поэту маленькую книжечку, и тот,
тревожно косясь в пол, спрятал ее под кацавейкой.

Маргарита тихонько плакала, утирая глаза большим рукавом.

– Что с нами будет? – спросил поэт, – мы погибнем.

– Как-нибудь обойдется, – сквозь зубы сказал хозяин и приказал Маргарите: –
Подойдите ко мне.

Маргарита опустилась у ног Воланда на колени, а он вынул из-под подушки два
кольца и одно из них надел на палец Маргарите. Та притянула за руку поэта к себе
и второе кольцо надела на палец безмолвному поэту.

День 7/І.34.

– Вы станете не любовницей его, а женой, – строго и в полной тишине проговорил
Воланд, – впрочем, не берусь загадывать. Во всяком случае, – он повернулся к
поэту, – примите от меня этот подарок, – и тут он протянул поэту маленький
черный револьвер с золотой насечкой.

Поэт, все так же мутно и угрюмо глядя исподлобья, взял револьвер и спрятал его в
глубоком кармане под кацавейкой.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru – Вечер наш окончен, – объявил Воланд, – светает, я хочу отдохнуть. Все свободны.

При этих словах свет в люстрах стал убывать, толпа гостей растаяла в полумраке, и Маргарита почувствовала, что ее бережно ведут под руки по лестнице.

ПОДКОВА

Аннушка Басина, та самая, что пролила постное масло не вовремя, была известна как настоящий бич той квартиры, где она проживала. А проживала она как раз под квартирою покойного Берлиоза.

В то самое время, как Маргарита почувствовала, что вежливые и дружеские руки выводят ее и поэта на лестницу, Аннушка, известная в квартире под именем стервы, не спала, как все добрые люди, а находилась в дверях своей квартиры. Дело в том, что у Аннушки была привычка вставать ни свет ни заря и отправляться куда-то с бидоном в руках.

В данном случае, однако, она никуда не отправлялась, а стояла в полутемной прихожей так, что в щель приоткрытой двери торчал ее острый нос и один глаз. Другой, заплывший в чудовищном багровом синяке (Аннушку накануне били), скрывался во тьме.

Причина Аннушкиного поведения была в том, что Аннушка, собравшись куда следовало с бидоном, не успела открыть дверь на лестницу, как увидела удивительного человека.

По облупленной и годами не мытой лестнице, хватаясь в остервенении за перила, скатился с чрезвычайной быстротой мужчина в одном белье и с чемоданом в руке. Кепка его была заломлена на затылок, а чемодан был желтый.

Аннушка налетела так плотно на несущегося человека, что он едва не вышиб своим чемоданом бидон из ее рук.

– Куда ж тебя черт несет?! – вскричала Аннушка, отпрянув.

– Во Владивосток! – воскликнул человек в подштанниках таким странным голосом, как будто во сне или в бреду.

Но это было бы полгоря, а дальше произошло совсем невероятное: человек вместе с своим грузом кинулся к окну, одному из тех, что, как известно, бывают на каждой лестничной площадке и которое по случаю наступившей весны уже было открыто, и вылетел в него.

Аннушка ахнула, ударилась головой об стену, перекрестилась, а когда опомнилась, подбежала к окну и, легши животом на пол, высунула изуродованную физиономию. Но не увидела никакого разбившегося человека, сколько ни вертела головой. Оставалось предположить, что личность, слоняющаяся на рассвете по передним лестницам, упорхнула вместе с чемоданом и подштанниками, не оставив по себе никаких следов.

Тут же дверь на площадке повыше открылась, донеслись из квартиры, занятой иностранцем, голоса и даже как бы музыка. И стали спускаться вниз.

Аннушка как крыса кинулась в свою дверь, забросила себя цепочкой, оставила щель и стала подглядывать, ожидая увидеть интересные вещи. Она не ошиблась в своем расчете. Через несколько секунд поравнялась с Аннушкиной дверью красавица дама, без шляпы, в буйных растрепанных рыжих волосах, одетая соблазнительно. Шелковое платье сползло с плеча, на ногах не было чулок, поверх всего – черный плащ. Красавица вела под руку пошатающегося, как разглядела на рассвете Аннушка, будто бы бледного бородатого, одетого бедно, как будто больного. Но тоже в

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
черном плаще. Сопровождали этих двух две таких личности, что единственный действующий глаз Аннушки едва не вылез из орбиты.

Один был одет шутом гороховым с бубенчиками, как клялась Аннушка, и хромой, а другой – вылитый кот в сапогах и штанах и с болтающимся на пузе револьвером, как от страха показалось Аннушке, в аршин длиною. Тут вся компания скрылась из глаз Аннушки на повороте лестницы. Наверху захлопнули дверь, всякие звуки исчезли, но чуткое ухо дало знать Аннушке, что по асфальту шарахнула машина и стала у подъезда. Аннушка, откинув цепочку, выскочила на лестницу.

– Ай да иностранцы! – прошептала Аннушка, – вот какую жизнь ведут, – пала животом на холодную мозаику площадки.

Отчетливо видела, как в роскошную закрытую машину погрузились все четверо, а затем без гудка в ясном рассвете нечистая сила унесла машину в ворота.

Аннушка не вытерпела и плюнула на асфальт.

– Чтоб вы, сволочи, перелопались! – воскликнула Аннушка. – Мы-то в рванине ходим, а... – но мысли своей недоговорила, а на карачках поползла, сверкая единственным глазом, по площадке и подняла со ступеньки тяжелый, тускло сверкающий предмет.

Сомнений не было и быть не могло. Иностранцы подковывали сапоги лошадиными подковами из чистого золота. Тут все в голове Аннушки перепуталось. И роскошные машины иностранцев, в то время как Аннушка мотается день-деньской, и полуголая баба, и бубенчики, и какой-то ювелир, и торгсин, и с племянником посоветоваться, и подкову ломать, и по кусочкам ее сдать, и...

Через минуту подкова была запрятана под засаленным лифчиком, и Аннушка, вылупив глаз и думая об ювелирах, и торгсинах, и племянниках, спустилась по лестнице. Но выйти ей не пришлось. У самых выходных дверей встретился ей преждевременно вернувшийся тот самый в бубенчиках, в каких-то странных полосатых нездешних, а очевидно, иностранных штанах в обтяжку. Рыжий.

Аннушка искусно сделала вид, что она сама по себе, состоит при своем бидоне и что разговаривать ей некогда, но рыжий ее остановил словами:

– Отдавай подкову.

– Какую такую подкову? Никакой я подковы не знаю, – искусно ответила Аннушка и хотела отстранить рыжего.

Тот размахнулся и ударил Аннушку по уху с той стороны, что приходилось у здорового глаза. Аннушка широко открыла рот, чтобы испустить вопль, но рыжий рукой, холодной, как поручень автобуса зимой, и такой же твердой, сжал Аннушкино горло так, что прекратился доступ воздуха, и так подержал несколько секунд, а затем отпустил.

Набрав воздуху, Аннушка сказала, улыбнувшись:

– Подковочку? Сию минуту. Ваша подковочка? Я ее на лестнице нашла. Смотрю, лежит. Гвоздик, видно, выскочил. Я думала не ваша, а она ваша...

Получив подкову, иностранец пожал руку Аннушке и поблагодарил, выговаривая слова с иностранным акцентом:

– Я вам очень благодарен, мадам. Мне дорога эта подкова как память... Позвольте вам подарить на двести рублей бонов в торгсин.

8/І.34. Утро

Отчаянно улыбаясь, Аннушка вскрикнула:

– Покорнейше благодарю! Мерси!

А иностранец в один мах взлетел на один марш, но, прежде чем окончательно

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
смыться, крикнул Аннушке с площадки, но уже без акцента:

– Ты, старая ведьма, если еще найдешь когда-нибудь чужую вещь, сдавай в милицию, а за пазуху не прячь.

Тут и исчез.

Чувствуя в голове звон и суматоху, Аннушка, по инерции продолжая улыбаться и шептать «мерси», пересчитала боны и выбежала во двор.

В девять часов утра Аннушка была у дверей торгсина на Смоленском рынке. В девять с четвертью она купила на боны пахнущие керосином 500 граммов чайной колбасы, пять метров ситца и многое другое еще.

В половину десятого ее арестовали.

С ПРИМУСОМ ПО МОСКВЕ

Никому не известно, где и почему разделилась компания злодеев, но свидетели утверждают, что примерно через минуту после того, как таинственная шайка покинула Садовую, Коровьева увидели в большом магазине торгсина на углу у Никитских ворот. Регент с большим достоинством вошел в зеркальные двери и приятно улыбнулся. Необыкновенно суровый мужчина, стоящий у дверей, преградил регенту путь и сказал:

– С котами, гражданин, в торгсин строжайше воспрещается.

Регент поглядел на него с достоинством и ответил:

– С какими котами? Я вас не понимаю!

Мужчина в удивлении вылупил глаза, не понимая, куда же девался черный кот с примусом в лапах, вошедший вместе с Коровьевым. Делать было, однако, нечего, мужчина, дико улыбнувшись, пропустил Коровьева, а сам стал заглядывать во все закоулки, ища мерзавца кота. Но нигде его не нашел и, пожимая плечами, опять утвердился на своем посту у выходных дверей.

В магазине торгсина было до того хорошо, что у всякого входящего замирало сердце. Чего только не было в сияющих залах с зеркальными стеклами!

У самого входа налево за решетчатыми загородками сидели неприветливые мужчины и взвешивали на весах и кислотой пробовали золотые вещи, которые совали им в окошечки разнообразно одетые дамы. Направо в кассах сидели девушки и выдавали ордера. А далее чуть не до потолка громоздились апельсины, груши, яблоки. Возведены были причудливые башни из плиток шоколаду, целые строения из разноцветных коробок папирос, и играло солнышко на словах «Золотой ярлык» и «Ананасы экспортные». А далее прямо чудеса в решетке. Лежала за стеклами толстая, как бревно, в тусклой чешуе поперек взрезанная семга двинская. В кадушках плавала селедка астраханская, грудями лежали блестящие коробки, и надпись свидетельствовала, что в них килька ревельская отборная. О сыре и говорить нечего, как мельничные жернова навален он был на прилавок, и, лишь проворный приказчик вонзил в него страшным ножом, он плакал, и жирные слезы стекали из его бесчисленных ноздрей.

Вскинешь взор, и кажется, что видишь сон. Массандровская мадера, портвейн, херес, шампанское, словом, все вина, какие только может потребовать самый прихотливый потребитель, все были тут в бутылках.

– Хороший магазин, – звучно сказал Коровьев, хотя никто и не интересовался его мнением и никто не просил его магазин этот хвалить. И тут же он подошел к фруктам.

– С котами нельзя, – в негодовании сказала белая женщина

– Извиняюсь, где вы видите кота? – спросил Коровьев и приставил ладонь к уху, как тугоухий. Женщина моргнула глазами и отшатнулась. На том самом месте, где почудился ей черный кот на задних лапах, стоял толстяк в клетчатом с продраным локтем, правда, с кошачьей рожей, но в кепке и с примусом в руке.

– Почему мандарины? – осведомился Коровьев.

– 30 копеек кило, – ответила пораженная женщина.

– Жарко. Кушай, Бегемот, – пригласил Коровьев.

Спутник Коровьева передал примус Коровьеву, взял верхний мандарин, облупил его в один взмах и тут же, чавкнув, сожрал его, а затем принялся за второй.

Смертельный ужас поразил женщину.

– Вы с ума сошли! – закричала она, – чек подавайте! Чек! – и уронила конфетные щипцы.

– Душенька, – задрезжал Коровьев, – не при валюте мы сегодня... Ну что поделаешь. Но клянусь вам, в следующий же раз и никак не позднее четырнадцатого отдадим. В кредит! – и он подмигнул.

А Бегемот лапу сунул в шоколадную пирамиду, выдернул плитку, отчего вся пирамида рухнула. Женщина сделалась желтой, как батумский лимон, и пронзительно и тоскливо завывала:

– Палосич!

И не успел еще Бегемот прожевать шоколадку, как Павел Осипович возник у прилавка.

Утро 25/I.34

Он вмиг оценил положение и, не вступая ни в какие пререкания с Коровьевым или Бегемотом, воскликнул:

– Сверчков! Милицию!

Пронзительная трель у дверей ответила Палосичу. Приказчики бросили ножи и выставили лица из-за прилавков. Бегемот отступил к громадной кадке с надписью «Сельдь керченская» и запустил в нее лапу.

– Ты что делаешь, гад?! – вскричал приказчик в белом халате и котиковой шапке.

Трель повторилась.

Вечер 25/I.34.

Проглотив кусок керченской селедки, Бегемот повел речь.

– Граждане-товарищи! Что же это делается? Ему можно? – Тут он указал лапой на человека, одетого в сиреневое пальто. Этому человеку приказчик резал балык, источающий масло. – Ему можно? А коту, который починяет примуса, нельзя?

1/II.34.

Трель загремела отчаянно. В гастрономическое отделение потянулась публика.

– Горько мне! Горько! – как на свадьбе вскричал спутник Коровьева и ударил себя в грудь. Приказчик замер с ножом в руке. Тут спутник, очевидно самого себя расстроив, размахнулся и ударил кулаком в грудь сиреневого человека. Тот слетел

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru с ног и рухнул прямо в кадку с керченским рассолом, так что брызнуло в разные стороны. В то же мгновение возникли двое милиционеров возле самых мандаринов.

Их явление было, впрочем, кратковременным. Коровьев преградил им путь со словами:

– Эх, добрые души! Ну чего вам-то ввязываться в это печальное дело?

Он дунул и крикнул:

– Исчезните!

После этого оба милиционера растаяли в воздухе буквально так, как тает кусок рафинаду в горячем чаю.

Дикий голос рявкнул в толпе покупателей: «Иностранца бьют!», Павел Осипович куда-то метнулся, кот овладел примусом и вдруг широко плеснул керосином прямо на фрукты. И ранее, чем успели мигнуть, спичку, что ли, кто-то успел швырнуть, только апельсины в ящиках за прилавком вспыхнули.

И все смешалось. Девушки выбежали из-за прилавка, крича: «Пожар!» Шарахнулась публика, а огонь, весело лизнув шоколадную пирамиду, бросился вверх, и загорелись бумажные розовые ленты на корзинах. Еще мгновение, и огонь пошел жрать полотняную штору на окне. Что-то затрещало и посыпалось, и видны были скачущие через прилавок приказчики, и лез на карачках из магазина в испорченном сиреновом пальто иступленный человек, и побежала публика из магазина, и вылетело стекло, и свистели опять, и слышен был вопль Павла Осиповича: «Пропустите к телефону!»... Сам же господин Коровьев и спутник его тут же бесследно исчезли.

Роман. Окончание

(Ленинград, июль, 1934 г.)

12/VII.34 г. – 15/VII.1934 г.

Куда девались подозрительный Коровьев и толстяк в клетчатом непосредственно после того, как учинили пакость в торгсине на Смоленском, – неизвестно.

Будто бы оба негодяя перебросились на Мясницкую улицу, попали в пустынное учреждение. Что там делали они – осталось тайной, но пожар начался немедленно после их отбытия. И лихая пожарная колонна, сверкая и звеня в колокола, покатила по намаасленному асфальту. Затем неразлучная пара оказалась именно в доме Грибоедова, на веранде ресторана, где, важно усевшись за свободный столик, потребовала две кружки пива и полтора десятка раков.

В раках им сразу отказали, сославшись на то, что ракам не сезон. А с пивом тоже произошла заминка. Официант осведомился – литераторы ли новоприбывшие?

– Какое отношение это имеет к пиву? – надменно осведомился Коровьев, а толстяк объявил, что он поэт. И тут же, встав в позу и поражая всех продранными локтями, фальшивым голосом зачитал дурацкое стихотворение:

Вы прекрасны точно роза.
Но есть разница одна:
Роза...

За столиками заулыбались сконфуженно, зашептались, заерзали. Официант не пожелал слушать ничего про розу и попросил удостоверение.

Тут произошла страннейшая история. Как из-под земли вырос командир черного брига и режущим взглядом окинул незваных посетителей. И удивительная перемена произошла во флибустьере. Он, всмотревшись в посетителей, вздрогнул, побледнел неожиданно раскланялся низко. Оттеснив одним взмахом официанта, оказался у плеча Коровьева и как фокусник вынул карточку. Официант в изумлении открыл рот.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
– Чем потчевать прикажете? – шепнул белозубый пират, и еще интимнее шепнул: – Белорыбца мировая, к съезду писателей приготовили... Деволяйчик могу сделать, салат?

Коровьев внимательно смотрел на соблазнителя, внезапно протянул ему руку. И тот потряс ее обеими руками. Толстяк, не желая отставать от приятеля, также ткнул флибустьеру лапу.

– Ничего не нужно. Мы спешим. Две кружки пива, – приказал Коровьев.

– Две кружки пива, – грозно повторил флибустьер и тотчас, повернувшись, удалился вместе с пораженным официантом. По дороге он, еле шевеля губами, произнес тихо:

– Пиво из запасного бочонка. Свежее. Льду. Скатерть переменить. Ванотиного рыба тонкими ломтиками. В секунду. От столика не отходить.

Официант устремился в буфет, а командир повел себя необычайно странно. Он исчез в темном коридоре, вошел в двери с надписью «Служебная», тотчас вышел из нее со шляпой в руках и в пальто, кому-то встречному сказал: «Через минуту вернусь», – вышел черным ходом на Бронную, повернул за угол и исчез. Он не вернулся ни через минуту, ни через час. Он больше вообще не вернулся, и никто его более не видел.

Меж тем публика за столиками в совершенном оцепении наблюдала странную пару, вооружившуюся двумя вспотевшими кружками пива. Толстяк наслаждался, погрузив морду в пену и подмигивая на официанта, который как прилип к своему месту на посту невдалеке.

Тут на веранде появился взволнованный хроникер Боба Кондалупский и плюхнулся за соседний столик, где помещался известный писатель с гордой дамой в шляпе в виде бритвенного блюдечка.

– В городе пожары, – взволнованно шепнул Кондалупский по своей привычке на ухо известному писателю.

Судорога прошла по лицу писателя, но еще не успел осмыслить сообщенного, как с соседнего столика раздался голос:

– Что ж мудреного. Сушь такая. Долго ли до беды. Опять же примуса, – козлиным голосом заговорил Коровьев, явно адресуясь к гордой даме.

– Сейчас в Гнездниковском загорится! – вдруг радостно объявил толстяк, тыча лапой в сад, – очень любопытно. Я люблю пожары, мадам, – добавил он, тоже почему-то обращаясь к обладательнице блюдечка.

Не успели за столиком как-то отозваться на это дикое заявление, как все взоры устремились за зеленый бульвар. Отчетливо видно было, как в высоком доме за бульваром, в десятом примерно этаже, из открытого окна полз дым. Потом в других местах распахнулись рамы.

На веранде посетители начали вскакивать из-за столиков. Только Кондалупский как сидел, так и застыл на стуле, переводя глаза с дальнего дома на толстяка, который в Кондалупском явно вызывал ужас.

– Началось, я ж говорил, – шумно отдуваясь после пива, воскликнул толстяк и велел официанту: – Еще парочку!

Но пить вторую парочку не пришлось. Из внутренних дверей ресторана появились четверо людей и стремительно двинулись к столику Коровьева.

– Не поднимайтесь, – сквозь зубы сказал первый из появившихся и дернул щекой.

Толстяк нарушил приказание и встал из-за стола. Первый идущий тогда, не произнося более ни слова, поднял руку, и на веранде грянул выстрел. Публика бросилась бежать куда попало. Взвизгнула дама в блюдечке, чья-то кружка треснулась об пол, побежали официанты. Но стрельба прекратилась. Стрелявший побелел: за столиком никого не было. На столе стояли две опустевшие кружки, наполовину обглоданный рыбец. А рядом со столика, из треснувшей под кофейником спиртовки ручьем бежал спирт, и на нем порхали легкие синие огоньки, и дама

ПОРА! ПОРА!

.....

На плоской террасе здания, украшенного белыми колоннами и скульптурами, изображениями белых женщин в туниках, сидел на складном табурете Воланд и глядел на город, громоздившийся внизу. Сзади Воланда стоял мрачный рыжий и косой Азazelло.

Ветерок задувал на террасу, и бубенчики тихо звенели на штанах и камзоле Азazelло.

Воланд устремил взгляд вдаль, любуясь картиной, открывшейся перед ним. Солнце садилось за изгиб Москвы-реки, и там варилось месиво из облаков, черного дыма и пыли.

Воланд повернул голову, подпер кулаком подбородок, стал смотреть на город.

– Еще один дым появился на бульварном кольце.

Азazelло, прищурился кривой глаз, посмотрел туда, куда указывал Воланд.

– Это дом Грибоедова горит, мессир.

– Мощное зрелище, – заговорил Воланд, – то здесь, то там повалит клубами, а потом присоединяются и живые трепещущие языки. Зелень сворачивается в трубки, желтеет. И даже здесь ветерок припахивает гарью. До некоторой степени это напоминает мне пожар Рима.

– Осмелюсь доложить, – загнул Азazelло, – Рим был город красивее, сколько я помню.

– Мощное зрелище, – повторил Воланд.

– Но нет ни одного зрелища, даже самого прекрасного, которое бы в конце концов не надоело.

– К чему ты это говоришь?

– Прошу прощения, сир, тень поворачивает и становится длиннее, нам пора покинуть этот город. Интересно знать, где застряли фагот с бегемотом? Я знаю, проклятый толстяк наслаждается сейчас в этой кутерьме, паясничает, дразнит всех, затевает ссоры.

– Придут.

Тут внимание говоривших привлекло происшествие внизу. С Воздвиженки в Ваганьковский переулок вкатили две красные пожарные машины. Зазвонил колокол. Машины повернули круто и въехали на Знаменку, явно направляясь к многоэтажному дому, из-под крыши которого валил дым.

Но лишь только первая машина поравнялась, замедляя ход, с предыдущим домом, окно в нем разлетелось, стекла брызнули на тротуар, высунулся кто-то в бакенбардах с патефоном в руках и рывкнул басом:

– Горим!

Из подворотни выбежала женщина, ее слабый голос ветер донес на крышу, но разобрать ее слов нельзя было.

Передняя машина недоуменно остановилась. Бравый человек в синем сюртуке соскочил с нее и замахал руками.

– Действительно, положение, – заметил Воланд, – какой же из двух домов он начнет раньше тушить?

– Какой бы из них ни начал, он ни одного не потушит. Толстый негодяй сегодня, когда гулял, я видел, залез в колодезь и что-то финтил с трубами. Клянусь вашей подковой, мессир, он не получит ни одной капли воды. Гляньте на этого идиота с патефоном. Он выпрыгнул из окна, и патефон разбил, и сломал руку.

Тут на железной лестнице застучали шаги, и головы Коровьева и Бегемота показались на крыше.

Рожа Бегемота оказалась вся в саже, а грудь в крови, кепка обгорела.

– Сир, мне сейчас по морде дали! – почему-то радостно объявил, отдуваясь, Бегемот, – по ошибке за мародера приняли!

– Никакой ошибки не было, ты и есть мародер, – отозвался Воланд.

Под мышкой у Бегемота торчал свежий пейзаж в золотой раме, через плечо были перекинuty брюки, и все карманы были набиты жестяными коробками.

– Как полыхнуло на Петровке, одна компания нырь в универмаг, я – с ними, – рассказывал возбужденно Бегемот, – тут милиция... Я – за пейзажем... Меня по морде... Ах так, говорю!.. А они стрелять, да шесть человек и застрелили!

Он помолчал и неожиданно добавил:

– Мы страшно хохотали!

Кто и почему хохотал и что в рассказанном было смешного, узнать никому не удалось.

Голова белой статуи отскочила и, упавши на плиты террасы, разбилась. Группа стоявших повернула головы и глянула вниз. На Знаменке шла кутерьма. Брезентовые люди с золотыми головами матерились у иссохшего мертвого шланга. Дым уже пеленой тянулся через улицу, дыбом стояли лестницы в дыму, бегали люди, но среди бегавших маленькая группа мужчин в серых шлемах, припав на колени, целилась из винтовок. Огоньки вспыхивали, и сухой веселый стук разносило по переулкам.

У статуи отлетели пальцы, от колонны отлетали куски. Пули били в железные листы крыши, свисали в воздухе.

– Ба! – вскричал Коровьев, – да ведь это в нас! Мы популярны!

– Пуля свистнула возле самого моего уха! – горделиво воскликнул Бегемот.

Азazelло нахмурился и, указывая на черную тень от колонны, падающую к ногам Воланда, настойчиво заговорил:

– Пора, мессир, пора...

– Пора, – сказал Воланд, и вся компания стала с вышки по легкой металлической лестнице спускаться вниз.

ОН ПОКИДАЕТ МОСКВУ

Удивительно, с какой быстротой распространяются по городу важные известия.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

Пожары произошли в таком порядке. Первым загорелся, как мы знаем, дом на Садовой. Затем Коровьев с Бегемотом подошли торгсин на Смоленском рынке. Затем торгсин у Никитских ворот. И вот, уже после трех пожаров, происшедших в разных частях города, в народе уже было известно, что злодеи поджигают город. Говорили, что за злодеями уже гонятся. Тут же, конечно, явился и вывод из этого – то есть их поймали. Нашлись очевидцы, которые говорили, что видели, как их расстреляли.

Однако, когда вслед за первыми пожарами последовали новые, те же лица говорили шепотом, что пуля их не берет.

Поразительно то, что многие очень правильно нашли нить, ведущую из квартиры покойного Берлиоза в «Кабаре», оттуда в учреждения, где происходили чудеса, и, наконец, к пожарам.

Поэтому, когда выяснилось, что размеры беды чрезвычайны, когда во всех частях города пылали здания, пожалуй, все уже знали, что город зажгли фокусники из «Кабаре».

С быстротой самого огня, от заставы противоположной, из уст в уста передавались и приметы злоумышленников, и притом сравнительно правильно.

Легкая пожарная лестница вела мимо окна, раскрытого настежь. В это окно один за другим вышли спускавшиеся с белой вышки в огромный трехсветный зал, прямо в верхний читальный зал библиотеки.

Чтения, правда, в то время там уже не происходило. Читатели покинули зал, лишь только слухи о том, что город подожжен, проникли в библиотеку. Еще не зажженные лампы под зелеными колпаками тянулись бесконечными рядами в нижнем этаже зала, а у раскрытых окон, в которые теперь уже заносило гарь, томились служащие девицы, еще боявшиеся покинуть свои посты.

Первая встреча произошла тотчас сверху, где девица была в одиночестве. Лишь только таинственные незнакомцы ввалились в окно, девица, изменившись в лице, повалилась на стул и так и застыла на этом стуле, стараясь спрятаться за двумя фолиантами. Компания прошла мимо нее, не причинив ей вреда, и задержался только Бегемот.

Всмотревшись в девицу, которая окоченела от страха, Бегемот объявил, что он хочет сделать ей подарок, и выложил перед девицей на стол ландшафтик, брюки и коробки, как выяснилось по надписям, со шпротами.

Спустились, минуя нижний зал, и вышли на площадку. Тут за столом встрепенулась пожилая суровая в очках и потребовала билетки на выход.

– Дура, – буркнул Азazelло.

– Какая такая дура! – вскричала оскорбленная женщина и засуетилась.

16/VII.34.

Но Бегемот усмирив женщину, вынул из кармана четыре билетика на выход. Тут только какая-то мысль осенила голову женщины, она побледнела и с ужасом глядела вслед странной компании.

17/VII.Москва

Компания спустилась мимо барельефа на лестнице. В раздевалке ни одной курьерши у вешалок не оказалось. Все они уже были за дверьми...

13/VIII.Москва

Все они уже оказались за дверьми и все кинулись бежать, лишь только компания вышла в зеленый дворик. Тут обнаружилось, что в газоне лежит самовар, а так как трава возле него дымилась, было ясно, что кто-то вышвырнул самовар с кипятком и углями.

10-го сентября 1934 г.

В Ваганьковском переулке компания подверглась преследованию. Какой-то взволнованный гражданин, увидев выходящих, закричал:

– Стой! Держите поджигателей!

Он суетился, топал ногами, не решаясь в одиночестве броситься на четверых. Но пока он созывал народ, компания исчезла в горьком дыму, застилавшем переулок, и больше ее в этом районе не видал никто.

Мы не знаем, каким образом злодеи проникли на Плющиху. Они проникли и мелькнули в том месте, где дивная асфальтированная улица подходит к незабвенному Девичьему Полю.

Здесь было потише, и если бы не некоторые взволнованные гражданки, выглядывающие из окон верхних этажей, стараясь рассмотреть, что происходит там на Смоленском рынке, можно было бы подумать, что все в столице обстоит и тихо, и мирно.

Компания прошла под деревьями Девичьего Поля, вдыхая аромат весенней земли и первых набухших почек, и скрылась на Пироговской улице.

Маршрут ее был ясен. Она стремилась к Москве-реке. Они покидали столицу.

НА ЗДОРОВЬЕ!

Одинокая ранняя муха, толстая и синяя, ворвалась в открытую форточку и загудела в комнате.

Она разбудила поэта, который спал четырнадцать часов. Он проснулся, провел рукой по лицу и испугался того, что оно обрито. Испугался того, что находится на прежнем месте, вспомнил предыдущую ночь, и безумие едва не овладело им.

Но его спасла Маргарита. В драном шелковом халате, надетом на голое тело, она сидела у ложа поэта и, не сводя глаз, смотрела на измятое лицо и воспаленные глаза. Она заговорила первая.

– Я вижу, что ты хочешь испугаться? Не делай этого, я запрещаю тебе, – тут она подняла палец многозначительно.

– Но что же происходит? – спросил поэт и вцепился рукой в простыню, – я сумасшедший?

– Ты не сумасшедший, – обольстительно улыбаясь, ответила Маргарита, – ты нормален...

– Но что же это?..

– Это, – и Маргарита наклонилась к поэту, – это высшая и страшная сила, и она появилась в Москве...

– Это бред... – начал поэт и заплакал.

Маргарита побледнела, лицо ее исказилось и постарело...

– Перестань, перестань.

– Я, – произнес поэт, всхлипнув в последний раз, – больше не буду. Это слабость. – Он вытер глаза простыней.

Муха перестала гудеть, куда-то завалилась за шкаф, и в то же время стукнули шаги на кирпичной дорожке и отчетливые ноги появились в окошке. Некто присел на корточки, отчего в мутном стекле, заслонив свет, появился довольно упитанный зад и колени. Некто пытался заглянуть в жильё. Поэт задрожал, но пришел в себя и затих.

– Богохульский! – сказал взволнованно голос с корточек, и некто сделал попытку всунуть голову в форточку.

– Вот, пожалуйста! – шепнул злобно и горько поэт.

Маргарита подошла к окошку и сурово спросила сующегося в окно человека:

– Чего тебе надо?

Голова изумилась.

– Богохульский дома?

– Никакого Богохульского здесь нет, – ответила грубым голосом Маргарита.

– Как это так нету, – растерянно спросили в форточке, – куда же он девался?

– Его Гепеу арестовало, – ответила строго Маргарита и прибавила: – А твоя фамилия как?

Сидящий за окном не ответил, как его фамилия, в комнате сразу посветлело, сапоги мелькнули в следующем окне, и стукнула калитка.

– Вот и все, – сказала Маргарита и повернулась к поэту.

– Нет, не все, – отозвался поэт, – через день, не позже, меня схватят. Кончу я жизнь свою в сумасшедшем доме или в тюрьме. И если сию минуту я не забудусь, у меня лопнет голова.

Он поник головой.

Маргарита прижалась к нему и заговорила нежно.

– Ты ни о чем не думай. Дело, видишь ли, в том, что в городе кутерьма. И пожары.

– Пожары?

– Пожары. Я подозреваю, что это они подожгли Москву. Так что им совершенно не до тебя.

– Я хочу есть.

Маргарита обрадовалась, стащила за руку поэта с кровати, накинула ему на плечи ветхий халат и указала на раскрытую дверь. Поэт, еще шатаясь, побрел в соседнюю комнатку.

Шторы на окошках были откинута, в них сочился последний майский свет. В форточки тянуло гниловатым беспокойным запахом прошлогодних опавших листьев с примесью чуть уловимой гари.

Стол был накрыт. Пар поднимался от вареного картофеля. Блестели серебряные кильки в продолговатой тарелке с цветочками.

– Ты решительно ни о чем не думай, а выпей водки, – заговорила Маргарита, усаживая любовника в алое кресло. Поэт протянул руку к темной серебряной стопке. Маргарита своей белой рукой поднесла ему кильку. Поэт глотнул воду жизни, и тотчас тепло распространилось по животу поэта.

11/IX.1934.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Он закусил килькой. И ему захотелось есть и жить. Маргарита налила ему вторую стопку, но выпить ее поэт не успел. За спиной его послышался гнусавый голос: – На здоровье!

Поэт вздрогнул, обернулся, так же как и Маргарита, и любовники увидели в дверях Аззелло.

ГОНЕЦ

Воланд в сопровождении свиты к закату солнца дошел до Девичьего Монастыря. Пряничные зубчатые башни заливало косыми лучами из-за изгибов Москвы-реки. По небу слабый ветер чуть подгонял облака.

Воланд не задерживался у Монастыря. Его внимание не привлекли ни хаос бесчисленных построек вокруг Монастыря, ни уже выстроенные белые громады, в окнах которых до боли в глазах пылали изломанные отражения солнца, ни суета людская на поворотном трамвайном круге у монастырской стены.

Город более не интересовал его гостя, и, сопровождаемый спутниками, он устремился вдаль – к Москве-реке.

Группа, в которой выделялся своим ростом Воланд, прошла мимо свалок по дороге, ведущей к переправе, и на ней исчезла.

Появилась она вновь через несколько секунд, но уже за рекой, у подножия Воробьевых гор. Там, на холме, к которому примыкала еще оголенная роща, группа остановилась, повернулась и посмотрела на город.

В глазах поднялись многоэтажные белые громады зубовки, а за ними – башни Москвы. Но эти башни видны были в сизом тумане. Ниже тумана над Москвой расплывалась тяжелая туча дыма.

– Какое незабываемое зрелище! – воскликнул Бегемот, снимая шапчонку и вытирая жирный лоб.

Его пригласили помолчать.

Дымы зарождались в разных местах Москвы и были разного цвета. Между.....

Какая-то баба с узлом появилась выше стоящих на террасе над холмом.

– Удивительно неуютное место, – заметил Бегемот, осматриваясь, – как много всюду любопытных.

Аззелло, сердито покосившись, вынул парабеллум и выстрелил два раза по направлению группы подростков, целясь над головами. Подростки бросились бежать, и площадка опустела. Исчезла и баба наверху.

Тогда Воланд первый, взметнув черным плащом, вскочил на нетерпеливого коня, который и встал на дыбы. За ним легко взлетели на могучие спины Аззелло, Бегемот и Коровьев в своем дурацком наряде.

Холм задрожал под копытами нетерпеливых коней.

14/х.34.

Но не успели всадники тронуться с места, как пятая лошадь грузно обрушилась на холм и фиолетовый всадник соскочил со спины. Он подошел к Воланду, и тот, прищурившись, наклонился к нему с лошади.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Коровьев и Бегемот сняли картузики, Азazelло поднял в виде приветствия руку, хмуро скосился на прилетевшего гонца. Лицо того, печальное и темное, было неподвижно, шевелились только губы. Он шептал Воланду.

Тут мощный бас Воланда разлетелся по всему холму.

– Очень хорошо, – говорил Воланд, – я с особенным удовольствием исполню волю пославшего. Исполню.

Печальный гонец отступил на шаг, голову наклонил, повернулся.

Он ухватился за золотые цепи, заменявшие повод, двинул ногу в стремя, вскочил, кольнул шпорами, взвился, исчез.

Воланд поманил пальцем Азazelло, тот подскочил к лошади и выслушал то, что негромко приказал ему Воланд. И слышны были только слова:

– В мгновение ока. Не задержи!

Азazelло скрылся из глаз.

ОНИ ПЬЮТ

Итак, Азazelло появился в маленькой комнатухе в тот момент, когда поэт подносил ко рту вторую стопку.

– Мир вам, – сказал гнусавый голос.

– Да это Азazelло! – вскричала, всмотревшись, Маргарита, – не волнуйся, мой друг! Это Азazelло. Он не причинит тебе никакого зла.

Поэт во все глаза глядел на диковинного рыжего, который, взяв кепку на отлет, кланялся, улыбаясь всею своей косою рожей...

Тут произошла суэта, усаживание и потчевание. Маргарита Николаевна вдруг сообразила, что она совершенно голая, что ветхий халат, по сути дела, не прикрывает ее тела, и вскричала:

– Извините!

И запахнулась.

На это Азazelло ответил, что Маргарита Николаевна напрасно беспокоится, что он видел не только голых дам, но даже дам с содранной кожей, что все это ему не в диковинку, что он просит без церемонии, а что если будут церемониться, он уйдет немедленно...

Тут его стали усаживать в кресло, и он одним духом хватил чайный стакан водки, повторив, что, самое лучшее, если каждый чувствует себя без церемонии, что в этом и есть истинное счастье и настоящий шик. И чтобы подать пример другим, хлопнул и второй стакан, отчего его глаз загорелся как фонарь.

Поэту внезапный гость чрезвычайно понравился, поэт с ним чокнулся и приятно захмелел. Кровь быстрее пошла в его жилах, и страх отлетел. В комнате показалось и тепло и уютно, и он, нежно погладив рукой старенький вытертый плюш, вступил в беседу.

– Город горит, – сказал поэт Азazelло, пожимая плечами, – как же это так?

– А что ж такое! – отозвался Азazelло, как бы речь шла о каких-то пустяках, – почему бы ему и не гореть! Разве он несгораемый?

«Совершенно верно! – мысленно сказал поэт, – как это просто в сущности!» – и тут же решил расспросить Аззелло прямо о том, кто его принимал вчера и откуда взялся паспорт и вообще, что все это значит.

Но лишь только он открыл рот, как Аззелло, подмигнув таинственно сверкающим глазом, заговорил сам.

– Просят вас, – просипел он, косясь на окно, в которое уже вливалась волна весенних сумерек, – с нами. Короче говоря, едем.

Поэт заморгал глазами, а Маргарита пододвинулась к шепчущимся.

– Меня? – спросил шепотом поэт.

– Вас.

Маргарита Николаевна изменилась в лице и не сводила глаз с поэта. Губы ее дрогнули.

И тот этого не заметил. «Эге... предатель...» – мелькнуло у него в голове слово. Он уставился прямо в сверкающий глаз.

– Куда меня приглашают ехать? – сухо спросил поэт, видя, как отливает зеленым глаз загадочного гостя.

– Местечко найдем, – шипел тот соблазнительно и дыша водкой, – да и нечего, как ни верти, торчат тут в полуподвале. Чего тут высидишь?

«Предатель, предатель, предатель...» – окончательно удостоверился поэт и ответил:

– Нет, почему же... и в этом городе есть некоторая прелесть. Я не хочу искать новых мест, меня никуда не тянет.

Тут Аззелло всей своей рожей выразил, что не верит ни одному слову поэта.

И неожиданно вмешалась Маргарита.

– Поезжай, – сказала она, – а я... – она подумала и сказала твердо: – А я останусь караулить твой подвал, если он, конечно, не сгорит. Я, – голос ее дрогнул, – буду читать про то, как над Ершалаимом бушевала гроза и как лежал на балконе прокуратор Понтийский Пилат. Поезжай, поезжай! – твердила она грозно, но глаза ее выражали страдание.

Тут только поэт всмотрелся в ее лицо, и горькая нежность подступила к горлу, как ком, слезы выступили на глазах.

– С ней, – глухо сказал он, – с ней. А иначе не поеду.

Самоуверенный Аззелло смутился, отчего еще больше начал косить. Но внезапно изменился, поднял бровь и руки растопырил...

– В чем дело! – засипел он, – какой может быть вопрос? И чудесно. Именно с ней. Само собой.

Маргарита поднялась, села на колени к поэту и крепко обняла его за шею.

– Смотреть приятно, – сказал Аззелло и внезапно вынул из растопыренного кармана темную бутылку в зеленой плесени.

15/IX.34.

– Вот вино! – воскликнул он и, тут же вооружившись штопором, откупорил бутылку.

Станный запах, от которого, как показалось Маргарите, закружилась голова, распространился по комнате.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Аззелло наполнил три бокала вином, и потухающие угли в печке отбросили последний отблеск. Крайний бокал был наполнен как бы кровью, два других были черны.

– Без страха, за ваше здоровье! – провозгласил Аззелло, поднимая свой бокал, и окровавленные угли заиграли в нем.

– Пей, не бойся, летим, – зашептала Маргарита, прижимаясь к поэту.

Поэт, предчувствуя, что сейчас произойдет что-то очень важное и необыкновенное, глотнул вино и видел, что Маргарита сделала то же самое.

В то же мгновение радость прихлынула к сердцу поэта и предметы пошли кругом. Он глубоко вздохнул и видел, что Маргарита роняет бокал, бледнеет и падает... Жаркий отблеск прошел по ее голому животу. «А, отравил!» – успел подумать поэт. Он хотел крикнуть... «Отравитель!», но голосом овладеть не мог. Тут он увидел перед лицом своим пол. Потом все кончилось. Отравитель горящими глазами смотрел, как падали любовники. Когда они затихли у его ног на ковре, он оживился, подскочил к форточке и свистнул. Тотчас ему отозвался свист в садике. Аззелло наклонился к поэту, поднял его в кресло. Белый как бумага, поэт безжизненно свесил голову. Аззелло поднял и полуголую Маргариту в кресло, осколки бокалов отшвырнул носком сапога в угол. Из шкафчика вынул цельные бокалы, наполнил их вином, разжал челюсти поэта, влил глоток, так же поступил и с Маргаритой. Не прошло и несколько секунд, как поэт открыл веки, глянул.

– Отравитель... – слабо произнес он.

– Что вы! – вскричал гнусаво кривоглазый, – подобное лечится подобным. Встряхнитесь, нам пора. Вот оживает и ваша подруга.

Поэт увидел, что Маргарита вскочила, полная жизни. Изменилось лишь ее лицо в цвете и стало бледным.

– Пора! Пора! – произнес Аззелло.

– Пора! – повторила возбужденная Маргарита.

Она одним взмахом сорвала с себя халат и взвизгнула от восторга. Аззелло вынул из кармана баночку и подал. Тотчас под руками Маргариты ее тело блеснуло жиром.

– Скорее, – сказал Аззелло поэту.

Тот поднялся легко. Такая радость, как та, что наполняла его тело, еще им не была испытана никогда. Тело его не несло в себе никакой боли, и, кроме того, все показалось сладостным поэту. И жар углей, в старой печке, и красное старенькое бюро, и голая Маргарита, которая скалила зубы и натирала шею остатками мази.

Поэт хотел перед отъездом пересмотреть свои рукописи, но Аззелло сослался на то, что за рукописями можно будет заглянуть как-нибудь впоследствии...

– Вы правы! – вскричал поэт, чувствуя прилив бодрости и вдохновения.

В ту же минуту он выхватил из стола толстую пачку исписанных листов и швырнул ее в печь.

– Один листок не отдам! – закричала Маргарита и выхватила из пачки листок. Она скомкала его в кулаке.

Жаром пахнуло в лицо, и вся комната ожила. Коварный Аззелло кочергой выбросил пылающую бумагу прямо на скатерть, и дым повалил от нее.

Через несколько мгновений компания, хлопнув дверями, покинула полуподвал. Темнело во дворике.

МИЛОСЕРДИЯ! МИЛОСЕРДИЯ!

Взвились со дворика. Первой взлетела на дворницкой метле Маргарита. За нею поднялся Аззелло. Он распахнул плащ, и на его поле, держась рукой за кованный пояс, поднялся поэт. Смертельно бледное лицо в начинающихся сумерках показалось картонным. Дымный ветерок ударил в лицо, волосы разметал.

Маргарита шла скачками чуть повыше старинных фонарей, а у поэта захватило дух от наслаждения при первом же движении в воздухе.

Аззелло, неся на плаще поэта, догнал Маргариту и властно указал на запад, но поэт в этот момент потянул его за пояс и тихо попросил:

– Я хочу попроситься с городом.

Аззелло кивнул головой, и летящие повернули вдоль по Пречистенке к центру.

Лёт был так мягок, так нечувствителен, что временами казалось поэту, будто не он плывет по воздуху над городом, а город со страшным гвалтом бежит под ним, показывая ему картины, от которых его волосы вздувались и холодели у корней.

Первый пожар подплыл под ноги поэту на Волхонке. Там пылал трехэтажный дом напротив музея. Люди, находящиеся в состоянии отчаяния, бегали по мостовой, на которой валялись в полном беспорядке разбитая мебель, искрошенные цветочные вазоны. Трамваи далее стояли вереницей. С первого взгляда было понятно, что случилось. Передний трамвай наскочил у стрелки на что-то, сошел с рельс, закупорил артерию.

Но поэт не успел присмотреться, как под самыми ногами у него шарахнуло, и он видел, как оглушительно кричавший человек у стенки Манежа упал на асфальт и тотчас же красная лужа образовалась у его лица.

Поэт дрогнул, прижался к ногам Аззелло и плащом закрыл лицо на секунду, чтобы не видеть. Когда он отбросил черную ткань, он видел в Охотном ряду золотые шлемы, густейшую толпу. До него донеслись крики. Он пролетел следом за Маргаритой на высоте двенадцатого этажа и, глянув в открытое окно, успел увидеть странную сцену.

Человек в белой куртке и штанах с искаженным от долгой затаенной злобы /лицом/ стоял на голубом ковре перед каким-то гражданином в сиреновом пиджаке. Что-то кричал сиреневый человек, добиваясь чего-то от белого, но белый, бледнея от злобы, поднял.....

На темный балкон во втором этаже выбежал мальчишка лет шести. Окна квартиры, которой принадлежал балкон, осветились подозрительно. Мальчишка с белым лицом устремился прямо к решетке балкона, глянул вниз, и ужас выразился на его лице. Он пробежал к другой стороне балкона, примерился там, убедился, что высота такая же. Тогда лицо его исказилось судорогой, он устремился назад к балконной двери, открыл ее, но ему в лицо ударил дым. Мальчишка проворно закрыл ее, вернулся на балкон, тоскливо посмотрел на небо, тоскливо оглядел двор, потом уселся на маленькой скамейке посреди балкона и стал глядеть на решетку.

Лицо его приобрело недетское выражение, осунулось. Он изумленно шевелил бровями, что-то шептал, соображал. Один раз тревожно оглянулся, глаза вспыхнули. Он искал водосточную трубу. Убедившись в том, что труба слишком далеко, он успокоился на своей скамейке, голову втянул в плечи и горько стал качать ею. Дым полз струйкой из-под балконной двери.

Поэт властно дернул за пояс Аззелло, но предпринять шаги не успел. Сверху поэта накрыла мелькнувшая тень, и Маргарита шарахнула мимо него на балкон. Поэт спустился пониже, и послушный Аззелло повис неподвижно. Маргарита опустила и сказала мальчишке:

– Держись за метлу, только крепко.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Мальчишка вцепился в метлу изо всех сил обеими руками и повеселел. Маргарита подхватила его под мышки, и оба спустились на землю.

- Ты почему же сидел на балконе один? – спросила Маргарита.
- Я думал, что все равно сгорю, – стыдливо улыбаясь, ответил мальчишка.
- А почему ты не прыгнул?
- Нogu можно сломать.

Маргарита схватила мальчишку за руку, и они побежали к соседнему домишке. Маргарита грохнула метлой в дверь. Тотчас выбежали люди, какая-то простоволосая в кофте. Мальчишка что-то горячо объяснял. Завопила простоволосая.

Маргарита поднялась, и медленно поднимаясь за нею, поэт сказал, разводя руками:

- Но дети? Позвольте! Дети!..

Усмешка исказила лицо Азazelло.

- Я уж давно жду этого восклицания, мастер.
- Вы ошеломили меня! Я схожу с ума, – захрипел поэт, чувствуя, что не может больше выносить дыму, выдыхая горький воздух.

Он пришел в странное беспокойство и вдруг вскричал:

- Грозу, грозу! Грозу!

Азazelло склонился к нему и шепнул с насмешкой в дьявольских глазах:

- Она идет, вот она, не волнуйте себя, мастер.

Резкий ветер в тот же миг ударил в лицо поэту. Он поднял глаза, увидел Маргариту со вздыбленными волосами, услышал ее крик: «Гроза!»

Стало темно. Туча в три цвета поднялась с неестественной быстротой. Впереди бежали клубы белого, обгоняя друг друга, потом ползло широкое черное и закрыло полмира, а лотом мутно-желтое, которое, холодя сердце, неуклонно поднималось из-за крыш.

Еще раз дунуло в лицо, взвилась пыль в переулке, сверху вниз кинулась какая-то встревоженная птица, – и тотчас напoлзавшее черное раскрылось пополам. Сверкнул огонь. Потом ударило. Еще раз донесся вопль Маргариты:

- Гроза! – и сверху хлынула вода.

Поэт успел увидеть, как по переулку пробежали какие-то женщины, упали на колени, стали креститься и простирать руки к небу.

ССОРА НА ВОРОБЬЕВЫХ ГОРАХ

Был вечер. Солнце падало за Москву-реку. На небе не было и следов грозы. Громадная радуга стояла над Москвой и, одним концом погрузившись в Москву-реку, пила из нее воду.

Над Москвой ходил и расплывался дым, но нигде уже не было видно огня.

Нетерпеливые черные кони копытами взрывали землю на холме.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Когда совсем за вечерело, Бегемот, стоящий у обрыва, приложил лапу ко лбу, всмотрелся и доложил Воланду:

– Будь я проклят, мессир, если это не они!

В воздухе над Москвой-рекой мелькнула черная точка, увеличилась, превратилась в черный лоскут, рядом с ним сверкнуло голое тело, и через мгновение Азazelло со спутниками спустился на холм.

Поэт в лохмотьях рубашки, с лицом, выпачканным в саже, над которым волосы его казались совсем светлыми, как солома, взял за руку подругу и предстал перед Воландом.

Тот с высоты своего роста глянул на прибывших и усмехнулся.

– Я рад вас видеть, друзья мои, – заговорил он, – и я полагаю, что вы не откажетесь стать моими гостями.

Поэт молчал, глядя на Воланда, молчала и Маргарита.

– Что ж, в путь без дальних разговоров, – добавил Воланд, – пора.

Коровьев галантно подлетел к Маргарите, подхватил ее и водрузил на широкую спину лошади. Та шарахнулась, но Маргарита вцепилась в гриву и, оскалив зубы, засмеялась.

– Гоп! – заорал Бегемот и, перекувыркнувшись, вскочил на коня.

Остальные еще не успели сесть, как Азazelло обратился к Воланду:

– Извольте полюбоваться, сир, – засипел он с негодованием, указывая корявым пальцем вниз на реку.

Три серые, широкие к корме, лодки, сидя на корме, задрав носы кверху, как бритвой разрезая воду, разводя после себя буйную волну с пеной, гудя пронеслись против течения и, разом смолкнув, пристали к берегу.

Из всех трех лодок высыпались на берег вооруженные люди и по команде «бегом!» бросились штурмовать холм. Лица их были как лица странных чудовищ, с огромными глазищами серого безжизненного цвета и с хвостом вместо носа.

– Э... да они в масках, – проворчал Азazelло.

Прибытие людей более всего почему-то расстроило Бегемота. Бия себя лапами в грудь, он разорался насчет того, что это ему надоело, что он даже на лошадь не может сесть спокойно и что все эти маски ни к чему, что он раздражен!

Тем временем люди из первой шеренги из каких-то коротеньких, но зловещих ружей дали сухой залп по холму, отчего лошади, приложив уши, шарахнулись, и Маргарита еле усидела, а вороны, игравшие в голой роще перед сном, вдруг камнем стали падать на землю. Тут же густое ворчание и всхлипывание послышалось высоко в воздухе, и первый аэроплан с чудовищной скоростью, снижаясь, бесстрашно пошел к холму.

За ним сверкнул, потух, опять сверкнул и приблизился второй, а далее над Москвой запело и заурчало целое звено.

– Этого я видеть равнодушно не могу! – воскликнул Бегемот и, проорав на коней: «Балуй!» – обратился к Воланду: – Дозвольте, ваше сиятельство, свистнуть.

– Ты испугаешь даму, – сухо усмехнувшись, ответил Воланд.

– Ах, нет, умоляю! Свистни! Свистни! – попросила Маргарита.

Лицо поэта пожелтело, и он задергал щекой, глядя на приближавшихся и враждебных людей.

В то же мгновение Бегемот сунул пальцы в рот и свистнул так, что вся округа

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
зазвенела, в роще посыпались сучья, из Москвы-реки плеснуло на берег, швырнув лодки в разные стороны.

Но бесстрашные маскированные продолжали свой стремительный бег вверх и дали второй залп.

– Это свистнуто, – ядовито сказал Коровьев, глядя на Бегемота, – свистнуто, не спорю, но ежели говорить откровенно, свистнуто неважно!..

– Я не музыкант, – обиженно отозвался Бегемот и подмигнул Маргарите.

– А вот дозвоьте, я попробую, – тоненько попросил Коровьев и, не дождавшись ответа, вдруг вытянулся вверх, как резинка, стал в полтора раза выше, потом завился, как винт, всунул пальцы в рот и, раскрутившись, свистнул.

Свиста Маргарита не слыхала, но она его видела. У нее позеленело в глазах, и лошадь под ней села на задние ноги. Она видела, как с корнем вывернуло деревья в роще и швырнуло вверх, затем берег впереди наступавших треснул червивой трещиной, и пласт земли рухнул в Москву-реку, поглотив наступавшие шеренги и бронированные лодки. Вода взметнулась вверх саженей на десять, а когда она упала, железный мост по левой руке беззвучно прогнулся в середине и беспомощно обвис. Без всякого звука рухнула крайняя башня Девичьего Монастыря вдали.

– Не в ударе я сегодня, – сказал Коровьев, рассматривая свои пальцы.

– Свины! – воскликнул Воланд снисходительно и сел на коня.

За ним то же сделали остальные, а Азazelло поднял вздрагивающего поэта на коня...

И кони тут же снялись и скачками понеслись вверх по обрывам.

Последнее, что видела Маргарита, это звено аэропланов, которое оказалось над головами, и настолько невысоко, что в переднем она ясно разглядела маленькую голову в шлеме.

Тут же что-то мелькнуло в воздухе, и близко в роще ударил вверх огонь, и грохнуло так, что оборвалось от страха сердце.

Кони были уже на верхней площадке. Второй аэроплан бросил бомбу поближе, в ключья разметав деревья и землю.

– Нам намекают, что мы лишние, – вскричал Коровьев и, пригнувшись к шее жеребца, прокричал тоненько:

– Любезные... гробят!

В то же мгновение воздух засвистал в ушах Маргариты, исчезла Москва со своим дымом и Воробьевы горы – навсегда.

НОЧЬ

(Глава предпоследняя)

21/IX.34 г. и далее.

Кони рвались вперед, а навстречу им летели сумерки. Полет принес упоение и Маргарите, и поэту. Кони спускались к земле, били с силой ногами, отталкивались и долго неслись на высоте сосен. Высшее наслаждение было именно в приближении к земле, в ударе об нее и последующем подъеме.

Воланд скакал впереди, и любовники видели, как черный его плащ летел над черной

Землю покрывали сумерки, и под летящими появлялись печально поблескивающие озера и пропадали. Возникали лесные массивы, и тогда Маргарита снижалась нарочно, чтобы дышать запахом земляной смолистой весны, и конь ее, хрипя, шел, чуть не задевая копытами растрепанные страшные загадочные сосны.

Небо густело синью с каждым мгновением, но где-то в безумной дали пылал край земли, и туда держали путь всадники.

Они нарочно избрали маршрут так, что никакие ни строения, ни огни не тревожили их. Они были лицом к лицу с ночью и землей. Их не беспокоили никакие звуки, кроме ровного гудения ветра, да еще, когда они мелькали над весенними стоячими водами, лягушки провожали их громовыми концертами, и в рощах загорались светляки.

Все шестеро летели в молчании, и поэт ни о чем не хотел думать, закрыв глаза и упиваясь полетом.

Но когда сумерки сменились ночью и на небе сбоку повис тихо светящийся шар луны, когда беленькие звезды проступили в густой сини, Воланд поднял руку, и черный раструб перчатки мелькнул в воздухе и показался чугуном. По этому мановению руки кавалькада взяла в сторону.

Воланд поднимался все выше и выше, за ним послушно шла кавалькада. Теперь под ногами далеко внизу то и дело из тьмы выходили целые площади света, плыли в разных направлениях огни.

Воланд вдруг круто осадил коня в воздухе и повернулся к поэту.

– Вам, быть может, интересно видеть это?

Он указал вниз, где миллионы огней дрожа пылали.

Поэт отозвался.

– Да, пожалуйста. Я никогда ничего не видел. Я провел свою жизнь заключенным. Я слеп и нищ.

Воланд усмехнулся и рухнул вниз. За ним со свистом, развевая гривы коней, опустилась свита.

Огни пропали, сменились тьмой, посвежело, и гул донесся снизу. Поэт вздрогнул от страха, увидев под собою черные волны, которые ходили и качались. Он крепче сжал жесткую гриву, ему показалось, что бездна всосет его и сомкнется над ним вода. Он слабо крикнул, когда бесстрашная и озорная Маргарита, крикнув, как птица, погрузилась в волну. Но она выскочила благополучно, и видно было, как в полутьме черные потоки сбегают с храпящего коня.

На море возник вдруг целый куст праздничных огней. Они двигались. Всадники уклонились от встречи, и перед ними возникли вначале темные горы с одинокими огоньками, а потом близко развернулись, сияя в свете электричества, обрывы, террасы, крыши и пальмы. Ветер с берега донес до них теплое дыхание апельсинов, роз и чуть слышную бензиновую гарь.

Воланд пошел низко, так что поэт мог хорошо рассмотреть все, что делалось внизу. Но, к сожалению, летели быстро, делая петли, и жадно глядящий поэт получил такое представление, что под ним только укатанные намащенные дороги, по которым вереницей, тихо шурша, текли лакированные каретки, и фары их со всех сторон бросали свет. Повсюду горели фонари, тихо шевелились пальмы, белоснежные здания источали назойливую музыку.

Воланд беззвучно склонился к поэту.

– Дальше, дальше, – прошептал тот. Развив такую скорость, что все огни внизу смазались, как на летящей ленте, Воланд остановился над гигантским городом. И опять под ногами в ослепительном освещении и белых, и синеватых, и красных огней потекли во всех направлениях черные лакированные крыши, и засветились прямые,

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru как стрелы, бульвары. Коровьев очутился рядом с поэтом с другой стороны, а неугомонная Маргарита понеслась и стала плавать совсем низко над площадью, на которой тысячью огней горело здание.

– Привал, может быть, хотите сделать, драгоценнейший мастер, – шепнул бывший регент, – добудем фраки и нырнем в кафе освежиться, так сказать, после рязанских страданий, – голос его звучал искушающе.

Но тоска вдруг сжала сердце поэта, и он беспокойно оглянулся вокруг. Ужасная мысль, что он виден, потрясла его. Но, очевидно, не были замечены ни черные грозные кони, висящие над блистающей площадью, ни нагая Маргарита. Никто не поднял головы, и какие-то люди в черных накидках сыпались из подъездов здания...

– Да вы, мастер, спуститесь поближе, слезьте, – зашептал Коровьев, и тотчас конь поэта снизился, он спрыгнул и под носом тронувшейся машины пробежал к подъезду.

И тогда было видно, как текли, поддерживая разряженных женщин под руки, к машинам горделивые мужчины в черном, а у среднего выхода стоял, прислонившись к углу, человек в разодранной, замасленной, в саже, рубашке, в разорванных брюках, в рваных тапочках на босу ногу, непричесанный. Его лицо дергалось судорогами, а глаза сверкали. Надо полагать, что шарахнулись бы от него сытые и счастливые люди, если бы увидели его. Но он не был видим. Он бормотал что-то про себя, дергался, но глаз не спускал с проходивших, ловил их лица и что-то читал в них, заглядывая в глаза. И некоторые из них почуяли присутствие странного, потому что беспокойно вздрагивали и оглядывались, минуя угол. Но в общем все было благополучно, и разноязычная речь трещала вокруг, и тихо гудели машины, становясь впереди, и отъезжали, и камни сверкали на женщинах.

Тут с холодной тоской представил вдруг поэт почему-то сумерки и озерцо, и кто-то и почему-то заиграл в голове на гармонии страдания, и пролил свет луны на холодные воды, и запахла земля. Но тут же он вспомнил убитого у манежной стены, стиснул руку нагой Маргарите и шепнул: «Летим!»

И уж далеко внизу остался город, над которым, как море, полыхал огонь, и уж погас и зарылся в землю, когда, преодолевая свист ветра, поэт, летящий рядом с Воландом, спросил его:

– А здесь вы не собираетесь быть?

Усмешка прошла по лицу Воланда, но голос Коровьева ответил сзади и сбоку:

– В свое время навестим.

И опять уклонились от селений и огней, и вокруг была только ночь.

По мере того как они неслись, приходилось забираться все выше и выше, и поэт понял, что они в горной местности. Один раз сверкнул высокий огонь и закрылся. Луна выбросилась из-за скал, и поэт увидел, что скалы оголены, страшны, тоскливы.

Тут кони замедлили бег, и на лысом склоне Бегемот и Коровьев вырвались вперед.

Поэт увидел отчетливо, как с Коровьева свалилась его шапчонка и пенсне, и когда он поровнялся с остановившимся Коровьевым, то разглядел, что вместо фальшивого регента перед ним в голом свете луны сидел фиолетовый рыцарь с печальным и белым лицом; золотые шпоры ясно блестели на каблуках его сапог, и тихо звякали золотые поводья. Рыцарь глазами, которые казались незрячими, созерцал ночное живое светило.

Тут последовало преображение Воланда. С него упал черный бедный плащ. На голове у него оказался берет и свисло набок петушиное перо. Воланд оказался в черном бархате и тяжелых сапогах с тяжелыми стальными звездными шпорами. Никаких украшений не было на Воланде, а вооружение его составлял только тяжелый меч на бедре. На плече у Воланда сидел мрачный боевой черный ворон, подозрительным глазом созерцал луну.

Бегемот же съезжился, лишился дурацкого костюма, превратился в черного мясистого кота с круглыми зажженными глазами.

Азazelло оказался в разных в обтяжку штанинах – одна гладкая, другая в широкую полоску, с ножом при бедре.

Поэт, не отрываясь, смотрел на Воланда и на его эскорт, и мысль о том, что он понял, кто это такой, наполнила его сердце каким-то жутковатым весельем.

Он обернулся и видел, что и Маргарита рассматривает, подавшись вперед, преобразившихся всадников, и ее глаза сверкают, как у кошки.

Тут Воланд тронул шпорами лошадь, и все опять поскакали. Скалы становились все грознее и голее. Скакали над обрывом, и не раз под копытами лошадей камни обрушивались и валялись в бездну, но звука их падения не было слышно. Луна сияла все ярче, и поэт убедился в том, что нигде здесь еще не было человека.

Сводчатое ущелье развернулось перед всадниками, и, гремя камнями и брэнча сбруей, они влетели в него. Грохот разнесло эхом, потом вылетели на простор, и Воланд осмотрелся, а спутники его подняли головы к луне. Поэт сделал то же и увидел, что на его глазах луна заиграла и разлила невиданный свет, так что скупая трава в расщелинах стала видна ясно.

В это время откуда-то снизу и издалека донесся слабый звон часов.

– Вот она полночь! – вскричал Воланд и указал рукой вперед.

Спутники выскакали за обрыв, и поэт увидел огонь и белое в луне пятно. Когда подъехали, поэт увидел догорающий костер, каменный, грубо отесанный стол с чашей, и лужу, которая издали показалась черной, но вблизи оказалась кровавой.

За столом сидел человек в белой одежде, не доходящей до голых колен, в грубых сапогах с ремнями и перепоясанный мечом.

На подъехавших человек не обратил никакого внимания – или же не увидел их. Он поднял бритое обрюзгшее лицо к лунному диску и продолжал разговаривать сам с собой, произнося непонятные Маргарите слова.

– Что он говорит? – тихо спросила Маргарита.

– Он говорит, – своим трубным голосом пояснил Воланд, – что и ночью и при луне ему нет покоя.

Лицо Маргариты вдруг исказилось, она ахнула и тихонько крикнула:

– Я узнала! Я узнала его! – и обратилась к поэту: – А ты узнаешь?

Но поэт даже не ответил, поглощенный рассматриванием человека.

А тот, между тем, гримасничая, поглядел на луну, потом тоскливо вокруг и начал рукою чистить одежду, пытаясь стереть с нее невидимые пятна. Он тер рукой грудь, потом выпил из чаши, вскричал:

– Банга! Банга!..

Но никто не пришел на этот зов, отчего опять забормотал белый человек.

– Хм, – пискнул кот, – курьезное явление. Он каждый год в такую ночь приходит сюда, ведь вот понравилось же место? И чистит руки, и смотрит на луну, и напивается.

Тут заговорил лиловый рыцарь голосом, который даже отдаленно не напоминал коровьевский, а был глуховат, безжизнен и неприязнен.

– Нет греха горшего, чем трусость. Этот человек был храбр и вот испугался кесаря один раз в жизни, за что и поплатился.

– О, как мне жаль его, о, как это жестоко! – заломив руки, простонала Маргарита. Человек выпил еще, отдуваясь, разорвал пошире ворот одеяния, видимо, почувал чье-то присутствие, подозрительно покосился и опять забормотал, потирая руки.

– Все умывается! Ведь вот скажите! – воскликнул кот.

– Мечтает только об одном – вернуться на балкон, увидеть пальмы, и чтобы к нему привели арестанта, и чтобы он мог увидеть Иуду Искарюта. Но разрушился балкон, а Иуду я собственноручно зарезал в Гефсиманском саду, – прогнусил Азazelло.

– О, пощадите его, – попросила Маргарита.

Воланд рассмеялся тихо.

– Милая Маргарита, не беспокойте себя. Об нем подумали те, кто не менее, чем мы, дальновидны.

Тут Воланд взмахнул рукой и прокричал на неизвестном Маргарите языке слово. Эхо грянуло в ответ Воланду, и ворон тревожно взлетел с плеча и повис в воздухе.

Человек, шатнувшись, встал, повернулся, не веря еще, что слышит голос, но увидел Воланда, поверил, простер к нему руки.

А Воланд, все также указывая рукой вдаль, где была луна, прокричал еще несколько слов. Человек, шатаясь, схватился за голову руками, не веря ни словам, ни явлению Воланда, и Маргарита заплакала, видя, как лицо вставшего искажается гримасой и слезы бегут неудержимо по желтым вздрагивающим щекам.

– Он радуется, – сказал кот.

Человек закричал голосом медным и пронзительным, как некогда привык командовать в бою, и тотчас скалы рассеклись, из ущелья выскочил, прыгая, гигантский пес в ошейнике с тусклыми золотыми бляхами и радостно бросился на грудь к человеку, едва не сбив его с ног.

И человек обнял пса и жадно целовал его морду, восклицая сквозь слезы: «Банга! О, Банга!»

– Это единственное существо в мире, которое любит его, – пояснил всезнающий кот.

Следом за собакой выбежал гигант в шлеме с гребнем, в мохнатых сапогах. Бульдожье лицо его было обезображено – нос перебит, глазки мрачны и встревожены.

Человек махнул ему рукой, что-то прокричал, и с топотом вылетел конный строй хищных всадников. В мгновение ока человек, забыв свои годы, легко вскочил на коня, в радостном сумасшедшем исступлении швырнул меч в луну и, пригнувшись к луке, поскакал. Пес сорвался и карьером полетел за ним, не отставая ни на пядь; за ним, сдавив бока чудовищной лошади, взвился кентурион, а за ним полетели, беззвучно распластавшись, сирийские всадники.

Донесся вопль человека, кричавшего прямо играющей луне:

– Ешуа Га-Ноцри! Га-Ноцри!

Конный строй закрыл луну, но потом она выплыла, а ускакавшие пропали...

– Прощен! – прокричал над скалами Воланд, – прощен!

Он повернулся к поэту и сказал, усмехаясь:

– Сейчас он будет там, где хочет быть – на балконе, и к нему приведут Ешуа Га-Ноцри. Он исправит свою ошибку. Уверяю вас, что нигде в мире сейчас нет создания более счастливого, чем этот всадник. Такова ночь, мой милый мастер! Но теперь мы совершили все, что нужно было. Итак, в последний путь!

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

Над неизвестными равнинами скакали наши всадники. Луны не было, и неуклонно светало. Воланд летел стремя к стремени рядом с поэтом.

– Но скажите мне, – спрашивал поэт, – кто же я? Я вас узнал, но ведь несовместимо, чтобы я, живой из плоти человек, удалился вместе с вами за грани того, что носит название реального мира?

– О, гость дорогой! – своим глубоким голосом ответил спутник с вороном на плече, – о, как приучили вас считаться со словами! Не все ли равно – живой ли, мертвый ли!

– Нет, все же я не понимаю, – говорил поэт, потом вздрогнул, выпустил гриву лошади, провел по телу руками, расхохотался.

– О, я глупец! – воскликнул он, – я понимаю! Я выпил яд и перешел в иной мир! – Он обернулся и крикнул Азazelло:

– Ты отравил меня!

Азazelло усмехнулся ему с коня.

– Понимаю: я мертв, как мертва и Маргарита, – заговорил поэт возбужденно. – Но скажите мне...

– Мессир... – подсказал кто-то.

– Да, что будет со мною, мессир?

– Я получил распоряжение относительно вас. Преблагоприятное. Вообще могу вас поздравить – вы имели успех. Так вот, мне было велено...

– Разве вам можно велеть?

– О, да. Велено унести вас...

Примечания

1 Рукопись не обнаружена. Впервые опубликована с ведома и согласия Е. С. Булгаковой в книге: Булгаков М. Пьесы. М., 1962; перепечатывалась в книгах. Булгаков М. Драмы и комедии. М., 1965; Булгаков М. Пьесы. М., 1986 (одним из составителей этого сборника была Л. Е. Белозерская); Булгаков М. Кабала святош. М., 1991 (Составители В. И. Лосев, В. В. Петелин) и др. Публикуется по расклейке последнего издания.

Отвечая на вопрос, почему он написал пьесу о Мольере, Булгаков сказал; «Трудно ответить на этот вопрос. Я читаю, перечитываю и люблю Мольера с детских лет. Он имел большое влияние на мое формирование как писателя. Меня привлекала личность учителя многих поколений драматургов – комедианта на сцене, неудачника, меланхолика и трагического человека в личной жизни». (См.: Булгаков М. Он был велик и неудачлив. Интервью с Булгаковым опубликовано 15 февраля 1936 года, накануне премьеры в Художественном театре, в газете «Горьковец», газете театра).

Современники в своих воспоминаниях и исследователи в своих статьях и примечаниях к публикациям драмы утверждают, что М. Булгаков пользовался обширной литературой для того, чтобы исторический фон, на котором сталкиваются Людовик XIV и Мольер, был правдив и достоверен «1929 год – вспоминает Л. Е. Белозерская. – Пишется пьеса „Мольер“. Действует все тот же убитый или еще не добытый творческий инстинкт. Перевожу с французского биографии Мольера. Помню длинное торжественное стихотворение, где творчество его отождествляется с силами и красотой природы...

М. А. ходит по кабинету, диктует текст, играя попутно то или иное действующее лицо. Это очень увлекательное действо.

Мне нравится, как французы пишут биографии: у них много ярких деталей, дающих драматургу сценическую краску. Вспоминаю, с каким вкусом и знанием дела автор, истый француз, описывал туалет Арманды: желтое шелковое платье, отделанное белыми кружевами...

Как сейчас вижу некрасивое талантливое лицо Михаила Афанасьевича, когда он немного в нос декламирует:

Муза, муза моя, о, лукавая Талия...»

(См.: Л. Е. Белозерская Воспоминания. М., 1990, с. 177).

Осенью 1929 года Булгаков начал писать, в декабре закончил. Первые отзывы о пьесе вселили надежды на ее постановку: к этому времени пьесы «Дни Турбиных», «Зойкина квартира», «Багровый остров» и «Бег» были запрещены к публичному исполнению

«Первое чтение состоялось у Ляминых. На втором, у нас на Пироговской, присутствовали О. Л. Книппер-Чехова, И. М. Москвин, В. Я Станицын, М. М. Яншин, П. А. Марков и Лямины. На столе М. А. в канделябрах горели свечи. Читал он, как всегда, блистательно», – вспоминала Л. Е. Белозерская (там же, с. 177–178).

19 января 1930 года драма была прочитана во МХАТе, одобрена и принята к постановке коллективом Театра, но Главрепертком постановку запретил 18 марта этого же года. Лишь в марте 1932 года, после вмешательства А. М. Горького и других видных деятелей, приступили к репетициям, длившимся до февраля 1936 года и погубившим спектакль. После премьеры, состоявшейся 16 февраля 1936 года, спектакль был сыгран всего лишь семь раз и снят после разгромной статьи в «Правде» «Внешний блеск и фальшивое содержание», опубликованной 9 марта 1936 года.

А все дело в том, что в драме разглядели сатирическое изображение современности, усмотрели стремление автора «бить нашу цензуру, наши порядки», так что пропустить такую пьесу Главрепертком никак не мог. Отсюда и столь затяжная борьба, а в итоге – снятие из репертуара спектакля, в котором были заняты лучшие силы Театра.

Исследователи и мемуаристы не раз подчеркивали, что М. Булгаков очень внимательно отнесся к историческим реалиям, почерпнутым из биографических и исторических книг о Мольере. Так и в борьбе за постановку своей пьесы «Тартюф», так и в изображении сложностей и противоречий личной судьбы Мольер показан в соответствии с исторической правдой. Мольер, Людовик XIV, Лагранж, Мадлена и Арманда полностью соответствуют своим историческим прототипам. Прототип Муаррона, будущий известный актер труппы Мольера Мишель Барон, действительно был извлечен из клавирина органиста Резена и впоследствии стал любовником Арманды. Были прототипы и у образа Шаррона, и у других образов драмы. Но, естественно, используя документальные данные в качестве строительного материала, Булгаков не сдерживал своей писательской фантазии. И он не скрывал своих отступлений от исторической правды: «Я допустил целый ряд сдвигов, служащих к драматургическому усилению и художественному украшению пьесы. Например, Мольер фактически умер не на сцене, а, почувствовав себя на сцене дурно, успел добраться домой; охлаждение короля к Мольеру, имевшее место в истории, доведено мною в драме до острого конфликта» (См.: Смелянский А. Михаил Булгаков в Художественном театре М., 1986, с. 258).

Но не Мольер был главным в творческом замысле пьесы, а Кабала Святош, давившая всякое свободомыслие и действительно существовавшая во Франции с 1627 по 1666 год, когда умерла королева Анна Австрийская, тайная вдохновительница этого «Общества»; Кабала святош увидела в Тартюфе собирательный образ члена своего общества, отрицание своих устоев и принципов и попыталась раздавить опасного разоблачителя, за свой талант пользующегося поддержкой Людовика XIV.

В статье А. Грубина «О некоторых источниках пьесы М. Булгакова „Кабала святош“» («Мольер») говорится, что в 80-х гг. XIX века в Национальной библиотеке Парижа были найдены многочисленные материалы о деятельности «Общества Святых Даров», получившей название «Кабала Святош». В начале XX века этой тайной организации были посвящены две книги французских ученых: это «„Анналы“ Общества Святых Даров» Густава Аржансона и «Кабала святош» Рауля Аллье. «Раскинувшееся по всей Франции, объединявшее мирян и священнослужителей, „Общество“, несмотря на периодические угрозы со стороны официальной церкви и правительства, осуществляло в течение многих лет свою деятельность по „порабощению умов“, – писал А. Грубин. – Под прикрытием призыва: „Пресекать всякое зло, содействовать всему доброму“, – оно вело борьбу с „безнравственностью“, ересью и просто с недостатком религиозного рвения. „Обществу“ мерещилось существование растлевающей умы коалиции вольнодумцев, и насилие, как духовное, так и

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru физическое, широко использовалось этим движением – от доносов и клевет до сожжения людей на костре (так поэт Клод Ле Пти был сожжен в 1662 году). Отношение „Общества“ к театру было особенно нетерпимым, ибо в глазах его членов комедианты служили дьяволу. История запрещения мольеровского „Тартюфа“, как показывает Аллье, тесно связана с деятельностью „Общества“. Аллье приводит ряд свидетельств (например, историю развратного епископа Рокетта) в пользу того, что Мольер в образе Тартюфа воплотил многие черты, характерные для членов „Общества Святых Даров“, что и вызвало бешенство этой партии.

Наиболее полно перипетии борьбы, разгоревшейся вокруг „Тартюфа“, были описаны в труде Э.Ригалья „Мольер“ (1908), в которой глава о „Тартюфе“ занимает центральное место. Опираясь на данные, приведенные в книге Аллье, Ригаль рисует картину неустанных преследований, которым подвергался Мольер со стороны „Общества Святых Даров“.

Знакомясь с материалами по истории „Тартюфа“, Булгаков, думается, физически ощутил атмосферу страха, в которой находился Мольер в этот период жизни. Мысль о костре, которым ему угрожал в своем „сочинении“ Пьер Рулле, поддержанный затем в своих „претензиях“ к комедианту-дьяволу другими иезуитами, надо думать, Мольера совсем не радовала. Со всей полнотой отразилась в булгаковской пьесе репрессивная сущность „Кабалы“. На репетициях пьесы во МХАТе в 1935 году Булгаков настаивал на том, что спектакль о Мольере должен держать зрителя в напряжении – „а вдруг его зарежут“, что зрителя на спектакле должна охватить „боязнь за его жизнь“». (См.: М. А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени. М., 1988, с. 144–146)

И снова предоставляем слово Л. Е. Белозерской, стоявшей у истоков этого гениального сочинения: «Не повезло этому произведению М. А.! После нескольких представлений пьеса была снята. Я не видела этого спектакля, но совершенно уверена, что того глумления, которое претерпела уже в наши дни пьеса в Театре Ленинского комсомола, во МХАТе быть не могло.

Я долго крепилась, не шла смотреть „Мольера“, в постановке А. В. Эфроса: с меня было вполне достаточно одной „Чайки“ в его „обработке“. Но вот мне подарили билет ко дню именин, и мне уж никак нельзя было отказаться и не пойти.

Пьеса в свое время была посвящена мне. Но я не представляла себе, что меня ожидает.

Начать с того, что не каждый драматургический текст поддается чисто условной трактовке, когда сам зритель неустанно должен ломать себе голову, стараясь угадать, кто – кто, кто – где и почему именно так...

Почему зритель, например, должен понять, что среди бестолково набросанного театрального реквизита пробирается „Солнце Франции“, Людовик XIV? Вряд ли сам актер верил, что изображает это „Солнце“. Не верили и мы, зрители.

Почему ведущая актриса Парижского (Парижского!) театра Мадлена Бежар похожа в последнем акте на подмосковную огородницу в кофте навывпуск? Почему другая актриса, Арманда Бежар, впоследствии жена Мольера, вела себя так вульгарно? Условная трактовка – прием тонкий и, если зритель воспринимает веками установившуюся условность японского театра „Кабуки“, то „шиворот-навыворот“ А. В. Эфроса – явление не очень хорошего вкуса. Признаюсь откровенно: я прострадала весь спектакль и ушла с горьким чувством обиды за Михаила Афанасьевича Булгакова, талант которого нет-нет, да и прорывался сквозь режиссерскую шелуху. Тогда сразу становилось интересно и легко на душе.

Композитор Андрей Волконский, вообще-то человек со вкусом, к тому же всю юность проведший во Франции, в данном случае внес свою лепту в общую неразбериху.

И вот какая мысль принципиального порядка пришла мне в голову. Представим себе, что широкую улицу переходит там, где положено и когда положено, писатель Булгаков, а на мотоцикле мчится Эфрос, не обращая внимания на световые сигналы, сшибает Булгакова и наносит ему телесные увечья. Он ответит со всей строгостью советского закона – так мне сказали юристы и подсказала логика. Так почему же при нанесении моральных увечий произведению писателя никто не несет никакой ответственности? Почему?» (Л. Е. Белозерская. Воспоминания, с. 178–179.)

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Я процитировал эти воспоминания не случайно, а просто потому, что по ее совету я тоже пошел посмотреть этот спектакль 70-х, а потом при встрече мы долго обсуждали эту постановку, вспоминая многочисленные курьезы ее. Лишь о некоторых вспомнила Л. Е. Белозерская.

Так что постановка этой пьесы – еще впереди!

Какую редакцию предпочтет Театр – это вопрос Театра.

Считаю, что и эта редакция имеет право на существование, потому что ее рекомендовали к публикации Е. С. Булгакова в 1962 году и Л. Е. Белозерская-Булгакова в 1986 году.

2

Для его славы уже ничего не нужно. Но он нужен для нашей славы (фр.)

3

Начало молитвы: «Хвалим, Господи, тебе, царю вечной славы» (лат.)

4

Основной источник текста: Мертвые души. М., 1930. Авторский экземпляр (Музей МХАТ БРЧ № 834. Авторизованная машинопись).

Опубликован впервые в книге: Булгаков М. Пьесы. М., Советский писатель, 1986. Составители: Л. Е. Белозерская, И. Ю. Ковалева.

Публикуется по ксерокопии книги: Булгаков М. Кабала святош. М., Современник, 1991. Составители В. И. Лосев, В. В. Петелин.

Булгаков приступил к инсценировке, как только его приняли во МХАТ в качестве режиссера. Театр давно собирался поставить спектакль по «Мертвым душам», но инсценировки романа были неудачными.

Уже в мае 1930 года Булгаков делает первые наброски инсценировки по «Мертвым душам». Намерен показать и самого Гоголя, диктующего свое сочинение в Риме, а значит – и Рим, с его солнцем, гитарами и макаронами. Летом он работает с «трамбовцами» на юге, а вернувшись, вместе с режиссером-постановщиком В. Сахновским и завлитом П. Марковым обсуждают общий замысел комедии по Гоголю: «Рим мой, был уничтожен, лишь только я доложил экспозитив». И Рима моего мне безумно жаль!» – писал Булгаков 7 мая 1932 года, вспоминая начало работы над «Мертвыми душами».

31 октября 1930 года состоялось первое чтение инсценировки в присутствии В. И. Немировича-Данченко, в целом одобрявшего комедию.

Наметились и противоречия с Театром: Булгакову хотелось ввести в комедию образ Первого в спектакле как равноправное действующее лицо, в чем-то напоминающего самого Гоголя, но Театр усмотрел в этом образе резонера, комментатора событий, мешающего развитию действия.

18 ноября 1930 года Булгаков, направляя Немировичу-Данченко текст комедии, попытался защитить свой замысел: «Повторный анализ текста моей инсценировки, и в особенности плюшкинской сцены, что можно сделать попытку расширить роль Первого в спектакле с целью органически вплести ее во все сцены спектакля, сделав Первого в полном смысле слова ведущим спектакль... по-видимому, пьеса станет значительно больше при введении роли Чтеца, или Первого, но при обязательном условии, если Чтец, открыв спектакль, поведет его в непосредственном и живом движении вместе с остальными персонажами, то есть примет участие не только в „чтении“, но и в действии». (См.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год,

Вначале это намерение Булгакова было поддержано, но в ходе репетиций в этой роли В. И. Качалов показался слабым связующим звеном всего спектакля. Отказались от этой роли, потом снова приступили к репетициям с Качаловым. Но эта роль была в целом снята из спектакля. Булгаков очень жалел, что роль Первого не получилась в спектакле. Да и сам спектакль претерпевал большие изменения в ходе его постановки. Сахновскому и художнику В. В. Дмитриеву не удалось осуществить свой замысел Е. Кухта, исследовавшая творческую историю постановки «Мертвых душ», писала в комментариях к публикации комедии: «Режиссер ориентировал спектакль на гротескного трагического Гоголя, открытого сценой 20-х годов, а значит, в первую очередь В. Э. Мейерхольдом, фантазировал спектакль скорее на мейерхольдовские, чем булгаковские темы. Оставленные им описания сцен камерального заседания чиновников и поисков пропавшего с губернаторского бала Чичикова выдают сильное влияние мейерхольдовского „Ревизора“. Символистский мотив страха как субстанции иррационального мира, столь явный у Сахновского, Булгакову мало близок, в его тексте такого мотива нет». (См.: Булгаков М. Собрание сочинений. М., Художественная литература, 1990, т.4, с.601)

С февраля 1931 года в постановку спектакля включился К. С. Станиславский, и спектакль стал приобретать реалистические черты, в духе системы Станиславского.

У Булгакова возникли надежды вернуться к первоначальному замыслу инсценировки, когда сам автор был как равный среди действующих лиц и высказывал свои суждения по ходу развития событий. В воображении Булгакова формировался образ самого Николая Васильевича Гоголя, он разговаривал с ним, переживал вместе с ним во время его работы над «Мертвыми душами». Чтобы быть точным и достоверным, Булгаков тщательно выписывает из переписки Гоголя нужные ему фразы. И он вновь с надеждой возвращается к первым наброскам текста:

«Картина 1.

Комната в доме на Виа Феличе в Риме. В прорезях ставень раскаленный Рим. Мозаичный пол. Книжный шкаф. Древняя римская лампа. Громаднейший графин с холодной водой.

Великий чтец без фрака. Поклонник за бюро пишет под его диктовку.

Слышно бряцание трех гитар, и нежный тенор поет по-итальянски. Слышен женский голос:

Чтец – худой человек с неопрятными длинными волосами, острым длинным носом, неприятными глазами, со странными ухватками, очень нервный человек. Пьет воду.

Поклонник(робко). Что это вы, Николай Васильевич, все воду пьете?

Чтец(таинственно). Геморойд мне бросился на грудь и нервическое раздражение...

Поклонник смотрит, открыв рот.

Чтец. Облегчение приписываю я холодной воде, которую стал я лить...» (См: ОР РГБ, ф. 562, к. 17, ед. хр. 4.)

Видимо, этот текст не понравился и Станиславскому, постепенно роль Первого, который возник вместо Чтеца, сходила на нет, в конце концов и Станиславский от него отказался.

Репетиции шли долго, измотали Булгакова до изнеможения, потому что в ходе репетиций менялся замысел инсценировки: Станиславский как художник увидел

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
«Мертвые души» по-своему и поставил их, основываясь на своем видении.

Ход работы над «Мертвыми душами», переживания Булгакова в эти месяцы работы в Театре переданы в письме П. С. Попову 7 мая 1932 г.:

«Итак, мертвые души... Через девять дней мне исполнится 41 год. Это – чудовищно! Но тем не менее это так.

И, вот, к концу моей писательской работы я был вынужден сочинять инсценировки. Какой блистательный финал, не правда ли? Я смотрю на полки и ужасаюсь: кого, кого еще мне придется инсценировать завтра? Тургенева, Лескова, Брокгауза-Ефрона? Островского? Но последний, по счастью, сам себя инсценировал, очевидно предвидя то, что случится со мною в 1929–1931 гг. Словом...

1) „Мертвые души“ инсценировать нельзя. Примите это за аксиому от человека, который хорошо знает произведение. Мне сообщили, что существуют 160 инсценировок. Быть может, это и неточно, но во всяком случае; случае играть „Мертвые души“ нельзя.

2) А как же я-то взялся за это?

Я не брался, Павел Сергеевич. Я ни за что не берусь уже давно, так как не распоряжаюсь ни одним моим шагом, а Судьба берет меня за горло. Как только меня назначили в МХТ, я был введен в качестве режиссера-ассистента в „М. Д.“ (старший режиссер Сахновский, Телешева и я). Одного взгляда моего в тетрадку с инсценировкой, написанной приглашенным инсценировщиком, достаточно было, чтобы у меня позеленело в глазах. Я понял, что на пороге еще Театра попал в беду – назначили в несуществующую пьесу. Хорош дебют? Долго тут рассказывать нечего. После долгих мучений выяснилось то, что мне давно известно, а многим, к сожалению, неизвестно: для того, чтобы что-то играть, надо это что-то написать. Коротко говоря, писать пришлось мне.

Первый мой план: действие происходит в Риме (не делайте больших глаз!). Раз он видит ее из „прекрасного далека“ – и мы так увидим!

Рим мой был уничтожен, лишь только я доложил экспозе; . И Рима моего мне безумно жаль!

3) Без Рима, так без Рима.

Именно, Павел Сергеевич, резать! и только резать! И я разнес всю поэму по камням. Буквально в клочья. Картина 1 (или пролог) происходит в трактире в Петербурге или в Москве, где секретарь Опекунского совета дал случайно Чичикову уголовную мысль покойников купить и заложить (загляните в т. I гл. XI). Поехал Чичиков покупать. И совсем не в том порядке, как в поэме. В картине X-й, называемой в репетиционных листках „Камеральной“, происходит допрос Селифана, Петрушки, Коробочки и Ноздрева, рассказ про капитана Копейкина и приезжает живой капитан Копейкин, отчего прокурор умирает. Чичикова арестовывают, сажают в тюрьму и выпускают (полицмейстер и жандармский полковник), ограбив дочиста. Он уезжает.

„Покатим, Павел Иванович!“.

Вот-с, какие дела.

Что было с Немировичем, когда он прочитал! Как видите, это не 161-я инсценировка и вообще не инсценировка, а совсем другое. (Всего, конечно, не упишешь в письме, но, например, Ноздрев всюду появляется в сопровождении Мижучева, который ходит за ним как тень. Текст сплошь и рядом передан в другие уста, совсем не в те, что в поэме, и так далее.)

Владимир Иванович был в ужасе и ярости. Был великий бой, но все-таки пьеса в этом виде пошла в работу. И работа продолжается около 2-х лет.

4) Ну и что же, этот план сумели выполнить? Не беспокойтесь, Павел Сергеевич, не сумели. Почему же? Потому что, к ужасу моему, Станиславский всю зиму прохворал, в Театре работать не мог (Немирович же за границей).

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
На сцене сейчас черт знает что. Одна надежда, что Ка-Эс поднимется в мае, глянет на сцену.

Когда выйдут „Мертвые души“. По-моему – никогда. Если же они выйдут в том виде, в каком они сейчас, будет большой провал на Большой Сцене.

В чем дело? Дело в том, что для того, чтобы гоголевские пленительные фантазмагии ставить, нужно режиссерские таланты в Театре иметь...» (См.: Письма, М., 1989, с.239–241.)

Но Станиславский выздоровел, активно взялся за работу, репетиции пошли полным ходом. Возникли несколько другие «Мертвые души», Булгаков сопротивлялся, как мог, происходящей ломке его замысла, но и не мог не восхищаться талантливой работой великого художника. Во всяком случае после одной из репетиций Булгаков написал письмо Станиславскому.

«Дорогой Константин Сергеевич!

Я на другой же день после репетиции вечеринки в „Мертвых душах“ хотел написать это письмо, – писал Булгаков 31 декабря 1931 года, – но, во-первых, стеснялся, а во-вторых, не был связан с Театром (простужен).

Цель этого неделового письма выразить Вам то восхищение, под влиянием которого я нахожусь все эти дни. В течение трех часов Вы на моих глазах ту узловую сцену, которая замерла и не шла, превратили в живую. Существует театральное волшебство!

Во мне оно возбуждает лучшие надежды и поднимает меня, когда падает мой дух. Я затрудняюсь сказать, что более всего восхитило меня. Не знаю по чистой совести. Пожалуй Ваша фраза по образу Манилова. „Ему ничего нельзя сказать, ни о чем нельзя спросить – сейчас же прилипнет“ – есть высшая точка. Потрясающее именно в театральном смысле определение, а показ – как это сделать – глубочайшее мастерство!

Я не беспокоюсь относительно Гоголя, когда Вы на репетиции. Он придет через Вас. Он придет в первых картинах представления в смехе, а в последней уйдет, подернувшись пеплом больших раздумий. Он придет. Ваш М. Булгаков».

Эти письма – Попову и Станиславскому – вроде бы написаны разными людьми, настолько суждения об одном и том же «предмете» разноречивы, но я их привел специально, чтобы показать живого Булгакова, острого, думающего, противоречивого, склонного поддаваться сиюминутным настроениям.

В ходе работы со Станиславским от многого пришлось отказаться, заботясь прежде всего о «нарастании сценического действия».

Выпала роль Первого, сокращены одни, переработаны другие сцены. Возникла другая редакция комедии, театральный ее вариант.

28 ноября 1932 года состоялась премьера «Мертвых душ». В спектакле принимали участие Топорков, Москвин, Тарханов, Леонидов, Кедров и другие блистательные актеры и актрисы МХАТа. Спектакль начал успешное шествие. Выдержал сотни представлений с различным составом, стал классикой русского театрального искусства. Об игре актеров написаны сотни статей, а в книгах о МХАТе и Станиславском непременно подробно рассказывается и анализируется.

При этом обращаем внимание на следующее: Булгаков создал самостоятельное произведение, яркое, сценическое, многие актеры с упоением отдавались игре, потому что, как говорилось, роли были «играбельными», были индивидуальные сцены, были массовые, где были заняты десятки актеров и актрис... Так что Театр торжествовал свой успех.

И вместе с тем в пьесе «все из Гоголя, ни одного слова чужого», не раз утверждал сам Булгаков, а исследователи лишь подтвердили истинность его слов.

«Доктор Лесли Милн, английский литературовед и прекрасный знаток творчества, – писала Л. Яновская, – проделала интереснейшую работу: „разнесла по источникам“ монолог Первого, установила источник каждой фразы и почти каждого слова. Булгаков последовательно использовал здесь повесть Гоголя „Рим“, причем строки и

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru слова из разных мест совместил, свободно перекомпоновал; „Мертвые души“, письмо Гоголя, воспоминания Анненкова. А далее включается „Невский проспект“ – строки из разных мест „Невского проспекта“ – и снова „Мертвые души“... И весь этот из гоголевских слов состоящий текст звучит необыкновенно и ново и свежо в завораживающем ритме Михаила Булгакова, с гоголевской необычайностью выражений, с лаконизмом XX века». (См. Яновская Л. Творческий путь Михаила Булгакова. М., Советский писатель, 1983, с. 209.)

Сохранились стенограммы обсуждений спектакля: в декабре 1932 года состоялось обсуждение во МХАТе в присутствии нового председателя Главреперткома Осафа Литовского под председательством Вс. Вишневского (см.: РГАЛИ, ф. 1038, оп. 1, ед. хр. 672) и обсуждение во Всеросскомдраме 15 января 1933 г. На последнем заседании присутствовал Юрий Слезкин, оставивший любопытные записи в дневнике: «Вечером доклад Андрея Белого о „Мертвых душах“ Гоголя и постановке их в МХАТе. Битком набито. Мейерхольд, Эйзенштейн, Попова (от Корша), Топорков, (играющий Чичикова в МХАТе)...

– Возмущение, презрение, печаль вызвала во мне постановка „Мертвых душ“ в МХАТе, – резюмировал Белый, – так не понять Гоголя! Так заковать его в золотые, академические ризы, так не суметь взглянуть на Россию его глазами! И это в столетний юбилей непревзойденного классика. Давать натуралистические усадьбы николаевской эпохи, одну гостиную, другую, третью и не увидеть гоголевских просторов... гоголевской тройки, мчащей Чичикова–Наполеона к новым завоеваниям. Позор!

Ушел с печалью. Все меньше таких лиц, как у Белого, встречаешь на своем пути. Вокруг свиные рыла – хрюкающие, жующие, торжествующие.» – гневно заканчивал Ю. Слезкин запись этого дня. (См.: Письма, с. 241–242.)

Ушел с печалью, я уверен в этом, и М. А. Булгаков... Сколько бился он за то, чтобы дать роль Первому, то есть самому Николаю Васильевичу Гоголю, работающему в Риме над «Мертвыми душами», дать его в римской обстановке и из этого «прекрасного далека» с болью и смехом описывающего события в России. Сколько бился он за свой творческий замысел, но победить в этой битве ему не удалось: Станиславский увидел «Мертвые души» по-своему, он тоже художник, он имеет право на свое видение.

5

Так называемая история (фр.)

6

5 июня 1931 года Булгаков заключил договор с Ленинградским Красным театром Госнардома им. К. Либкнехта и Р. Люксембург. Черновая рукопись закончена 22 августа 1931 года.

В те же дни пьеса была перепечатана.

Эта авторизованная машинопись впервые опубликована в журнале «Октябрь» (№ 6 за 1987 г.) публикаторы В. Лосев, Б. Мягков, Б. Соколов.

В последующих публикациях (Собрание сочинений в пяти томах, т. 3; Пьесы 30-х годов, подготовка текста и примечания – И. Е. Ерыкалова) указаны ошибки и неточности первой публикации, выявленные при сверке с черновыми рукописями.

Публикуется авторизованная машинопись по ксерокопии книги: Булгаков М. Кабала святош, М., Современник, 1991. Составители В. И. Лосев, В. В. Петелин. Внесены необходимые исправления по черновой рукописи, хранящейся в ОР РГБ, ф. 562, к. 12, ед. хр. 8.

Но разночтения остались. Например, в нашей публикации в 4-м акте осталось: «В лесу светлеет»; в т. 3 и в питерской публикации И. Е. Ерыкалова дает: «В лесу светает». Есть и другие мелкие разночтения. Все это лишь подтверждает

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru неоднократно высказанную мысль о необходимости подготовки академического собрания сочинений.

Знакомство М. А. Булгакова с директором Красного театра В. Е. Вольфом относят к лету 1930 года. Творческие планы в то время не были осуществлены, но желание привлечь Булгакова к работе Красного театра осталось.

Т. Д. Исмагулова в статье «К истории отношений М. А. Булгакова и Ленинградского Красного театра» подробно анализирует факты, документы, воспоминания, бросающие свет на эти отношения (См.: Проблемы театрального наследия М. А. Булгакова. Л., 1987).

Е. Шереметьева, завлит Красного театра тех лет, рассказывает о том, как руководство театра отправило ее в командировку в Москву для переговоров о новой пьесе к М. А. Булгакову. Много интересного можно извлечь из этих воспоминаний.

«Нужна была смелость и настоящее понимание, вера в значительность и своеобразие огромного таланта Булгакова, взять на себя за обращение к нему, заказ пьесы и выплату максимального аванса. Надо сказать, что ответственные за все это художественный руководитель и директор театра искренно радовались возможности хоть немного подержать в трудное для него время и, конечно, надеялись получить талантливую интересную пьесу», – вспоминала Е. Шереметьева.

Булгаков согласился написать пьесу при условии, что театр не ограничивает его сроком и не определяет темы: «пьеса должна быть о времени настоящем или будущем. При заключении договора театр выплачивает автору определенный лаж... Выплаченная сумма не подлежит возврату даже в том случае, если представленная автором пьеса по тем или иным причинам театром принята не будет».

«После каждой фразы он останавливался, – вспоминает В. Шереметьева, – вопросительно глядя на меня, и я подтверждала ее, а последнюю фразу он произнес с некоторым нажимом, усмехнулся и объяснил: Ведь автору неоткуда будет взять эти деньги, он их уже истратит!»

Вспомнила Е. Шереметьева и квартиру, в которой обедала вместе с М. А. Булгаковым: «Булгаков привез меня на Большую Пироговскую. Напротив сквера, в маленьком дворе стоял невысокий дом. В низком первом этаже этого дома расположилась необычная квартира. Открывая дверь из передней в комнату, Михаил Афанасьевич предупредил: „Осторожно, ступеньки“. Пол в столовой был выше, чем в передней, и у самой двери в углу две или три ступеньки вверх. Столовая очень маленькая, потолок низкий, окна невысоко от пола. Кроме двери в переднюю, в другой стене была еще дверь (кажется, в кабинет Михаила Афанасьевича) и еще третья – в противоположной стенке».

Договорились также и о том, что Булгаков приедет в Ленинград за счет театра: «Недели через две Михаил Афанасьевич приехал в Ленинград. Его устроили в „Европейской“, тогда лучшей гостиницы нашего города, старались, чтобы он чувствовал себя хорошо, были внимательны к нему, заботливы. Между деловыми, очень дружескими встречами с руководителями театра и спектаклями „угостили“ его катаньем на американских горках (тогда единственных в Советском Союзе), попросили у директора Госнардома, в систему которого входил Красный театр, машину – открытый „Остин“ – и часа три возили Булгакова, показывали город и его достопримечательности, которые хотел видеть Михаил Афанасьевич. Не раз он обедал с нами в маленькой, по-домашнему хорошей столовой Госнардома. Пригласили его на нашу вечеринку в квартиру актрисы Пасынковой. Помню, что большую комнату оформили под захудалое кабаре. На печку приклеили намалеванную на картоне высокую под потолок чахлую пальму в кадке, разнокалиберные столики покрыли газетами и афишами, на стенах развесили плакатики: „Спиртные (зачеркнуто) напитки продаются в неограниченном количестве“, „Бить посуду и ломать мебель разрешается“ и т. д. Все актрисы работали официантками, а в концертном отделении превращались в матрешек и пели частушки на злобу дня, а затем цыганский хор под аккомпанемент двух гитар (актеры Волосов и Селянин) спели величальную: „К нам приехал наш любимый, Михаил Афанасьевич дорогой“.

Булгаков тоже выступил в нашем концертном отделении, талантливо, как все, что он делал, рассказывал о МХАТе и о Станиславском, не копируя его, но какими-то штрихами отчетливо рисуя характер и манеру говорить и стариковский испуг, когда Константин Сергеевич в телефонном разговоре со Сталиным вдруг забыл его имя и

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
отчество. Рассказал о разговоре Станиславского с истопником, которому он
советовал растапливать печи так, как это делали в его детские годы в доме
Алексеевых...

Руководство театра и актеры понравились Михаилу Афанасьевичу, он подписал
договор на пьесу, ему выплатили максимальный из возможных аванс, и он уехал».

Через три месяца Булгаков приехал в Ленинград читать пьесу. Слушали ее четыре
человека: художественный руководитель Красного театра Вольф В. Е., режиссер
театра Гаккель Е. Г., директор театра Тихантовский Г. Д. и завлит Е. М.
Шереметьева. «К великому общему огорчению, – вспоминала Е. Шереметьева, –
ставить ее театр не мог. Кажется, меньше всех был расстроен автор. Он объяснил
это тем, что когда кончил писать, то ему самому показалось, что, пожалуй, его
„Адам и Ева“ не выйдут на сцену» (См.: М. А. Булгаков-драматург и художественная
культура его времени. М., 1988, с. 271–280).

18 сентября 1931 года газета «Советское искусство» объявила: «Драматург М. А.
Булгаков написал новую пьесу о будущей войне. В Москве пьеса передана для
постановки Театру им. Евг. Вахтангова, в Ленинграде – Красному театру».

Л. Е. Белозерская принимала активное участие в переписке этой пьесы, часть
рукописного текста, по-видимому, принадлежит ей. И вот ее мнение много лет
спустя об этой пьесе: «На том же широком писательском дыхании, что и „Бег“, была
написана фантастическая пьеса „Адам и Ева“...

Профессор химии академик Ефросимов сконструировал аппарат, нейтрализующий
действие самых страшных, самых разрушительных газов. Его изобретение должно
спасти человечество от гибели. Глубокий пацифизм характеризует академика
Ефросимова... Но пацифизм академика не только не встречает сочувствия среди
окружающих, наоборот, вызывает подозрительность и рождает мысль о его
предательстве.

Катастрофа все же неизбежна... На фоне мировой катастрофы сталкиваются различные
судьбы и характеры». (См... Воспоминания, с. 180–181.)

Вахтанговцы тоже отказались от постановки: погибает Ленинград.

Конечно, при желании пьесу можно было доработать, но Булгаков не любил эту
пьесу, он писал ее на заказ, а потому и не стал ее дорабатывать.

7

В первоначальном рукописном варианте – Ева Маврикиевна.

8

В рукописи далее зачеркнуто: «...и чтобы текущий их счет был в солидном, а не
сомнительном банке».

9

Адам! Ефросимов! Добрый день! Привет! Привет!

10

Всемирное правительство. Испанский летчик!.. Где находится Адам?

11

Нет, нет! Я не враг, не фашист! Вы Адам?

12

Где Дараган?

13

Дараган придет, придет!

14

Русские? Ура!

15

Это профессор Ефросимов?

16

Нет, нет!

17

Адам! Адам!

18

Обнять!

19

Нет, нет!

20

К аппаратам!

21

Ефросимов?

22

Гениальный человек!

23

Публикуется автограф пьесы, хранящийся в РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) ф. 369, ед. хр. 207, с учетом машинописного экземпляра, в котором есть полный список действующих лиц и деление на действия, отсутствующие в автографе (ф. 369, ед. хр. 208), по ксерокопии книги: Булгаков М. Кабала святош. М., 1991. Составители В. Лосев, В. Петелин.

В публикуемый текст внесены исправления: вместо Адраскин – Апраксин, вместо Ростопчин – РаSTOPчин, как в «Войне и мире» Л. Н. Толстого.

Над инсценировкой «Войны и мира» Булгаков начал работать сразу после окончания фантастической пьесы «Адам и Ева», заключив договор с Большим драматическим театром в Ленинграде. 30 августа 1931 года он писал Станиславскому: «Если только у Вас есть желание включить „Войну и мир“ в план работ Художественного театра, я был бы бесконечно рад предоставить ее Вам». Но в Театре все еще надеялись поставить «Бег» и «Кабалу святош», так что не торопились заключать договор.

На одном из автографов инсценировки Булгаков оставил запись: «работу над инсценировкой Войны и Мира я начал 24-го сентября 1921 года... Но потом, увы, я бросил эту работу и возобновил ее только сегодня, 22 декабря 1931 г.» (Цитирую по Собранию сочинений в пяти томах, М., 1990, т. 3, с. 606, автор комментариев – Я. Лурье.)

27 февраля 1932 года Булгаков отправил пьесу в Ленинград. Но ответ был отрицательный: пьесу не приняли к постановке.

Договор на инсценировку «Войны и мира» заключил и МХАТ 20 мая 1932 года Немирович-Данченко писал О. Бокшанской: «Из старой литературы мне приятней всего думать о „Войне и мире“. Булгаков обещал, кажется, дать синопсис». Но МХАТ инсценировку не поставил, занятый постановкой инсценировки «Мертвых душ».

24

Ежели вы позволите себе в моей гостиной... (фр.) В дальнейшем перевод с французского языка не оговаривается. Перевод иностранного текста взят из романа Л.Н. Толстого «Война и мир». (Собр. соч.: в 22 т. М., 1980–1981. Т. 4–7.)

25

я ничего не сделаю, не бойтесь.

26

Как честный человек.

27

По следам этого господина...

28

Милый.

29

Ей-богу, не знаю, куда я его дел.

30

Становится опасным говорить по-французски на улицах.

31

Которого я не имею чести знать.

32

Мой много уважаемый оппонент.

33

Да здравствует император!

34

Ну?

35

Платовский казак.

36

Очень умный и болтун.

37

Ежели сражение произойдет прежде трех дней, то французы выиграют его, но ежели после трех дней, то Бог знает, что случится.

38

Молодой казак заставил улыбнуться своего могущественного собеседника.

39

Да.

...дать ему свободу, как птице, которую возвращают ее родным полям!

41

Батюшка.

42

Черт возьми!

43

На это самодурство старого господина... (нем.)

44

Вы, стало быть, не думаете, как другие, что мы должны отступить?

45

Напротив, ваша светлость!

46

Им еще хочется?

47

Государь?

48

Еще хочется, ну и задайте им!

49

Почтение всей компании! Вы хозяин? Квартир, квартир. Не будем ссориться, дедушка.

50

Вы не ранены?

51

Кажется, нет, но на этот раз близко было. Кто этот человек?

52

Ах, я, право, в отчаянии от того, что случилось. Это несчастный сумасшедший, который не знал, что делал.

53

Разбойник, ты мне поплатишься за это. Вы спасли мне жизнь! Вы француз?

54

Русский.

55

Рассказывайте это другим! Вы француз. Вы хотите, чтоб я простил его. Я прощаю его. Увести этого человека.

56

Капитан, у них в кухне есть суп и жареная баранина. Прикажете принести?

57

Да, и вино. Вы француз. Приятно встретить соотечественника. Рамбаль, капитан.

58

О! Женщины, женщины!

59

Вишь ты...

60

Платоническая любовь, облака...

61

Император, император...

62

Дитя мое, я вас люблю и знаю давно.

63

Ребенка в этом доме. Не видали ли вы ребенка?

64

Ребенка? Я слышал... Сюда... сюда...

65

Оставьте эту женщину!

66

Ну, ну! Не дури!

67

Поручик, у него кинжал.

68

А... оружие! Хорошо, на суде все расскажешь. Говоришь ли по-французски? Позовите переводчика!

69

Он не похож на простолюдина.

70

О, о, он очень похож на поджигателя. Спросите его, кто он.

71

Я не скажу вам, кто я. Я ваш пленный. Уведите меня.

72

А, а, марш!

73

74

Она несет мою дочь, которую я спас из огня. Прощай!..

75

Кто вы такой?

76

Вы не могли меня знать, генерал, я никогда не видал вас.

77

Нет, ваше высочество, вы не могли меня знать. Я офицер милиции, и я не выезжал из Москвы.

78

Ваше имя?

79

Кто мне докажет, что вы не лжете?

80

Чем вы докажете справедливость ваших слов?

81

Вы не то, что вы говорите.

82

Стрелки 86-го, вперед!

83

Это их научит поджигать!

84

Хотите есть? Не бойтесь, вам ничего не сделают.

85

Благодарю.

86

Понимаешь ты?

87

Понимаешь ты, черт тебя дери! Ему все равно! Разбойник, право!

88

Казаки!

89

О молодцы! О мои добрые, добрые друзья! Вот люди! О мои добрые друзья!

90

Да здравствует Генрих Четвертый! Да здравствует сей храбрый король!

91

Имевший тройной талант пить, драться и быть любезником.

92

Пьеса «Полоумный Журден» впервые опубликована в книге: Булгаков М. Драмы и комедии. М., 1965, Затем в книге. Булгаков М. Пьесы. М, Советский писатель, 1986. Составители Л. Е. Белозерская, И. Ю. Ковалева.

Публикуется по расклейке этого издания.

В Собрании сочинений в пяти томах, М., 1990, т. 4, публикуется с исправлениями по второй машинописной редакции, с правкой автора и Е. С. Булгаковой (ОР РГБ, ф. 562, к. 12, ед хр. II).

Исследователям предстоит определить оптимальный вариант пьесы, соответствующий последней авторской воле.

Пьеса написана по заказу Государственного театра под руководством Ю. А. Завадского в сентябре – ноябре 1932 года.

Как и в «Багровом острове», Булгаков строит свою пьесу как репетицию будущего театрального действия. Выходят актеры под своими собственными именами, живут своей жизнью, пытаются быть самостоятельными и независимыми от театра, но вихри обязанностей вновь и вновь уносят их на сцену и заставляют жить жизнью своих героев.

Булгаков создает самостоятельную пьесу, используя комедии Мольера «Дон Жуан», «Брак поневоле», «Скупой», а репетируют актеры пьесу «Мещанин во дворянстве». Луи Бежар (1630–1678), Андре Юбер (1624–1700), Арманда Бежар (1642–1700), Шарль Лагранж (1635–1692), Катрин Дебри (1620–1706), Франсуа Латорильер (1626–1680), Жанна Боваль (1645–1720), Эдм Дебри (1607–1676), Филипп Дюкруази (1630–1695) – актеры труппы Мольера.

Шамбор – охотничий замок короля Людовика XIV. Здесь 14 октября 1670 года – премьера комедии Мольера «Мещанин во дворянстве».

93

11 июля 1932 года Булгаков подписал договор с издательством на книгу о Мольере в серии «Жизнь замечательных людей». В марте 1933 года Булгаков завершил работу над рукописью и сдал ее в издательство, через месяц получил отрицательный отзыв. Предлагалось переделать книгу коренным образом. Булгаков отказался переделывать, и рукопись была напечатана лишь в 1962 году в той же серии «Жизнь замечательных людей» в издательстве «Молодая гвардия», с большими сокращениями.

Впервые машинописный текст рукописи «Мольера» был опубликован в 1988 году во втором томе «Избранных произведений М. Булгакова» (Киев, «Днипро») как «более полный» и лишенный неавторских исправлений, хранящийся в ОР ГРБ, ф. 562, к. 4, ед. хр. I. Перепечатан в книге: Булгаков М. Кабала святош. М., Современник, 1991. Составители В. И. Лосев, В. В. Петелин. Подготовил текст романа – В. И. Лосев.

Публикуется по расклейке этого издания.

С увлечением работал Булгаков над биографией любимшегося французского писателя, ходил по букинистическим магазинам и покупал книги о Мольере, о его времени, о театре XVII века и вообще о театре, о Людовике XIV, работал в библиотеке, выписывая из французских книг необходимые ему сведения.

В Отделе рукописей РГБ хранится библиография, составленная М. А. Булгаковым, которая насчитывает на французском и на русском языках 47 названий. Е. С. Булгакова называла гораздо больше использованных книг. Библиография опубликована в томе 4 Собрания сочинений М. А. Булгакова, с. 660.

Л. Е. Белозерская, вспоминая этот эпизод своей жизни с Булгаковым, писала: «В свое время основатель серии Горький, прочитав рукопись Булгакова, сказал главному редактору Александру Николаевичу Тихонову (Сереброву):

– Что и говорить, конечно, талантливо. Но если мы будем печатать такие книги, нам, пожалуй, попадет...

Я тогда как раз работала в „ЖЗЛ“, и А. Н. Тихонов, неизменно дружески относившийся ко мне, тут же, по горячим следам, передал мне отзыв Горького.

В примечании к биографии Мольера профессор Г. Бояджиев упрекал Булгакова в том, что он уделяет внимание версии о предполагаемом отцовстве Мольера: будто бы Арманда Бежар, ставшая впоследствии его женой, была его собственной дочерью от Мадлены Бежар. „Враги великого писателя, – писал проф. Бояджиев, – обвиняли его в кровосмесительном браке. Новейшая научная мольеристика опровергла эту клевету“. (См. «Воспоминания», с. 181.)

Эта тема возникает неоднократно в произведениях Булгакова: и в «Кабале святош», и в романе «Жизнь господина де Мольера», уж очень психологически заманчиво как для развития действия, так и для обогащения внутреннего мира действующих лиц. Этот вопрос занимал не одно поколение ученых и писателей, писавших о Мольере.

Н. Жирмунская в комментариях к публикации романа в 4-м томе Собрания сочинений в пяти томах приводит такие факты: «В декабре 1663 года Расин упоминает в частном письме, что „Монфлери написал королю донос на Мольера, что он женится на дочери, а раньше жил с матерью“ Сын Расина Луи, издавая письма отца, заменил эту фразу на „женится на собственной дочери“. На основе таких искажений и домыслов обрела

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru прочную жизнь в биографической литературе версия о кровосмесительном браке Мольера... Никакой реакции на донос Монфлери со стороны короля не последовало» (с. 655).

И еще один важный вывод Н. Жирмунской приведу здесь: «Несколько позднее в научный обиход были введены вновь найденные архивные документы, которые использовал Гюстав Мишо в книгах „Юность Мольера“, „Дебюты Мольера“, сражения Мольера (1922–1925) Работы эти остались неизвестны Булгакову. Между тем Мишо сумел убедительно опровергнуть те версии и домыслы, касавшиеся женитьбы Мольера, которые в течение двух с лишним веков кочевали из воспоминаний современников (порой явно тенденциозных) в биографические труды ученых. После работ Мишо версия о том, что Арманда была не сестрой, а дочерью Мадлены Бежар, была отвергнута. Его аргументы подтверждены и дополнены в вышедшем в 1963 году собрании документов, касающихся Мольера, его семьи и ближайшего окружения...» (с. 634).

Казалось бы, вопрос ясен, но споры и сомнения продолжают. Л. Е. Белозерская, касаясь этой темы, писала: «Но вот передо мной газета „Юманите“ от 11 июня 1963 года, которую нельзя заподозрить во враждебном отношении к Мольеру. Читаю заголовок: „Нуждается ли Арманда Бежар в оправдании?“ В 1663 году в церкви Сен-Жермен Оксоруа состоялось бракосочетание Жана-Батиста Поклена, так называемого Мольера, с Армандой Бежар. Она была создательницей главных женских ролей в произведениях великого писателя. Роли эти, как утверждают, писались специально для нее и отражали многие черты ее характера: Элиза в „Критике жизни женщин“, Эльмира в „Тартюфе“, Селимена в „Мизантропе“, Элиза в „Скупом“.

Имя Арманды Бежар связано со многими загадками: была ли она сестрой или дочерью Мадлены Бежар, возлюбленной совладелицы театра Мольера. Или собственной дочерью Поклена? Сделала ли она несчастным Мольера или наоборот: пожилой, больной, ревнивый муж сделал ее жизнь невыносимой? Жан Берже и мадам Шёвалле постараются ответить на все эти вопросы в своем докладе, названном ими „Славные имена прошлого“...

М. А. Булгаков писал своего „Мольера“ в 1932–33 годах, а французы через тридцать лет публично еще обсуждают вопрос – не была ли Арманда Бежар дочерью прославленного драматурга. Вот и выходит, что точка зрения официальной мольеристики не обязательна даже и для самих французов» (Воспоминания, с. 180.)

В «Кабале святош» эта тема играет стержневую композиционную роль, обостряет конфликт между действующими лицами. Слухи были, доносы были, значит, драматург мог воспользоваться всеми этими данными для обогащения психологических переживаний своих персонажей. Тем более Кабала воспользовалась этими слухами для того, чтобы раздавить своего противника, создавшего «Тартюфа».

Другое дело – роман, тем более биографический, основанный на документах и свидетельствах современников. Здесь Булгаков не так уверен, высказывает осторожные предположения, сожалея, что в «жизни семейства Бежаров последовал некий таинственный провал.»

«Ах, много загадочных событий, видно, было в жизни Бежаров, так же, впрочем, как и в жизни моего героя!»

«Таинственность поведения Бежаров», их поездка на дачу под Парижем и многое другое кажется «странным» Булгакову, и он «дорого бы дал», чтобы знать точно, выехала ли вместе с родителями Мадлена и Женестьева: 1643 или 1645 год рождения Арманды?

В главе 18 под названием «Кто она?» Булгаков, приведя множество биографических фактов основных действующих лиц этой драмы, спрашивает: «Какое же заключение я могу дать по этому делу? Я должен сказать, что, по моему мнению, все попытки установить, кто был отцом Арманды, обречены на неудачу. Впрочем, может быть, кто-нибудь и сделает это или уже сделал. Я же отказываюсь вести следствие по делу о женитьбе Мольера, потому что чем глубже я проникал в дело, тем более каким-то колдовским образом передо мною суживался и темнел коридор прошлого, и тщетно я шарил в тайных углах с фонарем в руках. Ткань дела рвалась и рассыпалась в моих руках, я изнемог под бременем недостоверных актов, косвенных улик, предположений, сомнительных данных...»

94

Автор ошибается относительно этой даты. Первое представление комедии «Шалый» состоялось в Лионе в 1655 г.

95

Рукопись не сохранилась. В личном фонде М. А. Булгакова в РГБ, в фондах РГАЛИ и музея МХАТ хранится больше двух десятков машинописных копий, из которых публикаторы выбирают наиболее соответствующий авторской воле, с их точки зрения. Одни публикуют первый вариант полного текста пьесы «Кабала святош», по автографу, с датой в конце: 6 декабря 1929 года; другие публикуют второй полный текст пьесы «Кабала святош», по первой известной машинописи, перепечатанной после 6 декабря; третьи публикуют авторизованную машинопись, на обложке которой М. А. Булгаков написал: «В знак дружбы милой Елене Сергеевне! „Был королевский спектакль...“ Акт I. 1930 г. 14 мая. М. Булгаков».

Этот текст, считают публикаторы, «свободный от цензурных искажений и вынужденных поправок для театра», полностью соответствует последней авторской воле. А может быть, авторской воле соответствует и первая известная машинопись, перепечатанная после 6 декабря и опубликованная В. И. Лосевым в книге: «Неизвестный Булгаков», М., 1993.

Так что этот вопрос нельзя считать решенным: выбор и подготовка к публикации основной редакции пьесы, наиболее полно воплощающей последнюю волю автора, еще предстоят ученым и публикаторам.

Этот текст опубликован в книгах: Булгаков М. Собрание сочинений в пяти томах. Том третий. М., 1990; М. Булгаков. Пьесы 1930-х годов. Санкт-Петербург, 1994. Выбор и подготовка текста и в первом, и во втором случае принадлежат одному лицу – О. В. Рыковой.

Публикуется по ксерокопии пьесы в книге «Пьесы 1930-х годов», сверенной с машинописью, хранящейся в Российской государственной библиотеке, ф. 562, к. 12, ед. хр. 4.

О. В. Рыкова, изучившая основные и театральные редакции пьесы, утверждает, что опубликованный в 1962 году вариант «Кабалы святош» весьма уязвим в текстологическом отношении: «...в нем имеются два слоя купюр и искажений: 1) цензурные, репертмовские поправки (частично) и 2) исключения фрагментов текста, относящихся к теме „кровосмесительства“. В тексте пропущены или изменены важные детали: оставлено чтение „ненавижу королевскую тиранию“ вместо „бессудную тиранию“; финальная запись Лагранжа дается в следующем виде: „Причиной этого явилась немилость короля и черная Кабала“, вместо авторского текста: „Причиной этого явилась ли немилость короля или черная Кабала?.. (думает.) Причиной этого явилась судьба“. Имеется много мелких неточностей: перестановки слов, добавленные союзы, морфологические разночтения. Все они могли возникнуть при случайных перепечатках.

Таким образом, издававшийся текст „Кабалы святош“ представляет собой произвольный вариант основной редакции, не совпадающий целиком ни с авторским, ни с репертмовским вариантом...» (См.: Булгаков М. Пьесы 30-х годов. С-П, М., 1994, с. 554.)

Однако нет сомнений в том, что издававшийся текст готовила Е. С. Булгакова, благоговейно относившаяся к своим обязанностям хранителя булгаковского слова. Так что не будем спешить отказываться от изданного в 1962 году текста.

На первых же чтениях пьесы профессиональные слушатели упрекнули писателя, что пьеса «не затрагивает актуальных вопросов», хотя в ней действительно много интересного и прекрасного материала для театра и актеров. Булгаков, отвечая на этот упрек, сказал, что он не мог бы написать о классовой борьбе в XVII веке, не мог бы создать антирелигиозную пьесу или монументальную трагедию, что привлекло бы сразу все театры; он хотел написать пьесу о светлом, ярком таланте Мольера,

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
задавленного черной кабалой святош при абсолютном равнодушии королевской власти.
По другому случаю М. Булгаков уточнил свой творческий замысел: «Я писал
романтическую драму, а не историческую хронику. В романтической драме невозможна
и не нужна полная биографическая точность» («Горьковец», 15 февраля 1936 г.)

Но мало кто прислушался к словам М. А. Булгакова: в Реперткоме потребовали дать
пьесе новое название – «Мольер», а Театр, тоже не вникнув в творческий замысел
пьесы, начал репетировать именно «Мольера», разрушая постепенно великолепное
театральное здание, созданное автором.

При этом Театру приходилось все время помнить о вышестоящих инстанциях, которые
могут отменить свое разрешение и запретить репетиции пьесы, привлекая внимание
общественности. Уж не говоря об общественно-политической обстановке, которая с
каждым годом становилась все трагичнее.

Во всех исследованиях говорится о неблагоприятной роли Главреперткома в судьбе
«Кабалы святош». Но вот О. В. Рыкова сравнила две редакции и выявила все
замечания реперткомовских сотрудников. Приведем их полностью, настолько они
любопытны и характерны. Подчеркнутые слова и фразы Репертком предлагал
вычеркнуть или заменить на другие: «дано новое название – „Мольер“».

Из числа действующих лиц убрана монашка.

1 действие.

В ремарке после сцены с Лагранжем: „Берет фонарь и уходит, как темный рыцарь“,

2 действие.

Сцена после ухода Людовика с Мольером: „исчезают все придворные“ – исправлено на
„уходят“.

В ремарке перед сценой Арманды и Муаррона: „Муаррон кончил пьесу“ исправлено на
„играть“.

Сцена Муаррона и Арманды: „Муаррон (поднимает край ее платья, целует ногу).
Арманда“. Далее, ремарка в тексте Муаррона „Целует другое колено“.

В ремарке перед сценой Кабалы: «В нише мерцает святая чаша»; далее «библия»
исправлено на «книга».

3 действие.

Начало сцены в соборе: «Необъятный собор полон ладаном, туманом и тьмой. Бродят
огоньки». Далее: «...и послышался хриплый шепот: „Вы видели „Тартюфа“?.. Вы видели
„Тартюфа“?..“ и пропал».

Ремарка: «Орган зазвучал в высоте». «Шаррон (превращаясь в дьявола). И увидишь
костры, а меж ними...», а «меж» исправлено на «между».

«В высоте со свечами прошла процессия, и спели детские голоса. Потом все
исчезло».

«Шаррон (глухо). Я здесь... Я здесь... я здесь».

Ремарка: «Орган запел мощно».

«Шаррон (плача счастливыми слезами). Лети, лети».

Сцена Шаррона с Армандой: «Шаррон (возникает страшен, в рогатой митре, крестит
обратным дьявольским крестом Арманду несколько раз быстро). Орган загудел
мощно».

Следующая ремарка: «Орган гудит успокоительно. Лагранж (возвращается в
полумраке, как темный рыцарь)».

4 действие

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Ремарка: «Свечи в канделябрах, таинственные тени на стенах. <...>

Лагранж в темном плаще, ходит взад и вперед и не то поет, не то что-то напевает. За ним по стене ходит темная рыцарская тень».

Сцена возвращения Муаррона. «Мольер. Ах, сердце человеческое! Ах, куманек мой, ах король!»

Сцена Мольера с Бутоном «Ненавижу бессудную тиранию» – «бессудную» заменено на «королевскую».

Сцена смерти Мольера: «В ответ на удар литавр в уборной Мольера вырастает страшная Монашка».

«Монашка /гнусаво/. Где его костюмы? /Быстро собирает все костюмы Мольера и исчезает с ними/» – вначале было исправлено «вырастает» на «появляется», «исчезает» на «уходит», затем весь этот текст был зачеркнут.

Сцена уноса тела Мольера, ремарка: «...бросаются к Мольеру, окружают его страшной толпой, и он исчезает». «Он исчезает» заменено на «уносят».

Ремарка после последних слов Риваль: «...Последняя свеча гаснет, и сцена погружается во тьму. Все исчезает».

Конец пьесы, заключительные слова Лагранжа: «Что же явилось причиной этого? что? Как записать? Причиной этого явилась ли немилость короля или черная Кабала?.. (Думает.) Причиной этого явилась судьба. Так я и запишу. (Пишет и угасает во тьме)». После исправлений текст читается так: «Как записать?.. Причиной этого явилась немилость короля и черная Кабала!.. Так и запишу. (Пишет и угасает во тьме)».

(См: Булгаков М. Пьесы 30-х годов. С-П., 1994, с. 564–565)

Чаще всего разночтения возникают в тех эпизодах пьесы, когда автор касается темы «кровосмесительства». Биографы Мольера по-разному трактуют этот эпизод в жизни знаменитого драматурга, чаша весов склоняется то в одну сторону, то в другую, но веских доказательств нет ни у одной, ни у другой стороны. Отсюда и колебания самого Булгакова.

«Многоуважаемый Алексей Максимович! При этом письме посылаю Вам экземпляр моей пьесы „Мольер“ с теми поправками, которые мною сделаны по предложению Главного Репертуарного Комитета. В частности, предложено заменить название „Кабала святош“ другим. Уважающий Вас М. Булгаков», – писал М. А. Булгаков 30 сентября 1931 года.

Этот экземпляр тоже может быть отнесен к основным редакциям, 3 октября 1931 года пьеса наконец-то получила разрешительную визу Главреперткома. На обложке этого текста есть посвящение: «Жене моей Любви Евгеньевне Булгаковой посвящается». Ручкой Любви Евгеньевны написан и эпиграф на французском языке

К основным редакциям и должен быть отнесен текст, опубликованный в 1962-м, 1965-м, 1986-м и др.

96

Для его славы ничего не нужно. Он нужен для нашей славы. (франц., пер. авт.)

97

Laudamus tibi, Domine, Rex aeternae gloriae... – начало молитвы: «Слава тебе, Господи, Царь вечной славы...» (лат.)

Хорошо, хорошо, хорошо... новый доктор, посвящен! (лат.)

99

Автограф хранится в ОР РГБ, ф. 562, к. 6, ед. хр. 5–8.

Впервые опубликовано в книге: Булгаков М. Великий канцлер. М., Новости, 1992
Публикация В. И. Лосева.

Публикуется по расклейке этой книги, сверенной с автографом, хранящимся в ОР РГБ. В свертке принимал участие В. И. Лосев.

Между страницами 220–300 вырвано минимум две главы, несколько глав под корешок (см. к. 6, ед. хр. 6).

Есть названия глав, но ни одной строчкой автор не раскрыл их содержание. Так что не было необходимости включать их в публикацию.

Творческая история романа тщательно изучается исследователями и биографами М. А. Булгакова. Многие стали известны за последнее время.

Ценные свидетельства о первых редакциях романа оставила Л. Е. Белозерская. «Здесь же, на Большой Пироговской, был написан „Консультант с копытом“ (первый вариант в 1928 году), легший в основу романа „Мастер и Маргарита“. Насколько помню, вещь была стройней, подобранней: в ней меньше было „чертовщины“, хотя события в Москве распорядился все тот же Воланд с верным своим спутником волшебным котом. Начал Воланд также с Патриарших Прудов, где не Аннушка, а Пелагеюшка пролила на трамвайные рельсы роковое постное масло. Сцена казни Иешуа была также прекрасно-отточено написана, как и в дальнейших вариантах романа.

Из бытовых сцен очень запомнился аукцион в бывшей церкви.

Аукцион ведет бывший диакон, который продает шубу бывшего царя...

Несколько строк в „Мастере“ пронзили меня навсегда в самое сердце. „Боги, боги мои! Как грустна вечерняя земля! Как таинственны туманы над болотами. Кто блуждал в этих туманах, кто много страдал перед смертью, кто летел над этой землей, неся на себе непосильный груз, тот это знает. Это знает уставший. И без сожаления покидает туманы земли, ее болотца и реки, он отдается с легким сердцем в руки смерти, что только она одна успокоит его“.

Строки эти – скорбный вздох – всегда со мной. Они и сейчас трогают меня до слез.

В описании архива Михаила Булгакова (выпуск 37 „Записки отдела рукописей“, Ленинская библиотека) подробно рассматриваются все варианты романа „Мастер и Маргарита“, т. е. история его написания, однако отмечается: „Нам ничего не известно о зарождении замысла второго романа“.

Вот что по этому поводу могу рассказать я. Когда мы познакомились с Н. Н. Ляминам и его женой художницей Н. А. Ушаковой, она подарила М. А. книжку, в которой делала обложку, фронтисписную иллюстрацию „Черную карету“ и концовку. Это „Венедиктов, или Достопамятные события жизни моей“. Романтическая повесть, написанная ботаником Х., иллюстрированная фитопатологом У. Москва, V год Республики. Автор, нигде не открывшийся, – профессор Александр Васильевич Чайнов.

Н. Ушакова, иллюстрируя книгу, была поражена, что герой, от имени которого ведется рассказ, носит фамилию Булгаков. Не меньше был поражен этим совпадением и Михаил Афанасьевич.

Все повествование связано с пребыванием Сатаны в Москве, с борьбой Булгакова за душу любимой женщины, попавшей в подчинение к Дьяволу. Повесть Чайнова сложна: она изобилует необыкновенными происшествиями. Рассказчик, Булгаков, внезапно ощущает гнет, необычайный над своей душой „казалось... чья-то тяжелая рука

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru опустила на мой мозг, раздробляя костные покровы черепа..." Так почувствовал повествователь присутствие Дьявола.

Сатана в Москве. Происходит встреча его с Булгаковым в театре Медокса...

На сцене прелестная артистка, неотступно всматривающаяся в темноту зрительного зала „с выражением покорности и страдания душевного“. Булгакова поражает эта женщина: она становится его мечтой и смыслом жизни.

Перед кем же трепещет артистка?

...„Это был он!.. Он роста скорее высокого, чем низкого, в сером, немного старомодном сюртуке, с седеющими волосами и потухшим взором, все еще устремленным на сцену... Кругом него не было языков пламени, не пахло серой, все было в нем обыденно и обычно, но эта дьявольская обыденность была насыщена значительным и властвующим...“

По ночной Москве преследует герой повести зловещую черную карету, уносящую Настеньку (так зовут героиню) в неведомую даль. Любуется попутно спящим городом и особенно „уносящейся ввысь громадой Пашкова дома“.

Судьба сталкивает Булгакова с Венедиктовым, и тот рассказывает о своей дьявольской способности безраздельно овладевать человеческими душами.

„Беспредельна власть моя, Булгаков, – говорит он, – и беспредельна тоска моя, чем больше власти, тем больше тоски...“ Он повествует о своей бурной жизни, о черной мессе, оргиях, преступлениях и неожиданно (говорит): „Ничего ты не понимаешь, Булгаков!“ – резко остановился передо мной мой страшный собеседник. „Знаешь ли ты, что лежит вот в этой железной шкатулке? Твоя душа в ней, Булгаков!“ Но душу свою у Венедиктова Булгаков отыгрывает в карты.

После многих бурных событий и смерти Венедиктова душа Настеньки обретает свободу и любившие друг друга Настенька и Булгаков соединяют свои жизни.

С полной уверенностью я говорю, что небольшая повесть эта послужила зарождением замысла, творческим толчком для написания романа „Мастер и Маргарита“».

Л. Е. Белозерская, сравнивая речевой строй повести Чайнова и первую редакцию «Мастера и Маргариты», приходит к выводу: «Не только одинаков речевой строй, но и содержание вступления: то же опасение, что не справиться автору, непрофессиональному писателю, с описанием „достопамятностей“ своей жизни».

И еще одно важное свидетельство о первой редакции романа: «Хочется высказать несколько соображений по поводу прототипа феси, героя первого варианта одиннадцатой главы романа „Мастер и Маргарита“.»

Автор обзора довольно смело указывает на старого знакомого (еще с юных лет) Н. Н. Лямина – на Бориса Исааковича Ярхо как прототипа феси. Мне кажется это совершенно не выдерживающим критики. Начать с того, что М. А. никогда Ярхо не интересовался, никогда никаких литературных бесед – и никаких других – персонально с Ярхо не вел. Интересы и вкусы их никогда не встречались и не пересекались. Кроме того, они встречались очень редко, т. к. Ярхо не посещал всех чтений М. А. Булгакова у Ляминах, а у нас он не бывал так же, как и М. А. не бывал у Ярхо. К этому разговору я привлекла Наталью Абрамовну Ушакову. Она совершенно согласилась со мной, напомнив, что Ярхо выглядел комично-шарообразно и говорил с каким-то смешным особым придыханием. Эрудиции во многих областях, включая знание чуть ли не 20 языков, никто у него не отнимает, но к фесе он никакого отношения не имеет. Я уже объясняла выше, как попало имя феси к М. А. Булгакову. (См.: Воспоминания, с. 181–184)

Известно, что М. А. Булгаков сжег рукопись почти написанного романа, остатки от первых двух редакций были опубликованы в томе пятом настоящего Собрания сочинений.

Но мысли о романе не оставляли М. А. Булгакова. И после того, как он написал «Кабалу святош», «Мертвые души» и инсценировал «Войну и мир», он снова задумался о подлинном творчестве.

Собрание сочинений. Том 6. Кабала святош. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Вновь вернулся к роману в Ленинграде, просто достал клеенчатую общую тетрадь и написал на титульном листе: «М. Булгаков. Роман. 1932». На первой странице: «1932. Фантастический роман. Великий канцлер. Сатана. Вот и я. Шляпа с пером. Черный богослов. Подкова иностранца».

Исследователи утверждают, что за несколько дней пребывания в Ленинграде Булгаков написал и продиктовал Елене Сергеевне, ставшей в это время его женой, семь первых глав. Вернувшись в Москву, он занялся текущими делами в Театре, времени на роман не оказалось.

Летом 1933 года Михаил Афанасьевич продолжает работу над романом. Вновь его мучают названия, ни на одном из них он никак не может остановиться. Так на 55-й странице он записывает: «Заглавия. Он явился. Пришествие Черный маг. Копыто консультанта». По ходу текста набрасывает основные мысли, которые предполагает развить в романе: «Встреча поэта с Воландом. Маргарита и Фауст. Черная месса. Ты не поднимаешься до высот. Не будешь слушать мессы. Не будешь слушать романтические... Маргарита и козел. Вишни. Река. Мечтание. Стихи. История с губной помадой...»

В ночь на 1-е сентября 1933 года начал писать главу «Замок чудес». За эти дни написал несколько глав, на этот раз Булгаков оставлял пометки: 8.XI.33, 9.XI.33, 11.XI.33, 12/XI.33, вечер 12/XI.33...

Иной раз за день – всего лишь несколько строчек, а в июле 1934 года, в Ленинграде, – десятки страниц, снова месячный перерыв... Так, урывками, Булгаков работал до конца ноября 1934 года, когда завершил третью редакцию романа.

Елена Сергеевна вела дневниковые записи, несколько интересных есть и о романе:

28 сентября 1933 года. «Уговоры Канторовича дать фильм „Бубкин“... Пишите!

Но М. А. занят романом, да и не верит в действительность затеи».

«5 октября...вечером мы были у Поповых – М. А. читал отрывки из романа. Вернулись на случайно встретившемся грузовике».

«12 октября. Утром звонок Оли: арестованы Николай Эрдман и Масс. Говорит, за какие-то сатирические басни. Миша нахмурился.

Днем – актер Волошин, принес на просмотр две свои пьесы.

Играли в блошки – последнее увлечение.

Ночью М. А. сжег часть своего романа».

«8 ноября. М. А. почти целый день проспал – было много бессонных ночей. Потом работал над романом (полет Маргариты). Жалуется на головную боль».

23 января 1934 года. «Ну и ночь была. М. А. нездоровилось. Он, лежа, диктовал мне главу из романа – пожар в Берлиозовой квартире. Диктовка закончилась во втором часу ночи. Я пошла в кухню – насчет ужина, Маша стирала. Была злая и очень рванула таз с керосинки, та полетела со стола, в угол, где стоял бидон и четверть с керосином – не закрытые – вспыхнул огонь. Я закричала: „Миша!“ Он, как был, в одной рубахе, босой, примчался и застал уже кухню в огне. Эта идиотка Маша не хотела выходить из кухни, так как у нее в подушке были зашиты деньги...

Я разбудила Сережку, одела его и вывела во двор, вернее – выставила окно и выпрыгнула, и взяла его. Потом вернулась домой. М. А., стоя по щиколотки в воде, с обожженными руками и волосами, бросал на огонь все, что мог одеяла, подушки и все выстиранное белье. В конце концов он остановил пожар. Но был момент, когда и у него поколебалась уверенность и он крикнул мне: „Вызывай пожарных!“»

В сентябре – октябре 1934 года Булгаков работал над окончанием романа, написал две последние главы: «Ночь» (глава предпоследняя) и «Последний путь», но так и недописал главу, поняв к этому времени, что роман нуждается в решительной переработке, особенно образы Маргариты и ее любовника, поэта.

«...– Да, что будет со мною, мессир?»

... – Велено унести вас...»

На этой фразе обрывается рукопись третьей редакции романа о дьяволе, еще не получившего окончательного названия и почему-то изданного под названием «Великий канцлер», написанного в 1932–1934 гг. Этот текст – третья редакция романа «Мастер и Маргарита».

100 Белое бордосское вино добываемое в местечке Барзак (Barsac). (Источник: «Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней». Михельсон А.Д., 1865) (Примечание сканировщика.)

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://bulgakovmikhail.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!